This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10

Harvard College
Library

By Exchange

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ДОНЪ-ЖУАНЪ. Байрона. Посвященіе. Пер. **П. А. Козлова** . 1

II. ПАНЪ ТАДЕУШЪ. Поэма Мицкевича. Книга I. Хозяйство. Пер. **Л. М. Пальмина** 6

III. О ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ УСЛОВІЯХЪ РАЗСЕЛЕНІЯ РУССКАГО НАРОДА. **М. И. Венюкова.** 32

IV. МІРСКАЯ ДУША. Очерки народнаго быта. I. **Свѣтилина** . . 71

V. ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ИЛИ ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Часть I. Главы I—III. **М. П. Забѣлло** 89

VI. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. I—X. **В. И. Немировича-Данченко** . . 166

VII. НАШИ ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. I. **В.** . . . 227

VIII. ПРОМЫШЛЕННЫЯ АРТЕЛИ ВЪ РОССІИ. Глава I. **А. А. Исаева** 253

IX. ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ О РУССКОЙ НАРОДНОЙ АРТЕЛИ. **Г. П. Сазонова**. 278

X. ЗНАЧЕНІЕ СЕКТАНТСТВА ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. I—III. **А. С. Пругавина** 301

XI. ПѢГУШИ. **П. А. Ровинскаго** 364

XII. КАМЕНКА. Эпизодъ изъ временъ Александра I. **Г. П. Данилевскаго**. 391

XIII. КОМЕТА. Стих. изъ Аккермана, пер. **Л. И. Пальмина.**

XIV. БИБЛІОГРАФІЯ.

Le conflit entre la Russie et la Chine. Ses origines, son développement et sa portée universelle. Etude politique par M. T. Martens, professeur à l'université impériale de Saint-Pétersbourg, membre de l'institut de droit international. Bruxelles. 1880. **В. Даневскаго** 1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дрезэмейеръ.

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушнеревой.

~~P Slav 605.10~~
~~Slav 3011~~ P Slav 605.10

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

DUPLICATE.

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ДОНЪ-ЖУАНЪ. Байрона. Посвященіе. Пер. **П. А. Козлова** . 1

II. ПАНЪ ТАДЕУШЪ. Поэма Мицкевича. Книга I. Хозяйство. Пер. **Л. И. Пальмина** 6

III. О ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ УСЛОВІЯХЪ РАЗСЕЛЕНІЯ РУССКАГО НАРОДА. **М. И. Венюкова**. 32

IV. МІРСКАЯ ДУША. Очерки народнаго быта. I. **Свѣтилина** . . 71

V. ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ИЛИ ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Часть I. Главы I—III. **М. П. Забѣлло** 89

VI. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. I—X. **В. И. Немировича-Данченко**. . . 166

VII. НАШИ ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. I. **В.** . . . 227

VIII. ПРОМЫШЛЕННЫЯ АРТЕЛИ ВЪ РОССІИ. Глава I. **А. А. Исаева** 253

IX. ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ О РУССКОЙ НАРОДНОЙ АРТЕЛИ. **Г. П. Сазонова**. 278

X. ЗНАЧЕНІЕ СЕКТАНТСТВА ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. I—III. **А. С. Пругавина** 301

XI. НѢГУШИ. **П. А. Ровинскаго** 364

XII. КАМЕНКА. Эпизодъ изъ временъ Александра I. **Г. П. Данилевскаго**. 391

XIII. КОМЕТА. Стих. изъ Аккермана, пер. **Л. И. Пальмина.**

XIV. БИБЛІОГРАФІЯ.

Le conflit entre la Russie et la Chine. Ses origines, son développement et sa portée universelle. Etude politique par M. T. Martens, professeur à l'université impériale de Saint-Pétersbourg, membre de l'institut de droit international. Bruxelles. 1880. **В. Даневскаго** 1

А. П. Суворинъ. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, съ предисловіемъ кн. А. И. Васильчикова. С.-Петербургъ, 1880 г. А. 13

По поводу новаго сочиненія о Наполеонѣ I. Th. Jung.—Bonaparte et son temps.—Paris. 1880. Н. Карѣева. 14

И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1880. VIII+450+76. Н. Карѣева. 19

Фарреръ. Первобытные нравы и обычаи (*Farrer*, James A., Primitive manners and. customs, London 1 vol. 1879. Chatto and Windus). А. Н. Стоянова. 24

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. Г. 30

XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. a) Болгарія. Влад—ова. . . 48

b) Внутреннія политическія отношенія государствъ Европы . 71

XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, статья по земскому отдѣлу, предназначавшаяся для этого номера, не могла быть въ немъ помѣщена. Признавая за земскими дѣлами и вытекающими изъ нихъ вопросами особенную важность, редакція приметъ мѣры, чтобы, какъ въ прошломъ году, земскій отдѣлъ журнала велся безъ перерыва.

Ред.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

Донъ-Жуанъ. *)

(Байрона).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

1.

Бобъ Со́ути, ты поэтъ, вѣнкомъ лавровымъ
Увѣнчанный и межъ поэтовъ тузъ,
Хоть измѣнилъ и дѣломъ ты и словомъ
Своимъ друзьямъ, ставъ торіемъ. Дивлюсь,
Съ какимъ искусствомъ ты съ порядкомъ новымъ
Миришься. Заключилъ-ли ты союзъ
Съ Лекистами [1]) при мѣстѣ иль безъ мѣста,
«Гнѣздомъ дроздовъ, что запеченныхъ въ тѣсто,

2.

«Предъ королемъ поставили? Пирогъ
«Разрѣзали, и птицы всѣ запѣли.» [2])
Какъ этой старой пѣсни смыслъ глубокъ!...
Когда льстецы успѣха не имѣли?
Запѣлъ и Кольриджъ съ ними, но не могъ
Намъ разъяснить своей завѣтной цѣли:
Его такъ объясненіе темно,
Что безъ ключа не мыслимо оно.

3.

Ты, Бобъ, смѣлѣй! Напрасныя усилья
Не хочешь дѣлать ты, чтобъ пѣть одинъ
Въ завидномъ пирогѣ. Обрѣзать крылья
Другимъ дроздамъ, конечно, нѣтъ причинъ,—

*) Половина первой пѣсни „Донъ-Жуана“, предполагавшаяся для январской книжки „Русской Мысли“, не могла быть напечатана по винѣ переводчика, доставившаго намъ лишь одно посвященіе, и поэтому отлагается до февраля.

[1]) Кружокъ поэтовъ, группировавшійся вокругъ министра Кэстельри.

[2]) Слова англійской народной пѣсни.

И вотъ, желая скрыть свое безсилье,
Ты до такихъ возносишься вершинъ,
Что падаешь стремглавъ съ отвѣсной кручи,
Блеснувъ мгновенье рыбкою летучей.

4.

Вордсвортъ огромный томъ, страницъ въ пятьсотъ,
Недавно издалъ, съ новою системой,
Что мудреца и то съ ума сведетъ.
Хоть назвалъ онъ свой жалкій трудъ поэмой,
Поэзіи никто въ немъ не найдетъ;
Понять его не легкая проблема;
Тотъ можетъ, для кого понятенъ онъ,
Докончить столпъ, что строилъ Вавилонъ.

5.

Вниманія на свѣтъ не обращая,
Вы, въ Кексвикѣ, составили кружокъ,
Гдѣ, лишь себя съ любовью восхваляя,
Рѣшили, что лавровый свой вѣнокъ
Для васъ однихъ поэзія святая
Готовитъ. Какъ отъ истины далекъ
Подобный взглядъ! Вамъ не найти оплота:
За океанъ вы приняли болото!

6.

Стремленья ваши жалки и смѣшны....
Ихъ участь—возбуждать одно злорадство!
Пускай мѣста вамъ теплыя даны,
И вамъ достались слава и богатство,
Въ продажныхъ мнѣньяхъ все-же нѣтъ цѣны,
Позорнымъ я считаю ваше братство,—
Вамъ чужды убѣжденія и честь,
Но все-же въ васъ таланта искры есть.

7.

Вы скрыли подъ лавровыми вѣнками
И наглость вашихъ лбовъ и тайный стыдъ;
Я зависти къ вамъ не питаю; съ вами

Тотъ не пойдетъ, кто честь и совѣсть чтитъ.
Вы гонитесь за славой и хвалами,
Но славы храмъ и для другихъ открытъ.
Скоттъ, Роджерсъ, Кэмбель, Муръ и Краббъ велики:
Не заглушатъ ихъ голосъ ваши крики.

8.

Я не могу нестись за вами въ слѣдъ:—
Я пѣшъ, а вашъ Пегасъ имѣетъ крылья;
Желаю вамъ успѣховъ и побѣдъ,
Пусть ваши увѣнчаются усилья,
Но знайте: срама нѣтъ, когда поэтъ
Другихъ заслуги хвалитъ. Знакъ безсилья—
Встрѣчать все современное хулой;
Къ безсмертію приводитъ путь иной.

9.

Какъ ни старайтесь вы,—все нѣтъ причины,
Чтобъ вамъ вѣнецъ безсмертія былъ данъ;
Предъ славою вы тщетно гнете спины;
Потомства не введете вы въ обманъ.
Случается, что изъ морской пучины
Великій мужъ всплываетъ, какъ Титанъ,
Но большинство безслѣдно изчезаетъ;
Куда? одинъ лишь Богъ про это знаетъ.

10.

Когда, сраженный гнусной клеветой,
Къ суду потомства Мильтонъ обратился,
Его признанъ великимъ судъ людской,
И предъ его величьемъ міръ склонился,
Но Мильтонъ не умѣлъ кривить душой
И съ ложью полноправной не мирился:
Чтобъ сыну льстить, онъ не клеймилъ отца
И былъ врагомъ тирановъ до конца.

11.

Когда-бъ старикъ слѣпой, суля тиранамъ
Погибель и позоръ, воспрянуть могъ,

Какъ Самуилъ, карающимъ Титаномъ;
Будь онъ какъ прежде бѣденъ и убогъ,—
Все не упалъ-бы ницъ передъ султаномъ,
Карая зло, преслѣдуя порокъ;
И предъ скопцомъ духовнымъ, чуждымъ чести,
Не сталъ-бы расточать позорной лести!

12.

О, Кэстельри! предатель и злодѣй,
Ты обагрилъ кровавыми ручьями
Ирландію и родины своей
Сталъ палачемъ. Преступными дѣлами
Ты тиранiи служишь и людей
Держать ты хочешь, связанныхъ цѣпями,
Но кандалы не скованы тобой;—
Ты сыплешь ядъ, но это ядъ чужой.

13.

Ты власти рабъ и злѣйшiй бичъ свободы;
Льстецы и тѣ твоихъ пустыхъ рѣчей
Хвалить не въ состоянiи. Всѣ народы
Твои враги. Насмѣшкою своей
Они язвятъ тебя. Трудяся годы,
Ты не достигъ почтенья у людей.
Съ тобою Иксiона жёрновъ сходенъ:
Твой вѣчный трудъ безцѣленъ и безплоденъ.

14.

Конгрессы ты сзываешь, чтобъ кумиръ
Воздвигнуть рабству! Нравственный калѣка,
Лишь палачамъ устраиваешь пиръ;
Преслѣдуя и мысли человѣка,
Ты былъ-бы радъ поработить весь міръ
И чинишь кандалы иного вѣка.
Гнетутъ тебя, поборника цѣпей,
И Божiй гнѣвъ, и ненависть людей.

15.

Ты—жалкiй рабъ и хочешь, чтобъ рабами
Другiе стали. Доблесть, умъ и честь

Невѣдомы тебѣ. Передъ царями
Ты, какъ Евтропій [3]), расточаешь лесть,
Руководимый алчными мечтами.
Ты, правда, смѣлъ, но развѣ въ льдинѣ есть
Хоть легкій слѣдъ душевнаго волненья?
Въ тебѣ и храбрость—зло и преступленье.

16.

Куда бѣжать? Кругомъ царитъ обманъ.
Когда отъ тиранiи насъ избавятъ?
Италiи былъ мигъ свободы данъ,
Но и ее теперь оковы давятъ;
Пусть цѣпь ея и кровь ирландскихъ ранъ
Сильнѣе словъ преступника безславятъ.—
Оковы рабства тяжко давятъ свѣтъ,
И что же? Соути жалкій ихъ поэтъ.

17.

Тебѣ, продажный бардъ, свое творенье
Я посвящаю. Честь—мой идеалъ;
Мнѣ святы дней минувшихъ убѣжденья;
Я ихъ любилъ и имъ не измѣнялъ;
Такая твердость—рѣдкое явленье,
Когда поэтъ и тотъ продажнымъ сталъ;
Не такъ-ли Юлiанъ Отступникъ новый,
Что тори сталъ, чтобъ воспѣвать оковы.

П. Козловъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

[3]) Евтропій—евнухъ и министръ царя Аркадiя (Гиббонъ).

ПАНЪ ТАДЕУШЪ *)

(Поэма Мицкевича).

Книга I.

ХОЗЯЙСТВО.

Возвращеніе Тадеуша.—Первая встрѣча въ комнатахъ, другая за столомъ.—Поученіе судьи о приличіи.—Политическія замѣчанія подкоморія о модахъ.—Начало спора о Куцомъ и Соколѣ.—Сѣтованіе войскаго.—Послѣдній подвойскій.—Взглядъ на современное политическое положеніе Литвы и Европы.

Литва, моя отчизна! ты, какъ здоровье наше:
Когда тебя утратимъ, ты намъ милѣй и краше.
Теперь, съ тобой разставшись, о родина моя,
Тебя съ тоской сердечной пою и вижу я.
Небесная царица! Ты дивно въ Острой Брамѣ
Сіяешь горней славой! Ты въ ченстоховскомъ храмѣ
И въ замкѣ новогрудскомъ хранишь своихъ дѣтей!
Меня Ты изцѣлила на утрѣ юныхъ дней,
Когда меня родная, утративъ всѣ надежды,
Повергла передъ тобою, и я, больныя вѣжды
Поднявъ на ликъ пречистый, возстать нежданно могъ,
И съ жаркою мольбою припасть на Твой порогъ:
Такъ чудомъ возвратишь Ты меня къ отчизнѣ милой!...
Теперь же дай умчаться душѣ моей унылой
Туда, къ холмамъ зеленымъ, въ раздолье тѣхъ лѣсовъ,
Гдѣ плещетъ синій Нѣманъ межъ бархатныхъ луговъ,
Широко разливаясь, къ тѣмъ нивамъ колосистымъ

*) „Панъ Тадеушъ“ въ первый разъ появляется на русскомъ языкѣ въ полномъ видѣ, безъ пропусковъ. Единственный до сего времени русскій переводъ Берга представляетъ лишь извлеченія съ большими пропусками.

Прим. Ред.

Съ пшеницей золотою, да съ житомъ серебристымъ,
Гдѣ съ бѣлоснѣжной гречей пестрѣетъ межъ полянъ
Дѣвическимъ румянцемъ пылающій тимьянъ,
А все, какъ будто лентой, обрамлено межою
И рядомъ грушъ тѣнистыхъ съ зеленою листвою.
Среди такой картины, на горкѣ, надъ ручьемъ,
Въ тѣни березъ виднѣлся шляхетскій старый домъ.
Фундаментъ былъ изъ камня, домъ деревянный, скромный
Свѣтился изъ далека на фонѣ чащи темной
Бѣлѣвшими стѣнами, и тополей покровъ
Ему служилъ защитой отъ вьюги и снѣговъ.
Домъ не великъ, но взоры прельщаетъ чистотою;
При немъ сарай обширный; навалены горою
Скирды, но ихъ подъ кровлей и не вмѣстить ему.
Вокругъ обилье хлѣба замѣтно по всему:
Тутъ разметались копны и въ ширь, и въ даль безъ счета,
А тамъ несмѣтныхъ плуговъ уже идетъ работа,
Гдѣ нынче былъ подъ паромъ богатый черноземъ,
Принадлежащій дому, распаханный кругомъ,
Какъ будто въ огородѣ, рядами ровныхъ грядокъ.
Ну, словомъ, всюду видны довольство и порядокъ.
Ворота на распашку прохожаго зовутъ,
Суля гостепріимство и ласку, и пріютъ.
Вотъ въ бричкѣ юный панычъ, самъ правящій конями,
Къ крыльцу чрезъ дворъ проѣхалъ, сошелъ передъ сѣнями,
Траву щипать на волѣ оставивъ лошадей.
Онъ никого въ воротахъ не встрѣтилъ изъ людей.
Задвинута засовомъ, снаружи дверь сѣнная
Была приперта коломъ; людей не призывая,
Онъ самъ задвижку отперъ поспѣшно, и ему
Хотѣлось быть скорѣе въ родномъ своемъ дому.
Онъ долго не былъ въ мѣстѣ и дѣтства, и рожденья,
И въ городѣ далекомъ провелъ года ученья.
Вбѣгаетъ, жаднымъ взоромъ вдоль старыхъ стѣнъ скользитъ,
Вкругъ о давно минувшемъ все сердцу говоритъ:
И мебель, и обои,—все прежнее осталось,
Все, что онъ помнилъ въ дѣтствѣ, и только показалось,
Что меньше и бѣднѣе все стало; по стѣнамъ
Вокругъ портреты тѣ же висѣли здѣсь и тамъ:
Тутъ въ краковской чамаркѣ Косцюшко былъ; очами,

Онъ обратился къ небу; обѣими руками
Держалъ онъ мечъ, какъ будто давая клятву въ томъ,
Что трехъ царей изъ Польши изгонитъ тѣмъ мечомъ,
Иль самъ падетъ. Вонъ дальше, въ одеждѣ польской, рядомъ,
Рейтанъ о прежней волѣ груститъ, и, съ мрачнымъ взгля-
домъ,
Ножъ направляетъ къ сердцу въ отчаяніи онъ.
Предъ нимъ и «Жизнь Катона» раскрыта, и «Федонъ».
Вотъ юноша Ясиньскій, прекрасный и унылый,
Стоитъ съ нимъ рядомъ Корсакъ, его товарищъ милый,
На укрѣпленьяхъ Праги и рубятся съ врагомъ,
А Прага ужъ пылаетъ, и москали кругомъ.
Вотъ шкапикъ деревянный со старыми часами
У входа въ альковъ; полонъ минувшими годами,
Онъ, какъ ребенокъ, дернулъ за шнуръ, чтобъ услыхать
Старинную мазурку Домбровскаго опять.
Вотъ въ дѣтскую пріѣзжій вбѣгаетъ съ нетерпѣньемъ,
Гдѣ жилъ еще ребенкомъ; но, полонъ удивленьемъ,
Обведши взоромъ стѣны, остановился тутъ:
Кругомъ все обличало здѣсь женщины пріютъ!
Вотъ чудо! дядя холостъ, а тетка проживала
Давно ужъ въ Петербургѣ.... Тутъ, можетъ быть, избрала
Жилище экономка?... Фортепіано здѣсь....
Тетради нотъ и книги.... покой укромный весь
Неубранъ.... что за милый повсюду безпорядокъ!
Знать, молодая ручка блуждала межъ тетрадокъ....
Лежитъ на стулѣ платье, сіяя бѣлизной,
Лишь вынуто къ убору безвѣстною рукой.
На каждомъ изъ окошекъ цвѣты въ горшкахъ пестрѣютъ:
Герань, левкои, астры благоуханьемъ вѣютъ.
Въ окно взглянулъ пріѣзжій и снова удивленъ:
На берегу, гдѣ прежде бурьянъ лишь видѣлъ онъ,
Раскинутъ чистый садикъ, пестрѣющій цвѣтами,
Аллеи дернъ зеленый вездѣ обвилъ каймами,
И огороженъ садикъ былъ низенькимъ плетнемъ,
Душистаго горошка цвѣты алѣли въ немъ,
И политы, какъ видно, безвѣстною рукою
Сейчасъ лишь только грядки, межъ нихъ ведро съ водою,
Садовницы жъ не видно, она сейчасъ ушла;
Еще дрожитъ калитка, что только приперла

Она, идя изъ сада, а возлѣ, вдоль дорожки,
Въ саду остались ясно, слѣды разутой ножки,
И на песочкѣ мелкомъ, какъ будто на снѣгу,
Тутъ ихъ оттиснулъ кто-то въ стремительномъ бѣгу.
Отчетливо и ясно тотъ легкій слѣдъ виднѣлся,
Какъ будто за минуту онъ здѣсь отпечатлѣлся.
Задумчиво пріѣзжій глядѣлъ на тихій садъ;
Впивалъ онъ полной грудью цвѣточный ароматъ;
Къ душистому левкою свое лицо склоняя,
И, взоромъ любопытнымъ среди аллей блуждая,
На слѣдъ безвѣстной ножки онъ очи перенесъ.
Но чей же онъ? невольно рождался въ немъ вопросъ.
Взоръ поднялъ: вдругъ мелькнула паненка надъ заборомъ,
Полуприкрыта бѣлымъ, простымъ своимъ уборомъ,
Что стройный станъ лишь только до груди закрывалъ
И прелесть бѣлой шеи, и плечи обнажалъ.
Лишь дѣвочка литвинка такъ можетъ одѣваться,
Но вѣрно не захочетъ мужчинѣ показаться.
Хоть не было при этомъ вблизи кого-нибудь,
Но ручкой прикрывала она стыдливо грудь.
Вся въ бѣлыхъ папильѣткахъ головка завитая
Свѣтилась въ блескѣ солнца, въ лучахъ его играя,
И завитки короной сверкали въ блескѣ томъ,
Какъ вѣнчикъ лучезарный на образѣ святомъ.
Лица не видно было; нагнувшись надъ заборомъ,
Она кого-то въ полѣ, вдали, искала взоромъ;
Вотъ хлопнула въ ладошки, со смѣхомъ увидавъ,
Спрыгнула словно пташка и понеслась стремглавъ,
Черезъ цвѣты и клумбы, съ дорожки на дорожку,
И по доскѣ, изъ сада приставленной къ окошку,
Въ окно въ одно мгновенье влетѣла, какъ стрѣла,
Какъ лунное сіянье, прекрасна и свѣтла;
Взяла со стула платье и пѣсенку запѣла,
Но, въ зеркало взглянувши, въ испугѣ поблѣднѣла,
Лишь только увидала пріѣзжаго она,
И уронила платье, смущенія полна.
У юноши лицо же румяною зарею
Въ мигъ вспыхнуло, какъ тучка, разсвѣтною порою.
Потупивъ скромно очи, сконфуженъ и смущенъ,
Ей въ извиненье что-то хотѣлъ промолвить онъ,

Но отступилъ; у ней же чуть слышный крикъ сорвался,
Какъ будто у ребенка, что ночью испугался.
Взглянулъ тайкомъ пріѣзжій,—нѣтъ никого кругомъ,
Онъ вышелъ, и нежданно забилось сердце въ немъ
Отъ встрѣчи этой странной; невольно, безъ отчета
Ему смѣшно такъ было и стыдно отъ чего-то.
Тѣмъ временемъ на дворню дошло и до людей,
Что въ домъ господскій кто-то пріѣхалъ изъ гостей;
Съ лошадокъ сняли упряжь, поставили ихъ въ стойло,
Гостепріимно дали имъ щедрый кормъ и пойло.
Судья обычай новый не заводилъ въ дому:
Къ жидамъ онъ лошадь гостя не посылалъ въ корчму.
Встрѣчать не вышли слуги, не потому, конечно,
Чтобы въ дому служили лѣниво иль безпечно,
Но не одѣтъ панъ войскій былъ въ это время; онъ
Объ ужинѣ въ заботы былъ сильно погруженъ.
Когда самъ панъ въ отлучкѣ, его онъ замѣняетъ,
Ведетъ его хозяйство, пріѣзжихъ принимаетъ,
(Въ родствѣ далекомъ съ паномъ, какъ другъ, онъ любитъ домъ).
Увидя гостя, къ людямъ онъ поспѣшилъ тайкомъ:
Не могъ же говорить онъ въ рабочей блузѣ съ паномъ.
Ее смѣнилъ поспѣшно онъ праздничнымъ кафтаномъ,
Что былъ ужъ приготовленъ; онъ даже утромъ зналъ,
Что панъ гостей на ужинъ къ себѣ не мало ждалъ.
Пріѣзжаго панъ войскій узнавши издалека,
Съ привѣтствіемъ объятья раскрылъ ему широко;
Порывисто и быстро бесѣда потекла,
Какъ будто бы событья вмѣстить она могла
За много лѣтъ; вопросы, слова переплетались,
Разсказы, восклицанья и вздохи повторялись
И, наконецъ, у гостя все выспросивъ вполнѣ,
Заговорилъ панъ войскій о настоящемъ днѣ.
«Любезный мой Тадеушъ», (пріѣзжаго такъ звали;
Ему, Косцюшки въ память, такое имя дали:
На свѣтъ онъ появился въ военные года)
«Любезный мой, пріѣхалъ ты во время сюда:
Невѣстъ отличный выборъ тебя здѣсь ожидаетъ.
Твой дядюшка, не медля, тебя женить мечтаетъ.
Здѣсь общество большое пріѣзжихъ и гостей,
Граничнаго раздѣла всѣ ждутъ ужъ сколько дней,

Чтобъ споръ давнишній съ графомъ покончить совершенно.
Самъ графъ пріѣдетъ въ гости къ намъ завтра непремѣнно.
Пріѣхалъ подкоморій съ семействомъ и съ женой;
Въ лѣсу гуляютъ гости и тѣшатся стрѣльбой,
А старики и дамы пошли полюбоваться
На жатву и, должно быть, тамъ будутъ дожидаться
Изъ лѣса молодежи; когда ты хочешь, тамъ
Мы можемъ встрѣтить дядю и нашихъ милыхъ дамъ.»
Панъ войскій и Тадеушъ отправились на жниво;
Ихъ быстрая бесѣда вновь разгорѣлась живо.
Уже склонялось солнцѣ, небесный путь свершивъ;
Его лучей послѣднихъ сверкающій разливъ,
Какъ юности румянецъ, здоровый, ярко-алый
Господствуетъ повсюду; вотъ съ поля жнецъ усталый
Идетъ подъ кровъ домашній; вотъ яркое чело
Пылающаго солнца за темный лѣсъ зашло;
Съ лѣсныхъ вершинъ упали расплывшіяся тѣни;
Слилися въ силуэты лѣсовъ далекихъ сѣни,
Какъ зданія чернѣя на зорькѣ золотой;
Вкругъ зарево пожара ликъ солнца огневой
Разливъ надъ темнымъ лѣсомъ, все ниже опускался,
Какъ свѣчка въ щеляхъ ставень, сквозь вѣтви прорывался
И, наконецъ, угаснулъ; серповъ и грабель звонъ
На жатвѣ и въ полянахъ умолкъ; со всѣхъ сторонъ,
Домой идутъ селяне; здѣсь, по хозяйской волѣ,
Съ закатомъ и работы оканчиваютъ въ полѣ.
«Самъ міровой владыка конецъ трудамъ даетъ;
Его работникъ солнце когда съ небесъ уйдетъ,
Тогда и земледѣльцу часъ удалиться съ поля.»
Такъ говорилъ хозяинъ; господская же воля
Всегда для эконома святынею была,
И часто, къ удивленью и радости вола,
Возъ необычно легкій, что только начинали
Накладывать снопами, въ амбаръ ужъ отправляли.
Вотъ общество изъ лѣса веселою гурьбой
Идетъ въ порядкѣ полномъ; всѣхъ впереди толпой
Спѣшатъ ребята съ дядькой; потомъ съ своей семьею
Панъ подкоморій, рядомъ съ супругой и съ судьею,
За стариками панны, а возлѣ, въ свой чередъ,
И молодежь за ними на полшага идетъ.

Такъ требуетъ пристойность: никто не разставляетъ
Мужчинъ и дамъ въ порядокъ, но каждый наблюдаетъ
Его помимо воли; судья въ дому своемъ
Обычаямъ старинным послѣдовалъ во всемъ,
Почтеніе имѣя и къ знатности породы,
И къ званію, и къ лѣтамъ; «семейства и породы,
Говаривалъ онъ часто,—лишь стариной живутъ,
И горе, гдѣ обычай старинныхъ дней не чтутъ.»
Въ дому судьи къ порядку привыкли всѣ съизмала:
И родственникъ пріѣзжій, и гость чужой, бывало,
Поживши тамъ немного, обычай принималъ,
Что каждый въ цѣломъ домѣ и чтилъ, и наблюдалъ.

Съ достоинствомъ, но кратко свершивъ привѣтъ свиданья,
Племяннику далъ руку старикъ для цѣлованья,
Съ радушной лаской гостя въ високъ поцѣловалъ,
И хоть весьма немного въ привѣтъ ему сказалъ,
Но чувство въ немъ прорвалось невольною слезою,
Которую отеръ онъ поспѣшною рукою.

Во слѣдъ за господиномъ и съ жатвы, и съ луговъ,
И съ пастбища уходятъ всѣ подъ домашній кровъ;
Овецъ толпится стадо, поднявши тучи пыли;
Вонъ съ мѣдными звонками за ними повалили
Стада тирольскихъ тёлокъ; со скошенныхъ полей,
Со ржаньемъ по деревнѣ летитъ табунъ коней;
Туда все жадно рвется, вздымаютъ пыль копыта,
Скрипитъ насосъ колодца, вода бѣжитъ въ корыто.

Судья хоть былъ съ гостями, и самъ уже усталъ,
Но долгъ хозяйства важный онъ все-жъ не оставлялъ,
И самъ пошелъ къ колодцу. Всегда подъ вечеръ надо
Хозяйскимъ зоркимъ глазомъ ему взглянуть на стадо,
Дозоръ подобный ввѣрить не могъ онъ никому,
Онъ зналъ, что глазъ хозяйскій важнѣй всего въ дому.

Панъ войскій и подвойскій Протасъ, между собою
Въ сѣняхъ о чемъ-то споря, стояли со свѣчею:
Отъ войскаго тихонько Протасъ велѣлъ скорѣй
Столы изъ дома вынесть, чтобъ ужинъ для гостей
Собрали нынче въ замкѣ, котораго верхушки
Виднѣлись недалеко изъ-за лѣсной опушки.
«Къ чему же это?» съ сердцемъ панъ войскій закричалъ;
Судья-жъ, узнавъ объ этомъ, въ недоумѣнье впалъ.

Но поздно! споръ напрасный теперь уже не нуженъ.
И онъ пошелъ съ гостями туда, гдѣ собранъ ужинъ.
Идя съ судьей, дорогой подвойскій говорилъ
О томъ, къ чему нарушенъ приказъ хозяйскій былъ:
Что будто нынче въ гости наѣхало не мало,
И помѣщенья въ домѣ для всѣхъ не доставало...
А въ замкѣ... есть тамъ сѣни просторныя; вполнѣ
Въ нихъ своды уцѣлѣли; хоть трещина въ стѣнѣ,
Хотя нѣтъ стеколъ въ окнахъ... да что-жъ за важность лѣтомъ?
Тамъ близко погребъ: слугамъ удобства много въ этомъ...
Такъ, взглядывая робко, подвойскій говорилъ,
Но видно, что причину другую онъ таилъ.
Въ лѣсу, шагахъ, быть можетъ, въ двухъ тысячахъ отъ дома
Стоялъ старинный замокъ—обширныя хоромы;
Наслѣдье родовое Горешковъ было тутъ.
Погибъ его владѣлецъ въ года народныхъ смутъ.
Суды, секвестры, тяжбы, въ опекѣ упущенья
Наслѣдству послужили причиной раззоренья;
Что къ родственникамъ дальнимъ но бабушкѣ пошло,
А что заимодавцевъ избѣгнуть не могло.
Пріобрѣсти же замокъ охоты было мало
У шляхты, и на это ей денегъ не хватало.
Но графъ, родня Горешковъ, сосѣдъ ихъ молодой,
Изъ-подъ опеки выйдя, вернулся въ край родной,
И часто любовался онъ на руину эту,
Готическаго стиля увидя въ ней примѣту,
Хотя по документамъ судья и заявилъ,
Что былъ не Готъ строитель, а просто въ Вильнѣ жилъ.
Но графъ права на замокъ не уступалъ; судья же
Владѣть хотѣлъ имъ также и сталъ судиться даже.
Вошли съ процессомъ въ земство, въ судъ главный, а затѣмъ,
Въ сенатъ, и снова въ земство и, въ заключенье всѣмъ
Издержкамъ, и бумагамъ, и суетѣ различной,
Опять вернули тяжбу въ судъ прежній пограничный.
Протасъ, про сѣни замка не обманулъ, что тамъ
И адвокатамъ мѣста достанетъ, и гостямъ.
Сводъ круглый на колоннахъ, обширны, длинны сѣни,
Полъ вымощенъ весь камнемъ, хотя нигдѣ ни тѣни
Убранства не замѣтно, но чистота во всемъ,

Да серны или оленей рога торчатъ кругомъ.
Охоты часъ и мѣсто подписаны подъ ними,
И имена пестрѣютъ съ гербами родовыми,
Что вырѣзаны въ память повсюду по стѣнамъ,
Всѣхъ выше гербъ Горешковъ, Пулкозицъ видѣнъ тамъ.
Вокругъ стола всѣ гости, взойдя, въ порядкѣ стали;
Всѣхъ выше подкоморій; года и санъ давали
Ему почетъ особый; и молодежи онъ,
И старикамъ, и дамамъ всѣмъ отдавалъ поклонъ;
Судья былъ возлѣ, рядомъ съ монахомъ бернардиномъ;
Латинскую молитву монахъ прочелъ; мужчинамъ
Налито водки; молча усѣвшись за столомъ,
Литовскую ботвинью всѣ стали ѣсть потомъ.
Хоть панъ Тадеушъ молодъ и саномъ былъ не важенъ,
Но былъ по праву гостя съ судьей близь дамъ посаженъ.
Межъ нимъ и дядей мѣсто осталося одно
Пустое, будто ждало кого-нибудь оно.
Порой на это мѣсто, порой на двери глядя,
Какъ будто бы чьего-то прибытія ждалъ дядя.
Тадеушъ тоже взоры на двери обращалъ
И на пустое мѣсто порою взглядъ бросалъ.
И странно! дамъ прекрасныхъ вокругъ такъ много видно,
Что любоваться ими царевичу не стыдно;
Всѣ молоды и знатны, всѣ блещутъ красотой,
А онъ бросаетъ взгляды туда, гдѣ ни одной.
Въ томъ мѣстѣ есть загадка; она въ себѣ скрываетъ
Для юности приманку, и онъ не занимаетъ
Хорошенькой сосѣдки; задумчивъ, развлеченъ,
Налить вина ей даже не догадался онъ,
Не подалъ ей тарелки, любезности не скажетъ,
И ловкости столичной при дамахъ не покажетъ;
Одно лишь это мѣсто манитъ его мечту;
Ужъ онъ воображеньемъ наполнилъ пустоту;
Мечты, скользя по креслу, предались полной волѣ,
Какъ жабы послѣ ливня на одинокомъ полѣ;
А образъ незнакомки царилъ своей красой,
Какъ лилія, что вѣнчикъ возноситъ надъ водой.
Тутъ въ рюмку паннѣ Розѣ вина немного вливши,
А младшей съ огурцами тарелку предложивши,
За третьимъ блюдомъ молвилъ панъ подкоморій: «Вамъ,

Служить я, панны дочки, теперь намѣренъ самъ,
Хоть старъ я и не ловокъ». Тутъ юность поспѣшила
Съ концовъ стола и паннамъ наперерывъ служила.
Судья кунтушъ поправилъ, на гостя кинулъ взоръ,
Венгерскаго въ стаканъ свой наливъ, и разговоръ
Такъ началъ: «Дней новѣйшихъ принявъ обыкновенья,
Мы молодежь въ столицу шлемъ нынче для ученья,
И вовсе съ тѣмъ не споримъ, что юные умы
Въ ученьи книжномъ знаютъ поболѣе, чѣмъ мы;
Но вотъ бѣда,—день каждый я убѣждаюсь въ этомъ,—
Что молодежь не учатъ, какъ жить съ людьми и свѣтомъ.
Встарь при дворахъ у пановъ жилъ шляхтичъ молодой,
Я самъ лѣтъ десять прожилъ давнишнею порой
У пана воеводы.... панъ подкоморій, это,
Ты знаешь, былъ отецъ твой (исполненный привѣта,
Товарищу колѣно судья при этомъ сжалъ),
Въ общественномъ служеньи меня онъ наставлялъ,
На благо направляла меня его опека,
И изъ меня въ тѣ годы онъ сдѣлалъ человѣка.
Ему и честь, и память всегда въ дому моемъ,
Я каждодневно Богу творю мольбы о немъ.
И если я у пана воспользовался мало,
А дома полевая работа ожидала,
Когда другіе, больше достойные, потомъ
Достигли высшихъ званій, такъ выигралъ я въ томъ,
Что никогда, во вѣки не заслужу упрека,
Чтобъ вѣжливость и ласку не ставилъ я высоко,
И хоть бы съ кѣмъ нарушилъ.... а право, господа,
Приличіе — наука не маленькая.... да,
Не легкая.... не въ томъ же она вѣдь, чтобъ ногами
Искусно шаркать, сыпать любезными словами:
То модная учтивость, мѣщанская, по мнѣ....
Не то у насъ въ шляхетствѣ и въ польской старинѣ.
Тамъ вѣжливость со всѣми, но только съ измѣненьемъ,
Она въ сыновней ласкѣ съ обычнымъ изъявленьемъ,
И въ обхожденьи мужа при обществѣ съ женой,
И пана со слугами: и всюду тонъ другой....
Чтобъ не сбиваться съ такта, учиться надо много,
Должны мы тонъ приличный хранить повсюду строго.
И старики учились; въ бесѣдѣ ихъ порой..

Картины раскрывались исторіи родной,
А разговоры шляхты шли о дѣлахъ въ повѣтѣ,
И шляхтичъ былъ увѣренъ, что про него на свѣтѣ
Всѣ знали,—въ небреженьи никто не оставлялъ,
И за собою зорко всегда онъ наблюдалъ.
Теперь никто не спроситъ: кто ты и отъ кого ты?
Гдѣ жилъ? чѣмъ занимался? Объ этомъ нѣтъ заботы....
Лишь не былъ бы шпіономъ, иль голымъ бѣднякомъ....
Веспасіанъ не думалъ, знать не хотѣлъ о томъ,
Откуда взяты деньги и изъ какого края,
Такъ рода человѣка и жизнь его не зная,
Лишь сообразно званью относятся къ нему
И чтутъ, какъ жидъ монету,—какъ будто по клейму.
Такъ разсуждая, взоромъ судья обвелъ собранье;
Хотя привыкъ онъ вѣчно встрѣчать къ себѣ вниманье,
Но зналъ, что нынче скучно для молодыхъ людей
Слѣдить за длинной рѣчью, хотя и правда въ ней....
Но полное молчанье хранили всѣ при этомъ;
Взглянулъ на старика онъ, какъ будто за отвѣтомъ:
Что скажетъ подкоморій? Но тотъ не прерывалъ,
И только головою въ отвѣтъ ему кивалъ,
Согласіе безмолвно тѣмъ жестомъ подтверждая.
Судья стаканы налилъ и молвилъ, продолжая:
— «Да, вѣжливость есть дѣло не малое; когда
Мы уважать умѣемъ родъ, званье и года
Въ другихъ, какъ подобаетъ, тогда цѣнить съумѣемъ
Достоинства, какими и сами мы владѣемъ;
Какъ на вѣсахъ: чтобъ свѣсить самихъ себя на нихъ,
Должны противовѣсомъ поставить мы другихъ.
Къ прекрасному же полу всего важнѣй почтенье;
Особенно же важно, когда происхожденье
И милости фортуны въ гармоніи живой
И съ прелестью врожденной, и съ нѣжной красотой.
Пути къ любви отсюда, что часто приводили
Дома къ высокой связи. Такъ старики судили....
И такъ....» Судья нежданно лицо тутъ повернулъ
Къ Тадеушу и строго на юношу взглянулъ,
Кончая рѣчь. Но слѣдомъ за фразой начатою,
Прищелкнувъ табакеркой своею золотою,
Панъ подкоморій молвилъ: «Судья любезный мой,

Встарь было много хуже, чѣмъ нынѣшней порой!
На насъ-ли старыхъ мода, быть можетъ, повліяла,
Иль юность лучше,—только разврата меньше стало.
Я вѣкъ не позабуду то время, какъ на насъ
Потопъ французской моды нахлынулъ въ первый разъ,
И сбродъ хлыщей наѣзжихъ, какъ громъ надъ головою,
На насъ нежданно грянулъ нагайскою ордою,
Гоня завѣты предковъ среди родной страны,
Законъ, обычай, даже одежды старины....
Что пожелтѣвшихъ фатовъ на свѣтѣ было гаже,
Гнусившихъ въ носъ по модѣ, порой безносыхъ даже?
Они тонули въ грудахъ брошюрокъ и газетъ,
Вводившихъ съ новой вѣрой и новый туалетъ!
Тотъ сбродъ умы спуталъ, какъ будто тайной чарой:
Когда Господь захочетъ народъ постигнуть карой,
То наперед. отниметъ онъ разумъ у людей;
Возстать не смѣла даже и мудрость на хлыщей;
Ихъ, какъ чумы какой-то, весь нашъ народъ боялся,
Но въ немъ самомъ зародышъ болѣзни заключался.
На модниковъ кричали, но кинули для нихъ
Одежду, нравы, вѣру, языкъ отцовъ своихъ;
На масляницѣ будто пиръ воцарился дикій,
За нимъ же вскорѣ грянулъ неволи постъ великій.
Я помню, хоть въ то время я былъ довольно малъ:
Отецъ тогда въ повѣтѣ Ошмянскомъ проживалъ,—
Пріѣхалъ панъ подчашій въ двуколкѣ иностранной,—
Былъ экипажъ подобный новинкою нежданной.
Смѣялись надъ подчашимъ, какъ будто надъ шутомъ,
Тѣснились возлѣ дома, когда передъ крыльцомъ
Порой его двуколку стоявшую видали,
Что на манеръ французскій, карьёлкой называли;
Два пса, взамѣнъ лакеевъ, сидѣли на задкѣ;
Худой, какъ щепка, нѣмецъ на козлахъ, въ парикѣ
И въ необычной шапкѣ причудливаго рода,
А на ногахъ, что тоньше жердей изъ огорода,
Съ застежками стальными, чулки и башмаки.
Отъ смѣха надрывались при этомъ старики,
А мужики крестились и думали, что это
Съ венеціанскимъ чертомъ нѣмецкая карета.
Каковъ былъ самъ подчашій, и не разскажешь вамъ:

Казался онъ мартышкой иль попугаемъ намъ;
Съ златымъ руномъ парикъ свой сравнивалъ, бывало,
А намъ его прическа колтунъ напоминала.
Кто-жъ польскую одежду въ тѣ времена считалъ
Красивѣй обезьянства, тотъ въ тишинѣ молчалъ.
Не то бы закричала вся молодежь, что ставитъ
Культурѣ онъ преграды, прогрессъ гнететъ и давитъ,
Что даже онъ измѣнникъ!... Такъ въ эти времена
Мощь предразсудковъ новыхъ у насъ была сильна!»

«Намъ возвѣстилъ подчашій, что онъ цивилизаторъ,
Что просвѣщать насъ будетъ, какъ истый реформаторъ,
И будто сдѣлалъ геній французской стороны
Премудрое открытье, что люди всѣ равны....
Хоть писано объ этомъ и въ Божіемъ законѣ,
И тоже ксендзъ вѣщаетъ вседневно на амвонѣ,
Но то ученье старо и не даетъ плода....
Такое ослѣпленье царило въ тѣ года,
Что перестали вѣрить вещамъ вѣрнѣйшимъ въ свѣтѣ,
Когда ихъ во французской не видѣли газетѣ.
Хоть равенство подчашій вездѣ провозглашалъ,
Но, несмотря на это, маркизомъ зваться сталъ.
Извѣстно, это титулъ парижскій, въ тѣ же годы
Въ Парижѣ у французовъ онъ былъ предметомъ моды;
Но мода измѣнилась, прошли ея года,
И титулъ демократа взялъ нашъ маркизъ тогда;
Но демократъ невдолгѣ, въ дни Наполеона,
Пріѣхалъ изъ Парижа со званіемъ барона.
А съ перемѣной моды, когда-бъ онъ дольше жилъ,
Пожалуй, въ демократы опять бы поступилъ.
Вѣдь безпрестанно моды въ Парижѣ измѣняютъ,
А выдумки французовъ поляки обожаютъ.

Теперь же, слава Богу, насталъ другой чередъ,
И за-границу юность спѣшитъ не ради модъ,
Не съ тѣмъ, чтобъ новыхъ истинъ въ брошюркахъ доискаться
И мудрости въ кофейняхъ парижскихъ поучаться.
Тамъ мудрый и великій царитъ Наполеонъ,
Не терпитъ пустословья, не любитъ моды онъ....
Теперь гремитъ оружье, мы-жъ, старики, ликуемъ,
Что снова славу Польши на Божьемъ свѣтѣ чуемъ,
Въ ней Рѣчи Посполитой грядущее лежитъ!

Всегда подъ сѣнью лавровъ зародышъ воли скрытъ.
Намъ старымъ только скучно влачить и дни, и годы
Въ бездѣйствіи, далеко отъ славы и свободы....
Такъ долго ждать! и даже извѣстья рѣдки такъ!»
Тутъ онъ монаху тихо сказалъ: «Отецъ Робакъ!
Тебѣ письмо недавно, какъ слышалъ я, прислали,
И въ немъ о нашемъ войскѣ, быть можетъ, написали?»...
«Нѣтъ»,—молвилъ равнодушно монахъ, бросая взоръ,
Какъ видно, неохотно онъ слушалъ разговоръ,—
«Политика, по правдѣ, меня не занимаетъ;
Письмо же изъ Варшавы, и только сообщаетъ
О монастырскомъ дѣлѣ.... Нѣтъ интереса въ немъ....
Инымъ и знать, пожалуй, не слѣдуетъ о томъ»....
Монахъ взглянулъ, поспѣшно за этими словами,
Туда, гдѣ старый Рыковъ былъ съ прочими гостями:
То капитанъ былъ русскій и недалеко жилъ.
Чтобъ соблюсти учтивость, судья его просилъ
На ужинъ. Надъ ѣдою усердно онъ трудился;
При словѣ же «Варшава» онъ съ рѣчью обратился:
«Охъ, пане подкоморій! Какъ любопытны вы!
У васъ Варшава вѣчно нейдетъ изъ головы....
Отчизна! не шпіонъ я, а все-жъ по польски знаю,—
Отчизна! да я вѣрно все это понимаю!
Я русскій, вы поляки: теперь у насъ не бой,
Ѣдимъ и пьемъ мы, въ дружбѣ толкуя межъ собой.
Вотъ такъ на аванпостахъ съ французами порою
Мы водку пьемъ, а кликнутъ, и мы готовы къ бою;
У насъ всему на свѣтѣ и свой чередъ, и честь —
У русскихъ поговорка на этотъ случай есть.
По моему же мнѣнью, война должна быть скоро:
Былъ адъютантъ изъ штаба у нашего маіора,
Велѣлъ въ походъ сбираться. Войну объявитъ царь
Съ французомъ либо съ туркомъ. Охъ, Бонапартъ штукарь!
Когда бы не Суворовъ, намъ сдобровать едва-ли!
Какъ шли мы на французовъ, у насъ въ полку болтали,
Что Бонапартъ колдуетъ: но также колдовалъ
И нашъ Суворовъ; чарой онъ чары отражалъ.
Разъ ищутъ Бонапарта въ сраженьи: гдѣ онъ скрылся?
Онъ сталъ лисой.... Суворовъ тутъ гончей обратился,
Вновь Бонапартъ на штуку и сдѣлался котомъ,

А нашъ Суворовъ тотчасъ борзымъ въ погоню псомъ....»
Остановился Рыковъ; тутъ кушанье явилось
Четвертое; при этомъ дверь съ боку отворилась.
Тутъ новая особа, прекрасна и мила,
Всеобщее вниманье, взошедши, привлекла
Осанкой и уборомъ; всѣ гости дружно встали.
Ея не зналъ Тадеушъ, но всѣ, какъ видно, знали.
Шелкъ розоваго платья станъ гибкій облекалъ,
И граціозно формы корсетъ обрисовалъ;
Узоры кружевные ей шейку оттѣнили,
Въ рукавчикахъ короткихъ открыты руки были;
Хоть и не жарко было, въ рукахъ у ней сверкалъ,
Дрожа, златистый вѣеръ и искры разсыпалъ.
Была у ней головка вся въ локоны завита,
И розовою лентой красиво перевита;
А брилліантъ изъ пуклей сверкалъ, полуприкрытъ,
Какъ, сквозь лучи кометы, звѣзда порой блеститъ.
Уборъ чрезъ мѣру пышный, и многіе шептали,
Что въ будни и въ деревнѣ онъ кстати былъ едва-ли.
Хоть платье и коротко—не видно башмачка:
Она скользила быстро, привѣтствуя слегка
Все общество поклономъ; она пройти желала
Туда, гдѣ гостью мѣсто пустое ожидало;
Но это было трудно: рядъ четырехъ скамей,
По недостатку креселъ, весь занятъ былъ, и ей
Перескочить пришлось бы, но ловко межъ скамьями
Она юркнуть съумѣла, скользнула межъ гостями,
Какъ шаръ на биллiардѣ скользитъ въ бѣгу своемъ,
Нечаянно за что-то задѣла и потомъ,
Немного покачнувшись, слегка облокотилась
На юношу, съ улыбкой любезной извинилась
И, наконецъ, усѣлась межъ дядею и имъ,
Но ничего не ѣла; лишь вѣеромъ своимъ,
Играя граціозно, обмахиваться стала;
Она то складки кружевъ брабантскихъ оправляла,
То локоны оправивъ, порой ея рука
Держала кончикъ ленты, играя имъ слегка.
Минуты ужъ четыре, какъ разговоръ порвался.
Сперва чуть слышный шепотъ тихонько раздавался,
Но говоръ оживился, и на концѣ стола

Бесѣда объ охотѣ сегодняшней зашла.
Панъ регентъ и ассессоръ всѣхъ громче въ разговорѣ
О двухъ борзыхъ кричали въ ожесточенномъ спорѣ.
Гордясь своей собакой, панъ регентъ утверждалъ,
Что будто зайца Куцый,—никто другой,—поймалъ.
Ассессоръ же другое доказывалъ сосѣду
И Соколу, напротивъ, приписывалъ побѣду;
Спросили мнѣнье прочихъ, и гости за столомъ
О Соколѣ и Куцемъ заспорили потомъ.
Кто самъ былъ очевидцемъ, кто знаніемъ хвалился.
Судья къ сосѣдкѣ новой при этомъ обратился,
Въ-полголоса: «Я долженъ прощенія просить:
Нельзя намъ было ужинъ позднѣе отложить.
Ходили гости въ поле, устали, отдыхъ нуженъ.
Я думалъ,—не придете вы нынче къ намъ на ужинъ».
Тутъ завели бесѣду о томъ и о другомъ
Судья и подкоморій тихонько за виномъ.

Тѣмъ временемъ какъ гости отдались разговорамъ,
Тадеушъ незнакомку окинулъ долгимъ взоромъ.
Онъ до ея прихода какъ будто отгадалъ,
Кто сядетъ здѣсь, какъ будто ее онъ ожидалъ.
Его лицо пылало, въ немъ шибко сердце билось,
Прекрасное видѣнье опять предъ нимъ явилось.
Знать, суждено судьбою, чтобъ рядомъ за столомъ
Съ нимъ былъ прелестный образъ, имъ видѣнный мелькомъ.
Какъ будто незнакомка теперь повыше стала,
Но вѣдь убранство росту способствуетъ не мало....
У той златились волны коротенькихъ кудрей,
А локоны у этой темнѣе и длиннѣй;
Но солнце, вѣроятно, тому причиной было:
Оно въ моментъ заката все ярко золотило.
Черты при бѣглой встрѣчѣ не могъ онъ удержать,
Но сердцу милый образъ не трудно угадать.
Онъ черненькіе глазки ужъ отгадалъ въ сосѣдкѣ
И губки, словно вишни румяныя на вѣткѣ,
Все: и уста, и очи подсказаны мечтой;
Лишь разница, что эта какъ будто старше той,
Какъ будто-бы ребенкомъ садовница глядѣла,
А незнакомка въ лѣтахъ, вполнѣ уже созрѣла.
Но юность не считаетъ лѣта у красоты,

Ей метрики не нужны, а чистыя мечты
Ровесницу рисуютъ ей въ избранномъ предметѣ,
Ей идеально милы всѣ женщины на свѣтѣ.

Хоть нашему герою двадцатый годъ пошелъ,
Хотя онъ въ шумной Вильнѣ довольно лѣтъ провелъ,
Но ксендзъ-учитель, мудро и въ духѣ старыхъ правилъ,
Въ воспитанникѣ душу на добрый путь наставилъ;
И такъ привезъ Тадеушъ въ родимый домъ съ собой
Живую свѣжесть мысли съ душевной чистотой;
Но вмѣстѣ и желанье въ немъ душу наполняло
Свободой насладиться, и жажда возникала
Предаться полной волѣ среди родимыхъ нивъ.
Онъ чувствовалъ, что молодъ, и веселъ, и красивъ.
Родители здоровьемъ и силой надѣлили
Тадеуша Соплицу, а всѣ Соплицы были
Всегда, какъ всѣмъ извѣстно, и крѣпки, и сильны,
И не къ наукамъ склонны, а къ поприщу войны.

Отъ предковъ панъ Тадеушъ ни въ чемъ не отличался:
Верхомъ отлично ѣздилъ, въ ходьбѣ не утомлялся;
Онъ не былъ тупъ, но мало въ ученіи успѣлъ,
Хотя расходовъ дядя нисколько не жалѣлъ.
Ружьемъ и саблей больше любилъ онъ забавляться
И зналъ, что долженъ къ службѣ военной пріучаться,
Что такъ отецъ въ духовной предъ смертью завѣщалъ,
И за скамейкой школьной онъ о войнѣ мечталъ.
Но дядя эти планы вдругъ измѣнить рѣшился,
Велѣвъ, чтобы племянникъ пріѣхалъ и женился,
Взявъ на себя хозяйство надъ маленькимъ селомъ;
Отдать и все имѣнье онъ обѣщалъ потомъ.

Вниманія достойнымъ все это показалось
Хорошенькой сосѣдкѣ; она залюбовалась
Его фигурой стройной, осанкой, красотой,
Его могучей грудью и сильною рукой,
Лицомъ его красивымъ, съ пылавшими щеками.
Ужъ съ ней неоднократно онъ встрѣтился очами:
Въ немъ робости недавней уже и слѣдъ пропалъ,
Бросалъ онъ смѣло взоры, и въ нихъ огонь пылалъ.
Она глядѣла также, и искрились ихъ очи,
Какъ праздничныя свѣчи въ часы пасхальной ночи.

Сосѣдка по-французски заговорила съ нимъ
О новыхъ книгахъ въ Вильнѣ, объ авторахъ, какимъ
Въ литературѣ новой даетъ онъ предпочтенье,
И о предметахъ разныхъ выпытывала мнѣнье;
О музыкѣ, о танцахъ рѣчь повела потомъ,
О живописи даже, и все съ такимъ умомъ,
Учености и знаній такъ много доказала,
Что юношу смутила и даже испугала!
Подвергнуться насмѣшкамъ въ немъ сильный страхъ возникъ,
И сталъ онъ заикаться, какъ будто ученикъ.
По счастію, учитель судилъ не слишкомъ строго:
Сосѣдкѣ очевидна была его тревога,—
Она заговорила о болѣе простомъ:
О деревенскомъ мірѣ съ его житьемъ-бытьемъ,
О томъ, какія въ селахъ и нужды, и заботы,
Какъ раздѣлить удобнѣй досуги и работы.
Тадеушъ сталъ смѣлѣе, рѣчь живо полилась,
И въ полчаса короткость межъ ними началась.
Они шутили даже и спорили не мало,
Сосѣдка же изъ хлѣба три шарика скатала:
На выборъ три особы: ближайшую онъ взялъ....
Взглядъ барышенъ при этомъ съ досадой засверкалъ.
Сосѣдка-жъ разсмѣялась, оставивъ подъ секретомъ,
Кого счастливый шарикъ обозначалъ при этомъ.
Въ концѣ стола противномъ другой былъ разговоръ:
О Соколѣ и Куцемъ шелъ оживленный споръ;
Съ большимъ одушевленьемъ противники шумѣли
И даже блюдъ послѣднихъ почти совсѣмъ не ѣли,
И всѣ кричали, стоя, съ бокалами въ рукахъ;
Нанъ регентъ всѣхъ страшнѣе; неудержимъ въ словахъ,
Какъ перепелъ, заладилъ онъ рѣчь безъ перерыва
И жестомъ дополняя всѣ выраженья живо.
Панъ регентъ адвокатомъ когда-то былъ давно,
И за пристрастіе къ жестамъ ему присуждено
Прозванье: «проповѣдникъ». Обѣими руками,
Онъ, растопыривъ пальцы съ ихъ длинными ногтями,
Краснорѣчиво жестомъ подобнымъ представлялъ
Борзыхъ собакъ двѣ своры и, наконецъ, вскричалъ:
«Бацъ! такъ, въ одно мгновеніе, что не моргнуть и глазомъ,
Точь въ точь, курки двустволки, придавленные разомъ,

И я, и панъ ассессоръ, пустились, какъ стрѣла,
Въ мигъ заяцъ прыснулъ въ поле... (Тутъ руки вдоль стола
Онъ вытянулъ, собачье движенье представляя).
Тутъ Соколъ шмыгъ за зайцемъ, осталась сзади стая,
Летитъ черезъ опушку и небольшой лѣсокъ,
Но Куцый догоняетъ.... вотъ, вотъ.... одинъ вершокъ....
Сейчасъ догонитъ.... Зайца догнать, однако, штука!...
Косой борзыхъ почуялъ и, какъ стрѣла изъ лука,
Понесся.... вдругъ, нежданно направо далъ стречка...
Псы глупые туда же.... Вотъ влѣво два прыжка,
И псы опять налѣво.... косой бѣжать пустился,
Но, тутъ—какъ тутъ, мой Куцый и въ сѣраго вцѣпился....
Цапъ!!» надъ столомъ нагнувшись, панъ регентъ закричалъ
И до конца другаго уже рукой досталъ.
«Цапъ!» крикъ надъ самымъ ухомъ Тадеуша раздался.
Тутъ разговоръ съ сосѣдкой у юноши прервался.
Ихъ головы, что были такъ близко межъ собой,
Невольно отклонились, какъ будто подъ грозой
Вершины двухъ деревьевъ, что связаны другъ съ другомъ,
Разорванныя вихремъ; отдвинулись съ испугомъ
Ихъ руки, что лежали такъ близко подъ столомъ,
И вспыхнули ихъ лица въ движеніи одномъ.

Тадеушъ, чтобъ не выдать внезапнаго смущенья,
Сказалъ: «Да, да, мой регентъ, вы правы, безъ сомнѣнья,
Песъ превосходный—Куцый, и, вѣрно, онъ съ чутьемъ....»
—«Съ чутьемъ?» воскликнулъ регентъ—«въ любимомъ псѣ моемъ,
Да не было чутья бы?» Тутъ панъ Тадеушъ снова
О псѣ благопріятно промолвилъ два-три слова
И пожалѣлъ, что видѣлъ его мелькомъ пока
И только мимоходомъ узналъ его слегка.

Тутъ задрожалъ ассессоръ, изъ рукъ бокалъ роняя
И злобно взоръ змѣиный въ Тадеуша вонзая.
Ассессоръ былъ скромнѣе,—какъ регентъ, не кричалъ;
Онъ былъ и худощавѣй, притомъ и ростомъ малъ,
Но на балахъ, въ собраньяхъ, на вечерахъ порою,
Точь въ точь змѣинымъ жаломъ, язвилъ онъ остротою;
Такъ ѣдко, остроумно пошутитъ онъ подъ часъ,
Что хоть печатай въ книжкѣ.... не въ бровь, а прямо въ глазъ....

Онъ промоталъ наслѣдство и братнее имѣнье,
Вращаясь въ высшемъ свѣтѣ, и, чтобъ имѣть значенье,
Вступилъ на службу; травлю онъ страстно обожалъ,
А звонкій рогъ облавы ему напоминалъ
Тѣ дни, когда владѣлъ онъ давнишнею порою
И знаменитой псарней, и дворнею большою.
Теперь отъ цѣлой псарни осталось двѣ борзыхъ,
И то лишить почета хотятъ одну изъ нихъ!
Погладивъ бакенбарды, при похвалѣ обидной,
Проговорилъ ассессоръ съ улыбкою ехидной:
—«Безхвостыя борзыя—какъ шляхта безъ чиновъ....
Хвостъ помогаетъ въ бѣгѣ и украшаетъ псовъ;
Вы-жъ недостатокъ этотъ, какъ знакъ заслуги, чтёте....
Да, вотъ что: отдадимъ-ка на судъ мы вашей тётѣ....
Хоть пани Телимена въ столицѣ вѣкъ жила
И къ намъ весьма недавно въ деревню прибыла,
Но юныхъ въ знаньи лова, быть можетъ, превосходитъ:
Сама собой наука съ лѣтами къ намъ приходитъ».

Такой ударъ нежданно въ Тадеуша попалъ;
Въ смущеньи всталъ онъ съ мѣста, минуту помолчалъ,
Противника измѣрилъ зловѣщимъ, гнѣвнымъ взоромъ....
Тутъ, къ счастью, подкоморій чихнулъ два раза; хоромъ
Всѣ закричали: «виватъ!» Отдавши всѣмъ поклонъ,
По табакеркѣ пальцемъ слегка похлопалъ онъ.
На ней была въ алмазахъ изъ золота оправа,
Въ срединѣ съ королевскимъ портретомъ Станислава;
Самъ Станиславъ когда-то его отцу вручилъ
Въ даръ табакерку эту, и сынъ ее хранилъ;
Когда по ней стучалъ онъ,—знакъ, что просилъ вниманья.
Все стихнуло, и молвилъ онъ посреди молчанья:
—«Почтеннѣйшая шляхта! вельможные паны!
Для поприща охоты служить поля должны,
Я домъ для дѣлъ подобныхъ пригоднымъ не считаю
И разрѣшенье спора на завтра предлагаю,
Теперь же препиранья прошу васъ прекратить.
Подвойскій! завтра утромъ охоту объявить!
И ты, судья, поѣдешь, конечно, съ нами вмѣстѣ,
И графъ, должно быть, также насъ удостоитъ чести;
И пани Телимена, и панны, и паны,
На добрую охоту всѣ поглядѣть должны;

Ее и войскій, вѣрно, почтитъ своимъ привѣтомъ.»
Тутъ подалъ табакерку онъ старику при этомъ.
Съ охотниками войскій въ концѣ стола сидѣлъ,
Зажмурившись, и спорить, какъ будто, не хотѣлъ,
Хоть у него и часто выспрашивали мнѣнья:
Былъ знатокомъ въ охотѣ онъ лучшимъ, безъ сомнѣнья.
Щепотку захвативши изъ табакерки, онъ
Понюхалъ съ разстановкой, въ раздумье погруженъ,
Чихнулъ, что даже эхо всю залу огласило,
И съ горькою усмѣшкой проговорилъ уныло:
«Охъ, тяжело и странно мнѣ отъ такихъ рѣчей!
И что теперь сказалъ бы охотникъ старыхъ дней,
Въ средѣ почтенныхъ пановъ услыша споръ горячій,
Котораго предметомъ какой-то хвостъ собачій....
А если бъ старый Рейтанъ воскресъ, да услыхалъ?
Опять бы легъ въ могилу и больше бы не всталъ....
А старый Несѣловскій, нашъ добрый воевода?
Онъ до сихъ поръ имѣетъ борзыхъ такого рода,
Что и никто на свѣтѣ подобныхъ не найдетъ....
Онъ сто возовъ содержитъ охотничьихъ тенетъ,
Своихъ стрѣлковъ двѣ сотни при замкѣ Ворочанскомъ;
Отшельникомъ скрываясь въ своемъ помѣстьи панскомъ,
Охотой заниматься давно онъ пересталъ;
И самъ Бялопетровичъ его напрасно звалъ....
Да и сказать по правдѣ, ужели воеводѣ
Охотиться на зайца по новой вашей модѣ?!
На языкѣ охоты встарь были, милый панъ,
Шляхетскими звѣрями—лось, волкъ, медвѣдь, кабанъ,—
Ну, словомъ, звѣрь съ когтями, клыками и рогами:
Другіе-жъ отдавались холопамъ съ батраками.
Никто бы не коснулся презрѣннаго ствола
Ружья, гдѣ мелкой дроби хоть горсточка была....
Борзыхъ держали, правда.... но для чего?—порою
Мелькнетъ сѣрякъ, бывало, подъ конскою ногою,
Когда съ охоты ѣдутъ, и для потѣхи тутъ,
Спустивъ собачью свору, за нимъ дѣтей пошлютъ.
Всѣ смотрятъ и смѣются на дѣтскую потѣху....
О чемъ же тутъ и спорить, гдѣ только мѣсто смѣху?...
Увольте-жъ, панъ вельможный, вы, стараго слугу:
Простите, на охоту я ѣхать не могу!

Могу-ль я примириться съ охотою такою?
Нѣтъ, для нея во вѣки я не ступлю ногою!...
Зовуся я Гречеха.... какъ Польшей правилъ Лехъ,
Никто съ тѣхъ поръ на зайца не ѣздилъ изъ Гречехъ!...»
Во слѣдъ за этой рѣчью всѣ вкругъ захохотали;
Всталъ подкоморій; гости за нимъ всѣ разомъ встали.
Ему почетъ особый по сану и лѣтамъ;
Онъ кланялся, прощаясь, всѣмъ дамамъ и гостямъ,
За нимъ монахъ; судья же подалѣе немного
Съ нимъ рядомъ бывшей пани далъ руку у порога,
Тадеушъ Телименѣ, сосѣдкѣ молодой,
Въ концѣ пошелъ ассессоръ съ Гречехиной женой.
Тадеуша дорогой невольно отчего-то
И злость, и недовольство томили безъ отчета.
Все, что случилось нынче, онъ въ мысляхъ разбиралъ:
Съ сосѣдкой встрѣчу, ужинъ съ ней рядомъ вспоминалъ.
А больше слово «тетя» ему жужжало въ ухо,
Безъ перерыва, словно назойливая муха,
Подвойскаго хотѣлъ бы онъ выспросить скорѣй
О пани Телименѣ, но посреди гостей
Его искалъ напрасно, и войскій за гостями
Ушелъ, чтобы заняться домашними дѣлами:
Во флигелѣ надворномъ отвесть ночлегъ для дамъ,
Устроить помѣщенье для отдыха гостямъ.
Ночлегъ на сѣновалѣ для молодыхъ указанъ;
Тадеушъ, какъ хозяинъ, ихъ провести обязанъ.
Все вскорѣ безмятежно затихло на дворѣ,
Какъ въ мигъ, когда молитву начнутъ въ монастырѣ;
Порой лишь голосъ стража прерветъ молчанье ночи.
Все спитъ; судьѣ лишь только сонъ не смыкаетъ очи.
Онъ, какъ хозяинъ дома, въ заботы погруженъ
О будущей охотѣ; приказы отдалъ онъ
Дворецкому и войту, стрѣлкамъ и эконому,
И писарямъ, и слугамъ, принадлежащимъ къ дому;
Все долженъ былъ заранѣ обдумать, разсчитать,
И, наконецъ, собрался уже ложиться спать.
Тутъ развязалъ подвойскій судьѣ кушакъ цвѣтистый,
Кушакъ работы слуцкой, съ кистями, золотистый;
Былъ черный шелкъ изнанки простеганъ серебромъ.
Кушакъ служилъ двояко: изнанкой и лицомъ;

Для праздничнаго пира одною стороною,
Для траура изнанкой; искусною рукою
Подвойскій этотъ поясъ снималъ и надѣвалъ;
И вотъ за этимъ дѣломъ онъ, наконецъ, сказалъ:
—«Что ужинали въ замкѣ,—то не худое дѣло,
Скорѣй большую пользу я вижу въ этомъ смѣло:
Идетъ о замкѣ тяжба, и этимъ на него
Выказываемъ силу мы права своего.
Противникамъ упрямымъ отлично мы отвѣтимъ;
Мы имъ права на замокъ доказываемъ этимъ:
Кто приглашаетъ въ замокъ на ужинъ, вѣрно, тотъ
Владѣетъ этимъ замкомъ, или владѣть начнетъ,
И самъ противникъ можетъ свидѣтельствовать это.
Видалъ такія вещи и я въ былыя лѣта.»
Судья ужъ спалъ; подвойскій тихонько вышелъ вонъ,
Въ сѣняхъ при свѣчкѣ книжку взялъ изъ кармана онъ.
И дома, и въ дорогѣ ее хранилъ онъ свято.
То списокъ лицъ различныхъ, судившихся когда-то,
Чьи имена и лично въ судѣ онъ вызывалъ,
И тяжбы, о которыхъ впослѣдствіи слыхалъ.
То просто были въ спискѣ помѣченныя лица,
Ему-жъ картинъ блестящихъ сіяла вереница,
И онъ читалъ и грезилъ: Огинскій и Виягирдъ,
Рымша, Доминикане, Рымша и Висогирдъ,
Радзи́вилъ съ Верещакой, Гедроицъ и Рдультовскій,
Кагалъ и Обуховичъ, съ Юрагой Піотровскій,
Малевскій и Мицкевичъ.... и вотъ увидѣлъ онъ
Уже Соплицу съ графомъ.... Изъ списка тѣхъ именъ
Предъ нимъ черты процессовъ великихъ выплываютъ,
Свидѣтели, и судьи, и стороны мелькаютъ.
Себя въ жупанѣ бѣломъ и самъ онъ увидалъ,
Что въ кунтушѣ лиловомъ онъ предъ судомъ стоялъ.
Одной рукой на саблѣ и на столѣ другою,
Шумѣвшихъ призывая къ порядку и покою.
Тутъ, сотворивъ молитву, уснулъ минуты въ двѣ
Послѣдній трибунальный подвойскій на Литвѣ.
Такъ проводили время въ тѣ памятныя лѣта
Въ сельцѣ литовскомъ тихомъ, когда почти полъ свѣта
Въ слезахъ, въ крови тонуло, титанъ же міровой,
Среди полковъ несмѣтныхъ, какъ въ тучѣ громовой,

Орловъ побѣдоносныхъ запрягши въ колесницу,
Простеръ съ песковъ ливійскихъ до Альпъ свою десницу,
Аустерлицъ, Маренго и Ульмъ предавъ громамъ;
За нимъ и смерть, и гибель бѣжали по пятамъ.
Полетъ гремящій слава на сѣверъ устремила,
Чревата именами геройскими отъ Нила
До Нѣмана, гдѣ, будто гранитомъ скалъ, она
Московскими полками была отражена,
Что миръ Литвы хранили желѣзною стѣною
Отъ вѣсти, бывшей Русскимъ заразой роковою.
Но, словно камень съ неба, въ лѣса Литвы порой
Вѣсть падала нежданно; не разъ старикъ съ сумой,
Безрукій и увѣчный, придя за подаяньемъ,
Стоналъ и, посмотрѣвши вкругъ зорко, со вниманьемъ,
Когда не видѣлъ русскихъ нигдѣ вокругъ солдатъ,
Или мундировъ красныхъ межъ тихихъ сельскихъ хатъ,
Тогда онъ признавался, что былъ изъ легіона,
И что несетъ онъ кости своей отчизны въ лоно,
Которую не можетъ ужъ больше защищать.
На перерывъ спѣшили тутъ всѣ его встрѣчать,
Слезами заливаясь. Его за столъ сажали
И отъ него разсказы чудесные слыхали.
Какъ генералъ Домбровскій,—Италіи герой,
Стремится поскорѣе идти въ свой край родной,
Какъ на Ломбардскомъ полѣ онъ земляковъ сбираетъ,
Князевичъ же изъ Рима приказы разсылаетъ,
Какъ, побѣдивши, бросилъ къ ногамъ французовъ онъ
У цезарскихъ потомковъ сто отнятыхъ знаменъ,
О томъ, что Яблоновскій съ дунайскими полками
Зашелъ на югъ безвѣстный, за дальними морями
Въ таинственныя страны; тамъ негровъ онъ громитъ,
Весна тамъ вѣчно, онъ же по родинѣ груститъ.
Такая рѣчь тихонько деревню облетала.
Ее услыша, хлопецъ вдругъ пропадалъ, бывало,
Ища себѣ дороги въ болотахъ и лѣсахъ,
Отъ москаля таился онъ въ нѣманскихъ волнахъ
И на берегъ варшавскій всей силой устремлялся,
«Сюда, сюда товарищъ!» тамъ голосъ раздавался:
А онъ на первый камень съ поспѣшностью скакалъ
И москалямъ «прощайте!» черезъ рѣку кричалъ.

Такъ Пацъ ушелъ за Нѣманъ, Горецкій, Обуховичъ,
Петровскій, Оболевскій, Рожицкій и Яновичъ,
Брохоцкій, Бернатовичъ и Гедыминъ потомъ
Купсць, Межеевскій, всѣхъ же мы ихъ не перечтемъ,
Что и родныхъ, и землю любимую бросали,
А ихъ имѣнье послѣ въ казну конфисковали.
Порой безвѣстный квестарь, случалось, приходилъ;
Сойдясь съ панами ближе, газету имъ носилъ,
Ее скрывая въ рясѣ; оттуда узнавали
Все: гдѣ сраженье было, и гдѣ войска стояли,
Гдѣ и подъ чьимъ начальствомъ извѣстный легіонъ,
За кѣмъ была побѣда и какъ великъ уронъ;
За много лѣтъ разлуки семейство получало
Вѣсть объ убитомъ сынѣ и трауръ надѣвало,
Ни для кого въ повѣтѣ невѣдомо, по комъ
Однѣ догадки только въ сосѣдствѣ шли тайкомъ,
А грусть пановъ и радость со сдержанностью этой
Служили околодку единственной газетой.
Какъ видно, этимъ дѣломъ и Робакъ занимался,
Онъ часто втихомолку съ судьею совѣщался,
И послѣ совѣщаній подобныхъ и бесѣдъ
Запасъ извѣстій новыхъ могъ услыхать сосѣдъ.
Осанка же монаха при этомъ обличала,
Что бернардина ряса не вѣчно украшала.
Онъ не совсѣмъ глубокимъ отшельникомъ глядѣлъ;
Монахъ надъ правымъ ухомъ и надъ вискомъ имѣлъ
Шрамъ отъ удара сабли съ ладонь величиною,
И слѣдъ недавней пули виднѣлся надъ щекою:
Навѣрное, не въ кельѣ, не за святой мольбой
Стяжалъ онъ эти раны, и вообще порой
Въ его словахъ, въ движеньи невольнаго порыва
Воинственное что-то проглядывало живо.
Когда воздѣвши руки подъ сѣнью алтаря,
Онъ призывалъ въ молитвѣ Небеснаго Царя,
То иногда крестился такъ ухарски и браво,
Какъ будто по командѣ: налѣво! въ тылъ! направо!
Обряды литургіи творилъ во храмѣ онъ,
Точь въ точь стоялъ предъ фронтомъ и строилъ эскадронъ,
Командуя дьячками среди богослуженья.
Въ политикѣ онъ толку зналъ больше безъ сравненья,

Чѣмъ въ Божіемъ писаньи; нерѣдко заѣзжалъ
Онъ въ городокъ уѣздный, гдѣ письма получалъ,
Ихъ содержанье строго всегда храня въ секретѣ;
То слалъ гонцовъ куда-то, но никому на свѣтѣ
Не говорилъ причины; нерѣдко по ночамъ
Для тайныхъ совѣщаній онъ приходилъ къ панамъ;
Въ корчмѣ, въ средѣ мужицкой, бесѣдовалъ, случалось,
О томъ, что за границей въ то время совершалось,
И вотъ судью внезапно въ полночный, поздній часъ
Пришелъ будить: навѣрно, есть новостей запасъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Пальминъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 6. Владычица святая! Ты дивно въ Острой Брамѣ....

Въ Польшѣ особеннымъ почетомъ пользуется между католиками чудотворная икона Божіей Матери въ Ченстоховѣ. Въ Литвѣ же пріобрѣли особенную славу иконы Остробрамской Богоматери въ Вильнѣ, Замковой въ Новогрудскѣ и тамъ же Борунской и Жировецкой.

Къ стр. 10. Но не одѣтъ панъ войскій былъ въ это время.

Войскій (Tribunus) во времена Рѣчи Посполитой имѣлъ званіе опекуна надъ шляхетскими женами и дѣтьми.

Къ стр. 12. Подвойскій.

Лицо, объявлявшее вызовъ къ суду и соотвѣтствовавшее нашему судебному приставу.

Къ стр. 28. То списокъ лицъ различныхъ, судившихся когда-то.

Такъ называемая vokanda, продолговатая, узенькая книжка, въ которой записывались имена тяжущихся сторонъ. Каждый адвокатъ и подвойскій должны были имѣть такую книжку.

Къ стр. 29. У цезарскихъ потомковъ сто отнятыхъ знаменъ.

Генералъ Князевичъ, посланный въ Италію, повергнулъ директоріи захваченныя имъ знамена.

Къ стр. 29. О томъ, что Яблоновскій съ дунайскими полками.

Князь Яблоновскій, командовавшій задунайскимъ легіономъ, умеръ въ Санъ-Доминго, гдѣ погибъ почти весь легіонъ.

О физико-географическихъ условіяхъ разселенія русскаго народа.

По мѣрѣ того, какъ естествознаніе расширяетъ кругъ своихъ изысканій, вліяніе его все глубже и глубже проникаетъ въ жизнь современныхъ человѣческихъ обществъ. И это не только въ сферѣ матеріальныхъ приложеній механики, физики и химіи, какъ, напр., въ желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, красильномъ искусствѣ, но и въ области самыхъ высокихъ соображеній о судьбахъ всего человѣчества. Лучшіе умы, передовые люди нашего времени, и даже тѣ изъ нихъ, которые по складу понятій наклонны къ отвлеченностямъ, мало-по-малу отказываются отъ иной основы для своихъ теорій, выводовъ и самой практической дѣятельности, какъ та почва, которую доставляетъ изученіе природы. Наиболѣе смѣлые идутъ дальше и прямо говорятъ, что вся исторія человѣческаго рода, въ которой еще недавно большинство видѣло чуть не исключительно сферу проявленія свободной воли человѣка и людскихъ страстей, а иногда мистическаго предопредѣленія и фатализма, что эта исторія есть не болѣе, какъ продолженіе исторіи животнаго царства, которой *главныя черты*, совершенно независимыя отъ человѣческой воли, *намѣчены впередъ* и вполнѣ согласны съ законами геологіи, палеонтологіи, зоологіи и физіологіи. Идеалисты-метафизики, люди горячаго воображенія и сердца, но не критическаго ума, борются противъ этой теоріи, стараются даже найти для себя точку опоры не въ однихъ преданіяхъ, не въ однихъ старыхъ авторитетахъ, но и въ самомъ естествознаніи, толкуемомъ ими по своему (вспомнимъ геолога Де-ла-Беча); но шагъ за шагомъ твердая почва изъ-подъ нихъ изчезаетъ, и они должны бываютъ или оставаться на воздухѣ, въ пустотѣ отвлеченностей (напр. Гартманъ), или скло-

нить свою, нѣсколько спѣсивую, вью передъ неотразимостью доводовъ ихъ противниковъ. *)

Въ числѣ вопросовъ, на рѣшеніи которыхъ особенно отразилось это современное направленіе науки и жизни, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ является вопросъ о размноженіи и вырожденіи расъ, видовъ, родовъ и даже цѣлыхъ семействъ растительнаго и животнаго царствъ. Палеонтологія совершенно точно, съ неотразимою ясностью доказала, что для каждаго рода и вида, для каждаго племени имѣются свои періоды возрастанія и упадка, свои эпохи появленія на землѣ и изчезновенія съ нея. Сигилляріи и древовидные хвощи, очень мелкіе нуммулиты и огромные динотеріи и мамонты, плезіозавры и дронты являлись постепенно на земной сушѣ, въ водахъ или въ воздухѣ, распложались, увеличивались въ числѣ и объемѣ, а потомъ мало-по-малу мельчали, становились рѣже и наконецъ изчезали совсѣмъ. На мѣсто ихъ нарождались и размножались другія существа, иногда сходственныхъ типовъ, иногда весьма отдаленныхъ. Рыбы, бывшія изобильными въ девонскую эпоху, замѣнились гадами въ юрскую и млекопитающими въ періодъ новѣйшихъ наносовъ. Водоросли, хвощи и папортники переходныхъ образованій замѣнены въ наше время растеніями двудольными, которыя ботаника признаетъ совершеннѣйшими по устройству и которыя вовсе не были извѣстны въ силлурійскій періодъ. Человѣкъ, въ западной Европѣ, сталъ на мѣсто гіенъ, пещерныхъ медвѣдей,

*) Ради важности содержанія талантливой статьи почтеннаго автора, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напечатать ее въ нашемъ журналѣ, хоть и почитаемъ несогласнымъ съ результатами строгой науки утвержденія, что исторія человѣчества не болѣе, какъ продолженіе исторіи животнаго царства, слѣдовательно не болѣе, какъ проявленіе законовъ жизни физической природы. Противъ такого отождествленія законовъ физической природы съ законами духа возстаютъ не одни идеалисты метафизики, не только люди, какъ выражается авторъ, некритическаго ума, но первостепенные представители науки и точнаго, строгаго мышленія. Ученіе, сводящее психическую жизнь только къ законамъ внѣшней природы, неотразимо опровергается трудами такихъ геніальныхъ изслѣдователей природы, какъ Гельмгольцъ и др. (см. его изслѣдованія объ ощущеніи звука и по физіологіи зрѣнія) и такихъ физиковъ, какъ Тетъ и др. Приглашаемъ читателей нашихъ прочесть, но только въ подлинникѣ, Populäre Vorträge Гельмгольца и, хоть въ нѣмецкомъ переводѣ, извѣстнаго физика Вертлейна, послѣднюю страницу первой лекціи изъ Vorlesungen über neuere Fortschrite der Phisik Тета. Тетъ обвиняетъ чистыхъ спиритуалистовъ нехотящихъ знать опыта въ Thorheit, а матеріалистовъ, желающихъ объяснить волю человѣка и его сознанія, какъ результаты дѣйствій силъ физической природы въ неспособности мыслить, въ Unsinn.

Ред.

сѣверныхъ оленей и пр., бывшихъ очень обильными, напр., во Франціи, Швейцаріи и Бельгіи въ первое время появленія тамъ человѣческихъ организмовъ. Вырожденіе этихъ животныхъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ строеніи почвы и въ климатѣ и борьбы между собою и съ людьми, можно слѣдить уже въ историческія времена *), и эти наблюденія еще разъ несомнѣнно подтверждаютъ, что *для каждаго органическаго типа*, растительнаго или животнаго, *есть свои эпохи появленія, размноженія, упадка и изчезанія.*

Ученіе Дарвина о родовомъ подборѣ и о борьбѣ за существованіе, изъ которой побѣдителями всюду выходятъ сильнѣйшіе, т. е. наилучше развитые типы, внесло свѣтъ въ ту огромную массу данныхъ, изъ которыхъ извлечепъ *эмпирическій* законъ замѣны однихъ типовъ другими, съ искорененіемъ первыхъ. Оно показало, что *иначе и быть не можетъ* въ мірѣ организмовъ, для размноженія которыхъ природа поставила предѣлы, съ одной стороны, въ *ограниченности протяженія земной суши*, а съ другой, въ *количествѣ солнечныхъ тепла и свѣта*, которые суть настоящіе возбудители и двигатели органической жизни на нашей планетѣ и *которыхъ годовое количество есть величина постоянная для всего земнаго шара*, хотя и колеблющаяся около извѣстныхъ среднихъ величинъ для каждой отдѣльной мѣстности. Какъ только на землѣ появляются организмы болѣе сильные, болѣе приспособленные къ средѣ, чѣмъ прежде существовавшіе ихъ сородичи, такъ послѣдніе начинаютъ склоняться къ упадку, потому что средства существованія, которыя обезпечивали ихъ жизнь, захватываются другими, сильнѣйшими, а новыхъ земля произвести не можетъ. Усиліями естествоиспытателей средства эти исчислены и изучены съ бо́льшею или меньшею подробностью, и мы можемъ теперь безъ большаго труда опредѣлять впередъ, чего можно ожидать, напр., отъ растительности страны, которая лежитъ подъ такими-то параллелями, въ такомъ-то разстояніи отъ береговъ океана, на такой-то средней высотѣ надъ его уровнемъ и имѣетъ такую-то почву. А затѣмъ растительною природою страны опредѣляется уже составъ ея животнаго царства, которое питается растительными продуктами.

*) Напримѣръ, олени изчезли въ Швейцаріи при концѣ среднихъ вѣковъ. Въ XII вѣкѣ они еще составляли любимую пищу, напр., монаховъ Сенъ-Галленскаго монастыря, какъ видно изъ сохранившихся вѣдомостей сборовъ съ монастырскихъ крестьянъ.

Такъ, не бывъ вовсе на Амурѣ, можно было предсказать, что бассейнъ этой рѣки, особенно вблизи Японскаго моря, имѣетъ климатъ холодно-влажный, что тамошнія рѣки многоводны и, слѣдовательно, богаты рыбою, что почва тамъ покрыта лѣсами и что, слѣдовательно, тамъ должно быть изобиліе пушныхъ звѣрей, водяныхъ птицъ и т. п. Для подобнаго предсказанія не нужно даже подробно изучать трактаты Декандоля, Гризебаха и Уоллеса о географіи растеній и животныхъ, а достаточно быть знакомымъ съ учебникомъ земной физики.

Но это еще не все. Зная географическое положеніе мѣста, его среднія температуры, годовую и мѣсячныя, количество влажности въ воздухѣ и господствующее направленіе вѣтровъ, можно безошибочно сказать, на сколько оно удобно для жительства *людей*. Тотъ, кто бы, напр., вздумалъ увѣрять, что страны на югъ отъ Алжира, Туниса и Триполи или на востокъ отъ Каспійскаго моря могутъ вмѣщать въ себѣ многочисленное и осѣдлое населеніе, могъ бы безъ труда быть опровергнутъ простымъ перечисленіемъ невыгодныхъ физико-географическихъ условій этихъ мѣстностей. Естествоиспытатель сказалъ бы ему, что если средняя годовая температура Сахары выше, чѣмъ, напр., Ломбардіи, то крайности наибольшей и наименьшей теплоты, вредныя для большей части организмовъ, въ ней гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ долинѣ По, а атмосферное орошеніе совершенно ничтожно, такъ что никакая древесная растительность тамъ невозможна, а травяная можетъ существовать только въ теченіи очень короткаго періода дождей, да и то лишь въ долинахъ, гдѣ влага скопляется съ сосѣднихъ высотъ и гдѣ ея испареніе отъ вѣтровъ замедляется присутствіемъ тѣхъ же высотъ. Напротивъ, не нужно ѣздить на Зондскіе острова, чтобы представить себѣ, что въ этомъ архипелагѣ почва должна быть покрыта богатѣйшею растительностью, преимущественно древесною, что климатъ его — влажно-жаркій, съ рѣдкимъ постоянствомъ температуры по временамъ года и даже по часамъ дня, что при роскошной флорѣ тамъ должна быть и богатая фауна и что, слѣдовательно, человѣку тамъ легко питаться и вообще жить безъ большаго труда.

Какъ скоро мы стали на эту точку зрѣнія на условія географическаго распространенія людей, такъ, независимо даже отъ увлекательныхъ теорій такихъ великихъ учителей, какъ Бэръ, Риттеръ, Бокль и пр., передъ нами съ совершенною ясностью становится положеніе, что *въ этомъ распредѣленіи гораздо*

сильнѣе даетъ себя чувствовать физическая природа страны, чѣмъ свободная воля человѣка, хотя бы вооруженнаго всѣми орудіями современной цивилизаціи. Напрасно, напримѣръ, было бы мечтать о заселеніи сѣверной Сибири или закаспійскихъ степей осѣдлыми земледѣльцами; напрасно думать, что на прибрежьяхъ Охотскаго моря можетъ процвѣтать что либо, кромѣ звѣриной и рыбной ловли и лѣсныхъ промысловъ. Неорганическая природа, конечно, не зависитъ отъ климатовъ, и гдѣ-нибудь на верховьяхъ Маи или Уды могутъ быть отысканы розсыпи золота, способныя привлечь немало людей; но съ истощеніемъ металла окрестная страна должна опять обратиться въ мѣстную пустыню.

Эту зависимость между физико-географическими условіями страны и возможностью заселенія ея людьми не трудно выразить нѣкоторыми цифрами, хотя нельзя не признаться, что онѣ относятся къ вопросу нѣсколько косвенно, такъ какъ вообще географія животныхъ организмовъ доселѣ почти вовсе не имѣетъ численныхъ данныхъ. По закону Декандоля для созрѣванія самаго неприхотливаго хлѣбнаго злака, ячменя, нужно, чтобы развивающееся зерно получило въ суммѣ около 1750° Ц. тепла за все время развитія и чтобы притомъ это тепло никогда не было менѣе 0°: иначе всходы, цвѣты или плоды погибнутъ отъ холода. Для яровой пшеницы нужны: до 2.100° тепла, средняя температура періода созрѣванія отъ 15 до 20° Ц., а наименьшая до 3—4° Ц. Кукуруза требуетъ 2.600° тепла и средней температуры періода созрѣванія въ 20° Ц. и т. д. Отсюда ясно, что если какое-либо человѣческое племя привыкло питаться однимъ изъ этихъ хлѣбовъ и думаетъ переселиться въ страну, гдѣ онъ не можетъ созрѣвать, то оно не найдетъ привычныхъ для себя условій жизни и должно будетъ измѣнить привычки и потребности и даже можетъ вовсе изнемочь въ борьбѣ съ недостаткомъ нужныхъ ему условій, т. е. уменьшиться въ числѣ или и совсѣмъ выродиться. Конечно, человѣческій организмъ гибокъ; онъ иногда очень легко замѣняетъ одну пищу другою. Но если эта послѣдняя не доставляетъ ему прежнихъ количествъ азотистыхъ и безъазотныхъ веществъ, то самый организмъ измѣняется, начинаетъ худѣть, истощаться, порода распложается медленнѣе прежняго, подвергается частымъ болѣзнямъ и затѣмъ вымиранію. Мы можемъ сказать, что, въ общемъ итогѣ, для современнаго европейца страна съ 0° годовой средней температуры

и съ такимъ лѣтомъ, которое не даетъ возможности созрѣвать хоть одному изъ европейскихъ зерновыхъ хлѣбовъ, есть страна неудобная для жизни. И въ самомъ дѣлѣ, взявъ для сравненія двѣ карты, этнографическую и годовыхъ изотермовъ, мы увидимъ, что лишь въ немногихъ мѣстностяхъ европейская жизнь устроилась за нулевою линіею, а гдѣ и перешли ее къ сѣверу, то тамъ навѣрное лѣто столь же тепло, какъ гдѣ-нибудь въ Парижѣ или хотя въ Москвѣ, Иркутскѣ, Барнаулѣ, Нерчинскѣ находятся именно въ этихъ послѣднихъ условіяхъ *). Но за то въ южной половинѣ Камчатки европейская культура невозможна, хотя тамъ, именно въ Петропавловскѣ (53° шир.), средняя годовая температура выше нуля (+2°3 Ц.). Лѣтомъ этой странѣ недостаетъ тепла, нужнаго для созрѣванія хлѣбныхъ злаковъ (ср. лѣт. т.=13,4° Ц.), и чтобы европеецъ могъ жить въ Камчаткѣ, нужно для него предметъ первѣйшей необходимости, хлѣбъ, подвозить издалека.

Пониманіе всѣхъ этихъ явленій и взаимной ихъ связи, если не научное, то наглядное, извлеченное изъ опыта, издавна усвоено всѣми сколько-нибудь развитыми человѣческими племенами, и оно-то влекло и влечетъ постоянно наиболѣе сильныя изъ нихъ къ захвату земель съ возможно выгодными географическими, т. е. почвенными и метеорологическими условіями. *Тѣ поколѣнія, которыя успѣли прочно утвердиться на выгодныхъ мѣстахъ земной суши и развились физически и умственно лучше другихъ, тѣ и заручились всѣмъ нужнымъ, чтобы оттѣснить или даже стереть съ лица земли племена менѣе удачливыя.* Европейскіе народы въ этомъ случаѣ особенно счастливы. Они занимаютъ издавна одну изъ лучшихъ частей земной поверхности, богато орошенную рѣками и глубоко врѣзавшимися морскими заливами, самую теплую изъ всѣхъ, лежащихъ съ ней подъ одними широтами, наилучше увлажаемую дождями, безъ крайностей холода и жара, парализующихъ дѣятельность человѣческаго организма, и, наконецъ, находящуюся въ срединѣ континентальнаго полушарія нашей планеты. У европейцевъ есть все: и плодородная почва, и легкость обмѣна ея произведеній по дешевымъ естественнымъ путямъ, и температура, не мѣшающая сильному физическому и умственному труду въ теченіе круглаго

*) Среднія температуры въ этихъ городахъ суть:

Въ Барнаулѣ годов. 0°,4 Ц.	лѣтняя 17°,3 Ц.		
» Иркутскѣ » 0°,5 »	» 16°,5 »	Ср. темп. лѣта въ Москвѣ 17°,7 Ц.	
» Нерчинскѣ » 3°,3 »	» 16°,4 »		

года. Этимъ безъ сомнѣнія опредѣлилось и превосходство европейской расы надъ прочими, превосходство, которое современною антропологіею признано окончательно, не смотря на то, что еще въ 1840-хъ годахъ А. Гумбольдъ признавалъ всѣ человѣческія племена «одинаково» благородными и противился раздѣленію ихъ на высшія и низшія.

Но физико-географическія условія различны въ разныхъ частяхъ Европы, а съ ними неодинаково и физіологическое развитіе разныхъ частей европейскаго населенія. Легче всего было людямъ размножиться и получить досугъ отъ чисто физическихъ трудовъ, а затѣмъ разумно установить общественныя связи на берегахъ Средиземнаго моря: тамъ дѣйствительно и родились европейскія образованность и гражданственность. Но для преуспѣянія уже развитой, физически и умственно, породы людей наиболѣе выгодныя условія представляетъ Великобританія. Англичане живутъ на островѣ, недоступномъ для частыхъ вторженій съ материка, и вотъ они уже 800 лѣтъ не знаютъ раззореній отъ нашествія внѣшнихъ враговъ и отъ содержанія большихъ постоянныхъ армій, тогда какъ населеніе континентальной Европы страдаетъ отъ войнъ приблизительно въ каждые десять лѣтъ разъ, при чемъ, разумѣется, воюющія стороны и особенно театръ войны разворяются. Острова Британскіе лежатъ среди океана, но не вдалекѣ отъ богатѣйшихъ странъ западной Европы, и вотъ англичане имѣютъ легкое средство сдѣлаться торговцами, т. е. отдаться промыслу наиболѣе выгодному. Климатъ Англіи таковъ, что зима и лѣто тамъ различаются мало и притомъ *среднія* годовыя температуры напоминаютъ южную часть европейской Россіи, отъ параллели Кіева *). Въ атмосферномъ орошеніи недо-

*) Беремъ для сравненія Эдинбургъ, Ливерпуль и Плимутъ. Вотъ ихъ широты по сравненію съ тремя русскими городами, имѣющими одинаковыя годовыя температуры:

Ср. год. темп. +6°,2 Ц.—Эдинбургъ 55°,9 шир. Полтава 49°,6 м.; разн. шир. 6°,3
+8,3 „ —Ливерпуль 53,4 „ Орловъ 47,1 „ „ „ 6,3
+8,9 „ —Плимутъ 50,2 „ Пятигор. 44,1 „ „ „ 6,1

О характерѣ зимы и лѣта въ тѣхъ же трехъ англійскихъ городахъ даетъ понятіе сравненіе ихъ съ тремя слѣдующими русскими городами, находящимися на тѣхъ же параллеляхъ:

Широта 55°,9	Эдинбургъ	ср. т. г.	+6°,2	Ц.,	лѣта	+11°,4	зимы	+ 2°,4	р. л.—з.	8°,7	Ц.
„ 55,7	Казань	„ „	+2,6	„	„	+17,8	„	—12,4;	„ „	30,2	„
„ 53,4	Ливерпуль	„ „	+8,3	„	„	+12,9	„	+ 4,1;	„ „	8,8	„
„ 53,1	Пенза	„ „	+3,9	„	„	+19,2	„	—11,1;	„ „	30,3	„
„ 50,2	Плимутъ	„ „	+8,3	„	„	+13,9	„	+ 5,7;	„ „	8,2	„
„ 50,2	Волчанскъ	„ „	+6,5	„	„	+19,2	„	— 6,5;	„ „	25,7	„

статка нѣтъ. Въ заключеніе всего, почва богата каменнымъ углемъ, который даетъ дешеваго двигателя для всякаго рода машинъ, увеличивающихъ производительность человѣческаго труда. Оттого мы видимъ, что англичане—самая развитая, передовая раса въ Европѣ, и физически, и умственно. Средній ростъ англичанина больше таковаго же, напр., у француза на два вершка, а вѣсъ англійскаго мозга больше французскаго на 18 золотниковъ.

За англичанами, по физической крѣпости и количеству головнаго мозга, слѣдуютъ другіе народы германскаго племени: голландцы, датчане, шведы, собственно нѣмцы. Только у всѣхъ этихъ племенъ, какъ, впрочемъ, и у англичанъ низшихъ классовъ, если ростъ тѣла и даже абсолютный вѣсъ мозговаго вещества нѣсколько выше, чѣмъ у большинства романскихъ народовъ, напр. французовъ и итальянцевъ, то процентное отношеніе количества мозга къ вѣсу цѣлаго тѣла ниже, чѣмъ у средняго человѣка романской расы. Причина понятна. Романскіе народы съ гораздо болѣе давняго времени трудятся въ умственной сферѣ, чѣмъ народы германскіе. Сама Германія начала широкую умственную жизнь лишь съ XVI столѣтія, т. е. со времени реформаціи, и во всякомъ случаѣ не ранѣе Карла Великаго, т. е. IX вѣка; между тѣмъ, какъ во Франціи и Испаніи римская цивилизація (не говоря уже о финикійской) была привита до Рождества Христова, а въ самой Италіи греческая образованность была извѣстна еще восемью-девятью вѣками ранѣе. Французы и итальянцы успѣли за время своей исторической дѣятельности ослабѣть физически, измельчать, главнымъ образомъ отъ многочисленныхъ войнъ, истреблявшихъ цвѣтъ мужскаго населенія; но развитіе мозга поддерживалось у нихъ почти непрерывно, и оттого романскія націи были первыми, у которыхъ, послѣ средневѣковаго застоя, проявилось широкое умственное движеніе въ XV и даже въ XIV столѣтіяхъ.

Ниже и германцевъ, и романскихъ народовъ, естественно, стоятъ славяне, которыхъ территорія не пользуется тѣми же удобствами, какъ земли, занятыя западо-европейскими націями. И какъ русскій народъ даже между славянами поставленъ въ наименѣе выгодныя условія, то мы и остановимся здѣсь съ нѣкоторою подробностью надъ изученіемъ этихъ условій. Справедливо говоритъ Реклю въ недавно появившейся «Географіи Россіи», что страна эта въ физико-географическомъ смыслѣ занимаетъ

не столько востокъ, сколько сѣверъ Европы. Многія части ея, по условіямъ температуры, какъ бы лежатъ на 10, 12 и даже 15 градусовъ сѣвернѣе соотвѣтственныхъ по широтѣ приатлантическихъ странъ. Такъ, напр., въ Норвегіи, въ Бергенѣ, почти подъ 61° ш. средняя годовая температура равна 6,7 Ц., а въ Россіи, чтобы найти такую же, нужно спуститься до Сарепты, т. е. до 48,5 шир. Каковы же послѣдствія этого? А таковы, что *въ Россіи,* даже только европейской, не говоря уже про Сибирь, *почва, при одинаковомъ химическомъ составѣ съ западно-европейскою, можетъ*, подъ тѣми же параллелями, *производить лишь небольшую часть того, что производитъ, напр., почва Англіи или Франціи.*

Чтобы лучше убѣдиться въ этомъ, остановимся на нѣкоторыхъ частныхъ данныхъ физической географіи Россіи, при чемъ взглянемъ и на другіе элементы русской климатологіи, кромѣ тепла. Весь юговостокъ европейской части имперіи, отъ Кагула, Елизаветграда, Харькова, Саратова и Бузулука до морей Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго и до подошвы Кавказа, т. е. площадь въ 12-ть квадратныхъ миль, представляетъ степь или страну, вовсе лишенную лѣса, а мѣстами даже и воды. Если бы не таяніе зимнихъ снѣговъ, то, вѣроятно, что почва значительной части этихъ мѣстностей была бы и вовсе непригодна не только для осѣдлой, но даже для кочевой жизни людей, потому что лѣтомъ орошеніе ея почти ничтожно, особенно на востокѣ, вблизи Урала *). Чтобы развести здѣсь лѣса, нужно сдѣлать огромныя усилія, да и тѣ не будутъ безплодны лишь въ черноморскомъ бассейнѣ, но едва ли въ Каспійскомъ **). Между тѣмъ, безъ лѣса осѣдлая, цивилизованная жизнь почти невозможна, особенно если еще при этомъ для замѣны его, какъ строеваго матеріала, нѣтъ камня, а какъ топлива — минеральнаго угля. Вспомнимъ, что для отопленія почти всей степной полосы Россіи употребляются нынѣ солома, лузга и даже сухой навозъ (кизякъ), т. е. что у почвы безвозвратно отнимается то, что должно быть

*) Атмосфера воды падаетъ, подъ 51° шир., въ Курскѣ всего 16,3 дюйм. а въ Саутгемптонѣ 34,8 дюймовъ.

**) Въ Черноморскомъ, какъ извѣстно, они и удаются, какъ доказали опыты около Чугуева, въ Екатеринославской губерніи и пр.; но въ Каспійскомъ мы не знаемъ результатовъ удачныхъ, не смотря на то, что одно время вопросъ о лѣсоразведеніи въ Оренбургскомъ краѣ стоялъ такъ „на очереди", что сосновыя шишки высылались туда, по ходатайству мѣстной администраціи, на почтовыхъ.

отдаваемое ей для поддержанія плодородія!... Вотъ почему мы должны признать, что 12,000 квадратныхъ миль, т. е. восьмая часть европейской Россіи, едва ли когда въ состояніи будетъ сравняться по удобствамъ для человѣческой жизни съ соотвѣтственными по широтамъ мѣстностями западной Европы.*). Однолѣтнія растенія, напр., пшеница, просо, овесъ, подсолнечники, арбузы, могутъ тутъ прозябать успѣшно; но и они подвергаются слишкомъ большимъ случайностямъ отъ засухъ. Такимъ образомъ, мы должны сложить со счета *вполнѣ* удобныхъ для цивилизованной жизни земель около 13% европейской Россіи даже изъ числа тѣхъ, которыхъ средняя температура далеко выше нуля. На этихъ 12,000 миляхъ привлекать къ себѣ осѣдлое населеніе могутъ только узкія долины рѣкъ и прибрежья морей.

О сѣверѣ, кажется, нечего и говорить. Проведя линію отъ Васы черезъ Петрозаводскъ, Устюгъ Великій и Чердынь, мы отрѣжемъ къ сторонѣ Ледовитаго океана страну въ 20.000 квадратныхъ географическихъ миль, которая самою природою назначена лишь для полудикихъ звѣролововъ и рыболововъ и въ которой цивилизованный человѣкъ можетъ жить только по нуждѣ или въ видахъ эксплуатаціи мѣстныхъ бѣдняковъ. Единственное богатство этихъ мѣстъ—лѣса; но съ увеличеніемъ населенія въ западной Европѣ, куда вывозъ дерева и другихъ лѣсныхъ продуктовъ нетруденъ, лѣса эти довольно быстро исчезаютъ, а съ ними исчезаютъ и звѣри. Край, поэтому, не имѣетъ исторической будущности, и населеніе его всегда будетъ кормиться на счетъ избытковъ хлѣба въ средней Россіи, а съ уменьшеніемъ ихъ начнетъ убывать въ числѣ, или, по крайней мѣрѣ, остановится на одной, очень скромной цифрѣ, недалекой отъ современной: 950.000 душъ; т. е. по 47 человѣкъ на 1 квадратную милю. Единственное исключеніе могли бы составить поморяне, для которыхъ открытъ океанъ съ его торговымъ и промысловымъ движеніемъ; но эти бѣдные люди уже оттѣснены отъ своихъ естественныхъ путей къ обогащенію конкурренціею сосѣднихъ норвежцевъ и другихъ народовъ сѣверо-запада Европы, поставленныхъ въ болѣе выгодныя физико-географическія условія.

---

*) Выраженіе *никогда*, впрочемъ, слишкомъ абсолютно; точнѣе сказать: впредь до расширенія Каспійскаго моря черезъ обращеніе въ него воды изъ морей Азовскаго и Чернаго, для чего достаточно прорыть безшлюзный каналъ по долинѣ Маныча и Кумы, употребивъ на то до 350 милліоновъ рублей, т. е. сумму, втрое меньшую издержекъ послѣдней турецкой войны.

И такъ, въ распоряженіи *исторіи* русскаго народа остаются въ Европѣ лишь 60.000 кв. миль средней Россіи, Малороссіи, Бѣлоруссіи и прибалтійскихъ мѣстностей, а съ присоединеніемъ сюда черноморской части степной полосы, отъ устья Дуная до верховьевъ Кубани,—около 65.000 кв. миль. Конечно, это пространство огромно; оно превосходитъ всю западную Европу, безъ Скандинавіи и острововъ, и, стало быть, даетъ возможность русскому народу стать на весьма высокое мѣсто въ ряду европейскихъ націй; но мы не должны заблуждаться на счетъ значенія цифры квадратныхъ миль. «Земля наша велика, но не обильна», или, по крайней мѣрѣ, недовольно удобна, можемъ мы сказать, перефразируя выраженіе, приписанное Несторомъ новгородскимъ посламъ. И вотъ въ чемъ состоятъ неудобства и практическія послѣдствія ихъ.

Прежде всего, мы должны замѣтить, что все населеніе европейской Россіи обязано *имѣть одежду двухъ разрядовъ*: зимнюю и лѣтнюю. Рѣзкости температуръ іюля и января такъ велики, что англичанинъ, напр., даже не можетъ представить ихъ себѣ *). Онъ, привыкшій ходить зиму и лѣто почти въ той же самой одеждѣ, удивляется, что въ Москвѣ, Кіевѣ и даже Одессѣ люди носятъ шубы зимою и бѣлые кителя и рубашки лѣтомъ. Какъ человѣкъ практическій, онъ тотчасъ исчисляетъ расходы на этотъ двойной комплектъ одежды и естественно видитъ, что его родина въ этомъ случаѣ счастливѣе Россіи. А тѣ изъ англичанъ, которые знакомы съ наукою, видятъ еще, что, благодаря рѣзкостямъ русскаго климата, и другія гигіеническія условія жизни въ Россіи очень неблагопріятны, такъ что смертность въ ней неизбѣжно должна быть сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ западной Европѣ. И дѣйствительно, развернувъ статистическія таблицы, мы видимъ, что въ Англіи изъ 1.000 солдатъ, т. е. людей крѣпкаго возраста, умираетъ въ годъ лишь 9—10, а у насъ въ казанскомъ военномъ округѣ около 40. Мы не беремъ уже для сравненія еще болѣе невыгодныя цифры населенія, вообще тамъ разница просто поразительна; но, быть можетъ, она происходитъ отчасти отъ несовершенства русской гражданской статистики.

*) Въ Казани ср. темп. іюля +19°,7 Ц., января—13°,7, слѣдовательно разность равна 33°,4 Ц.; въ Оренбургѣ она еще болѣе, именно 36°,8 Ц. Припомнимъ разсказъ Бёрнаби о томъ, какъ онъ, сдѣлавъ въ Лондонѣ возможно теплѣйшую одежду на англійскій образецъ, для путешествія по Россіи, долженъ былъ бросить ее и замѣнить русскою по пріѣздѣ въ Петербургъ.

То же, что здѣсь сказано относительно зависимости отъ климатическихъ условій характера одежды, можетъ быть повторено и на счетъ устройства и содержанія *жилищъ*. Зимніе холода требуютъ зданій особенно прочныхъ, съ двойными дверями и рамами и съ большимъ числомъ объемистыхъ печей: для поддержанія теплоты въ жилищахъ необходимо тратить огромное количество топлива; для освѣженія воздуха въ покояхъ нужна хорошая система искусственнаго провѣтриванія, такъ какъ невозможно допустить открыванія оконъ на улицу, которое служитъ для этой цѣли не только въ Италіи, но во Франціи и даже Англіи. Такъ какъ удовлетворить этимъ требованіямъ гигіены трудно безъ большихъ издержекъ, то послѣдствіемъ является крайняя неприспособленность большей части русскихъ жилищъ къ климату, а затѣмъ страшная болѣзненность и смертность между людьми, о которой мы сейчасъ упомянули. Къ довершенію неудобствъ, въ большей части Россіи вовсе нѣтъ камня, который бы могъ служить для сооруженія прочныхъ и долговѣчныхъ домовъ, а приходится послѣдніе строить изъ дерева, которое легко гніетъ, а еще чаще истребляется пожарами, нигдѣ такъ не опустошающими страну, какъ у насъ. Чтобы понять, какую разницу въ экономическихъ условіяхъ жизни цѣлыхъ поколѣній дѣлаетъ эта необходимость строить дома деревянные, напомнимъ, что, по соображеніямъ Гакстгаузена, вся сельская Россія перестроивается, среднимъ числомъ, разъ въ 30 лѣтъ; между тѣмъ, какъ во Франціи, Швейцаріи, Италіи можно сплошь и рядомъ найти не только у богатыхъ землевладѣльцевъ, но и у бѣдныхъ крестьянъ дома, сооруженные 200—300 лѣтъ назадъ и совершенно годные для жительства въ настоящее время. Потребность въ топливѣ приводитъ и уже привела въ большей части европейской Россіи *къ истребленію лѣсовъ*, а какое вліяніе имѣетъ это обезлѣсеніе страны не только на дороговизну дерева, но и на невыгодное измѣненіе климата, изсушеніе почвы, обмеленіе рѣкъ и т. д., о томъ уже болѣе столѣтія заявляетъ наука въ лицѣ такихъ авторитетныхъ представителей, какъ Палласъ, Кешенъ, князь Васильчиковъ и др.

Третье невыгодное для русскаго народа обстоятельство, вытекающее изъ континентальныхъ свойствъ климата страны, это сравнительная *малость количества питательныхъ произведеній почвы*. Цѣлые полгода или, чтобы быть точнѣе, отъ 5 до 7 мѣсяцевъ, земля у насъ не производитъ ничего, оставаясь по-

крытою снѣгомъ; между тѣмъ, напр., въ окрестностяхъ Парижа и Лондона свѣжіе овощи не переводятся круглый годъ, а въ болѣе южныхъ частяхъ западной Европы удается собирать и съ полей по двѣ жатвы. И какія бы усилія ни употреблялъ русскій человѣкъ для обработки роднаго поля, сколько бы удобренія ни клалъ на него, онъ никогда не достигнетъ среднихъ урожаевъ равныхъ не только ломбардскимъ, но даже нормандскимъ. Его десятина, равная 1,07 гектара, можетъ дать ему случайно, въ одно лѣто, не менѣе продуктовъ, чѣмъ средній французскій гектаръ; но возьмемъ 5—6 лѣтъ сряду, и въ результатѣ получится отношеніе 1:3 или, по крайней мѣрѣ, 1:2,5 въ пользу Франціи, гдѣ земля остается непроизводительною лишь съ ноября по конецъ февраля и рѣдко до половины марта н. ст.

Мало того, краткость лѣта въ Россіи приводитъ еще къ тому, что на это время года, т. е. *на 5½ мѣсяцевъ*, съ апрѣля по сентябрь, *выпадаютъ всѣ возможныя полевыя работы*, тогда какъ во Франціи, Англіи, Венгріи, Румыніи, не говоря уже про Италію, можно пахать поля въ февралѣ, а виноградъ убирать въ концѣ октября. Трудъ селянина тамъ раздѣленъ на восемь мѣсяцевъ, т. е. на время въ полтора раза бо́льшее, чѣмъ у насъ. А это обстоятельство позволяетъ, напр., французскому крестьянину быть исключительно земледѣльцемъ, работать не торопясь, тщательно и не отвлекаться уже другими занятіями, въ которыхъ онъ не силенъ и для производства которыхъ нужно либо самому имѣть особыя орудія, либо ходить каждую зиму на сторону, во временную кабалу къ заводчику либо торговцу, которые, разумѣется, даютъ за работу лишь ровно столько, чтобы работникъ не умеръ съ голода *).

Пагубныя для растительной жизни *засухи*, какъ извѣстно, нигдѣ, въ цѣлой Европѣ, не случаются такъ часто, какъ у насъ, и онѣ зависятъ опять отъ такихъ физико-географическихъ условій нашей родины, съ которыми бороться трудно, чтобъ не сказать невозможно. Если бы за Ураломъ разстилался не обширный материкъ, а океанъ, Россія была бы одною изъ благодатнѣйшихъ странъ умѣреннаго пояса и напоминала бы Соединенные

*) Этотъ избытокъ непроизводительнаго времени у русскихъ селянъ-хлѣбопашцевъ заставляетъ особенно желать поддержанія у насъ кустарной промышленности или даже развитія заводскихъ рабочихъ товариществъ, которыя бы владѣли фабриками сами и работали зимою исключительно въ свою пользу, а не для одного обогащенія немногихъ фабрикантовъ.

Штаты или хоть Амурскій бассейнъ, съ Маньчжуріею и частью Кореи. Но за Ураломъ тянется огромная площадь земель пустынныхъ то отъ крайняго холода, то отъ чрезвычайной сухости, доходящей до 0,13 водяныхъ паровъ въ атмосферѣ, тогда какъ западная Европа имѣетъ ихъ отъ 0,60 до 0,85. Съ этихъ сухихъ и холодныхъ зауральскихъ пустынь воздухъ, повинуясь общимъ законамъ земной физики, движется къ юго-западу, въ болѣе теплыя и атлантическія страны и, проходя надъ русскою землею, не только охлаждаетъ, но и изсушаетъ ея почву. Академикъ Веселовскій очертилъ полосу, гдѣ восточные вѣтры являются въ европейской Россіи господствующими. Его указанія, за малыми развѣ, чисто мѣстными исключеніями, несомнѣнно точны, обоснованы на болѣе или менѣе продолжительныхъ наблюденіяхъ, и его карта вѣтровъ показываетъ, что подъ изсушающимъ вліяніемъ Азіи находится около одной трети страны. При этомъ названная треть—лучшая по географическому своему положенію на югѣ, а не на сѣверѣ. Въ составъ ея входятъ не только астраханская и заволжскія губерніи, но и ставропольская, саратовская, области: терская, кубанская, донская, губерніи: воронежская, харьковская, екатеринославская, таврическая, херсонская, отчасти тамбовская, курская, полтавская, кіевская, подольская и бессарабская. Если бы на поверхность этихъ провинцій падало въ годъ 5—6 дюймовъ воды болѣе нынѣшняго, или даже если бы атмосфера ихъ только содержала на 20—30% болѣе влажности, чѣмъ теперь,—какую бы благодатную страну представляли онѣ! А теперь мѣстный русскій крестьянинъ и даже крупный землевладѣлецъ, имѣющій средства хорошо удобрять землю и косить въ степяхъ огромное количество сѣна, часто (приблизительно въ 4 года разъ) не успѣваетъ, благодаря засухамъ, собрать посѣяннаго зерна или накосить травы, нужной, чтобы прокормить скотъ до слѣдующей весны. Одной зимы бываетъ достаточно, чтобы весь этотъ скотъ вымеръ съ голоду или былъ проданъ за безцѣнокъ, послѣ чего все хозяйство приходитъ въ упадокъ. Засухи вообще—главный бичъ юго-восточной Россіи, и она отъ нихъ не избавится до тѣхъ поръ, пока не рѣшится на великій техническій подвигъ, сходный съ прорытіемъ суэзскаго канала и противоположный тому, который сдѣлали голландцы, выкачавъ воду изъ Гарлемскаго озера. Мы уже намекали на сущность этого подвига: нужно избытокъ воды въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, уходящій черезъ проливы: Кер-

ченскій, Босфоръ и Дарданеллы въ Средиземное море, повернуть на востокъ, въ Каспійское. Но когда это будетъ, и будетъ-ли вообще? Конечно, водораздѣлъ въ 17 сажень надъ моремъ, существующій между Манычемъ и Кумою, не великая гора, срыть ее можно, равно какъ углубить до нужной степени русла обѣихъ рѣкъ; но гдѣ необходимыя для работъ денежныя средства, гдѣ, наконецъ, прочное сознаніе людьми вліятельными пользы самаго предпріятія? Мы начали осушать Полѣсье и долину Кубани; но обводнять какую-либо мѣстность у насъ еще никто не рѣшался. Мало того, самая мысль о прорытіи кумо-манычскаго канала, основанная на фактахъ, добытыхъ Бергштретеромъ, Блюмомъ, Даниловымъ и др., подвергалась насмѣшкамъ въ нѣкоторыхъ даже soi-disant ученыхъ кругахъ....

Мы коснулись, такимъ образомъ, важнѣйшихъ постоянныхъ явленій, совершающихся въ воздухѣ, который покрываетъ европейскую Россію, явленій, которыя имѣютъ огромное вліяніе на развитіе органической жизни въ странѣ, а слѣдовательно, и на бытъ человѣка. Мы видимъ, что всѣ главныя метеорологическія условія жизни въ Россіи менѣе выгодны, чѣмъ въ западной Европѣ. Но не одни эти условія вліяютъ на судьбы человѣческихъ обществъ, занимающихъ ту или другую часть земной суши. Къ нимъ присоединяется много другихъ вліяній, чисто топографическихъ и способныхъ то усиливать значеніе климата для исторической жизни народовъ, то ослаблять и видоизмѣнять его. Знаменитый основатель сравнительной географіи, К. Риттеръ, съ разсмотрѣнія этихъ-то именно топографическихъ условій и началъ построеніе своей науки. Африка, замѣтилъ онъ, лежитъ подъ самыми благодатными широтами, но, тѣмъ не менѣе, есть самая неудобная для человѣческаго развитія часть свѣта, потому что доступъ въ глубь ея труденъ отъ недостатка глубоко-вдающихся въ материкъ морскихъ заливовъ. Ея береговая линія относится къ ея поверхностному протяженію въ миляхъ какъ 1 къ 106, т.-е., въ ней на одну милю берега приходится не менѣе 113 кв. миль пространства, тогда какъ въ Европѣ это отношеніе равно 1:37, что́ втрое выгоднѣе. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія на европейскую Россію, то получится отношеніе очень недалекое отъ африканскаго, именно 1:101. И притомъ, каковы моря, окружающія Россію? Сѣверный океанъ съ Бѣлымъ моремъ и другими заливами открытъ для мореплаванія не болѣе 135 дней въ году, Балтика, въ среднемъ выводѣ, около семи

мѣсяцевъ, Каспій—девять, и только южная его часть и Черное море, да и то послѣднее не повсемѣстно, остаются открытыми круглый годъ. Балтійское море при этомъ отрѣзано отъ океана проливами, находящимися въ рукахъ чужеземцевъ, Черное — также, а Каспійское есть внутреннее озеро, которое ведетъ лишь въ раззоренную Персію и въ совершенно пустынную Туркменію. Такимъ образомъ, моря русскія почти вовсе не облегчаютъ вступленіе русскаго народа на всемірно-историческое поприще, торговое и политическое. Напротивъ, благодаря несчастливому ихъ положенію, Россія постоянно находится и, вѣроятно, еще долго будетъ находиться въ зависимости отъ произвола морскихъ націй. Съ другой стороны, ея сухопутныя границы совершенно открыты для вторженія непріятелей съ запада и съ востока, и непріятели этимъ воспользовались. На западѣ, вотъ уже девять вѣковъ сряду, съ неотразимою послѣдовательностью оттѣсняетъ или даже заливаетъ единокровныя русскому народу славянскія племена волна германизма; съ востока Русь была, въ теченіи многихъ столѣтій, опустошаема печенѣгами, половцами, хазарами и монголо-татарами, изъ которыхъ послѣдніе владѣли русской землею 240 лѣтъ и своимъ владычествомъ наложили на русскій народъ доселѣ невполнѣ еще изглаженные слѣды азіатскихъ обычаевъ и порядковъ.

Къ важнымъ территоріальнымъ невыгодамъ европейской Россіи принадлежитъ *очертаніе ея рѣчныхъ бассейновъ*. 38.000 кв. г. миль, т.-е. болѣе 40% всей поверхности страны, принадлежатъ къ водоему Каспійскаго моря, т. е., выражаясь нѣсколько тривіально, мѣшка, изъ котораго нѣтъ выхода никуда, кромѣ Туркменіи и сѣверной Персіи. 20.000 кв. миль принадлежатъ къ бассейну Ледовитаго океана и, наконецъ, бассейны двухъ большихъ рѣкъ западной части имперіи, именно Вислы и Нѣмана (въ совокупности около 4500 кв. миль), важнѣйшими своими частями, т. е. устьями этихъ рѣкъ, принадлежатъ Пруссіи. Такимъ образомъ, рѣчная система Россіи далеко не имѣетъ той политической и экономической важности, какъ, напр., рѣки Германіи, Англіи и Франціи. Прибавимъ сюда 1) что *на всѣхъ русскихъ рѣкахъ судоходство прекращается* на 4,5, иногда даже 8 мѣсяцевъ, и 2) что *рѣки эти*, вслѣдствіе сухости климата, *далеко не такъ многоводны*, какъ, напр., французскія, равной съ ними длины. Въ настоящее время, конечно, рѣчныя сообщенія начинаютъ утрачивать часть той абсолютной важности,

которую они имѣли до введенія желѣзныхъ дорогъ; однако, на одной Волгѣ съ ея притоками работаетъ около 450 пароходовъ, и эти пароходы, замѣтимъ, должны цѣлыхъ пять мѣсяцевъ въ году стоять безъ употребленія, замерзшими во льду, чрезъ что, разумѣется, владѣльцы ихъ теряютъ часть дохода и для вознагражденія себя должны бываютъ лѣтомъ назначать провозныя цѣны несоразмѣрно большія, къ невыгодѣ проѣзжающихъ и товароотправителей, т. е. всего населенія страны.

Почти всѣ русскія рѣки (за исключеніемъ Невы) отличаются широкими и продолжительными весенними разливами, какъ слѣдствіемъ обильныхъ зимнихъ снѣговъ и слабаго ската почвы къ сторонѣ морей. Во всей Европѣ подобные разливы считаются несчастіемъ, ибо уничтожаютъ плоды многихъ человѣческихъ трудовъ въ рѣчныхъ долинахъ. У насъ, наоборотъ, большимъ разливамъ радуются, какъ гарантіи обильныхъ сборовъ сѣна на заливныхъ лугахъ. Мало просвѣщенный народъ не понимаетъ, что, такимъ образомъ, лучшія, производительнѣйшія части почвы навсегда обрѣчены быть безполезными для высшей культуры: садоводства, огородничества, хлѣбопашества, травосѣянія. Но люди образованные не могутъ не знать истинной цѣны этому «благодѣянію» природы, которое сближаетъ Россію съ Африкою и среднею Азіею, гдѣ безъ разливовъ, какъ извѣстно, настаетъ голодъ. Регулировать эти разливы помощью канализаціи долинъ, которая бы, не лишая ихъ весенняго оплодотворенія почвы, спасала отъ размыванія, конечно, можно; но кто сочтетъ милліарды рублей, которые нужны для этого, и откуда будутъ взяты эти милліарды? Въ послѣдніе тридцать лѣтъ Россія несомнѣнно сдѣлала огромные экономическія успѣхи, но къ національному богатству ея прибавились не однѣ величины положительныя, а и значительная отрицательная величина въ 3.500.000.000 рублей государственнаго долга на крымскую и турецкую войны, на завоеваніе не покрывшихъ пока доходовъ Кавказа и Туркестана, на выдачу денегъ концессіонерамъ и др.

Отъ рѣкъ, орошающихъ почву, перейдемъ къ самой *почвѣ*. Природа въ этомъ отношеніи щедрѣе къ намъ, чѣмъ ко многимъ другимъ европейскимъ народамъ. Въ Россіи почти нѣтъ горныхъ вершинъ и скатовъ, негодныхъ къ обработкѣ по каменистости или крутизнѣ; можно пахать и сѣять почти вездѣ; а гдѣ и нельзя устроить полей, тамъ можно сажать деревья или кустарники. Кромѣ того въ предѣлахъ европейской Россіи находится

обширная площадь *чернозема*, лучшей въ мірѣ почвы, для образованія которой нужны были тысячелѣтія растительной жизни въ странѣ. Эта черноземная полоса тянется отъ береговъ Прута до Вятки и Бѣлой и отъ Кременца, Кіева, Орла, Тулы и Ядрина до Азовскаго моря, Эльборуса, Ергеней, Волги, Иргиза и Общаго Сырта, т. е. занимаетъ около 28.000 кв. миль. Отдѣльные клочки ея встрѣчаются въ губерніяхъ владимірской, костромской и даже архангельской. Если бы можно было поручиться, что черноземъ сохранится въ цѣлости навсегда, то мы могли бы спокойно смотрѣть на будущность весьма далекаго потомства; но въ дѣйствительности этого быть не можетъ. *Черноземъ истощается* уже потому, что мы огромное количество растительныхъ продуктовъ отсылаемъ за-границу, а значительную часть удобренія, которое необходимо для возстановленія израсходованныхъ органическихъ элементовъ или спускаемъ въ русла овраговъ и рѣкъ или, что́ еще хуже, сожигаемъ въ видѣ соломы, лузги и кизяка. Извѣстный химикъ-земледѣлецъ, Энгельгардтъ, справедливо пророчитъ намъ незавидную экономическую будущность при такой системѣ хозяйства. Но система эта по бо́льшей части не зависитъ отъ нашей воли, а истекаетъ изъ физико-географическихъ условій страны. Мы уже сказали, что кизякъ и солому у насъ жгутъ во многихъ мѣстахъ, потому что нѣтъ другаго топлива; а что до вывоза зерна во Францію, Англію, Германію и пр., то чѣмъ же инымъ можемъ мы расплачиваться за тѣ капиталы, которые къ намъ притекаютъ оттуда въ видѣ ли денегъ или въ видѣ заводскихъ произведеній? Своихъ фабрикъ, кромѣ винныхъ заводовъ, мы не завели въ достаточномъ количествѣ; даже ленъ и коноплю мы отправляемъ въ Англію, Голландію и Бельгію въ сыромъ видѣ, шерсть тоже, и т. д. Поэтому не должны мы и удивляться, что система нашего хозяйства разрушаетъ въ корнѣ наше же собственное благосостояніе. Объ этомъ можно жалѣть, можно заботиться о пріисканіи средствъ устранить зло въ будущемъ, напр., чрезъ изученіе, вмѣсто мертвыхъ языковъ, химіи и технологіи и чрезъ приложеніе ихъ къ дѣлу, но удивляться злу, уже существующему,— нельзя....

Сказавъ, что было естественно сказать въ нашемъ очеркѣ о значеніи чернозема въ экономической жизни русскаго народа, мы не должны упускать изъ виду и другихъ разрядовъ почвы, встрѣчающихся въ европейской Россіи. Здѣсь на первомъ планѣ

стоятъ *пески* при-каспійскихъ равнинъ, Полѣсья и огромнаго числа мѣстностей въ сѣверной и средней Россіи. Когда пески эти орошаются достаточнымъ количествомъ дождей, а подпочва ихъ состоитъ изъ глины, тогда на нихъ образуются болота, обыкновенно покрытыя лѣсомъ. Это отнимаетъ у культуры вѣроятно 5—6 тысячъ квадратныхъ миль, быть можетъ и болѣе. Но такая потеря, сравнительно говоря, еще небольшое зло, потому что лѣсъ, растущій на песчаной почвѣ, представляетъ значительную цѣнность, особенно если его легко вывозить по сплавнымъ и судоходнымъ рѣкамъ. Канализація Полѣсья въ этомъ случаѣ можетъ многое сдѣлать для поднятія экономическаго уровня страны, особенно если пріобрѣтенный при этомъ опытъ будетъ съ пользою приложенъ въ другихъ песчано-болотистыхъ мѣстностяхъ. Но извлечь какую-нибудь пользу изъ песковъ, не орошаемыхъ дождями и потому не покрытыхъ растительностью, дѣло трудное, чтобъ не сказать невозможное, а такихъ песковъ не мало въ губерніяхъ астраханской и ставропольской, въ областяхъ уральской и терской. И они составляютъ не только безполезную, но даже вредную часть русской территоріи, во 1-хъ, потому что затрудняютъ устройство хорошихъ дорогъ между плодородными и населенными мѣстностями, и во 2-хъ, потому что, будучи переносимы вѣтрами, они постепенно засыпаютъ земли воздѣланныя и обращаютъ ихъ въ пустыни. И какъ такое поступательное движеніе песковъ не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ, то необходимо принять противу него мѣры, именно: развести лѣса по окраинамъ песчаныхъ степей (если это возможно) или, еще лучше, затопить эти, вообще низкія степи водами расширеннаго Каспійскаго моря.

За песками слѣдуютъ *супеси* и *суглинки*, растилающіяся по бо́льшей части сѣверной и средней Россіи. Это тѣ почвы, которыя даютъ, въ нашемъ климатѣ и при нашемъ скудномъ удобреніи, урожая самъ 2—3 и которыя по этому не обезпечиваютъ существованія сколько-нибудь густаго населенія чисто сельскаго. Владѣя подобною землею, крестьянинъ неизбѣжно долженъ заботиться о снисканіи себѣ средствъ къ жизни помощью какихъ-нибудь ремеслъ, направленныхъ къ возвышенію цѣнности добываемаго имъ сырья. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ провинціяхъ, занятыхъ супесями и суглинками, изстари возникли разные промыслы, частію мѣстные, а частію отхожіе. На сколько это обстоятельство отзывается на образѣ жизни русскаго народа

въ губерніяхъ московской, тверской, новгородской, ярославской, владимірской, костромской, нижегородской и проч., мы полагаемъ, извѣстно каждому. И едва ли не супесямъ и суглинкамъ съ ихъ урожаями самъ 2—3 Россія больше всего обязана образованіемъ тѣхъ колоній на востокѣ, которыя мало-по-малу сдѣлали ее владычицею Вятки, Перми, Урала и всей Сибири. Замѣтимъ, что тѣ же супеси въ сѣверной Германіи прогоняютъ ежегодно часть ея населенія за океанъ.

Отъ взгляда на составъ поверхностнаго слоя почвы, того, который производитъ растительныя богатства страны, перейдемъ къ очерку подземныхъ слоевъ съ ихъ *богатствами минеральными*. Огромное протяженіе осадочныхъ формацій во всей Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, Урала, части Олонецкаго края и полосы между Днѣпромъ и Бугомъ, служитъ причиною, что добыча металловъ возможна у насъ только на дальнемъ востокѣ или на пустынномъ сѣверо-западѣ страны, за сотни и даже тысячи верстъ отъ мѣстностей, гдѣ скопилось населеніе. Небольшія добычи желѣза въ рязанской, екатеринославской и др. губерніяхъ не стоитъ принимать въ разсчетъ. А между тѣмъ, безъ широкаго распространенія металловъ въ домашнемъ обиходѣ немыслима сколько-нибудь удовлетворительная экономическая жизнь націи. Колеса безъ шинъ, полозья безъ подрѣзовъ, двери и окна безъ желѣзныхъ замковъ и петель, печи безъ чугунныхъ заслонокъ и даже вьюшекъ, недостатокъ рабочихъ инструментовъ во всѣхъ отрасляхъ ремесленной дѣятельности — вотъ послѣдствія этой скудости металловъ въ Россіи *), не говоря уже про то, что она не могла и думать объ устройствѣ у себя желѣзныхъ дорогъ безъ привоза иностранныхъ рельсовъ, локомотивовъ и проч. Про другіе металлы—мѣдь, свинецъ, цинкъ, олово, ртуть, необходимые для жизни, можно сказать, что ихъ либо вовсе нѣтъ въ европейской Россіи, либо они добываются въ количествѣ ничтожномъ, совершенно несоотвѣтственномъ потребностямъ населенія. Такимъ образомъ, и по отношенію къ минеральнымъ богатствамъ почва Россіи далеко уступаетъ запад-

*) Добыча желѣза въ Россіи доходитъ лишь до 24 фунтовъ на человѣка въ годъ. Во Франціи эта цифра равна 200 фунтамъ, въ Германіи 240, а въ Англіи даже 1.200 фунтамъ. Конечно, послѣдняя страна сама потребляетъ лишь часть этой громадной добычи, но не продажею ли другой части она больше всего обогащается. Желѣзо, уголь и обработка, при помощи ихъ, хлопка суть главные источники процвѣтанія Англіи.

ной Европѣ. «Но, могутъ сказать люди, склонные къ самообольщенію: по словамъ акад. Гельмерсена, въ европейской Россіи залежи одного каменнаго угля занимаютъ 24.000 кв. миль; богатство Урала желѣзомъ и мѣдью неисчерпаемы; цинкъ мы находимъ въ Польшѣ, олово и свинецъ въ Сибири, слѣд. вообще дома». Да, но домъ этотъ такъ обширенъ, что выгоднѣе покупать свинецъ и олово въ Англіи и рельсы въ Бельгіи, чѣмъ привозить ихъ изъ Алапаевска, Барнаула и Нерчинска. А что до каменнаго угля, то до сихъ поръ изъ 24.000 кв. миль, имъ будто бы занятыхъ, разработывается едва 15—20 миль, что, впрочемъ, и естественно, ибо площадь, очерченная г. Гельмерсеномъ, по бо́льшей части заключаетъ лишь пласты плохихъ лигнитовъ, часто обремененныхъ сѣрнымъ колчеданомъ, а еще чаще имѣющихъ такую ничтожную толщину, что ихъ пока не стоитъ разработывать, особенно въ виду сравнительной дешевизны ньюкестля и кардиффа, привозимыхъ изъ Англіи.

Такимъ образомъ, какое бы физико-географическое условіе человѣческой жизни въ Россіи мы не взяли, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что *страна эта представляетъ менѣе удобствъ для цивилизованной жизни, чѣмъ западная Европа*. Нѣкоторыя изъ этихъ невыгодъ неустранимы; другія хотя и могутъ быть ослаблены въ своемъ значеніи, но лишь цѣною большихъ усилій, требующихъ прежде всего распространенія въ народѣ точныхъ познаній, а потомъ проницательности людей, руководящихъ общественною дѣятельностью и, главное, энергіи самаго населенія. И того, и другаго, и третьяго у насъ пока нѣтъ, отчасти вслѣдствіе вѣковаго вліянія тѣхъ же невыгодныхъ физико-географическихъ условій, отчасти же отъ причинъ случайныхъ и преходящихъ. А потому не станемъ удивляться, если мало-по-малу русское племя даже у себя дома будетъ оттѣсняться на второй планъ иностранцами, сначала, конечно, одиночками піонерами, захватывающими въ свои руки лучшія статьи дохода и выгодныя мѣста въ обществѣ, потомъ становящимися владѣльцами земли, т. е. производительной почвы, а потомъ, наконецъ, и полными хозяевами страны, при чемъ можетъ даже не встрѣтиться надобности прибѣгать къ оружію, т. е. дѣлать грубое и рискованное насиліе. Западная Польша, Остзейскій край, Петербургъ, южнорусскіе города, даже нѣкоторыя подмосковныя мѣстности могутъ представить немало тому доказательствъ уже въ настоящее время. Что будетъ далѣе,—мы не знаемъ.

Искренно желаемъ, чтобы русскій народъ не изнемогъ въ борьбѣ за существованіе; но не можемъ не прибавить, что для успѣха борьбы нужно имѣть усовершенствованныя орудія и полную свободу движеній. Другими словами: чтобы побѣда осталась за нами, нужно торопиться пріобрѣсти точныя знанія, разумный, практическій взглядъ на свою землю и, главное, ту энергію, которая есть необходимое условіе успѣха всякаго дѣла и которая, въ свою очередь, дается лишь людямъ, умѣвшимъ освободиться отъ всякихъ стѣсненій ума и воли силою искренняго уваженія въ себѣ человѣческаго достоинства.

II.

Обозрѣвая физико-географическія условія существованія человѣка въ европейской Россіи, мы видимъ, что эти условія вообще менѣе выгодны, чѣмъ тѣ, которыя представляетъ западная Европа. Отсюда тотъ выводъ, что борьба за существованіе для русскаго труднѣе, чѣмъ, напр., для француза, и что для добыванія себѣ равныхъ или, по крайней мѣрѣ, подходящихъ къ французскимъ средствъ къ жизни русскій долженъ, во 1-хъ, работать, лично или посредствомъ машинъ, болѣе, чѣмъ французъ, и, во 2-хъ, располагать бо́льшимъ количествомъ почвы, чѣмъ этотъ послѣдній. Достиженіе перваго условія очень возможно: были бы запасы угля для полученія механическаго двигателя и знаніе законовъ механики, физики и химіи, чтобы этого двигателя направлять наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ. Но одно размноженіе механическихъ и химическихъ производствъ недостаточно для обезпеченія экономической судьбы націи, потому что они приложимы лишь къ *переработкѣ* готоваго сырья, а само сырье доставляется все же природою, т. е. факторомъ, отъ насъ пока очень мало зависящимъ. Вотъ почему, желая, чтобы русскій народъ жилъ въ экономическомъ отношеніи (т. е. ѣлъ, пилъ, одѣвался, помѣщался, перемѣщался и пр.) не хуже западо-европейцевъ, мы должны обратить еще разъ взглядъ нашъ на отношенія его къ территоріи. Для этого вспомнимъ то, что уже было замѣчено относительно средней производительности русской почвы. Одна десятина ея приноситъ владѣльцу лишь 40% того, что десятина французская; слѣдовательно, если бургундцу или туренецу достаточно для достиженія извѣстной доли благосостоянія пять десятинъ, то рязанцу или орловцу ихъ нужно не

менѣе 12-ти или даже 15-ти. И въ самомъ дѣлѣ, наблюденія показываютъ, что только та средняя русская семья (5 душъ: мужъ, жена, двое дѣтей и старикъ или старуха) живетъ довольно обезпеченно, въ пользованіи которой есть 12—15 десятинъ огорода, пашни, луга, выгона и лѣса, при чемъ она содержитъ одну корову, 1—2 лошади, 2—3 овцы, свинью и нѣсколько куръ. Если же чего-либо изъ исчисленнаго здѣсь не достаетъ, то начинаются лишенія, или, какъ говорятъ въ народѣ, *нужда*, которая заставляетъ главу семьи или одного изъ членовъ ея, иногда даже нѣсколькихъ, нарушить семейныя связи и идти на сторону искать работы, вознаграждаемой поденною платою, т.-е. сдѣлаться изъ независимаго человѣка подначальнымъ наемникомъ, что̀ въ иныхъ случаяхъ равносильно нисхожденію на степень машины или скота. Но много ли русскихъ людей находится нынѣ въ завидномъ положеніи обладателей 12—15 десятинъ? — Раскрывъ труды Васильчикова, Янсона, Вильсона или документы, обнародованные министерствомъ государственныхъ имуществъ, мы увидимъ, что очень немногіе. Какія же затѣмъ средства можетъ употребить и дѣйствительно употребляетъ крестьянинъ-земледѣлецъ для поднятія своего благосостоянія хоть на столько, чтобы питаться, быть одѣтымъ по климату и кое-какъ поддерживать домъ?—Отвѣтъ даютъ изслѣдованія Чаславскаго, Гациссаго и др. объ отхожихъ промыслахъ, книга Флеровскаго о положеніи рабочаго класса въ Россіи и многочисленныя статьи въ нашихъ ежемѣсячныхъ и ежедневныхъ изданіяхъ. Эти изслѣдованія и статьи прямо говорятъ, что положеніе средняго русскаго человѣка, не смотря на то, что онъ—землевладѣлецъ, нерѣдко бываетъ хуже положенія европейскаго безземельнаго бобыля и что наилучшій исходъ для него изъ этого печальнаго состоянія есть оставленіе роднаго жилища и переселеніе въ мѣста, гдѣ еще свободныхъ земель довольно. Само правительство въ послѣднее время стало раздѣлять это мнѣніе и уже не такъ стѣсняетъ переселеніе, какъ это было въ первые 15—16 лѣтъ по уничтоженіи крѣпостнаго права. Стало-быть, колонизація есть очередной историческій вопросъ для современнаго русскаго поколѣнія *). Но чтобы переселенія были не раз-

*) Разумѣемъ исключительно колонизацію, вызываемую экономическими причинами, увеличенію которой можно только радоваться, благо пустыхъ мѣстъ въ Россіи довольно. Что же касается до выселеній изъ родины, обусловливаемыхъ причинами политическими, то можно только скорбѣть, что эти причины существуютъ, и желать, чтобы онѣ скорѣе прошли.

рушительны для благосостоянія колонистовъ, а плодотворны, нужно прежде всего знать, куда выгодно переселяться, гдѣ есть свободныя производительныя земли и какія физико-географическія и экономическія условія ожидаютъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Это, какъ извѣстно, нашими статистиками и экономистами оставлено почти въ совершенномъ небреженіи, и во всей русской литературѣ нельзя найти ничего хотя бы только подходящаго къ «Отчетамъ сѣверо-американскаго эмиграціоннаго бюро», дающимъ превосходныя указанія для переселенцевъ въ Соединенные Штаты. Мы, разумѣется, не можемъ и думать о пополненіи пробѣла въ настоящемъ случаѣ; но чтобы все-таки внести извѣстную долю свѣта въ обсуждаемый предметъ, попробуемъ характеризовать тѣ земли, которыя составляютъ какъ бы запасный экономическій фондъ русской націи и лежитъ преимущественно въ Азіи. Начнемъ съ ближайшей страны, съ Кавказа.

Кавказскій перешеекъ, завоеваніе котораго стоило русскому народу столько жертвъ кровью и деньгами, представляетъ, безъ сомнѣнія, благодатнѣйшую часть русскихъ владѣній. По крайней мѣрѣ, это безусловно можно сказать про западную его половину, отъ миридіана Владикавказа и Тифлиса до Чернаго моря. Послѣ Андалузіи и Ломбардіи это, быть можетъ, лучшая часть Европы по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. И если доселѣ, напр., черноморское прибрежье пользуется репутаціею страны нездоровой, лихорадочной, то это лишь потому, что она не воздѣлана, что лѣсистыя болота, находящіяся въ рѣчныхъ долинахъ, не осушены и что новые пришельцы, незнакомые со страною, селятся именно въ этихъ долинахъ, а не на отклонахъ горъ. Изучивъ лично топографію и физическую географію Европы отъ Тахо до Урала, отъ Лондона и Стокгольма до Мессины и Матапана, я смѣло утверждаю, что если въ Россіи есть мѣстность, способная вмѣщать столь же густое населеніе, какъ, напр., долины Роны, средняго Рейна или даже По, то это, конечно, западный Кавказъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что въ немъ, на пространствѣ 4.000 кв. миль, живетъ лишь два съ половиною милліона людей, т. е. менѣе, чѣмъ въ Альзасѣ и Баденѣ, занимающихъ въ совокупности едва 650 кв. миль. Если для сравненія возьмемъ страну, сходную по топографическимъ свойствамъ, хотя и худшую по климату, именно Швейцарію, то увидимъ, что въ этой послѣдней на протяженіи 750 кв. миль живетъ именно столько народа, сколько его есть теперь на 4.000 кв.

миляхъ западнаго Кавказа. Стало-быть, можно допустить, что населеніе въ 10 или даже 12 милліоновъ душъ не будетъ обременительнымъ для совокупности областей, орошаемыхъ Кубанью, Ріономъ, Чарокомъ, верхними Араксомъ, Курою и Терекомъ. А если это такъ, то можно только желать, чтобы эта цифра населенія была достигнута какъ можно скорѣе, хотя бы съ временнымъ ослабленіемъ населенности бассейновъ окскаго, донскаго и отчасти днѣпровскаго (по лѣвому берегу) и волжскаго (въ верхнихъ и среднихъ его частяхъ). У насъ нетрудно найти экономистовъ и администраторовъ, которые тотчасъ возразятъ, что это значитъ желать раззоренія средоточія государства; но мы скажемъ, что, напротивъ, это значитъ желать обогащенія именно средней Россіи и людей, нынѣ ея населяющихъ. Оставленіе переселенцами земель, истощенныхъ культурою, дастъ возможность послѣднимъ отдохнуть, пріобрѣсти вновь плодородіе, а, главное, дастъ въ руки людямъ, остающимся на мѣстахъ, бо́льшіе противу нынѣшняго надѣлы, приблизитъ среднюю русскую крестьянскую семью къ обладанію тѣми 15 десятинами, которыя недостижимы для нея теперь. Переселенцы же въ богатомъ отъ природы западно-кавказскомъ краѣ быстро пріобрѣтутъ все нужное для ихъ благосостоянія, лишь бы они не были подчинены военно-подьяческому управленію, какъ козаки.

Значительно менѣе способна къ колонизаціи восточная половина кавказскаго намѣстничества, гдѣ встрѣчаются обширныя степныя пространства по Кумѣ, Тереку и Курѣ или безлѣсныя, каменистыя горы—въ Дагестанѣ. Кромѣ того, здѣсь уже почти всѣ годныя подъ населенія мѣста заняты частію русскими, а частію, и гораздо бо́льшею, туземнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, и восточный Кавказъ можетъ еще вмѣстить вѣроятно до милліона и болѣе пришельцевъ съ сѣвера, особенно если въ долинахъ его рѣкъ, отъ природы негодныхъ къ судоходству, будетъ введено орошеніе въ родѣ того, которому начало уже положено на Терекѣ и Курѣ. Если же когда-нибудь, черезъ устройство кумо-манычскаго канала, будетъ поднятъ уровень Каспія, то несомнѣнно, что во всей восточной половинѣ Кавказа воздухъ сдѣлается влажнѣе, и тѣ части страны, которыя не будутъ затоплены моремъ, пріобрѣтутъ почти тѣ же условія производительности, какъ западная половина перешейка. Мы охотно соглашаемся, что пока этотъ взглядъ есть мечта, идеалъ; но въ томъ-то и достоинство, какъ отдѣльныхъ людей,

такъ и цѣлыхъ націй, чтобы преслѣдовать неуклонно, настойчиво достиженіе идеаловъ, имѣющихъ цѣлью общее благо.

Кавказскій перешеекъ, сверхъ растительныхъ своихъ богатствъ, обусловливаемыхъ благорастворенным климатомъ, заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ и огромныя минеральныя сокровища, начиная отъ нынѣ разработываемыхъ нефти, серебра, свинца, желѣза и пр., до каменнаго угля, соли, марганца, мѣди и даже золота. Такимъ образомъ, природа не отказала ему ни въ чемъ, чтобы изъ него могло выйдти цвѣтущее экономическое цѣлое, которое притомъ, по положенію своему между двумя морями и въ сосѣдствѣ двухъ большихъ государствъ передней Азіи, заслуживаетъ особаго вниманія нынѣ господствующаго на немъ народа русскаго. Въ цѣломъ своемъ составѣ Кавказъ на памяти исторіи ни разу еще не принадлежалъ *одной* націи, а тѣмъ болѣе такой, которая имѣетъ европейскій складъ жизни: это, слѣдовательно, какъ бы пробный камень для колонизаторскихъ или вообще цивилизаторскихъ способностей русскаго племени.

Не признавая такую исключительную важность Кавказа, какъ запасной территоріи для русскаго народа, мы должны, конечно, оговориться, что лучшія мѣста страны уже заняты и притомъ народами, которыхъ національность довольно рѣзко опредѣлилась цѣлыми вѣками исторіи, такъ что ассимиляцію ихъ пришлыми русскими элементами трудно предположить осуществимою. Грузины и особенно армяне, вѣроятно, навсегда останутся грузинами и армянами, хотя бы сдѣлали важныя уступки европеизму въ обычаяхъ и даже складѣ понятій. У нихъ есть свои литературы, свои органы общественнаго мнѣнія и, прибавимъ, свои національные интересы, которые отнюдь не всегда сходятся съ русскими. А они—хозяева бо́льшей половины Закавказья, и если могутъ мало-по-малу слиться съ русскими, то лишь благодаря, съ одной стороны, вліянію общихъ интересовъ научныхъ и нравственно-политическихъ, а съ другой—вліянію браковъ, довольно уже частыхъ особенно между русскими и грузинами. Что до татаръ тифлисской, елизаветпольской и бакинской губерній, то одна ихъ принадлежность къ мусульманской вѣрѣ кладетъ довольно широкую пропасть между ними и русскими.... впрочемъ, также между ними и грузино-армянами. Притомъ, они занимаютъ либо степи, среди которыхъ нелегко водворить сколько-нибудь значительныя русскія селенія, либо долины въ горахъ Малаго Кав-

каза и Карабаха, гдѣ уже все годное для культуры захвачено ими. Наконецъ, горцы Дагестана и Чечни не только составляютъ коренное населеніе двухъ этихъ провинцій, но и упрочены въ своихъ жилищахъ легальнымъ отводомъ имъ земель по межевымъ планамъ: очевидно, что само правительство и не думаетъ замѣнять ихъ русскими колонистами, хотя люди дальновидные, въ родѣ гр. Евдокимова, давно были въ пользу удаленія горцевъ въ Турцію. И такъ, остаются на Кавказѣ болѣе или менѣе свободнымъ поприщемъ для разселенія собственно русскаго народа только восточное прибрежье Чернаго моря и вновь присоединенныя области Карская и Батумская. Начало ихъ заселенія и сдѣлано, но пока въ очень скромныхъ размѣрахъ, при чемъ еще въ Черноморскомъ округѣ и бывшихъ Цебельдѣ и Абхазіи сдѣланы крупныя экономическія ошибки черезъ раздачу земель не дѣйствительнымъ земледѣльцамъ, а крупнымъ помѣщикамъ, чиновникамъ и офицерамъ, которые мало думаютъ о личномъ водвореніи на полученныхъ участкахъ, а еще менѣе о разумной ихъ обработкѣ и о привлеченіи на нихъ выходцевъ изъ Россіи.

Переходя съ Кавказа на восточный берегъ Каспійскаго моря, мы вступаемъ на почву Туркменіи или, точнѣе, пустынь, которыхъ южная окраина населена туркменами, а сѣверная—киргизами и хивинцами. Физико-географическія свойства этой мѣстности нынѣ уже довольно извѣстны. Почва—безплодная, глинистая или песчаная степь, безъ воды; климатъ—суровая зима, съ холодными вѣтрами и мятелями, и сухое, знойное лѣто, почти безъ весны и осени. Цивилизованная жизнь тутъ невозможна, да не только цивилизованная, а почти всякая. Не многіе обитатели страны, прижавшіеся къ сѣвернымъ склонамъ Кепетъ-Дага, живутъ преимущественно разбоями, производимыми въ сосѣднихъ персидскихъ провинціяхъ, и едва-ли могутъ жить иначе, такъ какъ небольшіе, рѣдкіе оазисы ихъ собственной родины неспособны производить достаточно продовольствія для ихъ семей и скота, составляющаго почти единственное ихъ достояніе. Такимъ образомъ, все протяженіе Закаспійскаго военнаго отдѣла, фиктивно опредѣляемое въ 5 или болѣе тысячъ квадратныхъ миль, должно быть сброшено со счетовъ, когда идетъ рѣчь о земляхъ, годныхъ для разселенія русскаго племени. Мы готовы даже сказать, что въ сумму этихъ земель закаспійскія степи должны быть введены съ минусомъ, ибо удержаніе ихъ за Россіею, неизбѣжное по политическимъ соображеніямъ, ничего, кромѣ убытка,

не приноситъ и приносить никогда не будетъ, развѣ если удастся расширить Каспій на столько, чтобы залить значительную долю пустынь *), при чемъ, съ одной стороны, расширится область рыболовства, а съ другой, увеличатся влажность воздуха и зависящее отъ нея плодородіе почвы степей.

Почти то же, что о Туркменіи, должно сказать о степяхъ киргизскихъ, простирающихся отъ Мангышлака до Зайсана и отъ рѣки Урала до Бухары. Сухость воздуха здѣсь такъ же велика, какъ и въ пустыняхъ, окружающихъ Хиву, а зимніе холода и бураны еще сильнѣе. Оренбургъ холоднѣе Гельсингфорса, а Омскъ Улеаборга, хотя оба степные города лежатъ на 1000 верстъ ближе къ экватору, чѣмъ города финляндскіе. Въ Казалинскѣ, подъ одинаковою широтою съ Ліономъ, мы находимъ среднюю годовую температуру въ 7,°5 Ц., между тѣмъ, какъ въ Ліонѣ она переходитъ за 10° Ц.; а если взять для сравненія амплитуды между самыми теплыми и самыми холодными мѣсяцами въ году, то увидимъ, что разница между ними огромна и, конечно, не въ пользу Казалинска. Именно, въ Ліонѣ самый холодный мѣсяцъ, январь, имѣетъ среднюю температуру +1°, а въ Казалинскѣ—13°; въ Ліонѣ іюльская жара не переходитъ, среднимъ числомъ, за +18,°8, а въ Казалинскѣ она равна +25,°3, что даетъ разницы между крайностями въ Ліонѣ только 17,°5, а въ Казалинскѣ цѣлыхъ 38,°3; а это, конечно, отзывается разрушительнымъ образомъ на здоровьѣ людей и скота, особенно въ виду того, что они не имѣютъ такихъ закрытій отъ зимнихъ непогодъ, какъ во французскомъ городѣ. У насъ съ 1820-хъ годовъ возникла и даже осуществляется мысль колонизировать степи, гдѣ будто бы есть хорошія и обширныя земледѣльческія угодья. Отвергать безусловно пользу такой колонизаціи, особенно въ политическомъ смыслѣ, мы не можемъ; но опытъ показываетъ, что положеніе переселенцевъ тутъ незавидно. Были даже случаи, когда приходилось устроенные уже селенія оставлять, какъ, напр., Улутау; вообще же козачьи станицы, а особенно степныя укрѣпленія съ ихъ поселками, представляютъ

*) Уровень теперешняго Каспійскаго моря на 89 футовъ ниже Чернаго. Если кумо-манычскій каналъ будетъ доставлять столько воды, что горизонтъ ея въ Каспіѣ возвысится на 6 саженъ (42 ф.), то значительная часть губерній астраханской, ставропольской и бакинской, областей терской и уральской, а главное — Туркменія, исчезнетъ съ поверхности земной суши, и за всѣмъ тѣмъ паденіе воды въ каналѣ будетъ достаточно, чтобы движеніе ея къ востоку не прерывалось.

жалкій видъ, кромѣ трехъ-четырехъ мѣстностей, въ которыхъ возникли степные базары, такъ сказать,—торговые аванпосты Троицка, Петропавловска и другихъ промышленныхъ пунктовъ на линіи уральско-иртышской, а вмѣстѣ и этапы для каравановъ, ходящихъ съ сѣвера на югъ, поперегъ степей и обратно. Во всякомъ случаѣ, крайнимъ предѣломъ мѣстностей, сколько-нибудь удобныхъ для водворенія русскихъ колоній, можно считать 51-ю параллель. Все же, что лежитъ отъ нея къ югу, или представляетъ случайныя исключенія, напр., Фергана, Міанкалъ, подгорья Алатау,—или вовсе не годится для осѣдлой, а иногда и не для какой жизни. Въ придачу замѣтимъ, что значительная часть плодородныхъ оазисовъ уже занята узбекскимъ и таджикскимъ населеніемъ, имѣющимъ свою исторію и исповѣдающимъ мусульманскую вѣру. Для колонизаціи русской, особенно сельской, тутъ очень немного мѣста, и если, напр., въ Семирѣченской области успѣли водвориться 30—35 т. душъ русскихъ переселенцевъ, то мы не должны забывать, что они уже заняли *все*, что можно было занять, такъ что дальнѣйшій приливъ колонистовъ невозможенъ. Сумма этихъ занятыхъ русскими частей Семирѣчья едва ли превосходитъ 35 кв. миль, т. е. $^1/_{265}$ долю страны! Все же остальное—степи, часто совершенно безплодныя, или горы, южные скаты которыхъ обыкновенно представляютъ голыя скалы, а сѣверные производительны лишь тогда, когда на вершинахъ горъ лежитъ вѣчный снѣгъ. Въ сыръ-дарьинской области, аму-дарьинскомъ и самаркандскомъ отдѣлахъ мѣста, орошаемыя изъ рѣкъ, также повсюду заняты уже мѣстнымъ населеніемъ, и русскіе переселенцы, чтобы водвориться, должны бываютъ или оттѣснять туземцевъ, или выводить новые каналы для орошенія своихъ полей и садовъ, что не всегда бываетъ возможно, особливо въ виду того, что для насъ очень важно поддерживать двѣ главныя рѣки края—Сыръ и Аму-Дарьи—въ состояніи, годномъ для судоходства, т. е. не распускать на арыки. Соображая все это и имѣя въ виду, что номадамъ нужно также оставить въ пользованіе не однѣ голыя пустыни, а и болѣе или менѣе удобныя пастбища или даже пашни, которыя у нихъ имѣютъ огромное политическое значеніе *), мы можемъ

*) Киргизы, которые начинаютъ ѣсть хлѣбъ и потому пахать и обсѣвать землю, суть совершенно мирные русскіе подданные; напротивъ, кочевники всегда склонны къ хищничествамъ и бунтамъ.

сказать, что изъ пространства въ 60,000 кв. миль, принадлежащаго намъ въ Средней Азіи, едва ли болѣе 800 миль могутъ быть когда либо заняты собственно русскимъ народомъ, а остальная площадь навѣки останется за полудикими, кочевыми киргизами или за осѣдлыми уже, но не дружелюбными къ намъ таджиками и узбеками.

На сѣверѣ отъ степей, какъ извѣстно, лежатъ зауральскія части губерній оренбургской и пермской, а потомъ западная Сибирь. Значительная часть двухъ первыхъ провинцій, именно, пространство между рѣками Уею и Тагилью, достаточно теплое, хорошо орошенное, имѣющее плодородную почву, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстностямъ азіатской Россіи и потому уже нынѣ довольно густо населено. Тутъ развились: хлѣбопашество, скотоводство, горные промыслы и даже нѣкоторыя другія заводскія производства, не исключая машино-строительнаго и химическихъ. По физико-географическимъ условіямъ эта при-уральская полоса земли, въ 400 верстъ длиною и около 250 шириною, много напоминаетъ сосѣднія ей съ запада европейско-русскія губерніи, пермскую и уфимскую, а потому для оцѣнки ея, какъ запасной территоріи русскаго племени, критеріумъ очень ясенъ. Она можетъ содержать безбѣдно до трехъ милліоновъ жителей, вмѣсто нынѣшнихъ 1.200.000. Но колонизировать эту страну новыми выходцами едва ли удобно: почти всѣ лучшія мѣста въ ней заняты, а остальное пространство нужно предоставить потомкамъ теперешняго ея населенія, которые и обратятъ его въ страну культурную. Что же касается до сѣверо-востока пермской губерніи и до юго-востока оренбургской, то на нихъ надежды мало. Первый можетъ доставлять занятія немногимъ горнопромышленникамъ и лѣсосѣкамъ, а второй — немногимъ же скотоводамъ; но для густаго земледѣльческаго населенія они неудобны, одинъ по суровости климата, другой—по крайней его сухости.

Затѣмъ мы вступаемъ на почву западной Сибири. О значеніи этой страны для русской колонизаціи еще недавно говорилъ, не безъ убѣдительности, извѣстный знатокъ ея, г. Ядринцевъ, и съ бо́льшею частью его положеній слѣдуетъ согласиться, такъ какъ извѣстная полоса земель въ бассейнѣ Оби-Иртыша довольна удобна для водворенія въ ней колонистовъ изъ средней и сѣверной Россіи. Но почтенный писатель нѣсколько преувеличилъ это значеніе. Такъ, едва-ли можно сомнѣваться, что не только бо́льшая изъ принятыхъ имъ цифръ — 285.000.000 д.,

но и самая малая — 51.000.000 душъ, не можетъ вмѣститься въ пространство Барабы и предгорій Алтая. Причинъ этому много; важнѣйшая изъ нихъ — климатъ. Если мы проведемъ крайній предѣлъ земледѣлія въ Западной Сибири, т. е. линію отъ Тобольска къ Томску и Ачинску, то она отдѣлитъ ровно $^3/_5$-хъ всей площади страны, т. е. около 25.000 квадр. миль, которыя обречены на историческое ничтожество по той же причинѣ, какъ губерніи улеаборгская, архангельская, олонецкая и большая часть вологодской въ европейской Россіи. Остаются, слѣдовательно, 16.000 кв. миль, составляющія южную половину тобольской и томской губерній и сѣверныя окраины областей акмолинской и семипалатинской, т. е., говоря географическимъ языкомъ, Бараба и Алтай. Но Бараба — страна бѣдная, болотистая и до такой степени мало привлекательная для колонистовъ, что только *силою* администрація успѣла въ ней заселить двѣ линіи вдоль большихъ почтовыхъ дорогъ. На лѣвой сторонѣ Иртыша, между меридіанами Омска и Тюмени, правда, населеніе погуще; но и теперь большихъ удобствъ для жизни нѣтъ, такъ что, не будь обширныхъ пастбищъ для скота и возможности вслѣдствіе той же обширности пустырей, вести переложное хозяйство,—населеніе бѣдствовало бы. Не забудемъ, что Омскъ, занимающій почти средину культурной полосы западной Сибири, имѣетъ среднюю годовую температуру всего $+0°,3$ Ц.; средніе температуры апрѣля и октября тоже около $+0°,5$ Ц., а пяти зимнихъ мѣсяцевъ $-15°$ Ц. Въ распоряженіи земледѣльца остаются всего 5 мѣсяцевъ въ году, правда, со среднею температурою $+15°,1$ Ц., но съ значительными заморозками по начамъ въ маѣ и сентябрѣ, даже августѣ. Оттого во всей Барабѣ, какъ и на Алтаѣ, населеніе не знаетъ озимыхъ посѣвовъ, и всѣ земледѣльческія работы должно справлять между 20 апрѣля и 10 сентября, т. е. въ теченіе 145 дней, а иногда и того скорѣе. Засухи тоже не рѣдкость въ западной Сибири или, по крайней мѣрѣ, въ Барабѣ; да и все количество атмосферной воды, падающей въ теченіи года на почву, не превосходитъ, напримѣръ, въ Барнаулѣ, 9 дюймовъ, что въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ въ Москвѣ. Междугорныя и подгорныя долины Алтая, конечно, богаты очень хорошими земледѣльческими угодьями и имѣютъ, кромѣ того, важное преимущество лежать вблизи богатыхъ металлами горъ; но ненужно также преувеличивать ихъ достоинствъ, потому что среднія годовыя температуры равны:

въ Томскѣ лишь —1° Ц., въ Барнаулѣ +0°,4 Ц. и даже въ Семипалатинскѣ лишь +2°,3 Ц., что приравниваетъ весь Алтайскій округъ къ губерніямъ олонецкой, вологодской и вятской. По этому мы думаемъ, что если западная Сибирь когда-нибудь населится такъ, что люди въ ней будутъ потреблять *все*, производимое ея земледѣліемъ, ничего не сбывая за предѣлы края, то это населеніе будетъ милліоновъ 18—20, никакъ не болѣе. Конечно, и 20.000.000 цифра большая, но отсюда до 285 или даже до 51 милліона разстояніе очень значительно. Замѣтимъ при томъ, что въ Барабѣ, кромѣ Оби и Иртыша, нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, нѣтъ камня для устройства желѣзныхъ и даже шоссейныхъ дорогъ, нѣтъ каменнаго угля для локомотивовъ; слѣдовательно, все это придется привозить изъ-далека, не ближе какъ съ Алтая. Въ Омскѣ и теперь плитнякъ для фундаментовъ сплавляется изъ Усть-Каменогорска, т. е. за 1.000 верстъ: отъ того-то онъ и обстроенъ такъ дурно.

И такъ, западная Сибирь — страна сравнительно недурная, но не могущая имѣть большой экономической будущности. Ея богатства сосредоточиваются главнѣйше въ ея юго-восточномъ углу, къ которому дешевый доступъ есть лишь по двумъ рѣкамъ, Оби и Иртышу; но эти рѣки семь мѣсяцевъ въ году недоступны для судоходства. Широкихъ и прочныхъ морскихъ сообщеній съ Европою установить нельзя, потому что путь туда изъ бассейна Оби лежитъ черезъ Обскую губу, Карское море и Маточкинъ-шаръ, которые свободны отъ льда какихъ-нибудь 80 дней въ году, да и тогда не привлекательны для мореплавателей. Желѣзная дорога изъ Екатеринбурга на Тюмень или Шадринскъ и Омскъ, а оттуда на Барнаулъ и Томскъ, конечно, можетъ много помочь экономическому развитію края, а съ нимъ и духовному развитію населенія; но повторяемъ опять, возможный предѣлъ этого развитія тотъ же, что въ олонецкой, вологодской и вятской губерніяхъ, и 25.000.000 душъ на всемъ пространствѣ отъ Урала до границъ восточной Сибири намъ представляются *maximum*'омъ населенія страны даже въ самомъ далекомъ будущемъ.

Что же послѣ этого сказать про восточную Сибирь, отъ Алтая до Тихаго океана и отъ Ледовитаго моря до Саяна, Яблоноваго и Становаго хребтовъ? Въ ней нолевая изотерма спускается почти до самыхъ южныхъ ея предѣловъ, именно до Верхнеудинска (51°50′ м.), и даже южнѣе этого пункта есть мѣстности, въ

которыхъ, благодаря высокому ихъ положенію, средняя годовая температура ниже ноля, какъ, напр., въ Кяхтѣ (50°21′ м.)—1°,1 Ц. и въ Нерчинскомъ заводѣ (51°19′)—3°,8 Ц. Не будемъ уже говорить про енисейскій округъ или якутскую область, гдѣ лѣтомъ земля оттаиваетъ съ поверхности лишь на нѣсколько вершковъ, а затѣмъ представляетъ ледяную толщу въ нѣсколько сажень; возьмемъ только югъ страны: минусинскій, красноярскій и канскій округи енисейской губерніи, всю иркутскую и все Забайкалье. Эти три провинціи занимаютъ около 40.000 кв. миль; но изъ нихъ для осѣдлой, цивилизованной жизни едва ли годна и половина, скорѣе менѣе. Безусловно способными къ содержанію довольно густаго осѣдлаго населенія могутъ быть признаны только долины рѣкъ, но и то если онѣ довольно глубоко врѣзаны въ высокую вообще почву страны и, съ другой стороны, не обставлены большими горами, съ которыхъ дуютъ холодные вѣтры. Окрестности Красноярска, Минусинска, Иркутска, Верхнеудинска, Нерчинска производятъ хорошіе яровые хлѣба, но въ достаточномъ ли количествѣ даже для теперешняго рѣдкаго населенія? Не всегда, какъ показываютъ примѣры нѣсколькихъ голодныхъ годовъ въ послѣднее время. Да оно и понятно. Стоитъ вспомнить, что рѣка Шилка, подъ широтою Варшавы (52° ½), вскрывается лишь 20—25 апрѣля, что черезъ Енисей подъ Красноярскомъ (шир. Витебска) ѣздятъ по льду тоже около 25 апрѣля и что, наконецъ, нерѣдки случаи, что черезъ Байкалъ, подъ 52° шир., переѣзжаютъ по льду же около 5 мая. Эти данныя, полагаемъ, больше говорятъ уму, чѣмъ знаменитый державинскій стихъ: «Богатая Сибирь.... и пр.», нерѣдко повторяемый на разные лады горячими хвалителями этой страны. Затѣмъ, если восточная Сибирь и обладаетъ дѣйствительно огромными минеральными и лѣсными богатствами, то гдѣ пути, по которымъ бы можно были обмѣнивать ихъ на предметы какъ самой первой необходимости, въ родѣ хлѣба, такъ и цивилизованнаго обихода, въ родѣ колоніальныхъ продуктовъ, винъ, тканей шелковыхъ и бумажныхъ, и пр.?—Устья Енисея и Лены, на которыя теперь, послѣ экспедицій Норденшильда, указываютъ поклонники плаваній по Ледовитому морю?—Но плаванія Норденшильда и другихъ были и суть не болѣе, какъ удачные *налеты*, которые отнюдь не всегда будутъ удаваться, какъ и доказалъ примѣръ 1879 года, если ужъ не брать въ разсчетъ многовѣковаго опыта нашихъ предковъ: Стадухина, Бузы, Прончищева, Лаптева, Ша-

лаурова, Сарычева, Врангеля, Литке, и цѣлаго ряда мореплавателей англійскихъ и голландскихъ, искавшихъ сѣверо-восточнаго пути въ Тихій океанъ. Мы знаемъ, конечно, что «не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ бываетъ», но и безъ хлѣба-то жить люди не могутъ, такъ что по одной этой причинѣ многія страны неспособны вмѣщать населенія болѣе извѣстной цифры. А ставъ на эту точку зрѣнія, мы не можемъ не замѣтить, что для восточной Сибири этою предѣльною цифрою являются 18—20 милліоновъ душъ, изъ которыхъ притомъ значительная доля будетъ, конечно, состоять изъ бурятовъ, минусинскихъ и др. татаръ и якутовъ, которые всѣ лучше приспособлены къ климату страны, чѣмъ выходцы изъ европейской Россіи. Русская колонизація должна расчитывать на восточную Сибирь даже менѣе, чѣмъ на западную.

По счастію, русскія владѣнія въ Азіи не исчерпываются двумя частями Сибири и Туркестаномъ: тамъ есть еще у насъ и Амурскій край. Нѣтъ сомнѣнія, что это лучшая изъ русско-азіатскихъ провинцій, особливо въ виду ея положенія у моря, съ которымъ и самыя отдаленныя отъ него части ея связаны прекрасными водяными путями. По физическимъ свойствамъ она напоминаетъ среднія части европейской Россіи, отъ Петрозаводска до Курска и даже болѣе южныхъ мѣстностей, такъ какъ, вслѣдствіе теплоты лѣта, въ ней возможно созрѣваніе винограда и многихъ плодовыхъ деревьевъ; по великолѣпной лѣсной растительности (дубы, вязы, грѣцкіе орѣшники, сосны, кедры, красныя березы и пр.) она превосходитъ всѣ остальныя части Россіи, кромѣ западнаго Кавказа, а по минеральнымъ богатствамъ едва ли въ чемъ уступаетъ лучшимъ частямъ Сибири и Урала. Безплодныхъ земель тамъ нѣтъ вовсе, за исключеніемъ развѣ немногихъ голыхъ каменныхъ вершинъ въ Становомъ хребтѣ и Сихота-Алинѣ. По математическому своему положенію она соотвѣтствуетъ даже лучшимъ странамъ западной Европы, именно южной Англіи, Франціи и сѣверной Италіи, отъ Ливерпуля до Флоренціи. Но это-то сравненіе и наводитъ насъ немедленно на путь къ истинной оцѣнкѣ физическихъ условій Амурскаго края. Въ то время, какъ въ западной Европѣ названныя сейчасъ мѣстности лежатъ между изотермами $+9^{\circ}$ и $+14^{\circ}$ Ц., Николаевскъ и Владивостокъ, двѣ крайнія точки Амурской страны, имѣютъ среднія годовыя температуры не болѣе: первый—$2^{\circ},7$ Ц., а второй $+4^{\circ},7$ Ц. Это, слѣдовательно, климаты Скандинавскаго полу-

острова, а не Аппенинскаго, даже не Франціи и Бельгіи. Поэтому, принимая въ разсчетъ, что собственно для земледѣлія въ Амурскомъ краѣ найдется годною лишь половина пространства (5.500 к. м.), а остальная земля должна навсегда остаться подъ лѣсами, пастбищами и горными пріисками, мы можемъ предположить, что вѣроятный предѣлъ населенія страны есть 15—16 милліоновъ душъ, изъ которыхъ три четверти, конечно, размѣстятся на среднемъ Амурѣ, въ бассейнѣ Усури и на прибрежьѣ Японскаго моря, оставивъ подножія Становаго хребта столь же почти безлюдными, какъ сосѣдняя Якутская область.

Наконецъ, у насъ имѣются въ видѣ запасныхъ земель островъ Сахалинъ и полуостровъ Камчатка. На первый изъ нихъ, какъ извѣстно, теперь обращено особое вниманіе тюремной администраціи, которая ежегодно отправляетъ туда значительныя партіи ссыльныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, говорятъ, около трети успѣваетъ спастись за-границу или умереть отъ лишеній. Большаго населенія Сахалинъ содержать не можетъ, ибо хлѣбопашество удается лишь въ немногихъ мѣстахъ, и его нужно замѣнять огородничествомъ и скотоводствомъ; но за то обширные лѣса, залежи каменнаго угля и обильныя рыбныя ловли у береговъ даютъ право надѣяться, что при разумномъ хозяйничаніи населеніе острова можетъ стать очень зажиточнымъ. Если мы, положивъ, что Сахалинъ будетъ такъ же густо населенъ, какъ теперь сѣверная и средняя Шотландія, похожая на него природою, то онъ въ состояніи будетъ содержать до милліона душъ. Что же касается до Камчатки, то, хотя ея среднія годовыя температуры выше сахалинскихъ, подъ тѣми же широтами, но распредѣленіе тепла по временамъ года столь не выгодно для земледѣлія, что на заселеніе этой страны, столь же обширной, какъ Италія, нѣтъ надежды, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не явится надобность на всемірномъ рынкѣ въ произведеніяхъ ея лѣсовъ и рыбныхъ ловель, или пока не откроются въ ея почвѣ значительныя минеральныя богатства, способныя привлечь горнопромышленниковъ.

Сводя теперь все изложенное относительно русско-азіатскихъ владѣній, какъ запасной территоріи русскаго племени, мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностію сказать, что для народа русскаго тутъ найдется пригодныхъ земель меньше, чѣмъ ихъ есть въ европейской Россіи нашего времени. Шестьдесятъ—семьдесятъ милліоновъ душъ прибыли противу теперешней цифры населенія

Кавказа, Туркестана, Сибири и Амурскаго края—и азіатская Россія будетъ *переполнена* жителями, т. е. должна будетъ получать свой хлѣбъ извнѣ, какъ теперь губерніи петербургская, московская и всѣ промежуточныя. Это можетъ, на первый взглядъ, показаться страннымъ, даже пессимистическимъ, преувеличенно-мрачнымъ; но что же дѣлать, если къ этому приводятъ данныя, которыя трудно оспаривать? Притомъ, кажется, что собственно-горестнаго тутъ нѣтъ ничего. 85+65=150, а полтораста милліоновъ есть цифра достаточно почтенная, чтобы нація, которой числительность она выражаетъ, была спокойна за свое историческое существованіе, даже если бы одновременно съ нею развивались другіе, соперничествующіе и болѣе многолюдные, богатые и могущественные народы. Конечно, въ то время, когда Россія будетъ имѣть 150.000.000 населенія, т. е. лѣтъ черезъ 60, англо-саксонское племя въ Европѣ, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи размножится до цифры еще болѣе значительной, особенно благодаря ассимиляціи другихъ европейцевъ, выселяющихся въ Соединенные Штаты и въ британскія владѣнія; конечно, развитію Россіи много будутъ мѣшать поступательное движенія нѣмцевъ съ запада и неурядицы азіятскихъ народовъ, живущихъ вдоль южныхъ предѣловъ имперіи; но возможность занимать почетное мѣсто въ исторіи у насъ не отнята тѣмъ, что физико-географическія условія нашей территоріи плохи. «Не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ», повторимъ мы въ свою очередь и напомнимъ, что умъ человѣка есть такая сила, которая во многомъ можетъ уравновѣшивать невыгоды обитаемой человѣкомъ земли. Голландія—тому примѣръ; да и не одна Голландія, а сама Россія, которая въ теченіи какого-нибудь столѣтія выдвинулась на очень замѣтное мѣсто среди европейскихъ націй. И чтобы съ успѣхомъ продолжать это прогрессивное движеніе, средства не отняты у насъ. Первымъ и самымъ главнымъ представляется, конечно, знаніе законовъ природы и умѣнье прилагать ихъ къ производству такихъ предметовъ, которые были бы полезны, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ племенъ, которыя обитаютъ въ странахъ, богатыхъ отъ природы сырьемъ, особенно питательными продуктами. Пусть мы будемъ снабжать Бразилію или Зондскій архипелагъ желѣзомъ, мѣдью, машинами, оружіемъ, а они намъ станутъ высылать рисъ, кофе, сахаръ, хлопокъ: мы будемъ сыты и одѣты, несмотря на скудость нашихъ урожаевъ. Пусть Китай и Монголія обращаются къ намъ

за выдѣланными кожами, за сукнами, за мѣхами, за обработаннымъ деревомъ, а намъ даютъ чай, скотъ, шерсть, шелкъ и т. п.: результатъ будетъ тотъ же. Пусть наши заводы и желѣзныя дороги начнутъ дѣйствовать исключительно русскимъ каменнымъ углемъ и сполна обрабатывать у себя дома русское сырье—и мы въ состояніи будемъ жить не хуже шотландцевъ, шведовъ, датчанъ, нѣмцевъ, быть можетъ, даже англичанъ и французовъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы, изучивъ физическія свойства странъ, своей и чужихъ, *сознательно намѣтить цѣль* нашей умственной и промышленной дѣятельности и *вѣрно угадать* тѣ *пути*, которые ведутъ къ этой разумной цѣли: тогда благосостояніе наше будетъ обезпечено, а съ нимъ обезпечены умственное развитіе и всемірно-историческое значеніе. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто входить въ указаніе этихъ путей и самой цѣли; однако, мы не можетъ пройдти молчаніемъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса. Мы видѣли, что почва Россіи никогда не можетъ стать также производительною, какъ почва Франціи, Англіи, Бельгіи, подъ тѣми же широтами; отсюда прямой выводъ, что *главною промышленностью Россіи должна стать не обработка поверхности земли, а выработка ея нѣдръ*. И эти нѣдра способны обогатить насъ не однимъ золотомъ или серебромъ, а многими предметами, болѣе ихъ важными, какъ-то: топливомъ, т. е. согрѣвателемъ нашихъ жилищъ и двигателемъ нашихъ машинъ, желѣзомъ и мѣдью—матеріалами для этихъ машинъ, и пр. Пусть наши горныя и техническія училища даютъ намъ не 100—120 техниковъ въ годъ, а 10—12 тысячъ; пусть наша зажиточная интеллигенція, вмѣсто траты времени и средствъ на изученіе латинскихъ супиновъ, риторики, палеографіи, семитическихъ литературъ и теорій, учится химіи, минералогіи, геогнозіи, механикѣ и средства свои употребляетъ на разработку угля, желѣза, мѣди, на постройку заводовъ и фабрикъ,—она не только обогатитъ себя умственно и вещественно, но и обезпечитъ успѣхъ своихъ отдаленныхъ потомковъ въ трудной борьбѣ народовъ за историческое существованіе. Математика, физика, естественная исторія притомъ разовьютъ умственныя способности наши лучше, чѣмъ запоминаніе звонкихъ фразъ Цицерона и усвоеніе безсмысленныхъ бредней мистицизма, являющихся подъ видомъ-ли метафизики или подъ рубрикою «морали».*) Человѣкъ, владѣющій

*) Никто, конечно, не будетъ стоять за усвоеніе какихъ нибудь безсмысленныхъ бредней мистицизма, особенно прикрытыхъ маскою нравственности,

знаніемъ природы,—и только [redacted]одинъ—есть та сила, предъ которою все склоняется. Его взоръ дальновиденъ, его энергія всегда разумно направлена. Онъ не бродитъ въ потемкахъ, отыскивая цѣль жизни и наилучшія средства для ея достиженія; онъ не служитъ рабочимъ скотомъ для другихъ людей, болѣе свѣдущихъ и богатыхъ средствами; онъ—дѣйствительный *homo sapiens* и всевластный *naturae rex*.

Кромѣ этого *общаго* указанія на необходимость вознаградить невыгодность физико-географическихъ условій русской земли разумнымъ направленіемъ умственной практической дѣятельности русскаго народа, мы позволимъ себѣ указать и на нѣсколько *частныхъ* вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ будетъ много зависѣть успѣхъ развитія нашего племени. Чуть ли не самымъ важнымъ изъ нихъ является вопросъ о *расширеніи Каспія* помощью водъ Чернаго моря, проведенныхъ по кумо-манычской ложбинѣ. Мы знаемъ, что рѣшеніе его еще не созрѣло въ обществѣ; но это не мѣшаетъ намъ стоять на своемъ, въ твердомъ убѣжденіи, что недалеко время, когда на великое дѣло взглянутъ серьезно представители интеллигенціи и даже власти. — Затѣмъ, весьма важною задачею представляется *облѣсеніе* тѣхъ мѣстностей, откуда берутъ начало рѣки. Совѣты Палласа, Кеппена, Васильчикова и другихъ дальновидныхъ людей должны быть исполнены, если мы не хотимъ постепеннаго расширенія степей на счетъ плодородной почвы.—Далѣе, все вліяніе мѣстныхъ образованныхъ людей, всѣ средства земствъ, если ужъ не государства, поглощеннаго у насъ почти исключительно заботами о такъ называемой sécurité publique внѣшней и внутренней,—должны быть употреблены на то, чтобы *деревянныя жилища* и постройки вообще *замѣнить каменными*. Это не только обезпечитъ націю отъ огромныхъ ежегодныхъ убытковъ, причиняемыхъ пожарами, но и сообщитъ самой осѣдлой жизни ту устойчивость, которой нашему народу не достаетъ. Жизнь трехъ-четырехъ поколѣній сряду въ одномъ и томъ же домѣ есть почти порука ихъ прочной любви къ родинѣ, а вмѣстѣ и обезпеченіе успѣховъ хозяйства. При

да ничего подобнаго, впрочемъ нигдѣ и не преподается—но можно—и все знаніе ограничить только знаніемъ химіи, минералогіи, геогнозіи, механики, рода ихъ практической пользы? Не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ. Отказаться отъ стремленій къ красотѣ и къ познанію ради того, что есть и было и что истинно само по себѣ, независимо отъ практическихъ цѣлей значитъ отупѣть умомъ и нравственно пасть.

Ред.

скудости въ европейской Россіи пріисковъ натуральнаго плитняка и дороговизнѣ обожженаго кирпича, нужно замѣнять ихъ суррогатами, которыхъ современныя химія и технологія предлагаютъ немало.—Затѣмъ, мы можемъ пожелать, чтобы большая *магистральная желѣзная дорога* связала наконецъ Россію европейскую съ отдаленнѣйшими частями азіятскими, до самаго Японскаго моря. Какой могущественный толчекъ экономическому и духовному развитію цѣлой націи придала бы эта дорога, трудно себѣ и представить. Амурскій край и лучшія части Сибири колонизировались бы; обмѣнъ произведеній востока и запада пересталъ бы зависѣть отъ множества случайностей, которымъ онъ подвергается теперь, при перевозкѣ гужомъ или даже на пароходахъ, плавающихъ всего 5—6 мѣсяцевъ въ году; нація быстро объединилась бы въ умственномъ, политическомъ и даже этнографическомъ отношеніяхъ.—Наконецъ, позволимъ себѣ къ этимъ крупнымъ дезидератамъ присоединить одну, самую скромную, но вовсе немаловажную. Пусть наконецъ тѣ, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ способы, дадутъ народу общедоступное руководство къ заселенію далекихъ пустынныхъ окраинъ: ихъ трудъ по справедливости не будетъ забытъ русской исторіей....

Нетрудно предвидѣть впечатлѣніе, которыя произведутъ эти строки на большинство читателей, постоянно живущихъ въ Россіи и стоящихъ *слишкомъ близко* отъ хода событій. Они отнесутся къ значительной части всего, здѣсь написаннаго, нѣсколько иронически: одни—по недовѣрію къ точности положеній и выводовъ, другіе—по убѣжденію въ неосуществимости «идеаловъ». Не станемъ оспаривать ихъ. Если жизнь приводитъ людей къ упорному скептицизму, къ утратѣ вѣры въ человѣческое достоинство, къ умственной и нравственной апатіи,—ихъ не передѣлаетъ чтеніе нѣсколькихъ страницъ, хотя бы написанныхъ на тему самаго жгучаго интереса и даже съ талантомъ, котораго, конечно, мы не смѣемъ подозрѣвать въ нашихъ строкахъ. Но тогда, надѣемся, они и не удивятся, если мы скажемъ: вспомните притчи Христа о талантахъ, розданныхъ рабамъ господиномъ, и о десяти дѣвахъ, ждавшихъ «жениха во полунощи....» Полночь эта настанетъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ другія народности, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, окажутся болѣе достойными *оттѣснить безпечную расу съ поприща всемірной исторіи*.

М. Венюковъ.

Женева, іюль 1880.

МІРСКАЯ ДУША.

(Очерки народнаго быта).

I.

Въ глубинѣ лощины, по обоимъ берегамъ рѣчки Таловки, въ два порядка раскинулось сельцо Липовка. Плотина барской мельницы, попавшей какъ разъ въ средину села, образуетъ довольно большой прудъ. На одной сторонѣ пруда стоятъ рядомъ два кабака: мірской и барскій. По другую сторону пруда, на пригоркѣ красуется большая, пяти-стѣнная, крытая «старновкой» изба, съ надписью, гласящей: «липовское волостное правленіе 5-го мироваго участка N—скаго уѣзда, Саратовской губерніи». Въ Липовкѣ, по послѣдней ревизіи, числилось 580 душъ мужск. пола и 612 женскаго; число дворовъ 150. До 1866 года крестьяне были барскіе, за мѣстнымъ помѣщикомъ Василіемъ Ивановичемъ Толстогубовымъ, а съ этого приснопамятнаго года стали именоваться «собственниками», хотя вся собственность состояла въ надѣльной десятинѣ съ «четью» *). Почти вся пресловутая «десятина съ четью» находилась подъ усадьбой. Лишь 15 десятинъ лежало подъ выгономъ, на высокомъ солонцеватомъ берегу Таловки, да около 30 десятинъ подъ «поемными лугами», какъ иронически прозвали липовцы топкое болото на низкомъ берегу Таловки, поросшее осокой.

Вотъ и все земельное богатство липовскихъ «землевладѣльцевъ-собственниковъ». Не даромъ и сельцо ихъ прозвали «Голявкой».

Кустарныхъ промысловъ въ Голявкѣ нѣтъ. Крестьяне истари занимались исключительно однимъ «хлѣбопашествомъ».

*) „Четь"—2½ сажени; при 80 саженяхъ длины, это составитъ 200 квадр. саж., т. е. 1/12 часть казенной десятины.

Отхожіе промыслы въ послѣднее время упали. 15—20 лѣтъ тому назадъ липовцы занимались извозомъ. По санному пути ходили на Донъ и Волгу, въ Саратовъ, Царицынъ, Ростовъ и Астрахань. Наложатъ свѣжаго судака, линя, окуня, тарани, а кто побогаче — сазана, севрюги, стерляди; къ масляницѣ вернутся домой и въ 3—4 дня всю рыбу «размотаютъ» на базарѣ въ сосѣднемъ торговомъ селѣ Разуваевѣ.

Въ былые годы и гурты гоняли, мясомъ торговали. По осени, послѣ уборки хлѣба «ходили въ казаки»; на ярмаркахъ по Дону овечьи гурты скупали. А были и такіе, что на «линію» шли за крупной рогатой скотиной. Пригонятъ скотину по осени, снимутъ чуть не задаромъ барскую отаву и пустятъ гурты. Отгуляется скотина,—въ Москву, или въ губернію гонятъ мясникамъ, а то и сами колютъ, да въ чаны солить кладутъ. Чановъ въ то время въ рѣдкомъ дворѣ не было.

— Лежалыхъ-то денегъ хошь и не было, вспоминали старики доброе старое время, да хозяйство исправное,— скотина была. Опять и народъ былъ твердый. Скажетъ слово, что олово. Ну, и вѣрили, на тыщи вѣрили. Иной на линіи отродясь не бывалъ, пристанетъ къ Ивану Матвѣичу Дылдѣ, вмѣстѣ идетъ. А Дылду на линіи всякій знаетъ. Придетъ онъ съ товарищемъ, облюбуетъ скотинку, хозяину скажетъ: «Вотъ! молъ, новаго купца твоей милости привелъ!... Изъ нашихъ, изъ голявскихъ.... вѣрный человѣкъ!» «Вѣрный, такъ и ладно», хозяинъ и радъ. Сторгуется въ цѣнѣ съ новымъ-то купцомъ, ударятъ по рукамъ.... Задатокъ получитъ рублей пятьдесятъ, а то и всѣ 20, коли денегъ не богато. Разопьютъ могарычи. Ну, скажетъ, получай товаръ изъ полы въ полу! Дай Богъ разжиться съ легкой руки, да смотри, на тотъ годъ должокъ приноси, а, оборони Богъ, въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, смерть придетъ, брату накажи! И отпуститъ это новому купцу товару тыщи на три. А на счетъ документа, али чего, слова не скажетъ. Рази для памяти, коли письмѣнный человѣкъ подъ руку подвернется, на клочкѣ какомъ росписку напишутъ. Ну, да гдѣ тамъ! днемъ съ огнемъ грамотѣевъ не сыщешь. Вотъ, какъ бывало, вѣрили, а нонѣ что? Измотался народъ, хозяйство въ раззоръ пошло. Хорошій человѣкъ на полтину не довѣритъ, не то што на тыщи.»

И дѣйствительно, въ какіе-нибудь 10—15 лѣтъ, все хозяйство липовцевъ пошло прахомъ. Прежде чуть-ли не въ каждомъ дворѣ былъ пчельникъ, по 100—150 колодъ стояло, а теперь,

лишь въ 5—6 дворахъ колодокъ по 20—30 стоитъ. Бывало, на задворкахъ 20—30 одоньевъ по годамъ стояло, а нынѣ до Рождества весь хлѣбъ перемолотъ, проданъ и въ казначейство пошелъ за мужицкую душу ревизскую, да за надѣльную десятину съ четью. Прошла «масляна», пришелъ великій постъ и «собственники» толкутся въ господскихъ и купецкихъ конторахъ, «условья подъ работу берутъ», получая кто 2, кто 3 четверти на прокормъ семьѣ, да на сѣмена.

Когда вотчинная контора Василія Ивановича Толстогубова передавала въ началѣ шестидесятыхъ годовъ запасный хлѣбъ волостному правленію, въ обоихъ магазинахъ значилось озимаго хлѣба 2300 четв. и яроваго—1250 четв. Теперь же въ обоихъ магазинахъ хоть шаромъ покати. Правда, волостной писарь, готовя два раза въ годъ «вѣдомость о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ липовской волости», всегда противъ Липовки, въ графѣ: «состоитъ на лицо», старательно выводитъ: озимаго 580 четв. и яроваго 290, т. е. ровно столько, сколько требовалось послѣднимъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, по 1 четверти озимаго и пол-четверти яроваго на ревизскую душу, но врядъ-ли самъ авторъ вѣдомости довѣрялъ этимъ цифрамъ. ....

Не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, за липовской волостью не числилось «ни чети копѣйки недоимки», а теперь за одной только липовкой состоитъ болѣе трехъ тысячъ, и недоимка все ростетъ и ростетъ, и Богъ знаетъ, когда будетъ положенъ предѣлъ этому росту. Въ первый годъ злосчастнаго пятилѣтія, «по случаю опустошительнаго пожара», какъ объясняло правленіе въ вѣдомости г. исправнику о взысканіи платежей, «поступленіе уѣзднаго земскаго сбора было малоуспѣшно». Впрочемъ, «приняты самыя энергическія мѣры ко взысканію недоимки», утѣшало оно далѣе строгаго начальника. Однако, не смотря на энергическія мѣры, недоимка земскаго сбора на слѣдующій годъ возросла, да еще оказался значительный недоборъ страховаго сбора, «за неурожаемъ озимаго и скуднымъ урожаемъ яроваго хлѣбовъ», какъ поясняло волостное начальство.

Въ тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь, при всѣхъ усиліяхъ уѣзднаго, волостнаго и сельскаго начальствъ, могли собрать лишь подушную подать, часть выкупныхъ платежей, да мірской сборъ, а земскаго и страховаго сборовъ, такъ ни копѣйки и не собрали.

Въ жаркое утро іюля 187* г., подъ соломеннымъ навѣсомъ, оберегавшимъ отъ дождей и непогодъ неприхотливый «пожарный струментъ» сельца Липовки, собрался сельскій сходъ. День былъ воскресный, и какъ церкви въ Липовкѣ не было, то иные охотники покалякать собрались на сходъ съ ранняго утра. Пришелъ, наконецъ, и староста Абрамъ Романычъ.

— Съ праздникомъ, старики! здоровался староста, снимая новый, только-что купленный картузъ.

— Съ праздникомъ, Абрамъ Романычъ! въ одинъ голосъ отвѣчали старики.

— Всѣ-ли въ сборѣ?... Никакъ Иванъ Михайлова нѣтъ.... да и Мирона тоже?...

— Не-то что Мирона.... почитай, всего конца нѣту!

— Какъ-такъ? Павлычъ! обратился староста къ подходившему маленькому, обутому въ новые лапотки, хромому старику—«добросовѣстному»,*)—я тебѣ вечёръ наказывалъ свой конецъ оповѣстить!

— Да я, Абрамъ Романычъ, вечёръ у кума на мениныхъ былъ..... а нонѣ по хозяйству ходилъ.... Думалъ, сталъ-быть, не скоро.... сходъ-то.... такъ вотъ навѣдаться дошелъ.

— По хозяйству?! ухмылялись старики, поди безъ заднихъ ногъ отъ кума-то лежалъ?

— Ахъ, ты, старая карга!... До сѣдыхъ волосъ дожилъ, не знаетъ, когда сходъ собрать.... Бѣги живѣй!.... булгачь стариковъ! крикнулъ сердито староста.

Павлычъ схватилъ «подожёкъ» и, отчаянно махая свободной рукой, поспѣшно заковылялъ «булгачить свой конецъ».

— Ну, дѣло на ладъ пошло.... зубоскалили старики. Вишь ты, какъ Павлычъ-то заковылялъ.... ровно утица подстрѣленная.... Къ обѣду, гляди, всѣхъ соберетъ.

Староста посмотрѣлъ въ слѣдъ ковылявшаго Павлыча, глянулъ на солнышко, солнышко было высоко.

— Митрій, обратился онъ къ молодому парню, тоже отправлявшему должность «добросовѣстнаго», ступай къ Павлычу на подмогу, а то и впрямь ево до обѣда не дождешься!

— Абрамъ Романычъ! Я свой конецъ оповѣстилъ.... Мнѣ чево за другихъ стараться?... За чужую вину я не виноватъ, отлынивалъ Митрій.

---

*) Добросовѣстный—десятскій.

— Я тебѣ дамъ свой конецъ! сердито ворчалъ староста.

— Ступай, ступай, Митрій! Чего околачиваться-то? Не до обѣда же и впрямь ждать будемъ!—подтвердили старики.

Митрій всталъ и побѣжалъ догонять Павлыча. Наконецъ, собрался и «Павлычевъ конецъ.»

— Всѣ-ли въ сборѣ? снова спросилъ староста.

— Всѣ, знать.... Да, вотъ, никакъ Ромашкина нѣту?

— Ну, его къ лѣшему! сказалъ кто-то, горластъ добре, слова молвить не даетъ.

— Вотъ и Дылды нѣту!...

— Здѣсь, здѣсь! Кто Дылду поминаетъ? Чтобъ ему не легко было! весело подшучивая и здороваясь, подходилъ къ мірянамъ высокій, поджарый, но осанистый мужикъ въ новой суконной поддевкѣ.

— Ну, сказывай, Абрамъ Романычъ, для какихъ такихъ дѣловъ насъ согналъ? обратились міряне къ старостѣ.

— Да, вотъ, старики, на счетъ Абрамихи! Чево мы съ ней дѣлать будемъ? спросилъ староста.

— Какъ чево?... Живетъ у Лагуткина.... ну, и пущай живетъ....—недоумѣвали старики.

— Нѣтъ ужъ, православные, ослобоните! взмолился Лагуткинъ: измаялся я съ бабой-то своей! Сами знаете,—пора теперь рабочая. Вся семья—самъ другъ съ бабою,—дѣвчонка съ ребенкомъ.... А бабка со всѣмъ полоумная; за ней уходъ нуженъ. Надысь со жнитва вернулись....хватились,—нѣтъ Абрамихи,—дѣвчонка не знаетъ. Искалъ я, искалъ.... и въ банѣ, и въ ригѣ,—нѣтъ нигдѣ! Побѣжалъ по селу....по задворкамъ хожу, «не видали-ли, молъ, Абрамихи»? нѣтъ, говорятъ, не видали. Спасибо, Лаврентья встрѣтилъ... Изъ Разуваева ѣхалъ, съ базару.... «Видѣлъ, говоритъ, подъ «безпутнымъ кустомъ», на лужку старуха сидитъ, не разобралъ только,—чья. Окликнулъ,—отвѣта не дала. Жутко мнѣ стало! Хлеснулъ лошадей, мимо проѣхалъ. Шутъ знаетъ, думаю, что за «шишига» тутъ ночью сидитъ.» Ёкнуло серче-то!... Она! думаю. Запрегъ савраса, поѣхалъ подъ «безпутный». Легко сказать, семь верстъ, взадъ-впередъ — четырнадцать!... Пріѣхалъ.... она и есть! на корточкахъ, ровно векша, сидитъ.... Ослобоните, міряне!... раззоръ!... Гдѣ бы робить, анъ тутъ за Абрамихой!...

За Лагуткинымъ просунулась баба и пуще мужа начала голосить.

— Да, кака-така Абрамиха? Сёмъ-ка мы погляднмъ ее,— предложилъ кто то изъ мірянъ: поди, не всѣ видали!...

— Митрей! крикнулъ староста, сбѣгай за Абрамихой!

Митрей побѣжалъ.

Абрамиха была бобылка, бездѣтная вдова. Мужъ ея, Николай Степановъ, жилъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ Иваномъ и такъ и померъ, не отдѣлившись отъ него. Иванъ, не задолго до смерти, раздѣлилъ трехъ своихъ сыновей. При этомъ дѣлежѣ Абрамиху обидѣли: подъ предлогомъ, что она бобылка, «хозяйство, молъ, ей не вести», Абрамихѣ не дали ни лошадей, ни пчелы, ни строенья. Абрамиха пожелала жить у Иванова зятя—Лагуткина; часть, какую ей выдѣлили, тоже перешла къ нему. У Лагуткина прожила она 15 лѣтъ; потомъ почему-то житье ей не понравилось, и она ушла, неизвѣстно куда. Такъ проживала Абрамиха около десяти лѣтъ по чужимъ людямъ. Послѣдніе четыре года, какъ узнали сельчане, она жила въ нянькахъ у священника, верстахъ въ тридцати отъ Липовки. У священника Абрамиха состарилась, обезсилѣла, ей уже было подъ семьдесять лѣтъ,—и сошла съ ума. Священникъ, видя, что Абрамиха не только въ няньки не годится, но за ней самой нужно няньку приставить, отвезъ ее на родину, къ Лагуткину, гдѣ она и жила уже вторую недѣлю до того достопамятнаго дня, когда голявскіе міряне рѣшили ея судьбу.

Привели Абрамиху. Растрепанная, простоволосая старуха безумно поводила своими безцвѣтными стеклянными глазами въ кругу мірянъ.

— Къ кому, бабка, хошь идти? спросилъ кто-то Абрамиху.

Старуха безсильно замотала головой, она была глуха.

— Къ кому, молъ, идти жить хочешь? прокричалъ ей староста подъ самое ухо.

— Вотъ къ нему! беззвучно прошепелявила Абрамиха, поводя безсмысленно рукой и глазами по всѣмъ міряпамъ.

— Къ кому, къ нему?

— Во! Во! шамкала старуха, указывая то на одного, то на другаго старика. Видимое дѣло, она не узнавала никого.

— Ну, чего съ ней калякать? Вишь, совсѣмъ полоумная.... А вотъ, къ кому мы ее опредѣлимъ? спросилъ низенькій, пузатенькій мужикъ съ цыганской физіономіей.

— Да, чего лучше—къ Фадѣй Иванову? Мужикъ богатый, семья большая: есть кому присмотрѣть.... Опять же и родня ей близкая.

— Гдѣ онъ тамъ.... Фадѣй-то? предложилъ кто-то.

Фадѣй Ивановъ, единственный оставшійся въ живыхъ изъ трехъ сыновей Ивана Степанова, мужикъ съ добрымъ, жирнымъ лицомъ и окладистой съ просѣдью бородой притаился, не подалъ голоса, думая про себя:

— Кой тамъ лѣшій меня поминаетъ? Авось, Господь Богъ грозу пронесетъ!... Но видно, Господь Богъ не очень-то мирволилъ Фадѣю Иванову. Лагуткинъ давно уже насторожилъ уши, чтобы не проронить ни одного предложенія мірянъ. Онъ и самъ мѣтилъ на Фадѣя Иванова, да только не рѣшался первый начать, ждалъ, что скажутъ старики, и потому радъ былъ ухватиться за такое предложеніе.

— И впрямь, къ Фадѣю Иванову,—началъ Лагуткинъ, онъ и ближе ей, нечѣмъ я... Я-то что ей?.. Такъ... съ боку припёка, сѣмая вода на кисслѣ, а онъ племянникомъ доводится. Пятнадцать годовъ я съ ней манешился, пущай онъ хошь годокъ попробуетъ....

«Прорвалось!» мелькнуло въ головѣ Фадѣя Иванова. Онъ заранѣе былъ увѣренъ, что какъ ни какъ, а вопрутъ ему Абрамиху. Живо представилось Фадѣю Иванову, какъ это жена встрѣтитъ его попреками. «Ишь, скажетъ, несытая утроба! Все бы по сходамъ шататься, — не поднесутъ-ли, молъ, мірскаго шкалика?... Ну, что? Поднесли,—дождался?... Глоты, вы, окаянные!... Міроѣды, пьяницы!... Ну, вотъ! нанимай теперь работницу... няньку за барыней-то твоей ходить... за Абрамихой!.. Чтобъ пусто ей было!....»—и пошла, и пошла. Какъ снохи будутъ ворчать да браниться, бѣгая за Абрамихой, какъ Абрамиха сквернословить, срамничать будетъ при «хорошихъ гостяхъ»,— словомъ, сколько горя, стыда и хлопотъ принесетъ въ домѣ Абрамиха,—все это вдругъ, какъ бы по наитію свыше, осѣнило Фадѣя Иванова, давило бѣдный мозгъ, приводило его въ ярость, негодованіе. Съ багровымъ лицомъ, налитыми кровью глазами, нахлобучивши на глаза свою шапку, Фадѣй Ивановъ стремительно поднялся изъ своего убѣжища, схватилъ «бодикъ» и бросился къ Лагуткину.

— Манешился! кто? Ты, безстыжая морда? манешился! Въ три жилы 15 годовъ старуху тянули, а теперь за ворота: не

гожа, а?.. Нѣтъ... стой!... продолжалъ Фадѣй Ивановъ, неистово тряся Лагуткина за плечо.—Нѣтъ, ты скажи, это по Божьи?... Міряне!.. Православные!.. отчаяннымъ голосомъ взывалъ Фадѣй Ивановъ, но тщетно: его никто не слушалъ.

Негодованіе Фадѣя Иванова было какой-то электрической искрой, которая мгновенно подожгла міянъ. Молчаливые, задумчивые, не то дремавшіе, не то слушавшіе внимательно до того старики, вдругъ оживились, выскочили изъ-подъ навѣса, съ пожарныхъ дрогъ и заваленки, разбились на кучки по три, пяти и по десяти человѣкъ и подняли неописанный шумъ, крикъ и гомонъ.

— Въ больницу ее отправить.... въ больницу земскую!... кричалъ въ одной кучкѣ старикъ.

— Что? Въ больницу? А кто платить будетъ, а?.. Ты?—неистово вопрошалъ худой мужиченко, съ клинообразной бородкой и лукавой физіономіей, перебѣгая изъ другой группы и поддергивая на ходу спустившіеся порты.

— Ты!.. Чать, не я одинъ, знамо обчество.

— Обчество, а?... Обчество? На-на, выкуси!... кричалъ худой мужиченко, просовывая большой палецъ между среднимъ и указательнымъ и поднося такую фигуру къ самому носу старика:—10 годовъ отъ міру отбилась, все обчество плати!... Въ больницу.... Барыней будетъ, въ пуховикахъ валяться, а ты на соломѣ... ежедѣнъ говядину ѣсть, а ты пустые щи хлѣбать, а?... Али міру много послужила, аль подушныхъ мало, добавить надоть? У-у-у! старый ты хрычъ, право!...

— Вѣдь она ему, мошеннику, принесла съ собой десять одоньевъ ржи, да пять овса, да четверыхъ овецъ, да... вопилъ неистово въ другой кучкѣ Фадѣй Ивановъ.

— Стой!.. Стой!.. Кто на дѣлютствѣ былъ?—прервалъ вдругъ кто-то Фадѣя Иванова.

— Да, да... Кто на дѣлютствѣ былъ?—подхватили міряне.

— Кто?.. Да... какъ бишь?.. Да, Иванъ Михѣевъ... такъ, такъ, Иванъ Михѣевъ! радостно восклицалъ Фадѣй Ивановъ.

— Иванъ Михѣевъ?.. Дурова голова, ты чево мертвыхъ поминаешь? Ты живыхъ...

— Живыхъ, живыхъ подавай!—подхватили старики.

— Постой... дай Богъ памяти... Стой!.. Такъ, такъ, Дылда былъ, Дылда...

— Дылда, Дылда!.. Гдѣ Дылда?

— Здѣсь, отозвался Дылда.

— Былъ на дѣлютствѣ, а? У Иванъ Степанова былъ?— вопрошали старики, обступая Дылду.

— Быть-то былъ, да...

— Такъ ты чево молчишь, сова пучеглазая, а?—приступали старики.

— Да, признаться, давненько было, 25 годовъ назадъ... Такъ вотъ запамятовалъ,—оправдывался Дылда.

— Ну, ну, скорѣй припоминай! поторапливали міряне. Около Дылды образовался кружокъ человѣкъ въ 20.

— Постой, не торопи!.. Тише ѣдешь, дальше будешь!

— Молчите, старики! Дылда про дѣлютство,—унимали другъ друга міряне.

Староста замахалъ рукой.

— Нишкните, старики! Дылду про дѣлютство послухаемъ!

Міръ вдругъ смолкъ. Всѣ столпились около Дылды.

— Вотъ какъ дѣло было,—началъ Дылда разсказъ: какъ померъ Николай Степановъ, годовъ эдакъ черезъ пятокъ и дѣлютство это было... Въ тѣ поры у Иванъ Степанова одоньевъ сорокъ ржи стояло... да овса—пятнадцать... Пчелы живой съ медомъ семьдесятъ колодокъ... Овецъ двѣнадцать, коровы двѣ съ телкомъ... кобыла, три мерина... жеребецъ трехъ-годовалый, да сосунокъ.—На трехъ сыновъ дѣлилъ, да на Абрамиху. Кажному по девять одоньевъ ржи, по четыре овса... Пчелы по 23 колодки... по двѣ овцы. Митрею корову, Ларивону замѣсто коровы жеребца, а Фадѣю стараго мерина. Фадѣю кобылу съ коняшкой, а Митрею да Ларивону по мерину... Муки тамъ въ закромахъ... ржаной шесть пятериковъ, да проса... четыре девятки... Старикъ-то раздѣлилъ по семь пудовъ муки, по девяткѣ проса... Избу пополамъ Фадѣю да Митрею, а Ларивону ригу да мшанникъ... Баня мѣстельная... Ну, а на счетъ мелочи энтой.... сбруи, да одежи не припомню... Абрамихѣ пошло: десять ржаныхъ одоньевъ... три одонья овса... шесть овецъ... корову съ тѣлкомъ... изъ одежи... старухино платье отдалъ, что было.... Ну, и свое да мужнино Абрамиха взяла... муки девять пудовъ, да проса девятку...

Во все время разсказа Дылды про дѣлютство Лагуткинъ не спускалъ съ него глазъ и, казалось, ловилъ каждое слово на лету, точно боясь, что оно проскочитъ мимо. Когда Дылда пріостанавливался, чтобы перевести духъ, или заикался, Лагуткинъ

безпокойно ёрзалъ ногами, хлопалъ себя по ляшкамъ, подтягивалъ порты, лазилъ рукой за пазуху,—словно онъ потерялъ что и никакъ не могъ припомнить, куда дѣлъ. Не успѣлъ окончить Дылда, какъ Лагуткинъ налетѣлъ на него и на Фадѣй Иванова.

— Што, мошенники?.. Я говорилъ, а? Четыре овцы за 23 колодки да за лошадь, а?.. А за ригу-то што, за избу, а? Ограбили старуху... ограбили... Ты дѣлилъ, ты, аспидъ?—набросился онъ на Дылду.

— Чево лаешься?.. Старикъ дѣлилъ, не я....Я свидѣтелемъ былъ...

— Ты свидѣтелемъ, а? Это по Божьи, по христіански?... Она съ мужемъ што?... въ домъ, али изъ дому несла?... Нѣтъ, ты скажи: въ домъ, али изъ дому Абрамиха несла? Ейный мужъ-отъ кто? братъ—Иванъ Степанова? Ей какая часть-то должна? половина, а?... Говори, идолъ!... половина? *).

---

*) *Примѣчаніе.* Заявленіе Лагуткина, что Абрамихѣ слѣдовала „половина“ всего имущества, было не совсѣмъ основательно. По липовскимъ обычаямъ Абрамиха могла получить вмѣстѣ съ мужемъ Николаемъ половину, если бы ея мужъ при жизни отдѣлился отъ брата Ивана. Но дѣлежа въ то время не послѣдовало, а когда онъ произошелъ, экономическіе трудовые элементы семьи измѣнились. У Ивана Степанова выросли и поженились три сына, на долю которыхъ выпало три душевыхъ пая земли и податей. Семья Ивана Степанова представляла, такимъ образомъ, почти четыре, если считать старика, трудовыя и податныя единицы („душъ“ было 4), которыя „несли въ домъ“, т. е. пріумножали общее хозяйство.

Абрамиха же не могла въ то время составлять полнаго пая: она хотя и работала, но безъ мужа бабья работа не слишкомъ высоко цѣнится. Во всякомъ случаѣ, вдова, если она не выходитъ замужъ по смерти перваго мужа, имѣетъ право на пай.

Дѣвки никогда не могутъ претендовать на участіе въ общемъ имуществѣ, если только не обрекли себя на дѣвственность и не работаютъ на ряду съ мужиками. Дѣвка—„отрѣзанный ломоть“: она „глядитъ изъ дому“, не въ домъ, а „изъ дому несетъ“. Дѣвчонку пой, корми и одѣвай, а выросла — ушла, не окупивши часто тѣхъ расходовъ, которые истратила на нее семья. Отсюда взглядъ на выдачу дѣвки, какъ на потерю трудовой единицы. „Калымъ“, „выкупъ“, „на столъ“—служатъ вознагражденіемъ за такую потерю.

Но „дѣвка-незамужница“ и вдова, участвуя своимъ трудомъ въ приращеніи имущества, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ право на пай. Размѣръ этого пая, по крайней мѣрѣ въ липовскомъ и многихъ другихъ обществахъ, которыя намъ приходилось наблюдать, не представляетъ постоянной величины, а зависитъ отъ конкретныхъ условій каждаго даннаго случая, которыя, будучи хорошо извѣстны односельцамъ, опредѣляютъ значеніе трудоваго элемента бабы, по сравненію съ другими трудовыми единицами семьи. Во всякомъ случаѣ, caeteris paribus, вдова и дѣвка-незамужница не могутъ претендовать на полный (тягловой) пай, такъ какъ безъ мужика онѣ не составляютъ полной сельскохозяйственной трудовой единицы (тягла), какъ не представляетъ такой еди-

— Чать, безъ мужа она.... бабья-то работа какая?... чево не дѣло болташь!...

— Безъ мужа! а сколь долго безъ мужа?... пять годовъ, а съ мужемъ двѣнадцать,—это какъ?

— Пять да двѣнадцать.... двѣнадцать да пять. Подь, возьми счеты да выкладай, сколь наробила Абрамиха съ мужемъ-то. Прямой пустомеля! крикнулъ подъ самое ухо Лагуткину вывернув-

---

ницы въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ и холостой или вдовый — бездѣтный мужикъ: „безъ бабы мужикъ не хозяинъ“. Поэтому холостые и бездѣтные вдовцы обыкновенно въ отдѣлъ не идутъ, а живутъ въ семьѣ.

Съ такой точки зрѣнія, Абрамиха и не могла претендовать на полный пай. Но здѣсь были еще другія условія, которыя могли вліять на увеличеніе ея доли. Домохозяйство Ивана Степанова было не „наживное“, а отцовское, т. е. отецъ „предоставилъ“ Ивану и Николаю благоустроенное домохозяйство, которое съ той поры почти не улучшилось. Дѣти Ивана Степанова не могли много „принести“ въ семью въ теченіи короткаго періода времени отъ возмужалости до раздѣла. Абрамиха „работала“ 12 лѣтъ вмѣстѣ съ мужемъ и лишь послѣднія пять дѣтъ одна. Эти-то конкретныя условія и могли служить основаніемъ требовать полнаго пая, чего Абрамиха не сдѣлала и была обижена. Поэтому сходъ безусловно констатировалъ фактъ „обиды“ и только не признавалъ уже возможнымъ возстановить нарушенную правду.

По положенію 1861 года, дѣла о семейныхъ раздѣлахъ подлежатъ вѣдѣнію сельскаго схода. Въ дѣйствительности же раздѣлъ производитъ „большакъ“, дѣдъ, или отецъ, или старшій братъ, но всегда въ присутствіи „свидѣтелей“, человѣкъ 5—6, обыкновенно „шабровъ“, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы „дѣлютство“ шло „по закону“, т. е. „по дѣдовскому обычаю“. Часто на дѣлютство приглашаются старики, пользующіеся среди мірянъ авторитетомъ правдивыхъ и неподкупныхъ знатоковъ дѣдовскихъ обычаевъ. Если „дѣлютствомъ“ не всѣ остались довольны, то обиженные обращаются къ старостѣ, прося передать дѣло „на стариковъ“, т. е. „на полный сельскій сходъ“. Такимъ образомъ, сельскій сходъ представляетъ высшую апелляціонную инстанцію, куда обращаются лишь въ томъ случаѣ, когда „большакъ и шабры не по правдѣ дѣлятъ“.

Къ крайнему сожалѣнію, въ послѣднее время, въ семейные раздѣлы сталъ вмѣшиваться волостной судъ, и здѣсь уже писарь тщится за приличное воздаяніе рѣшать раздѣлы на основаніи тоже „закона“, но уже не крестьянскаго, не обычнаго, а изложеннаго въ X томѣ свода законовъ.

И вотъ крестьянинъ знакомится съ „завѣщательнымъ правомъ“; узнаетъ какія-то тамъ „седьмыя“ и „четырнадцатыя“ доли, которыя „по закону“ принадлежатъ женѣ, снохамъ и т. д., открываетъ неслыханное дотолѣ право лишить по своему усмотрѣнію непокорныхъ дѣтей наслѣдства и т. под. Рѣшеніе волостнаго суда „по закону“, понятно, возбуждаетъ негодованіе среди мірянъ. Въ крестьянское присутствіе градомъ сыплются жалобы на неправильныя рѣшенія суда, не согласныя съ дѣйствующимъ обычнымъ правомъ.

Малограмотные сельскіе писаря такъ плохо излагаютъ содержаніе жалобы, что крестьянское присутствіе изъ жалобы уразумѣть мѣстныхъ обычаевъ не въ силахъ. Было бы наивно думать, что непремѣнный членъ самъ поѣдетъ знакомиться съ мѣстными обычаями, но если бы даже и поѣхалъ, то ловкій писарь, поддерживаемый старшиной и „Разуваевыми“, въ тысячу разъ больше

шійся откуда-то маленькій, пузатенькій, съ черною, какъ смоль, бородою мужичекъ и, не дожидаясь отвѣта, перешелъ къ другой группѣ.

— Къ Фадѣй Иванову опредѣляй!... Чево богачей-то жалѣть, и такъ міръ-отъ заѣли.... Какая обчеству́ отъ нихъ корысть?— кричалъ высокій, худощавый мужикъ Рытовъ.

— А отъ кого корысть-то міру? отъ васъ, сивалыжниковъ, што-ль?—подступилъ къ Рытову Дылда. Ты што-ль обчеству́ радѣтель, сорока долгохвостая? Лѣтось міръ-отъ Василь Григоричу

непремѣннаго члена знающій законы, казуистику и бюрократическій порядокъ, такіе обычаи отыщетъ, что непремѣнный членъ только руками разведетъ. Но обыкновенно и этого не бываетъ. „Препровождая при семъ жалобу крестьянина", имя—рекъ, крестьянское присутствіе шлетъ только запросъ въ волостное правленіе, требуя „подробныхъ объясненій, — какіе существуютъ мѣстные обычаи при раздѣлѣ", или же еще лаконичнѣе: „объясненій по содержанію оной", сирѣчъ жалобы.

Волостной писарь, насквозь пропитанный духомъ „Московскихъ Вѣдомостей", объясняетъ, что „обычаевъ у крестьянъ села (имя рекъ) на счетъ семейныхъ раздѣловъ никакихъ не имѣется, а на сходѣ только одинъ безпорядокъ: кто больше вина поднесетъ, въ пользу того и рѣшаютъ". Поэтому, молъ, „лучшіе, обстоятельные крестьяне обращаются къ волостному суду", гдѣ семейные раздѣлы вершатъ „по закону", при чемъ писарь и ссылку на соотвѣтствующую статью X тома сдѣлаетъ. Присутствіе становится въ тупикъ. Часто замѣчая, что писарь ужъ слишкомъ нахально заврался на счетъ „безпорядковъ", оно отмѣняетъ рѣшеніе и передаетъ дѣло о семейномъ раздѣлѣ суду другой волости, гдѣ повторяется та же грустная исторія. На нашихъ глазахъ такіе семейные раздѣлы тянулись по 5—6 годовъ, восходили до сената, пока, наконецъ, „лучшіе крестьяне", въ концѣ концовъ раззорившись „отъ воздаяній за розысканіе закона", не бросали дѣла, проклиная и писаря, и крестьянское присутствіе.

Еще чаще, впрочемъ, присутствіе удовлетворяется отвѣтомъ писаря, его ссылкой на X томъ и утверждаетъ рѣшеніе суда, „за отсутствіемъ кассаціонныхъ поводовъ къ отмѣнѣ онаго".

А между тѣмъ, присутствія совершенно упускаютъ изъ виду, что семейные раздѣлы, какъ и передѣлы земли, скидка и накидка тяголъ и т. п., и по буквѣ, и по духу положенія 1861 года, вѣдѣнію волостнаго суда не подлежатъ, а должны быть окончательно рѣшаемы сельскимъ сходомъ, и, слѣдовательно, всѣ рѣшенія волостнаго суда по этимъ вопросамъ должны быть безусловно отвергнуты, какъ не подлежащія его компетенціи, а не перерѣшаться вновь судомъ другой волости.

Впрочемъ, отъ крестьянскаго присутствія и ждать больше нечего: къ бюрократическому мертворожденному дѣтищу 70 годовъ вполнѣ приложимы извѣстные стихи:

„Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней".

Ужъ лучше бы крестьянское присутствіе слить въ одно учрежденіе съ уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ; тогда, по крайней мѣрѣ, расходовъ было бы меньше.

ито продалъ? Ты, Іуда, аль другой ито, а? Говори, христопродавецъ! вспоминалъ Дылда какіе-то грѣхи Рытова.

— Самъ ты Іуда! огрызался Рытовъ. Надысь Васька, братенокъ-то твой.... знашь, что сдѣлалъ? У Палугинскаго, у Матвѣй Ларивонова расписку разорвалъ.... Это што: міру, аль своему карману порадѣлъ? Гуртъ согналъ, а деньги—погоди, видно.... на томъ свѣтѣ сочтемся. Теперь голявской-то и носу не показывай въ Палугино, воромъ облаютъ, грязью закидаютъ.....

— Лагуткина пожалѣтъ надоть..... галдѣли въ другомъ мѣстѣ; мужикъ изъ силовъ выбивается: достатки малые.... недоимка за нимъ водится.... А Фадѣй Ивановъ мужикъ богатый.... Опять и семья большая, есть кому присмотрѣть за бабкой!....

— Лагуткина пожалѣть, а меня нѣтъ? вымолвилъ вдругъ Фадѣй Ивановъ: а ты знаешь, кака-така Абрамиха? Ко мнѣ какіе люди ѣздятъ! Начальники, купцы.... А она, прости Господи, подолъ заворотитъ, алибо середь горницы напакоститъ, а? Ты знаешь, кака срамница Абрамиха, аль нѣтъ?

— Знамо, Фадѣй-то Иванову зазорно, толковалъ осанистый мужикъ, владѣлецъ кирпичнаго сарая. Народъ чистый къ нему ѣздитъ, опять же дѣвки—невѣсты.... А Лагуткину што? у него сроду хорошій человѣкъ въ избѣ не бывалъ.

— Дѣвки!... А каки-таки дѣвки у Фадѣя? монашки, аль царевны китайскія? ерепенился сухопарый, беззубый старикашка: небось, Абрамиху поучатъ.... почище ее слово-то скажетъ.

— Ты думаешь, всѣ дѣвки на селѣ-то твоимъ подъ масть? язвилъ осанистый мужикъ.

— Подъ масть.... А каки у меня дѣвки, а?

— Каки? Самъ знаешь каки! Гулящи....

— Гулящи? съ кѣмъ гуляли-то? Ты скажи, башка порожняя, съ кѣмъ мои дѣвки гуляли? съ тобой што-ль, просукъ измытый?

— Ты, ты, вампиръ, ограбилъ Абрамиху! Отъ тебя и съ ума сошла.... подскочилъ вдругъ Лагуткинъ къ Фадѣй Иванову, ко мнѣ хошь на шею камень, а?.... Нѣтъ, погоди.... Пчелу подай, лошадь.... избу подай.... На чьи деньги-то разжирѣлъ? на сиротскія? Я бѣденъ, да честенъ, а ты богатъ, да воруватъ. Подай ейную часть.... всю подай,—возьму Абрамиху, сечасъ возьму.

— Да, што я тебѣ ейную часть со дна моря достану? Ну, ты скажи, веретено, откель я достану? У сиротъ братниныхъ отымать, што-ли?

Надъ всѣмъ этимъ народнымъ митингомъ стоялъ такой гомонъ, что только человѣкъ, привыкшій къ народной жизни, успѣвшій въ теченіе довольно продолжительнаго срока освоиться съ мѣстными обычаями, лично знакомый со всѣми этими Фадѣй Ивановыми, Лагуткиными и другими народными ораторами и разъ полсотни видавшій на своемъ вѣку наши сельскія вѣча,—могъ до извѣстной степени уловить, о чемъ и какъ шла рѣчь, и къ какому рѣшенію приходилъ міръ. Для свѣжаго городскаго человѣка это было какое-то буйное скопище дикарей, видъ котораго привелъ бы его въ недоумѣніе, а, пожалуй, и въ ужасъ, что вотъ, вотъ.... эти воинственные, яростные пейзаны бросятся на него и растерзаютъ на куски.

Все время голявскаго митинга, заложивши руки за спину и прислонившись къ сараю, спокойно стоялъ высокій старикъ, не принимая рѣшительно никакого участія въ мірскомъ гомонѣ. Это былъ Иванъ Михайловичъ Голубцовъ, лѣтъ 60 слишкомъ, но еще бодрый старикъ, высокаго роста, худощавый, немного сутуловатый, какъ и всѣ старики, съ длинною, какъ лунь, сѣдою бородой. Зубовъ у Ивана Михайловича было немного, при разговорѣ онъ нѣсколько шамкалъ и пришепетывалъ. Живые, въ глубокихъ впадинахъ сидѣвшіе глаза старика добродушно и привѣтливо, съ легкимъ оттѣнкомъ лукавства, смотрѣли въ разговорѣ «съ хорошимъ человѣкомъ», за то крайне недовѣрчиво и строго глядѣли на каждаго новаго человѣка, съ которымъ Ивану Михайловичу приходилось сталкиваться. Иванъ Михайловичъ былъ «говорокъ»; онъ уснащалъ рѣчь пословицами, образными выраженіями, иногда по два раза повторялъ съ особымъ удареніемъ тѣ поговорки, которыя ему особенно нравились. Рѣчь его обыкновенно лилась медленно и плавно, точно онъ взвѣшивалъ каждое слово прежде, чѣмъ сказать, причемъ сохранялъ полное величавое спокойствіе: только брови его приподымались, когда онъ произносилъ любимую поговорку. Сидѣть при серьезномъ разговорѣ старикъ не любилъ, а всегда стоялъ, заложивши руки за спину и прислонившись къ стѣнѣ.

Когда Иванъ Михайловичъ замѣчалъ, что затѣвается «непутевое дѣло», онъ обрывалъ на полусловѣ свою рѣчь и начиналъ вслушиваться очень долго, иногда цѣлый часъ, изрѣдка развѣ вставляя свое замѣчаніе или предлагая вопросъ. Если его подозрѣніе оправдывалось, онъ вдругъ прерывалъ разговоръ крайне рѣзкимъ замѣчаніемъ или особенно характерной, ѣдкой и обид-

ной остротой, такъ что разговоръ моментально обрывался, всѣ съ недоумѣніемъ обращались къ старику. Иванъ Михайловичъ приходилъ въ волненіе, отрывался отъ стѣнки, размахивалъ руками; на блѣдномъ лицѣ его выступала краска, рѣзкая, нетодующая рѣчь порывисто лилась изъ устъ старика.

Только когда «непутевое дѣло» затѣвали волостные начальники или вліятельные кулаки-односельцы, съ которыми Ивану Михайловичу приходилось ежедневно сталкиваться, — онъ находилъ невыгоднымъ вступать съ ними въ открытую вражду. Старикъ упорно молчалъ и, если спрашивали его мнѣніе, поддакивалъ, даже съ усмѣшкой поддерживалъ подчасъ мошенническое предложеніе, только при этомъ, вопреки своему обыкновенію, никогда не смотрѣлъ собесѣднику въ глаза, а блуждалъ ими съ угла на уголъ.

За то послѣ Иванъ Михайловичъ всегда находилъ «вѣрныхъ людей», объяснялъ, какое «непутевое дѣло» затѣвали «волостные», подбивалъ вѣрныхъ людей разстроить «непутевое дѣло», указывалъ, какъ поступать, а самъ по прежнему оставался въ сторонѣ. Впрочемъ, если Иванъ Михайловичъ заранѣе былъ увѣренъ, что никакая агитація непутеваго дѣла разстроить не въ силахъ, тогда онъ ничего не предпринималъ и своихъ догадокъ никому не высказывалъ.

За тридцать лѣтъ «хожденія» Ивана Михайловича по мірскимъ дѣламъ, кулаки успѣли приглядѣться къ нему и не слишкомъ-то довѣряли его дружбѣ; въ его компаніи они чувствовали себя въ такомъ же непріятномъ, напряженномъ положеніи, въ какомъ чувствуетъ себя мышь въ присутствіи кошки. Но, какъ человѣка весьма вліятельнаго въ обществѣ, опытнаго и бывалаго, кулаки боялись Ивана Михайловича и волей-неволей оказывали ему наружное уваженіе, подчасъ заискивали передъ нимъ.

Иванъ Михайловичъ когда-то «безпорочно» прослужилъ шесть лѣтъ старостой, а въ послѣднія семь лѣтъ имѣлъ на рукахъ «мірскую кассу», которая скопилась отъ взноса ежегодной арендной платы (200—300 рублей) за общественный кабакъ. За все это время крайне недовѣрчивое общество ни разу его не учитывало и было право: Иванъ Михайловичъ ни при какихъ обстоятельствахъ не растратилъ бы мірской копѣйки.

И такъ, Иванъ Михайловичъ не принималъ, видимо, участія на сходѣ. Лишь послѣ разсказа Дылды про дѣлютство, весьма внимательно выслушаннаго старикомъ, онъ сталъ неторопливо, пере-

ходить отъ одного кружка къ другому, выслушивая всевозможныя мнѣнія, которыя тамъ предлагались, изрѣдка вставляя какое-либо замѣчаніе въ той группѣ, гдѣ разговоръ шелъ болѣе спокойно. Обойдя, такимъ образомъ, всѣ группы, Иванъ Михайловичъ опять отошелъ къ стѣнкѣ. Мнѣніе Ивана Михайловича всегда было лишь точно формулированнымъ взглядомъ мірянъ, совпадало съ господствующимъ направленіемъ и потому всегда вызывало одобреніе.

Если приходилось затѣвать такое дѣло, которое было не совсѣмъ по плечу умственному кругозору мірянъ, то Иванъ Михайловичъ, еще задолго до схода, въ спокойной частной бесѣдѣ, старался пріобрѣсти себѣ прозелитовъ и выступалъ на сходѣ съ извѣстнымъ предложеніемъ, имѣя за собой солидную партію единомышленниковъ.

Настоящій вопросъ, который обсуждался на сходѣ, былъ слишкомъ ординаренъ, чтобы требовать предварительнаго обсужденія. Когда міряне, повидимому, вдосталь наговорились, и у многихъ уже поохрипло горло, Иванъ Михайловичъ вдругъ поднялъ брови— ясный знакъ, что онъ хочетъ что-то сказать. Стоявшіе около міряне тотчасъ же прекратили разговоръ и воззрились на Ивана Михайловича.

— Въ міру жить,— хлѣбъ-соль водить.... началъ старикъ.

— Нищкните, старики!... Иванъ Михалова послухаемъ, чево скажетъ,— крикнулъ староста, махая рукой.

— Въ міру, молъ, жить, хлѣбъ-соль водить, продолжалъ Иванъ Михайловичъ, теперь сказать, Абрамиха.... десять годовъ въ бѣгахъ была, а все свой, мірской человѣкъ. Не свалишь въ «дубовый баракъ». Хрестьянская тоже душа....

— Такъ, такъ, Иванъ Михаловъ! Знамо, въ баракъ не свалишь, подтвердили міряне.

— Ежели, къ примѣру.... въ больницу; міру тяжело.... Обчество малосильное, болѣ трехъ тысячъ недоимки числится; за бобылокъ да убогихъ платить и совсѣмъ не въ моготу.

— Вѣрно, вѣрно сказалъ Иванъ Михайловъ.... Вотъ, люблю за это.... Съ подушными не управимся, а тутъ, въ больницу, подхватилъ худощавый мужикъ, казавшій старику фигу за предложеніе отправить Абрамиху въ больницу. Онъ, видимо, былъ доволенъ, что Иванъ Михайловичъ подтвердилъ его мысль.

— Съ міру, говорятъ, по нитки — голому рубаха. Шесть четвертей ржи, да овса хошь двѣ на годъ,—обчества не заложитъ,

а Абрамихѣ — подмога.... Опять и въ домъ-то важному лестно принять....

— Это такъ! на мірскихъ, молъ, харчахъ, усмѣхнулись міряне. Рази присмотрѣть коли доведется, а старымъ костямъ на печи-то мѣсто найдется....

— Шесть четвертей ржи, да овса двѣ, знамо, обчества не заложитъ, толковали старики.

— Не заложитъ! Аль въ гамазеяхъ-то много добрѣ? Откель ты шесть четвертей-то возьмешь? громко протестовалъ непокорный мірянинъ.

— Откель? Разложатъ на души, сколь доведется.... Жаль тебѣ, што-ли, гарецъ наной старухѣ отсыпать? Прямой кащей! усмиряли старики непокорнаго мірянина.

«Кащей» устыдился.

— Люби кататься, люби саночки возить! продолжалъ Иванъ Михайловичъ. Была въ силахъ Абрамиха, была и въ чести.... въ чужіе люди не пущалъ Лагуткинъ, живи, молъ, у насъ, кусокъ будетъ.

— Чево толковать?... подтвердили старики. Абрамиха тоже не съ пустыми руками къ Лагуткину пришла.... Небось, корову съ телушкой, овечекъ, да хлѣбъ въ домъ принесла, не знали въ кое мѣсто и сажать.... «Тетинька, да тетинька» — чевствовали.

— Теперь и то сказать, Абрамихино добро Лагуткину въ прокъ не пошло: семья малосильная.... одинъ мужикъ въ домѣ.

— Такъ, такъ Иванъ Михаловъ говоритъ, Лагуткина пожалѣть надоть: мужикъ слабосильный, галдѣли міряне.

— На дѣлютствѣ Абрамиху обидѣли.... продолжалъ старикъ: може и согласна старуха была.... ну, да у бабъ-то волосъ, слышь, дологъ, а умъ коротóкъ.... Митрей да Ларивонъ, царство имъ небесное, померли, у сиротъ ужъ какіе достатки?... Ну, а Фадѣй Ивановъ исправный мужикъ, семья большая.... работниковъ четверо.

— Чево калякать? Домъ, что чаша полная! Не грѣхъ и старухѣ дать уголъ, говорилъ Рытовъ.

— Дѣвченокъ содомъ, вставилъ Лагуткинъ словечко, есть кому доглядѣть и за бабкой.

— Ты тó, Фадѣй, помнить долженъ! усовѣщивалъ Иванъ Михайловичъ, може, важная копѣйка сиротская рупь тебѣ принесла. Ты и покой на послѣдяхъ сироту, Бога во гнѣвъ не вводи. Оба вы виноваты съ Лагуткинымъ, обѣмъ и тяготу нести!

— Такъ, такъ! Полгода у Лагуткина не замай живетъ бабка, а полгода у Фадѣя.... развивалъ мысль Ивана Михайловича стоявшій рядомъ беззубый старикашка; грѣхъ пополамъ, значитъ....

— Лагуткину, слышь, въ страду́ тяжело за бабкой ходить; такъ пущай живетъ зиму: зимой дѣловъ нѣтъ, бабы въ избѣ.... за станомъ сидятъ.

— А на лѣто къ Фадѣй Иванову, подхватилъ Рытовъ,—въ рабочу пору́ хороши-то гости не ѣздютъ.

— Ну, а если помретъ Абрамиха? не смѣло какъ-то спросилъ Лагуткинъ.

Старики засмѣялись:

— Помретъ, такъ царство ей небесное!... Аль кому изъ васъ обидно будетъ?.... у тебя, може, полгода проживетъ, а у Фадѣй Иванова и недѣли не выживетъ.... какъ васъ тоды ровнять-то?

— Нѣтъ, я не къ тому.... сконфуженно промолвилъ Лагуткинъ,—похороны-то кому справлять?

— Кому справлять?... Баба твоя саванъ сошьетъ, — «ровняли» старики, а Фадѣй Ивановъ—на гробъ, попамъ, да на свѣчи, мужикъ богатый, снесетъ.

— Ну, такъ!... Я вотъ на счетъ эфтого.... успокоеннымъ тономъ говорилъ Лагуткинъ.

— Гдѣ я холстинъ тебѣ наберу? выскочила вдругъ хозяйка Лагуткина. Собирай по селу всѣхъ калекъ перехожихъ, глухая тетеря, а я на ихъ саванъ шить буду!... Моченьки моей нѣтути, голосила баба.

— Нишкни! сурово крикнулъ Лагуткинъ на жену, не твое дѣло...

— Ну, ну, полно, старуха! утѣшали міряне бабу,—свои конопи-то, да и руки не чужія.... Наткешь новинъ-то, не Богъ вѣсть, сколь пойдетъ.

Лагуткинъ и Фадѣй Ивановъ были совсѣмъ обезкуражены. Они недовольны были рѣшеніемъ міра, но не потому, что признавали его несправедливымъ: они знали, что другаго рѣшенія и быть не могло. Имъ было обидно только, что именно они, и не кто другой, были заинтересованными въ этомъ дѣлѣ лицами; было обидно, что Богъ такъ долго не прибираетъ эту полуумную, никому ненужную старуху, которой суждено принести столько горя, сраму и хлопотъ въ ихъ семьи.

Свѣтилинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

ИЛИ

ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ!

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Княжнѣ Натальѣ Николаевнѣ Друцкой-Соколинской.)

Подсѣчное хозяйство — хозяйство примитивное. Неправы тѣ, которые считаютъ этотъ видъ хозяйства единственно возможнымъ для нѣкоторыхъ климатовъ и мѣстъ. Оно практикуется только въ Россіи, а развѣ нѣтъ государствъ и народовъ, населяющихъ мѣста, подобныя отечественнымъ, и живущихъ въ климатѣ, подобномъ нашему? Конечно, есть и есть очень много; но система подсѣчнаго хозяйства давно оставлена всюду и, повторяю еще разъ, практикуется только въ Россіи. При немъ силы природы сами удобряютъ землю, но за то, изъ каждыхъ двадцати десятинъ земли эксплуатируется ежегодно только одна, эксплуатируется только одна двадцатая всего богатства.

Изъ старинныхъ лекцій профессора Горигорецкаго института.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣйствующія лица расшаркиваются предъ читателемъ.

Глава I.

Одинъ изъ героевъ пріѣхалъ въ городъ С—нскъ, и артисты города, а за ними и весь городъ, сочиняютъ оды въ честь его.—Необходимо-важное примѣчаніе.

I.

Въ морозное мартовское утро, 1869 года, къ канцеляріи с—нскаго начальника губерніи подъѣхала паро-конная почтовая телѣга, изъ которой слѣзъ жандармъ, здоровый мужчина, съ усами и со всѣми аттрибутами своего званія, и, вслѣдъ за нимъ, его спутникъ, закутанный въ барашковую, покрытую чернымъ сукномъ шубу, очень похожую на шубы петербургскихъ купчиковъ молочныхъ лавокъ, и въ надвинутой до самыхъ глазъ мягкой, черной шляпѣ, такъ что, изъ всего лица пріѣхавшаго, видны были только очки и красно-синій отъ мороза носъ.

Пріѣхавшіе вошли въ корридоръ, потомъ въ прихожую, стѣны которой увѣшаны были почти сплошь разнаго достоинства и фасона верхнею одеждою, въ которую канцелярскіе чиновники кутали свое тѣло, а полъ около стѣнъ уставленъ былъ разнаго достоинства и фасона галошами, которые оберегали ноги тѣхъ же чиновниковъ отъ грязи и сырости. Не видно было въ прихожей только ни одной фуражки, или другаго какого головнаго убора, что, вѣроятно, происходило потому, что фуражка, какъ вещь легко вмѣстимая въ карманѣ и, вообще, удобоисчезаемая, сохранялась чиновниками въ болѣе укромныхъ мѣстахъ.

— Это канцелярія начальника губерніи? обратился съ вопросомъ жандармъ къ стоявшему въ углу прихожей молодому, съ очень бойкимъ видомъ, чиновнику.

— Здѣсь. Что вамъ угодно? живо заговорилъ чиновникъ, весь обратясь въ услугу,—не въ ту услугу, съ которою говорятъ чиновники съ имѣющими до нихъ дѣло лицами, а въ услугу болѣе безкорыстную, происходившую только отъ живаго темперамента молодаго человѣка, отъ его всегдашняго желанія знать первому всѣ новости и первому протрубить о нихъ по городу.

Жандармъ отстегнулъ на груди пуговицу шинели, засунулъ руку подъ шинель и вытащилъ оттуда огромный пакетъ, который, не выпуская изъ рукъ, показалъ бойкому чиновнику.

— Секретно! Пожалуйте къ правителю канцеляріи! Вотъ сюда! при чемъ бойкій чиновникъ отворилъ одну изъ дверей, выходящихъ въ прихожую, и, стоя около двери, показывалъ рукою образовавшееся отверстіе.

Жандармъ одернулъ шинель и шашку, а его спутникъ снялъ шляпу и отложилъ воротникъ шубы, къ великой радости чиновника, стоявшаго у дверей и вперившаго теперь свои живые глаза въ пріѣхавшаго. Это былъ мужчина болѣе средняго роста, лѣтъ двадцати двухъ—трехъ, съ крупными и рѣзкими чертами лица; большіе темносѣрые глаза его смотрѣли изъ-подъ очковъ, какъ будто, съ напряженіемъ, небрежно заброшенные вверхъ длинные, темнорусые волосы, небольшая клинообразная борода и усы, вмѣстѣ съ худыми, какъ бы втянутыми внутрь щеками, сдвинутыми бровями, ясною морщиною по срединѣ лба,—придавали физіономіи пріѣхавшаго какой-то угрюмый, задумчивый, помятый видъ; но широкія плечи, ровная посадка, твердая, смѣлая, какъ бы норывистая, съ выдавшеюся грудью впередъ, походка—сви-

дѣтельствовали о полномъ здоровьѣ и тѣмъ увеличивали рѣзкость и помятость молодаго лица.

Жандармъ пропустилъ въ дверь своего спутника, потомъ вошелъ и самъ.

Комнаты, въ которыхъ работаютъ на пользу отечества правители губернскихъ канцелярій, малымъ чѣмъ отличаются отъ такъ-называемыхъ присутствій разныхъ присутственныхъ мѣстъ: нѣтъ въ нихъ только зердала на столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ съ золотою бахрамою, да меньше креселъ вокругъ стола, да изображеніе государя не во весь ростъ, а поясное. За столомъ сидѣлъ правитель канцеляріи въ форменномъ вицъ-мундирѣ, мущина лѣтъ за тридцать, съ правильными чертами лица, съ небольшою окладистой бородой, съ круглыми, пухленькими щеками и съ здоровымъ, пріятнымъ цвѣтомъ кожи; но съ выраженіемъ въ лицѣ очень похожимъ на то, которое бываетъ на фигурахъ вывѣсокъ цирюленъ, которымъ, т. е. фигурамъ, пускаютъ кровь и которымъ отъ этого совершенно не больно, но отвороченное въ сторону лицо силится показать, что фигурѣ очень и очень больно. Прежняго времени чиновники, неуклюжіе, плотные, наивно-суровые по виду, но на самомъ дѣлѣ очень простые и ученые на мѣдные гроши,— теперь, увы! почти исчезли даже въ провинціяхъ, сохранились развѣ при архивахъ, а ихъ мѣсто заняли образованные, молодые, элегантной внѣшности чиновники, съ печатью усталости, задумчивости, скорби на лицѣ. Печать эта пропадаетъ, когда чиновникъ у себя дома, когда онъ на балу танцуетъ или любезничаетъ съ хорошенькой дамочкой, превращается въ болѣе пріятный видъ при докладѣ у губернатора, при разговорѣ съ вліятельными лицами; но у себя — въ канцеляріи печать усталости и скорби непремѣнно есть почти у всякаго чиновника и при томъ въ усиленныхъ размѣрахъ, такъ что искусственность ея бросается въ глаза, придаетъ молодымъ жрецамъ ѳемиды и администраціи отталкивающій видъ, сообщаетъ что-то гнетущее просителямъ, наводитъ безотчетный страхъ и косноязычность на мелкихъ, имъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ....

— Э—что? спросилъ правитель канцеляріи, повернувъ лицо къ жандарму и мимолетно осматривая вошедшихъ.

Жандармъ молча подалъ пакетъ. Правитель канцеляріи распечаталъ его, прочиталъ медленно бумагу, вынутую изъ пакета, и, обратившись къ спутнику жандарма, сказалъ скорбно-снисхо-

дительнымъ голосомъ: — садитесь, причемъ рука его указала небрежно на одно изъ стоящихъ у стола креселъ.

Спутникъ жандарма сѣлъ на указанное кресло, слегка кивнувъ головою.

— Э—кто тамъ? повелительно-внятно, но не громко, произнесъ правитель канцеляріи.

Явился тотъ же бойкій молодой чиновникъ.

— Послать за полицеймейстеромъ и подать свѣчу! тихо, но внушительно сказалъ правитель канцеляріи.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ бойкій чиновникъ и вышелъ.

Правитель канцеляріи началъ что-то писать, тотъ же чиновникъ явился со свѣчой, поставилъ ее на столъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и скрылся; потомъ опять явился, посмотрѣлъ на всѣхъ и опять скрылся. Правитель канцеляріи продолжалъ писать; жандармъ, вытянувшись, стоялъ неподвижно; его спутникъ сонно и устало смотрѣлъ на правителя; свѣча тускло горѣла; маятникъ стѣнныхъ часовъ не въ тактъ аккомпанировалъ скрипу пера правителя, а солнечные лучи, врываясь чрезъ боковыя окна, наполняли комнату радужными столбами, въ которыхъ, чуть замѣтно, двигались маленькія пылинки.

— Довольны имъ? нежданно для пріѣхавшихъ раздался тотъ же голосъ правителя, который при этомъ, не отрывая лица отъ бумаги, рукою давалъ знать, что вопросъ относится къ жандарму.

— Доволенъ, пробасилъ жандармъ, замѣтно вздрогнувшій и схватившійся рукою за свою шашку.

— А вы? съ тѣмъ же видомъ, голосомъ и жестомъ, направленнымъ къ спутнику жандарма, сказалъ, немного погодя, правитель.

— Очень! послѣдовалъ хриплый отвѣтъ со стороны спутника жандарма.

Правитель канцеляріи кончилъ писать, вложилъ написанное въ конвертъ, написалъ адрессъ, запечаталъ конвертъ и отдалъ его жандарму.

— Больше ничего не будетъ, можно отправляться, ваше благородіе?

— Да, нехотя отвѣтилъ правитель.

Жандармъ ушелъ, правитель канцеляріи началъ перелистывать лежавшія предъ нимъ бумаги, спутникъ жандарма еще болѣе сонно сидѣлъ въ креслѣ. Вошелъ полицеймейстеръ въ полицейско-капитанской формѣ, съ круглымъ, немного обрюзглымъ лицомъ,

съ небольшими, быстрыми голубыми глазками, около которыхъ, начиная съ точекъ наибольшей выпуклости щекъ, отчетливо свѣтились налитыя кровью жилки, и такъ какъ кровь въ жилкахъ была не артеріальная, то и жилки имѣли не красный, а ржаво-синій колоритъ.

— Добрый день, Петръ Ивановичъ! сказалъ полицеймейстеръ грубо-женскимъ голосомъ, подойдя къ правителю, кланяясь почтительно и какъ-то на бокъ и робко подавая руку.

— Э—здравствуйте!... Садитесь, подавая руку и медленно приподнимая голову отъ бумагъ, сказалъ правитель канцеляріи, при чемъ выраженіе лица его приняло немного менѣе усталый видъ.—Вотъ это и до васъ относится, подавая бумагу полицеймейстеру, сказалъ правитель послѣ короткаго молчанія.

Полицеймейстеръ принялъ изъ рукъ правителя бумагу и медленно, два раза прочелъ ее.

— Къ намъ на жительство изволили пожаловать? оглядывая сидѣвшаго въ креслѣ, сказалъ полицеймейстеръ.—Гдѣ же вы изволили остановиться?

— Еще не знаю, также хрипло отвѣчалъ пріѣхавшій.

— У васъ здѣсь есть родные?

— Нѣтъ никого.

— То, вѣроятно, есть родственники, или хорошіе знакомые?

— Нѣтъ и такихъ.

— Такъ-съ! сказалъ полицеймейстеръ протяжно и при этомъ нервно передернулъ плечами.—Во всякомъ случаѣ, извольте написать, что вы, такой-то, даете с—нскому полицеймейстеру подписку о невыѣздѣ изъ города, что вы обязываетесь увѣдомлять меня о мѣстѣ вашего квартированія и что вы будете являться ко мнѣ каждую субботу.... Можно у васъ, Петръ Ивановичъ, попросить бумаги и пера?

Правитель канцеляріи молча подалъ тетрадку бумаги и перо.

— Покорнѣйше васъ благодарю, принимая бумагу и перо и передавая ихъ пріѣхавшему, сказалъ полицеймейстеръ.—А какъ дѣла нашихъ барынь, Петръ Ивановичъ? спросилъ онъ, когда пріѣхавшій началъ писать...

— Отлично! Какъ нельзя лучше! Хотите прочесть отвѣтъ губернатора?... Вздумали тоже что-то въ этомъ родѣ! при этомъ правитель канцеляріи мигнулъ на пріѣхавшаго и подалъ полицеймейстеру четко и красиво написанную бумагу.

— Отлично! прочитавъ бумагу, заговорилъ уже совершенно по-женски и скоро полицеймейстеръ.—Не извольте соваться, куда не слѣдуетъ! Его превосходительство лучше васъ знаетъ, какъ и кому нужно оказать помощь!... Какъ хорошо вотъ это мѣсто: «Какъ предсѣдатель коммиссіи, какъ начальникъ губерніи, его превосходительство неусыпно бдитъ» и проч.... Да, это у васъ Петръ Ивановичъ, сильно вышло!... Полицеймейстеръ еще что-то хотѣлъ сказать, но, замѣтивъ, что пріѣхавшій окончилъ писать и посматриваетъ на него, остановился и взялъ изъ рукъ пріѣхавшаго написанное имъ.

— Очень хорошо, господинъ Могутовъ! сказалъ полицеймейстеръ, прочитавъ написанное пріѣхавшимъ.—Можете идти.... Вамъ они не нужны, Петръ Ивановичъ?

— Нѣтъ. Я уже покончилъ.

Могутовъ всталъ, сдѣлалъ общій легкій поклонъ и вышелъ.

— Каковъ гусь! «Какъ вредный въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ»!... Какого лѣшаго онъ тамъ накуралесилъ? говорилъ полицеймейстеръ уже болѣе фамиліарно и голосомъ болѣе мужественнымъ.

— Не знаю. Вы прочли бумагу, другой не было.

— Но и того довольно! Въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ!...

— Вѣроятно, глупость какая-нибудь, а тамъ придали громадное значеніе, что, впрочемъ, дѣлаютъ сплошь и рядомъ.... Какой крикъ подняли о голодѣ нашей губерніи, а вѣдь въ сущности ничего особеннаго нѣтъ!... Меньше будутъ пьянствовать, вотъ и все....

II.

Могутовъ вышелъ на крыльцо, остановился, зѣвнулъ и потянулся. Лицо его приняло болѣе веселое выраженіе, складка на лбу была едва замѣтна. Онъ былъ доволенъ концомъ процедуры у начальства, доволенъ, что ему сказали: ступай на всѣ четыре стороны, хотя и сообщай властямъ, въ какую сторону и какъ далеко пойдешь.

— А что, баринъ, долго еще стоять будемъ? обратился къ Могутову ямщикъ почтовой телѣги.

— Не знаю, куда ѣхать, а то ѣхать можно.... Не знаете-ли вы, гдѣ не дорого берутъ за постой? сказалъ Могутовъ, садясь въ телѣгу.

— Чего не знать? знаю! трогая лошадей, говорилъ ямщикъ.— Не въ первой ѣздимъ съ господами проѣзжающими.... Ежели завгодно платить рубль, аль полтора, за хватеру, то поѣдемъ, ваше благородіе, въ Аглецкую гостинницу, аль въ Гирманію; а ежели завгодно хватеру на полтинникъ, аль на тридцать копѣекъ, то повеземъ ваше степенство, господинъ купецъ, къ полковницѣ Песковой: объ эту цѣну хвартиры держитъ, и торговцы завсегда постой имѣютъ и оченно довольны.

— Ну и прекрасно, поѣдемте къ полковницѣ!

— Ладно, господинъ купецъ.... А ну, пошевеливай!... Безъ унтера легче, небось!... А давно, господинъ купецъ, знакомство съ унтеромъ свелъ?

— Дня три уже катимъ вмѣстѣ.

— Изъ далече?

— Изъ Питера.

— Что же за буйство, аль мошенство, вашу милость изъ Питера на слѣдствіе привезли?

— Полагать надо, что за буйство, закутываясь въ шубу, нехотя отвѣтилъ Могутовъ.

— Во хмѣлю, аль случай такой подошелъ?

Могутовъ молчалъ.

— Во хмѣлю какъ не буйствовать, ежели нарахтеръ къ тому!... Случаемъ тоже бываетъ!... сказалъ ямщикъ и замолчалъ. Ему показалось, что не купецъ, а скорѣе баринъ его сѣдокъ, а барину не наскучай, а то больше пятака серебромъ на чай не дастъ.... Съ купцомъ—ѣзда не надо лучше! Привезешь купца на станцію, аль въ гостинницу, такъ перво-наперво и самъ выпьетъ, и тебѣ поднесетъ, а на чай—особь статья....

Телѣга ѣхала сперва по площади, по срединѣ которой былъ большой и тѣнистый садъ, а вокругъ нея, какъ изгородь, или заборъ, стояли двухъ-этажные дома, выкрашенные желтой краской и съ однообразными по виду вывѣсками: «канцелярія начальника губерніи», «губернское правленіе», «губернское казначейство», «палата уголовнаго и гражданскаго суда» и т. д., только «контрольная палата» была новенькая и литеры на ней другихъ размѣровъ. Потомъ телѣга взяла направо, и проѣхавъ коротенькую улицу, очутилась опять на площади, застроенной съ трехъ сторонъ небольшими деревянными домиками, отличавшимися одинъ отъ другаго только числомъ и формою оконъ, да большею или меньшею полинялостью своей окраски: окна были

то простыя, то итальянскія, то три окна на улицу, то четыре, а то даже и пять, и шесть; окраска была отъ свѣжей свѣтло-голубой до едва сохранившейся только въ видѣ пятенъ сѣро-пепельнаго цвѣта. Съ четвертой стороны, площадь упиралась въ сумрачную, обросшую мхомъ и во многихъ мѣстахъ развалившуюся древнюю крѣпостную стѣну.

Почтовая телѣга подъѣхала къ одному изъ домовъ, стоявшихъ на площади, имѣвшему шесть оконъ на улицу, и, не останавливаясь, въѣхала въ грязный, небольшой дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ одно и двухъ-этажными голубятнями, предназначенными, судя по окнамъ и дверямъ, для жилья людей. Босая, грязная, въ неряшливомъ городскомъ костюмѣ, молодая женщина встрѣтила телѣгу на дворѣ и, разговорившись съ ямщикомъ, какъ старымъ знакомымъ, повела Могутова къ хозяйкѣ дома, полковницѣ Песковой. Полковница Пескова, сырая, тучная, довольно неопрятная дама, была одна изъ проницательнѣйшихъ женщинъ, такъ какъ она сразу сообразила размѣръ бюджета Могутова, его характеръ и вкусъ и почти безъ разспросовъ опредѣлила, какой нуженъ для него номеръ.

— Ты сведи ихъ, Лукерья, въ тотъ номеръ, что противъ господина Переѣхавшаго. Вамъ тамъ будетъ очень хорошо, какъ бы поясняя свой выборъ, продолжала полковница. Номеръ покойный и съ отдѣльнымъ ходомъ: только одинъ господинъ, Переѣхавшій, живетъ напротивъ этого номера и будетъ ходить по одному съ вами ходу.... Комната небольшая, но изъ окна чудесный видъ, а передъ окнами зеленый плацъ и по утрамъ солдаты съ музыкой ученье производятъ.... Цѣна семь рублей въ мѣсяцъ съ отопленіемъ, прислугой и самоваромъ.... Можете, если понравится, обѣдать у меня: изъ двухъ блюдъ за восемь рублей въ мѣсяцъ.... Есть у меня комнаты на пятнадцать и двадцать рублей, есть и еще дороже, но я знаю, что вамъ тотъ номеръ, что противъ господина Переѣхавшаго, будетъ очень и очень пріятенъ.

Могутовъ сказалъ: очень хорошо, и отправился вслѣдъ за Лукерьей.

Ему, дѣйствительно, понравился номеръ: маленькая комната, кровать, столъ и три стула, полочки для книгъ, гвозди по стѣнамъ, вмѣсто платянаго шкафа, и больше ничего; но въ два окна вливалось довольно свѣта, и свѣтъ, благодаря площади, былъ чистый, неотраженный отъ домовъ, идущій прямо съ неба.

Номеръ былъ во второмъ этажѣ; въ него вела узенькая лѣстница; подъ нимъ была конюшня, чрезъ полъ было слышно ржанье лошадей и русско крѣпкое слово кучера; но изъ окна были видны угрюмо-живописныя развалины крѣпостной стѣны, чрезъ груды ея развалинъ видѣнъ былъ громадный лугъ, далѣе лѣсокъ, а еще далѣе—широкая полоса замерзшей рѣки, около которой картинно разбросаны были избушки.

Отпустивъ ямщика, Могутовъ развязалъ узелъ съ постелью, безъ помощи Лукерьи, предложившей было свои услуги, постлалъ постель и попросилъ дать ему самоваръ, а самъ легъ на постель. Подложивъ руки подъ голову на затылкѣ, съ закрытыми глазами, онъ пролежалъ неподвижно, пока ему не подали самоваръ. Онъ не спалъ, а скорѣе дремалъ и бредилъ.

— Баринъ, я самоварчикъ принесла!... вы спите? прервала чрезъ часъ Лукерья дремоту Могутова.

Онъ всталъ, заварилъ чай, прошелся немного по своей маленькой комнатѣ и, потому-ли, что неудобно было дѣлать два шага и оборачиваться, потому-ли, что не прошла усталость отъ трехдневной безостановочной ѣзды на перекладныхъ, потому-ли, что заманчивъ былъ его бредъ и не закончился вполнѣ,— онъ опять легъ на постель. Теперь онъ лежалъ не лицомъ вверхъ, а бокомъ, и, потому-ли, что самоваръ издавалъ убаюкивающее воркотаніе, потому-ли, что солнце заглянуло въ номеръ и наполнило его, вмѣстѣ съ самоваромъ, пріятнымъ теплomъ, — не тревожная дремота, а тихій сонъ, съ ровнымъ и слабымъ дыханіемъ, смѣжилъ его очи.

— Вставайте, баринъ! говорила Лукерья часа черезъ три. Самоваръ совсѣмъ заглохъ и обѣдать пора.... Подавать обѣдать? Обѣдать подавать?! спрашивала громко она, толкая легонько Могутова.

— Самоваръ простылъ? съ просонья спросилъ Могутовъ.— Ну, ничего....

— Обѣдать уже пора. Подавать вамъ обѣдать?

— Хорошо.... Да заразомъ уже подбросьте угольковъ въ самоваръ, такъ я обѣдъ чаемъ запью. Можно?

— Можно. Отъ чего нельзя? можно. Только я васъ буду просить, баринъ, чтобы обѣдъ вамъ подавать въ два часа. У насъ чиновниковъ много фартируетъ, такъ черезъ полчаса всѣ сразу привалятъ и всѣмъ имъ сразу подавай. Ѣсть хотимъ!

кричатъ, а насъ всего двѣ. Ну, а допрежъ чиновниковъ, я вамъ и обѣдъ сразу подамъ, и самоварчикъ приготовлю.

— Ладно, голубушка!... Экъ разосналася на новомъ мѣстѣ! говорилъ Могутовъ самъ себѣ, когда Лукерья взяла самоваръ и вышла. Спалъ, и отъ дней ранняго дѣтства, все, все, какъ живое, пронеслось предо мной.... Дорога отъ Москвы не приснилась, да тамъ сниться нечему.... А что-то будетъ здѣсь?... Что-то приснится, какъ буду уѣзжать отсюда?...

— Вотъ и обѣдъ. Вамъ на второе котлеты или грудинку? Я на первое супъ принесла, съ дороги супъ лучше. Такъ вамъ грудинки? А вы не чиновникъ будете?

— Нѣтъ, я не чиновникъ.

— А кто же вы будете?

— Кто я? Техникъ.

— Тек-ни-къ? вопросительно протянула Лукерья.

— Проще сказать, — рисовальщикъ. Вотъ если кому домъ нужно построить, фабрику или кирпичную печь завести, такъ я все это могу сперва нарисовать, а потомъ и научить, какъ сдѣлать.

— Рисовальщикъ!... Значитъ, рисовальщикъ будете?

— Да! Если у васъ кто будетъ рисовальщика спрашивать, такъ вы, голубушка, его прямо ко мнѣ приводите. И дешево, и сердито всякое дѣло нарисую.

— Ладно, ладно.... Рисовальщикъ!... У насъ часто спрашиваютъ прошенія писать, а вотъ рисовальщика, кажись, ни разу не спрашивали?... Ишь повалили чиновнички наши! за дверью уже говорила Лукерья.

III.

Дѣйствительно, въ это время изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ «повалили чиновники», какъ говорила прислуга номеровъ полковницы Песковой. Чиновники, чиновная аристократія, каковы: совѣтники, управляющіе палатами, предсѣдатели и члены судовъ, правители канцелярій, прокуроры и ихъ товарищи и т. д. и т. п., уѣхали, или медленно пошли домой часъ тому назадъ, и ихъ движеніе изъ присутственныхъ мѣстъ хотя и было замѣтно, но не очень бросалось въ глаза массою или числомъ; за ними вышли секретари, чиновники особыхъ порученій, столоначальники, казначеи, экзекуторы и т. д., и т. п. Предста-

вителей этого сорта чиновниковъ было уже очень и очень порядочное число; но благодаря ихъ солидной походкѣ, ихъ приличнымъ костюмамъ, ихъ нескученности во время движенія по улицѣ, благодаря ихъ тихимъ разговорамъ, умѣреннымъ жестамъ и скромнымъ, солиднымъ взглядамъ, ихъ выходъ изъ присутственныхъ мѣстъ и движеніе по улицамъ на квартиры не очень бросались въ глаза. Но послѣ нихъ, какъ ребятишки изъ школы, какъ народъ изъ собора послѣ архіерейской службы, гурьбой повалили изъ каждаго присутственнаго мѣста «чиновнички». Тутъ были и молодые, и старые, высокіе и низкіе, черные, русые, рыжіе, худые, толстые, бородатые и безбородые, и съ юношески приличными физіономіями, и съ испитыми, истасканными, худыми лицами, и толстыми, темно-синими носами на одутловатыхъ, обрюзглыхъ лицахъ.... Тутъ были и прилично-одѣтые, и очень бѣдно, но чистенько, и очень бѣдно, и неряшливо до неприличія.... Но при всемъ этомъ наружномъ различіи, у нихъ было и много общаго. Во-первыхъ, у всѣхъ были кокарды на фуражкахъ, и только у самаго незначительнаго числа, теряющагося въ массѣ, фуражку замѣняло что-то въ родѣ ермолки, но все-таки съ кокардою. Во-вторыхъ, у всѣхъ были на лицахъ, въ жестахъ, движеніяхъ и разговорахъ торопливость и веселость. Они весело и торопливо, толкая одинъ другаго, выходили и разсыпались большими группами въ разныя стороны отъ присутственныхъ мѣстъ; потомъ, далеко еще до своихъ домовъ, они успокоивались, въ головахъ у нихъ шевелились невеселыя мысли, пропадала охота входить въ домъ, но каждый день, предъ выходомъ изъ присутствія, они чуть не кричали: шабашъ, бѣжимъ! и бросали перья, и, не дописавъ слова въ бумагахъ, не дочитавъ строки, не доскобливъ буквы или пятна, «валили» по домамъ. Въ третьихъ, у всѣхъ.... Но когда-нибудь, а, можетъ быть, даже въ дальнѣйшемъ продолженіи сего романа, мы познакомимся съ мыслями, думами, житьемъ-бытьемъ этихъ «чиновничковъ», отъ начала ихъ служебной карьеры до конца оной, познакомимся и съ ихъ праздникомъ, и съ ихъ буднями, горемъ и радостями,— а теперь обратимся къ молодому чиновнику съ бойкимъ видомъ, который для Могутова и его спутника обратился весь въ услугу, и при томъ въ услугу безкорыстную, происходившую только отъ его живаго темперамента и отъ его всегдашняго желанія знать и первому протрубить по городу новости дня.

Какъ только правитель канцеляріи начальника губерніи, выйдя изъ канцеляріи, съ тростью въ рукѣ, въ цилиндрѣ и въ черной енотовой шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, который, дѣйствительно, «морозной пылью серебрился», такъ какъ былъ настоящій камчатскій, — какъ только правитель завернулъ за уголъ площади, бойкій молодой чиновникъ чуть не опрометью выскочилъ изъ канцеляріи и запорхалъ по улицѣ. На немъ была новенькая съ кокардой фуражка, чистенькое полузимнее драповое пальто и сапоги безъ галошъ, но отлично вычищенные, такъ что въ нихъ бы скорѣй согласилась смотрѣться деревенская красавица, чѣмъ въ то маленькое зеркальце, которое ею куплено на базарѣ въ селѣ и въ которомъ ея полныя щеки кажутся ей худыми, совсѣмъ не такими, какъ у Гапки, на которую засматривается Сива, хотя Сива и не думалъ засматриваться на Гапку, а засматривается на нее, хотя ея щеки и не кажутся ему худыми, такъ какъ онъ, Сива, «надысь» говорилъ ей: «Экая ты сдобная, дѣвка!... Губы ажно тонутъ, ажъ не оторвешь опосля этого».—«Будя, пострѣлъ!» отпихивая рукою цѣлующаго парня, сказала она. — «Да и жирныя у тя щеки, дѣвка!» сказалъ Сива, и при этомъ ажъ плюнулъ....

Бойкій молодой чиновникъ скоро допорхалъ къ небольшому домику на главной улицѣ города, на которомъ (не на городѣ, а на домикѣ) красовалась громадной величины вывѣска: «публичная библіотека». Онъ вошелъ прямо съ улицы въ корридоръ домика, а изъ корридора, дверями съ такой-же надписью, — въ небольшую комнату, уставленную кругомъ шкафами съ книгами; изъ этой комнаты, чрезъ отворенную дверь, видна была еще комната и въ ней столъ съ газетами и шкафы съ книгами, но въ обѣихъ комнатахъ читальщиковъ и обмѣньщиковъ книгъ не было. Въ первой комнатѣ сидѣлъ у окна, подлѣ стола, худенькій старичекъ, въ очкахъ, въ коротенькомъ, потертомъ, жиденькомъ пиджакѣ, и держалъ раскрытую газету почти у самаго своего тонкаго, но очень длиннаго и неправильнаго носа.

— Здравствуйте, папаша!... Какъ ваше здоровье, и здоровье дорогой Лидіи Казиміровны?... Что новенькаго, папаша? ласково и не громко спрашивалъ у старичка бойкій молодой чиновникъ.

— Онъ имъ покажетъ! Онъ имъ носъ утретъ! Я давно говорилъ, что если онъ захочетъ, то все повернетъ на старое мѣсто! Повернетъ, навѣрное повернетъ! заговорилъ старикъ не

сразу и какъ-бы не обращая вниманія на бойкаго молодаго чиновника.

— Кто это, папаша?... Вѣроятно, Бисмаркъ?...

— Бисмаркъ!? Какой Бисмаркъ! Далеко драчливому воробью до орла, а синицѣ до ястреба.... Пій IX, а не Бисмаркъ! Непогрѣшимый святой папа, а не Бисмаркъ! Вотъ на-ка прочти, прочти вотъ здѣсь! и старикъ положилъ газету на столъ и, не глядя на бойкаго чиновника, горячо тыкалъ пальцемъ въ газету.

— Мнѣ некогда, папаша.... робко сказалъ чиновникъ.

— Не-когда!... Какой я тебѣ папаша? сердито сказалъ старикъ, какъ бы разсердясь на молодаго чиновника, отказавшагося читать газету.

— Вы не сердитесь, папаша!... Конечно, я еще не женился на Лидіи Казиміровнѣ, но вѣдь я женихъ.... Послѣ пасхи будетъ свадьба....

— Ну, тогда и будешь звать папашей! все еще сердито проворчалъ старикъ. Онъ посмотрѣлъ на часы.—Два, шабашъ! По домамъ! принявъ менѣе сухой видъ и вскочивъ на ноги, сказалъ онъ.

— А я, папаша, пришелъ сообщить вамъ новость.... Я вамъ всегда первому новости сообщаю.... Хотите, папаша, послушать?

— Ну, говори, да скорѣе, а то домой спѣшить надо, уже мягко совсѣмъ сказалъ старикъ.

— Къ намъ, папаша, сегодня привезли съ жандармами молодаго человѣка, на видъ такого суроваго и сердитаго!... Въ бумагѣ,—секретной бумагѣ, папаша!—сказано, что онъ вредный членъ общества въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ и чтобы за нимъ у насъ полиція строго-престрого наблюдала.

— Я такъ и зналъ! живо вскрикнулъ старикъ. Онъ, нужно замѣтить, такъ начиналъ почти всякую серьезную рѣчь, а серьезною его рѣчь была всегда, когда онъ хотѣлъ и начиналъ говорить о томъ, что прочелъ въ газетахъ.—Вотъ на-ка, сейчасъ только что прочелъ! Сей-часъ только что прочелъ, какъ въ Питерѣ молодежь отличилась! Вотъ на-ка, прочти! и онъ опять тыкалъ пальцемъ въ газету.

— Вы такъ разскажите, папаша.... Пока найдешь, да пока прочтешь, а на словахъ скорѣй, папаша....

— Дѣвченки, воспитанницы женскаго пансіона, чуть не удушили свою начальницу! Каково! Этого еще не было, чтобы душили! А все отчего? Студенты научили. Сами — сорви головы, вавилоны новые, ну и дѣвушекъ туда же подговариваютъ!

— Такъ вы, папаша, думаете, что этотъ?... Что его прислали за подговоръ?... Такъ, папаша? робко, удивленно и весь превратившись въ слухъ, спрашивалъ молодой чиновникъ у старика.

— А я почемъ знаю, за что его прислали? За это, а можетъ и за другое, что еще почище, надѣвая старенькую шубенку, говорилъ равнодушно старикъ.—Ну, пошелъ, запру.

Молодой чиновникъ молча и съ той-же, превращенной во вниманіе, физіономіей вышелъ со старичкомъ на улицу.

— Прощайте, папаша!... Засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе Лидіи Казиміровнѣ.... Горю нетерпѣніемъ видѣть ихъ сегодня.

— Прощай, прощай! нехотя подавая руку молодому чиновнику и поворачиваясь отъ него прочь, отвѣтилъ старикъ и пошелъ направо, а бойкій чиновникъ повернулъ налѣво.

IV.

Въ это время непремѣнный членъ с-нскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и управляющій с-нскою контрольною палатою встрѣтились на углу главной улицы города, какъ они встрѣчались тамъ каждый день, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ, возвращаясь изъ своихъ присутственныоъ мѣстъ. Одинъ, тотъ, который былъ непремѣннымъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—почти средняго роста, лѣтъ за сорокъ, коренастый, съ крупными и серьезными чертами лица; на немъ шинель съ длиннымъ капюшономъ и бобровая шапка. Другой, управляющій контрольною палатою, былъ тоже почти средняго роста, тоже крупный, хорошо сложенный, лѣтъ за сорокъ мужчина, но строгія черты его лица смягчались почти никогда не сходившаго съ него улыбкою; онъ былъ тоже въ шинели, но капюшонъ на ней былъ маленькій, какіе бываютъ у плащей ксёндзовъ, и въ собольей шапкѣ. Одинъ, когда ходилъ и молчалъ, смотрѣлъ внизъ и тихо-тихо что-то шепталъ, шевеля губами; другой, когда ходилъ и молчалъ, смотрѣлъ вверхъ и тихо-тихо что-то напѣвалъ, тоже шевеля губами. Шутники въ

городѣ звали ихъ двумя Аяксами, хотя они видѣлись другъ съ другомъ только одинъ разъ въ день, по буднямъ, на концѣ главной улицы, въ два часа, возвращаясь изъ своихъ присутственныхъ мѣстъ, и одинъ о другомъ, кромѣ служебныхъ своихъ ранговъ, ничего не знали.

— Здравствуйте! сказалъ контролеръ, добродушно улыбаясь.

— Добрый день! сказалъ членъ, тонко улыбаясь ртомъ.

— Какъ ваше здоровье?

— Благодарю васъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

— Благодарю. Ну-съ, выдумали?

— Какъ-же-съ. А вы?

— Мы тоже сочинили.

— Вамъ начинать.

— Сегодня на счетъ телеграфовъ?

— Правильнѣе будетъ,—на счетъ телеграммъ.

— Да-съ. Ну-съ, прошу не строго судить. Прикащикъ, изволите-ли видѣть, подаетъ на станцію телеграмму къ хозяину лѣсопромышленнику. Телеграмма была слѣдующаго содержанія: «Въ вашу сумму за лѣсъ вкралась ошибка. Ели много и хороша, но сосна — плоха. Что вы пилъ не закажете? На дрань лѣсъ сдали съ дачи, потомъ на строевой такой отобрали, какой во всей губерніи не бывало.»

— Прекрасно! Какъ-то справится нашъ телеграфъ? сказалъ, тонко улыбаясь, членъ, посматривая по сторонамъ улицы.

— Конечно, перевретъ, какъ всегда, добродушно улыбаясь, сказалъ контролеръ, смотря на члена.

— Но какъ? Въ этомъ весь интересъ.

— А вотъ извольте послушать. «Въ вашу сумму залѣзъ, читалъ удивленный хозяинъ телеграмму отъ своего прикащика,— вкрались шибко. Ѣли много и хорошо, но со сна плохо. Что выпилъ—не закажите. Вчера на брань лѣзъ,—сдали сдачи. Потомъ насъ трое вой такой отодрали, какого во всей губерніи никогда не бывало».

— Прекрасно! Отлично! Вы, конечно, пошлете въ «Будильникъ?» Пошлите, непремѣнно пошлите!

— Благодарю васъ, подавая руку и съ добродушною улыбкою, говорилъ контролеръ.

— Въ «Будильникъ», непремѣнно въ «Будильникъ», пожимая руку контролера, говорилъ съ чувствомъ членъ, но тонкая улыбка не сходила съ его лица.

— Ну-съ, а вашъ? Теперь позвольте вашъ.

— Мой-съ? Мой-съ будетъ по-хуже.

— Говорите! У васъ всегда потоньше и посолонѣе моего.

— А вотъ судите сами, что я правъ.... Мужъ, капельмейстеръ, посылаетъ своей женѣ, тоже музыкантшѣ, слѣдующую телеграмму: «Варіаціи живы, веселы. Я унился громомъ. Да, форте чудесно, и хотя пьяно—очень сильно, но, повторяю, варіаціи—прелесть».

— Чудесно! Какъ это у васъ всегда коротко, но сильно! А отвѣтъ, а вранье нашего телеграфа, навѣрно, еще прекраснѣе будетъ! говорилъ контролеръ, добродушно улыбаясь.

— Жена получила эту телеграмму, прочла и.... и чуть-чуть не лишилась чувствъ! продолжалъ членъ серьезно, но съ тонкою улыбкою около рта. Нашъ милый телеграфъ такъ перевралъ телеграмму мужа: «Вари яйца живо! Весело. Я упился ромомъ до черта. Чудесно! И хотя пьянъ очень сильно, но, повторяю, вари яйца, прелесть».

— Восхитительно! Это будетъ украшеніемъ «Будильника»!... и между контролеромъ и членомъ опять произошло искренное рукопожатіе.

Въ это время къ нимъ подошелъ бойкій молодой чиновникъ и, бойко и далеко откинувъ въ сторону свою фуражку, остановился и сказалъ: — мое нижайшее почтеніе вашимъ превосходительствамъ!

— Вѣрно новость есть? спросилъ, пуская руку члена, контролеръ.

— По этой сторонѣ улицы идетъ, значитъ сообщитъ новость, пояснилъ членъ, тоже опуская руку контролера.

— Ну-съ? обратился контролеръ къ молодому чиновнику.

— Начинайте! одновременно съ контролеромъ, сказалъ членъ, серьезно глядя на молодаго чиновника, но тонкая улыбка не покидала его.

— Ваши превосходительства изволили читать въ газетахъ, какъ въ петербургскомъ женскомъ пансіонѣ.... началъ бойко, но серьезно, чиновникъ.

— Воспитанницы собирались задушить классную даму, перебилъ чиновника контролеръ.—Ну-съ, а далѣе?

— Напали и уже принялись было душить, одновременно съ контролеромъ сказалъ членъ.—А далѣе что?

— Сегодня къ намъ, ваши превосходительства, привезли съ жандармами изъ Петербурга студента изъ института, Гордія Могутова, какъ вреднаго въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ, и приказано заключить его подъ строгій, но секретный надзоръ....

— Это значитъ подговорщика по этому дѣлу? живо спросилъ контролеръ.

— А, можетъ быть, даже и участника? болѣе хладнокровно спросилъ членъ. — Вы не узнали, что онъ переодѣтъ былъ въ женское платье, или такъ, въ штанахъ?

— Не могу знать, отвѣтилъ молодой чиновникъ, но можно было думать, судя по его серьезной физіономіи, что онъ все знаетъ, но не можетъ все говорить по долгу службы и присяги.

— А каковъ изъ себя?

— Видъ имѣетъ изящный, женоподобный?

— Нѣтъ, ваши превосходительства! Видъ у него не то что страшный, а угрюмый какой-то, и на лбу морщины, а на видъ имѣетъ не болѣе двадцати пяти лѣтъ.

— Больше ничего?

— Только?

— Больше не имѣю ничего сообщить вашимъ превосходительствамъ, сказалъ чиновникъ, бойко откинувъ въ сторону фуражку.

— Прощайте, когда болѣе ничего нѣтъ! сказалъ контролеръ.

— До свиданья! сказалъ членъ.

Чиновникъ опять бойко откинулъ въ сторону фуражку и, сказавъ:—мое нижайшее почтеніе, пошелъ далѣе.

— Каковъ студентъ? спросилъ контролеръ.

— Хорошъ, отвѣчалъ, задумавшись, членъ.

— Завтра давайте на студента сочинять. Нужно ознаменовать это событіе.

— Счастливая мысль! продолжая быть задумчивымъ, отвѣчалъ членъ.

— И знаете, я хочу предложить вамъ перестать пренебрегать клубничкой и краснымъ словомъ.... Знаете, это даже будетъ кстати: студентъ и клубничка — Базаровъ и Одинцова.

— Счастливая мысль! Игривѣе разговоръ пойдетъ и шире поле для фантазіи.... Базаровъ и Одинцова! А Ѳеничку вы позабыли?

— Да, да! Словомъ, студентъ и клубничка будутъ очень кстати.

— Да, да! также задумчиво сказалъ членъ.

Они подали другъ другу руки.

— Прощайте!

— Прощайте!

— До завтра?

— Да, до завтра!

И, пожавъ крѣпко другъ другу руки, контролеръ пошелъ внизъ, а членъ вверхъ по улицѣ, если считать начало улицы присутственныя мѣста.

V.

Членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія задумчиво дошелъ до городскаго сада и вступилъ на главную его аллею.

— Что это значитъ, Аркадій Финогеновичъ? Я васъ всегда встрѣчаю у той лавочки, а сегодня ужъ тутъ! Часы мои не врутъ! Съ такими словами полная и богато одѣтая барыня обратилась къ члену присутствія, подойдя къ нему. Барынѣ — лѣтъ за тридцать пять, у ней хорошо развитой лобъ и бодрые глаза, а остальное.... все, какъ у всѣхъ женщинъ губернскаго высшаго общества.

— Вѣроятно, вмѣсто трехъ разъ, цѣлый десятокъ поцѣлуевъ отпустили вашему Аяксу номеръ первый? подавая руку члену и улыбаясь, говорила дама.

— Здравствуйте! Вы все смѣетесь надъ нашей дружбою, дорогая Агриппина Анатоліевна! Нѣтъ-съ, мы не цѣловались, а новость одна насъ позадержала, говорилъ членъ съ тонкой и любезной улыбкой около рта, съ солиднымъ и картиннымъ поклономъ и пожимая полную руку дамы.

— Послушаемъ. Надѣюсь,—не секретъ? Голосъ дамы былъ очень пріятенъ, и въ немъ, равно какъ въ ея жестахъ, проглядывали интимность, добродушіе, фамиліарность.

— Какое секретъ? Возмутительное, вопіющее дѣло! Пропала, пропала стыдливость въ институткѣ и поэтическая цѣломудренность въ дѣвушкѣ! и членъ вздохнулъ и закинулъ глаза въ небо.

— Послушайте! Я глубоко уважаю вашъ даръ слова и поэтическую высокопарность выраженій, но нельзя-ли приступить

прямо къ новости. Жизнь такъ скучна, что я горю отъ нетерпѣнія!...

— Готовъ удовлетворить ваше нетерпѣніе, уважаемая Агрипина Анатоліевна! Готовъ и начинаю. Видите-ли, новость газетная и мѣстная въ одно и то же время; начало ея въ Петербургѣ, а конецъ—въ богоспасаемомъ, мирномъ, но, увы! на долго-ли? городѣ С—нскѣ.... Вы изволили бывать въ Петербургѣ?

— Собираюсь лѣтомъ.

— Не совѣтую! Боже васъ сохрани! Поѣзжайте лучше въ Вѣну, веселую Вѣну, или въ Италію, божественную страну любви, гдѣ Петрарка всю свою жизнь воспѣвалъ Лауру....

— Новость, новость, Аркадій Финогеновичъ! Даже при самой тихой ходьбѣ, мы скоро пройдемъ эту аллею, а назадъ, ради вашей новости, я не пойду.

— Изволите-ли видѣть, дорогая Агрипина Анатоліевна, есть въ Петербургѣ двѣ улицы: одна—институтская, а другая—институтскій проспектъ. Первую, институтскую улицу, назвали такъ потому, что на ней всѣ мужскіе институты: институтъ инженеровъ путей сообщенія, военный институтъ, горный, технологическій, архитектурный....

— И такъ далѣе все институты, но нужно, чтобы и ваша новость шла далѣе, нетерпѣливо замѣтила дама.

— Терпѣніе, терпѣніе, дорогая Агрипина Анатоліевна!... Ну-съ, а институтскій проспектъ названъ такъ потому, что на немъ все женскіе институты: Смольный, Екатерининскій, Павловскій, Александровскій первый, Николаевскій, Александровскій второй, дворянскій институтъ, купеческій институтъ и т. д., словомъ, весь проспектъ въ институтахъ, въ разсадникахъ этихъ стыдливыхъ, невинныхъ, ангелоподобныхъ цвѣточковъ.... Вы знаете, сколько заботъ требуетъ ухаживаніе и присмотръ за дѣтьми! Вы безъ труда можете себѣ вообразить хлопоты тѣхъ благородныхъ женщинъ, которыя воспитываютъ и берегутъ эти ангелоподобные институтскіе цвѣточки!... Но вдругъ! Представьте себѣ! Вдругъ, директорши замѣчаютъ, что многія изъ институтокъ начинаютъ чего-то полнѣть!... Отчего полнѣютъ? Неизвѣстно! Ужъ не подбавилъ-ли экономъ въ котлеты или какое другое блюдо антимоніи, которою угощали экономы монаховъ въ средневѣковыхъ монастыряхъ и отъ которой святые отцы полнѣли болѣе, чѣмъ слѣдовало великимъ подвижникамъ и даже мерли. Ди-

ректорши оскорблены, поражены! Многія изъ нихъ даже посѣдѣли!... Но дѣлать было нечего, собрали педагогическій совѣтъ изъ всѣхъ институтовъ, и на немъ порѣшили призвать докторовъ не моложе сорока пяти лѣтъ и узнать ихъ мнѣніе объ этомъ необычайномъ явленіи.

— Мы сядемъ. Это очень интересно, если вы не врете, очень внимательно слушая, сказала дама.

— Въ газетахъ есть! Конечно, вы поймете, что въ газетахъ сказано глухо, но откуда я знаю подробности, это вы, дорогая Агрипина Анатоліевна, сейчасъ узнаете.... Ну-съ, такъ на педагогическомъ совѣтѣ порѣшили собрать со всего Питера докторовъ отъ сорока пяти лѣтъ, но не менѣе.... Я не знакомъ съ медициной, но вы понимаете, какъ много нужно времени для самаго поверхностнаго изслѣдованія такой массы больныхъ....

— Далѣе, далѣе! Вы, кажется, въ восторгѣ отъ этой исторіи? Стыдитесь! Вамъ пятьдесятъ съ большимъ хвостомъ, сказала дама, внушительно взглянувъ въ лицо собесѣдника.

— Кажется, не вретъ! сказала она сама себѣ, затѣмъ внимательно осмотрѣла разскащика, у котораго глаза смотрѣли вдохновенно, въ нихъ видна была любовь, участіе, и потому казалось, что онъ говоритъ самую сущую правду.

— Словомъ, узнать въ одинъ день причину такого ненормальнаго состоянія нѣсколькихъ тысячъ институтокъ — дѣло не легкое....

— А для чего-же въ одинъ день непремѣнно?

— Это, видите-ли, для чего, дорогая Агрипина Анатоліевна. Для того, что на педагогическомъ совѣтѣ приписали полноту дѣвицъ особенной болѣзни: простудѣ нѣкоторой. Никто, знаете-ли, не хотѣлъ даже предположить, чтобы полнота, и при томъ почти у всѣхъ дѣвицъ, была, знаете, отъ другихъ причинъ.... Вы понимаете, какъ трудно....

— Далѣе, далѣе! Понимаю. Пожалуйста, продолжайте! Ну, я васъ прошу! жалобно, а потому и очень убѣдительно, сказала дама.

— Ну-съ, словомъ, не хотятъ институтки, чтобы ихъ даже старики доктора подвергали діагнозу.... Возились день, возились другой, и только на третій день, наконецъ, уломали: сказали, что это для ихъ же пользы, что можетъ это повѣтріе такое, а то вѣдь скандалъ!... Ну-съ, дѣлать нечего, изслѣдовали, нашли

причину.... Съ докторовъ, подъ присягой, взяли слово о полнотѣ ни гу-гу! Полныхъ, изъ опасенія распространенія болѣзни, разослали изъ Питера по деревнямъ, а за неполными принялись бдительно смотрѣть.... Вдругъ, въ полночь, находятъ среди институтокъ какія-то постороннія женскія фигуры, наряженныя точь въ точь какъ институтки. Откуда взялись эти лишнія фигуры? Никто не видѣлъ, чтобы онѣ входили! Думали, что ужъ не нечистая-ли сила тутъ замѣшана!... Опомнились, наконецъ. Дали знать начальству, и, когда всѣ собрались, то принялись ловить этихъ, Богъ знаетъ откуда взявшихся, институтокъ. Но, вдругъ, институтки бросаются и начинаютъ душить директоршъ и классныхъ дамъ! Поднялся крикъ, гамъ, стонъ, слезы! Вы понимаете....

— Ну, я васъ прошу! умоляющимъ голосомъ сказала дама.

— Вотъ объ этомъ и въ газетахъ есть.... Ну-съ, кое-какъ все-таки изловили человѣкъ тамъ пять, десять,—о точномъ числѣ не говорятъ,—изловили, осмотрѣли, и что-же?!

— Гвардейцы! Правда,—гвардейцы? нетерпѣливо и восторженно спросила дама.

— Какое гвардейцы, дорогая Агрипина Анатоліевна! Если бы гвардейцы, такъ оно бы еще куда ни шло, а то не гвардейцы, да и не мужчины даже!

— Черти, что-ли? недовольно, но удивленно спросила дама.

— Какое черти! Не черти, и не мужчины, а студенты изъ институтской улицы! Черти, такъ было бы еще понятно: сверхъестественная сила, противъ которой ничего не подѣлаешь, а то студенты! Вообразите, студенты изъ институтской улицы! Скандалъ!...

— Да какъ же они забрались туда?

— Нашли подкопъ въ.... въ извѣстное мѣсто, вы понимаете? А оттуда, какими-то тамъ корридорами, чрезъ печки и т. д. Словомъ скандалъ, скандалъ!

— Да откуда вы все это знаете? Я, просто, думаю, что вы все врете, подозрительно смотря на члена, сказала дама.

— Напрасно, обидѣвшись слегка, сказалъ членъ и, помолчавъ немного, продолжалъ: — Извольте слушать далѣе, дорогая Агрипина Анатоліевна. На первыхъ порахъ хотѣли пойманныхъ студентовъ предать суду, при закрытыхъ дверяхъ, конечно, но потомъ раздумали. Оно хотя при закрытыхъ дверяхъ, а все же

съ присяжными засѣдателями будетъ судъ, — вѣдь это дѣло не политическое, а въ такомъ случаѣ все равно, что и гласно; слухъ пойдетъ далеко, да и въ газеты попадетъ, а вѣдь это скандалъ!... Ну-съ, и порѣшили дѣло замять. Студентовъ разослали по разнымъ губерніямъ подъ строжайшій надзоръ полиціи, и, дорогая Агрипина Анатоліевна, одного изъ этихъ изверговъ, головорѣзовъ, душегубовъ, одного изъ этихъ безбожниковъ, разрушителей святостей семейной жизни, прислали сегодня къ намъ съ жандармами! Вотъ отъ него-то и узнали всѣ подробности этой, дѣйствительно, невѣроятной, чудовищной исторіи....

Разсказчикъ замолчалъ и смотрѣлъ на даму, которая задумчиво сидѣла и качала головой.—Какъ это я отлично разсказалъ, думалъ онъ. Управляющему такъ не разсказать!

— Да, не можетъ быть, чтобы это была правда? думала дама.— Но такъ сочинить нельзя.... И въ газетахъ, говоритъ, что-то есть, да и привезли къ намъ.... Что-то въ родѣ правды.... Ой, не вѣрится что-то всему этому! сказала она громко.

— Я самъ сперва не вѣрилъ; но всѣ говорятъ, газеты намекаютъ и, что самое важное, самъ герой въ городѣ.... И говорятъ ужасно страшный! Рожа истасканная, лѣтъ въ двадцать и уже весь въ морщинахъ!... Но глаза, глаза, говорятъ, чертовскіе!...

— Ой, не вѣрится что-то.... Вѣдь если это правда, то надо забирать поскорѣе изъ институтовъ дочерей! У меня, слава Богу, нѣтъ, но у многихъ нашихъ есть. У Марьи Васильевны—одна, у Настасьи Петровны—одна, у Саврасовыхъ—двѣ.... Да мало-ли у кого изъ нашихъ нѣтъ!... Только это уже черезъ-чуръ скандально! Просто вѣрить даже не хочется!...

— Да почему же, дорогая Агрипина Анатоліевна? Чего нельзя ожидать отъ современной молодежи! Вы читали послѣдній романъ нашего великаго писателя? «Обрывъ» Гончарова, изволили читать?.... Развѣ тамъ герой, типъ молодаго поколѣнія, не воруетъ яблокъ, сидя на заборѣ, и не кричитъ громогласно, что онъ не стыдится воровать? Развѣ онъ подъ обрывомъ не обезчестилъ эту чудную дѣвушку, эту любящую Вѣру? Такъ развѣ подобные арестанты не могутъ пробить себѣ потайныхъ ходовъ? Развѣ эти подлецы не могутъ обезчестить этихъ невинныхъ цвѣтковъ, добрыхъ, любящихъ, не знающихъ ничего дурнаго, — институтокъ?... Прогрессъ во всемъ долженъ быть, дорогая Агрипина

Анатоліевна! Ну-съ, а у этихъ представителей молодаго поколѣнія тоже все прогрессивно идетъ. Базаровъ, въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева, въ Бога не вѣрилъ, родителей не признавалъ и только у будущей жены Николая Кирсанова, Ѳенички, добивался любви!... Маркъ Волоховъ уже призналъ воровство открыто, признаетъ его за самый нормальный способъ удовлетворенія своихъ потребностей, и обезчестить благородную дѣвицу ставитъ ни во что!... А послѣдняя формація—дѣлаетъ подкопы въ институтъ.... Такъ и должно быть! Это нужно давно было предполагать!...

— Удивительно! Невѣроятно! вставая, говорила дама. Я разскажу прежде всего Лидіи Аркадьевнѣ: у ней—двѣ. Пусть беретъ, пока еще, можетъ быть, грѣхъ не случился.

— Да, да! Слѣдуетъ; слѣдуетъ предупредить, тоже вставая, внушительно одобрялъ членъ.

— Я скажу, что отъ васъ слышала, идя къ выходу изъ сада, говорила дама.

— Нѣтъ, къ чему же съ! Оно, конечно, для меня все равно, но, знаете-ли, я — членъ отъ правительства, такъ не ловко, знаете-ли, что отъ меня.... Я отъ васъ, дорогая Агриппина Анатоліевна, секретовъ не имѣлъ и не имѣю.... Нѣтъ, вы лучше помимо меня: весь городъ-де говоритъ.

Дама и непремѣнный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ простились очень любезно; и къ вечеру весь городъ зналъ и вѣрилъ тому, что членъ разсказывалъ дамѣ.

Такъ, читатель, наши недалекіе пугальщики, называть которыхъ излишне за ихъ общеизвѣстностью, пріучили наше общество односторонне смотрѣть на нѣкоторыя явленія нашей жизни. Эти явленія были не опасны въ началѣ, и пугальщики отводили отъ нихъ глаза общества, отождествляя ихъ съ преглупѣйшимъ цинизмомъ. Общество слушало пугальщиковъ и смѣялось, пока, наконецъ, неопасныя въ началѣ явленія, подъ вліяніемъ односторонняго, чисто шутовскаго отношенія къ нимъ, не превратились въ явленія ужасныя, заставившія стать всю Россію на военное положеніе.... Только что прочитанный читателемъ разсказъ члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія взятъ буквально изъ дѣйствительности и буквально въ 1869 году. Этому разсказу вѣрилъ весь городъ, а потому и смотрѣлъ на Могутова, да и то недолго, не какъ на фанатика мысли, а какъ на

глупаго, сластолюбиваго малаго. Могутовъ не былъ, какъ читатель увидитъ, набитый дуракъ и дикій сластолюбецъ, а потому ему не нужно было трудиться, чтобы заставить городъ скоро позабыть глупую исторію, сочиненную о немъ. Найдя исторію не совмѣстимой съ Могутовымъ, обыватели города и успокоились, а, между тѣмъ, Могутовъ былъ опасный человѣкъ, и, какъ читатель увидитъ,—надѣлалъ много зла.

Глава II.

Его превосходительство Левъ Николаевичъ Личинко, губернаторъ С—нска, и его разговоръ съ правителемъ канцеляріи и съ полицеймейстеромъ.—„Къ твоимъ сѣдинамъ такъ пристанетъ корона царская".—Сонъ дежурнаго чиновника.

I.

Городской садъ, какъ читатель уже знаетъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ однообразными двухъ-этажными домами. Но, среди этихъ однообразныхъ домовъ, было два дома, не похожіе на остальные. Они стояли визави, ихъ отдѣлялъ другъ отъ друга только тѣнистый городской садъ. Одинъ—длинный, весь двухъ-этажный, а по срединѣ въ три этажа, съ колоннами, красивыми полукруглыми окнами, сквозь стекла которыхъ видны были дорогіе занавѣсы, такія же люстры у потолка и канделябры на стѣнахъ,—это домъ благороднаго с-нскаго дворянскаго собранія. Другой—фасадомъ, окнами и крышей ничуть не отличался отъ всѣхъ прочихъ домовъ площади, но онъ былъ, какъ и его визави, благородное дворянское собраніе, окрашенъ въ свѣтло-зеленую краску, на окнахъ его также видны были дорогіе занавѣсы, а позади его, кромѣ того, былъ небольшой, но тѣнистый садъ, начинавшійся почти у самаго дома и упиравшійся въ высокую, поросшую мхомъ, во многихъ мѣстахъ треснувшую каменную стѣну когда-то сильной крѣпости. Этотъ домъ отличался отъ всѣхъ другихъ домовъ площади еще и тѣмъ, что у его подъѣзда цѣлую ночь, а въ двухъ крайнихъ его окнахъ до двухъ часовъ ночи, свѣтился огонь. Это домъ с-нскаго начальника губерніи.

Въ тотъ день, когда былъ привезенъ Могутовъ, въ шесть часовъ вечера, въ губернаторскомъ домѣ, какъ всегда, въ край-

нихъ двухъ окнахъ нижняго этажа былъ видѣнъ свѣтъ. Если подойти къ этимъ окнамъ и посмотрѣть въ нихъ, то увидали бы, убранную со вкусомъ дорогою мебелью, обоями, занавѣсами и картинами, большую комнату, похожую на кабинетъ, судя по столу, заваленному бумагами и книгами, но, по широкому дивану и по подушкѣ и одѣялу на немъ, можно было заключить, что въ этомъ кабинетѣ часто отдыхаетъ его хозяинъ. За столомъ сидѣлъ мужчина, какъ видно, высокаго роста, такъ какъ голова его сильно возвышалась надъ столомъ, лѣтъ за сорокъ, широкій въ плечахъ и съ полнымъ, мало-удлиненнымъ лицомъ; черные волосы, брови и густые того-же цвѣта усы, при бѣлизнѣ кожи, дѣлали лицо его мужественнымъ, но большіе черные глаза, сильно выдавшіеся впередъ, вмѣстѣ съ толстыми губами у большаго рта, толстымъ, но пріятнымъ носомъ и не высокимъ, плоскимъ лбомъ, смягчали мужественность лица, придавали ему болѣе обыкновенный, мягкій, житейскій видъ. На немъ былъ коротенькій драповый пиджакъ и такой же, сильно открытый жилетъ, такъ что бѣлая, тонкая холщевая рубаха хорошо обрисовывала его грудь, а брилліантовыя запонки ярко блестѣли на груди рубахи.

Онъ сидѣлъ, положивъ голову на одну руку, а другой державъ сигару, которую медленно курилъ, такъ что струйки нѣжнаго синенькаго дымка успѣвали пропадать въ комнатѣ, пока новыя испускались сидѣвшимъ. Глаза его то устремлялись на окна, то на столъ, то на стѣны и, чаще всего, на руку съ сигарой, и, казалось, любовались ею. Дѣйствительно, рука была бѣлая, округленная, съ дорогимъ брилліантовымъ перстнемъ на одномъ и съ прекрасными, розовыми, длинными ногтями на всѣхъ пальцахъ.

— Пожаловалъ правитель канцеляріи къ вашему превосходительству, робкимъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, стоя вытянувшись ровно у дверей.

— Просить! не перемѣняя положенія, отвѣтилъ сидѣвшій съ сигарою. Это былъ начальникъ с-нской губерніи, губернаторъ, его превосходительство Левъ Николаевичъ Личинко.

— Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство, слегка наклоняя голову и небрежно-прямо становясь у стола, сказалъ слабо-гортаннымъ голосомъ Петръ Ивановичъ Кожуховъ. На лицѣ его не было и слѣда той скорбной мины, которую онъ имѣлъ, когда принималъ въ своей канцеляріи жандарма и его спутника;

онъ теперь высматривалъ солиднымъ, дѣловымъ человѣкомъ, и имѣлъ спокойно-пріятную физіономію.

— Садитесь. Я васъ позвалъ потому, что сегодня Петербургъ и утромъ, и днемъ, и вечеромъ извѣщаетъ насъ о разныхъ экстренныхъ дѣлахъ. Утромъ секретная бумага съ этимъ... какъ его? плавно, громко и не торопливо сказалъ губернаторъ.

— Гордіемъ Могутовымъ, бывшимъ студентомъ института, ваше превосходительство! отвѣтилъ Кожуховъ.

— Гордій Могутовъ?... Славное имя и славная фамилія.... Могутовъ?... Могутовъ? Отъ какого слова это происходитъ? Отъ могучій? Нѣтъ, было бы Могучевъ.... Гордій Могучевъ! такъ было бы лучше, а то: Могутовъ!?

— Это, ваше превосходительство, отъ двухъ словъ происходитъ: могутъ и выть.

— Гордые могутъ выть.... Такъ, такъ.... Если и произошло большое сокращеніе, то все-таки оно хорошо подходитъ.

— А гордыхъ могутъ вить, ваше превосходительство.

— Ха, ха, ха! Да! Гордій Могутовъ вообразилъ, что онъ Могутъ-выть, а ему замѣтили, и внушительно замѣтили, что его могутъ свить.... Каламбуръ хорошъ.... А каковъ изъ себя этотъ Могутъ-выть?

— Физіономія не особенно благообразная и на первыхъ порахъ производитъ впечатлѣніе отталкивающее, возбуждаетъ нѣкоторую брюзгливость....

— Нахальное, дерзкое и обезображено угрями и оспой?

— Лицо чистое, ваше превосходительство, но какъ-то дерзконевозмутимо и іезуитизмомъ попахиваетъ, ваше превосходительство!

— Хитрая и продувная рожа!... Такъ, утромъ Петербургъ прислалъ намъ продувную рожу, а въ полдень прислалъ телеграмму, чтобы сдѣлали мы надлежащее распоряженіе о созывѣ экстреннаго земскаго собранія, «такъ какъ господинъ губернскій предводитель дворянства, Сергѣевъ, послѣ аудіенціи у государя, непосредственно отъ его величества получилъ разрѣшеніе на созывъ экстреннаго губернскаго земскаго собранія». Это дословно телеграмма изъ министерства.... Этотъ предводитель далеко пойдетъ! Держу пари, что чрезъ годъ онъ будетъ губернаторомъ, а чрезъ два—товарищемъ министра.... Я уважаю такихъ людей, хотя уважаемаго Ивана Ивановича Сергѣева недолюбливаю.... Недолюбливаю за то, что, идя вѣрнымъ путемъ къ власти, имѣя

характеръ, нужный власти, онъ съ завистью смотритъ на власть, готовъ подставить ногу власти. А это—порокъ! Зависть—мать всѣхъ пороковъ!... Чертъ его зналъ, что ему нуженъ голодъ въ губерніи? Онъ не предупредилъ меня, что это ему нужно.... Помимо меня нажужжалъ тамъ о голодѣ. Оттуда спрашиваютъ: правда-ли, что въ моей губерніи голодъ? Требую свѣдѣній отъ исправниковъ,—рапортуютъ, что голода нѣтъ, а только урожай немного менѣе средняго. Я и отвѣтилъ буквально такъ туда! А въ газетахъ тѣмъ временемъ уже подняли крикъ: «Голодъ! Голодъ! Мрутъ на дорогахъ! Цѣлыя села вымерли! Самъ предводитель губернскій, самъ предсѣдатель губернской земской управы заявляютъ объ этомъ!»... Забываютъ, что это одно лицо.... Затѣмъ посыпались корреспонденціи отъ разныхъ прохвостовъ губерніи, которымъ нечего дѣлать и которымъ на слово «голодъ» удобно излить ихъ мелкую злость и зависть на администрацію, на купечество и даже на земство, предсѣдатель котораго и выдумалъ-то голодъ....

— Много корреспонденцій писалось изъ канцеляріи самого господина предводителя и отъ его друзей въ уѣздахъ, ваше превосходительство!

— Такъ, такъ.... Это я знаю.... Какъ же, послѣ всего этого и не признать тамъ голода въ моей губерніи! Признали и начальникомъ губерніи, конечно, недовольны: проспалъ голодъ, не внимателенъ къ нуждамъ губерніи, скрытенъ отъ высшаго начальства.... Развѣ нельзя было ему переговорить со мной, совмѣстно превратить немного менѣе средняго урожай въ голодъ?!.. Кстати: мнѣ не нравится вашъ отвѣтъ въ дамскій комитетъ для помощи голоднымъ. Отвѣтъ черезъ-чуръ рѣзокъ, правдивъ.... Отвѣтьте, что я покорнѣйше прошу комитетъ увѣдомлять меня, какъ своего предсѣдателя, о всѣхъ своихъ постановленіяхъ, такъ какъ я, къ несчастію, не имѣю свободнаго времени, чтобы присутствовать на всѣхъ его засѣданіяхъ; но что во мнѣ, какъ начальникѣ губерніи, комитетъ найдетъ всегда самаго ревностнаго для него помощника....

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, спокойно отвѣчалъ Кожуховъ.

— Хотите курить? и губернаторъ небрежно указалъ на ящикъ съ сигарами, сохраняя, какъ и во все время разговора, ту же позу и медленно испуская дымокъ сигары.

— Очень благодаренъ, вашему превосходительству, и Кожуховъ легко и свободно взялъ сигару и запалилъ ее.

— О созывѣ гласныхъ губернская управа распорядится безъ насъ, а мы должны только напечатать объ этомъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, сообщить губернской управѣ копію съ телеграммы министра и приготовить рѣчь къ открытію.... Не признавать голода намъ нельзя, хотя въ слабыхъ размѣрахъ.... Господинъ Сергѣевъ, вѣроятно, измыслилъ тамъ что-либо для ослабленія голода и для скорѣйшаго приведенія его самого къ власти; но и намъ тоже нужно будетъ что-либо предложить.... Я выскажу вамъ конспектъ рѣчи.... Заявляя о неполномъ запасѣ продовольствія по губерніи до новой жатвы, я предлагаю собранію сдѣлать экстренный расходъ на исправленіе дорогъ въ губерніи и на исправленіе древней стѣны нашего города.... Вы извольте подробно развить мои мысли и справиться у Соловьева о развалинахъ нашей стѣны.... Нужно изложить все это съ исторической подкладкой и съ патріотическимъ чувствомъ.

— Понимаю, ваше превосходительство. Это можно будетъ очень хорошо изложить. Древность, глубокая древность—и развалины, современный видъ древности, спокойно поясниль Кожуховъ.

— Такъ, такъ.... Развить слѣдуетъ обстоятельно.

Губернаторъ позвонилъ. Явился тотъ же молодой чиновникъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ.

— Прикажите дать два стакана чаю, сказалъ губернаторъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, уходя отвѣтилъ чиновникъ.

— Теперь о томъ, началъ опять губернаторъ, что получено изъ Петербурга вечеромъ почтою.... Меня увѣдомляютъ, что составляется коммиссія изъ высшихъ сановниковъ и министровъ для новой организаціи власти губернаторовъ, приспособляя ее къ новымъ высочайшимъ узаконеніямъ, какъ-то: новому суду, земству, новому городскому положенію и прочему.... До созыва этой коммиссіи желаютъ знать мнѣнія начальниковъ губерній объ этомъ предметѣ. Желаютъ знать наше мнѣніе: не требуетъ-ли польза государственная и правительственная усилить власть начальниковъ губерній?... Спрашиваютъ о дѣлѣ серьезномъ, важномъ.... коренномъ государственномъ дѣлѣ.... Нужно обдумать всесторонне и подробно; нужно будетъ употребить нѣсколько вечеровъ для этого.... Сегодня я изложу свой взглядъ въ общихъ

чертахъ, а вы извольте дѣлать возраженія и спрашивать разъясненій безъ чиновъ. Потомъ вы приготовите записку слышаннаго отъ меня о положеніи власти начальника губерніи среди другихъ органовъ и о необходимости усиленія власти губернатора....

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, принимая сосредоточенный видъ, отвѣтилъ Кожуховъ.

— Берите чай, перемѣняя прежнюю позу на новую, такого же, впрочемъ, вида, и беря съ подноса стаканъ, сказалъ губернаторъ, когда подносъ съ чаемъ поставленъ былъ на столъ фрачнымъ лакеемъ.

— Хлѣба не желаете? спросилъ губернаторъ послѣ того, какъ отпилъ медленно и молча треть стакана чаю, испуская за каждымъ глоткомъ слабый дымокъ сигары.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство, отвѣчалъ Кожуховъ, тоже прихлебывая чай и испуская дымокъ болѣе густой, чѣмъ губернаторъ.

— Спросите, если желаете, опять сказалъ губернаторъ послѣ долгаго молчанія, отпивъ уже до половины стаканъ и испустивъ съ десятокъ слабыхъ дымковъ и нехотя шаля чайной ложечкой въ стаканѣ.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство. Я обѣдаю въ то же время, какъ и ваше превосходительство, и пью чай безъ хлѣба.

— Какъ и я, улыбнувшись сказалъ губернаторъ. Послѣдовало долгое молчаніе, нарушаемое только тихимъ звяканьемъ чайной ложечки о стаканъ, которое разсѣянно производила свободная отъ сигары рука губернатора.

II.

— Извольте слушать, допивъ чай и закуривая новую сигару, продолжалъ губернаторъ.—При обширности нашихъ губерній, при ихъ многочисленности въ государствѣ и при ихъ отдаленности отъ центра правительственной власти, необходима сосредоточенность сильной власти въ каждой губерніи, имѣющей непосредственное сообщеніе только съ одною высшею центральною властью столицы, которая и сама, только черезъ эту губернскую сильную власть, должна имѣть сношеніе съ губерніей. Эту сильную губернскую власть назначаетъ высшее правительство,

оно само выбираетъ ее, испытываетъ ея духъ, сообщаетъ и разъясняетъ ей свои идеи и цѣли, но и только! а все остальное предоставляетъ власти губернатора. Губернаторская власть должна быть сильна, почти неограниченна въ своей губерніи и распространяться на всѣ отрасли губернской правительственной и земской администраціи!... Вы понимаете связь между причиной и слѣдствіемъ?

— Понимаю очень хорошо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Кожуховъ, внимательно слушая губернатора и смотря пристально ему въ лицо.

— Я поясню вамъ это нѣсколькими примѣрами, началъ, немного помолчавъ, губернаторъ,—чтобы вамъ было совершенно понятно.... Теперь у насъ новый судъ,—въ моей губерніи онъ скоро введется, совершенно независимъ отъ губернатора. Представимъ случай: произошло милліонное мошенничество въ глуши губерніи; представимъ, что судебный слѣдователь, товарищъ прокурора и прочіе замяли это дѣло. Судъ мнѣ не подчиненъ, органы мои не увѣдомляютъ меня объ этомъ дѣлѣ,—мнѣ вѣдь по закону нѣтъ до этого дѣла, ну и моя полиція тоже не обращаетъ на это вниманіе,—какимъ же образомъ узнать и наказать злоупотребленіе судебныхъ чиновниковъ? Жаловаться некому. Въ мошенничество замѣшанъ одинъ, ему оно на руку, а пострадавшаго нѣтъ. Имъ можетъ быть казна, церковь, общество, городское хозяйство и такъ далѣе. Да, наконецъ, пока жалоба дойдетъ за сотни и тысячи верстъ до министерства или сената, — милліоны пропали, растрачены, виновные бѣжали. Въ концѣ-концовъ скандальный, но совершенно безполезный процессъ! Возвратить милліоновъ нельзя, а судьба бѣжавшаго съ милліонами очень завидна, а судъ не укоръ для другихъ не красть, а, напротивъ, заманчивая исторія о кражѣ милліоновъ и бѣгствѣ вора въ счастливую Аркадію!... Вы поняли?

— Отлично понялъ! Тутъ можно будетъ, ваше превосходительство, привести множество извѣстныхъ всѣмъ примѣровъ. Напримѣръ, нижегородскую покражу соли и желѣза, гдѣ только случай открылъ преступленіе, и опоздай этотъ случай всего на недѣлю, — Волга разлилась бы и преступленія нельзя было бы доказать.

— Хорошо, слегка улыбаясь, сказалъ губернаторъ.

— Можно будетъ привести множество примѣровъ изъ газетъ, ваше превосходительство.

— Да, это я вамъ предоставляю развить примѣрами, какъ всѣмъ извѣстными, такъ и теоретически-возможными.... Идемъ далѣе.... Тамъ, гдѣ народная масса развита, тамъ, гдѣ существуетъ густое населеніе, гдѣ развиты пути сообщенія, гдѣ существуетъ аристократія — древняя, родовая аристократія, гдѣ существуетъ свобода печати, тамъ, конечно, гласность широко развита, злоупотребленіе само собой всплываетъ наружу, и тамъ не для чего сильной центральной власти въ провинціи; тамъ можетъ быть одна центральная власть столицы. Но не у насъ! Развѣ можетъ наше правительство дать полную свободу печати? Нѣтъ! При свободѣ печати, у насъ, при отсутствіи аристократіи и маломъ числѣ образованныхъ людей, печать, для своихъ выгодъ, будетъ курить ѳиміамъ черни, которая, какъ древніе вандалы, разнесетъ и тѣ крохи искусства, науки и богатства, которыя мы имѣемъ, превратитъ сильное, идущее мало-по-малу впередъ, государство — въ буйное скопище мятежной сволочи, котораго не потерпитъ цивилизованная Европа!... Вы поняли?

— Понялъ, ваше превосходительство.

— Но является вопросъ: дѣйствительно-ли у насъ мало грамотныхъ, мало образованныхъ людей, нѣтъ путей сообщеній, нѣтъ аристократіи и всего прочаго, при существованіи чего можетъ существовать широкая гласность и свобода печати, и не нужна сильная центральная власть въ провинціи?... Это все вы извольте доказать сравнительными цифрами въ европейскихъ государствахъ и у насъ.... Нужно привести цифровыя данныя количества школъ и учащихся въ нихъ, количества университетовъ и учащихся въ нихъ, число верстъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, и всѣ эти цифры подробно сравнить съ пространствомъ и населеніемъ въ европейскихъ государствахъ и у насъ.... Вы можете найти матеріалы въ моей библіотекѣ.

— У меня найдутся источники для всего этого, ваше превосходительство. Я выписываю порядочно статистическихъ сочиненій: я очень люблю статистику. А чего не найду у себя, обращусь къ библіотекѣ вашего превосходительства.... Не позволите-ли, ваше превосходительство, развить, что сама природа мѣшаетъ намъ осуществить многое изъ того, что есть на западѣ?

— Какимъ образомъ? опять чуть-чуть улыбнувшись, спросилъ губернаторъ.

— Наши лютыя зимы и мятели заносятъ чуть не на мѣсяцы желѣзныя дороги, рвутъ телеграфы; наши разливы рѣкъ преры-

ваютъ сообщенія, тоже чуть не на мѣсяцы; наши осеннія грязи дѣлаютъ то же; даже—наши лѣтнія жары развиваютъ заразы и дѣлаютъ то же,—такъ какъ же при этихъ условіяхъ обойтись безъ сильной власти губернаторовъ въ провинціяхъ, ваше превосходительство!

— Да, упомяните и объ этомъ.... Да, и природа за насъ, опять чуть замѣтно улыбаясь, сказалъ губернаторъ....

— Но идемъ далѣе, продолжалъ губернаторъ, послѣ коротказо молчанія и уже совершенно серьезно.—Теперь самое главное: у насъ нѣтъ древней, родовой аристократіи, безъ которой немыслимо никакое широкое мѣстное самоуправленіе, а безъ него уже совершенно немыслима слабая провинціальная правительственная власть!... Доказательства отсутствія у насъ древней, родовой аристократіи отыскать легко: стоитъ прослѣдить исторію нашего дворянства и сравнить ее съ исторіей европейской аристократіи.... Я это самъ составлю.... Впрочемъ, составьте и вы. Литература по этой части, даже русская, имѣется въ избыткѣ: полемика либеральныхъ органовъ нашей печати съ «Московскими вѣдомостями» и «Вѣстью» даетъ обширный матеріалъ, чтобы доказать, что у насъ нѣтъ древняго, родоваго дворянства,... А propos. Знаете-ли вы, что Катковъ, въ началѣ своей литературной карьеры, проповѣдывалъ пересадку къ намъ англійскихъ порядковъ! Теперь онъ уже не проповѣдуетъ такой чепухи, но когда-то онъ даже носилъ оригинальный англійскій костюмъ, въ которомъ мнѣ особенно нравилась шапочка въ фигійско-англійскомъ вкусѣ.... Кто въ молодые годы не заблуждался!... У насъ есть только служилое дворянство, дворянство чиновное, набранное изъ всѣхъ слоевъ общества. Они были на высотѣ дворянства, пока служили, перестали служить, перестали быть дворянами. Только принципы чиновника, вѣрнаго слуги государства, были и есть у нашихъ дворянъ и больше никакихъ принциповъ у нихъ не было!... Это все нужно развить обстоятельно, чтобы было проникнуто глубокимъ уваженіемъ къ службѣ, потребностью для нея ума образованнаго и грустнымъ сожалѣніемъ на полное отсутствіе у насъ дворянства въ европейскомъ вкусѣ.

— Этотъ предметъ, ваше превосходительство, можно будетъ, даже, пикантно изложить, такъ что будетъ читаться съ большимъ интересомъ.

— Но не пересаливать! Иронія должна быть самая тонкая!

Пусть она будетъ, пусть ее чувствуютъ, но чтобы нельзя было и подумать даже, что это иронія!

— Понимаю, ваше превосходительство. Сквозь видимыя міру слезы зрѣться долженъ невидимый міру смѣхъ.

— Пожалуй, опять чуть-чуть улыбнувшись, сказалъ губернаторъ.

— Но идемъ далѣе, продолжалъ онъ, немного помолчавъ.— Какой же выводъ изъ всего? Выводъ тотъ, что наша аристократія была, есть и будетъ только аристократіей ума, знанія, таланта. И эта аристократія составляла, составляетъ и будетъ составлять наше служилое, чиновное сословіе.... Въ этомъ счастіе Россіи, этимъ объясняется отсутствіе въ ней революцій, кровавыхъ переворотовъ и постепенный разумный ходъ прогресса въ ея жизни!... И не слѣдуетъ измѣнять этихъ условій! Была, есть и будетъ на Руси божественная власть царя,—была и пусть будетъ сильная, разумная, исходящая отъ божественной власти царя, власть его министровъ и губернаторовъ!... Это нужно развить, какъ заповѣдь Бога, какъ самое великое и дорогое для отечества! Тутъ есть надъ чѣмъ возвыситься до краснорѣчія, до поэзіи!... Можно, даже, нарисовать картину будущаго, когда образованные, умные чиновники будутъ отъ губернатора до волостнаго старшины; какъ изъ нихъ можетъ быть составленъ коллегіальный совѣтъ, въ городѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора, въ селѣ—становаго, въ уѣздѣ—исправника, въ деревнѣ—волостнаго старшины. И все это—образованное, умное и ведетъ наше дорогое отечество, путемъ постепеннаго прогресса, впередъ и впередъ, безъ революцій и бунтовъ!...

— Въ заключеніе, продолжалъ губернаторъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, —должно быть выражено въ короткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ резюме записки. Напримѣръ: во-первыхъ, современное экономическое состояніе Россіи требуетъ для блага правосудія, для торжества истины, контроля власти губернатора надъ всѣми мѣстами и учрежденіями губерніи; во-вторыхъ, малое развитіе грамотности и ея спутниковъ-школъ и учащихся въ нихъ, при громадномъ числѣ необразованной массы, не даетъ возможности дать свободу слова, дать полную свободу печати, а слѣдовательно, только сильная административная власть, сильная не въ дали, а вездѣ, можетъ имѣть возможность чутко прислушиваться ко всему, ловить слухи и, слѣдовательно, быстро обнаруживать, пресѣкать и преслѣдовать преступленіе и его умы-

селъ; въ третьихъ, при отсутствіи древняго, родоваго аристократизма въ Россіи, вся ея сила въ будущемъ, какъ это было въ прошедшемъ, въ рукахъ ума, знанія, таланта, которые всегда сосредоточивались и будутъ сосредоточиваться въ чиновничествѣ, въ прошедшемъ, поэтому не было революцій и бунтовъ, не будетъ ничего подобнаго и въ будущемъ, но при неизмѣнности сильной власти администраціи, опять-таки, вездѣ; въ четвертыхъ, когда разовьются въ большомъ числѣ знанія, таланты и умы въ Россіи, они, то-есть, знанія, таланты и умы, будутъ занимать мѣста отъ губернатора до волостнаго старшины, и изъ нихъ могутъ быть образованы коллегіальные совѣты, и они, наконецъ, составятъ ту аристократію, которою гордится Англія, и тогда можетъ быть такой, какъ въ Англіи, и судъ, и конституціонный образъ правленія, и свобода печати, и такъ далѣе. А до тѣхъ поръ.... и это въ пятыхъ, въ необходимости для блага отечества въ божественной власти русскаго монарха никто не сомнѣвается, а потому и никто не долженъ сомнѣваться въ необходимости сильной, зависящихъ непосредственно отъ монарха, власти губернаторовъ.... Губернаторъ остановился и гораздо скорѣе началъ курить сигару.

— Я отлично понялъ мысли вашего превосходительства! громко и какъ-бы воодушевляясь слегка, началъ Кожуховъ. — Я постараюсь изложить ихъ со всѣмъ моимъ стараніемъ и надѣюсь, что, послѣ просмотра вашимъ превосходительствомъ, записка достойна будетъ вполнѣ высоты и важности ея идеи! Я хотѣлъ только спросить у вашего превосходительства: можно-ли будетъ ссылаться, для убѣдительности, на исторію революцій въ европейскихъ государствахъ, указывать ихъ причину и ихъ слѣдствія? Въ этомъ отношеніи особенно поучительна Франція, гдѣ послѣ столькихъ революцій, при высокомъ умственномъ развитіи и большой численности интеллигенціи, при особой способности и немаломъ развитіи массы народа,—все-таки пришли, въ концѣ концовъ, къ сильной власти Наполеона III и къ усиленной власти префектовъ въ провинціяхъ! И какъ при этомъ зацвѣла Франція, какъ широко развилась провинція, сколько богатства разлилось по странѣ!...

— Да, на исторію ссылайтесь почаще, но Франціи и Наполеона касайтесь мелькомъ, болѣе спокойно говорилъ губернаторъ.—Наши газеты набили уже всѣмъ оскомину либеральничаньемъ на счетъ Франціи и Наполеона, и ссылаться на нихъ надо осторожно, чтобы не профанировать высокую идею. Да и знаете-ли,

что, мнѣ кажется, не мы, такъ наши дѣти, увидятъ Францію въ положеніи Польши.... Я предчувствую, что Наполеонъ дошелъ до апогея своей власти и, навѣрно, не удержится долго на немъ, а падетъ Наполеонъ и французское «не позволемъ,» «слово гонорумъ» приведутъ Францію въ положеніе Польши....

— Пожаловалъ господинъ полицеймейстеръ, доложилъ чиновникъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ.

— Хорошо, сказалъ губернаторъ.

— Больше ничего не прикажете, ваше превосходительство? вставая, спросилъ Кожуховъ, знавшій, что губернаторъ всегда принимаетъ по службѣ чиновниковъ съ глазу на глазъ, и видя, по нѣсколько насупившемуся виду губернатора, что ему пора уходить.

— Да, больше ничего. Извольте какъ можно внимательнѣе отнестись къ тому, что я вамъ сообщилъ.

— Слушаю-съ. Покойной ночи, ваше превосходительство.

Губернаторъ молча подалъ руку, Кожуховъ свободно принялъ ее, пожалъ, какъ жалъ онъ руки всѣмъ равнымъ себѣ, поклонился наклоненіемъ головы, при чемъ ноги его сдвинулись и сапоги не громко коснулись другъ друга,—и вышелъ.

— Скажите Мишуткину, чтобы вошелъ, сказалъ губернаторъ вслѣдъ Кожухову.

— Слушаю-съ, не оглядываясь, отвѣтилъ тотъ.

III.

Губернаторъ взялъ со стола «Голосъ», разложилъ его предъ собою и углубился въ просматриваніе его.

Вошелъ полицеймейстеръ. Онъ сдѣлалъ три шага впередъ отъ двери и сталъ ровно, опустивъ руки по швамъ.

— Добрый вечеръ вашему превосходительству! сказалъ онъ немного пискливымъ голосомъ, устремивъ глаза на губернатора.

Губернаторъ поднялъ голову отъ газеты и, молча и не подавая руки, посмотрѣлъ на полицеймейстера.

— Имѣю честь донести вашему превосходительству, что въ городѣ все обстоитъ благополучно, кромѣ....

— Вы никакъ не можете безсмысленную фразу «все обстоитъ благополучно, кромѣ» замѣнить болѣе толковымъ, но такимъ же краткимъ выраженіемъ!... Вы можете говорить такъ: «до девяти часовъ (губернаторъ посмотрѣлъ на часы) въ городѣ ни-

чего, выходящаго изъ обыкновеннаго теченія жизни, не было».... сказавъ это, губернаторъ опять наклонилъ голову къ газетѣ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!... Было одно воровство незначительное, сказалъ полицеймейстеръ и остановился, но видя, что голова губернатора не подымается отъ газеты, — знакъ, что подробностей не требуется,—продолжалъ:—три пьяныхъ посажены въ часть до отрезвленія (остановка и такъ за каждымъ сообщеніемъ)... привезенъ подъ надзоръ студентъ изъ Петербургскаго института....

Губернаторъ поднялъ голову.

— Зовутъ Гордіемъ Петровымъ Могутовымъ, отобрана подписка о невыѣздѣ изъ города и о явкѣ каждую субботу, приказано приставу 2-й части, въ коей находятся номера полковницы Песковой, гдѣ остановился Могутовъ, имѣть бдительный надзоръ.

— Дать полную свободу этому.... этому.... прервалъ губернаторъ рапортъ полицеймейстера.

— Могутову, ваше превосходительство!

— Дать полную свободу этому Могучеву! Показать видъ, что мы даемъ ему полную свободу для проявленія всѣхъ его спеціальностей, но при этомъ знать и докладывать мнѣ каждый его шагъ!... Какіе слухи были сегодня?

— Два слуха, ваше превосходительство! Одинъ слухъ объ этомъ Могутовѣ, а другой слухъ о приставѣ при мировомъ съѣздѣ....

Голова губернатора оставалась поднятою, что служило знакомъ для полицеймейстера сообщить подробности слуховъ.

— По городу ходитъ слухъ, ваше превосходительство, что Могутовъ, вмѣстѣ съ другими своими товарищами изъ институтской улицы, сдѣлалъ подкопъ подъ институты въ институтскомъ проспектѣ, и, чрезъ эти подкопы, онъ и его товарищи лазили по ночамъ въ дортуары институтокъ институтскаго....

— Институтская улица, институтскій проспектъ, дортуары институтокъ институтскаго проспекта?! Что за ерунду вы порете?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Слухъ передаю вѣрно вашему превосходительству.

— Да гдѣ же это? возвысивъ немного голосъ, спросилъ губернаторъ.

— У насъ въ городѣ слухъ такой ходитъ, ваше превосходительство!

— Да гдѣ-же это институты институтскаго проспекта? еще болѣе громко, спросилъ губернаторъ.

— Въ Петербургѣ, ваше превосходительство!

— Тьфу, чертъ знаетъ, что выдумаютъ! Ни улицъ, ни проспектовъ тамъ нѣтъ такихъ!

— Не могу знать, ваше превосходительство!

Полицеймейстеръ подробно и обстоятельно передалъ уже извѣстный намъ разсказъ члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

— Чепуха, сдвинувъ плечами, сказалъ губернаторъ, прослушавъ разсказъ.—Ни улицъ, ни проспектовъ въ Петербургѣ нѣтъ такихъ! Но пикантная исторія.... И чего, чего, только не выдумаетъ провинція!... А все отъ того, что начальникамъ губерній сообщаютъ однѣ фразы: «вредный въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ».... Понимай тутъ, какой дѣятельности можно ожидать отъ этого Могучева и какой за нимъ устроить надзоръ? Слѣдуетъ-ли наблюдать за нимъ какъ за преступникомъ, или какъ за съумасшедшимъ, или какъ за мальчишкою?... Я вамъ еще разъ приказываю: дать Могучеву полный просторъ, но знать каждый его шагъ и доносить мнѣ.... Но надзоръ долженъ быть совершенно для него незамѣтный!

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Пикантная исторія, но чепушистая ужасно!... Навѣрно, и частицы правды нѣтъ.

— Что начальницу душили,—въ газетахъ есть, ваше превосходительство!

— Будто?... Въ газетахъ есть только вотъ что: «по городу ходитъ упорный слухъ, что въ одномъ пансіонѣ воспитанницы младшихъ классовъ, недовольныя классной дамой, нанесли ей ночью оскорбленіе дѣйствіемъ», громко прочелъ губернаторъ изъ «Голоса».—А кто разсказывалъ и кто распустилъ слухъ?

— Говорятъ, ваше превосходительство, что жандармъ, который привезъ этого Могутова, разсказывалъ.

— А вы почему не разспросили жандарма? возвысивъ голосъ, спросилъ губернаторъ.

— Я разспрашивалъ, ваше превосходительство,... Онъ мнѣ сказалъ, что не можетъ знать, за что привезъ Могутова. Мнѣ, говоритъ, велѣно безъ остановки везти его и въ сохранности сдать начальству, а за что—не могу знать....

— Значитъ,—враки, что жандармъ говорилъ?

— Говорятъ, ваше превосходительство, что жандармъ, за часъ до отхода поѣзда, пришелъ на вокзалъ пьянымъ и тамъ разсказывалъ всю эту исторію.

— Навѣрно, все—чепуха. Еще разъ: дать Могучеву полную свободу. Что еще по части слуховъ?

— Говорятъ, ваше превосходительство, что приставъ мироваго съѣзда, Ахневъ, скрылъ, при описи имущества помѣщика Чистонехова, разныя золотыя вещи, деньги, лошадей и старую водку. Потомъ говорятъ, что онъ все это подѣлилъ съ какимъ-то судьей, и, что чрезъ это самое, дѣло останется шитымъ и крытымъ.

— Съ какимъ судьей? громко и ударивъ рукою по столу, спросилъ губернаторъ.

— Не говорятъ, ваше превосходительство!

— Такъ и слѣдовало ожидать! началъ, помолчавъ, губернаторъ.—Безъ году недѣля, какъ явились эти предвѣстники новаго суда, эти выборные мировые судьи, и уже воровство!... И о немъ только говорятъ!... Навѣрно, это будетъ шито и крыто!

— Нѣтъ, я этого не допущу! помолчавъ немного и онять громко сказалъ губернаторъ, ударяя рукой по столу.—Разузнать мнѣ подробно это дѣло!... Разспросить всѣхъ, выслушать все и доносить мнѣ подробно каждый вечеръ и каждое утро!... Если есть хоть частица правды, то всѣми средствами, но не горячась и тактично, распространять этотъ слухъ!... Узнать, непремѣнно узнать, какой судья!... Король-Кречетовъ любитъ старую водку.... Какъ не любить ему, родовому аристократу, старой водки!... Да, я полагаю, что если кто изъ судей помогалъ приставу провороваться, такъ это князь Король-Кречетовъ, лже-аристократъ, такъ какъ въ Россіи, слава Богу, нѣтъ аристократіи.... А это будетъ очень не дурно, если этого барина, лже-аристократа, притянуть къ суду за воровство старой водки!... Приставъ, навѣрно, кралъ по наущенію этого князя.... Узнать, непремѣнно узнать!

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Если приставъ сдѣлалъ проступокъ по наущенію Кречетова, то ободрить его, сказать ему, что онъ не пропадетъ, что его подниметъ начальство, если только онъ не утаитъ ничего,

не соблазнится на подкупъ отъ Кречетова и разскажетъ все на судѣ.... Вы поняли?

— Понялъ, ваше превосходительство!

— Разузнавать все, содѣйствовать раскрытію истины, ободрять невиннаго, дѣйствующаго, быть можетъ, по чужому вліятельному наущенію, и заинтересовать весь городъ этимъ дѣломъ, внушительно и медленно сказалъ губернаторъ, загибая палецъ за пальцемъ послѣ каждой фразы, какъ-бы отсчитывая каждую фразу.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Пусть знаютъ всѣ, что за новые судьи, выборные судьи!...

Губернаторъ замолчалъ. Потомъ онъ вздохнулъ и сѣлъ въ свою любимую позу, въ которой онъ сидѣлъ при Кожуховѣ. Эта поза губернатора служила знакомъ полицеймейстеру, что пора ему говорить не о служебныхъ дѣлахъ.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, началъ полицеймейстеръ уже болѣе мужественнымъ голосомъ,—что гувернантка начальника дивизіи, Тотемкина, очень любитъ и почитаетъ ваше превосходительство, но что она, какъ молодая и совершенно неопытная дѣвица, боится городскихъ толковъ и сплетень, чтобы обнаружить свою любовь къ вашему превосходительству.

— Поручаю вамъ оградить чувства mademoiselle Тотемкиной отъ сплетень. Понимаете? и губернаторъ поднялъ руку и чуть-чуть погрозилъ пальцемъ.

— Слушаю-съ! Еще жена губернскаго архитектора просила доложить вашему превосходительству, что она завтра будетъ за городомъ, на первой станціи р—скаго шоссе.

— Хорошо!

— Больше ничего не изволите приказать, ваше превосходительство?

— Точно исполнить все! Во первыхъ, о Могучевѣ: свобода и осторожный, бдительный надзоръ; во вторыхъ, о приставѣ: гласность, поддержка жертвы и способствовать преданію суду главнаго виновника; въ третьихъ, обезпечить mademoiselle Тотемкину отъ сплетень.... Можете идти.

— Прощенія просимъ, ваше превосходительство! низко кланяясь и шаркая ногами, сказалъ полицеймейстеръ и вышелъ.

— И что это за геній, что за особенный человѣкъ! думалъ полицеймейстеръ, идя отъ губернатора. —Барышню, милую

гувернанточку Тотемкину, ужъ уговорю любить и нѣжить его превосходительство.... А какая проницательность! Сразу такъ и понялъ, что никто другой, какъ нашъ пѣтушиный король, какъ прозываютъ у насъ Король-Кречетова, подговаривалъ пристава.... И откуда дошелъ до него этотъ слухъ? Я ничего и не зналъ. Есть, навѣрно, есть кто нибудь, кромѣ меня, въ довѣріи у его превосходительства! Кто жъ бы это?... Кто жъ бы это такой? думалъ-бы, вѣроятно, полицеймейстеръ всю дорогу, если бы сильный свѣтъ и движеніе тѣней въ окнахъ небольшаго дома, мимо котораго онъ проходилъ, не остановилъ его вниманія.

— А тутъ вотъ и приставъ Ахневъ живетъ, сказалъ полицеймейстеръ громко.—Зайти и стороной, экивоками, разспросить его самого?... Зайду, вѣдь его жена мнѣ дальняя родственница.... Смѣшалъ, его жена только училась съ моей женой въ одномъ пансіонѣ.... Зайду! и онъ постучался въ дверь дома.

IV.

А губернаторъ, по уходѣ полицеймейстера, быстро просмотрѣлъ «Голосъ».—Пустота! складывая газету и относя ее въ шкафъ, подумалъ онъ. Онъ взялъ послѣдній номеръ «Отечественныхъ Записокъ», открылъ его и, стоя у стола, просматривалъ оглавленіе книжки.

— Прочтемъ новое Щедрина, думалъ онъ, когда дошелъ въ оглавленіи книжки до статьи этого писателя.—Люблю я этого писателя! Онъ смѣется, зло смѣется, надъ недостатками чиновниковъ, но онъ смѣется съ любовью къ нимъ!... Видно, что это не врагъ нашъ, а суровый наставникъ, который карикатурою хочетъ учить насъ, необходимыхъ для пользы государства столбовъ, быть лучшими.... Да, Щедринъ былъ самъ чиновникомъ, знаетъ ихъ и любитъ ихъ!... При злости его языка, при уродствѣ рисуемыхъ имъ образцовъ—хорошій чиновникъ читаетъ его съ наслажденіемъ: онъ учится быть лучшимъ.

Губернаторъ положилъ книгу на столъ, хотѣлъ было сѣсть, но посмотрѣлъ въ окно и подошелъ къ нему.

Была морозная мартовская ночь. Полная луна стояла почти надъ срединою городскаго сада и хорошо освѣщала его. Старыя и вѣтвистыя деревья сада, безъ листовъ, безъ движенія, какъ волшебно-освѣщенныя декораціи, покоились въ сладкомъ снѣ, и, какъ на картинѣ, лежали на землѣ тѣни отъ нихъ. Спѣгу

не было, земля была совершенно черная, и только кое-гдѣ блестѣли на ней лужи замерзшей воды. Въ саду было пусто; изъ дома дворянскаго собранія робко пробивался огонекъ черезъ прутья деревьевъ.

Губернаторъ сѣлъ на окно и, безъ мыслей въ головѣ, любовался картиной городскаго сада, картиной съ мягкимъ, манящимъ, волшебнымъ освѣщеніемъ.

— Хорошо предъ глазами и хорошо, покойно, разсудительно во мнѣ самомъ, думалъ онъ немного погодя.—Дай Богъ, чтобы каждый такъ исполнялъ свою службу, такъ посвящалъ ей свое время, какъ я.... и благо будетъ на Руси!... А сколько трудовъ нужно, сколько характера, сколько умѣнія выбирать людей!... Да, не всякій можетъ быть такимъ.... Нуженъ трудъ и энергія, усиленный трудъ и энергія!... Сынъ очень бѣднаго чиновника, крѣпостной службы чиновника, и матери, чуть не крѣпостной дѣвки, я трудомъ и энергіей, исключительно своимъ трудомъ, дошелъ до университета, трудомъ дошелъ до губернаторства и трудомъ дойду еще до бо́льшаго.... Да, я могу быть довольнымъ собой, могу хвалиться и гордиться собой!... Но счастливъ-ли я?... Конечно.... Что мнѣ еще нужно? Я полный господинъ въ губерніи; я первое лицо въ городѣ; я руковожу къ разумной дѣятельности администрацію цѣлой губерніи.... Уходитъ, правда, многое изъ подъ моего руководства, благодаря поспѣшности нововведеній, но это скоро перемѣнится.... Я не врагъ реформъ, но была и пусть будетъ власть, контроль власти надъ всѣмъ.... Впрочемъ, чѣмъ такъ особенно измѣнитъ мое положеніе ожидаемый моей губерніей новый судъ? Вѣдь и при немъ, все-таки, не десятки, не сотни, а тысячи чиновниковъ будутъ зависѣть отъ меня, будутъ идти по мною начертанной программѣ. Я главнокомандующій этихъ тысячъ!... А все населеніе губерніи развѣ не зависитъ отъ меня во многомъ?... Да, я счастливъ и имѣю цѣль для будущаго!... Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше и лучше, и на старости лѣтъ можно зажить богатымъ помѣщикомъ и крупнымъ городскимъ домовладѣльцемъ, конечно, Петербурга, Москвы, Кіева или Одессы.... Въ Одессѣ лучше, непремѣнно Одессы: передъ глазами море.... Но хорошо и въ деревнѣ: передъ глазами вотъ этакая картина.... И губернаторъ смотритъ и любуется картиной городскаго сада безъ всякой мысли.

— Нѣтъ! думалъ онъ немного погодя, подъ вліяніемъ манящаго свѣта луны, подъ вліяніемъ мягкихъ тоновъ картины, тѣнистаго лѣтомъ и какъ бы робко-стыдливаго теперь, городскаго

сада.—Нѣтъ! Я не совсѣмъ счастливъ! Мнѣ не достаетъ ея, подруги жизни, жены....

И предъ глазами губернатора, какъ живая, стоитъ дѣвушка, въ которую онъ былъ влюбленъ во время своего студенчества. Она чистая блондинка, ея нѣжные, добрые, голубые глаза то покойно съ благоговѣніемъ смотрятъ на него, то вдругъ, съ какимъ-то не огнемъ, нѣтъ! а вотъ такимъ, какъ предъ его глазами, луннымъ, стыдливымъ свѣтомъ, прямо смотрятъ на него и заставляютъ его вздрагивать и жмуриться.

— Умна была, думалъ опять губернаторъ, когда восхитительный образъ блондинки скрылся отъ его глазъ,—хороша собой, прекрасно воспитана была она, моя первая любовь!... Но безъ средствъ, безъ состоянія, безъ связей.... Нѣтъ, я хорошо сдѣлалъ, что оставилъ свою страсть къ ней.... А какая сильная страсть была! Не скажи ея мать, что отдастъ дочь за меня только по окончаніи мною курса въ университетѣ, и не пожелай того же она, моя дорогая бѣлочка, какъ я называлъ ее, я бы женился на ней еще студентомъ.... И было бы скверно, я бы не былъ тѣмъ, что теперь.... Мой характеръ, трудъ и энергія, конечно, подвинули бы меня далеко, но и связи жены помогали сильно и помогаютъ до сихъ поръ.... Какъ она быстро стала никуда не годна! Стара, толста, брюзглива! Я въ полной, самой солидной, и, потому, самой крѣпкой, надежной силѣ, а она!... Въ моемъ положеніи, конечно, любая женщина въ городѣ согласиться нѣжить, ласкать и все прочее, чего желаетъ мужчина отъ женщины; но это все украдкою, не когда вздумается, не въ минуту порыва страсти и любви, а объ этомъ надо приказать Мишуткину.... Нѣтъ, это не то! Прекрасный домъ, отлично убранныя комнаты, гостиная, выходящая въ садъ и всегда такая уютная, съ полусвѣтомъ, поэтически-меланхолическая,—а въ ней скучно, скучно въ дому, приходится проводить все время здѣсь, въ кабинетѣ.... Да, внутренней, домашней жизни нѣтъ у меня: нѣтъ жены и нѣтъ дѣтей!... Я не желаю ей смерти, но вѣдь черезъ годъ, два, она непремѣнно умретъ.... и я буду свободенъ, мнѣ будетъ пятьдесятъ два, но я мало измѣнюсь противъ теперешняго, а теперь я еще очень и очень молодъ: здоровъ, силенъ, силенъ какъ мужчина, силенъ для женщины, — это и онѣ говорятъ, да я и самъ чувствую. Сѣдина чуть показывается, но къ тому времени, конечно, будешь порядочно сѣдъ.... но суть не въ сѣдинѣ. Какъ это у Пушкина?... «Порой и старца строгій

видъ, власы сѣдые смущаютъ дѣву молодую». Да, Пушкинъ зналъ женскую натуру! Онъ зналъ, что женщина, даже молодая дѣвушка, если только сѣдина можетъ украсить себя короною, богатствомъ, положеніемъ,—страстно полюбитъ такую сѣдину....

Губернаторъ всталъ съ окна, подошелъ къ столу, досталъ сигару и, обрѣзая и закуривая ее, тихо напѣвалъ: «къ твоимъ сѣдинамъ такъ пристанетъ корона царская». Потомъ онъ открылъ «Отечественныя Записки», и хотѣлъ сѣсть и приняться за чтеніе любимаго имъ сатирика, но, вмѣсто того, перелистывалъ машинально страницы и тихо напѣвалъ: «къ твоимъ сѣдинамъ такъ пристанетъ корона царская».

— Пусть только примутъ мое мнѣніе объ усиленіи губернаторской власти, началъ онъ опять думать,—пусть только понравится моя записка, а тогда, навѣрно, попросятъ меня въ министерство и, навѣрное, предложатъ составить, согласно моей запискѣ, соотвѣтствующія узаконенія и устроить соотвѣтствующую организацію. Говорятъ, Валуевъ скоро подаетъ въ отставку, какъ разъ, свободное мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ.... Да, все можетъ статься, трудъ и энергія доведутъ до многаго.... На записку обратимъ все вниманіе и сдѣлаемъ ее chef-d'oeuvre'омъ.... Кожуховъ старательный, образованный, умный чиновникъ: стоитъ разъяснить ему идею, и онъ отлично разовьетъ и округлитъ ее, широко и увлекательно изложитъ ее.... Пусть старается, двинусь я, двину и его. Надо его подбодрить. «Заслуги я не забываю никогда», скажу ему завтра.... Тщательно, нѣсколько разъ проштудирую ее—и будетъ, навѣрное, будетъ chef d'oeuvre d'habilité.... А тогда впередъ и впередъ! «Къ твоимъ сѣдинамъ такъ пристанетъ корона царская», пропѣлъ нѣсколько разъ губернаторъ и уже гораздо громче, чѣмъ прежде, такъ что дежурный чиновникъ въ пріемной комнатѣ вытянулся, подошелъ къ двери и сталъ около нея, повернувъ голову къ ней правымъ ухомъ.

— Это его превосходительство, для бо̀льшей вразумительности, въ слухъ читаютъ какую-нибудь важную бумагу, сказалъ самъ себѣ дежурный чиновникъ, когда пѣніе прекратилось въ кабинетѣ, и онъ опять сѣлъ на диванъ, и опять началъ самъ себѣ шепотомъ разсказывать сказку «двѣнадцать спящихъ дѣвъ». Это онъ дѣлалъ всякій разъ по ночамъ на дежурствѣ у губернатора, «чтобы часомъ не заснуть», какъ говорилъ онъ предъ началомъ разсказа сказки.

V.

А губернаторъ принялся за чтеніе новой сатиры Щедрина. Онъ прочелъ пять страницъ и сердито оттолкнулъ послѣднюю книжку «Отечественныхъ Записокъ».—Чертъ знаетъ что! громко сказалъ онъ, раскуривая сигару и садясь въ свою любимую позу: склонивъ голову на одну руку, а другую, съ сигарой, положивъ противъ себя.—Чертъ знаетъ что! Тотъ же слогъ, та же мѣткость языка, бойкость и игривость фразъ, но не то, совсѣмъ не то! Нѣтъ пріятности читать. Чертъ знаетъ что!

Новая сатира Щедрина касалась не чиновниковъ, а помѣщиковъ. Щедринъ оставался, дѣйствительно, тѣмъ же увлекательнымъ, бойкимъ, смѣлымъ, картиннымъ сатирикомъ, но губернатору и не нравилось именно то, что Щедринъ оставался Щедринымъ, что онъ оставался такимъ же и въ роли бича помѣщиковъ, какимъ былъ въ роли бича чиновниковъ; для него эти двѣ роли не могли совмѣщаться въ одномъ лицѣ: для каждой изъ ролей нужны были и разныя лица, и разныя слова, и, что самое главное, разное отношеніе, а у Щедрина именно и было одинаковое отношеніе къ обоимъ предметамъ.

— Чертъ знаетъ что! повторилъ онъ въ четвертый разъ.— Что такое помѣщикъ? Негодный человѣкъ для службы и только. Это бракъ чиновничества! Бракъ, заслуживающій уваженія, если онъ таковой за старостью лѣтъ, за ранами или послѣ усиленныхъ трудовъ на пользу государства, и бракъ, заслуживающій розгу, карцеръ, презрѣніе и ненависть, если онъ происходитъ вслѣдствіе испорченности мысли, ложности идей, сквернаго образованія, лѣни и всѣхъ прочихъ пороковъ! Какъ-же этотъ умный, самъ бывшій когда-то чуть не губернаторомъ, такъ любящій чиновниковъ, Щедринъ имѣетъ и слогъ, и отношеніе совершенно одинаковое и къ чиновникамъ, и къ браку чиновничества! Бичъ для дурныхъ чиновниковъ долженъ быть именно щедринскій: бойкій, игривый, но мягкій, томный; а для помѣщиковъ, браку чиновничества, бичъ долженъ быть ювеналовскій, крутой, толстый, нахальный, съ визгомъ и проклятіями.... Чертъ знаетъ что! повторилъ губернаторъ въ пятый разъ, что означало высшій предѣлъ его неудовольствія, такъ какъ еще никто не слыхалъ, чтобы онъ пять разъ подъ рядъ употребилъ это бранное выраженіе.

— Вотъ, напримѣръ, этотъ князь Король-Кречетовъ, продолжалъ онъ думать, немного успокоясь,—развѣ это не самый негодный человѣкъ? Тридцать пять лѣтъ, кончилъ курсъ въ университетѣ, а принесъ-ли онъ хотя какую-нибудь пользу отечеству? Никакой, ровно никакой! Онъ, видите-ли, помѣщикъ, гласный земскій и почетный мировой судья. Какъ помѣщикъ, живетъ безъ дѣла и проматываетъ доходы имѣній, какъ земскій гласный, высказываетъ зловредныя идеи въ собраніяхъ, а какъ мировой судья—подучаетъ несчастнаго пристава красть для него старую водку. Это будетъ доказано, я увѣренъ, что это будетъ доказано! сказалъ онъ громко, какъ-бы въ подтвержденіе своей характеристики Король-Кречетова, какъ почетнаго мироваго судьи.

— А сколько при этомъ дерзости, нахальства! и ему невольно припомнилось, какъ этотъ мальчишка въ земскомъ собраніи, при обсужденіи какого-то замѣчанія губернатора на смѣту расходовъ земства, съ язвительно-шутливымъ видомъ сказалъ: «Напрасно господа гласные изволятъ тратить такъ много времени на обсужденіе замѣчанія господина губернатора. Я убѣжденъ, что это замѣчаніе сдѣлано нашимъ почтеннымъ губернаторомъ такъ, для очистки совѣсти, или самое бо̀льшее, чтобы заявить свою вникательность въ дѣло». Собраніе сильно улыбнулось. Оно занималось, толковало замѣчаніе губернатора и такъ, и этакъ, и все не находило законнаго въ немъ смысла, а тутъ ему такъ бойко и, казалось, наиболѣе правдиво разъяснили смыслъ непонятнаго замѣчанія. Предсѣдатель собранія просилъ рѣзваго гласнаго воздержаться на будущее время отъ подобнаго рода выраженій, но собраніе болѣе уже не доискивалось смысла замѣчанія губернатора.

— Да кто-же тебѣ далъ право быть дерзкимъ? продолжалъ думать губернаторъ.—Твое громадное богатство, твои громадныя имѣнія въ двухъ губерніяхъ? А кто-же тебѣ ихъ далъ, откуда ты взялъ все это? Твой дѣдъ, служа вѣрой и правдой царю и отечеству, службою пріобрѣлъ все, только службою, одною службою! И ты смѣешь презрительно относиться къ тѣмъ, кто служитъ вѣрою и правдою царю и отечеству, какъ служилъ твой дѣдъ! И ты смѣешь, живя, разъѣзжая за-границей, пьянствуя на нажитыя службой деньги, презирать службу!... Развѣ ты выдумалъ что-либо важное, и за твою выдумку тебя обогатили? Развѣ ты знаешь что-либо такое, что не понятно для другихъ, и тебя за это обидѣли? Нѣтъ! Пустая твоя голова ничего не

выдумала и за твою дурь никто тебя не обидѣлъ. Ты сердишься за то, что ты глупъ, что ты зловреденъ, завистливъ.... Но тебѣ не долго придется быть злымъ и задорнымъ! Твоя страсть къ старой водкѣ надолго свяжетъ тебѣ языкъ, а можетъ и еще что....

Онъ сильно позвонилъ. Дежурный чиновникъ опрометью влетѣлъ въ кабинетъ.

— Берите портфель и начинайте читать бумаги! сказалъ сердито губернаторъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! отвѣтилъ дежурный чиновникъ. Онъ взялъ со стола портфель и, вынимая изъ него бумаги, началъ читать ихъ въ слухъ. Прослушавъ, одни бумаги губернаторъ подписывалъ, на другихъ дѣлалъ карандашомъ замѣчанія на сторонахъ, нѣкоторыя перемарывалъ, а въ нѣкоторыхъ только переставлялъ слова и фразы. Работой этой губернаторъ занимался каждый день часа три, прежде подписи каждую бумагу дослушавъ до конца. Такъ было и теперь. Въ два часа ночи въ кабинетъ вошелъ фрачный лакей и доложилъ, что «барыня проситъ ужинать».

— Разбудить меня въ десятомъ часу, сказалъ губернаторъ дежурному чиновнику, уходя изъ кабинета.

— И когда это его превосходительство отдыхать изволятъ? думалъ дежурный чиновникъ, сидя на диванѣ и положивъ свою голову на спинку дивана, чтобы удобнѣе было вздремнуть.—Скверно нашему брату! Дежурить, напримѣръ, очень скверно, а быть губернаторомъ тоже очень тяжело.... Не хочу я быть губернаторомъ: спать некогда! сказалъ онъ уже засыпая. И снятся ему старушка мать и двѣ молодыя, хорошенькія невѣсты-сестры. Онъ пришелъ со службы, онъ сильно усталъ, а онѣ жалуются ему и на сырую и бѣдную квартиру, и на скверный обѣдъ, и на нищенскія платья, и что скучно имъ, и что не бываютъ онѣ въ театрѣ, что не берутъ ихъ замужъ.... а онъ отвѣчаетъ, что если-бы онъ захотѣлъ, то могъ-бы сдѣлаться губернаторомъ, обогатить и себя, и ихъ, такъ какъ онъ у губернатора дежуритъ, и губернаторъ его очень любитъ, но.... но онъ не хочетъ быть губернаторомъ, такъ какъ губернаторъ спитъ очень мало, а онъ любитъ спать и хочетъ спать.

Глава ЈЈЈ.

Помѣщикъ Дмитрій Ивановичъ Рымнинъ и его семейство. — Парламентъ за чайнымъ столомъ подъ предсѣдательствомъ Софіи Михайловны, конецъ котораго происходитъ въ залѣ.

I.

Кожуховъ возвращался отъ губернатора, составляя въ умѣ планъ записки объ усиленіи губернаторской власти. Онъ такъ углубленъ былъ въ обдумываніе записки, что только по привычкѣ пришелъ къ своей квартирѣ.

— Прямо домой, и за работу, подумалъ онъ, когда остановился у своей квартиры и, какъ всегда, прежде чѣмъ позвонить, окинулъ взглядомъ большой двухъ-этажный домъ, стоявшій визави съ тѣмъ, въ которомъ онъ жилъ.—А у Софіи Михайловны во всѣхъ окнахъ огонь.... Зайду на самое короткое время, сказалъ Кожуховъ и началъ переходить чрезъ улицу къ большому дому, освѣщенному во всѣхъ окнахъ верхняго этажа и принадлежавшему Дмитрію Ивановичу Рымнину.

Дмитрій Ивановичъ Рымнинъ былъ богатый помѣщикъ: его имѣнія были во всѣхъ почти уѣздахъ С—ской губерніи, а въ городѣ онъ имѣлъ прекрасный домъ, въ которомъ жилъ самъ, и другой громадный домъ на главной улицѣ, въ которомъ помѣщалась лучшая въ городѣ гостинница. Самъ Рымнинъ былъ настоящій русскій баринъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: честный, искренній, хорошо образованъ, разговорчивъ, пользовавшійся почти всеобщею любовью за гостепріимство и доброту. Окончивъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ прослужилъ въ гвардіи десять лѣтъ и въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку, потому что ему не позволено было хозяйничать въ полку, какъ онъ хотѣлъ, а онъ не хотѣлъ хозяйничать, какъ приказывалось. Послѣ отставки онъ провелъ три года за границей и потомъ, безвыѣздно, зажилъ въ городѣ, навѣдываясь разъ-два въ годъ въ свои имѣнія. До рожденія земства, онъ былъ одно трехъ-лѣтіе губернскимъ предводителемъ, и, какъ его не просили, не захотѣлъ баллотироваться на второе трехъ-лѣтіе, потому что и предводитель, по его словамъ, не можетъ вести дворянскія дѣла, какъ повелѣваютъ долгъ и честь, а согласовать дѣятельность предводителя съ отжившими, по его словамъ, постановленіями о дворянствѣ — онъ не хотѣлъ. Теперь онъ членъ губернской управы, гласный, почетный мировой судья и сочинитель, какъ

называетъ его жена: онъ пишетъ громадный трудъ «объ образахъ правленія въ Европѣ и Америкѣ и о причинахъ, способствующихъ прогрессивному измѣненію оныхъ». Онъ высокаго роста, хорошо сложенный старикъ, ему далеко за пятьдесятъ, съ длинной сѣдой бородой, живыми темными глазами и такими же движеніями, голосъ его громкій и порядочно сильный. Первую свою жену онъ схоронилъ лѣтъ шесть назадъ, и отъ нея осталась ему дочь, которой теперь 17—18 лѣтъ. Звали ее Катериной Дмитріевной, но отецъ всегда звалъ ее Екатериной. Она была очень похожа на отца высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ.

Если посмотрѣть на Катерину Дмитріевну въ первый разъ, то ея высокій для дѣвушки ростъ, длинная шея, узкія плечи, маленькое личико и молочный цвѣтъ кожи, при темныхъ волосахъ, бровяхъ и глазахъ, дѣлали впечатлѣніе о ней, какъ о худенькой, сентиментальной барышнѣ; но присмотрѣвшись, мнѣніе о ней мѣнялось. Ея красиво-округленная грудь, ея полненькія щеки и такія-же маленькія руки были именно такими, какими все это должно быть у здоровой дѣвушки ея лѣтъ; шея казалась длинной только потому, что несла она крупную головку, что обтянута она была молочной кожей; лицо казалось маленькимъ только потому, что его размѣры скрадывалъ высокій лобъ, еще болѣе увеличивающійся отъ закинутыхъ назадъ длинныхъ, густыхъ, темныхъ волосъ, всегда или распущенныхъ, или заплетенныхъ въ одну косу, съ вплетенной въ нее красной лентой, и, въ обоихъ случаяхъ, волоса спускались далеко ниже таліи дѣвушки. Черты лица ея были тонки, носъ маленькій, почти прямой и ровный, верхняя линія котораго чуть-чуть короче основанія, отчего носъ казался немного приподнятымъ вверхъ, большіе темные глаза смотрѣли смѣло и молодо, маленькій ротъ съ тонкими, рѣзкими губами, тонкая, блѣдная, молочная кожа—дѣлали ее очень похожей на одушевленную статую Кановы, котораго мраморныя женщины поражаютъ даже глазъ профана своею легкостью, смѣлостью посадки и жизненностью, красивостью лицъ, при ихъ, если можно такъ сказать, миніатюрности при соразмѣрности.

Катерина Дмитріевна не училась ни въ одномъ пансіонѣ, и ея образованіемъ занималась только покойная мать и отецъ. Мать умерла, когда дочери было за одиннадцать лѣтъ, но она успѣла научить ее хорошо говорить по французски и по нѣмецки и, сама отличная піанистка, сообщила и дочери любовь къ

музыкѣ и первую правильную и толковую игру на фортепіано. Отецъ ревностно занимался съ дочерью до послѣднихъ двухъ лѣтъ, когда онъ страстно принялся за земское дѣло и за сочиненіе, и у него оставалось мало свободнаго времени, но онъ все-таки ежедневно посвящалъ на ея образованіе, хотя по часу въ день. Дѣвушка, подъ руководствомъ отца, была хорошо знакома съ исторіей всеобщей и русской, знала хорошо математику до дифференціаловъ, имѣла любовь къ чтенію историческихъ и географическихъ сочиненій и мало знакома была съ литературой и жизнью.

Болѣе четырехъ лѣтъ назадъ, Дмитрій Ивановичъ, возвращаясь изъ самаго дальняго своего имѣнія, пріѣхалъ на небольшой вокзалъ О.-В. желѣзной дороги. Поѣздъ въ С-нскъ долженъ былъ придти чрезъ полчаса; въ вокзалѣ уже дожидались поѣзда, и за буфетомъ кипѣлъ самоваръ, на столѣ разставлены были закуски и стаканы на блюдцахъ, съ ложечкою и двумя кусками сахара въ каждомъ. Рымнинъ вручилъ деньги каммердинеру на билетъ, а самъ сѣлъ у стола и разсматривалъ публику. Знакомыхъ ни кого не было, и онъ перевелъ свои наблюденія на буфетъ.—Какъ это они ухитряются размѣстить на такомъ маломъ пространствѣ такое множество всякой всячины и такъ удобно и красиво? думалъ онъ, смотря на столъ предъ буфетомъ и на буфетный шкафъ, на которомъ и въ которомъ, дѣйствительно, размѣщено было много «всякой всячины», не тѣсня, и не закрывая одно другимъ. Каммердинеръ принесъ ему билетъ.

— Теперь ты мнѣ болѣе не нуженъ, придетъ поѣздъ, забирай вещи и садись, а я самъ найду дорогу до вагона, сказалъ ему Рымнинъ и сталъ опять разсматривать буфетъ. Глаза его остановились на женщинѣ за буфетомъ.—Чисто русская красавица! думалъ онъ.—И это, навѣрно, она такъ красиво разставляетъ и такой образцовый порядокъ поддерживаетъ, и онъ спросилъ стаканъ чаю, началъ медленно пить его и продолжалъ смотрѣть на женщину за буфетомъ. Ей было лѣтъ двадцать съ небольшимъ, она томная блондинка, средняго роста, просто, но чисто и изящно одѣта, съ разсудительно-подвижнымъ лицомъ, но съ плавными, покойными, скорыми безъ торопливости движеніями. Ее нельзя было назвать красавицей, но только хорошенькой, симпатичной: чистое, округленное лицо, немного неправильный, но посаженный бойко, носъ, живые каріе глаза, тонкія брови, румяныя щеки съ ямочками, небольшой ротъ съ соч-

ными розовыми губами, верхняя съ хорошенькимъ желобкомъ отъ носа и до средины, полныя и небольшія руки,—вотъ и все, но на всемъ разлито здоровье, сила, увѣренность, и довольная, симпатичная улыбка не сходитъ съ лица. Эта улыбка не покидала ея, когда она быстро наливала чай, получала деньги, наливала водку, подавала пиво толпившимся пассажирамъ, когда пришелъ поѣздъ; не покидала ея и тогда, когда поѣздъ ушелъ, вокзалъ опустѣлъ, и она приводила въ порядокъ буфетъ и, окончивъ уборку, начала пить чай. Рымнинъ все время не спускалъ съ нея глазъ. Онъ любовался ея разсудительной, съ любовью и лаской, поспѣшностью при публикѣ, ея болѣе плавной уборкой буфета и такимъ же чаепитіемъ; ему нравилось, что она не обращаетъ на него вниманія, хотя и замѣчаетъ его пристальный взглядъ на нее,—и онъ не досадуетъ, что, засмотрѣвшись на нее, пропустилъ поѣздъ, что ему придется двѣнадцать часовъ дожидать слѣдующаго поѣзда безъ вещей и каммердинера. Онъ подошелъ къ буфету.

—Могу-ли я имѣть обѣдъ? спросилъ онъ у женщины.

— Можете. Вамъ что угодно? спокойно спросила она.

— А что можно?

— Есть говядина, птица, яйца, масло, фрукты,—можно приготовить по вашему выбору.

— Прекрасно, усмѣхаясь, отвѣчалъ онъ.—Я-бы попросилъ супъ á la votre santé, цыпленка подъ сэусомъ á la votre sourire и жаркое á la votre rouge.

— Постараемся приготовить все хорошо и болѣе похожимъ на супъ, соусъ и жаркое, чѣмъ на меня, улыбнувшись, отвѣтила она.

Онъ разсыпался въ извиненіяхъ: онъ не зналъ, что она знаетъ французскій языкъ, что она извинитъ его, такъ какъ, благодаря только ей, онъ прозѣвалъ поѣздъ и имѣетъ счастье разговаривать съ ней.... Къ приходу слѣдующаго поѣзда, онъ уже зналъ, что она дочь сосѣдней помѣщицы, что она кончила одинъ изъ сиротскихъ институтовъ въ Петербургѣ четыре года назадъ, занималась сперва хозяйствомъ небольшаго имѣнія своей матери, а не такъ давно, когда имѣніе было продано за долги и мать поселилась въ бѣдной усадьбѣ бывшей сосѣдки помѣщицы, открыла буфетъ на станціи, и, только благодаря ему, она и ея мать ведутъ сносную жизнь.... Чрезъ мѣсяцъ была свадьба его съ ней, и теперь Рымнинъ еще болѣе, чѣмъ до свадьбы, лю-

бить и уважаетъ свою жену. Онъ теперь совершенно отдался сочиненію, земству и занятію съ дочерью, а она взяла въ свои руки управленіе всѣми его имѣніями. И громадныя имѣнія Рымнина начали приносить значительный доходъ, и выстроилъ онъ въ городѣ громадный домъ, въ которомъ помѣщалась лучшая гостинница города, и все это дѣлалось безъ всякихъ съ его стороны хлопотъ и трудовъ. Все это дѣлалось его красивой, ласковой, дѣятельной женой, Соней, какъ онъ называлъ ее, Софіей Михайловной, какъ называли ее всѣ въ глаза, и Безсонной Скупирдяевной, какъ называли ее за глаза. Съ женитьбой отношенія отца къ дочери не измѣнились: дочь уважала въ мачихѣ дѣятельность, практическій умъ и всегда ласковый и ровный характеръ; а мачиха уважала въ дочери ея уваженіе къ себѣ, ея хорошую игру на фортепіано, ея совершенное незнаніе хозяйства и жизни,—не гостиныхъ и баловъ,а той, которая требуетъ хитрости, энергіи, знанія людей и обстоятельствъ. Словомъ, между мужемъ и женой были любовь и уваженіе, между дочерью и мачихой были тоже любовь и уваженіе, и мудрено было сказать, въ комъ было болѣе одного или другаго.

У Рымниныхъ часто собирались гости и почти исключительно мужчины. Происходило это отъ того, что хозяева были люди разговорчивые, радушные, любили бывать дома, не любили визитовъ, любили вести разговоры дѣльные, чуждые сплетень; а это не нравилось городскимъ барышнямъ, но нравилось мужчинамъ, какъ пожилымъ, такъ и молодымъ, послѣднихъ привлекала, кромѣ того, молодая, красивая хозяйка стараго мужа и богатая, оригинальной красоты, дочь — невѣста. Въ этотъ вечеръ въ залѣ за фортепіано сидѣла дочь и бойко и отчетливо играла какую-то пьесу Шопена, а около нея стоялъ и переворачивалъ ноты мужчина лѣтъ за тридцать, Егоръ Осиповичъ Вороновъ, совѣтникъ губернскаго правленія, дальній родственникъ губернатора, кончившій курсъ въ Горигорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ и, слѣдовательно, промѣнявшій агрономію на юриспруденцію. Онъ былъ.... о немъ можно сказать одно: былъ-бы красивъ, если-бы не былъ черезчуръ хорошенькимъ, что, какъ говорили барыни и барышни въ городѣ, совершенно нейдетъ мужчинѣ, хотя, не смотря на то, барышни города заглядывались на него и кокетничали съ нимъ, какъ съ выгоднымъ женихомъ, а гимназистки старшихъ классовъ очень сильно влюблялись въ него. Одна маменька говорила своей до-

чери, когда дочь сказала, что ей всегда съ Вороновымъ очень скучно, такъ какъ онъ, какъ всѣ влюбленные въ себя, или молчитъ, или говоритъ слащавую чепуху,—«такого-то мужа и нужно для полнаго счастія: гладь его по головкѣ, а сама дѣлай, что захочешь».

Не далеко отъ фортепіано сидѣло двое мужчинъ. Одинъ—высокій, темный блондинъ, плотный, некрасивый, съ рѣзкими, угловатыми движеніями; онъ сидѣлъ, не красиво положивъ одну ногу на другую, и одной рукой перебиралъ цѣпочку часовъ, а другой часто ворошилъ волосы на головѣ. Про него говорили, что онъ былъ бы очень и очень солидный молодой человѣкъ,—ему было лѣтъ тридцать пять,—если бы почаще бывалъ въ обществѣ и слѣдилъ за модой. Это князь Гавріилъ Васильевичъ Король-Кречетовъ. Другой—небольшаго роста, симпатичный брюнетъ, лѣтъ подъ тридцать, съ небольшою бородкой и съ большими, мягкими, черными глазами. Звали его всѣ «господинъ Львовъ.»

Напротивъ фортепіано, наиболѣе далеко отъ него, сидѣлъ мужчина средняго роста, худощавый, но съ самоувѣренной осанкой и съ выработаннымъ упрямымъ взглядомъ, въ небольшихъ, всегда глядящихъ впередъ глазахъ. Это Орестъ Ильичъ Лукомскій, — товарищъ прокурора ожидаемаго городомъ со дня на день новаго суда.

Кромѣ этихъ мужчинъ, не далеко отъ Лукомскаго, у окна, стоялъ еще адъютантъ начальника штаба 401 дивизіи, капитанъ генеральнаго штаба, Романъ Юрьевичъ Орѣцкій. Онъ высокъ, худощавъ, лѣтъ за тридцать, съ томными свинцоваго цвѣта глазами, свинцовый блескъ которыхъ еще болѣе казался такимъ потому, что Орѣцкій имѣлъ блѣдный цвѣтъ лица, рыжеватые волосы на головѣ и такого же цвѣта усы, сильно закрученные вверхъ на концахъ. Въ городѣ его очень любили мужчины за то, что онъ каждаго изъ нихъ охотно выслушивалъ и отвѣчалъ на все: «о, да!», произнося его такимъ тономъ, что подъ нимъ можно было понимать и согласіе, и несогласіе, но тотъ, къ кому относилось: «о, да!» всегда понималъ его за согласіе. Женщины не долюбливали Орѣцкаго, такъ какъ онъ, мастеръ слушать, говорилъ мало и коротко и, при несовсѣмъ красивой наружности, держитъ себя гордо, отвѣчая на ухаживаніе за нимъ, какъ за выгоднымъ женихомъ, одно «о, да!» Этотъ отвѣтъ въ первое время нравился барынямъ и барышнямъ, но когда и чрезъ мѣ-

сяцъ послѣ перваго «о, да!», Орѣцкій все также произноситъ «о, да!»—они стали недолюбливать его.

Всѣ эти мужчины были холостые. Хозяина не было дома, а хозяйка въ гостиной разсматривала, съ карандашомъ въ одной рукѣ и съ большими костяными счетами возлѣ другой,—какія-то книги.

Когда Кожуховъ снималъ въ прихожей пальто, и лакей отправился доложить о немъ, въ залѣ раздавались послѣдніе аккорды шопеновской пьесы, а когда Кожуховъ вошелъ въ залъ, дѣвушка встала изъ-за фортепіано.

II.

— Добрый вечеръ, Катерина Дмитріевна! стройно подходя къ дѣвушкѣ и кланяясь только головой, говорилъ Кожуховъ гортаннымъ голосомъ, при которомъ слова и фразы слышатся отчетливо, который такъ нравится молодымъ дамамъ за солидность и внушительность и который не очень нравится молодымъ дѣвушкамъ, такъ какъ ихъ чуткое ухо слышитъ въ подобномъ говорѣ искусственность, самоувѣренность, насмѣшку.—Извините, если помѣшалъ, но вы позвольте мнѣ сѣсть, слушать и восхищаться вашей прекрасной игрой. Какъ ваше здоровье?

— Благодарю! Я здорова, подавая руку, отвѣчала дѣвушка.

— Дмитрій Ивановичъ и Софія Михайловна, надѣюсь, тоже здоровы? пожавъ слегка руку дѣвушки, сказалъ Кожуховъ и потомъ подходилъ къ мужчинамъ и безъ словъ и поклоновъ подавалъ имъ руку. Господину Львову онъ только едва кивнулъ головою.

— Благодарю, папа и мама здоровы! Папа нѣтъ дома, но онъ скоро придетъ, а....

— А хозяйка оставила скучную провѣрку счетовъ и въ полномъ здоровьи выходитъ къ гостямъ, громко прервала Софія Михайловна рѣчь падчерицы, плавно выходя изъ гостиной. — Здравствуйте, Петръ Ивановичъ! подавая руку подошедшему къ ней Кожухову, продолжала хозяйка.—Вы, кажется, знакомы не со всѣми молодыми кавалерами?

— Со всѣми, кромѣ.... пожимая руку хозяйки, и пожимая болѣе крѣпко, чѣмъ онъ жалъ руку дочери, сказалъ Кожуховъ.

— Кромѣ нашего новаго педагога,—правда? Господинъ Львовъ! Хотите познакомиться съ Петромъ Ивановичемъ Кожуховымъ, правою рукой нашего губернатора?

Господинъ Львовъ въ это время высказывалъ дѣвушкѣ свое восхищеніе отъ ея игры, но услышавъ зовъ хозяйки, быстро подошелъ къ ней.

— Очень пріятно будетъ, сказалъ онъ ей въ отвѣтъ и кланялся, съ шарканьемъ ногами, Кожухову, который молча и безъ поклона, подалъ ему руку.

— Я васъ, господинъ Львовъ, должна немного подробнѣе познакомить съ Петромъ Ивановичемъ, также громко продолжала хозяйка.—Вы, вѣроятно, уже слышали, а если не слышали, то скоро услышите, что Петръ Ивановичъ влюбленъ въ меня, а я въ него, и что мы.... впрочемъ, довольно съ васъ; подробности вамъ не замедлятъ сообщить.

Господинъ Львовъ улыбался и слегка кланялся за вниманіе и довѣріе къ нему хозяйки.

— Вы недавно пріѣхали? доставая платокъ изъ кармана позади сюртука, спросилъ Кожуховъ, какъ бы перемѣняя разговоръ и какъ бы давая замѣтить, что рѣчь хозяйки мало его интересуетъ.

— Только недѣлю, и не успѣлъ еще сдѣлать визитовъ всѣмъ, заслуживающимъ глубокаго уваженія. Вы позволите мнѣ завтра обезпокоить васъ своимъ посѣщеніемъ? отвѣчалъ Львовъ, кланяясь и улыбаясь.

— Какъ длинно, господинъ Львовъ! сказала хозяйка, не давая отвѣчать Кожухову, который только въ знакъ согласія кивнулъ головой.—У насъ, господинъ Львовъ, пожалуй, любятъ, когда говорятъ утонченно вѣжливо, но сами привыкли говорить коротко и просто.

— Господа! обращаясь ко всѣмъ гостямъ, продолжала хозяйка.—Я явилась въ залъ не потому, что сердце сердцу вѣсть подаетъ, а потому, что готовъ чай и милости просимъ въ столовую.

Гости въ это время благодарили дѣвушку за игру и, каждый по своему, выражали восторгъ отъ ея игры, при чемъ Орѣцкій сказалъ: «о, да!.о, да!» и крѣпко пожалъ руку дѣвушки, а Кречетовъ, совершенно молча, только еще болѣе крѣпко пожалъ ея руку. Послѣ словъ хозяйки, вслѣдъ за нею, пропустивъ дѣвушку впередъ, всѣ отправились въ столовую. Въ столовой всѣ усѣлись за большой круглый столъ. Хозяйка сама наливала чай, лакей разносилъ, и за столомъ завязалась оживленная бесѣда. Оживленіе всегда поддерживала хозяйка, давая тему для раз-

говора и бойкими вопросами вызывая на откровенное высказываніе отвѣтовъ.

— Разскажите, господинъ Львовъ, какъ вы нашли нашъ городъ? спросила Софія Михайловна Львова, который сидѣлъ рядомъ съ дѣвушкой и, слѣдовательно, вторымъ отъ правой руки хозяйки. За Львовымъ сидѣлъ Лукомскій, за нимъ — Орѣцкій, далѣе—Кречетовъ, потомъ—Вороновъ и, наконецъ, Кожуховъ—ближе всѣхъ къ лѣвой рукѣ хозяйки.

— Мнѣ очень понравился городъ, Софія Михайловна, отвѣчалъ Львовъ.—Когда я, подъѣзжая, смотрѣлъ на него изъ окна вагона, то невольно вспомнилъ Швейцарію, какъ рисуютъ ее на картинахъ. Это было утромъ, въ десять часовъ. Все такъ хорошо было видно: большой, старый и древній соборъ и кругомъ его, по холмамъ, разбросаны дома и домики, такіе чистенькіе, веселенькіе, и дымъ изъ ихъ трубъ струился тихой синенькой струйкой... Я долго любовался и думалъ, какъ въ этихъ домикахъ мать занята приготовленіемъ къ обѣду, дочери играютъ на фортепіано, читаютъ, шьютъ.... отецъ на службѣ, а сыновья въ гимназіи, и я самъ не въ вагонѣ, а читаю математику въ классѣ.... Все это такъ хорошо представлялось мнѣ, что я даже, какъ будто, слышалъ стукъ ножей въ кухнѣ домиковъ, игру милой дѣвушки на фортепіано, мелодичное чтеніе стиховъ.... Мнѣ было досадно, когда поѣздъ сталъ и нужно было выходить.

— О, да! сказалъ Орѣцкій.

— Восхитительно! какъ бы поддерживая Орѣцкаго, сказала хозяйка.

— И знаете-ли, Софія Михайловна, началъ Лукомскій, скоро и почти безъ интонаціи въ голосѣ, — когда я въѣзжалъ въ С—нскъ, онъ тоже вызвалъ во мнѣ воспоминаніе о Швейцаріи, гдѣ мнѣ приходилось быть во время моего студенчества. А въ заключеніе, у меня тоже явилось прекрасное представленіе о жителяхъ города. Я думалъ: здѣсь хорошо быть прокуроромъ, — прекрасная панорама города кладетъ мягкій колоритъ на преступленія его жителей!

— О, да! о, да! поддакнулъ болѣе горячо Орѣцкій.

— Счастливые новые суды и ихъ двигатели! съ замѣтною грустью въ голосѣ, но еще болѣе гортанно, началъ Кожуховъ. Ихъ дѣло не чуждо поэзіи, они работаютъ, наслаждаясь игрою страстей предъ глазами, слушая ораторскую импровизацію!....

Въ заключеніе, положимъ, тоже Сибирь, но съ торжествомъ правды и съ попраніемъ порока. Ахъ! вздохнулъ онъ громко.

— О, да! О, да! опять со стороны Орѣцкаго.

— Когда они въѣзжаютъ въ городъ, продолжалъ Кожуховъ,— то прекрасная панорама города нашептываетъ имъ мысли о ихъ прекрасной службѣ. Природа въ союзѣ съ ними! А я, когда лѣтъ пять назадъ, въѣзжалъ въ нашъ городъ, такъ, подъ вліяніемъ его красивой панорамы, говорилъ: хорошо, очень хорошо! Но я буду любоваться твоей природой, городъ, если тобою правитъ губернаторъ умный человѣкъ; и буду презирать тебя, убѣгу, отрясу прахъ съ ногъ своихъ, если твой начальникъ губерніи злой, несправедливый человѣкъ!

— О, да! О, да! О, да! очень горячо поддакивалъ Орѣцкій.

— Я желаю знать мнѣніе всѣхъ о нашемъ городѣ. За вами очередь, князь, живо сказала хозяйка.—Я не спрашиваю господина Орѣцкаго, такъ какъ онъ высказываетъ свое мнѣніе при отвѣтахъ другихъ....

— О, да! слабо поддакнулъ Орѣцкій.

— Городъ, какъ масса русскихъ городовъ, построенныхъ на возвышенномъ берегу рѣки, серьезно и какъ бы немного брюзгливо началъ Кречетовъ.—На него похожи Смоленскъ, Нижній, Курскъ, Горбатовъ, село Павлово, мѣстечко Столбцы.... Безъ смысла въ архитектурномъ, гигіеническомъ, пожарномъ и такъ далѣе отношеніяхъ, собраны въ кучу пять-шесть, или десятокъ-другой церквей, и вокругъ нихъ, какъ деревья въ лѣсу, безъ порядка и удобства, разбросаны дома и домишки.... Это снаружи. А внутри, какъ во всѣхъ городахъ россійскихъ, полное отсутствіе политической жизни, малый, едва замѣтный интересъ къ литературѣ, большое развитіе и уваженіе къ службѣ, халуйству и безкритическому поклоненію ея жрецамъ.... И все и вся издаетъ тотъ характерный запахъ, который поэтъ назвалъ «характерною русскою смѣсью»—запахъ мусора, пыли и водки....

— О, да! О, да! О, да!

— Вы, кажется, одинаково одобряете и оптимистовъ, и пессимистовъ нашего города? обратясь къ Орѣцкому, сказала хозяйка.

— О, да! Въ одномъ случаѣ,—впечатлѣніе чувствъ, а въ другомъ,—выводы строгаго ума.... О, да! разъяснилъ Орѣцкій.

— А вы, господинъ Вороновъ? спросила, улыбаясь, хозяйка.

— Я?... Я думаю.... Я того же мнѣнія, какъ и Софія Михайловна, и Катерина Дмитріевна, мягко и любезно-застѣнчиво отвѣтилъ Вороновъ.

— Ха, ха, ха! смѣялись гости и улыбались дамы.

— Но у насъ противоположные взгляды. Я оптимистка, а Катя пессимистка, сказала весело хозяйка.

— Егоръ Осиповичъ выберетъ золотую середину и ближе всѣхъ будетъ къ истинѣ, сказалъ Кожуховъ.

— О, да! О, да! поддакнулъ весело Орѣцкій.

— Скажите, господинъ Львовъ, а внутренняя жизнь города какое произвела на васъ впечатлѣніе? спросила хозяйка. — Мнѣніе князя мы уже слышали, улыбаясь князю, закончила она.

— Прекрасное впечатлѣніе, Софія Михайловна! Есть хорошія улицы, много большихъ домовъ, отличный городской садъ, прекрасная гимназія, въ которой директоръ и новые мои товарищи встрѣтили меня очень радушно. Что же касается другихъ обывателей, то, если ихъ радушіе будетъ, хотя въ половину такимъ, какъ радушіе Софіи Михайловны, Катерины Дмитріевны и Дмитрія Ивановича, которымъ я имѣлъ счастье первымъ сдѣлать вечерній визитъ,—то, думаю, лучшаго города трудно найти. Львовъ говорилъ все это безъ улыбки, но искренно, съ довольствомъ, разлитымъ по всему лицу.

— О, да! О, да! О, да! горячо поддакнулъ Орѣцкій.

— Ореста Ильича нечего и спрашивать, Софія Михайловна, началъ тѣмъ же голосомъ Кожуховъ.—Онъ черезъ мѣсяцъ влюбился, черезъ два—объявленъ женихомъ, черезъ три—будетъ семьяниномъ и собственникомъ, а, слѣдовательно, и полнымъ гражданиномъ нашего города.... Князь уже высказалъ свое мнѣніе, господинъ Орѣцкій—тоже, я не уѣхалъ, слѣдовательно, его превосходительство прекрасный начальникъ, а для меня это все.... Егоръ Осиповичъ раздѣляетъ, навѣрное, опять мнѣнія Катерины Дмитріевны и Софіи Михайловны.... Если онѣ будутъ любезны и довѣрятъ намъ ихъ искреннія мнѣнія, то.... ваше желаніе, Софія Михайловна, будетъ вполнѣ удовлетворено: мы всѣ тогда выскажемъ наше мнѣніе о внутренней жизни города С—нска.

— О, да! О, да! О, да! весело и горячо одобрялъ Орѣцкій.

Глаза всѣхъ мужчинъ устремились на дѣвушку.

— О, мама! когда папа здоровъ, мнѣ все нравится, а когда папа боленъ, мнѣ и дома скучно, и на улицѣ скучно, живо сказала дѣвушка, которая всегда съ интересомъ слушала разговоры

гостей, дирижируемые ея мачихой, и, когда спрашивалось ея мнѣніе, отвѣчала правдиво и не стѣсняясь.

— О, да! О, да! О, да! еще болѣе горячо поддакивалъ Орѣцкій.

— Я тоже скажу: о, да! о, да! громко и сильно оживляясь, началъ Кречетовъ.—Да, вы правы, Катерина Дмитріевна! Дмитрій Ивановичъ единственный, свѣтлый, безупречный человѣкъ въ нашемъ городѣ. И когда онъ боленъ, то нельзя не грустить, а все окружающее становится еще болѣе мизернымъ, жалкимъ.

— О, да! О, да! также горячо одобрилъ Орѣцкій, и, вскочивъ съ кресла, подошелъ къ дѣвушкѣ и, со словами «благодарю! О, да! вы правы, о, да!» пожалъ ея руку.

Примѣру Орѣцкаго послѣдовали всѣ мужчины. Когда Кречетовъ послѣднимъ подошелъ къ ней, она сказала:

— Я также пожму вашу руку за любовь къ папа.

— Но я такъ не въ силахъ, какъ вы, немного сдвинувъ плечи, сказала она, когда сильное пожатіе Кречетова, вѣроятно, причинило ей боль.

— А мое мнѣніе о внутренней жизни нашего города вотъ какое, сказала хозяйка, когда всѣ усѣлись опять у стола. —Если бъ я была мужчина, то, чтобы быть твоимъ, Катя, я второй разъ достала бы кубокъ изъ бездны, чего не могъ сдѣлать пажъ у Шиллера! И она обняла дѣвушку и три раза поцѣловала ее.

— О, да! О, да! О, да! кричалъ Орѣцкій.

— Браво! Браво! Браво, Софія Михайловна! говорили остальные мужчины и подходили къ ней и жали ея руку.

III.

Когда всѣ выразили свой восторгъ и усѣлись, то разговоръ на минуту затихъ. Мужчины пили чай, а Софія Михайловна смотрѣла съ искренней любовью на падчерицу, которая, улыбаясь, шаловливо жала ея руку въ своихъ рукахъ.

— А знаете, господинъ Львовъ, не переставая смотрѣть на падчерицу, начала Софія Михайловна.—Такъ какъ ваши впечатлѣнія очень сходны съ впечатлѣніями Ореста Ильича, то я предугадываю вашу дальнѣйшую жизнь у насъ.... Вы также скоро влюбитесь, будете чрезъ два мѣсяца женихомъ, чрезъ три—мужемъ и, какъ говоритъ Петръ Ивановичъ, заживете у насъ полнымъ гражданиномъ, не правда-ли? А у насъ есть много хорошихъ барышень!...

— Я люблю семейную жизнь, Софія Михайловна, отвѣчалъ Львовъ.—Если судьба познакомитъ меня съ доброй, умной и.... онъ хотѣлъ сказать хорошенькой, но ему показалось, что произносить это слово въ присутствіи женщинъ — не тактично, и онъ, чуть-чуть помолчавъ, закончилъ такъ:—которая полюбитъ меня, то я не только чрезъ три, чрезъ два мѣсяца буду просить ее быть моей женой передъ людьми и передъ Богомъ.

— О, да! безъ особеннаго ударенія со стороны Орѣцкаго.

— Но вы будете смотрѣть только на дѣвушку, а не на приданое? спросила Софія Михайловна.

— О, это все равно! Душа, сердце, умъ, весь человѣкъ— это главное, Софія Михайловна! А деньги, приданое — это не важно! горячо сказалъ Львовъ.

— О, да! О, да! произнесъ Орѣцкій, и слышно было, что теперь его «о, да!» было не то «о, да!», которое онъ говорилъ, когда рѣчь шла о хозяйкѣ въ роли пажа, болѣе энергичнаго пажа, чѣмъ нарисовалъ Шиллеръ.

Мужчины, а также и Софія Михайловна, улыбались горячности Львова. Одинъ только Лукомскій не улыбался. Ему казалось, что улыбка хозяйки и мужчинъ относится къ нему, что они подтруниваютъ надъ нимъ, берущимъ замужъ дѣвушку съ большимъ приданымъ.

— Я съ вами не согласенъ, господинъ Львовъ, началъ скорѣй, чѣмъ обыкновенно, Лукомскій.—Мнѣ кажется, что въ наше время, когда все стремится къ равенству, бракъ можетъ быть только между вполнѣ равными элементами. Возьмемъ въ примѣръ васъ. Вы, кромѣ своего общечеловѣческаго *я*, представляете изъ себя еще и капиталъ, дающій доходъ двѣ тысячи рублей въ годъ,—вѣдь ваше жалованье около двухъ тысячъ? Капитализируя капиталъ по его доходности изъ пяти процентовъ годовыхъ, выходитъ, что вы, повторяю, кромѣ своего общечеловѣческаго *я*, представляете собою еще и капиталъ, въ сорокъ тысячъ въ настоящее время, а чрезъ пять-десять лѣтъ, когда вы можете быть директоромъ, товарищемъ министра, — вы можете совмѣстить въ себѣ капиталъ тысячъ во сто. Что же? воодушевляясь все болѣе и болѣе, продолжалъ Лукомскій. — При стремленіи къ полному равенству во всемъ въ жизни, при стремленіи современныхъ женщинъ тоже къ равенству съ мужчиной, вы захотите отступить отъ этого великаго принципа равенства? Вы захотите связать себя съ тѣмъ, что не равно вамъ, что,

положимъ, имѣетъ такое же, какъ ваше, общечеловѣческое *я*, но въ которомъ совмѣщается полное отсутствіе капитала? Нѣтъ! Вы сближаетесь, вы выбираете кругъ знакомыхъ, близко подходящихъ къ вамъ по ихъ *я* и по ихъ капиталу. Только среди этихъ, сходныхъ съ вами элементовъ, у васъ является близость, откровенность и, если среди этихъ элементовъ будетъ подобный вамъ элементъ—дѣвушка, вы обнаружите предъ такимъ элементомъ ваше общечеловѣческое *я*, она обнаружитъ свое, явится любовь и бракъ.... Но, милостивые государи, совершенно увлекшись и привставъ съ кресла, продолжалъ Лукомскій,—случайность, а не общее правило, исключеніе, при господствѣ великаго принципа равенства, когда вы даже только сойдетесь, познакомитесь съ элементомъ не равнымъ вамъ по капитализаціи, хотя, быть можетъ, и сходному съ вами по общечеловѣческому *я*.... Мнѣ кажется, скажу я въ заключеніе, что дѣвушка, если только она стоитъ на высотѣ великаго принципа равенства, если только она уважаетъ себя, дорожитъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, идетъ въ бракъ не какъ въ рабство, а съ сознаніемъ полнаго равенства въ бракѣ и семьѣ, такая дѣвушка, навѣрно, если она бѣдна, не пойдетъ за мужчину, капитализирующаго болѣе ея, и наоборотъ. Такія дѣвушки не нарушатъ великаго принципа равенства! Ихъ умъ, душа и сердце воспринимаютъ горячо, безъ раздвоенности, велиніи истины и онѣ съумѣютъ поддержать, послѣдовательно провести въ жизнь великій принципъ полнаго равенства въ бракѣ!

— О, да! О, да! горячо и сильно громко подхватилъ Орѣцкій, едва Лукомскій окончилъ свою рѣчь.

— Браво! Браво! сказалъ Кожуховъ, при чемъ лицо его улыбалось, а глаза смотрѣли гордо и самоувѣренно.

Львовъ сидѣлъ съ задумчивою физіономіей и думалъ надъ вопросомъ о бракѣ съ новой философіей, предложенной Лукомскимъ.—Я не зналъ, думалъ онъ,—что кромѣ меня, меня—общечеловѣческаго *я*, есть еще во мнѣ стотысячное *я*! Кто знаетъ? Можетъ чрезъ пять, десять лѣтъ, я буду директоромъ, буду стотысячное *я* и плюсъ *я* какой есть! Да и теперь я есть, и есть еще плюсъ я — сорокъ тысячъ....

Кречетовъ нервно ёрзался въ креслѣ, поднималъ рукою волосы на головѣ, закусывалъ губы, и кровь прилила къ его лицу: оно было красно, какъ гребень пѣтуха. Вороновъ, какъ всегда, любезно смотрѣлъ на хозяйку и ея падчерицу. Хозяйка,

тоже какъ всегда, улыбалась и посматривала пытливо на каждаго изъ мужчинъ, какъ-бы желая отгадать, по ихъ лицамъ, какого они мнѣнія о философіи брака Лукомскаго. Катерина Дмитріевна смотрѣла серьезно, наклонивъ голову и устремивъ глаза въ стаканъ чаю, стоявшій предъ нею.

— Я не пропущу ни одного засѣданія, когда вы будете обвинять, сказала хозяйка послѣ короткаго молчанія, во время котораго всѣ были заняты оригинальной рѣчью Лукомскаго.

— О, да! О, да! уже менѣе горячо со стороны Орѣцкаго.

— Но, господа, продолжала хозяйка,—предметъ такъ интересенъ, и Орестъ Ильичъ съумѣлъ такъ высоко его поставить, что я бы желала знать мнѣніе всѣхъ.... конечно, мужчинъ. Мы, женщины, уловимъ истину и постараемся провести ее въ жизнь.... Такъ, Катя? обратилась она, въ заключеніе, къ падчерицѣ.

— Да, да! Истину, истину, мама! громко и горячо сказала дѣвушка, быстро приподнявъ наклоненную голову вверхъ.

— Ваше мнѣніе, князь? вопросительно сказала хозяйка, замѣтившая въ Кречетовѣ сильное желаніе говорить.

— Истину, истину! Мое мнѣніе? какъ-бы повторяя вопросы, на которые онъ долженъ отвѣчать, и желая выиграть время для толковаго отвѣта, началъ Кречетовъ, ворошa свои волосы на головѣ.—Мнѣнія вырабатываются жизнью: матерью и семьей—въ началѣ, школою и университетомъ — въ срединѣ и практикою жизни—въ концѣ-концовъ. Разныя жизни — разныя мнѣнія, и, кажется, правъ тотъ, кто говоритъ, что каждое мнѣніе справедливо, если только оно искренно... Низенькій Гулливеръ попалъ въ среду карликовъ лиллипутовъ, долго прожилъ среди нихъ,— и сроднился съ мнѣніемъ, что онъ великанъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, попавъ опять въ среду подобныхъ себѣ, и даже выше себя ростомъ людей, онъ уже не могъ отрѣшиться отъ взгляда на себя, какъ на великана. Привычка—вторая натура, и разубѣдить Гулливера было нельзя.... Донъ-Кихотъ примѣръ того же.... Не опровергнуть, не разубѣдить того, кто жизнью выработалъ мнѣніе, что онъ, кромѣ того, что есть человѣкъ, гражданинъ, онъ еще—плюсъ капиталъ, доходъ, процентъ! Я признаю подобное мнѣніе необходимою принадлежностью извѣстной категоріи людей, но я радъ, что не принадлежу къ ихъ числу.... Дай Богъ только, чтобы подобной категоріи мужчины громко высказывали свои мысли и женились на дѣвушкахъ подобныхъ же мыслей; но грустно будетъ, разыграется страшная драма, если

съ мужчиной подобныхъ мыслей свяжетъ судьбу свою дѣвушка, смотрящая на мужчину только какъ на гражданина съ извѣстными обязанностями предъ отечествомъ. Горе, если такая дѣвушка свяжетъ судьбу свою съ мужчиной плюсъ капиталъ и узнаетъ о его двойственности, когда будутъ уже дѣти, когда будетъ потеряна ея молодость и ея лучшія силы!... Можно оцѣнивать себя изъ пяти процентовъ, по суммѣ получаемаго жалованья, и можно оцѣнивать себя по суммѣ добра и пользы, приносимой обществу; можно стремиться и достигать хорошихъ окладовъ, и можно стремиться къ плодотворной дѣятельности гражданина для пользы общественной.... Кто правъ, кто болѣе полезенъ—вопросъ не въ этомъ. Его разрѣшитъ исторія этихъ людей, этихъ направленій. Но есть съ такими направленіями и мужчины и женщины, и я еще разъ пожелаю только одного, чтобы сама судьба соединила и его и ее одной категоріи, но горе, если случай соединитъ его одной категоріи съ нею другой категоріи!

— О, да! глухо сказалъ Орѣцкій.

— Слова и мысли, которыхъ ни опровергать, ни защищать нельзя, холодно, безъ раздраженія, обращаясь взглядомъ къ хозяйкѣ сказалъ Лукомскій, сказалъ такъ, какъ говорятъ прокуроры на разсужденія новичка адвоката, который, вмѣсто опроверженія факта или смягченія его, занесся своею молодою горячностью и неопытностью на высоту критики о вмѣняемости факта вообще. Слова, слова! говоритъ такому защитнику прокуроръ и посматриваетъ на предсѣдателя, что-де предсѣдатель не остонавливаетъ болтуна.

— Я понялъ вашу мысль, князь, и нахожу, что вы правы, а господинъ.... а Орестъ Ильичъ ошибается, началъ Львовъ. —Я невольно вспомнилъ слѣдующій случай: дня три назадъ, гуляя по городу я невольно былъ удивленъ, не встрѣтивъ въ немъ ни одного частнаго пансіона, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Мнѣ невольно пришла тогда мысль устроить самому пансіонъ, и невольно же явился отвѣтъ: когда женюсь.... Представьте же себѣ, что я, оцѣненный Орестомъ Ильичемъ въ сорокъ, а въ будущемъ—во сто тысячъ, женюсь на дѣвушкѣ тоже съ сорока тысячами, но которая не хочетъ полезно трудиться, а хочетъ только нарядовъ, танцевъ, баловъ и тому подобнаго!... Ея сорока тысячъ не хватитъ и на три года, а моихъ процентовъ, моего жалованья....

— Папа, папа идетъ! вскрикнула Катерина Дмитріевна, заслышавъ движенія въ прихожей, и, съ шумомъ отодвинувъ кресло, убѣжала изъ столовой, прервавъ недоконченную рѣчь Львова.

IV.

Съ уходомъ дѣвушки, хозяйка покинула роль предсѣдательницы и молча принялась наливать чай въ три стакана, потомъ поставила ихъ въ рядъ на столѣ, у широкаго кресла, и ушла тоже на встрѣчу мужа; а гости встали изъ-за стола и, образовавъ изъ себя двѣ группы, вели не громкій разговоръ. Одну группу составляли: Львовъ, Вороновъ и Кожуховъ, а другую—Лукомскій и Орѣцкій. Кречетовъ продолжалъ сидѣть у стола, досадуя на самого себя. Онъ былъ недоволенъ своею рѣчью въ опроверженіе философіи Лукомскаго,—находилъ ее черезъ-чуръ личною, тогда какъ можно бы было стать на отвлеченную точку.... и онъ раздражительно кусалъ губы и ерошилъ волосы.

— О, да! говорилъ не громко Орѣцкій,—вамъ возражали слабо.... Вы, о, да! Вы возбудили новую точку! О, да! О, да! Очень вѣрный взглядъ на подругу жизни! О, да!

— Взглядъ, чуждый идеализма, сентиментализма, піэтизма и, даже, прудонизма и нигилизма. Мой взглядъ можно назвать позитивнымъ, научнымъ.... Противъ него можно говорить одни только слова, слова и слова, отвѣтилъ Лукомскій.

— О, да! О, да! Вы правы, о, да!

— А наука—трудная вещь, продолжалъ Лукомскій.—Противъ нея, противъ ея выводовъ, такъ мало доступныхъ для пониманія не стоящихъ на высотѣ науки, всегда встрѣтишь толпу противниковъ, порицателей. Но за то и всегда были люди науки, проводящіе ея истины въ жизнь!

— О, да! О, да! Но мнѣ кажется, о, да! вы не послѣдовательны. Mademoiselle Плитова хороша, мила, симпатична, о, да! умна.... Вашъ выборъ съ общечеловѣческой точки, о, да! вы такъ сказали? я одобряю, о, да! Но choisissez votre femme par l'oreille bien plus que par les yeux! о, да!... Мнѣ кажется, вашъ выборъ противорѣчитъ вашей научной точкѣ, о, да!... Вѣдь за mademoiselle Плитовой только имѣніе, самое большее тысячъ въ тридцать, а васъ нужно капитализировать по меньшей мѣрѣ тысячъ въ семьдесятъ, о, да!... Я не считаю бѣлья, тряпокъ и.... et cetera.... о, да!

— Вы ошибаетесь. За mademoiselle Плитовой еще деньгами тысячъ около ста, сухо сказалъ Лукомскій.

— Нѣтъ, нѣтъ! О, да! Справьтесь точнѣй.... Я раздѣляю вашу научную точку, о, да! Я ее чутьемъ чуялъ и всегда хотѣлъ ей слѣдовать, о, да!... О mademoiselle Плитовой я обстоятельно знаю и.... и.... о, да! Она не подходитъ подъ науку, хотя она, о, да! восхитительна, умна, отлично играетъ.... Но.... О, да!..

Въ это время въ другой группѣ шелъ также тихій разговоръ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, господа, говорилъ Кожуховъ, не прозѣвалъ эту прелестную дѣвушку.—Сколько ума, доброты, любви и искренности! Кромѣ того, молодость, красота и богатство.... Тутъ, какъ не оцѣнивай себя, подходящій товарецъ....

— А вы сами, Петръ Ивановичъ, чего зѣваете? улыбаясь и смотря разсѣянно внизъ на свои ноги, сказалъ Вороновъ, какъ говорятъ люди, когда желаютъ не показать вида, что имъ уже закинута удочка туда, куда другіе только совѣтуютъ закинуть.

— Мнѣ тридцать пять лѣтъ, я не для такихъ! отвѣтилъ Кожуховъ, и въ его искусственно-гортанномъ голосѣ слышна была грусть, что ему тридцать пять или что онъ не для такихъ.—Для васъ, господинъ Львовъ, продолжалъ онъ,—это неземное созданіе. Вы молоды, заняты дѣломъ, которое такъ нравится барышнямъ, вамъ очень идетъ небеснаго цвѣта мундиръ.... Вамъ будетъ грѣхъ, если уступите ее другому!

Въ голосѣ Кожухова не замѣтна была иронія, и Львовъ, вѣря въ истинность похвалы ему, вѣря въ то, что говорилось о дѣвушкѣ, и находясь въ положеніи между страхомъ и надеждою, отвѣчалъ немного дрожащимъ голосомъ:

— Да, да! Это восхитительная дѣвушка! Въ нее можно влюбиться до сумасшествія!... Но.... она богата, а я.... такъ недавно пріѣхалъ и, кромѣ скромнаго жалованья и сильной любви, ничего болѣе не могу ей дать....

— Это пустяки, ободрялъ Кожуховъ, хлопая Львова по плечу.—Она умная и либеральная барышня, ей не нужно пудъ соли скушать съ вами, чтобы узнать и полюбить васъ. Вѣдь она, вмѣстѣ съ отцомъ, пишетъ громадное сочиненіе о самоуправленіи въ Европѣ и на границахъ Китая.... виноватъ, и въ Россіи. Это наши радикалы выдѣляютъ Россію изъ Европы, а Дмитрій Ивановичъ и Катерина Дмитріевна только либеральны....

Въ дверяхъ появился Дмитрій Ивановичъ, ведя, правильнѣе ведомый, подъ руки жену и дочь.

V.

— Здравствуйте, добрый вечеръ! говорилъ Рымнинъ на поклоны гостей.—А рукопожатія, извините, долженъ отложить до отвода дамъ на мѣсто, къ столу. Отведя дамъ и потомъ подавая руки гостямъ, онъ продолжалъ:—Вы извините, господа, что мой приходъ прервалъ вашу бесѣду и хозяева васъ покинули однихъ.... Право, Соня, понизивъ голосъ и съ добродушнымъ укоромъ продолжалъ онъ,—пора перестать тебѣ, хотя при гостяхъ, встрѣчать меня и оставлять ихъ однихъ!... Но вы извините ихъ, господа, указывая глазами на дамъ, продолжалъ онъ. Ce que femme veut, Dieu le veut, или, что проще, колы бъ же волы булы человіки, а тожъ волы бабы!

Всѣ улыбались, снисходительно и любезно посматривали на хозяина и опять усѣлись вокругъ стола.

— А я вамъ, господа, могу сообщить отличную новость. Вотъ выпью мои три стакана и удовлетворю ваше любопытство, сидя въ креслѣ, продолжалъ Рымнинъ. Онъ наливалъ чай въ блюдце, подносилъ его высоко ко рту и пилъ чай въ прикуску.

— Я могу отгадать, сказала Софья Михайловна, пытливо смотря на мужа.—Опять слухъ о новыхъ ограниченіяхъ правъ земства и объ усиленіи власти предсѣдателя въ нихъ?

— О, да! холодно и вопросительно поддакнулъ Орѣцкій.

— Нѣтъ, Софья Михайловна, началъ Кожуховъ.—Предводитель дворянства, вѣроятно, телеграфировалъ Дмитрію Ивановичу, для чего созывается экстренное губернское собраніе?

— Слѣдующее мнѣніе или предположеніе? смѣясь, начала хозяйка, давая знать, что бесѣда у стола опять вступила въ правильный порядокъ и что она опять заняла мѣсто предсѣдателя.

— О, да! О, да! одобрялъ Орѣцкій.

— Не угадаете, принимаясь за второй стаканъ, сказалъ Рымнинъ.

— Непослѣдовательностью и трусливостью тамъ, поднявъ палецъ вверхъ, началъ Кречетовъ;—насъ не заинтересуете, и это не новость, Дмитрій Ивановичъ!

— Я недавно пріѣхалъ, не успѣлъ еще познакомиться съ интересами интеллигенціи, и потому не могу даже попробовать отгадать того, что думаетъ сообщить Дмитрій Ивановичъ, сказалъ Львовъ съ замѣтною грустью, отвѣчая на вопросительный

взглядъ хозяйки, который она бросила на него послѣ словъ Кречетова.

— Господинъ Вороновъ? сказала хозяйка-президентъ.

— Я?... Дмитрій Ивановичъ сейчасъ сказалъ: «Ce que femme veut, Dieu le veut», такъ я заранѣе присоединяюсь къ предположенію Катерины Дмитріевны, стыдливо-робко, но не трусливо и не застѣнчиво отвѣчалъ Вороновъ.

— О, да! О, да! слабо одобрилъ Орѣцкій.

— Господинъ Лукомскій? сказала хозяйка, улыбаясь, какъ и всѣ гости, и Богъ ихъ знаетъ, что означала ихъ улыбка: насмѣшку-ли надъ отвѣтомъ Воронова, похвалу-ли отвѣту или улыбку надъ уже черезъ-чуръ торжественными вызовами къ отвѣту хозяйкой - президентомъ.

— Я поддерживаю мнѣніе или присоединяюсь къ заявленію Егора Осиповича. Женщины всегда были болѣе отгадчицы, чѣмъ мужчины, ровнымъ, но болѣе сухимъ, чѣмъ прежде, голосомъ отвѣчалъ Лукомскій.

— Я свое мнѣніе высказала и за тобой слово, Катя, обратилась хозяйка къ падчерицѣ, которая все время продолжала смотрѣть на отца. Отецъ такъ спокойно и довольно отдувалъ губы и дулъ ими на чай въ блюдцѣ, такъ торопливо-жадно прихлебывалъ его изъ блюдца, что дочь улыбалась, не переставая слушать разговоръ за столомъ.

— О, мама, я отгадаю! Я докажу, что «женщины болѣе отгадчицы, чѣмъ мужчины!» повторяя слова Лукомскаго и слегка подражая его голосу, громко сказала дѣвушка. Она остановилась. Слабый румянецъ вдругъ показался на ея щекахъ, который теперь походили на тонкій, просвѣчивающій фарфоръ. «Какая я дѣвчонка! Какая хвастунья, если не отгадаю!» подумала она и серьезно и пытливо посмотрѣла на отца. Чрезъ мгновеніе она опять улыбалась, словно увидала на лицѣ отца разгадку загадки и обрадовалась ей.

— Папа придумалъ и сообщитъ что-то хорошее, что дастъ пищу бѣднымъ голоднымъ, громко, серьезно и самоувѣренно сказала она, продолжая смотрѣть на отца.—Такъ, папа? спросила она потомъ и уже замѣтно робко и тихо.

— О, ты всегда отгадаешь мои думы! ставя блюдце третьяго стакана на столъ, съ дрожью въ голосѣ сказалъ Рымнинъ. —Иди ко мнѣ, моя Екатерина, моя отгадчица, и я поглажу твою умную головку и попрошу отгадать: добро или худо придумали мы?..

— О, да! О, да! О, да! горячо одобряя, воскликнулъ Орѣцкій.

— Браво, браво! Катерина Дмитріевна, браво! слѣдуя примѣру Орѣцкаго, громко говорили мужчины, а глаза Львова, полные благоговѣнія, любви и радости, устремлены были на дѣвушку. Кречетовъ грустно улыбался и тоже пристально смотрѣлъ на нее.

А она быстро встала, еще быстрѣе очутилась возлѣ отца, сѣла на уголъ его широкаго кресла, отклонила голову на грудь отца, обхватила его одной рукой за талію, а другой держалась за ручку кресла и смотрѣла въ лицо отца, такъ что глаза ея ушли вверхъ и гостямъ видны были только бѣлки ея глазъ, отъ чего она теперь еще болѣе походила на мраморную статую. Отецъ улыбался, касался своей бородою ея щеки, водилъ ею по щекѣ и гладилъ рукою ея волосы, начиная отъ лба къ затылку, какъ бы желая еще болѣе обнаружить большой лобъ дочери, которая неподвижно сидѣла въ той же позѣ, и только улыбка на ея лицѣ становилась болѣе замѣтнѣй и довольнѣй. Хозяйка и гости молчали, улыбаясь каждый по своему, смотрѣли на эту живую, мраморную группу, которую Кожуховъ про себя охарактеризовалъ такъ: «декабристъ и его дочь», хотя Рымнину во время декабристовъ было не болѣе семи - восьми лѣтъ.

— Да, да! Ты отгадала, дитя мое! началъ Рымнинъ, немного погодя.—Иванъ Ивановичъ Сергѣевъ и мы, члены управы, долго ломали голову найти средство сдѣлать нечувствительнымъ для крестьянъ голодъ нашей губерніи.... Выдать сѣмена на посѣвъ и немного хлѣба для поддержанія жизни—вотъ все, что можетъ дать земство и частная помощь общества; но государство, представитель силы общественной организаціи, можетъ уничтожить голодъ совсѣмъ, можетъ убить его въ корнѣ.... У государства есть на это средства, нужно только возбудить охоту и указать путь.... Иванъ Ивановичъ поѣхалъ въ Петербургъ и передалъ кому слѣдуетъ и гдѣ слѣдуетъ эти мысли и подробный проектъ ихъ осуществленія... Мы держали все это въ строгомъ секретѣ... Иванъ Ивановичъ съумѣлъ стать на высоту своей великой миссіи, и три часа назадъ я получилъ отъ него слѣдующую телеграмму: «Даны средства построить желѣзную дорогу въ тысячу верстъ чрезъ всю нашу и двѣ сосѣднія губерніи. Земство будетъ и строителемъ, и организаторомъ дороги, такъ неужели у насъ не хватитъ ума, энергіи и самопожертвованія, чтобы постройкою убить голодъ безъ дурныхъ послѣдствій для крестьянскаго населенія. Пропагандируйте, буду чрезъ пять дней».

— Чрезъ недѣлю будетъ собрано экстренное земское собраніе, продолжалъ Рымнинъ, послѣ прочтенія телеграммы,—и на немъ будетъ обсуждаться проектъ постройки земствомъ желѣзной дороги съ одною главною цѣлью: уничтожить голодъ, дать средство голодному крестьянину прокормиться работой и заработать денегъ для прокормленія семейства и для поддержанія хозяйства.... Для этого въ проектѣ предполагается при постройкѣ желѣзной дороги уничтожить элементъ наживы, кулаковъ.... Какъ организаторы работъ и руководители, привлекаются дворяне всей губерніи, у которыхъ найдется, навѣрное, охота, знаніе, энергія, чтобы повести дѣло безъ посредства кулаковъ.... Проектъ уже выработанъ. Сегодня же посланы телеграммы, съ просьбою пріѣхать для обсужденія проекта, ко всѣмъ членамъ уѣздныхъ управъ и къ наиболѣе преданнымъ общественнымъ дѣламъ гласнымъ и дворянамъ губерніи.... Мы особенно надѣемся на васъ, князь, подавая руку Кречетову, окончилъ онъ.

— Потомъ мы надѣемся, пожавъ руку Кречетову и чуть-чуть помолчавъ, продолжалъ Рымнинъ,—что и наша администрація окажетъ намъ все свое содѣйствіе въ этомъ важномъ дѣлѣ. Не такъ-ли, господа? обратился онъ ко всѣмъ гостямъ, смотря на нихъ, какъ на представителей «нашей администраціи».

— О, да! О, да! Конечно! О, да! О, да! горячо говорилъ Орѣцкій, который въ своей должности адъютанта начальника штаба, конечно, могъ наименѣе считать себя за представителя «нашей администраціи», но онъ всегда горячо поддакивалъ, когда говорилось что-либо новое, малоизвѣстное.

Остальные присутствующіе члены администраціи, повидимому, приняли не такъ горячо рѣчь хозяина. Вороновъ слушалъ ее разсѣянно и ловилъ взгляды дѣвушки и хозяйки и по нимъ направлялъ мускулы своего лица; лицо и вся фигура Львова, казалось, говорила, что онъ, Львовъ, очень радъ, что хозяинъ доволенъ, но что онъ, какъ недавно пріѣхавшій, не можетъ, къ сожалѣнію, высказать опредѣленнаго мнѣнія, а будетъ только отъ души сочувствовать радости хозяина; Кожуховъ смотрѣлъ невозмутимо, какъ всегда. По его лицу, по его глазамъ, трудно было рѣшить, одобряетъ или порицаетъ онъ рѣчь хозяина; но онъ смотрѣлъ на себя въ то время, какъ на представителя «нашей администраціи», и потому счелъ долгомъ отвѣтить на обращенныя къ администраціи слова хозяина. ..

— Я сегодня, началъ серьезно Кожуховъ,—часа три назадъ, имѣлъ удовольствіе слышать отъ его превосходительства о созывѣ экстреннаго губернскаго земскаго собранія. Губернаторъ, не придавая такой обширности неурожаю губерніи, какую придало ему земство и губернскій предводитель, все-таки озабоченъ пріисканіемъ средствъ для облегченія неурожая для крестьянъ. Онъ думаетъ предложить нѣкоторые проекты, съ своей стороны, на обсужденіе экстреннымъ собраніемъ земства; но когда онъ узнаетъ о такомъ грандіозномъ планѣ, какъ постройка земствомъ тысячи-верстной желѣзной дороги, то, конечно, употребитъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ оказанію содѣйствія земству для успѣшнаго осуществленія такого грандіознаго проекта....

— О, это великая, грандіозная затѣя! измѣняя голосъ изъ серьезнаго въ болѣе фамильярный и съ улыбкою на лицѣ, продолжалъ Кожуховъ.—Хотя я лично и раздѣляю мнѣніе губернатора, что въ губерніи не голодъ, а только менѣе средняго урожай.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, Петръ Ивановичъ, какія данныя имѣетъ губернаторъ, кромѣ чистаго упрямства, отвергать голодъ? Я васъ спрашиваю, какъ частнаго человѣка, думая, что мой вопросъ не составляетъ государственной тайны? спросилъ Рымнинъ.

— О томъ, что администрація можетъ имѣть кое-какія свѣдѣнія о состояніи губерніи, опять серьезно началъ Кожуховъ,—объ этомъ, мнѣ кажется, можно и не сомнѣваться; о приблизительной хотя вѣроятности этихъ данныхъ тоже трудно сомнѣваться, хотя, быть можетъ, даже и навѣрное, свѣдѣнія администраціи не вполнѣ точны.... Но допустимъ, что со стороны администраціи одно упрямство,—голосъ Кожухова опять сталъ интимнымъ, а лицо улыбающимся,—гдѣ же слѣдствіе голода, по чемъ мы видимъ, что голодъ царитъ въ губерніи? Гдѣ толпы нищихъ, гдѣ громкое требованіе работы и хлѣба, гдѣ грабежи и гдѣ поджоги и насилія голодной черни? Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ голода, а только менѣе средняго урожай, съ которымъ нашъ умный крестьянинъ легко примиряется, зная, что и администрація, и земство сдѣлаютъ все для облегченія его положенія.

— О, да! О, да! Это такъ! О, да! горячо поддерживалъ Орѣцкій.

— Во первыхъ, все это еще можетъ и будетъ, ероша волосы и сильно покрасивѣвъ, началъ Кречетовъ.—Можетъ будутъ еще и толпы нищихъ, и убійства, и пожары,—до жатвы, до новаго хлѣба еще полгода осталось. Во вторыхъ, пусть ждетъ всего этого, кто желаетъ этого! Земство этого не желаетъ, и, быть можетъ, постройкою желѣзной дороги ему удастся не допустить до этого, не допустить до криковъ: «работы и хлѣба»! Въ третьихъ....

— Во первыхъ, князь, перебилъ Кречетова хозяинъ,—этого никто не желаетъ. Можно ошибаться, имѣя самыя добрыя намѣренія. Во вторыхъ, нашъ крестьянинъ, послѣ великаго гнета крѣпостнаго права, привыкъ умирать безъ ропота гласнаго, даже съ прощеніемъ на устахъ: «не вѣдаютъ бо, что творятъ». Въ третьихъ, къ кому и куда идти кричать? До Бога высоко, до царя далеко, а умирать послѣ порки куда хуже, чѣмъ безъ порки.... А главное-то въ томъ: докажите намъ, что голода нѣтъ.... Я согласенъ, что администрація должна имѣть болѣе или менѣе точныя данныя объ экономическихъ силахъ губерніи, объ урожаѣ; но тогда опубликуйте, какой запасъ хлѣба имѣется въ деревняхъ и волостяхъ? Сколько уже помѣщики выдали хлѣба крестьянамъ заимообразно? Сколько продано крестьянами скота и сколько его осталось?... Вотъ тогда мы и будемъ судить, кто правъ, администрація-ли съ менѣе среднимъ урожаемъ, или земство съ голодомъ?... До тѣхъ поръ отвергать голода нельзя: онъ уже хорошо видѣнъ.... И онъ поднялъ руками голову дочери съ своей груди и поцѣловалъ ее въ голову, а она крѣпко поцѣловала отца въ губы, глаза и лобъ.

— Перейдемте въ залъ, господа, сказала хозяйка, и всѣ, кромѣ хозяина и Кречетова, направились въ залъ.

VI.

Въ залѣ общество разбилось на кружки. Львовъ самъ вызвался спѣть подъ аккомпаниментъ Катерины Дмитріевны, Вороновъ сталъ у фортепіано и пересматривалъ лежавшія на немъ ноты, хозяйка ходила съ Кожуховымъ по залѣ, а Орѣцкій и Лукомскій сидѣли далеко отъ фортепіано и вели тихій разговоръ.

— Откуда вы знаете о состояніи Плитовой? спросилъ Лукомскій.—Всѣ говорятъ, что, кромѣ имѣнія, еще сто тысячъ....

— О, да! отвѣчалъ Орѣцкій.—Такъ говорили и мнѣ, но я человѣкъ, о, да! опытный, и прежде, чѣмъ показать виды на

женитьбу, о да! я справился очень тонко и обстоятельно, о, да! въ чемъ и гдѣ?... И, о, да! убѣдился, что ничего и нигдѣ. О, да! О, да! Choisissez votre femme par l'oreille bien plus que par les yeux!... О, да! О, да!

— Если я ошибся,—очень непріятно, тихо, какъ бы самому себѣ, сказалъ Лукомскій.

— О, да! Положеніе непріятное! Съ одной стороны, о, да! нарушеніе принципа, а съ другой, о да! вы—объявленный женихъ! о, да!

— Ну, послѣднее не важно, вздохнувши, сказалъ Лукомскій.

— Но.... о, да!... Но это жаль, о, да!... Она очень умна.... Въ высшей степени симпатична и мила, о, да!... и вдругъ.... О, да!... послѣ огласки.... О, да! Жаль!...

— Я предупреждалъ.... Я ясно развилъ свою теорію брака и капитализировалъ себя въ сто тысячъ.... Нужно было понять, когда я ясно говорилъ имъ объ этомъ! сердито и недовольно сказалъ Лукомскій.

— О, да! О, да!... А онъ хорошо поетъ, о, да! и Орѣцкій началъ слушать пѣніе Львова, а Лукомскій по виду слушалъ, а на самомъ дѣлѣ все думалъ о приданомъ mademoiselle Плитовой.

— Я предполагала скоро начать объѣздъ имѣній, говорила Софья Михайловна, ходя съ Кожуховымъ по залѣ.—Въ каждомъ имѣніи придется пробыть по два - три дня, уйдетъ болѣе мѣсяца....

— Я очень радъ, что губернаторъ задалъ мнѣ работу на мѣсяцъ, а то бы было.... очень и очень скучно безъ... вашихъ вечеровъ, сказалъ Кожуховъ, пытливо посматривая на Софью Михайловну, во время перерывовъ и остановокъ въ своихъ словахъ; и Софья Михайловна замѣчала его пытливыя посматриванія, но продолжала неопредѣленно смотрѣть по сторонамъ и тѣмъ же шагомъ ходить по залу, хотя щеки ея, какъ будто, немного болѣе свѣтились румянцемъ, чѣмъ обыкновенно.

— Я съ Катей начнемъ кататься часъ-другой передъ обѣдомъ, чтобы приготовиться къ долгому путешествію на колесахъ. Завтра или послѣ завтра поѣдемъ по р..... шоссе, къ широкому полю.... Вы не начинали еще верховой ѣзды? продолжала разговаривать она.

— Нѣтъ еще, но думаю начать завтра или послѣ завтра, отвѣчалъ онъ и опять пытливо посмотрѣлъ на нее.

— Вы тоже поѣдете по р..... шоссе? шутливо, но оживленно спросила она.

— Конечно, конечно! улыбнувшись, отвѣтилъ онъ.

— И въ пятомъ часу?

— Благодарю васъ, подавая ей руку, съ чувствомъ отвѣтилъ онъ.—Вѣдь мнѣ только въ это время и можно. Я рабочая лошадь, Софья Михайловна, еще съ бо́льшимъ чувствомъ закончилъ онъ.

— Гдѣ трудъ, тамъ и счастье! серьезно сказала она и крѣпко пожала его руку.

— Какъ пріятно поетъ Львовъ! Послушаемъ, немного погодя сказала Софья Михайловна, и она и Кожуховъ стали у стѣны, далеко отъ фортепіано.

Львовъ пѣлъ подъ тихій аккомпаниментъ:

Льетъ ливмя дождь, несутся тучи,
Полна ненастья эта ночь,
Но мысль о ней, какъ свѣтъ могучій,
Стоитъ и не отходитъ прочь.
Тебя здѣсь нѣтъ, но ты со мною,
Твоя рука въ моей рукѣ,
И все, мой другъ, полно тобою
Въ моемъ укромномъ уголкѣ!
Пусть стонетъ ель, пусть плачетъ вьюга,
Бушуя въ сумракѣ ночей,
Ты для меня, что солнце юга,
Тепло и свѣтъ въ тебѣ одной!

У Львова былъ недурной теноръ, небольшой, но пріятный, и онъ умѣлъ имъ владѣть: усиливать и понижать при исполненіи романсовъ. Изрѣдка слушать его было пріятно, пѣніе нѣжно щекотало слухъ, но отъ частаго слушанія получалося монотонный, тихій, ноющій зудъ въ ушахъ. Когда онъ кончилъ романсъ, Софья Михайловна крикнула «браво»! Кожуховъ слегка похлопалъ, а Орѣцкій громко сказалъ: «О, да! О, да!»

Катерина Дмитріевна, продолжая сидѣть за роялемъ, тоже выразила Львову свое удовольствіе и потомъ извинилась, что своимъ уходомъ помѣшала ему досказать, а себѣ дослушать его рѣчь въ опроверженіе словъ Лукомскаго.

— Но я такъ люблю папа, что безсознательно бѣгу къ нему на встрѣчу, закончила она ровнымъ и громкимъ голосомъ, смотря

прямо Львову въ глаза своими ясными, темными глазами, въ которыхъ только при послѣднихъ словахъ засвѣтилось что-то въ родѣ извиненія за излишнюю откровенность.

— О, вы такъ нѣжно и искренно встрепенулись и такъ порывисто-легко побѣжали встрѣчать Дмитрія Ивановича, что я залюбовался на васъ и самъ потерялъ нить разговора, сказалъ Львовъ искренно, серьезно, съ робкимъ, любящимъ блескомъ въ глазахъ.

Она улыбнулась.

— Я только на самомъ себѣ хотѣлъ показать неправильность сужденій господина Лукомскаго, продолжалъ Львовъ.—Женская душа, сердце, любящее, нѣжное сердце — дороже денегъ всего міра! Ихъ нельзя купить, ихъ можно только заслужить! горячо закончилъ онъ.

— А развѣ мы не можемъ работать, какъ мужчины? громко и впадая въ горячность Львова, спросила она.—Развѣ женщины управляли государствами хуже мужчинъ? Развѣ въ американскую войну за свободу негровъ женщины не одинаково съ мужчинами работали въ больницѣ?... Кромѣ души и сердца, которыя вы такъ хорошо цѣните, мы имѣемъ и все, что цѣнитъ Лукомскій въ себѣ.... Только мы почти всѣ очень глупенькія, ничего не знаемъ....

— Только не вы! Только не вы, Катерина Дмитріевна! горячо вскрикнулъ Львовъ. Онъ все такъ же, съ робкимъ, любящимъ блескомъ въ глазахъ, смотрѣлъ на нее. Онъ любовался ею, благодарилъ мысленно за довѣрчивый, горящій искренностью взглядъ, которымъ смотрѣли на него ея глаза, и когда она говорила въ защиту женщинъ, онъ хотѣлъ кричать за каждымъ ея словомъ: «правда! истинная правда»! и не кричалъ только потому, что находилъ это неприличнымъ, но зато глазами и частымъ наклоненіемъ головы дѣлалъ то же самое. А когда она кончила свою рѣчь о величіи женщинъ и, не то застыдившись, не то взгрустнувъ о томъ, «что мы всѣ такія глупенькія», опустила внизъ глаза и начала перебирать клавиши фортепіано, онъ не въ силахъ былъ сдержать своихъ чувствъ и горячо, громко горячо вскричалъ: «Только не вы! Только не вы, Катерина Дмитріевна!...»

— Нѣтъ, я очень, очень глупа.... Я ничего не знаю.... только языки, тихо, какъ-бы самой себѣ, сказала она.

— Вы пишете съ Дмитріемъ Ивановичемъ большое сочиненіе на весьма серьезную тему! вспомнивъ слова Кожухова и желая утѣшить и убѣдить дѣвушку въ своемъ высокомъ о ней мнѣніи, опять громко и горячо сказалъ Львовъ.

— Папа пишетъ.... Я только перевожу ему изъ иностранныхъ книгъ.... Вы думаете, это я вамъ свое говорила о женщинахъ? живо спросила она.—Это я въ книгахъ для папа прочла, а своего у меня ничего нѣтъ и я ничего не умѣю дѣлать.... Иной разъ такъ досадно, что дѣлать ничего не умѣю.... скучно.... Но это рѣдко....

— Вы отлично играете! уже тихо сказалъ Львовъ. Ему хотѣлось утѣшить ее, въ ея голосѣ слышна была грусть, она говорила тихо и съ перерывами, онъ ломалъ голову, какъ помочь бѣдѣ, и ничего не находилъ, а потому и ухватился за отличную игру на фортепіано; но, какъ бы самъ сознавая слабость утѣхи въ этомъ, сказалъ объ этомъ тихо, безъ горячности.

— Да, я люблю играть, но хорошо-ли,—не знаю.... Когда скучно, я играю.... Но это все для своего удовольствія, а у папа въ сочиненіи доказывается, что умные и честные люди должны работать больше для общества, чѣмъ для себя! Тамъ и о женщинахъ говорится то же! Но какъ дѣлать для другихъ, когда ничего не умѣешь дѣлать! опять горячо проговорила она и опять такъ же смотрѣла въ глаза Львову.

— О, горячо началъ и Львовъ,—съ вашей доброй, вѣрующей душой дайте только просторъ вашему любящему сердцу!... Обопритесь на болѣе васъ знающаго мужчину, и вы съ нимъ сдѣлаете много, много добра и для него, и для другихъ!... Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ это время раздался голосъ Рымнина, и дѣвушка повернула глаза къ нему, а Львовъ замолчалъ и тихо вздохнулъ.

VII.

— Я хочу спросить у васъ, Петръ Ивановичъ, входя въ залъ, вмѣстѣ съ Кречетовымъ, говорилъ Рымнинъ, — что это за студіоза прислали сегодня къ намъ? Онъ сѣлъ. Дочь сѣла у одной, а жена у другой его руки, а гости взяли стулья и размѣстились полукругомъ возлѣ нихъ.

— Студіозъ заправскій! отвѣчалъ Кожуховъ.—Вида строгаго, какъ у древнихъ спартанцевъ, и зовутъ тоже выразительно: Гордій, по фамиліи—Могутовъ.

— Да за что этого Гордія сюда прислали? вотъ что, если можно, скажите мнѣ. Изъ-за него цѣлая исторія уже вышла въ городѣ! сказалъ Рымнинъ.

— Подробностей я вамъ не могу сказать, потому что и самъ ихъ не знаю. Въ бумагѣ сказано глухо, что оный, Гордій, какъ вредный въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ, препровождается въ С—ль подъ надзоръ полиціи. Въ Москвѣ маршрутъ его перемѣнили и, вмѣсто С—ля, прислали его къ намъ, съ увѣдомленіемъ объ этомъ московскаго жандармскаго управленія.... Больше я рѣшительно ничего не знаю, сказалъ Кожуховъ.

— Сегодня вечеромъ приходитъ въ управу Онуфрій Емельяновичъ Лопатинъ, началъ повѣствовательно Рымнинъ,—и видъ имѣетъ печальный.—Что это, спрашиваю его, не веселы и изволите опаздывать?—Плохо дѣло, отвѣчаетъ, ѣду въ Питеръ. Цѣлая, говоритъ, исторія вышла.... У него въ Петербургскомъ институтѣ двѣ дочери, и, о ужасъ! узнаетъ онъ сегодня, что студенты сдѣлали подкопъ въ институтъ, влюбили въ себя институтокъ и поженились на нихъ, конечно, гражданскимъ бракомъ.... Кончилось дѣло тѣмъ, что пришлось начальству разослать институтокъ по деревнямъ вокругъ Петербурга, а студентовъ по дальнимъ городамъ.... Такъ вотъ Онуфрій Емельяновичъ и собрался ѣхать узнавать, не попали-ли и его дочери въ деревню?

Мужчины и Софья Михайловна улыбались, а Катерина Дмитріевна, недоумѣвая, смотрѣла вопросительно на ихъ улыбку.

— О, да! О, да! Я тоже слышалъ, о, да!

— Это скандалъ! сухо сказалъ Лукомскій.

— Если только правда,—да! сказалъ Кожуховъ.

— Я думаю, что все чепуха, сказалъ Кречетовъ.—Просто, наши городскія газеты, по поводу привоза несчастнаго студента, сочинили цѣлую исторію и при томъ страшно глупую.

— Развѣ въ институтѣ глазъ не было у классныхъ дамъ? сказала Софья Михайловна.—Ей и всѣмъ гостямъ уже былъ извѣстенъ разговоръ дамы съ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

— Я и самъ такъ думалъ, продолжалъ Рымнинъ,—спрашивая Онуфрія Емельяновича, откуда онъ все сіе выдумалъ? Можетъ приснилось? Нѣтъ, говоритъ, въ газетахъ есть, жандармъ разсказывалъ, который привезъ студента, да и Агрипина Ана-

тольевна получила изъ Питера письмо, въ которомъ все сіе наиподробнѣйше росписано.... Посмотрѣлъ въ газеты. Ничего нѣтъ, а есть коротенькая замѣтка, что въ какомъ-то пансіонѣ ученицы собирались нанести обиду дѣйствіемъ классной дамѣ за строгое обращеніе съ ними.... Однако, Онуфрія Емельяновича насилу удалось уговорить не ѣздить въ Питеръ и дождаться предводителя, который, навѣрное, привезетъ подробности этой исторіи, если только въ ней есть правда.... Отъ студентовъ все можетъ статься, говоритъ.

— О, да! О, да! со стороны Орѣцкаго.

— Можетъ быть, частица правды и есть, сказалъ Кожуховъ. —Одинъ, два случая, а у насъ уже превратили въ множество.

— Слухи изъ ничего не бываютъ, сказалъ Лукомскій.

— О, да! О, да! Есть возможность допустить, о, да! сказалъ Орѣцкій.

— Въ мое время въ московскомъ университетѣ бывали недоразумѣнія, безпорядки даже, но они касались, такъ сказать, внутренняго быта студентовъ, или столкновеній съ полиціей за излишнія хлопанья въ театрѣ, сказалъ Львовъ.

— О, да! О, да! со стороны Орѣцкаго.

— Въ московскомъ, но не въ петербургскомъ, сказалъ Лукомскій.

— Типъ Волохова и Базарова схваченъ вѣрно, замѣтилъ Кожуховъ.

— О, да! О, да!

— Всякая каррикатура вѣрна дѣйствительности, началъ, ероша волосы, Кречетовъ.—Во всѣ времена студентъ былъ студентомъ: увлекался хорошимъ, старался будить сонное общество противъ насилія, но самъ насилія никогда не дѣлалъ! Бросали моченыя яблоки плохому актеру, шикали дурному профессору—самое бо́льшее; но чтобы дѣлали подкопы,—не вѣрю и не повѣрю никогда!

— Да, и мнѣ не вѣрится, сказалъ Рымнинъ.

— А въ какомъ университетѣ кончилъ курсъ Волоховъ? смѣясь, спросила Софья Михайловна.

— О, да! О, да!

— Навѣрно не знаю, но полагаю, что онъ съ перваго курса петербургскаго, смѣясь, сказалъ Кожуховъ.

— Скорѣе, онъ и гимназію не кончилъ, сказалъ серьезно Лукомскій.

— А я думаю, что онъ началъ и кончилъ курсъ въ поэтической фантазіи Гончарова, сказалъ Кречетовъ, вставая и прощаясь съ хозяевами.

Всѣ послѣдовали его примѣру, и скоро въ залѣ остались только хозяева.... Рымнинъ передалъ въ спальнѣ женѣ подробнѣе исторію съ институтками. Оказалась громадная разница между тѣмъ, что слышала Софья Михайловна отъ Агаѳіи Симфоріоновны, и тѣмъ, что услышала она отъ мужа. Въ разсказѣ Рымнина институтки, судя по найденнымъ дневникамъ ихъ, собирались, вмѣстѣ съ студентами, отравить Каткова и перевернуть всю Россію вверхъ дномъ.... Чета Рымниныхъ долго разговаривала въ спальнѣ объ этой исторіи....

Ихъ дочь тоже не скоро заснула. Она думала о томъ, какіе это студенты смѣлые.—Захотятъ, и подкопъ сдѣлаютъ!... Только для чего это гражданскій бракъ? Если они любили институтокъ, такъ могли бы обвѣнчаться? А можетъ, имъ не позволяли?... Да, они очень смѣлые.... А можетъ, и это все враки?... И Кречетовъ говоритъ, что враки. А какой славный Кречетовъ! Высокій, смѣлый, только некрасивый, чего-то все сердится... Вотъ Львовъ такъ очень хорошенькій и добрый.... Какъ онъ хорошо поетъ!... «Ты для меня—что солнце юга....» А хорошо, должно быть, когда такъ любятъ!... «Тепло и свѣтъ—въ тебѣ одной....» Въ любви должно быть равенство, говорилъ Лукомскій.... Да, это правда! Мама не любитъ папа, она только уважаетъ его. Онъ старикъ, а мама молода, она и не любитъ его.... Бѣдный папа!... Но какъ же быть равенству, когда мужчины такъ много знаютъ, а мы такъ мало? И особенно я такая глупая....

И долго, долго, лежа на кровати, въ полутемной спальнѣ, думала дѣвушка о словахъ Лукомскаго; но и сонъ ея былъ тревоженъ, и во снѣ мысли Лукомскаго о равенствѣ полномъ въ семьѣ, въ бракѣ, волновали ее....

М. Забѣлло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.

(очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ).

I.

Сердоболь.—Капитанъ парохода «Валаамъ».—Отецъ Паѳамонъ и артистъ Володька.

Длинная, деревянная пристань далеко вдается въ губу, такъ далеко, что неуклюжій кузовъ парохода «Валаамъ» упирся вплотную. Видимо, по пути изъ монастыря богомольцевъ хорошо потрепало. Зеленые, покачиваясь, сходятъ они съ палубы и, попавъ на твердую землю, долго еще думаютъ, что она колышется подъ ними.... Иные даже руки растопыривъ идутъ,—ухватиться при случаѣ, какъ качнетъ.

— Мутило? спрашиваетъ кто-то.

— За грѣхи!... Такъ отзвонило—страсть....

— Всякое злое помышленіе нутромъ вышло,... Очистились!!.. привѣтствуетъ монахъ у самой пристани.

— Ну, и слава Богу, значитъ! Коли очистились, и въ кабакъ теперь можно. Согрѣшимъ, а опосля замолимъ.

— Ты бы безъ грѣха....

— Ладно, отецъ Іеремія. Ты думаешь у васъ въ рабочихъ сладость? Теперь, чтобы въ себя придти, менѣй полуштофа и не думай!

— А забылъ, что Матѳій сказалъ, а?

— Не про насъ онъ, отецъ!

— Про всѣхъ.... и про тебя, малоумнаго, въ томъ числѣ И ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложится вамъ!...

— Мы, отецъ, въ обители и искали, а теперь, вотъ, прикладываться будемъ. Труждающійся да пьетъ, сказано.

— Да ясть, иновѣръ!

— Ну, а если труждающемуся ясть полагается, то и пить слѣдуетъ!

— Прокуратъ этотъ Володька! обернулся ко мнѣ монахъ. Придетъ въ обитель съ чистымъ сердцемъ, заработаетъ два-три рубля и сейчасъ назадъ въ Сердоболь.... Въ кабакъ.... Иноческихъ денегъ не жалѣетъ, извѣстно! А они — деньги-то вѣдь какія, ангельскія!

— Почему-же ангельскія?

— А какъ иначе? У насъ каждая копѣйка слезами облита. Вы думаете, богомолецъ такъ ее въ монастырь походя бросаетъ? Нѣтъ, онъ, какъ подаетъ, такъ еще намолится, да наплачется сначала. Вотъ онъ какъ. Отъ нея, отъ монастырской копѣйки, какъ отъ вдовьей лепты, нѣкій духъ исходитъ. А они ее въ кабакъ. Маловѣрные!

Нужно было спросить у капитана, когда завтра отойдетъ пароходъ. Капитанъ, какъ разъ подошелъ къ борту, красный весь, какъ кирпичъ. Кожа на лицѣ выдублена, точно вѣтрами всѣхъ четырехъ странъ свѣта обдута. Глаза устроены такъ, что вблизи ничего не видятъ. Черезъ голову вамъ, за пятнадцать верстъ по крайней мѣрѣ, смотрятъ.

— Господинъ капитанъ!

— Есть! Голосъ точно въ рупоръ. Будто тотъ, кому отвѣчаетъ онъ, невѣсть какъ далеко отъ него. Оглушилъ совсѣмъ.

— Когда пароходъ отойдетъ въ монастырь?

— Парокотъ.... Красное сафьяное лицо принимаетъ глубокомысленное выраженіе.... Парокотъ, завтра.... земь часъ!

— Вечеромъ?

— О, ja! оретъ онъ на меня, и тотъ же взглядъ черезъ мою голову, упорно стремящійся разглядѣть что-то на горизонтѣ. О, ja!.... Земь часъ!.... Парокотъ земь часъ пошла на мастырь!....

Совершенно удовлетворенный возвращаюсь я къ своей хозяйкѣ, ужасно гордящейся тѣмъ, что ея мужъ былъ когда-то «господинъ на почта и золотой труба носилъ!» Госпожа Ригонинъ вполнѣ счастлива теперь, отдавая комнаты по маркѣ *) въ день и угощая обѣдомъ за ту же марку. Въ минуты жизни

*) Финская марка=двадцать пять копѣекъ серебр., т. е. сорокъ кредитныхъ по курсу.

трудныя она вынимаетъ мундиръ покойнаго мужа съ «золотою трубой» и шпагу-мышеколку, кладетъ это на столъ передъ собою, любуется часъ—два и, вполнѣ утѣшенная, прячетъ свои воспоминанія обратно въ шкафъ. Я удостоился особеннаго ея довѣрія.

— Ви знай? Она (т. е. ея мужъ) должна была получаль Станнслаусъ-крестъ, но только Богъ взяла себѣ.

Я долго ломалъ голову, зачѣмъ Богу понадобился крестъ св. Станислава, да еще 3-й степени въ петличку, но изъ дальнѣйшихъ ея объясненій оказалось, что Богъ взялъ ея мужа, который за смертію такъ и остался не украшеннымъ регаліями.

— Но я то же звой мислъ имѣю.... Я купила Станнслаусъ, положила на ему грудь и такъ каронила!

На другой день г-жа Ригониенъ влетѣла ко мнѣ съ крикомъ:

— Паракотъ пошла! Зачѣмъ вы спитъ, когда паракотъ пошла?

— Какъ! не можетъ быть! Вечеромъ въ семь часовъ, самъ капитанъ мнѣ говорилъ.

— Нѣтъ! пошла. Сичасъ пошла.... Свистала и пошла на мастырь!

Я одѣлся, выскочилъ на пристань, чтобы увидѣть, какъ въ серебряную щель между шкерами вползалъ уже далекій, умалившійся до микроскопическихъ размѣровъ, силуэтъ парохода....

— Ишь попыхиваетъ! любовался на него вчерашній Володька, очевидно, уже вошедшій въ себя. Этому Володькѣ было болѣе сорока лѣтъ, а его все еще называли уменьшительнымъ именемъ.

— Что дѣлать теперь?... Разсказываю ему свои злоключенія.

— А больше ничего, что къ отцу Парамону вамъ надо. Какъ онъ положитъ, такъ и будетъ.

— Что это за отецъ Парамонъ?

— Вона, неужли-жъ вы его не знаете? недоумѣвалъ Володька. Отецъ Парамонъ у насъ первый пѣтухъ въ огородѣ. Онъ тутъ настоятель на подворьѣ.... Мужикъ строгій, не дай Богъ! Онъ тебя скрозь видитъ; ты еще только умомъ метнулъ, а ужъ онъ тебя за хвостъ, стой! Никакъ иначе вамъ нельзя.... Отецъ Парамонъ васъ съ этимъ пароходомъ разсудитъ.

Совершенно не понимая, чѣмъ это отецъ Парамонъ можетъ помочь мнѣ, я отправился къ нему. Подворье стоитъ въ концѣ города на берегу Ладоги. Калитка отворена. На дворѣ, щедро

облитомъ солнцемъ, спитъ пудлатый песъ. Прищурился на меня, сообразилъ было, что, по уставу, слѣдуетъ залаять, уже и пасть раскрылъ, да отдумалъ. Перевернулся на спину, лапами кверху, такъ и замеръ, нѣжась въ теплѣ и, очевидно, не стѣсняясь, неприличіемъ позы, совершенно не соотвѣтствовавшей ето лѣтамъ и положенію въ свѣтѣ. Двухъ-этажный домикъ точно вымеръ. Со двора слышно, какъ въ окнѣ звенитъ большая черная муха. Свѣже-просмоленныя лодки сушатся на берегу, двѣ сойминки колышутся на водахъ озера, точно убаюкиваютъ кого-то. Жарко такъ, что янтарный потъ проступилъ даже на бревнахъ, сваленныхъ тутъ же на дворѣ. Дверь въ домъ отворена,—вхожу.... Въ горницахъ никого.

— Отецъ Парамонъ?!

— Кто, крещенный? слышится со стороны.

— Надобность имѣю до васъ.... Бѣда случилась.

— Какая еще бѣда? Въ дверяхъ показался обстоятельный мужичекъ въ подрясникѣ; умные глаза изъ-подъ сѣдыхъ бровей смотрятъ зорко; морщинки вокругъ расположились хитро: «меня, братъ, не надуешь», такъ и читаешь на этомъ лицѣ: «я тебя насквозь вижу». Клобукъ сползъ на бекрень, сивая борода растрепалась, видимо, со сна человѣкъ. Разсказалъ я ему свою бѣду. Пожевалъ, пожевалъ отецъ Парамонъ, вскинулъ на меня глазами....

— Изъ какихъ будете? По морю ѣзжали?

— Ѣзжалъ.

— Лодки не нужаетесь?

— Нѣтъ.

— Братъ Ѳедоръ! Эй, братъ Ѳедоръ?

Изъ другой комнатки вскочилъ мальченка въ бѣломъ холщевомъ подрясникѣ, тоже заспанный. На бѣгу скуфейку на лобъ натягиваетъ. Мальченка румяный, кровь съ молокомъ, видимо, валаамскіе хлѣба въ прокъ пошли.

— Ишь у тебя скуфья-то, словно чулокъ обмялась. Спишь въ скуфьѣ-то?

Тотъ со сна сунулся ему подъ благословеніе, носомъ въ грудь.

— Что тыкаешься! Пошелъ сейчасъ за Володькой, да за Иваномъ Гейной; знаешь, гдѣ сыскать Володьку?

— Онъ, отецъ Парамонъ, на пристани, пояснилъ я, поняв, что Володька, съ которымъ сейчасъ бесѣдовалъ, тотъ самый и есть.

— Гдѣ и быть ему.... Совсѣмъ сосудъ непотребный. Жилья не имѣетъ. На пристани и ночуетъ. Ты, братъ Ѳедоръ, поскорѣе зови ихъ сюда, да живо! Скажи, самъ отецъ Парамонъ наказывалъ!

Вздувъ сиуфейку, какъ слѣдуетъ, пузыремъ, мальчикъ бросился въ ворота.

— Какъ же вы хотите распорядиться, отецъ Парамонъ?

— А вотъ сейчасъ. Нужно поправлять ваше дѣло. Сегодня вечеромъ въ обители будете! Хорошо, что ко мнѣ пришли.... Вчера водворится плачъ и заутра радость!... О Господи, Господи, Господи!...

— Что это за Володька?

— Ссыльный у насъ тутъ, блуждающій.... Изъ Питера.... Онъ въ театральныхъ артистахъ былъ, — Треповъ его и загналъ сюда. Человѣкъ слабый, извѣстно.... На монастырь работаетъ, а потомъ пропивается.... Вотъ и не думалъ никогда вѣдь Богу послужить, а промыселъ-то Господень черезъ генерала Трепова и оказалъ себя. Вы книгу числъ читывали-ли? Тамъ это хорошо изображено: отлучи васъ Богъ отъ сонма Израилева и приведе васъ къ себѣ служити службы въ Скиніи Господни!... Да, а мы этого не понимаемъ. Только вотъ что, человѣкъ онъ слабый, этотъ Володька. Что у него еще на умѣ? У васъ денегъ съ собою много?

— Есть.

— Вы не показывайте.... Повезутъ они васъ въ лодкѣ.... Ограбятъ и въ воду бросятъ. Скажутъ: утопъ, и вся недолга.

— Ну, вотъ, вѣдь не одинъ онъ повезетъ меня.

— Будутъ и еще.. Да вѣдь по нынѣшнему времени какъ вѣрить? Скажите, пожалуйста, какой пронзительный, напримѣръ, этотъ господинъ Узатецъ.... При всѣхъ кавалеріяхъ, и вдругъ такая пакость!... Нынѣ трудно. Развѣ только на однихъ иноковъ и можно положиться, но и то потому, что подвижническое имутъ житіе и во всемъ благое поспѣшеніе, днемъ и нощію въ въ богоугожденіи труждаются, пищу же имутъ отъ рукъ своихъ!

Володька не замедлилъ явиться, но уже пьяный. Когда это онъ успѣлъ, понять не могу. Отецъ Парамонъ укоризненно покачалъ головою.

— Ей-Богу, отецъ, вотъ ни эстолько.... началъ было Володька, указывая на кончикъ мизинца.

— Не свидѣтельствуй ложно! Весломъ можешь?

— Могу.

— Ну, вотъ, дадите ему рубль и довольно! А еще при театрахъ въ артистахъ значился! Не стыдно?

— Это точно! Было наше время, прослезился Володька, было и прошло!

— Ты какимъ былъ артистомъ-то, по пѣвческой части? Отецъ Парамонъ, видимо, хвастался Володькой. Вотъ-де у меня какой экземпляръ.

— Нѣтъ, мы въ Маріинскомъ театрѣ капельдинеромъ стояли!

— Ну, вотъ-съ.... Изъ какого положенія и до чего дошелъ! А? Можно сказать, превознесенъ былъ и во прахѣ истлѣваешь! А? Какъ ты сказалъ?

— Капельдинеромъ.

— Вотъ, вотъ! Очевидно, отецъ Парамонъ не достаточно ясно понималъ это слово. — Съ какими господами ты, можетъ, компанію велъ, а? Куда бы ты произошелъ, а Богъ тебя по затылку,—смирись!

Володьку это проняло. Совсѣмъ въ минорномъ тонѣ заговорилъ:

— Не цѣнятъ здѣсь меня, вотъ что. Червь я, но тоже душу имѣю. У меня теперь двоюродный племянникъ въ Питерѣ — въ берейторскомъ званіи—фельдъ-егерскій офицеръ. Золотой погонъ и сабля при боку. Легко это мнѣ, а? Отецъ Парамонъ, ежели ему отъ самого государя императора указано шпоры носить, каково это мнѣ? Вотъ, отецъ Парамонъ.... вотъ онъ видите,—сейчасъ! Погодите, вотъ онъ. Я покажу....

Володька полѣзъ куда-то за пазуху, что меня крайне удивило, ибо состояніе его лохмотьевъ не допускало даже и мысли о пазухѣ. Пошаривъ тамъ, онъ вдругъ вытащилъ что-то красное.... Отступилъ назадъ, бережно поднялъ его пальцами обѣихъ рукъ, какъ святыню.... Оказались остатки краснаго капельдинерскаго жилета.

— Вотъ онъ, отецъ Парамонъ, легко это мнѣ? Вотъ я какой жилетъ носилъ, по положенію!... Высочайше, государя императора, утвержденный образецъ.... Форма, отецъ Парамонъ.... Отъ казны полагалось. Легко мнѣ теперь? Нѣтъ, вы мнѣ въ душу войдите. Теперь мое сердце, можетъ, злыя собаки рвутъ,—вотъ какъ мнѣ сладко, всхлипывалъ Володька! Опослѣ этихъ нурпуровъ и вдругъ ошметки, а?

Отца Парамона красный жилетъ, очевидно, сбилъ съ толку.

— Ну, что же дѣлать, былъ большимъ человѣкомъ, сталъ малымъ. Смирись.... Смиряющій себя превознесется.... И то будь доволенъ: прежде бы ты въ обитель и не заглянулъ, по своему званію работать на иноковъ за низкость считалъ, а нынѣ Господу труждаешься. И въ коемъ мѣстѣ, а? Мѣсто-бо на немъ же ты стоишь, земля свята есть!...

Но и безъ этого Володька обрѣлъ себѣ неожиданное утѣшеніе.

Въ келію ввалился на неуклюжихъ, толстыхъ и кривыхъ лапахъ финнъ, подслѣповатый, неумѣренно тупаго вида, лицомъ по пословицѣ: идетъ свинья изъ Питера вся истыкана.

— Здравствуй, Гейна! встрѣтилъ его от. Парамонъ.

Гейна бухъ ему въ ноги.... Поднялся и захохоталъ чему-то, причемъ маленькіе, бѣлесоватые глаза его совсѣмъ было пропали, а щеки соединились съ бровями.

— А все-таки я въ самомъ несчастіи своемъ чувствую себя человѣкомъ! вдругъ возвеселился Володька. Вотъ этотъ Гейна— развѣ онъ человѣкъ? Онъ—тварь, а я—человѣкъ. И что тамъ господинъ Треповъ не дѣлай, а все же я не Гейна. И Гейной онъ меня сдѣлать не можетъ.

— Ладно, нечего не путемъ болтать! перешелъ от. Парамонъ въ дѣловой тонъ. Нечего.... Вы вотъ что.... Братъ Ѳедоръ, спусти-ка лодку. Садитесь въ лодку, братцы, часъ назадъ отъ меня Юдинъ на сойминкѣ уплылъ домой. Но только онъ одинъ— далеко не уйдетъ. Должно быть гдѣ-нибудь въ салму залѣзъ и ждетъ повѣтера; *) какъ вы его догоните—скажите: отецъ Парамонъ приказалъ, вотъ, господина въ монастырь отвезти. Пожалуйте со мной! пригласилъ онъ меня въ другую келью.

— Какъ мнѣ васъ благодарить?

— Господа благодарите! Вы вотъ что.... Степанъ Юдинъ мужиченко хитрый.... Онъ съ васъ заломитъ. Вы ему скажите: от. Парамонъ болѣе пяти рублей не велѣлъ давать. Пистоль съ вами есть?

— Револьверъ.

— Ну, ливольверъ, все одно.... Рулемъ править умѣете?

— Умѣю.

— Садитесь къ рулю. Они всѣ будутъ передъ вами.... Ничего и не посмѣютъ. Не то что за спиной. Вы, этакъ, ливольверомъ поиграйте.... Вотъ-де что у меня есть. Пусть видятъ.

---

*) Повѣтеръ—попутный вѣтеръ.

Не съ голыми руками. Оно—Степанъ Юдинъ мужикъ надежный.... У него купецъ Тюменевъ даже сына крестилъ, а все-таки.... Ужъ на что господинъ Узатецъ—ерой и на линіи былъ, а какъ его діаволъ-то смутилъ.... Въ морѣ діаволъ еще сильнѣй, кругомъ вода—взяли за горло, ограбили и на дно.... Рыбамъ на пропитаніе! Ну, Господь съ вами.... Будете въ обители,—молебенъ отслужите!

Со столь утѣшительными напутствіями я и отправился въ дорогу.

II.

Шкерами.—Степанъ Юдинъ.—Ивовый промыселъ.—Купцы пьяные и купцы бѣглые.

Губа Ладоги передъ Сердоболемъ кажется озеромъ, когда нѣсколько отплывешь отъ города. Точно въ заколдованное царство попалъ. Кругомъ скалистыя вершины, до которыхъ не могла доползти цѣпкая зелень. Выходъ изъ губы заставленъ шкерами самыхъ разнообразныхъ очертаній. Лодка быстро скользитъ по голубому зеркалу тихихъ водъ, въ которыя смотрятъ и наглядѣться не могутъ пустынныя горы. Чистенькій полу-финскій, полу-корельскій Сердоболь точно сбѣгаетъ въ кучку на пологомъ мысѣ. Передъ нами два выхода. Одинъ—точно серебряная щель. За нею мерещится сумрачный просторъ Ладожскаго озера. Этою салмою или проливомъ идетъ пароходъ. Мы двинулись направо извилистымъ и заросшимъ осокой корридоромъ, между двумя гранитными стѣнами, на самомъ гребнѣ которыхъ нахмурился молчаливый лѣсъ. Вѣковыя сосны сползаютъ оттуда, цѣпляясь за каждую трещинку темнаго гранита. Солнце сегодня паритъ во всю: на свѣту вода зыблется точно расплавленное серебро. Стѣны шкеръ кое-гдѣ съуживаются; кажется, вотъ-вотъ сомкнутся и расплющатъ нашу жалкую лодченку. Изъ дѣнивой дремы неподвижнаго лѣса доносится порою меланхолическая пѣсня чернаго дрозда. Щель, по которой полземъ мы, кое-гдѣ перегорожена мерёжками. Только колышки торчатъ надъ водою,—видимо, по всей этой глухой окраинѣ идетъ теперь небогатый весенній ловъ. Гдѣ вода бѣжитъ яро,—по крутому склону или въ порогахъ,—тамъ бросаютъ тони. Семьями ловятъ,—одну такую мы встрѣтили на пути. Совсѣмъ сморщенный, точно мохомъ поросшій, старикъ и такая-же ветхая, вызеленѣвшая жена. Казалось, что они оба долго пролежали въ совсѣмъ сыромъ и хо-

лодномъ, темнемъ погребѣ, покрылись плѣсенью и теперь, выйдя, щурятся и не знаютъ, куда спрятать уже отвыкшіе отъ солнца глаза. Это были корелы.

— Что стóитъ тоня?! крикнули мы имъ.

— Какая тоня? удивились старики, для которыхъ и безъ того наше появленіе въ этой пустынной салмѣ было чудомъ.

— Да уловъ.... Сколько въ сѣть сберешь....

— Божій даръ! На рыбѣ цѣны нѣтъ. Какъ ее цѣнить?... Грѣшно и продавать такъ-то, прямо съ улова.

— Да вѣдь продаете же вы рыбу?

— То въ городъ.... Вотъ на ваше счастье закинемъ.... Не кормленое, не холеное,—всѣмъ она рыбка Божья идетъ!

Филемонъ и Бавкида заработали сѣтью. На поверхности воды, охваченной ею, забулькало.

— Щуку Господь посылаетъ. Ишь она полощется.

Одна какая-то сѣрая, большая рыба перекинулась черезъ край сѣти и уплыла прочь.

— Ушла! Ишъ ты, что человѣкъ, тоже понимаетъ. Нехочется ей въ уху-то.

Вся тоня оказалась, впрочемъ, весьма небольшою: пять щукъ да четыре окуня.

Выползли изъ щели, думалъ я, озеро раскинется открытое,— нѣтъ. Острова за островами. Шкеры выдвигаются одна за другою. За передними туманные силуэты, дальнихъ, а за этими какія-то синія неопредѣленныя массы, точно мгла тамъ лежитъ на водѣ. На нѣсколько минутъ открылся просторъ Ладоги. Бѣлесоватый подъ бѣлесоватымъ небомъ.... Спокойный, величавый.... Какое-то бѣлое крыло на немъ полощется: парусъ-ли олонецкаго промышленника или всплескъ волнъ надъ подводнымъ камнемъ,—не разберешь.... Нѣкоторые большіе острова сливались въ одинъ. Доплывешь до такого — щель, въ нее и скользишь. Иныя щели, какъ остріе ножа, блестятъ между громадными отвѣсами скалъ. Точно одинъ колоссальный утесъ подъ чьимъ-то чудовищнымъ ударомъ раскололся надвое.

— Красовитая наша сторона? обернулся ко мнѣ Гейна, вдругъ обрѣвшій даръ слова, которымъ до сихъ поръ онъ, казалось, вовсе не обладалъ.

— Вонъ онъ, вонъ онъ! забезпокоился артистъ Володька.

— Кто?

— Да Степанъ Юдинъ.

Впереди на берегъ вытащена большая лодка. Рядомъ, на самомъ солнцепекѣ, стоитъ какой-то корелъ. Несмотря на жару, на немъ полушубокъ.

— Степка.... шельма! оретъ во всю пасть Володька.

Но шельма, очевидно, ничего не слышитъ. Причалили,—давай растал̀кивать. Храпитъ себѣ во всю и даже повертывается съ нѣкоторою граціей.

— Ахъ ты, бестія, передъ такимъ господиномъ и вдругъ во всемъ своемъ невѣжествѣ. Пьянъ должно быть!

Наконецъ, Степка открылъ глаза.

— Вези на Валаамъ барина, усердствовалъ Володька.

— На Валаамъ—несогласенъ!

Артиста точно что-то озарило. Потянулъ носомъ, наклонился къ самому рылу Степки и еще разъ потянулъ.

— Мы на Валаамъ не согласны! опять было заснулъ Степка.

— Такъ и есть, подлая душа, ромомъ напился, настоящимъ ромомъ, съ завистью возопилъ Володька и даже руками всплеснулъ. Ну, ну, вставай! Ишь, подлецъ, настоящимъ ромомъ — девять гривенъ бутылка. Вставай!

— Не хочу.... У меня покосъ сегодня....

— Да отецъ Парамонъ....

Дѣйствіе этого имени было магическое. Степка Юдинъ встрепенулся и сталъ протирать глаза. Сна какъ не бывало.

— Ну, если отецъ Парамонъ — другое дѣло! Только, какъ будетъ угодно, я меньше десяти не возьму. Да еще къ себѣ въ деревню надо заѣхать.... Тутъ недалечко. У меня покосъ,—распорядиться треба.

— Когда же мы въ монастырь поѣдемъ?

— Къ ночи. Какъ нибудь будемъ. Посередь моря не встрянемъ.

Нечего дѣлать,—пришлось согласиться и на эти условія. До деревни Самоцали (моховой островъ), гдѣ жилъ Степанъ Юдинъ, было верстъ семь совершенно въ сторону. Я, впрочемъ, не раскаивался, что попалъ сюда. Не только самая деревня оказалась живописной (дома ея разбросаны на скалахъ, примостились, гдѣ попало), но и семья Юдина занималась въ эту минуту столь интереснымъ дѣломъ, что ему будетъ посвящена одна изъ слѣдующихъ страницъ. Къ сожалѣнію, дѣти Юдина были въ оспѣ, что не мѣшало выздоравливающимъ бѣгать въ однѣхъ рубашенкахъ и на босу ногу.

— Какъ же это ты отпускаешь ихъ такъ?

— А для ча не отпущать? У насъ по сей деревнѣ воспа.... Разитъ.

— Да вѣдь отъ одного и другіе схватятъ.

— А Господь захочетъ, такъ схватитъ. Отчего не схватить— будь спокоенъ.

Красивый ребенокъ, у котораго оспенная шелуха осталась только на груди и на рукахъ, выбѣжалъ ко мнѣ.

— Ишь, шельма, сахару хочешь.... Онъ, господинъ, у меня очень сахаръ любитъ. Дай дяденькѣ ручку. Ишь у него какая оспа, открылъ воротъ рубахи Степанъ. Дай ручку, дурашка, дай ручку.

Дяденька, которому въ это время предстояло пожать руку съ оспенными, заживающими раннами, былъ, разумѣется, въ очень интересномъ положеніи.

— Онъ у меня тюменевскій крестникъ. Богачъ крестилъ! Вотъ мы какъ.... Поцѣлуй, дурашка, дяденьку.... Вотъ такъ. Ну, теперь дяденька дастъ тебѣ сахару! Поблагодари дяденьку.

Какъ только сѣютъ хлѣбъ на этихъ поляхъ! То и дѣло видишь, какъ изъ-подъ сползшей почвы чернѣютъ лысины гранита. Чуть-чуть насыпано землицы; плугъ ее не береть, только о камень скребется.

— Плохая самая сторона наша, сообщалъ Степка,—своего хлѣба хватаетъ намъ отъ Кузьмы до Рождества, на три мѣсяца всего. Вотъ у меня: семья съ дѣтьми—восемь ртовъ, долженъ я имъ купить десять кулей муки, да податей съ меня рублевъ пятьдесятъ сойдетъ. Хорошо, хорошо, коли годъ-то влетитъ въ двѣсти двадцать рублей, а то и всѣ триста подай. Хоть гдѣ хочешь бери. Воруй,—либо съ голоду помирай. Вотъ наше дѣло какое неладное. Теперь куль-то четырнадцать рублей, а и всего-то его на три недѣли хватаетъ. Царапай камень, пожалуй, что онъ тебѣ дастъ?

— А урожай какъ?

— Да съ куля, если въ хорошее время, кулей десять, а обыкновенно—больше шести не собрать. Пожога *) запрещена. Надѣлъ у насъ самая малость,—на двѣ коровы лугу не хватитъ. Да еще какъ: мнѣ вотъ лужокъ отведенъ за тридцать верстъ, а лѣсъ мнѣ за тридцать пять отмежевали! Пользуйся. Такъ на

*) Пожога—выжиганіе лѣса подъ пашню.

свое и не гонишь коровы, а платишь по семи рублей за лѣто обители. Плохое, совсѣмъ плохое наше дѣло....

И Степка, какъ не былъ пьянъ, а зачесалъ голову.

— А ты казанскую сироту не пой! Не разжалобишь, вступился Володька.

— Кака-така казанская сирота?

— А вотъ что и ты же.... одна стать. Другимъ, дѣйствительно, конецъ смѣртный, а тебѣ слава Господи.

— Чѣмъ это?

— А купцы пьяные?

— Экъ обзавидовалъ чему. Съ ними-то навозишься. Однихъ ругательствъ сколько.

— А богомольцы бѣглые.... Зимняки?

— Это точно что....

— Ну, вотъ. А ты киснешь. Ему, господинъ, будемъ такъ говорить,—Богъ невидимо посылаетъ. Ѣдетъ зимой пьяный купецъ въ обитель спасаться отъ упоенія....

— Отъ чего?

— Отъ упоенія, потому они водку страсть жрутъ. Ну, ѣдетъ, разумѣется, черезъ Самоцали, другаго то пути нема, издали еще оретъ, живъ-ли Степка, а Степка тутъ уже, дѣло свое знаетъ, съ посудиной ждетъ. Сошелъ купецъ съ саней,—сичасъ Степкѣ въ ухо, а Степка ему въ ноги.... Умирать не надо. Помилуйте! Покуражится онъ у него дня три, бабъ, это, деревенскихъ, которыя получше, попортитъ. Ну, тогда черезъ Ладогу на Валаамъ отмаливаться, а Степкѣ четвертную.

— Ну, ужъ....

— А сколько тебѣ о прошлую зиму Жидкой отвалилъ?

— Дакъ за тожъ у меня и щеку-то съ его безобразія во раздуло.

— Ахъ ты, Степка, Степка! Господь тебѣ счастье посылаетъ, а ты—щека! Заѣлся! Да я бы ему и другую щеку подставилъ,—вали! Опять же, которые купеческіе сынки на смиреніе въ обитель отданы,—бѣгутъ.... Только монахи оплошаютъ, они сейчасъ черезъ Ладогу на Самоцали къ тому же все Степкѣ. Извѣстно, въ монастырѣ-то напостятся. Ну, тутъ сейчасъ разрѣшеніе вина и елея. Посвирѣпствуютъ дня три,—Степка, вези домой къ отцу. Ну, тотъ ихъ въ Питеръ, а родители, извѣстно, денежки за путину все тому же Степкѣ.

— Ну, тоже и отъ родителевъ имъ....

— Извѣстно, влетаетъ.... У купцовъ на этотъ счетъ никакого благородства.

— Сичасъ палку, и въ ухо! А я стою у дверей, гляжу.... Мнѣ что: мнѣ приказали везти, я и повезъ.

— Что говорить, большія поэтому случаю кровопролитія бываютъ.

— Двое опрошлую зиму изъ Валаама убѣгли, — сичасъ ко мнѣ. Ставь водку,—дѣвки пой! Натомились сердечные, потому отцы святые ихъ на исправленіе въ смолокурню загнали. Гони деготь! Шибко они съ этого самаго съ исправленія пьютъ. Иные даже до того, что образа человѣческаго надолго лишаются, ну, и языкомъ:—а да а, а словъ не могутъ. Словъ у нихъ нѣтъ! Одинъ пріѣзжалъ, такъ онъ такъ налился, что трое сутокъ по деревнѣ на корачкахъ ползалъ. Его въ избу, а онъ въ хлѣвъ наровитъ. Мычитъ коровой и въ хлѣвъ. Сѣно увидитъ, сѣно жретъ. Зовешь его: Иванъ Петровичъ, а Иванъ Петровичъ — ничего.... А по спинѣ погладишь,—тпрусь, бурка, тпрусь! Ну, и идетъ!... Разъ я въ Шлюшинъ на пароходѣ ѣхалъ: такъ одинъ послушникъ,—онъ съ войны, съ Егорьемъ, и духъ этотъ въ себѣ чувствуетъ,—сорвалъ съ головы скуфейку, сѣлъ на нее и кричитъ: настоящее ей мѣсто! а потомъ позвалъ кочегара, напоилъ его и надѣлъ ему скуфейку. Носи, говоритъ, чертъ съ ней! Чего жалѣть? Буфетъ весь скупилъ.

— Какъ это весь?

— Да такъ. Скокъ стоитъ—заплатилъ, а потомъ публикѣ. Ней, публика, въ мою голову! Жри, кто что хошь. За все плачено. Курилъ онъ это курилъ, а ужъ подъ Шлюшинымъ до чего докурился: давай, говоритъ, братцы, водку изъ моей скуфейки жрать.

— Ну?

— Ну, и жрали изъ скуфейки. Кто всю можетъ, тому онъ сичасъ три рубля, а кто не можетъ, тому за пазуху. Такое теперь мое желаніе, говоритъ, чтобы въ винѣ купаться! Хорошо?

— Эхъ! Кому жизнь, а кому.... вздохнулъ, не докончивъ, Володька.

Пока мы бесѣдовали объ упоительныхъ купцахъ и герояхъ войны, вдали слышалась какая-то молотьба.

— Что это у васъ? Для хлѣба бы, кажись, рано.

— Нѣтъ.... Это ивовую кору сушили, а теперь молотятъ.

— Для чего?

— Для кожи. Дубятъ корою. Бѣда съ ёй,—живьемъ ѣстъ пыль отъ нея. Я бы на такую работу ни за что не пошелъ. Съ известкой куда лучше. Теперь, сердобольскіе купцы сколько платятъ, чтобы кору-то изъ амбаровъ повытаскать да погрузить на суда! По полтинѣ въ день, а все охотниковъ мало.

— Отчего же пыль не сдуваютъ?

— Во! за нее-то и платятъ. Въ ей сила вся. Отъ ей и вѣсу тоже больше. Какъ въ Чекуши *) привезешь, сейчасъ глядятъ, есть-ли пыль. Тутъ окру́гъ всѣ деревни этимъ промысломъ заняты. Изо всѣхъ корку везутъ. Дѣло сбытчивое. Хоть и не на деньги, а все хорошо; мы на продухтъ мѣняемъ.

— То-то у васъ ива повывелась.

— Какая и осталась, такъ вся ободрана. Ну, а съ дерева, что съ человѣка, шкуру сдерешь,—помереть должно. Теперь всякую мелочь — кустики да прутики — и ту лупятъ. Годовъ пятнадцать назадъ по всей Ладогѣ ивы было — сила несосвѣтимая. Ну, а теперь мы ее одолѣли. Нѣтъ,—чисто!

— Почемъ же идетъ кора эта?

— Да нынче намъ товару даютъ на 55 коп. за пудъ коры. Цѣна хорошая, что говорить, только деревовъ мало. Нонѣшней весной ужъ такъ: найдутъ крошечку малую и сейчасъ ее драть. Этимъ и живутъ. Какъ весна, такъ новые прутики подымутся. А черезъ мѣсяцъ ихъ и званія нѣтъ! И весело же: дѣвки, бабы, старики, мальчишки—всѣ на промыслѣ на перегонъ, кто больше.

— Весело, весело, а больныхъ-то сколько съ этого?

— Больныхъ много. Потому, дѣло въ разливъ. По колѣно въ водѣ стоятъ. Иной посинѣетъ весь.... У насъ какъ промыселъ-то этотъ начался, пуще весною народъ мретъ. Соберутъ кору,—сушатъ ее на гумнѣ, либо на вѣтру держатъ, потомъ, какъ высохнетъ, ее въ ригу и молотить. А и молотить-то съ умомъ надо. На все своя наука.... Чтобы пыль не шла и чтобы вѣсу больше было, ее опять намочутъ. Песку сыплемъ, чтобы тяжелѣй была.

— Камни кладете! съязвилъ Володька.

— И камни кладемъ! совершенно спокойно согласился Юдинъ. Отчего не класть? Все больше выйдетъ. Камень—онъ тоже Божій. И ему честь, и намъ отрадно. Иной разъ на пудъ-то фунтовъ шесть помельче присыплешь.

---

*) Чекуши—подъ Петербургомъ.

— Кто же этимъ торгуетъ?

— А много! Въ Сердоболѣ, Кексгольмѣ, Имбилаксѣ купцы займаются. Больше всего Ситойненъ и Гаагенъ. Цѣлыя суда грузятъ коркой. Она легкая. На суднѣ ее до половины мачтъ.

— И опруживаетъ? *)

— Отчего, другъ любезный, не опружить. Господь вѣтеръ пошлетъ,—ну, и сойминка кузовомъ вверхъ, съ легкимъ сердцемъ опружитъ. Потому — перегрузъ. Одну опружитъ, другія пройдутъ! Такъ, братъ, и человѣкъ: одинъ помретъ,—другой выживетъ. Какъ кому!

— А ты сегодня ромъ пилъ? зло вскинулся Володька на Юдина.

— Пилъ.

— То-то! Самъ пьешь, а другимъ не подносишь.

— Никогда не подношу.... Потому, у меня деньги за ромъ плачены. Если бы краденный, ну, тогда бы поднесъ....

III.

Въ открытомъ озерѣ.—Буря.

Верстъ двѣнадцать плутали мы то впередъ, то назадъ по закоулкамъ и извилинамъ салмъ и заливовъ ладожскаго побережья. Да до деревни Самоцали отъ Сердоболя точно также плыли часа четыре. Наконецъ, послѣдняя шкера отошла назадъ и закуталась въ сѣрый туманъ. Впереди открытое озеро, я сказалъ бы море, потому что по своей глубинѣ и размѣрамъ Ладога болѣе заслуживаетъ это имя, чѣмъ какая-нибудь Азовская лужа. Берега на востокъ, сѣверъ и югъ даже и не мерещились. Спокойный и величавый просторъ окружалъ отовсюду смутные силуэты нѣсколькихъ острововъ, до которыхъ мало-мало было двадцать пять верстъ. Гребцы, какъ только увидѣли это марево, сейчасъ же шапки долой.

— Господи благослови!... Валаамъ!... И давай креститься.

— Дивное дѣло: посередъ озера живутъ себѣ монашки.

— Божьимъ произволеніемъ.

— Пресвятые, преподобные Сергій и Германъ чудотворцы валаамскіе, спасите насъ и помилуйте! усердствовалъ Степка. А жаль, братцы, водки я не захватилъ въ боченкѣ для вала-

*) Опруживаетъ-опрокидываетъ.

амскихъ старцевъ. Ноне есть охотники, по пяти рублевъ за посудину платятъ. Чудесно бы.... перешелъ онъ сразу въ совсѣмъ другой тонъ.

— А отецъ Стефанъ?

— Таможенный-то ихній. Я бы его живымъ манеромъ обманулъ.

— Надуешь?

— Къ низу лодки на веревкѣ боченочекъ,—и вези!

— Оно точно.... И плутъ же ты, Степка!

— Надо, братцы, хлѣбъ промышлять! Господи, Господи, монашки то!... И сколько святости тутъ этой!...

— Что это за таможенный монахъ? заинтересовался я.

— А иноки свою таможню здѣсь поставили, чтобы богомольцы отнюдь не возили вина и табаку въ монастырь. Строгая у нихъ таможня. Въ портки залѣзаютъ, сапоги скидовать приказываютъ. Все выищутъ.

— А отецъ Стефанъ кто же?

— Главный ихній надсмотрщикъ. Монахъ праведный, строгій монахъ. Ни водки, ни табаку не потребляетъ.

— Семь верстъ скрозь землю Стефанъ этотъ видитъ. Вотъ онъ какой! И чинъ на немъ поэтому не малый—іеромонахъ.

— Такъ-таки и нельзя провозить водку?

— Какъ нельзя. Только трудно и опасно. Потому, если поймаютъ, дороги въ монастырь не будетъ, а мы обителью кормимся.

Сѣроватое освѣщеніе было какъ разъ подъ стать этому недвижному простору. Жары какъ не бывало. Все небо затянуло не тучками, а какими-то бѣлыми, сквозными крыльями, словно милліоны ангеловъ пролетали надъ безбрежьемъ и гладью Ладоги. Кое-гдѣ по зеркалу ея бѣжали бороздки отъ лѣниво поднявшагося вѣтра. Но и онъ, точно уставая, приникалъ къ теплой водѣ и засыпалъ на ней.... Изрѣдка передъ нами подымалась изъ воды черная, круглая, усатая голова тюленя.... Степка Юдинъ свисталъ какимъ-то особеннымъ способомъ, и нерпа еще раза два-три ныряла изъ озера по направленію къ нашей лодкѣ... Вода и небо... И то, и другое—оба вѣявшія на насъ невозмутимою, благоговѣйною тишиной. Невольно воображеніе рисовало нашу планету, когда она носилась въ пространствѣ, вся покрытая водою, когда земля еще не отдѣлялась, и, по преданію, духъ Божій носился надъ молчаливымъ, единымъ океаномъ, когда все разнообразіе являлось только въ переливахъ освѣщенія. Солнце восходило и заходило

тогда надъ безжизненною планетой, играя на гребняхъ валовъ и золотя густыя облака. Безжизненною! Вѣрно-ли это? Можно-ли опредѣлить тотъ предѣлъ, гдѣ кончается жизнь и начинается механическое движеніе? Мы, впрочемъ, не будучи свидѣтелями первыхъ дней творенія, любовались теперь на удивительные эффекты освѣщенія. Когда солнце, закатываясь, вышло изъ-за бѣлыхъ крыльевъ безчисленныхъ ангеловъ, весь безбрежный просторъ раздѣлился на три сливающіяся по краямъ полосы. На западѣ точно зыблется пламя, точно оно струится багряное по тихимъ водамъ, мало-по-малу блѣднѣя, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ озера, и переходя въ бѣлесоватые, а потомъ и совсѣмъ стальные тоны. Вся восточная окраина Ладоги отъ очистившагося надъ нею вечерняго неба казалась зеленоватой....

Нѣсколько уже часовъ плыла наша лодка, мѣрно разсѣкая воду; наконецъ, скучно стало.

— Скоро-ли?

— А вотъ, когда этотъ островъ, указалъ Степка на одинъ изъ силуэтовъ валаамскаго архипелага, зайдетъ за тотъ,—будетъ половина.

— Тоска!

— Тутъ, баринъ, затоскуешь. И монастырь такой, и озеро такое.... Тутъ истомитъ, будь спокоенъ.

— Съ праведной-то жизни либо въ кабакъ, либо утопишься! замѣтилъ на это Володька.

— А въ рай....

— Ну, еще чего.... Рай не про насъ.

Берегъ позади уже чуть видѣнъ. Едва-едва каймится. Валаамъ замѣтно ростетъ передъ нами. Ужъ теперь можно отличить, что это берегъ лѣсистый. Весь синій, онъ нѣсколько мраченъ, какъ и сама обитель. Въ синевѣ поблескиваетъ, точно затерявшаяся въ пространствѣ искра, куполъ Никольскаго скита и мерещится бѣлымъ пятномъ соборъ самаго монастыря. Я держу руль прямо между ними, совершенно забывъ совѣты премудраго отца Парамона. Мои путники не только не внушаютъ недовѣрія, напротивъ, наперерывъ дѣлятся со мною скудными свѣдѣніями о Валаамѣ.

— А что здѣсь часто бываютъ бури?

— Вона! Наше озеро съ полнымъ удовольствіемъ. Какая лодка-сойминка, самая праведная, какъ ни грузи, таково-ли волной и безъ бури захлещетъ, бываетъ! Тутъ вотъ сколько нашихъ

сойминокъ тонуло, — страсть. Тыщи! Это только слава, что озеро—морю не уступитъ. А зимой.... Тоже мы ѣхали.... Эконома валаамскаго я изъ сердобольской ярмарки везъ. Поднялась мзга.... Вѣтромъ ледъ рямитъ. Трескъ.... Вода скрозь, — поло ужъ все. Ѣдемъ по льду, а насъ волна гонитъ. Отецъ Алексѣй всѣ молитвы, какія зналъ, прочелъ. «Господи, что будетъ съ нами?»—А что Богъ дастъ, отче, говорю. «Назадъ бы, Степушка».... Повернулъ я назадъ, а тамъ ужъ волны въ сажень ходятъ. Какъ добрались,—непомню, оглушило. Настоящее страженіе.

Какъ просторъ Ладоги развиваетъ зрѣніе. Я и въ бинокль едва могъ разсмотрѣть какіе-то острова, а Степка Юдинъ опредѣлилъ, на какомъ именно изъ нихъ его братъ сѣно беретъ.

— Вонъ глико.... Лодочка малая намъ увстрѣнъ.

— Ничего не видать. Въ бинокль тоже.

— Эхъ, баринъ, ваши бинки эти ничего не стоютъ.

Подъѣхали еще версты двѣ. Дѣйствительно, лодочка ползетъ на насъ.

— Кого несетъ? кричатъ оттуда.

— Барина.

— Давно-ль Степка въ баре произошелъ? Ишь, вороватая душа. Ахъ ты, песья муха, и впрямь барина везетъ. Отколь зацѣпилъ?

— Съ Сердоболя.

— И судьба же этому Степкѣ! Никому, окромя его, не достанется. Поди, пятерку слупилъ?

— Не, десятку! торжествовалъ Юдинъ, нисколько не стѣснялся моимъ присутствіемъ.

— Ну, и прокудимъ! И что это за мужиченка у насъ Степка.... Поколѣть бы те безъ попа, неслась уже сзади любезность гребца корела.

— Сожри тебя Ладога!

И пошли трехъ-этажныя слова летать по вѣтру изъ одной лодки въ другую....

Не успѣли мы проплыть версты, какъ съ запада вдругъ побѣжалъ вѣтеръ. То все былъ попутный, а тутъ чуть съ одного не перевернулъ нашу сойминку, точно желая оправдать только что сдѣланную рекомендацію Ладоги.

— Держи руль! Убирай парусъ! вдругъ взялъ въ свои руки командованіе лодкой еще недавній Степка.

Володька и Гейна схватились за дѣло. Новый порывъ вѣтра вырвалъ у артиста весло, едва догнали, причемъ Володька не только получилъ отъ Степки затрещину, но и перенесъ оную съ истинною христіанскою кротостью.

— Правѣй руль! Правѣй! Круче! Опружить! оралъ на меня Степка во все горло, точно стараясь перекричать вѣтеръ.

Паруса, пока ихъ убиралъ Гейна, хлестали намъ въ лицо, завертывались вокругъ мачты, вырывались изъ рукъ и, какъ крылья чудовищной птицы, раскидывались въ воздухѣ, чтобы тотчасъ же зашлепать во всѣ стороны. Вѣтеръ теперь уже ревѣлъ кругомъ, кидаясь направо и налѣво, вертясь на мѣстѣ, какъ одержимый пляскою святаго Витта, то припадая къ волнамъ, то взрываясь къ самымъ облакамъ. Волненія еще не развело, но вихрь уже вырывалъ бездны—воронками, въ которыя стремглавъ летѣла наша лодка, чтобы тотчасъ же подняться на новомъ, выросшемъ подъ нею, хребтѣ.... Обшивка сойминки трещала и стонала, какъ живая, точно жалуясь на удары, сыпавшіеся на нее отовсюду.

— Кабы не разломило! заботливо оглядывалъ ее Степка.

— А что, жидка?

— Да наше дѣло скорбное. Нужда такая ѣстъ насъ поѣдомъ. Гдѣ исправную лодку завести!

И при этомъ, въ видѣ знака препинанія, трахъ Володьку по уху.

Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что руку рвало отъ руля. Приходилось держать его обѣими. Я уже проклиналъ и отца Парамона, посовѣтовавшаго этотъ способъ путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, куда какъ интересно потонуть посреди Ладоги, да еще такъ, что никто и не узнаетъ, куда ты дѣвался и что съ тобою было. Облака быстро неслись, то открывая бѣлыя пятна беззвѣзднаго сѣвернаго неба, то скучиваясь темными массами. Гдѣ-то ударило громомъ, молнію мы пропустили, за то вдругъ рядомъ струя небеснаго огня неожиданно скользнула въ волны, и стихійный трескъ раздался надъ нами. Казалось, что твердь небесная, повинуясь чьему-то могучему слову, разсѣлась надъ этимъ могучимъ, бунтующимъ озеромъ.

— Ну, братъ Юдинъ, плохо!

— Чего хуже! Читай молитву преподобному Герману. Онъ помогаетъ. На свою силу надежда плоха.

— Куда править-то?

Острова слились въ одинъ. По этому признаку заключали, что осталось до скита Никольскаго пять верстъ.

— Теперь, коли будешь держать вѣрно, мигомъ донесетъ.

— А если съ курса собьюсь?

— Ну, тогда на дно къ рыбамъ!

Выбора не было. Къ счастію, направленіе взято, какъ слѣдуетъ. Вѣтеръ не давалъ у острововъ скопляться туману, и соборъ былъ видѣнъ отлично сквозь брызги волнъ. Иногда его заслоняли бѣлые, косматые гребни, которые подымались передъ нами, точно заглядывая въ лодку, что тамъ? Насъ уже захлестывало. На днѣ лодки билась вода. Черпать ее было некому. Дай Богъ справиться съ веслами....

— Зальетъ?

— Какъ Богъ! Видишь самъ: ничего не подѣлать. Держи руль.

Володька нѣсколько оправился.

— Вижу я, братъ Степка, ты у насъ мужчина безъ всякой причины.

— Это какъ?

— Да такъ. Молодецъ! Ишь управляешься какъ.

— Это что за островокъ видѣнъ? показываю я, высовывавшійся передъ однимъ концомъ Валаама, не то утесъ, не то тамъ клочекъ земли.

— Кабакъ!

— Какъ кабакъ?

— Такъ. Тутъ у монаховъ много острововъ малыхъ. Кабаками зовутся.

— Да ради чего же?

— Должно быть водкой прежде торговали. Ну, и кабакъ.

— Никогда не торговали! вступился Володька.

— Ты знаешь!

— Я знаю. А это, видите-ли, монашествующимъ, какъ ангельскому чину, водки отнюдь не полагается. Они, иноки-то, о водкѣ и скорбятъ. Потому, всякій малюсенькій клочекъ земли имъ кабакомъ кажется. Спятъ и видятъ. Стоитъ-де, сердечный! Ну, и легче имъ. Тоже тварь земная вѣдь!

Подъ свистъ вѣтра, подъ грохотъ бури, подъ крики гребцовъ сумрачно выросталъ Валаамъ. Вонъ и проливъ видѣнъ. Огонекъ по немъ скользитъ. Это монашескій пароходикъ двигается тамъ. Затишье въ этихъ салмахъ. Вѣтеръ и буря не проникаютъ въ

ихъ тихія пустыни, защищенныя крутыми и гористыми берегами. Глазъ не оторвать оттуда.... Какъ бы доплыть скорѣй, скорѣй уйти изъ-подъ этой бури, изъ этого хаоса, въ которомъ не различаешь, гдѣ кончаются тучи, гдѣ начинаются волны, вѣтеръ-ли это бьетъ въ лицо, или брызги съ гребней вспѣненныхъ волнъ срываются и несутся на встрѣчу.

— Давай ходъ! покрикиваетъ Степка. Давай ходъ! Перредъ!...

Никольскій скитъ все ростетъ и ростетъ передъ нами. Вотъ его красная кирпичная церковь, точно сторожевая крѣпость монастыря. Не мы бѣжимъ къ берегу, а точно берегъ бѣжитъ на насъ. Пришлось перевалить руль налѣво, чтобы не наскочить на утесы. Еще минута, и берегъ набѣжалъ, и наша лодка, вся мокрая, точно вспотѣвшая, недужно и устало покачивается въ тихой салмѣ. Буря осталась позади. Тамъ за очарованнымъ кругомъ бѣсятся и злобствуютъ стихійныя силы зла. Милліоны демоновъ орутъ въ безсильной ненависти, но имъ не дано проникнуть въ этотъ мирный уголокъ.

— Слава тебѣ, Господи! Пристали!

— Вотъ и таможня. Сейчасъ осмотръ будетъ.

Гейна и Володька зашушукали, дѣлая какія-то таинственныя движенія въ лодкѣ.

— Таможня, выходи! заоралъ Степка.

Но въ келіяхъ скита темно. Ни шороха, ни движенія кругомъ.

— Поплывемъ такъ дальше, предложилъ я.

— Нельзя.

— Почему?

— Порядокъ такой у нихъ. Нужно отсюда билетъ представить, что у насъ ничего нѣтъ. Тогда и въ монастырь пустятъ. А безъ билета назадъ прогонятъ. Отецъ Никандра у нихъ гостинникъ строгій. Онъ, братъ, турнетъ.

— Отецъ Стефанъ! опять заоралъ Степка.

Въ одномъ изъ оконъ скита засвѣтился огонекъ. Спустя минуту, огонекъ точно сбѣжалъ внизъ и пошелъ намъ на встрѣчу. Еще минута, и за ручнымъ фонаремъ обрисовалась высокая стройная фигура молодаго монаха.

— Вотъ и таможня. Сейчасъ начнется.

IV.

Монастырская таможня.

Пока я всматривался въ сумрачные очерки монастыря, у креста, стоявшаго на берегу, шелъ подробный допросъ. Отецъ Стефанъ оказался дѣйствительно докой.

— По правдѣ, братцы, нужно жить по правдѣ.

— Точно, отецъ Стефанъ! совался къ нему Володька подъ благословеніе.

— Погоди, чего тычешься? На все время. Дай свою должность исполнить, а потомъ и благословлю, коли будешь стоить.

— Помилуйте, святой отецъ, я за эту за самую за правду въ какое положеніе произошелъ. Генералъ Треповъ теперьче говоритъ....

— Не таратoрь! Нѣкогда мнѣ съ вами. Ну, такъ, братцы, по совѣсти будемъ: есть у васъ что, или нѣтъ?

— Нѣтъ! Помилуй, распинался Степка, развѣ я въ первый разъ.

— Ну, то.... Такъ ничего? Безъ правды, ребята, плохо.

— Вотъ какъ передъ истиннымъ!

— Папиросъ, табаку?

— Нѣтъ, и не пахнетъ. Степка, для пущаго убѣжденія, вывернулъ карманъ и, держа его въ рукахъ, сунулся къ монаху.

— Не егози.... Водки нѣтъ?

— Нѣтъ и званія. Помилуйте, при этакой святости и вдругъ водка. Да мы за недѣлю въ ротъ ничего не беремъ.

— Ну, выходи всѣ изъ лодки.

Лица у моихъ гребцовъ вытянулись. По разспросамъ отца Стефана они было думали, что обыска не будетъ, а тутъ какъ нарочно.... Пожалуйте къ разсчету.

Въ пустую лодку вошелъ монахъ и давай шарить. Во всѣхъ углахъ, каждую дощечку поднималъ, въ каждую щель запускалъ пальцы.... Володька съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ, волнуясь каждый разъ, какъ отецъ Стефанъ подбирался къ правому борту.

— Найдетъ, а? шепотомъ спрашивалъ онъ у Гейны.

— Нэ, отрѣзалъ тотъ, совершенно спрятавъ свои глаза.

— Ахъ, найдетъ! Вотъ, вотъ.... Нашелъ!...

И Володька забезпокоился.

— Это, отецъ Стефанъ, невзначай, ей-Богу невзначай! Самъ забылъ....

— Вотъ и видно, что не по правдѣ живешь! Ишь плутовство-то у тебя.... Оказываетъ!.... Въ то же время отецъ Стефанъ не только бросалъ въ воду, но и рвалъ пачки съ папиросами. Полѣзъ въ корму....

— Это еще что? Нюхальный табакъ, а?

— Для всенощнаго бдѣнія! солидно объяснялся Степка. Плоть немощна. Такъ чтобы не заснуть.

— Когда всенощныя бдѣнія-то бываютъ, развѣ нынче? Да тебя въ церковь-то и не загонишь, знаю тебя. Экой ты склизкій мужикъ, Степанъ.

— Помилуйте, я это для храма Божьяго.

— Табакъ-то для храма? не по правдѣ живете, нѣтъ въ васъ правды!

Обыскалъ лодку. Гребцы было полѣзли въ нее.

— Стой, стой! Степанъ подходи!

Схватилъ шапку, ощупалъ, надѣлъ на голову ему, потомъ подъ мышки запустилъ руки, за пазуху.... И вдругъ, когда Степанъ менѣе всего ожидалъ этого, таможенный монахъ схватилъ его за голенища.

— Это что? вытащилъ онъ маленькую бутылочку.

— Лѣкарство. У меня дѣти въ воспѣ, такъ изъ города.

— Ишь какое лѣкарство,—ромомъ оно у тебя пахнетъ. Хорошій медикаментъ....

— Не бросайте, отецъ Стефанъ, ради Христа! кинулся къ нему Володька.

— Ну?

— Зубы у меня.... Стрась.... Дозвольте, я сейчасъ только прополощу зубы.... Болятъ....

— Ахъ ты, сѣмя злое! Вотъ, господинъ, на какія штуки пускаются, а! озлобленно обернулся монахъ ко мнѣ,—и трахъ бутылку о земь.

— А и ромъ-то какой былъ! вздохнулъ Юдинъ, повидимому, забывъ о лѣкарствѣ.

Настала очередь Володьки.

— Ну, ты парень жохъ! И давай его теребить, куда только не попадали руки отца Стефана,—я ужь и не знаю. Бѣднягу онъ чуть не до гола раздѣлъ. И въ портянкахъ посмотрѣлъ даже.

— Видите,—задарма обижаете! оскорбленнымъ тономъ заговорилъ было Володька, но отецъ Стефанъ въ это время вытащилъ у него изъ рукава пачку сигаръ, которую тотъ перекидывалъ изъ руки въ руку.

— Задарма! ломалъ онъ сигары.

— И какъ они туда попали,—убей не знаю! невинно удивлялся Володька, причемъ его глупый толстый носъ казался еще глупѣе.

Гейна вышелъ чистъ, какъ младенецъ. На этомъ неповоротливомъ кускѣ мяса и костей даже и не отразилось ничего.

— Вотъ хоть и лютеръ, а правду знаетъ! похвалилъ его отецъ Стефанъ.

Гейна, ковыляя, какъ утка, пошелъ въ лодку.

— Ревизоръ! злобствовалъ Володька, отчаливая.

— Да, ужъ червемъ вездѣ выползаетъ! негодовалъ Степка, глядя на оборванныя папиросы, плававшія по салмѣ.

— А я свой схарнилъ! вдругъ торжественно изрекъ Гейна и вытащилъ на шнуркѣ привязанную у кормы снаружи пачку сигаръ и папиросъ.

— Ахъ, ты тварь! Смотрите, глупъ-глупъ, а что придумалъ. Какъ это тебя умудрило, а?

Монахи, разумѣется, немногіе, на Валаамѣ съ наслажденіемъ бы покупали водку, да негдѣ. Присмотръ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго, вездѣ самый строгій. По всѣмъ берегамъ и островамъ точно кордонъ. Это, разумѣется, созданіе отца Дамаскина, который пристально слѣдилъ за прекращеніемъ торговли водкою повсюду, гдѣ только живутъ валаамскіе иноки.

Сумракъ густится. Мы опять полземъ проливомъ. Издали изъза лѣснаго царства мелькаютъ главы церквей, какія-то башни, куполы. Гдѣ-то бьетъ колоколъ. Звуки далеко разносятся по спокойнымъ водамъ.

— Да, братъ, тутъ пьянымъ не напьешься!

— Развѣ на пароходѣ, въ буфетѣ....

— Одинъ богомолецъ тутъ былъ—смѣхъ.

— А что?

— Ѣдетъ на Валаамъ,—напьется, съ пьяна въ Сердоболь попадетъ, потому на Валаамъ пьяныхъ съ парохода не пускаютъ. Ѣдетъ изъ Сердоболя,—опять пьетъ, везутъ его въ Питеръ. Такъ онъ безъ мала мѣсяцъ чертилъ и ни разу на Валаамъ попасть не могъ.

Бѣлый соборъ монастыря плаваетъ надъ лѣсными вершинами. Въ сумракѣ всѣ очертанія дѣлаются полувоздушными.... Лодка пристаетъ къ берегу.... Громадное зданіе гостинницы вверху. Вездѣ все пусто. 12 часовъ ночи.... Обитель спитъ. Ни въ одной кельѣ не мерещится огонекъ.

— Ну, отца Никандра будить теперь!

И мы двинулись въ монастырскую гостинницу.

V.

Валаамъ во времена оны.

Валаамъ издревле служилъ жрецамъ и попамъ всевозможныхъ культовъ. Въ глубокой древности здѣсь было главное капище Велеса или Волоса и Перуна. Изо всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, съ отдаленнѣйшихъ береговъ озера Нево, какъ тогда называлась Ладога, сюда сходились на поклоненіе языческіе пилигримы. Камни алтарей не разъ орошались здѣсь кровью человѣческихъ жертвъ и, брызгая ею въ лица богомольцевъ, жрецъ священнодѣйствовалъ съ тѣмъ же глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, съ какимъ въ послѣдствіи византійскіе попы жгли въ срубахъ старообрядцевъ и расколоучителей. Какъ видите, попъ византійскій, въ этомъ отношеніи, мало чѣмъ отличался отъ попа Велесова. Служенію языческимъ богамъ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовала сумрачная природа острова, таинственныя убѣжища его гранитныхъ трущобъ, дремучіе лѣса, въ которые не всякій входилъ безбоязненно. Отъ культа Велесова произошло и самое названіе острова. Оно распадается на два слова: мо-земля (по-корельски) и Валъ-Ваалъ, Велесъ, т. е. Валъ-мо—земля Велесова. Мѣстное преданіе, которому серьезные историки не особенно вѣрятъ, говоритъ, что св. апостолъ Андрей Первозванный, просвѣтитель Скифовъ и Славянъ, изъ Кіева добрался до Новгорода, а отсюда по рѣкѣ Волхову до Ладожскаго озера. Доплывъ до Валаама, онъ тотчасъ же занялся истребленіемъ капищъ и идоловъ,—дѣло, за которое ни одно археологическое общество его бы не поблагодарило. Къ сожалѣнію, преданіе не объясняетъ, во главѣ какой рати прибылъ сюда святитель, и дѣйствія его среди чуждаго ему населенія не походили-ли на современныя намъ взысканія податей и недоимокъ ретивыми становыми и исправниками? Рукопись «Оповѣдь» говоритъ, что Андрей Первозванный, «Ладогу оставя, въ ладью сѣвъ, въ бурное, вращающееся озеро на Валаамъ пошелъ,

крестя повсюду и поставляя ревностно по всѣмъ мѣстамъ кресты, каменные». Вслѣдъ затѣмъ, о Валаамѣ свидѣтельствуетъ опять-таки «Оповѣдь». По словамъ этой рукописи, Сергій преподобный сюда завернулъ, многія Очеслава монеты, подъ названіемъ столпцы, взялъ, «кстати и Гуруслава монеты-лепешки золотыя— прихватилъ». Далѣе видно, что Валаамъ управлялся вѣчемъ и оказывалъ покровительство даже знатнымъ иностранцамъ. Такъ, напримѣръ, «въ тѣ жъ времены Дрегоичей посадникъ Жлотугъ укрылся отъ Каракаллы, императора римскаго, на Валаамъ.» Любопытно, какое имѣлъ отношеніе Каракалла къ Валааму и какимъ это образомъ у римскаго императора оказались посадники?

Жизнь иноческая началась здѣсь ранѣе св. равноапостольнаго князя Владиміра. А въ 960 году здѣсь уже было монастырское братство съ игуменомъ во главѣ. Такимъ образомъ, валаамскіе старцы правы, говоря, что здѣсь на каждомъ камнѣ слеза лилась и подъ каждымъ деревомъ молитва возносилась. Основалъ здѣсь иночество Сергій чудотворецъ. О немъ извѣстно только одно: Сергій былъ «изобразитель» и окончилъ жизнь въ пещерѣ нѣкоего Вага. Онъ окрестилъ какого-то Мунга, назвалъ его при семъ удобномъ случаѣ Куартомъ. Потомъ отъ восточныхъ странъ притекъ сюда св. Германъ, коего «слезъ струи приснотекущія, постъ, бдѣнія и труды, предѣлъ естества превосходящіе».

— Они у насъ изстари прорицали и чудеса многія творили, пояснилъ мнѣ инокъ, показывая раки преподобныхъ. У насъ на сей предметъ и молитва есть такая удобопроизносимая и благопотребная. Богомольцы въ молитвѣ сей взываютъ и глаголютъ: «вы бо въ недузяхъ явистеся цѣлители, по морю плавающимъ кормчіи и утопающимъ благонадежное избавленіе и отъ всякаго смертоноснаго нашествія хранители, паче же отъ духовъ нечистыхъ свобожденіе, и всякихъ навѣтомъ содержимыхъ очищеніе и помощь!»

— А теперь чудеса бываютъ у васъ?

— Чудеса мнози, сколько хочешь, только вѣруй. Все чудо: гора стоитъ,—чудо, лѣсъ на камнѣ ростетъ,—предивно. Птица летитъ и то чудо, ибо ежели бы Господь не повелѣлъ ей летать, быть можетъ, она бы и плавала, какъ Левіофанъ-рыба, или ползала, какъ змѣя гадюка.

Я, разумѣется, постарался поскорѣе отдѣлаться отъ толкованій премудраго старца.

Исторія Валаама затѣмъ повѣствуетъ о нѣкоемъ блаженномъ Аврааміи чудотворцѣ, изъ града Чухломы. Родители его были невѣрны и онъ по-чухломски (какой это еще языкъ?) назывался Ивѣрикъ. Восемнадцать лѣтъ онъ лежалъ разслабленный на одрѣ своемъ и, узнавъ о Христѣ Іисусѣ, помыслилъ: убо помилуетъ-ли мя когда? И се внезапу почувствовалъ въ себѣ силу, нашедшую нань, и нача превращатися сѣмо и овамо, и рукама, и ногама, пресмыкаяся, владѣти и возста здравъ. Затѣмъ онъ отправляется въ новгородскіе предѣлы, прославляетъ имя Божіе и на Валаамѣ постригается, причемъ новоотрожденный тотъ мужъ воспрія и зельнѣйшее богоугодное тщаніе. Потомъ Авраамъ дѣйствовалъ по общей программѣ: статуевъ чудесно сокрушалъ, вѣру распространялъ, тьму идолобѣсія разсѣвалъ и дьявола посрамлялъ неоднократно.

— Неужели не осталось болѣе точныхъ свѣдѣній о доисторическихъ временахъ Валаама? спрашивалъ я у братіи.

— Должно быть есть въ финскихъ и шведскихъ архивахъ.

— Что жъ вы не приложите старанія разработать ихъ?

— Во-первыхъ, по невѣжеству нашему языковъ этихъ не понимаемъ, а во-вторыхъ, что возможно, дѣлали. Когда одного извѣстнаго историка отправили въ Гельсингфорсъ, то отецъ Дамаскинъ послалъ пятьсотъ рублей на разработку архивныхъ свѣдѣній о Валаамѣ.

— Ну, и что же?

— А деньги прикарманилъ, свѣдѣній же никакихъ, по слову писанія, «не даде».

Инокъ сообщилъ мнѣ при этомъ извѣстную фамилію одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ историковъ, уже умершаго.

Второй періодъ исторіи Валаама, съ 960 до 1715 года, полонъ превратностей, раззореній, истребленій. Монастырь то оказывался въ развалинахъ, то возникалъ вновь въ еще пущемъ блескѣ. Прежде всего въ XI вѣкѣ его раззорили шведы и повторяли потомъ это занятіе съ настойчивостью и злобой неимовѣрной. Въ 1578 году они, напавъ на обитель, прирѣзали 18 достоблаженныхъ старцевъ и 16 послушниковъ, «тщась о распространеніи ереси Лютеровой». Въ 1581 г. на островѣ былъ моръ, истребившій и старцевъ и послушниковъ, а что осталось отъ мора, то опять попало въ лапы къ шведамъ, которые въ третій уже разъ сожгли обитель. Иноки разбѣжались по лѣсамъ и на версѣ горъ, среди пустыни поставили свои малыя келейки. Въ 1595

году, передъ самымъ миромъ, монастырь вновь былъ раззоренъ шведами. Въ томъ же году былъ заключенъ миръ, и Россіи возвращена вся ея древняя новгородская собственность. Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ возобновилъ обитель.

— Въ другихъ монастыряхъ иноки во время нападеній защищались. Въ Соловкахъ, напримѣръ, въ Святыхъ горахъ.

— А у насъ нѣтъ. Потому, мы прельщаемъ кротостію и уловляемъ смиреніемъ. Меча валаамскіе иноки не обнажали и крови не проливали.... Не подобаетъ! Наши латы—вотъ, взялъ онъ себя за рясу. Они ото всего свободятъ.

— Однако, какъ шведы васъ-то били.... Коли бы вооружились, менѣе бы васъ погибло.

— Эта погибель во спасеніе. Другіе монастыри-то падаютъ и разрушаются, а мы молитвами убіенныхъ и доселѣ красуемся. Вотъ вы и разсуждайте, что выгоднѣе, вооружаться, либо голову подъ ножъ.... Дѣло, за которое кровь пролилась,— дѣло прочное. Глубокіе ростки пускаетъ оно, и не скоро ихъ вырвешь вонъ. Дурная трава ничѣмъ не полита, ни кровію, ни потомъ. Оттого она годъ и живетъ.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго иноческая жизнь такъ развилась на Валаамѣ, что избытокъ монашествующихъ перешелъ на матерой берегъ, и въ одномъ только пунктѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Сердоболь, основалось двѣнадцать скитовъ. Рай инокамъ былъ на Ладогѣ: все вокругъ принадлежало имъ, такъ что въ XV и XVI столѣтіяхъ Валаамъ называли уже не иначе, какъ честною и великою лаврою. Вся корела, даже и Кексгольмская, была православной. Въ духовномъ отношеніи монашество болѣе соотвѣтствовало своему идеалу, чѣмъ нынѣ, когда бо́льшая часть его силъ устремлена на развитіе промышленности, но никакъ не на подвижничество. Богатства обители росли. Къ ней были приписаны деревни, подворья, соляныя варницы.

— Да, тогда обитель была воинствующей и торжествующей! вздохнулъ монахъ, бесѣдовавши со мною.

— А теперь?

— И нынѣ хорошо, и нынѣ домъ Божій не оскудѣваетъ, только шведъ тѣснитъ.

— Какой еще шведъ? изумился я.

— Ну, все равно, чухна финская. Два острова у насъ оттягали. И то обидно еще, что мы православные иноки, а подъ княжествомъ финляндскимъ состоимъ.

Мы въ нашемъ очеркѣ минуемъ всевозможныхъ строителей, игуменовъ и гостителей монастырскихъ. Для насъ гораздо болѣе цѣнности имѣли бы свѣдѣнія объ отношеніяхъ Валаама къ окрестному населенію, но, къ сожалѣнію, ни въ одной изъ книгъ, написанныхъ объ обители, не встрѣчается данныхъ такого рода. Отношеніе къ крестьянству въ настоящее время мы наблюдали сами, о томъ же, что было прежде, можно судить потому только, что при первомъ случаѣ корела Кексгольмская и Сартавальская обращалась къ пагубному Лютерову заблужденію. Ересь, можетъ быть, въ данномъ событіи явилась спасительной. Монахи издавна хорошіе хозяева, а у насъ доселѣ понятіе о правильномъ хозяйствѣ неразрывно съ кулачествомъ и прижимкой. Съ 1572 г. Валаамъ дѣлается мѣстомъ ссылки для «исправленія заблуждающихся и кающихся». Такъ, въ этомъ году великій князь Іоаннъ Васильевичъ, «угрызаемый совѣстью о низверженіи и мученической кончинѣ св. Филиппа, митрополита московскаго», взялъ да и объявилъ враговъ почившаго іерарха «наглыми клеветниками», а одного изъ нихъ, бывшаго соловецкаго игумена Паисія, заперъ на Валаамѣ для покаянія. Въ XVI же вѣкѣ сюда сосланъ архіепископъ крутицкій Варлаамъ, за участіе въ нечестивомъ соборѣ митрополита московскаго Діонисія съ боярами о постриженіи жены великаго князя Ѳеодора Іоанновича Ирины Ѳеодоровны въ иночество «за безчадіе». Потомъ Валаамъ, славившійся своимъ строгимъ уставомъ, былъ тоже излюбленнымъ мѣстомъ для всяческихъ исправленій и заточеній. Самое положеніе острова таково, что для тюремщиковъ лучше и выбрать трудно. Кругомъ вода, никуда не уйдешь. Иноки же здѣсь живутъ и тогда жили строгіе, суровые, съ византійскою закваской, чуждые земнымъ страстямъ и, слѣдовательно, состраданію. Воображаю, какое уныніе охватывало заточенныхъ среди этихъ дикихъ скалъ и молчаливыхъ лѣсовъ, какъ должно было ихъ тянуть отсюда черезъ этотъ спокойный, безпріютный просторъ Ладоги туда, на югъ, подальше, въ Москву, Кіевъ, откуда ихъ посылали сюда. Такъ дѣло шло до 1611 года, когда исконные враги Валаама, шведы, опять напали на обитель и разрушили ее до тла. Игуменъ Макарій, братія и служки были умерщвлены. Удалось только спасти мощи преподобныхъ, которые для того опущены были въ глубокую могилу—родъ колодца. Шведы, разворивъ монастырь, поставили на его мѣстѣ маленькую крѣпостцу, и остались въ ней. Нѣсколько лѣтъ, такимъ образомъ, обитель фактически не суще-

ствовала. Иноки съ справедливой гордостью говорятъ теперь, что на ихъ островѣ нѣтъ камня, который не былъ бы запечатлѣнъ кровью подвижническою; нѣтъ мѣста, гдѣ бы враги православія не убивали монашествующихъ. Нѣкоторымъ суевѣрнымъ людямъ и теперь здѣсь многое чудится. Разсказываютъ о видѣніи, бывшемъ одному иноку. Шелъ онъ по Назарьевской пустынѣ,—одному изъ самыхъ поэтическихъ уголковъ Валаама. Вдругъ вдали послышалось погребальное пѣніе стараго образца, гнусливое. Инокъ, изумленный, остановился. Было это среди бѣлаго дня. Вдали изъ зеленой чащи, залитой солнечнымъ свѣтомъ, показалось шествіе черноризцевъ въ два ряда. Шли они, склонивъ головы и сложивъ руки на груди, образомъ же были пресвѣтлы и очи имѣли кротости несказанной. Только, когда шествіе приблизилось къ монаху, онъ увидѣлъ, что всѣ черноризцы обрызганы кровью и покрыты ранами. Тамъ, гдѣ прошли они, трава оказалась не помята. Они изчезли также, какъ и явились въ зеленой чащѣ, причемъ тихіе отголоски погребальнаго напѣва долго носились въ воздухѣ, пока не слились съ глухимъ шепотомъ лѣсныхъ вершинъ и свистомъ вѣтра, проснувшагося между деревьями. Шведы, занявъ островъ, по преданію, сначала хотѣли было извлечь мощи преподобныхъ и надругаться надъ ними, но ихъ постигъ недугъ и, выздоровѣвъ, они соорудили надъ могилою святителей деревянную часовню, вскорѣ, впрочемъ, забытую. Развалилась и крѣпостца, поставленная шведами, и весь островъ пришелъ въ страшное запустѣніе. Только въ большіе праздники, невѣдомо съ какихъ незримыхъ колоколенъ надъ лѣсными вершинами и молчаливыми скалами носился благовѣстъ, коему не внимало уже ничье ухо. Безлюдье и запустѣніе было тамъ, гдѣ еще недавно проливались покаянныя слезы и возносились горячія молитвы.... Только изрѣдка прибрежники Ладоги заплывали сюда для рыбнаго лова. Рѣдкіе проникали внутрь пустыннаго острова. Одинъ изъ такихъ немногихъ, дойдя до могилы преподобныхъ, увидѣлъ надъ нею полуразрушенную часовню, совсѣмъ окутанную отовсюду лѣсною дремой, и покачнувшійся, мохомъ поросшій крестъ. По преданію, финнъ хотѣлъ совсѣмъ свалить его, но тутъ же на мѣстѣ былъ пораженъ «язвами». «Вразумленный, онъ позналъ все безуміе своей дерзости, былъ изцѣленъ, возобновилъ крестъ и часовню и поселился около тѣхъ преподобныхъ». Теперь, среди бездорожья, въ этомъ безмолвномъ царствѣ сосенъ и скалъ, явилось жилье человѣка. Потомки дерзостнаго

финна существовали здѣсь до временъ игумена Назарія, который ихъ выселилъ въ Якимваарскій погостъ, въ деревню Кумоля, гдѣ они живутъ до сихъ поръ, нося фамилію Кокуля. Какъ кому, а мнѣ всего поэтичнѣе изъ длинной исторіи Валаамской обители кажется именно время запустѣнія и безлюдья, когда островъ населяли только могилы, въ которыхъ мирно спали бывшіе иноки. Ко времени, когда Петръ Великій повелѣлъ возстановить обитель во всемъ ея блескѣ и величіи, на Валаамѣ уже не оставалось никакого жилья, кромѣ скудной хижинки поселившагося у часовни финна. Лѣсная поросль затянула срубы, кое-гдѣ въ глухихъ трущобахъ догнивали по сырымъ понизьямъ балки, и только таинственный звонъ чудесныхъ колоколенъ носился надъ этимъ царствомъ запустѣнія и смерти.

Во весь первый періодъ своего существованія до окончательнаго раззоренія Валаамъ сослужилъ большую службу Россіи. Онъ былъ представителемъ нашихъ началъ среди корелы, первымъ форпостомъ славянскаго племени. Валаамъ въ значительной степени подготовилъ почву для обрусѣнія ладожскихъ инородцевъ, и если въ самыхъ глухихъ корельскихъ селахъ мы слышимъ чистый русскій языкъ, если видимъ свои обычаи привившимися тамъ, а въ немногихъ русскихъ поселкахъ племенныя особенности сохранившимися во всей своей неприкосновенности, то заслугу всего этого мы должны приписать именно труждающимся и посѣкаемымъ шведами старцамъ валаамскимъ. Какъ Соловки на сѣверѣ, такъ и Валаамъ на западѣ,—одинъ среди чуди бѣлоглазой, другой среди корелы и финскаго племени,—оба высоко держали свѣточъ русскаго народа и, ни разу не склонивъ, пронесли его черезъ нѣсколько вѣковъ. И та, и другая обитель были созданіемъ господина Великаго Новгорода, имъ онъ передалъ свои живыя силы, и въ нихъ обѣихъ до послѣдняго времени, т. е. до вмѣшательства Синода въ дѣла соловецкаго строительства и до архипастырьства о. Дамаскина на Валаамѣ, отголоски древняго вѣча сказывались въ общинномъ устройствѣ и вершеніи своихъ дѣлъ. Сходство между Соловками и Валаамомъ не ограничивается однимъ этимъ. Валаамъ, какъ и Соловки,—мужицкое царство, и въ немъ вся сила обители. Это будетъ достаточно ясно изъ нашихъ послѣдующихъ очерковъ.

И такъ Валаамъ сто лѣтъ былъ въ запустѣніи. Къ счастію, о немъ вспомнили во время. Тихвинскаго монастыря архимандритъ Макарій обратился къ Петру съ просьбою не дать мощамъ Германа и

Сергія валаамскихъ «у проклятыхъ люторъ въ поруганіи быть» и повелѣть тѣ святыя мощи «съ того Валаамскаго острова отъ ихъ люторскаго поруганія перенести въ Тихвинъ монастырь, дабы они, проклятые люторы, тѣмъ не возносилися», и отъ сосѣднихъ «государствъ (?!), которыя нынѣ содержутъ законъ греческій и въ благочестіи состоятъ, укоризны и поношенія не было». Если бы просьба была буквально исполнена, Валаамъ населился бы рыбаками и корелами. Здѣсь бы устроились крестьянскія волости и нынѣшней любопытной обители не существовало. Тѣмъ не менѣе, хотя просьбу Макарія не исполнили, но о Валаамѣ вспомнили; посѣщая олонецкій край, Петръ побывалъ на островахъ, и въ 1715 году послѣдовалъ указъ возстановить монастырь во всей его прежней славѣ.

Въ теченіе сорока лѣтъ, обитель росла очень быстро, но въ 1754 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, была внезапно истреблена огнемъ. Пришлось опять начинать сначала. Впрочемъ, черезъ всю исторію Валаама проходитъ одна замѣчательная черта, чисто мужицкая, сильная, несокрушимая энергія:— черезъ 9 лѣтъ обитель обстроилась еще роскошнѣе, еще просторнѣе. Въ саровской пустынѣ, въ то время, былъ строгій отшельникъ, старецъ Назарій. Валаамъ вызывалъ его къ себѣ, но настоятель Сарова, стараясь удержать у себя его, отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ малоумномъ и неопытномъ въ духовной жизни. «Преосвященный Гавріилъ проникъ тайну смиренія Назаріева».

— У меня много своихъ умниковъ, пришлите мнѣ вашего глупца, отвѣчалъ онъ саровскому игумену.

И старецъ Назарій сдѣлался, такимъ образомъ, строителемъ Валаама. Съ этого времени древній монастырь идетъ въ ширь. До сихъ поръ онъ еще не установился въ этомъ отношеніи и похожъ на громадный, строющійся домъ, гдѣ въ однихъ комнатахъ уже живутъ, а въ другихъ стучатъ молотки, подъ топоромъ летятъ во всѣ стороны щепки, визгливо пилится крѣпкое дерево, стоитъ бѣлое облако надъ кучами извести. Иннокентій очень удачно продолжалъ дѣло малоумнаго старца Назарія, оказавшагося прекраснымъ хозяиномъ. Послѣдующіе игумены тоже не складывали рукъ, но монастырь въ настоящемъ его видѣ нужно считать созданіемъ о. Дамаскина, правившаго имъ около сорока лѣтъ. Отецъ Дамаскинъ—личность столь замѣчательная, что его полную характеристику можно сдѣлать только впослѣдствіи. Это самый крупный представитель того типа крестьянъ-

дѣятелей, которыми отличаются наши сѣверныя обители. Воля, невыносящая противорѣчій и нетерпящая ничьего равенства около. Это сила созидающая или разрушающая, смотря по тому, какъ она направлена. Въ отцѣ Дамаскинѣ выработался наиболѣе полный типъ монаховъ-строителей, которые безъ всякой сценической постановки съумѣли изъ ничего сдѣлать все. Какими путями — не спрашивайте, это дѣло ихъ совѣсти. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я скажу о Дамаскинѣ нѣсколько поподробнѣе.

Въ прошломъ вѣкѣ Валаамъ владѣлъ соляными варницами, мельницей и сѣнными покосами въ Кольскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи и деревнями по ладожскимъ берегамъ. Но потомъ, при Александрѣ I, Валааму не повезло. Села были отобраны, острова посѣщались финнами, которые рубили монашескіе лѣса и косили траву въ лугахъ, ничего не платя инокамъ. Только при Павлѣ I обитель вздохнула свободнѣе. Теперь богатства обители въ земляхъ, лѣсахъ, водахъ и постройкахъ громадны, а даровые труды болѣе чѣмъ трехъ сотъ человѣкъ братіи составляютъ тоже немаловажный капиталъ.

VI.

Гостинница.—Отецъ Никандръ.—Богъ соединилъ, а отецъ Никандръ разлучилъ.

Ладожская гроза, какъ скоро налетѣла, также скоро и ушла.

Когда мы по довольно крутой дорогѣ подымались на верхъ, вдали на горизонтѣ только сверкали зарницы, проходя стороной. Направо отъ насъ было довольно большое зданіе, красное, выведенное изъ кирпича. Это старая гостинница. Теперь она идетъ подъ «простой народъ». Прямо передъ нами бѣлый фасадъ новой странноприимницы, въ которой можетъ помѣститься болѣе 2,000 человѣкъ богомольцевъ. Она только недавно окончена и два другіе корпуса еще отдѣлываются. Я уже говорилъ, что все кругомъ спало. Ни въ одномъ окнѣ не было свѣта, и налѣво, за бѣлой стѣной монастыря чернѣли такія же мертвыя окна келій и высились, словно стремясь дорости до тучъ, колокольни и куполы. Кругомъ стѣною стоялъ лѣсъ, весенній шелестъ котораго несся намъ на встрѣчу. Именно весенній, мягкій, ласковый. Слышно, что листья еще нѣжны, молоды. Тотъ же лѣсъ осенью шумитъ совсѣмъ иначе. Въ сухомъ шорохѣ его слышно что-то старческое. Чуешь, что листва подсохла, пожелтѣла и

шуршитъ одна о другую, пока вѣтеръ не сорветъ ее совсѣмъ и не броситъ въ сырое понизье.

— Неужели всѣ спятъ?

— Всѣ. Извѣстно, они деликатной жизни не понимаютъ, пояснилъ Володька. Теперь въ Питерѣ только что въ разгулъ идутъ. Тутъ, какъ десять часовъ—шабашъ. Коты и тѣ дрыхнутъ.

— Какъ встаютъ иноки?

— Рано-то рано. А только и тоска же!

— Не для веселья собрались! Цѣлый день на работѣ, пояснилъ мнѣ Степка. Вотъ какъ четыре утра, такъ иноки и за дѣло. Кто куда. Всѣмъ послушаніе назначено.

— Ну, ужъ и всѣмъ!

— Завтра сами увидите. Ни одного, чтобы такъ болтался. Всѣ при своемъ. Тутъ монастырь строгій.

Тѣмъ не менѣе, эта тишина давила. Громаднымъ кладбищемъ казались кельи, соборы, дома.... Среди безцвѣтной финской ночи они еще были мертвѣе, точно безкровное, ничѣмъ неозаренное лицо трупа. Сдѣлалъ я еще нѣсколько шаговъ.... Что это? Прелестный молодой голосъ.... Простая корельская пѣсня, нервно вздрагивающая, точно подстрѣленная птица, что на землѣ бьется, шевелитъ ослабѣвшими крыльями, силясь подняться повыше, на просторъ, а сыра земля ее держитъ.... Больное сердце создаетъ такія пѣсни. Изъ больной груди плачутъ онѣ безутѣшныя....

— Кто это?

— Должно, изъ молодыхъ монаховъ кто.

Двери гостинницы были заперты.

Мы начали было стучать. Сначала Володька хлопнулъ.

— Ты что, чертъ! Развѣ такъ можно? Въ кое мѣсто попалъ, что ломишься.

Попробовалъ Степка, раза два-три. Прислушались, — никого и ничего.

— Отецъ Никандра спитъ, должно быть. Усь-ка я его подыму. Въ окно постучу.

Я сѣлъ на лавочку. Стучали довольно долго. Наконецъ, въ окнѣ кельи показалась чья-то сѣдая голова.

— Кто тутъ?

— Богомольца въ лодкѣ привезли. Благослови въ гостинницу, отецъ Никандра.

— Въ лодкѣ? Вона! Какой богомолецъ, изъ именитыхъ?

— Генералъ! совралъ Володька. Изъ Питера, от. Никандра.

Чрезъ минуту, наконецъ, отворились двери. Гостинникъ, іеромонахъ Никандръ, весь сухой, зорко поглядывающій однимъ здоровымъ глазомъ, въ то время, какъ другой, кривой, высматриваетъ что-то на сторонѣ, заторопился.... Подъ руку даже подхватилъ меня.

— Вы извините, отецъ Никандръ, я не генералъ, и вообще нигдѣ не служу.

— Не служите? Что жъ такъ? А вы бы послужили. Генераломъ бы, пожалуй, вышли. А ты, братъ Владиміръ, все въ нераскаянности своей пребываешь. У тебя языкъ, что колоколъ звонитъ. Искушеніе. На обманѣ только и стоишь. Развлеченіе мыслей я у тебя замѣчаю особливое. А ты себя въ нетерпѣливости укоряй. Не могъ меня дождаться,—генерала выдумалъ.

— Прости, отецъ Никандра, я это такъ....

— Что прости.... Я прощу, а только самоуничиженія не вижу въ тебѣ никакого. Мысли-то у тебя какія. Все ты паришь къ предметамъ не полезнымъ и душевреднымъ. Пожалуйте, обернулся онъ ко мнѣ.

Длинный, бѣлый корридоръ, по обѣимъ сторонамъ точно келіи одиночнаго заключенія, малыя комнатки, въ одно окно каждая. Стѣны начисто выбѣлены известкой. Постели чистыя, но грубыя, по монашескому положенію. Въ комнатѣ двѣ кровати, простой некрашенный столъ и табуретъ.

— Вотъ вамъ и келья. Какого званія будете: благороднаго или изъ купцовъ? Вы что же это на лодкѣ, для развлеченія?

— Нѣтъ, къ пароходу опоздалъ.

— Скажите, какіе вы безстрашные.... А какой на васъ чинъ будетъ?

— Никакого.

— Какъ же.... Это нельзя, чтобъ безъ чина.... Вонъ, это книжки у васъ?

— Да.

Высмотрѣлъ книжки, въ бумаги заглянулъ. О семейномъ положеніи поинтересовался и всѣ мои отвѣты занотовалъ въ памяти.

— А вы какимъ дѣломъ занимаетесь?

— Пишу.... Книги вотъ пишу.

— Скажите, въ такихъ младыхъ лѣтахъ. Но наипаче свѣтскія?

— Да.

— О прелести суетной. Не для духорадости, а такъ, хитроумствованіе! Ну, что-жъ, теперь отдохнуть вамъ требуется? Одѣяло вамъ принесу сейчасъ. Покровъ тѣлесный, а вы о духовномъ-то покровѣ сами позаботьтесь. У насъ тутъ хорошо спится, безъ вражьихъ мечтаній. Мы до прикосновенія сна молимся. Оттого и видѣній никакихъ не бываетъ. Что же, все осматривать будете?

— Да, думаю.

— Ежели пустятъ.

— Какъ пустятъ? Вѣдь богомольцамъ же не воспрещено?

— Нѣтъ, зачѣмъ же. У насъ богомольцамъ изъ гостинницы въ храмъ и трапезную и опять въ гостинницу. А до осмотровъ не допущаютъ. Но ежели отецъ-намѣстникъ благословитъ, тогда и вы посмотрите вся сокровенная. Скиты наши. Лошадокъ вамъ дадутъ, а то въ ладьѣ повезятъ. А вы запишите мнѣ на бумажку, зачѣмъ вы прибыли, на долго-ли и ваше святое имя.

— Зачѣмъ?

— Нельзя. Я о каждомъ богомольцѣ докладать долженъ отцу намѣстнику. Вы еще спать будете по немощи своей, а я ужъ побѣгу къ нему.. Прибылъ-де свѣтскій писатель. Ну, и прочее, еже замѣчу, поясню ему. А потомъ вы подите, благословитесь монастырь смотрѣть. А то и такіе писатели есть, сказываютъ, которые монастыри бранятъ.

— Какже, есть.

— Доколѣ Господь ихъ терпитъ.... Это точно,—вольное время нынѣ. А то бы имъ слѣдовало уста заграждати. Потому — не дерзай.

Отецъ Никандръ въ послѣдствіи, когда узналъ, что намѣстникъ меня принялъ хорошо, сталъ очень милъ и любезенъ. Развлекалъ меня по вечерамъ бесѣдою сладко-гласною и умилялся добродѣтелями старшихъ иноковъ валаамскихъ. Разсказавъ что-нибудь изъ дѣяній сихъ послѣднихъ, онъ сейчасъ же, отнюдь не забывая, присовокуплялъ: а вы это занотуйте, потому — забудете. И когда я, дѣйствительно, нотовалъ, Никандръ утѣшался несказанно....

— У насъ разъединеніе половъ. Мужьямъ съ женами возбраняется стоять вмѣстѣ въ гостинницѣ. Потому — мѣсто святое. Не для мерзостнаго плотскаго озлобленія уготовано. Тутъ иные прочіе пріѣзжаютъ нарочно, дабы съ своими сужетами свиданія

имѣть, но и мы за симъ паки и паки наблюдаемъ. Сужеть въ одинъ этажъ, а кавалера—въ другой.

Тутъ какой случай былъ. Еврей банкиръ сманилъ какую-то гувернаночку въ благочестивое плаваніе на Валаамъ. Та согласилась. Еврей, какъ выползъ съ парохода, давай на всѣ кресты креститься, дабы увѣрить сопровождавшаго его монаха въ томъ, какъ онъ хотя и банкиръ, но прекрасный христіанинъ. Ввели ихъ въ гостинницу. Еврею отвели комнату.

— А моя жена?

— А супругѣ вашей, по нашему монастырскому положенію, слѣдуетъ особо.... Мы ее въ другую гостинницу....

Еврей возопилъ.

— Да гдѣ же я ее видѣть могу?

— А въ храмѣ Божьемъ. Помолиться вмѣстѣ можете.

Банкиръ сообразилъ, что если ей нельзя къ нему, то онъ посѣщать ее можетъ. Только насталъ вечеръ, онъ, крадучись по корридорамъ, ползетъ къ ней.... Взялся было за ручку двери,— какъ изъ земли монахъ....

— У насъ возбраняется это.... Нельзя....

— Да мнѣ поговорить только....

— Завтра въ храмѣ Божіемъ....

Такъ несчастные дворянинъ іерусалимскій и его сужеть только и видѣлись, что во храмѣ да на монастырскомъ дворѣ. Не помогло даже напускное благочестіе!

— Вотъ у насъ какъ! подсмѣивались потомъ монахи: Господь соединилъ, а от. Никандра разъединилъ!

Валаамъ — первая обитель, гостинница которой содержится въ безукоризненной чистотѣ. Пока отецъ Дамаскинъ не былъ разбитъ параличемъ, онъ самъ слѣдилъ за этимъ, и порядки, введенные имъ, сохранились и доселѣ. Клопъ и блоха преслѣдуются здѣсь съ ревностію во истинну утѣшительною.

— Которую и богомольцы завезутъ, и ту мы истребляемъ! А сами они у насъ не водятся. По цѣлому монастырю этой нечисти нѣтъ.

— У васъ много иноковъ кореловъ?

— Много.

— А они вѣдь не совсѣмъ чистоплотны?

— Это дома, живучи въ нищетѣ да лишеніяхъ. А тутъ они такъ округъ себя ходятъ.... Иному господину подстать.... Ну,

спите! спите! Завтра васъ я разбужу въ свое время, Господь съ вами! Поѣсть хотите?

— Нѣтъ, спасибо.

— И чудесно. Невоздержаніе и насыщеніе чрева — начало всякой страсти есть. Сею-то сытію прежде всего и скорѣе человѣкъ уловляется.... Такъ вы о мясахъ египетскихъ скорбѣть не будете? Нѣтъ? Ну, благослови Господи! И Никандръ оставилъ меня одного.

VII.

У отца намѣстника въ кельѣ. Пустынные дворы. Воздухоплаваніе отца Анфима.

Хотя Володька оказался человѣкомъ неосновательнымъ, тѣмъ не менѣе слова его оправдались.

На другой день утромъ, когда я вышелъ изъ своей кельи, меня поразило безлюдье, окружавшее монастырь. Нигдѣ не было безъ толку слоняющихся монаховъ, на пустынныхъ дворахъ ни души, только изрѣдка какой-нибудь служка перебѣгалъ отъ собора къ кельямъ, поправляя на ходу свою скуфейку. Иноки всѣ были на послушаніяхъ, назначаемыхъ каждому о. Афанасіемъ, намѣстникомъ, правившимъ обителью за недугомъ о. Дамаскина. Видъ монастыря не поражалъ ни тою прелестью, которою плѣняютъ Святыя горы на р. Донцѣ, ни грандіозностію Соловокъ, гдѣ каждый камень древнихъ стѣнъ кажется покрытымъ плѣсенью пережитыхъ вѣковъ. На Валаамскій монастырь лучше всего смотрѣть съ другаго берега пролива. Прямо изъ воды подымается хорошо содержимый садъ; надъ его деревьями точно плаваетъ бѣлая казарменная стѣна и главы собора. Двухъэтажные корпусы келій не имѣютъ въ себѣ ничего внушительнаго. Самый монастырь подавляется размѣрами и роскопью его хозяйственныхъ построекъ. Громадныя кирпичныя строенія конюшенъ, фермы, риги, красивыя гостинницы далеко переросли его. За то какъ хороша рамка этого сосноваго лѣса, эти березовыя, кудрявыя чащи, этотъ скитъ св. Николая, рисующійся лѣвѣе на голубыхъ водахъ, при самомъ выходѣ изъ пролива. Изрѣдка въ пустынныхъ водахъ скользитъ челнокъ возвращающагося рыболова-монаха. Внизу пристань, къ ней привалилъ и слегка попыхиваетъ дымкомъ, точно затягиваясь имъ, маленькій пароходъ, принадлежащій Валааму. Его купилъ и подарилъ инокамъ нѣкто Тюменевъ, богатый

купецъ изъ того типа, который лучше всего опредѣляется именемъ «благодѣтеля». Къ таковымъ благодѣтелямъ иноки прилежатъ весьма усердно и умѣютъ ихъ хорошо уловлять въ свои сѣти. Слѣды пребыванія Тюменева въ обители вы замѣтите вездѣ. У него здѣсь даже свой скитъ и своя келья....

Тишина, какая-то мертвящая, охватывала меня кругомъ, когда я изъ одного пустыннаго двора переходилъ въ другой. Жутко становилось здѣсь. Престарѣлый превратникъ въ скуфейкѣ едва имѣлъ силы приподнять на меня свои отяжелѣвшія вѣки.... На мой вопросъ, гдѣ келья отца намѣстника, онъ что-то пожевалъ и, взмахнувъ рукой, тотчасъ же опустился по своей ветхости и немощи на скамью.

— Какъ жутко у васъ,—подѣлился я впечатлѣніемъ съ попавшимся на встрѣчу инокомъ.

Тотъ пытливо оглянулъ меня....

— Вы это о чемъ же?...

— Малолюдье....

— Да, теперь всѣ на работѣ. Въ мастерскія зайдите, на ферму, на заводъ,—тамъ у насъ самая кипень....

— Да не всѣ же?

— Всѣ на послушаніяхъ.... Извините, у насъ не болтаютъ. У насъ съ богомольцами еще отъ отца Дамаскина наказъ — не разговаривать.... Чтобы поношенія обители какого не вышло! Простите Христа ради.

И онъ побѣжалъ куда-то, суетливо помахивая руками.

Всѣ встрѣчавшіеся—въ грубыхъ солдатскаго сукна рясахъ. Нѣкоторые, которыхъ посылаютъ на рыбный ловъ или на рубку дровъ, въ бѣлыхъ холщевыхъ. Все это занято, все это торопится. Другой, котораго я остановилъ было, даже не отвѣтилъ на мой вопросъ, а поклонился въ знакъ своего смиренія чуть не до земли и изчезъ въ ближайшія ворота. Съ перваго шага вездѣ и на всемъ сказывалась дисциплина, скорѣе приличествующая арестантскимъ ротамъ, чѣмъ обители.... Нужно сказать правду, достаточно повидавъ обителей всѣхъ окрасокъ, я еще ни одной не встрѣчалъ, гдѣ бы эта дисциплина была развита столь основательно. Тутъ даже монахъ къ монаху въ келью не можетъ войти безъ благословенія настоятеля. Короче, монашескія арестантскія роты синодальнаго вѣдомства съ Аракчеевымъ во главѣ.... Къ свиданію съ отцомъ Афанасіемъ я подготовлялся

весьма безпокойно. Никандръ—гостинникъ охарактеризовалъ этого валаамскаго сановника такъ:

— Онъ, этотъ отецъ Аѳанасій, старецъ пронзительный.... Канъ скрозь стеклышко душу твою видитъ, все чѣмъ у тебя нутро полно. Ему, по своей должности, эта прозорливость благопотребна. Безъ ея, братъ, плохо!...

Живетъ намѣстникъ скудно.... Двѣ тѣсныя келіи. Только и роскоши, что простенькіе цвѣты на окнахъ. Картины на стѣнахъ, преимущественно виды Валаама, писанные масляными красками и притомъ весьма наивно. Пахнетъ ладономъ и кипарисомъ,— какъ надлежитъ этому быть у прозорливаго старца. Красивый высокій келейникъ доложилъ обо мнѣ полушепотомъ въ слѣдующей кельѣ....

— А! Отецъ Никандръ мнѣ ужъ докладывалъ.

Намѣстникъ—совсѣмъ крестьянскій или средней руки купеческій типъ. Умные глаза, на энергичномъ лицѣ выраженіе постоянной заботы. Сильный корпусъ, къ которому, пожалуй, идетъ монашеская ряса и клобукъ. Видимо, хорошій работникъ, какимъ, впрочемъ, онъ и былъ до сихъ поръ. Это — строитель валаамскаго водопровода, сооруженія поистинѣ замѣчательнаго, отличный механикъ, пріучившійся къ этому дѣлу на Бердовскомъ заводѣ, гдѣ онъ былъ простымъ рабочимъ. Вмѣсто прозорливаго старца, передо мною оказался живой, всѣмъ живымъ интересующійся монахъ, не изрекающій, но говорящій просто и задушевно, отзывчивый.... Я не слышалъ отъ него ни единаго текста, но всякое замѣчаніе, высказанное имъ, отличалось здравымъ смысломъ, непритязательностію. Видимо, встрѣчаясь съ новымъ человѣкомъ, онъ не упускалъ случая научиться чему-нибудь, чего онъ еще не зналъ. Это именно одинъ изъ соловецкихъ типовъ. Не монахъ византійскаго склада, паче всего прилежащій къ пустынножительству, умерщвленію плоти при сценической постановкѣ, нѣтъ,— это труженикъ, постоянно думающій о томъ, какъ бы развить то или другое дѣло, упростить производство, замѣнить машиной рабочія руки, расширить хозяйство. Короче, монахъ-строитель, монахъ-десятникъ. Достойный представитель тѣхъ промышленныхъ и рабочихъ общинъ, которыхъ подъ высокими главами иноческихъ соборовъ и за бѣлыми стѣнами обителей — у насъ не мало, хотя эти общины преслѣдуютъ служеніе не тому или другому соціальному принципу, а просто, не мудрствуя лукаво, хлопочутъ о благолѣпіи дома Божьяго. Отнимите Зосиму и

Савватія у соловецкой рабочей общины и Сергія и Германа у таковой же валаамской, — и онѣ не простоятъ и дня. Мнѣ при этомъ всегда вспоминается одинъ разсказъ Глѣба Успенскаго, въ которомъ старообрядецъ хочетъ купить для своего скита помѣшанную дѣвочку, потому что безъ Христа ради юродиваго, или инаго какого чудища, его община стоять не можетъ. Тамъ, гдѣ принципъ недостаточно силенъ, чтобъ связывать людей на одно общее дѣло, тамъ вѣра, а иногда и фанатизмъ съ успѣхомъ замѣняютъ его....

— Правда-ли, отецъ Афанасій, что у васъ богомольцевъ не пускаютъ въ скиты?

— Которые ради празднаго любопытства—да. Потому, какое же спасеніе, если всякій соваться будетъ къ схимникамъ, да къ затворникамъ. Но вамъ — иная статья. Сдѣлайте милость, чѣмъ больше увидите у насъ, тѣмъ лучше. Намъ прятать нечего. Мы еще и рады, если узнаютъ о нашей обители.... Художниковъ еще съ легкой руки отца Дамаскина мы вездѣ пускаемъ, ну и благодѣтелей, которые жертвуютъ. Вы только скажите, что вамъ надо: лошадей-ли, лодку, пароходикъ нашъ— съ удовольствіемъ. А то, помилуйте, бабы эти повадились по скитамъ свой запахъ заносить, что-жъ хорошаго! Пріѣхала молиться, — молись у преподобнаго, а не шляйся....

Благодаря доброму распоряженію о. Афанасія, мнѣ удалось увидать здѣсь даже скитъ Іоанна Предтечи и Свирскій, куда и изъ благодѣтелей первой гильдіи пускаютъ рѣдкихъ....

Выйдя изъ келіи намѣстника, я невольно заглядѣлся на тонувшій въ высотѣ куполъ собора. На шпицѣ его, точно черный муравей, висѣлъ какой-то монахъ съ двумя помощниками — послушниками. Они смазывали олифой позолоту шпица и купола. Больно было смотрѣть въ эту высь, жутко становилось за нихъ.

— Кто это у васъ тамъ?

— Іеромонахъ одинъ, отецъ Анфимъ.... Онъ у насъ на всѣ руки мужикъ. Вотъ гостинницу выстроилъ. Такія у него отъ Господа дарованія, просто удивленіе. Все можетъ. Вы какъ думаете, разъ ужъ онъ леталъ.

— Какъ?

— Да съ собора этого. Помутилась у него голова что-ли, ну и слетѣлъ внизъ.... Шибко расшибся, думали,—помретъ, соборовали ужъ. Вѣдь о камень вдарился. Нѣтъ, — отлежался. Шесть мѣсяцевъ въ кельи съ койки не поднимался. Ну, и какъ

всталъ, въ тотъ же день, сейчасъ на шпицъ взлѣзъ, поправка какая-то была тамъ. Мы ужъ его не пускали,— куда, слушать не хочетъ. «Господь, говоритъ, сохранилъ разъ, сохранитъ и въ другой!» А если и помру, все же на послушаніи, на Божьемъ дѣлѣ.

Съ воздухоплавателемъ этимъ я познакомился потомъ.

— Повыше-то къ небу ближе. Какъ взойдешь, вся горняя надъ тобою, небеса разверзаются, ангелы говорятъ душѣ. И помыслы чище. Сверху то внизъ глядишь, и люди кажутся маленькіе, да и страсти ихъ самыя крохотныя да жалкія... Духъ то что орлими крылами паритъ; птица летитъ мимо—точно сестра тебѣ, ласково на тебя смотритъ, близокъ ты ей, тоже въ воздухѣ какъ и она купаешься. Молитву творить, откуда и слова, совсѣмъ не тѣ, что внизу. На землѣ земля къ себѣ тянетъ, а тутъ небо зоветъ, каждая тучка точно надъ тобой останавливается, манитъ: пойдемъ-де со мною... Вѣтеръ ежели мимо, точно духъ Божій въ немъ носится.... Нѣтъ, хорошо на версѣ... Лучше нельзя!

VIII.

Богомольцы. Исправляемые. Голодные и холодные.

Во время моего посѣщенія Валаама, богомольцевъ было чрезвычайно мало. Нѣсколько корельскихъ семей, да гулящая голытьба изъ Питера обрадовалась даровымъ кормамъ. Такъ что типы, пропавшіе бы въ другое время, здѣсь невольно бросались въ глаза. Особенно любовался я двумя купеческими соврасами. Очень ужъ хороши были. Носы тупыми углами вверхъ, лбы, впрочемъ, лба имъ не полагалось, капуль замѣнялъ, золотушные глаза, ничего невыражавшіе и отвислыя нижнія челюсти. При этомъ спинжакъ въ обтяжку и штаны, разумѣется, колокольчиками.

— Эти зачѣмъ тутъ? спрашиваю у отца Никандра.

— На исправленіи. Третій мѣсяцъ слоняются.

— Вотъ, я думаю, томятся.

— Нѣтъ, помилуйте. Тятенька у нихъ звѣроподобный. Мы тутъ увидѣли свѣтъ, говорятъ. Одного родитель здѣсь въ монастырѣ училъ. Хорошую стоеросовую палку объ него обломалъ. Только и бѣда съ ними.

— А что!

— Богъ знаетъ, какъ ужъ это они табакъ достаютъ.

— Да развѣ богомольцамъ курить воспрещается?

— А то какъ. Тутъ смѣхъ съ этимъ куревомъ. Изъ Питера какія особы наѣзжаютъ, можно сказать, сугубые господа, въ кавалеріяхъ. Такъ они, что мальчики, въ трубу дымокъ-отъ пущаютъ... Дымкомъ-то въ форточку попыхиваютъ. Разъ, я къ одному въ келью нечаянно вошелъ, а у него цыгарка въ зубу. Онъ ее сейчасъ трахъ,—да между пальцами и зажалъ. Стыдносъ, говорю ему, въ генеральскомъ чинѣ, и вдругъ такой соблазнъ. Знаете уставъ нашъ, что нельзя! Это вы, отвѣчаетъ, на счетъ табаку, такъ я, ей-Богу, и не курилъ, и не курю совсѣмъ. Помилуйте, что въ емъ, табакѣ этомъ.... Одно зелье блудное! А какъ онъ не куритъ, коли цыгарка-то у него скрозь пальцы дымитъ.... Вотъ я, говорю, пойду, да отцу Дамаскину пожалуюсь.... Такъ онъ меня сталъ просить, такъ просить....

Два купеческіе совраса перепѣли всѣ мотивы французскихъ шансонетокъ, которые они узнали не изъ первыхъ рукъ, и заскучали. Кстати, изобрѣтательность выручила. Слышу я какъ-то въ корридорѣ:

— Давай канонархать.

— Давай.

— Начинай.... Попробуй-ка проканонархать такъ, какъ отецъ Александръ канонархаетъ. Ну?

Ревъ поднялся такой, что отецъ Никандръ погрозился тятенькѣ отписать.

— Неужели же мы себѣ самаго малаго удовольствія доставить не можемъ?

А то вотъ еще одинъ овощь отъ чреслъ купеческихъ.

Стою я какъ-то у монастырской хлѣбни. Вдругъ оттуда выскакиваетъ весь въ поту молодчинище громаднѣйшій, на громадныхъ тяжелыхъ, толстыхъ лапахъ, лѣтъ этакъ семнадцати. Лицо все въ прыщахъ, носъ точно чѣмъ-то налившійся, маленькіе свиные глазки. Руки лопатами. Выскочилъ какъ съ угару, тяжело дыша.

— Вотъ благодарю!... Утѣшила меня маменька.... Вотъ благодарю!

— Что это вы? спрашиваю.

— Ну, монастырь!

— Это вы насчетъ чего же?

— Какъ-же.... Сорокъ дней окромя квашни ничего не видалъ.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ видите. По нашему обиходу я запилъ. Собрался

въ Демидронъ, а меня маменька поймала, на пароходъ и сюда водворила на сорокъ дней.

— Квашня же тутъ причемъ?

— Да такая была ихъ просьба къ отцу намѣстнику, чтобы мнѣ дѣло было какое потяжелѣе. Ну, онъ и благословилъ:—ступай квашню мѣсить. Такъ сорокъ день и храмовъ Божьихъ не видалъ. Утромъ, чуть свѣтъ, къ квашнѣ, поѣшь и опять къ квашнѣ, отъ квашни и спать идешь.

— Дурь-то изъ тебя потомъ и вышла! вмѣшался монахъ. Пріѣхалъ, вѣдь на тебѣ лица не было. Отекъ съ вина, а теперь умалилось.

— Точно что.... сейчасъ только сорокъ дней кончилось! Ну, ужъ я теперь!... Благодарю васъ, маменька.... Ужъ я теперь!

Въ тонѣ этихъ отрывистыхъ фразъ и въ томъ хитромъ выраженіи, какое принимало это глупое лицо съ глупымъ, толстымъ, прыщавымъ носомъ, сказывалось такое вожделѣніе къ Демидронамъ и Салонамъ-де-Варіете, что маменькѣ вѣрно придется за одни разбитыя зеркала, опричь другаго дебоша, заплатить немалыя деньги.

Только и производили утѣшительное впечатлѣніе богомольцы изъ крестьянъ. Эти серьезно молились и отводили душу, находя помощь по вѣрѣ своей. Особенно одинъ такъ и врѣзался въ моей памяти. Стоитъ въ соборѣ на колѣняхъ.... Ни слова,—даже губы молитвы не шепчутъ. Пристальный взглядъ уперся въ образъ Богоматери и не отрывается отъ него по часамъ. Въ этомъ взглядѣ все: и надежда, и скорбь, и радость духовная, и тоска безмѣрная. Весь человѣкъ перешелъ въ глаза. Онъ не слышитъ богослуженія, въ немъ самомъ, очевидно, совершается свое священнодѣйствіе, въ которомъ онъ самъ и священникъ, и богомолецъ. А то вотъ цѣлая семья распростерлась и молится.... Плачетъ баба, всѣмъ своимъ нутромъ плачетъ. Видимо, настоящее горе, не наше сентиментальное и слащавое, слезами изводится.

— Что она у тебя? спрашиваю у старика.

— Горе у насъ, милый.... Большое горе....

— Ну?

— Сына въ тюрьму угнали. Одинъ сынъ былъ, одинъ кормилецъ.

— За что же это его?

— А податей нечѣмъ намъ платить было.... Исправникъ налетѣлъ самъ,—«розогъ!» Вишь я сѣдой совсѣмъ—не пожалѣлъ!

Ни зерна у меня—все чисто, послѣднюю коровенку о прошлый годъ продали. Дѣловъ у насъ нѣтъ, хлѣба не дородъ.... Разложили.... Старости моей не уважили. А сынъ-то Василій у насъ грамотный былъ. Побѣлѣлъ это весь, да какъ кинется на исправника. Едва его отняли.... Ну, засудили. Теперь на рестантскомъ положеніи. Мать-то и убивается.... А тутъ и помочь нечѣмъ. Сами именемъ Христовымъ.... Рази, вотъ только Сергій да Германъ, валаамскіе чудотворцы спасутъ.

Корелы, тѣ и молятся какъ-то безсмысленно. Точно по командѣ взбрасываютъ руки, отряхиваютъ головы, кланяются въ поясъ священнику, стадомъ подходятъ подъ благословеніе, стадомъ прикладываются къ иконамъ. Точно бараны за вожакомъ. Даже въ трапезную ползутъ тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ и тоже стадомъ. Въ лѣсъ вздумаютъ, непремѣнно цѣлымъ табуномъ. Впрочемъ, когда они попадаютъ въ монастырь послушниками, у нихъ, Господь ужъ вѣдаетъ какъ и откуда, оказываются способности, и грубый, неуклюжій, аляповатый корелъ дѣлается ловкимъ, умнымъ и предпріимчивымъ инокомъ. Питерскія вдовы и заматорѣвшія въ долговременномъ дѣвствѣ мордастыя барышни тоже притекаютъ въ обитель, но—увы: въ инокахъ оной никакого себѣ утѣшенія не находятъ. Здѣсь монахи къ нимъ не такъ привѣтливы, какъ въ «иныхъ прочихъ обителяхъ», и не сладкоглаголивы съ дамскимъ поломъ вовсе.

— У нихъ ужасное невѣжество, поясняла мнѣ одна на пароходѣ уже, когда я отъѣзжалъ отсюда. Я къ одному въ келью вошла, говорили,—онъ строгой жизни старецъ, а оказался просто мужланъ. Судите сами.... Всталъ это, а у него въ рукахъ книга въ кожаномъ переплетѣ, я только къ нему, подъ благословеніе думала,—а онъ какъ замашетъ на меня книгою, да кричитъ: кши, кши! Я не понимаю, думаю, онъ это Христа ради юродствуетъ. Вдохновеніе посѣтило! А онъ меня къ двери все, къ двери,—да кши, кши!... Такъ я и ушла. Схожу по лѣстницѣ, —а онъ мнѣ вслѣдъ плюетъ! Ну, ужъ этого я перенести не могла. Обернулась къ нему и, памятуя его иноческій санъ, ласково говорю: стыдно вамъ, отецъ, благородную даму такъ обижать. Что жъ бы вы думали? Онъ мнѣ на это такое слово, такое....

— Какое-же?

— Стыдно сказать.... Такое слово пустилъ!

— А вы скажите, ничего.... Здѣсь все народъ простой.

— Иди, говоритъ, сученка, иди! Иди прочь!

Отецъ Никандръ тоже подтверждалъ: «отъ этихъ сученокъ монашеское званіе много, ахъ, много терпитъ!»

— Иной разъ, пояснялъ другой монахъ, кинемся ницъ передъ святителемъ и вопіимъ: Господи! за что Ты посылаешь сію саранчу лѣповидную на насъ!... А она-то вокругъ тебя юлитъ, а она-то тебя охаживаетъ!

Дамамъ такого сорта, считаю великимъ благомъ предупредить ихъ, на Валаамѣ монашескими совмѣстными молитвами не попользоваться. Здѣсь монахъ — мужикъ. Къ прекрасному полу не приверженъ и даже окомъ на нихъ не соблазняется. Только изъ настоящихъ крестьянъ выходятъ такіе сумрачные аскеты. Монахъ-дворянинъ, хоть его живьемъ въ мощи сведетъ, хоть объ «озлобленіяхъ плоти» онъ и позабыть давно успѣлъ, все же съ прекраснымъ поломъ не можетъ,—галантничаетъ, хотя тѣмъ, что молитву имъ читаетъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Ну, а валаамскій инокъ никакого послабленія, а что касается до плѣнительнаго всякой бабьей мошкарѣ, адультера монашескаго, тутъ объ ономъ и помышлять нечего....

Между богомольцами, бывшими при мнѣ, выдавался одинъ особенно. У каждаго монаха допрашивался,—можетъ-ли «самоубивецъ, и вдругъ теперь, въ царствіе небесное войти.» Никто ему точнаго отвѣта дать не могъ; только одно и совѣтывали: «молись преподобнымъ, на милость закона нѣтъ». Сунулся онъ съ чего-то и ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ.

— Да что это васъ безпокоитъ такъ?

— По личной прикосновенности-съ.

— А именно?

— Братецъ у меня были, въ мастерахъ у нѣмца, ну, такъ они ядомъ чудесно застрѣлились. Купили это сѣрничковъ, развели въ водкѣ и застрѣлились.... Въ одноё, были значитъ, влюбимши. Ну, какъ она не хотѣла ихъ характеру подражать, такъ за ейное несогласіе. Въ знакъ тоски-съ!...

А то разлетѣлся въ обитель любитель стройнаго клирнаго пѣнія, а на Валаамѣ поютъ,—святыхъ вонъ выноси. Не до того инокамъ, не тѣмъ заняты.

— Ахъ, нѣтъ у васъ паркеснаго пѣнія, сокрушался духовный меломанъ.

— А зачѣмъ намъ оное?

— Какъ зачѣмъ.... Паркесное пѣніе слуху отрадно и для души умилительно, горѣ возносишься и на землѣ рай всѣмъ человѣцамъ ощущаешь....

— Не надо намъ паркеснаго пѣнія! упорствовалъ отецъ Никандръ.

— Почему не надо?

— Да такъ.

— Нѣтъ, каковой вашъ аргументъ будетъ.... вы, впрочемъ, скажите?

— А такъ, что не приличествуетъ.

— Паркесное не приличествуетъ?! Ангельскіе гласы не подлежатъ вамъ?

— И не подлежатъ.... Паркесное пѣніе подъ скрипку? озлился о. Никандръ.

— Подъ скрипку точно....

— А гдѣ у святыхъ отцовъ о скрипкѣ значится? Кимвалы есть, трубы были, арфы, иныя прочія мусикійскія орудія упоминаются.... А скрипка есть?... Скрипку на иконахъ изображаютъ?

— Скрипки, нѣтъ! озадачился богомолецъ.

— А нѣтъ, такъ и не надо. Скрипка обители не приличествуетъ.... Давидъ, какъ по вашему, на скрипкахъ возвеселялъ себя.... Царя Саула на скрипкѣ утѣшилъ?

— Простите, о. Никандръ.

— Богъ проститъ! Господь съ вами. Наше пѣніе намъ къ лицу.... Монастырь простой, не изглагольный,—и пѣніе простое. Надо, чтобы у тебя душа пѣла.... Благочестивыя мысли не черезъ пѣніе должны нисходить, а сами.... Плохо, коли только пѣніемъ вѣра твоя поддерживается!... Паркеснымъ пѣніемъ инока не создашь....

— Какъ кого Господь изберетъ! Онъ невидимо объявляется.

— Это точно, согласился Никандръ.

— Иной разъ и не поймешь какъ. Я въ одной обители былъ, такъ тамъ инокъ есть,—онъ черезъ этого самаго Макъ-Магона въ обитель попалъ....

— Вотъ!

— Вѣрно мое слово. Макъ-Магонъ его и въ монастырь привелъ. Въ трактирѣ были съ пріятелемъ, закутили и давай Макъ-Магона ругать! Ни съ чего.! Такъ, въ себѣ пареніе почувствовали и забранились. А тутъ къ нимъ какой-то стрюцкой.... Макъ-

Магонъ на царскомъ положеніи нынѣ, какъ же вы это его?—А мнѣ, говоритъ, наплевать....—Какія ваши слова?—Наплевать!—Въ участокъ.... Судили-судили.... Какъ его раба Божьяго выпустили, онъ прямо въ обитель и вдарился.... Вотъ—какъ себя произволеніе оказываетъ!

— Это точно.... изъ-за поганаго Лютера!

— Макъ-Магонъ католикъ.

— Все равно, еретикъ!

— Еретикъ.... А все-таки и паркесное пѣніе.... хотя и со скрипкою.... но....

— Что.... но....

— Но тоже....

На праздникахъ народу здѣсь «что каша крутая». Голова кругомъ ходитъ у отца Никандра, потому что, какъ гостинникъ,—онъ пастырь всего этого алчущаго и жаждущаго стада. Сразу по нѣсколько тысячъ приваливаютъ даже зимою. Такъ на Благовѣщеніе по льду пріѣзжаетъ сюда корелъ и чухонъ до 2000. Въ лѣтніе мѣсяцы изъ одного Петербурга приплываютъ по 150 богомольцевъ каждую недѣлю. На Преображеніе изъ столицы съѣзжается 700. Въ скиту Всѣхъ Святыхъ, въ его храмовой праздникъ, скопляется тысячи по три поклонниковъ. Въ теченіе же всего года однихъ береговыхъ собирается здѣсь тысячъ двѣнадцать, да дальнихъ тысячъ восемь. Выработавшихся, традиціонныхъ богомольческихъ типовъ, которыми такъ обильны Соловки и богата Кіево-Печерская Лавра, на Валаамѣ нѣтъ. Тутъ сѣрое крестьянство и питерская мастеровщина. Иной разъ въ гостинницахъ обители, несмотря на ихъ помѣстительность и размѣры, бываетъ такъ много посѣтителей, что они спятъ въ повалку, спина къ спинѣ, лицо къ лицу, точно дрова. Они, впрочемъ, и не претендуютъ. Для Бога! Значитъ и потерпѣть можно. А тутъ кстати и пословицы: «Въ тѣснотѣ люди живутъ», «чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ теплѣе». Между гостями бываютъ и старообрядцы, почитающіе, если не самый монастырь, то островъ, какъ служившій нѣкогда обителью для чистыхъ свѣточей древляго благочестія. Бѣднѣйшимъ богомольцамъ обитель подаетъ иногда сапоги, платье, случается и деньги. Сосѣдямъ, Ладожанамъ, помогаетъ сѣменами, сѣномъ, соломою, огородными овощами. Нищета прибрежныхъ крестьянъ до того поразительна, что въ самую крѣпкую зиму, «не имѣя почти обуви, въ самомъ ветхомъ рубищѣ», они пускаются за сто пятьдесятъ и болѣе верстъ по

озеру, чтобы только пожить денька два на монастырскомъ хлѣбѣ. Многихъ изъ нихъ находятъ замерзшими «отъ великой стужи» за версту или двѣ отъ обители. Въ монастырь стекаются и за медицинской помощью. Лечитъ бывшій гатчинскій аптекарь—нынѣ инокъ и садоводъ, заткнувшій за поясъ петербургскаго Регеля. Больные золотухой и глазами всего чаще обращаются сюда. Обитель снабжаетъ ихъ лекарствами. Всего бѣднѣе народъ съѣзжается на праздникъ Петра и Павла. Тогда тутъ слоняется по дворамъ и монастырю до 4000 человѣкъ.

Всѣмъ богомольцамъ Валаамскій монастырь ставитъ въ обязанность исполнять слѣдующія правила:

1) Безъ особливаго благословенія не ходить въ лѣсъ, въ пустыни, въ скиты, въ монастырскія кельи. Изъ живущихъ въ монастырѣ—никого у себя отнюдь не принимать въ келіи, имъ не давать и отъ нихъ ничего не брать ни подъ какимъ предлогомъ.

2) Не оказывать здѣсь никому частныя благотворенія, а доброхотное свое приношеніе подавать въ общую кружку въ пользу св. обители, такъ какъ никто изъ живущихъ въ монастырѣ не имѣетъ права пріобрѣтать отдѣльную собственность.

3) Письма и посылки въ монастырь, на имя проживающихъ въ немъ, передавать монастырскому начальству.

4) Не стрѣлять на островѣ изъ огнестрѣльныхъ орудій, не бить звѣрей, птицъ, не ловить рыбы, не портить лѣса и не курить табаку.

5) Ничего не писать на стѣнахъ и стеклахъ гостинницы и не бросать огня на удобосгараемыя вещи.

— Тоже и богомолецъ богомольцу рознь, пояснилъ мнѣ о. Никандръ.

— А что?

— Да такъ. Иной вотъ уязвляетъ кротостію, думаешь,—душевенъ и благопотребенъ, а какъ уѣдетъ, вся келія исписана стихомъ неподобнымъ.

Образцы такихъ вдохновеній я видѣлъ. Всѣ они въ родѣ воздыханія:

«Я въ полиціи служилъ
Ни копѣйки не нажилъ,
Только имя подлеца
Пріобрѣлъ въ поту лица!
О, Господи, (тою же рукою) очисти мои прегрѣшенія!»

— Да не во время вы къ намъ пожаловали, объяснилъ мнѣ молодой, симпатичный о. Самуилъ.

— Почему?

— Не теперь надо, а когда нужа крестьянская къ намъ со всѣхъ сторонъ стекается. Тогда истинно Валаамъ во всемъ своемъ великолѣпіи красуется. Все это скорбное, немощное, горемъ къ самой землѣ прибитое, по единому слову пастыря, ницъ повергается. Тутъ-то истинному художнику и надлежитъ быть. Такихъ стоновъ не услышишь. Нашъ мужикъ не то, чтобы тоскѣ своей волю давалъ, а тутъ ужъ—онъ ее на всю вольную волю.... Вчужѣ глядишь на нихъ и плачешь. Господи, думаешь, велики испытанія Твои, но и награда на небесахъ по симъ испытаніямъ, ждетъ ихъ не малая. Къ намъ и съ болящею совѣстью притекаютъ. Такіе, что когда нибудь и душу чужую загубили, тѣ страсть какъ молятся и каются. Вдарится о земь и глазъ на святителя поднять не смѣетъ. Исповѣдуется,—а отъ святыхъ тайнъ отказывается самъ. «Недостоинъ я еще, не замолилъ». Проситъ эпитемій потяжельше. Есть такіе, коимъ за мѣсто эпитемій духовникъ говоритъ: «иди и пострадай,—по начальству объявись». Ну, это они свято исполняютъ. Примиреніе съ совѣстью обрѣтаютъ въ самой лютой мукѣ! А больше приходятъ о нищетѣ своей передъ Господомъ искать предстательства у святыхъ чудотворцевъ нашихъ. Мы такъ замѣчаемъ, чѣмъ недороднѣе годъ, чѣмъ крестьянство бѣднѣе, тѣмъ богомольцевъ больше.... Когда у нихъ все есть,—о Богѣ мало вспоминаютъ.... Помощь его въ несчастіи познается.... Это я имъ не во осужденіе, а такъ по правдѣ.... Тутъ какое дѣло было. Мнѣ тоже разсказывали его старики. Одинъ убивецъ далъ обѣтъ въ каторгѣ, если ему удастся бѣжать, такъ безпремѣнно къ святителямъ Валаамскимъ сходитъ поклониться. Ну, они ему помогли....

— Бѣжать-то съ каторги?

— Отчего же. У нихъ свой судъ, не земной. Судіѣ небесному виднѣе, кто чего стоитъ.... Ну, вотъ-съ, удалось ему бѣжать, добрался до Валаама. Помолился, помолился, а потомъ взяло его сумнѣніе. Правое-ли дѣло его, хорошо-ли поступилъ бѣжамши. И такое у него довѣріе было, что онъ прямо къ отцу Дамаскину. Тотъ его выслушалъ. Приходи, говоритъ, ко мнѣ на утро. А самъ сталъ на молитву, на всю ночь, чтобъ умудрилъ его Господь, какъ въ семъ дѣлѣ поступить. И чѣмъ больше молился отецъ настоятель, тѣмъ болѣе въ немъ жалость къ душѣ болящей и

сердцу неспокойному вошяла. Утромъ, его подвижники наши просвѣтили. Пришелъ это бѣглый. Отецъ Дамаскинъ и говоритъ ему: ежели молилъ ты преславныхъ чудотворцевъ помочь тебѣ и предпріятіе свое исполнилъ успѣшно, значитъ, дѣйствительно, преподобные оказали тебѣ свою милость. Значитъ, не хотѣли они гибели твоей и, хотя великъ твой грѣхъ, кровь убіеннаго вопіетъ ко Господу, — но надѣйся! Иди въ пустыню, живи со звѣрьми съ лютыми, во всемъ ограничивай себя, терпи немощь всякую. Зимой не одѣвайся въ мѣха, лѣтомъ не ищи прохлады. И вотъ тебѣ послушаніе:—десять лѣтъ молчи! Чтобъ не случилось съ тобою,—молчи!

— А молитва?

— А молись духомъ, мыслями молись. Устреми глаза на небеса и молись сердцемъ, чтобы пустыня безмолвная не нарушалась словомъ твоимъ. Живи въ гладѣ и хладѣ. Въ пещерѣ не укрывайся.... А черезъ десять лѣтъ, если Господь тебя сохранитъ, приди опять сюда.

— И пришелъ?

— Какъ же.... Ушелъ молодымъ, а вернулся сѣдой весь, одичалый. Зимой,—грудь у него раскрытая, рубище треплется жалкое. Прямо въ соборъ нашъ попалъ. Самъ Дамаскинъ служилъ.... Кончилась литургія, пошли въ трапезу, онъ на паперти въ ноги отцу Дамаскину. Поднялъ тотъ его, спрашиваетъ. Молчитъ, не отвѣчаетъ. Узналъ его, наконецъ, игуменъ.... Разрѣшаю тебѣ говорить теперь! Примирилась-ли совѣсть твоя? Можешь-ли ты о прошломъ помыслить безъ озлобленія? Заговорилъ тотъ, но только совсѣмъ невнятно. Отецъ Дамаскинъ изъ этого и убѣдился, что послушаніе исполнено грѣшникомъ въ точности. Вечеромъ онъ его отъисповѣдывалъ, всю ночь приказалъ ему въ храмѣ распростершись ницъ лежать, и чтобы сонъ не сомкнулъ ему глазъ. А на утро причастилъ его. Тутъ точно этому самому грѣшнику и было видѣніе: убіенный имъ въ райскомъ вѣнцѣ, съ лицомъ свѣтоноснымъ и въ одеждахъ бѣлыхъ, сходитъ къ нему.... Палъ онъ на колѣни — а на лицѣ у того благость и прощеніе. Далъ ему руку,—«пойдемъ со мною, говоритъ, братъ мой... зане искупилъ ты грѣхъ великій!» И въ тую жъ минуту бѣглый испустилъ духъ свой, вопія: «Иду, Господи, иду!» Вотъ какія дѣла у насъ случались!

Мы шли въ это время по пустыннымъ дворамъ обители. Тишина ихъ говорила сердцу о чемъ-то не отъ міра сего. Въ окнахъ

келій никого не было видно, звуки нашихъ шаговъ далеко раздавались, замирая подъ тяжелыми сводами изъ-за стѣнъ. Вышли. Голубой проливъ синѣлъ подъ солнцемъ, зеленые крутые берега пристально смотрѣлись въ него, точно разглядывая, какую тайну онъ схоронилъ въ своихъ тихихъ водахъ.

— Красота нетлѣнная! Заглядѣлся монахъ.

IX.

Пустыня Назарьевская.

Тишина моей кельи давила меня. Весь этотъ монастырь такъ не похожъ былъ на другія мною видѣнныя обители, что я еще не могъ разобраться съ своими впечатлѣніями.... Листки записной книжки пока оставались дѣвственными,—мысль разбѣгалась.... Во всемъ окрестъ меня сказывалось что-то чрезвычайно серьезное, большое; заблужденіе или нѣтъ,—но дѣло творилось тутъ искреннее, крупное, подвижническое.

— Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ! стукнулъ мнѣ кто-то въ дверь.

— Пожалуйте.

Румяный, молодой монахъ. Кроткіе голубые глаза.

— Простите! Отецъ намѣстникъ благословилъ вамъ показать пустыню Назарьевскую.

— Очень вамъ благодаренъ.... Сейчасъ?

— Ежели не очень устали, можете потрудиться во славу Божію.

Мы отправились.

Отецъ Авениръ оказался монахъ, знающій всю подноготную монастыря. Онъ тутъ прошелъ чрезъ всѣ послушанія и познакомился съ дѣлами чудесно. Начиная съ хозяйства и кончая подвижничествомъ, для него ничего сокровеннаго не было. Только что мы вышли съ нимъ за ограду, какъ Валаамъ передо мною явился въ иномъ свѣтѣ. Обитель осталась позади. Рабочая община выступала передъ нами со всѣми ея заботами и земными помыслами. Вонъ въ низинѣ огороды громадные, обставленные глухо-шумящими деревьями. Низиной этой и они тянутся на нѣсколько верстъ вплоть до салмы. Зелени и овощи всякой не только на годъ хватаетъ обители, но осенью остатки даже раздаются бѣднѣйшимъ жителямъ, которые нарочно для этого съѣзжа-

ются въ монастырь. Вонъ красивые кирпичные амбары для хлѣба, отдѣльно отъ другихъ построекъ на случай пожара.

— Хлѣбъ-то у васъ свой или покупной?

— Своего не хватаетъ. Нивъ у насъ мало. Мы полтораста кулей снимаемъ съ своихъ полей, а тысячу сто покупать приходится и для себя, и для богомольцевъ. Хлѣбъ у насъ не совсѣмъ дозрѣваетъ, случается. Нашъ хлѣбъ маловѣсенъ, а въ подъемѣ тяжеловатъ. Мы его съ купленнымъ мѣшаемъ. Больше для соломы пашемъ. Потому что намъ много соломы требуется для подстилки конямъ. Овса своего снимаемъ пятьдесятъ кулей, а двѣсти приходится на сторонѣ скупать.

Вообще всѣ хозяйственныя постройки здѣсь въ отличномъ состояніи. Онѣ не только грандіозны, какъ въ Соловкахъ, но и содержатся щегольски. Можно подумать, что попалъ къ богатому англійскому землевладѣльцу, не жалѣющему средствъ на долговѣчныя зданія. Большая двухъ-этажная кирпичная рига съ двумя громадными печами для сушки хлѣба. Для нихъ экономные монахи рубятъ пни. Несмотря на обиліе лѣса, его здѣсь жалѣютъ. Не расходуютъ попусту. Стволы исключительно идутъ на постройку, пни на топку. Вырываются даже корни, чтобы они не пропадали даромъ. Изъ нихъ гонятъ смолу. Лѣсное дѣло ведется такъ, что нашихъ лѣсоводовъ слѣдовало бы послать учиться у этихъ простыхъ, неграмотныхъ крестьянъ....

— Вонъ у насъ домъ, гдѣ дѣлаютъ посуду, чашки, тарелки.

— И теперь?

— Нѣтъ, гончарятъ зимою, а теперь тамъ красильня.... У насъ глины чудесныя. Думаемъ фарфоровое производство заводить. Каолиновыя породы есть.

Дорога въ Назарьевскую пустынь шла по чрезвычайно веселой аллеѣ. По сторонамъ шелестѣли кудрявыя березки. Въ молодой листвѣ играло солнце. Пропасть всякой мелкой птицы орало въ чащѣ, перекликаясь со стаями, налетавшими на огородную низину. Величавыя, красивыя сосны слегка покачивали свои вершины, словно укоряя молодыя березки въ легкомыслiи и шаловливости.... Мягкая трава струила весенній ароматъ. Чуялось въ воздухѣ дыханіе невидимыхъ ландышей.

Вдали показался маленькій монашекъ.

Мой отецъ Авениръ чего-то смутился и сталъ оправляться.

— Кто это?

— Это-съ — отецъ Пименъ! Великій умъ, свѣтило обители! заторопился Авениръ, полушепотомъ сообщая мнѣ о необходимости быть представленнымъ маленькому іеромонаху.

— Они въ университетѣ кандидатомъ кончили, много книгъ написали.... Истинно подвижническую жизнь ведутъ. На всѣхъ языкахъ могутъ!

Мы быстро нагнали монашка. Мой о. Авениръ сунулся къ нему подъ благословеніе.

— Вотъ-съ, отецъ намѣстникъ благословили имъ Назарьевскую пустынь обозрѣть.

— Спаси Господи! А вы кто такой?

Я назвалъ себя.

— Писатель? Соловки ваши?

— Да.

— Ну, спаси Господи, какъ я радъ! — Позвольте васъ побратски, и отецъ Пименъ трижды разцѣловался со мною. Хорошо вы это надумали, осмотрѣть нашъ Валаамъ. Очень хорошо! Спаси васъ Господи!... Пустыня Назарьевская по здѣшнимъ мѣстамъ— земной рай. Мы вамъ такую растительность покажемъ, диву дадитесь.... Любимое это мѣсто было отца Дамаскина. И нынѣ его, когда сюда возятъ, такъ онъ духомъ возвеселяется, сказать ничего не можетъ, а только глазами.

Назарьевская пустынь началась аллеей чудныхъ кедровъ. Такихъ крупныхъ я давно не видѣлъ. Въ перемежку съ ними были дубы, которые, несмотря на свой только сорокалѣтній возрастъ,давали уже густую тѣнь. Все это посѣяно отцомъ Дамаскинымъ, въ первый же годъ его управленія обителью. Кедры и дубы выводились изъ сѣмянъ подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Еще далѣе, передъ нами раскинулись чащи пихтъ, серебристаго лоха, американскія липы съ крупною листвою, цвѣтущія и благоухающія.... «Гдѣ я?» невольно задавалъ себѣ вопросъ. «Сѣверъ-ли это? Что могла сдѣлать съ этою скудною и убогою природой сильная воля одного только человѣка!»

— Тутъ любилъ отдыхать отецъ Дамаскинъ.

Дѣйствительно, лучше нельзя найти мѣста! Цвѣты усыпали куртины. Густыя деревья стѣною стоятъ кругомъ. Лѣсъ шумитъ, точно далеко, далеко волны морскія бьются въ берега....

Прямо передъ нами, точно слегка, вздрагиваетъ перистыми вѣтвями цѣлая кучка лиственницъ. Вѣтеръ пробѣгаетъ вверхъ по тополю, будя его заснувшіе листы. Пестрая бабочка, нервно

трепеща крыльями, прицѣпилась къ какому-то цвѣтку. Не хотѣлось уходить отсюда, а между тѣмъ уже звали въ часовню.

— Это чьи картины?

— Образа?

— Да.

— Это намъ монашекъ одинъ пишетъ. Спаси его Богъ!

— Какая прелесть!

Кисть нѣжная, тонкая, въ рисункѣ спокойствіе, видно, что безмятежное сердце и чистый духъ водили искусной рукой. Ликамъ ангеловъ придана чисто женственная кротость.... Подписей нигдѣ нѣтъ. Имя автора неизвѣстно. Только одна казенная фраза «трудами валаамскихъ иноковъ».

— Неужели самоучка работалъ?

— Самоучка.... Мы его валаамскимъ Рафаэлемъ называемъ. Вотъ, я вамъ ужо покажу его, въ мастерскую свожу къ нему, пообѣщался отецъ Пименъ.

— Молодъ онъ?

— Совсѣмъ еще съ виду отрокъ. Пристрастился къ обители нашей, ну и работаетъ во славу Божью.

Недалеко отъ часовни—церковь. Красивая, даже роскошная. Образа—работы того же инока и Пѣшехоновскіе есть. Иконостасъ весь рѣзной, чуднаго и изящнаго дѣла, до послѣдняго завива сработанъ въ обители и опять таки «трудами иноковъ валаамскихъ». Кое-гдѣ лѣпныя детали видны, неуступающія въ отдѣлкѣ и красотѣ своей рѣзному иконостасу. Вышли изъ церкви. Паперть на высотѣ. Крутой спускъ, по которому сбѣгаетъ въ низину гуща пышныхъ сибирскихъ кедровъ. У самаго храма уже приготовлена могила для отца Дамаскина. Этимъ начинается новое кладбище, такъ какъ старое уже совсѣмъ заполнилось. Тѣсно на немъ лежать усопшимъ. Большой холмъ для церкви, весь насыпной, требовалъ труда египетскаго. Обрывъ внизъ для прочности обшитъ гранитомъ. Съ одной стороны обрыва большая нѣжно-зеленая поляна; тамъ тоже будетъ кладбище.

Я взошелъ на колокольню,—точно плывешь надъ лѣсными верхушками. Теплый вѣтеръ дышетъ въ лицо свѣжестью и ароматомъ, не ушелъ бы отсюда.

— Не вѣрится, что на сѣверѣ.

— Погодите, вы у насъ еще и не то увидите, спаси Господи! Все это отъ Назарія пошло, а въ отцѣ Дамаскинѣ обитель своего Петра Великаго обрѣла. Сейчасъ пойдемъ въ келью Назарь-

евскую. Здѣсь у него пустынька была чудесная. Скудная строеніемъ, но мѣстоположеніемъ дивно-прелестная. До Назарія монастырь былъ деревянный, онъ весь изъ камня его поставилъ. Гдѣ Богъ, тамъ и вся благая!

Маленькій домикъ, въ немъ убогая келья. Портретъ игумена Назарія: изнеможенное лицо съ зоркими глазами. Энергическій складъ губъ,—работникъ въ каждой чертѣ лица видѣнъ. Здѣсь въ пустынѣ онъ жилъ на покоѣ, потрудившись достаточно въ пользу обители. Ради отдыха, онъ собиралъ различныя окаменѣлости и минералы оригинальнаго вида, которыми здѣсь завалена цѣлая стѣна.

— Нѣкоторые иноки полагаютъ, что это ступня древняго человѣка, показалъ мнѣ о. Пименъ на окаменѣлость, дѣйствительно, имѣющую видъ ступни.

Тутъ же колодезь высѣченъ въ скалѣ и обшитъ гранитомъ. Кругомъ принялись и колышатся смолистые тополи.

— Они здѣсь быстро ростутъ. Точно нарочито для нихъ и мѣсто, спаси Господи, уготовано.

— А эта аллея куда ведетъ? указываю я на рядъ пышныхъ вязовъ и ильмъ.

— Такъ разбито.

Отецъ Назарій именно былъ тѣмъ малоумнымъ глупцомъ, котораго настоятель Саровскій не хотѣлъ отпускать изъ своей пустыни. Обитель валаамскую онъ принялъ впустѣ, а оставилъ ее благоустроенной и обильной. Число иноковъ при немъ возросло до 55, а при Дамаскинѣ до 300. До Назарія монастырь былъ почти безъ братства. Назаріемъ же были привлечены сюда и трудники—добровольные рабочіе по обѣту.

— Онъ у насъ и уставъ положилъ, какъ быть и управляться намъ.

— Уставъ у васъ тотъ же, что и у Саровцевъ?

— Да, только съ вѣчевымъ оттѣнкомъ. Старь новгородская сказывается. Такъ, напримѣръ, у насъ игуменъ не можетъ смирить непокорнаго наединѣ, а передъ братіей; о всѣхъ дѣлахъ долженъ совѣщаться съ братіей же и безъ того ничего не предпринимать. У насъ и права свои есть, ежели замѣтимъ, что настоятель раззоряетъ уставъ и вводитъ соблазнъ, то сойдясь о Христѣ, мы совѣтуемся и затѣмъ идемъ къ настоятелю.... Тамъ предложивъ ему объ упущеніяхъ, должны сдѣлать, нисколько «не стыдясь, увѣ-

щаніе объ исправленіи». Если же онъ не приметъ совѣта, то мы просимъ избрать другаго изъ братства!

— Случалось-ли это до сихъ поръ, когда-нибудь?

— Нѣтъ, слава Богу.... Наши преподобные не оставляютъ своимъ руководствомъ настоятеля. До сихъ поръ игумены у насъ были знаменитые. Такихъ поискать, не найдешь.... У насъ вообще уставъ строгій! Мы не можемъ, напримѣръ, пищу употреблять внѣ общей трапезы, а за трапезой, кто пожелаетъ воздержаться, то не вводя братію въ соблазнъ, долженъ спросить у настоятеля.

— Зачѣмъ же? Если я ѣсть не хочу.

— А для того, чтобы все совершалось во спасеніе души, а не по бѣсовскому коварству. Въ повечеріи мы не должны бесѣдовать другъ съ другомъ. Намъ воспрещается принимать у себя въ келіи кого бы то ни было, особливо же мірскихъ людей.

— А дамы, если родныя, напримѣръ?

— Отнюдь! Не токмо дамамъ, но и отрокамъ входить въ келіи къ намъ возбраняется. Письма писать безъ благословенія настоятельскаго, мы тоже не можемъ. Кто произнесетъ душевредное слово, того мы обличаемъ. Въ лѣсъ гулять—нельзя.

— Строго. Многіе не вынесли бы этого.

— Потому мы и принимаемъ сначала на испытаніе.... На три года.

— Ну, а если монахъ вздумаетъ оставить обитель?

— Не токмо монаха, но и послушника мы обязаны по сему увѣщевать, ежели онъ помыслитъ по какой либо скорби разуказиться.

— Это еще что?

— Совлечь съ себя званіе иноческое.

— Ну, а если онъ не послушаетъ?

— Уставъ предписываетъ непокоряющагося отпускать, не давъ ему мира какъ мытарю и язычнику, какъ уподобившемуся Іудѣ предателю. Потому, кто разъ отвергнулся себѣ и взялъ крестъ свой, и по Христу пошелъ, тому назадъ возврата нѣтъ. Исаія пророкъ вопіетъ: изыде отъ среды его и нечистотамъ не прикасайтеся, и Іеремія о томъ же: бѣжите отъ среды Вавилона. У Давида такожде обрящете: се удалихся, бѣгая, и водворихся въ пустыню, яко видѣлъ беззаконіе и пререканіе въ градѣ день и нощь.

Строгій уставъ Соловецкаго монастыря, сравнительно съ этимъ долженъ поражать даже фривольными упущеніями. На Валаамъ, слу-

чалось, бѣгали съ Аѳона, находя уставъ и обычаи сего послѣдняго еще недостаточно суровыми.... Чисто гробъ. Уложатъ, забьютъ крышку, и съ послѣднимъ ударомъ молотка въ послѣдній гвоздь, ты ужъ знаешь, что тебѣ возврата нѣтъ. Какъ ни стонай, какъ ни бейся подъ тяжелой насыпью могилы, никто не отзовется тебѣ.... Страшная жизнь — удивительные люди!

Воскресивъ древній Валаамъ, отецъ Назарій замыслилъ развить дѣятельность монастыря нѣсколько шире. Онъ избралъ десять лучшихъ монаховъ для проповѣди христіанства въ русско-американскихъ владѣніяхъ, онъ покровительствовалъ подвижничеству и устроенію пустынь внѣ своей обители. Съ 1801 года онъ удалился отъ дѣлъ и въ полномъ безмолвіи провелъ три года, а затѣмъ уѣхалъ въ Саровскую пустынь, гдѣ отличался, даромъ прозорливости. Личность его, съ этого времени, становится, по разсказамъ монаховъ, легендарной. Онъ, не зная греческаго языка, поясняетъ, какъ нужно переводить книгу «Добротолюбіе», съ одного взгляда узнаетъ, безъ помощи медіумовъ, мысли приходившихъ къ нему посѣтителей, въ дремучихъ лѣсахъ Саровскихъ непросвѣщенные медвѣди, встрѣчая старца, обходятся съ нимъ почтительно, наконецъ, Назарій является въ роли пророка. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ іеромонахъ Иларіонъ: въ царствованіе Екатерины II, близь Петербурга происходило морское сраженіе со шведами. Всѣ были въ крайнемъ страхѣ, а митрополитъ Гавріилъ до того перепугался, что заперся въ своей кельѣ. Въ это самое время является къ нему игуменъ Назарій.

— Доложи владыкѣ обо мнѣ! приказываетъ онъ келейнику.

— Да владыка никого къ себѣ не допускаетъ.

— Меня не надо ему принимать. Я просто подойду къ нему, и хоть ему до меня дѣла нѣтъ, да мнѣ до него есть дѣло.

Видя, что старецъ попался несговорчивый, келейникъ отступился. Назарій является къ владыкѣ и предвѣщаетъ ему побѣду. Гавріилъ усомнился было, но Назарій подводитъ его къ окну и показываетъ въ сторонѣ къ морю восходящія, на свѣтлыхъ облакахъ въ небеса, души воиновъ. Интересно было бы при этомъ узнать, въ какомъ видѣ являлись эти души, такъ какъ духовидцы послѣдняго времени по сему предмету довольно единодушно безмолвствуютъ или описываютъ души не видами, а запахами. Гавріилъ ободрился самъ и тотчасъ же написалъ объ этомъ Екатеринѣ. Когда предсказанія Назарія оправдались, императрица приняла его у себя и милостиво съ нимъ бесѣдовала.

При Александрѣ I, какой-то сановникъ К. «подпалъ царской немилости». Жена его бросилась къ Назарію, умоляя его молиться о спасеніи мужа.

— Очень хорошо, только надо попросить о семъ царскихъ приближенныхъ.

— Мы ужъ всѣхъ просили, да мало надежды.

— Ты не къ тѣмъ обращалась, дай-ка мнѣ денегъ, я самъ попрошу, кого знаю.

Барыня даетъ ему горсть золота.

— Эти мнѣ не годятся; нѣтъ-ли мѣди или серебряной мелочи?

Получивъ ихъ, Назарій цѣлый день раздавалъ нищимъ милостыню, затѣмъ возвратился къ опальному сановнику.

— Ну, слава Богу, обѣщали, всѣ приближенные царскіе за васъ.

Вслѣдъ затѣмъ приходитъ вѣсть о благополучномъ окончаніи дѣла.

— Кто эти приближенные, просившіе за насъ? спрашиваютъ его.

— Царскіе....

— Да они всѣ отказали намъ....

— Да, то приближенные земнаго царя, а я обращался къ сановникамъ царя небеснаго,—къ нищимъ.

X.

Пустыня схимонаха Николая.

Веселая чаща молодыхъ дубковъ.... Лѣтъ семь, какъ разведена, а солнце уже весело играетъ въ свѣжей зелени и золотые брызги его съ привѣтливо колышущихся вѣтвей скатываются внизъ въ густую траву; какіе-то простенькіе цвѣты наивно улыбались по всему пути, покорно подставляя намъ свои бѣдныя, благоухающія головки подъ ноги. Порою, дубовыя вѣтки задѣвали наши лица, тихо и мягко, точно ласкали ихъ.... Все дышало покоемъ и миромъ въ этомъ глухомъ уголкѣ. Съ неба, изъ лѣсу, изъ овраговъ—отовсюду вѣяло благоговѣйною тишиною.... Здѣсь дѣйствительно хорошо молиться, и молиться не по уставу, а тою сердечною молитвой, о которой повѣствуетъ Ефремъ Сиринъ. Дубы покосились,— величавыя сосны шумятъ высоко вверху.... Поросль глуше и дичѣе, даже дорога поросла травою. Вонъ какая-то одинокая могила....

— Схимонахъ Николай схороненъ здѣсь.... Ученикъ Назарія. Тутъ и пустынь его около.

— Чѣмъ же онъ замѣчателенъ былъ?

— Простотой своей.... Не было для него ни высокихъ, ни малыхъ. Всѣ мы равны передъ Господомъ, говаривалъ покойникъ. Забрался онъ сюда въ глушь лѣсную, когда еще сюда и дороги не было, и такъ наединѣ съ природой до самой смерти своей выжилъ....

— Безъ посѣтителей?

— Не нуждался онъ. «Со мною, говаривалъ, всякое деревцо бесѣдуетъ, всякая травка мнѣ свои сказки разсказываетъ. Вѣтерокъ съ поля пролетитъ,—о томъ, что въ полѣ дѣется, повѣдаетъ, ключъ овражный про нѣдра горныя, откуда истекъ онъ. У меня собесѣдниковъ много.» Такъ и жилъ!

Вотъ и жилье его. Срубъ весь заплеснѣвѣлый въ родѣ плохой крестьянской баньки. Въ келью нужно почти вползать. Дверь узка и низка. Въ углу кое-какъ печка сложена, у печки нара малая.... Столъ, стулъ твердый — да больше и помѣстить нечего.... Безлюдье кругомъ. Воображаю, какъ тутъ жилось въ этой глуши лѣсной одинокому, особливо въ темныя ночи, когда тысячеглазая тьма смотрѣла въ эту убогую лачугу сквозь одинокое скупое оконце.

— Я изъ мѣщанъ вѣдь, говаривалъ схимонахъ Николай. Къ суетѣ и прелести мірской не привыкъ, мнѣ и тутъ хорошо!...

Бѣсы, случалось, смущали старца. Больному воображенію чудились ихъ голоса въ звукахъ мятелей и бурь, ломавшихъ вокругъ его избенки вѣковыя сосны. Кто-то стучался къ нему въ окно и смолкалъ только, когда старикъ становился на молитву, призывая въ эту «дивную» глушь Бога живаго. Воскресалъ Онъ и расточались врази Его.... И снова холодная мертвая тишина царила кругомъ, такая тишина, что звуки, рождавшіеся въ утомленныхъ слуховыхъ нервахъ, призраки звуковъ, казались громкими и говорили душѣ.

Александръ I посѣщалъ старика.

Николай сорвалъ ему рѣпу съ своего огорода.

— А ножика я тебѣ не дамъ. Нѣтъ у меня,—ѣшь такъ.

— Ничего, я солдатъ, улыбнулся императоръ.

Теперь надъ этой пустынькой сдѣлали навѣсъ. Иначе она бы развалилась вся....

— Въ иномъ простомъ старцѣ, не глядя на малоуміе, мудрость почіетъ.

— Это какъ же?

— Говорить онъ не можетъ, да и говорить ему незачѣмъ... Его примѣръ душѣ говоритъ....

— Скажите, какая же заслуга уйти отъ людей и вести созерцательную жизнь въ одиночествѣ.

— А забыли это: удались отъ зла и сотвори благо.... Опять же, при всемъ своемъ одиночествѣ,—отцы пустынники, яко возженные свѣтильники, влекутъ къ себѣ сердца. Изъ ихъ дѣяній мы поучаемся, какъ презирать прелестный міръ съ его коварствомъ бѣсовскимъ.

— Я съ вами не согласенъ.... По моему, каждый простой работникъ, что потѣетъ у васъ, таская тачки съ кирпичами на постройку, гораздо полезнѣе всякихъ пустынниковъ.

— Житейское мудрованіе. Гораздо важнѣе одинъ подвижникъ для обители, чѣмъ горы каменныя, навороченныя руками рабочихъ.... Не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ бываетъ, и народы живутъ не дворцами и палатами, а идеалами, исходящими изъ жизней подвижническихъ.... По моему, пустынь схимонаха Николая гораздо болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ монастыря, чѣмъ нынѣшнія сооруженія египетскія съ мастерскими и заводами, съ водопроводами и пароходами....

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наши великіе экономическіе вопросы.

I.

Поземельный вопросъ.

По свѣдѣніямъ о положеніи выкупной операціи, къ 1 іюля 1878 г., оказывается, что для четырехъ съ половиною милліоновъ ревизскихъ душъ, бывшихъ крѣпостныхъ, владѣющихъ землею на общинномъ началѣ, т. е. для трехъ пятыхъ всѣхъ подобныхъ крестьянъ въ раіонѣ мірскаго владѣнія, пріобрѣтено шестнадцать милліоновъ десятинъ, за пятьсотъ милліоновъ рублей *). Скромность этой цифры поражаетъ сравнительно съ тѣми милліардами, которые были употреблены на постройку желѣзныхъ дорогъ и на войну, въ особенности, если принять въ соображеніе тотъ страшный шумъ, который изъ-за этого производился; судя по этому шуму, всякій долженъ былъ бы подумать, что на это дѣло употребляется, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ болѣе денегъ, чѣмъ на желѣзныя дороги и на войну вмѣстѣ. Во время освобожденія крестьянъ наше общество такъ безмѣрно волновалось, такъ неслыханно шумѣло, что изъ этого естественно слѣдовало сдѣлать заключеніе, что дѣло разсмотрѣно было имъ самымъ всесторонниимъ образомъ и обдумано до самой его глубины. Каково же будетъ ваше удивленіе, когда подойдя къ нему ближе, вы убѣждаетесь, что легкомысленнѣе, верхогляднѣе поведенія общества въ этомъ случаѣ могло быть, развѣ только.... напрасно ищу сравненія, не подобрать. Общество смотрѣло и смотритъ на дѣло освобожденія крестьянъ, какъ на актъ самоотверженнаго энтузіазма, оно приняло на себя большія жертвы,

*) Вся выкупная ссуда значительнѣе, къ 1 января 1877 г. выдано до 700 милліоновъ, но я говорю только о раіонѣ господства общиннаго владѣнія.

чтобы вывести эти несчастныя, забитыя существа изъ грязи на свѣтъ Божій, дать имъ жизнь и кусокъ хлѣба. Прелестно, благородно, похвально, но.... Какое тутъ но, что значитъ это но? Оно значитъ, что если люди поступаютъ, не подумавши какъ слѣдуетъ, то вмѣсто великодушнаго дѣла, у нихъ выйдетъ совсѣмъ другое. Милліардъ съ хвостикомъ, употребленный на войну составляетъ, дѣйствительно, чистѣйшую жертву; на сколько мы при этомъ помогли двумъ милліонамъ болгаръ, это вопросъ, котораго мы не будемъ касаться, но жертва людьми и деньгами была чистѣйшая и несомнѣнная. Если мы предположимъ, что дѣло сдѣлалось именно такъ, какъ того желали тѣ люди, которые самоотверженно жертвовали своею жизнію и имуществомъ, ради такого благороднаго начинанія, и что они не сдѣлались орудіемъ другихъ, которые безъ убытка или съ барышомъ стяжали лавры великодушія, предположеніе, можетъ быть и вѣроятное, то подвигъ великодушія будетъ несомнѣннымъ.

Два милліарда, пожертвованные на желѣзныя дороги, составляли чистую жертву, по крайней мѣрѣ, на половину. Но деньги, пожертвованныя ради освобожденія крестьянъ, при глубокомъ изученіи, къ удивленію, оказываются не жертвою, не благодѣяніемъ, а выгодной финансовой операціей. Если мнѣ кто-нибудь замѣтитъ, что распоряжавшіеся въ этомъ дѣлѣ просто даже и не могли распорядиться иначе, что несмотря на эту сторону тѣни, это все-таки было дѣло славное и прекрасное, я не только не буду ему возражать, но въ сущности даже готовъ согласиться съ нимъ; я именно утверждаю, что виновны въ неправильной постановкѣ этого дѣла никто и всѣ. И все-таки про два милліона болгаръ можно сказать, что мы для нихъ пожертвовали милліардъ, а про пятьдесятъ милліоновъ русскихъ крестьянъ не только нельзя сказать, что мы пожертвовали для нихъ хотя бы даже одну мѣдную копѣйку, но нужно сказать, что, давая имъ права, изъ которыхъ одни были имъ существенно необходимы, а другія безполезны для нихъ или даже прямо вредны для страны, мы сдѣлали, рядомъ съ весьма полезнымъ дѣломъ, близорукую финансовую операцію, сдѣлали ее совершенно безсознательно и непосредственно, съ самымъ искреннимъ желаніемъ принести жертву и съ полнымъ убѣжденіемъ, что мы ее приносимъ, сдѣлали ее исключительно по своей наивной вѣтренности, потому что мы ни о чемъ серьезно и самостоятельно мыслить не способны. У большинства крестьянъ, т. е. у государ-

ственныхъ и удѣльныхъ, земли были обрѣзаны, а подати и сборы увеличены до того, что государственный доходъ отъ крестьянъ и государственныхъ земель, кромѣ горныхъ, съ 1860 по 1880 г. увеличился съ 57 милліоновъ рублей на 140 милліоновъ рублей, т. е. въ два съ половиной раза. Бывшимъ крѣпостнымъ продано было дорогой цѣной въ пользу помѣщиковъ имущество, принадлежащее не помѣщикамъ, а крестьянамъ, т. е. ихъ усадьбы. Всякому извѣстно, что цѣнность усадьбы зависитъ отъ строеній, на ней возведенныхъ и принадлежащихъ крестьянамъ, а вовсе не отъ земли. Не надо забывать, что изъ оброка на усадьбу причитается до 3 р. 50 к., т. е. иногда болѣе трети и до половины всего оброка. Самыя земли проданы были по цѣнѣ до такой степени превышающей ихъ настоящую стоимость, что даже и теперь оставшіяся у помѣщиковъ земли, несмотря на значительное возвышеніе ихъ цѣны, стоятъ дешевле, чѣмъ земли, выкупаемыя крестьянами по оцѣнкѣ выкупнаго положенія. Не надо забывать, что помѣщики, какъ полновластные распорядители, оставляли себѣ лучшія земли, а крестьянамъ давали похуже. Затѣмъ выкупъ заключалъ въ себѣ еще выгодную финансовую операцію для казны. Въ то время, какъ за гарантію по желѣзнымъ дорогамъ казна не только ничего не беретъ, но сама приплачиваетъ, она за гарантію выкупныхъ платежей беретъ себѣ съ крестьянъ значительную сумму и употребляетъ даже сбивчивое выраженіе «выкупной ссуды»,—хотя это не ссуда, а гарантія. На 500 милліоновъ рублей, за которые крестьянами у помѣщиковъ куплено 16 милліоновъ десятинъ земли, они платятъ помѣщикамъ чрезъ посредство казны 5%; очень много: земля, на которой владѣлецъ не хозяйничаетъ самъ съ искуснымъ приложеніемъ къ ней капитала, а которую онъ сдаетъ въ аренду безъ инвентаря, не даетъ болѣе 3%. Казна же получаетъ отъ крестьянъ 6%, кромѣ пяти процентовъ на капиталъ, еще одинъ погасительный процентъ въ уплату долга. Если погасительный процентъ составляетъ 1% на пятипроцентный заемъ, то долгъ уплачивается, какъ извѣстно, въ 37 лѣтъ, а по закону крестьне будутъ платить казнѣ 6% еще 12 лѣтъ, т. е. всего 49 лѣтъ. Въ теченіе этихъ 12 лѣтъ они уплатятъ на каждые сто рублей 72 рубля. Это будетъ чистѣйшая выгода казны, которая для этой операціи ничѣмъ не пожертвовала, кромѣ своего имени. На помянутые 500 милліоновъ будетъ переплачено казнѣ всего 360 милліоновъ рублей. Это главное и общее, затѣмъ существуетъ еще множе-

ство частностей. Перечислять ихъ было бы не только слишкомъ долго, но возбудило бы сразу слишкомъ много вопросовъ, поэтому, мы для характеристики ограничимся однимъ примѣромъ. Въ войскѣ донскомъ, какъ и въ другихъ казацкихъ войскахъ, земля считалась принадлежностію войска. Но офицеры завладѣвали самовольно огромными пространствами, какъ и въ другихъ казацкихъ войскахъ, и даже болѣе, чѣмъ въ другихъ. Мало этого, они на этихъ земляхъ точно также самовольно поселили крѣпостныхъ своихъ крестьянъ въ такомъ значительномъ числѣ, что они составили почти четвертую часть всего населенія. Это побудило издать законъ, помѣщенный въ сводѣ военныхъ постановленій, въ силу котораго, крѣпостные люди, жившіе въ войскѣ, были надѣлены пятнадцати-десятинною пропорціею на душу. Законодатель въ этомъ случаѣ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что по закону владѣніе, хотя бы и добросовѣстное, казенною и войсковою землею, не можетъ быть обращено въ собственность посредствомъ давности, и что было бы опасно и соблазнительно дать прецедентъ оставленія въ собственность захваченныхъ самовольно казенныхъ и общественныхъ земель, а потому онъ и не считалъ возможнымъ признать право собственности на земли за донскими помѣщиками. Иное дѣло ихъ крѣпостные крестьяне: они поселены были на этихъ земляхъ не по своей волѣ, и правительство того времени признавало общій принципъ, что земледѣльцы, платящіе государственныя подати, должны быть надѣляемы землею, какъ для того, чтобы они были исправными плательщиками, такъ и для обезпеченія своего существованія. То обстоятельство, что земля, на которой они живутъ, находится въ частной или общественной собственности, нисколько не исключаетъ необходимости обезпеченія крестьянъ надѣломъ изъ этой земли. Пользуется-ли собственникъ земли, подобно помѣщику, трудомъ крестьянина, или онъ имъ даже вовсе не пользуется, все равно, надѣлъ долженъ имѣть мѣсто. На этомъ основаніи припущенники на башкирскихъ земляхъ были надѣлены въ законѣ пятнадцатидесятиннею пропорціею, хотя земля считалась даже прямо частною собственностію башкиръ; припущенники поселились на ней противъ воли башкирскаго народа, по произвольнымъ распоряженіямъ администраціи, и за землю имъ не платили ничего; точно также надѣлены были даже тридцати-десятинною пропорціею мещеряки, хотя они жили на чужихъ земляхъ, за которыя соб-

ственникамъ ничего не платили, и на которыхъ они поселились неизвѣстно на какомъ основаніи. Это въ своемъ родѣ оригинальный и замѣчательный взглядъ на землю и на поземельную собственность; русскій законодатель не простиралъ правъ собственности на землю до права лишать живущаго на ней землевладѣльца надѣла, даже и въ томъ случаѣ, когда этотъ земледѣлецъ былъ крѣпостнымъ собственникомъ *), право на надѣлъ составляло такое неотъемлемое право крѣпостнаго, что человѣкъ, не имѣющій земли, которую онъ могъ бы дать въ надѣлъ, не могъ пріобрѣтать и крѣпостныхъ; такой крѣпостной былъ бы рабомъ, а рабство было запрещено. Законодатель оставлялъ за правительствомъ право нарѣзать земледѣльцу надѣлъ изъ земель, на которыхъ онъ живетъ, это же право существовало и тогда, когда земли составляли чужую собственность. Сосредоточивая на земледѣльцѣ государственные сборы съ земли, онъ обезпечивалъ эти сборы надѣломъ. Служа обезпеченіемъ государственныхъ нуждъ, надѣлъ нарѣзанъ во имя публичнаго права, а такъ какъ частное право уступаетъ публичному, то нахожденіе земли въ частной собственности не могло служить препятствіемъ къ выдѣленію изъ нея надѣла, точно также какъ оно не могло служить препятствіемъ къ обложенію земли государственными сборами и повинностями. Этотъ замѣчательный взглядъ нашего законодательства не былъ выясненъ нашими юристами, по той простой причинѣ, что они вовсе не обладаютъ способностью извлекать основныя начала права изъ нашей жизни и изъ нашихъ законовъ, они вѣчно берутъ ихъ готовыми и притомъ исключительно изъ нѣмецкихъ и французскихъ источниковъ. Единственный юристъ, дѣлавшій въ тѣ времена попытки создавать начала русскаго права, былъ покойный профессоръ Д. Мейеръ, но они, сколько мнѣ извѣстно, такъ и остались незамѣченными. При освобожденіи крестьянъ только что изложенный взглядъ нашего законодательства на надѣлъ послужилъ основаніемъ, и притомъ единственнымъ юридическимъ основаніемъ, къ отобранію у помѣщиковъ и предоставленію крестьянамъ необходимой для ихъ обезпеченія и состоятельности земли. Между крестьяниномъ и помѣщикомъ происходила разверстка, ликвидація отношеній, а потому надѣлъ и долженъ былъ отойти отъ помѣщика. Ничто

*) Если помѣщикъ отбиралъ у своихъ крѣпостныхъ крестьянъ землю, то это подавало поводъ къ вчинанію противъ него дѣла о жестокомъ обращеніи, имѣніе отбиралось у него и отдавалось въ опеку.

не обличаетъ передъ нами въ такой высокой степени безпредѣльную вѣтренность и безнадежную легковѣсность нашего общества, какъ то обстоятельство, что наши юристы не подумали выяснить это русское начало права даже въ то время, когда оно получило такую первостепенную важность. Поглядите на этихъ ученыхъ мужей, когда они предсѣдательствуютъ въ своихъ судахъ и ораторствуютъ на адвокатской трибунѣ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ они умѣютъ принимать важный и солидный видъ подавляющаго научнаго авторитета, почитайте ихъ сочиненія, какая уничтожающая бѣднаго смертнаго ученая глубина; ни въ комъ не можетъ родиться и тѣни подозрѣнія, что эта грандіозно-величественная наружность подбита легкокрылымъ вѣтеркомъ вмѣсто мысли. А какъ необходимо было выяснить эту идею права! Администрація напирала исключительно на одну ея сторону; она требовала обезпеченія крестьянъ исключительно во имя казеннаго интереса, чтобы они могли платить подати, и этимъ дѣлала ее въ высокой степени непопулярною. Землевладѣльцы пользовались этимъ, чтобы замѣнить ее своей идеей поземельной собственности и окончательно обездолить крестьянъ. Настояла крайняя надобность представить противовѣсъ эгоистическимъ стремленіямъ землевладѣльцевъ, выработать это ученіе съ точки зрѣнія правъ и интересовъ крестьянъ и общества и дать ему чрезъ то необходимую популярность. Но юристамъ нашимъ это было не по плечу, да и нѣкогда было имъ этимъ заняться: у нихъ было другое, болѣе серьезное дѣло,—убѣдить общество въ необходимости дать судебному персоналу громадное жалованье, а адвокатамъ соотвѣтствующіе доходы. Общество между тѣмъ кричало, шумѣло, всякій разсуждалъ вкривь и вкось, и въ крестьянскомъ дѣлѣ создали такую мутную воду, въ которой можно было только ловить рыбу смѣтливымъ рыболовамъ, а понять рѣшительно ничего не было возможности. Если руководствоваться установленными юридическими началами, то пришлось бы въ войскѣ донскомъ поступить такъ: всю землю, находившуюся во власти помѣщиковъ, отдать крестьянамъ въ надѣлъ, такъ какъ законъ далъ ее въ надѣлъ имъ, а не помѣщикамъ. Земли эти должны были имъ надѣляться безъ всякаго выкупа, такъ какъ крестьяне выкупали надѣлы отъ учрежденій и частныхъ лицъ только въ томъ случаѣ, когда они и до этого платили этимъ учрежденіямъ и лицамъ оброкъ или повинности, войску же донскому они ничего не платили.

Помѣщики донскіе не должны были получать за крестьянъ никакого вознагражденія, такъ какъ, по принципу крестьянскаго положенія, вознагражденіе помѣщикамъ давалось за землю, а не за крѣпостныхъ.

Между тѣмъ, крестьяне надѣлены были не 15 десятинами, а также, какъ въ прочей Россіи, и даже хуже, чаще всего въ максимумѣ 3 и 4 десятин., несмотря на многоземелье края, и обязаны были выкупать эту землю у помѣщиковъ; остальная же земля возвращена была не войску, а помѣщикамъ, и притомъ безъ всякаго вознагражденія; необходимъ былъ даже особый указъ для безвозмезднаго закрѣпленія за землевладѣльцами такихъ земель, отъ которыхъ войско все-таки не отступалось. Ого! воскликнетъ читатель, да если бы дѣло освобожденія вести такимъ аллюромъ, то неурядицѣ не было-бы конца. Сравните, что вышло изъ освобожденія крестьянъ у насъ, и что въ Америкѣ, если бы американцы заплатили за рабовъ плантаторамъ также щедро, какъ мы заплатили помѣщикамъ за землю, то они потратили бы несравненно менѣе денегъ, чѣмъ они потратили на междоусобную войну, а кромѣ того избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій междоусобія. Что касается до финансовой операціи, то и для этого существовали полновѣсныя причины, нужно имѣть въ виду, что было еще неизвѣстно, какъ будутъ платить крестьяне, несравненно менѣе обезпеченные, чѣмъ государственные; не придется-ли слагать со счетовъ громадныхъ недоимокъ; задуманныя реформы, отмѣна откуповъ, желѣзныя дороги заставляли ждать значительнаго увеличенія государственныхъ расходовъ, нельзя было не имѣть этого въ виду, нельзя было рисковать банкротствомъ. Все это прекрасно, но вы, г. читатель, опять-таки возражаете мнѣ съ точки зрѣнія законодателей, а о законодателяхъ я вовсе не говорю. Я говорю о томъ, что крестьянское дѣло только тогда могло быть сдѣлано какъ слѣдуетъ, когда бы въ обществѣ была выработана необходимая для этого и вытекающая изъ юридическихъ идей и нравовъ народа теорія. Законодатель не можетъ вырабатывать юридическихъ теорій, онъ долженъ дѣйствовать, а не проповѣдывать ученія, онъ можетъ орудовать только готовымъ матеріаломъ, онъ можетъ опираться только на силы, уже существующія. Идеи этихъ силъ были не выработаны, либеральная интеллигенція взяла ихъ отъ заграничныхъ ученыхъ и восхищалась ими, какъ плодами всемірной мудрости, не справляясь о томъ, что выйдетъ, если сѣмена этихъ плодовъ по-

садить на русскую почву, народъ взялъ свои идеи изъ прозябанія, неимѣвшаго ничего общаго съ ученостью европейскихъ мудрецовъ, администраторы имѣли свои, также взятыя изъ жизни, но крайне односторонне, во имя казеннаго интереса; по отношенію къ народу, они имѣли въ виду одно: облегчить ему повиновеніе; къ европейской учености они относились высокомѣрно, какъ къ непрактическому и жалкому суемудрію. Изъ такихъ другъ къ другу окончательно не подходящихъ элементовъ пришлось создать практическое законодательство; оно и было создано, его успѣхъ доказалъ, что законодатели обладали достаточной долей практической смѣкалки. При данныхъ условіяхъ они вышли изъ затрудненія съ такимъ искусствомъ, какое можно встрѣтить далеко не каждый день, и теперь не разъ ихъ припомнишь и воскликнешь: гдѣ они, эти шкиперы и лоцманы, которые такъ ловко держали руль на бурномъ морѣ и прошли въ гавань съ такой малой аваріей! Ой, если бы намъ теперь, да такихъ людей! Не ихъ я хочу упрекать, а хочу показать только, что въ концѣ концовъ вышла все-таки муть. Если читатель захочетъ вникнуть и уяснить себѣ то, на что только что было указано, то послѣ всѣхъ усилій ему останется махнуть рукой и крикнуть: тутъ чертъ ногу переломитъ. И дѣйствительно, если бы соблазнитель человѣчества вздумалъ изъ сего законодательнаго хаоса сотворить стройное цѣлое право, то, несмотря на свое прославленное хитроуміе, онъ переломилъ бы не только одну, но обѣ свои ноги. Мы ищемъ рукавицы, а рукавицы у насъ за поясомъ. Мы понимаемъ, что соціальный вопросъ, вопросъ о противорѣчіи интересовъ между имущимъ и рабочимъ классами составляетъ на западѣ ту подземную лабораторію, въ которой изготовляются элементы для землетрясеній, способныхъ поглотить, сжечь лавой, засыпать пепломъ его цвѣтущіе города, а можетъ быть даже, и разрушить самую цивилизацію. Мы видимъ ясно, что эта цивилизація можетъ не совладать съ этимъ вопросомъ и погибнуть отъ этого, точно также, какъ греко-римская цивилизація не совладала съ идеей политической свободы и погибла потому, что не умѣла создать государство, которое было бы въ одно и то же время и обширнымъ и свободнымъ. Мы съ замираніемъ сердечнымъ убѣждаемся, что этотъ вопросъ долженъ по естественному ходу вещей разлиться и на Россію; даже и теперь, когда соціальнаго движенія еще никакого нѣтъ, соціальная пропаганда составляетъ у насъ злобу дня. Среди рабочаго

населенія, просто только услыхавшіе о томъ, что существуетъ нѣчто, называемое соціальной пропагандой, составляютъ каплю въ морѣ, и все-таки высшіе слои общества въ высокой степени этимъ взволнованы. Среда, въ которой мы всего болѣе боимся грозы, это среда крестьянская, по той простой причинѣ, что къ ней принадлежитъ 90% нашего рабочаго населенія. Мы вполнѣ убѣждены, что нашъ соціальный вопросъ облечется въ форму поземельнаго, а прочее будетъ къ нему только аксессуаромъ. И все-таки мы только кричимъ, бѣснуемся, коверкаемся, а серьезно подумать, и Боже мой, куда, этого съ насъ не спрашивай. Если бы мы сдѣлали хоть малое усиліе нашими мозгами, то мы бы увидали, что соціальнаго поземельнаго вопроса у насъ и быть не можетъ; для того, чтобы онъ у насъ явился, мы должны его искусственно создать. Противорѣчіе между имущимъ и рабочимъ классами въ поземельныхъ отношеніяхъ у насъ не можетъ обостриться, если мы искусственно не втиснемъ нашу историческую жизнь въ совершенно неестественную для нея колею и не дадимъ ей другое, неестественное для нея направленіе. Что такое соціальный вопросъ въ западной цивилизаціи, какъ онъ явился? Явился онъ потому, что политическое и научное развитіе въ этой цивилизаціи не шло въ ногу съ развитіемъ соціальной жизни и соціальныхъ учрежденій. Политическое и научное развитіе сосредоточивало на себѣ всѣ помыслы, весь энтузіазмъ людей этой цивилизаціи, поэтому, политическія учрежденія, научныя изобрѣтенія ушли такъ далеко, что стали въ самое рѣзкое противорѣчіе съ учрежденіями соціальными. Прежде, чѣмъ на нее обратили вниманіе, потребность разрослась до того, что возможность ея удовлетворенія вызывала самыя серьезныя опасенія, и предположеніе, что цивилизація можетъ о нее споткнуться и полетѣть, стало вовсе не лишеннымъ всякаго основанія. Уже то было очень дурно, что пришлось выкупать или силою освобождать массами крѣпостныхъ и рабовъ, отмѣнять и выкупать феодальныя права на обширную ногу; при здоровомъ развитіи такихъ потрясающихъ явленій не должно быть. Но оказалось, что это еще меньшее изъ затрудненій, въ Америкѣ оно привело къ самой кровопролитной изъ войнъ настоящаго столѣтія и все-таки оно было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло сдѣлать. Хотя съ потрясеніями, жертвами и кровопролитіемъ, но это дѣло, по крайней мѣрѣ, можно было сдѣлать, путь къ переходу изъ одного состоянія въ другое существовалъ и былъ

открытъ. Съ помощью денежныхъ пожертвованій можно было не только освободить крѣпостныхъ и рабовъ, но и надѣлять ихъ землею, отмѣнять феодальныя права и проч. Если соціальный вопросъ былъ бы точно также вопросомъ о деньгахъ, онъ вовсе не былъ бы грознымъ вопросомъ, онъ требовалъ бы хорошаго министра финансовъ, и только; но дѣло въ томъ, что вся суть его не въ деньгахъ, а въ умѣньи создавать соціальныя организаціи и орудовать ими; въ умѣньи, которое нужно было пріобрѣтать заблаговременно, прежде, чѣмъ потребность приняла такія обширные и жгучіе размѣры. Когда масса народная находилась въ невѣжествѣ, безграмотности и полной политической опекѣ, тогда соціальнаго вопроса и быть не могло. Но началась политическая эмансипація, явилась всеобщая подача голосовъ, потребность сдѣлать рабочаго человѣка образованнымъ, потому что отъ него зависѣла теперь участь государства и хорошее или дурное управленіе имъ. Освобождаясь отъ политической опеки, онъ по самой сути психической организаціи человѣка не могъ спокойно оставаться въ опекѣ своего хозяина; если онъ не могъ оставаться безучастнымъ по вопросамъ объ управленіи государствомъ, то онъ тѣмъ менѣе могъ смотрѣть безучастно на управленіе фабриками, фермами и т. д., на которыхъ онъ работалъ, потому что тутъ хорошее управленіе составляло для него несравненно болѣе жизненный и существенный интересъ. Имущій классъ долженъ былъ бы предвидѣть уже съ самаго начала, что работникъ, сдѣлавшись демократомъ и членомъ самодержавнаго народа, скажетъ хозяину: ты же самъ мнѣ говоришь, чтобы я въ политикѣ не предоставлялъ дѣла своему теченію, заботясь о томъ, чтобы государство управлялось хорошо и не навлекалось на меня бѣдствій дурнымъ управленіемъ, какъ же ты хочешь, чтобы я смотрѣлъ безучастно на управленіе промышленными заведеніями и землями, вѣдь въ случаѣ банкротства, кризиса отъ дурнаго управленія, я лишусь хлѣба; государство беретъ только часть моего дохода, а заработная плата есть весь мой доходъ. Люди имущаго класса считали себя великими мудрецами, когда они сосредоточивали энергію и энтузіазмъ народовъ на политическомъ движеніи и заглушали всякое соціальное развитіе, а оказалось, что они дѣйствовали, какъ бездонные тупоумцы и навязали себѣ камень на шею. Не наша цѣль разсматривать во всемъ объемѣ этотъ вопросъ, дѣлающійся безвыходнымъ; мы обратимъ вниманіе только на безвыходность поземельныхъ отно-

шеній въ западной Европѣ и то лишь на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы читатель могъ понять, что вопросъ между поземельнымъ собственникомъ, государствомъ и сельскимъ рабочимъ на западѣ можетъ только обостряться, не давая никакого удовлетворительнаго результата; у насъ же рознь между землевладѣльцемъ, государствомъ и крестьяниномъ можетъ быть даже окончательно устранена. О западѣ я буду говорить только для того, чтобы читатель могъ понять, что жертвы, которыя требуются съ нашей стороны для введенія поземельныхъ отношеній въ нормальную колею и которыя при другихъ обстоятельствахъ могли бы показаться ему значительными и даже обременительными, ничтожны, по сравненію съ той цѣлью, которая достигается. Западно-европейскіе ученые постоянно увѣряютъ, что господствующая въ настоящее время въ западно-европейской цивилизаціи идея поземельной собственности есть порожденіе экономическихъ потребностей цивилизаціи, и что всѣ другіе роды поземельныхъ отношеній изчезли именно подъ давленіемъ потребностей, созданныхъ экономическимъ развитіемъ. Они до того неустанно повторяли эту мысль, что учившіеся у нихъ юристы наши увѣровали въ нее какъ въ аксіому. Между тѣмъ, именно, этотъ примѣръ показываетъ намъ, съ какимъ безпредѣльнымъ легкомысліемъ западно-европейскими учеными создаются ихъ политическія и соціальныя идеи; онъ объясняетъ весьма осязательно, какимъ образомъ могло произойти то уродливое отношеніе между политическимъ и соціальнымъ развитіемъ, изъ котораго родился бездонный соціальный вопросъ. Если взглянуть трезво на исторію развитія поземельныхъ отношеній въ западной Европѣ, то прежде всего бросается въ глаза, что политическія, экономическія и соціальныя потребности общества, въ образованіи поземельныхъ отношеній, не только не служили руководителями, но отрицались постоянно и исключительно. Всѣ понятія о правѣ тамъ составлены были подъ господствующимъ вліяніемъ этихъ отрицаній. Именно только поэтому и могло создаться то безвыходное положеніе, къ которому западно-европейскія общества пришли въ этой области. Посмотрите, какъ выясняется образованіе этихъ идей, если оставить въ сторонѣ всѣ спорные факты и держаться только всѣми признанныхъ. Муть юридическихъ понятій тѣхъ германцевъ, которые въ началѣ среднихъ вѣковъ завладѣли западной Европой и положили на ея порядки печать своихъ идей, заключалась въ безвыходномъ смѣшеніи публичнаго и частнаго права на землю;

они въ одно и то же время и различали, и смѣшивали эти два рода правъ. Это крайне облегчало сильнымъ завладѣніе не только общественными и ничьими, но и частными землями. Въ качествѣ начальника онъ посылалъ разчищать и запахивать въ общественномъ лѣсу, а потомъ претендовалъ на эти пашни какъ частный человѣкъ, отъ владѣльца онъ получалъ политическую дань, а потомъ претендовалъ на его землю, онъ не отступалъ даже отъ тѣхъ земель, которыя дарилъ. Такимъ образомъ, клочекъ земли получалъ нѣсколькихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый находилъ, что онъ именно есть настоящій господинъ на вѣки вѣковъ. Эти притязанія тѣмъ болѣе превращались въ право, чѣмъ существеннѣе владѣлецъ могъ поддержать свою претензію силою. Этими существенными владѣльцами оказались однако же вовсе не агрономы, а рыцари и духовенство, которые считали приличнымъ для себя занятіе военнымъ ремесломъ, теологіею, дипломатіею, а занятіе земледѣліемъ признавали постыднымъ и позорнымъ. Цѣль, къ которой они стремились, въ развитіи идеи поземельнаго права, заключалась въ томъ, чтобы создать себѣ орудіе, которое, съ одной стороны, ставило бы ихъ въ независимое положеніе отъ государства, а съ другой, подчинило бы ихъ по возможности вполнѣ занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и земледѣліемъ. Отсюда произошла такъ-называемая средневѣковая анархія; права государства и государей, съ одной стороны, массы сельскаго населенія и работниковъ и хозяевъ, съ другой, умалялись до ничтожества, и государственный порядокъ и успѣшная работа дѣлались невозможными. Ясно, что идея права, создавшая такое положеніе, развивалась въ направленіи, которое заключало въ себѣ полнѣйшее отрицаніе и политическаго, и экономическаго, и соціальнаго интереса общества. Факты, указывающіе на этотъ ходъ дѣла, такъ ясны и многочисленны, что и у прежнихъ, и у современныхъ ученыхъ выходитъ въ этомъ отношеніи одно и то же. Такъ онъ изображался самъ собою въ ихъ сочиненіяхъ, когда они были геройскими защитниками новыхъ идей, противъ феодализма и клерикализма, такимъ онъ является у нихъ и теперь, когда они возстаютъ противъ соціальныхъ дуновеній и стремленія доказывать, что, когда то, повсемѣстно господствовало общинное владѣніе землею и даже равные передѣлы.

II.

Экономическій интересъ общества.

Если читатель не вѣритъ такому легкомысленному изложенію и хочетъ ученой глубины, то я заранѣе могу ему предсказать, что̀ выйдетъ изъ его дерзновеннаго скептицизма. Послѣ неимовѣрныхъ усилій одолѣть сонъ и скуку, онъ наконецъ пойметъ.... О! я его вижу, какъ онъ стоитъ съ разинутымъ ртомъ и разведенными руками и повторяетъ:—*только-то*. Но, чтобы онъ не думалъ, что я клевещу, я ему готовъ указать средство, которое дастъ ему возможность раздѣлаться съ его скептицизмомъ нѣсколько менѣе дорогой цѣной. Я ему посовѣтую обратиться къ изданіямъ Gustav Schmoller: Staats-und wissenschaftliche Forschungen. Это ученость самой чистой пробы и вполнѣ безпредѣльной сухости. Пусть онъ прочтетъ напр. сочиненіе Штернера: Die Ausbildung der grossen Grundherrenschaften in Deutschland während der Karolingerzeit, — Leipzig, 1878. Онъ будетъ путаться, спотыкаться, булькаться въ муть, будто онъ переходитъ по узкому броду, заваленному карягами, но если онъ будетъ имѣть терпѣніе дойдти до конца и благополучно выйдетъ на другой берегъ, то онъ увидитъ, что и тутъ результатъ оказывается такимъ, какимъ онъ оказывался уже несчетное число разъ и какимъ онъ изложенъ выше въ нѣсколькихъ строкахъ. Онъ съ удивленіемъ спроситъ себя: «если общинное владѣніе уничтожалось такимъ путемъ, то какъ же возможно было сказать, что оно погибло потому, что не согласовалось съ экономическими требованіями производства. Развѣ элементы, которые расхватывали общинныя земли, выступали на арену во имя экономическихъ интересовъ общества; они знать не хотѣли ни общества, ни его экономическихъ, ни его политическихъ интересовъ и, разрушая все, съ исключительною цѣлью поставить свой интересъ выше всякаго общественнаго, создали анархію». Если бы паче чаянія Штернеръ не набилъ ему оскомину, онъ можетъ прочесть тутъ же: Karl Langrecht: Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im neusten Jahrhundert. 1878,—и тутъ онъ найдетъ муть и путаницу, въ которой никакія отчаянныя усилія не помогутъ увидать что-нибудь ясно. Ему останется преклоняться передъ авторомъ въ сознаніи своего ничтожества. И все-таки, я полагаю, у него достанетъ смѣтливости понять, что между эконо-

мическимъ интересомъ общества и порядкомъ, который завершился провозглашеніемъ принципа: «всякая земля должна имѣть сеньора»,—нѣтъ ничего общаго. Каково сѣмя, таково и растеніе. Растеніе есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе сѣмени. Изъ права, порожденнаго отрицаніемъ экономическихъ и политическихъ интересовъ общества, произошла идея такого же пошиба, но для которой придумали заманчивое и соблазнительное названіе свободной собственности. Пусть публика думаетъ, что это именно та самая собственность, которую нельзя замѣнить никакимъ другимъ учрежденіемъ, не разрушивъ государства, да еще не простая, а свободная. Не безъ нѣкотораго основанія разсчитывали, что публика не догадается, что графы и кастеляны объявляли свои наслѣдственныя права также неприкосновенной собственностію, но что изъ этого произошло?—одна неурядица. Пришлось раскаяться въ созданіи такихъ понятій о собственности, которыя вызваны были стремленіемъ отрицать политическіе и экономическіе интересы общества. Государственная власть, которая была ими почти разрушена, стала возстановляться, и тогда графамъ и кастелянамъ объявили, что ихъ права *не собственность, а должность*.

Какимъ образомъ пошла эта борьба отрицанія политическаго и экономическаго интереса общества послѣ того, какъ государство стало говорить за себя громко, а общество стало по временамъ вставлять свое словцо, видно всего яснѣе изъ исторіи изчезновенія общинныхъ земель. Общинныя земли въ западной Европѣ удержались въ наибольшихъ размѣрахъ только тамъ, гдѣ, съ одной стороны, самъ обработывавшій ихъ земледѣлецъ, а, съ другой, общество, имѣли наиболѣе возможности отстаивать свой экономическій и политическій интересъ. Швейцарія, страна наибольшей общественной самостоятельности, является также тою страною, гдѣ общинныя земли имѣютъ наибольшій размѣръ. Тамъ, гдѣ общество и народъ были доведены до полной безгласности, рыцари и духовенство просто завладѣвали землями; въ Швейцаріи это было не такъ легко, общество все-таки понимало, что экономическій его интересъ заключается въ томъ, чтобы земля оставалась въ рукахъ землевладѣльца, хотя и не была въ состояніи выработать себѣ юридическую идею поземельнаго отношенія, которая была бы хотя сколько нибудь удовлетворительно приспособлена къ его интересу. Безгласность общества, его неспособность дать поддержку тѣмъ, кто дѣйствуетъ въ его инте-

ресѣ, привели къ тому, что и владѣльцы общинныхъ земель могли и стали дѣйствовать въ томъ же направленіи какъ рыцари и духовенство. Вмѣсто того, чтобы сливать право на орудіе, т. е. на землю, съ тѣми, кто пользуется этимъ орудіемъ, т. е. земледѣльцами, они стремились наоборотъ, вполнѣ отдѣлить право на орудіе (на землю) отъ занятія, создать изъ него средство власти надъ занимающимися земледѣльцами. Общинные владѣльцы дѣлали изъ себя общество, имѣвшее на землю общее наслѣдственное право, человѣкъ получалъ право на общинную землю не потому, что занимался земледѣліемъ въ общинѣ, какъ того требовалъ общественный интересъ, и даже не потому, что былъ членомъ общины, а потому, что родился отъ общиннаго владѣльца. Общинные владѣльцы, чрезъ такую форму учрежденія, сдѣлались такими же привиллегированными владѣльцами, какъ дворянство и духовенство; имъ оставалось только стремиться къ тому, чтобы заставить общину забыть, что она имѣетъ на эти земли право, и это всего удобнѣе достигалось превращеніемъ ихъ въ частную собственность. И эту исторію вы можете прочесть въ скучномъ, длинномъ и сбивчивомъ изложеніи у Шмоллера въ сочиненіи извѣстнаго спеціалиста по отношенію къ швейцарскимъ общиннымъ землямъ, A. v. Miaskowsky, die schweizerische Allmend in ihrer geschichtlichen Entwickelung vom 13 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Schm. B. II. H. 4. Leip. 1879.—Это движеніе давало въ концѣ мелкую собственность и составляло исключеніе; правило же состояло въ томъ, что высшее сословіе, которое не въ состояніи было долѣе сопротивляться созданію государства, вырывавшаго у него политическія права, создавало идею поземельныхъ правъ, которая давала ему возможность брать себѣ тотъ доходъ съ земли, который въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Азіи, доставался государству. Агрономическій интересъ общества опять-таки отрицался и пренебрегался. Аббатамъ, кавалерамъ и пр., которые танцовали и интриговали въ столицахъ, даже и въ голову не приходило оправдывать свои права какими-нибудь агрономическими соображеніями. Земли тасовались и переводились изъ рукъ въ руки неограниченными монархами, и это дѣлалось очень легко, но ни политическій и податной интересъ государства, ни экономическій интересъ общества не играли при этомъ никакой роли. «Какіе землевладѣльцы платятъ всего болѣе податей?» спросилъ Наполеонъ въ 1808 г. своего министра финансовъ. «Древнее дворянство», отвѣчалъ министръ. «Это не хорошо», ска-

залъ императоръ и рѣшилъ перетянуть землю въ руки своихъ приверженцевъ. Но перетягивая, онъ заставлялъ ихъ разориться и разорять свои земли на блескъ и роскошь. Агрономическій интересъ общества трещалъ, но это была вовсе не прихоть, а необходимость для поддержанія автократическаго авторитета. Дѣло землевладѣльцевъ однако же вовсе не пошло внизъ въ направленіи къ подчиненію интересамъ государства и общества. Государство, дѣйствительно, сформировалось, но оно было бюрократическое и потому слабое. Особенность бюрократіи заключается въ томъ, что она неизбѣжно сама собой недовольна и, выражаясь языкомъ поэтическимъ, носитъ смерть въ своей груди. Если чиновникъ доволенъ тѣмъ, что онъ начальствуетъ и распоряжается другими, то онъ недоволенъ тѣмъ, что надъ нимъ самимъ распоряжаются; чтобы сдѣлать его довольнымъ, нужно давать ему такое поощреніе, которое ожесточитъ десятерыхъ. Это ложный кругъ. Бюрократія неизбѣжно вѣчно сама недовольна и сѣетъ кругомъ себя недовольство; это режимъ, который можетъ дѣйствовать успѣшно только въ народѣ апатическомъ и неподвижномъ и только до тѣхъ поръ, пока онъ остается апатическимъ и неподвижнымъ. Лишь только въ народѣ проявится потребность выйти изъ апатической неподвижности, бюрократія неизбѣжно его взволнуетъ, никакое искусство, никакое совершенство, никакая польза мѣръ, принимаемыхъ правителями, не спасетъ отъ этого государства, потому что въ бюрократіи на одного довольнаго всегда десять недовольныхъ. Это недовольство неизбѣжно ободряется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе государство развивается. Положеніе бюрократа таково, что онъ не можетъ имѣть ни самостоятельнаго мнѣнія, ни самостоятельнаго чувства, онъ рискуетъ тутъ и хлѣбомъ, и положеніемъ, и карьерой. Въ обществѣ неподвижномъ, гдѣ люди не думаютъ, это не представляетъ особыхъ неудобствъ, но въ обществѣ развивающемся, гдѣ взгляды вырабатываются и начинаютъ стремиться перейти въ дѣло, это становится наконецъ невыносимымъ. Эта несогласимость бюрократическаго режима съ развитіемъ, эта неизбѣжность всеобщаго неудовольствія бюрократическимъ режимомъ, какъ скоро народъ чувствуетъ потребность въ развитіи, возродила стремленіе феодальныхъ господъ городскихъ и патриціевъ, превратившихся въ имущій классъ, снова захватить въ свои руки политическія права. Говорятъ о господствѣ буржуазіи, но это затемняетъ дѣло. Такъ-называемый имущій классъ, это тѣ же феодальные

господа, но прежде они стремились побороть интересъ государства и общества, отдѣляясь отъ него, создавая идею права, которая бы ставила ихъ особнякомъ, теперь они организовали себя, чтобы захватить государство въ свои руки и подчинить себѣ, такимъ образомъ, и его интересъ и интересъ общества. Явился энтузіазмъ господства имущаго класса, управленіе имущаго класса смѣшивали со свободою, съ народнымъ самоуправленіемъ; о томъ, что свобода, народное самоуправленіе и господство имущаго класса—вещи даже прямо противуположныя, вовсе умалчивалось, воспѣвалась такъ-называемая свободная поземельная собственность, провозглашалась на столько же превосходнымъ орудіемъ экономическаго прогресса, на сколько господство собственниковъ было будто-бы орудіемъ политическаго. Это соціальное міровоззрѣніе оказалось, однако жъ, до такой степени рѣзко противорѣчащимъ потребностямъ общества, что оно стало разрушаться прежде, чѣмъ оно успѣло распространиться и укорениться, оно оказалось даже болѣе слабымъ, чѣмъ идея бюрократіи. Всеобщая подача голосовъ, въ качествѣ базиса самоуправленія, вытѣснила политическую идею имущаго класса въ теченіи немногихъ десятковъ лѣтъ. Именно потому, что мышленіе западной цивилизаціи было сосредоточено на области политической, тамъ не могло произойдти такой крупной ошибки, какъ въ запущенной и заброшенной области экономической. Вслѣдствіе этого запущенія въ основѣ поземельныхъ отношеній легла идея, до такой степени несогласимая съ прогрессомъ, что она создала положеніе безъ выхода. И политическая идея бюрократіи была слишкомъ далека отъ совершенства, но она не создала замка, путь къ политическому прогрессу, посредствомъ развитія самоуправленія, остался открытымъ. Если потребность дѣлалась сильной, она могла получать удовлетвореніе, препятствія были сравнительно легко устранимы: чье нибудь упрямство, чье нибудь неразуміе и т. п. Какъ легко было не довести дѣло до экономическаго замка показываетъ Россія, гдѣ такого замка не произошло, гдѣ путь остался открытымъ до сихъ поръ, несмотря на то, что экономическія учрежденія были плохи, даже очень плохи; мало этого, путь открылся у насъ шире съ Петра Великаго въ то время, когда Европа начала на насъ дѣйствовать и, развивая въ нашемъ барствѣ эксплуататорскую струну, существенно ухудшала учрежденія. Расширеніе пути было въ сущности тоже вліяніемъ Европы, мы смутно почувствовали недостатки европейскаго на-

правленія, грубо, грязно и по-бурлацки старались ихъ избѣгнуть; похвальнаго въ нашемъ образѣ дѣйствія было немного и все-таки онъ размыкалъ путь; что было похвальнаго въ дѣйствіяхъ Людовика XI? Тутъ даже, напротивъ, кромѣ коварства, жадности и низости, ровно ничего не было, и все-таки онъ посѣялъ то сѣмя, изъ котораго выросло блестящее государство, современная славная, демократическая французская республика. Чтобы читатель могъ получить понятіе объ этомъ гордіевомъ узлѣ Европы, который нельзя ни развязать, ни разрубить, ему необходимо дать нѣсколько здравыхъ экономическихъ взглядовъ. Великій ученый излагаетъ передъ публикой съ лучезарнымъ глубокомысліемъ пріемы англійскаго крупнаго фермера, публика падаетъ въ прахъ въ сознаніи своего ничтожества передъ этимъ величіемъ. Но если-бы она не падала въ прахъ, а мыслила, то она сдѣлала бы слѣдующее соображеніе: русскій крестьянинъ производитъ дешевле англійскаго фермера и еще какъ дешевле, хлѣбъ мѣстами вдвое и даже втрое, мясо въ пять и шесть разъ дешевле. Можно-ли послѣ этого сказать, что англійскій производитель есть искусный производитель, изъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что русскій крестьянинъ неизмѣримо искуснѣе англійскаго фермера, и чтобы опровергнуть это заключеніе, нужны опять-таки факты. Представьте себѣ, что англійскому фабриканту указали бы гдѣ-нибудь артельныя фабрики, которыя продавали-бы свой товаръ втрое и вшестеро дороже, и сказали-бы: смотрите, съ какими искусными пріемами они производятъ и какую массу денегъ выручаютъ, не есть-ли это убѣдительнѣйшее доказательство противъ капиталистическаго производства. Отнюдь нѣтъ, возразилъ бы онъ, мои пріемы и проще и лучше, потому что я могу производить дешевле, накиньте мнѣ 70%, и я вамъ произведу такой же хорошій товаръ, какой артельныя фабрики производятъ за цѣну втрое и вшестеро болѣе высокую; артельное производство есть эксплуатація публики и невыгодное производство. Общество, разумѣется, закричало-бы: такъ, совершенно вѣрно. Вы задаете себѣ вопросъ: кто самый искусный производитель въ сельскомъ хозяйствѣ, англійскій ученый фермеръ?—Я отвѣчаю, нѣтъ: дикарь, номадъ, монголъ и калмыкъ. Не было и нѣтъ сельско-хозяйственнаго производителя, который бы при такихъ неблагопріятныхъ естественныхъ условіяхъ, съ употребленіемъ такой малой доли труда, былъ бы способенъ произвести такую массу продуктовъ. Сдѣлать то, что сдѣлалъ номадъ Средней Азіи, это

просто сельско-хозяйственное чудо. Онъ создалъ породу скота крупнаго и мелкаго, до того послушную, выносливую и самосохраняющуюся, что ее можно пасти глазомъ, т. е. сидѣть передъ своей палаткой, заниматься ремесломъ и въ то же время пасти большое количество скота, разсыпанное въ далеко разстилающейся степи. Этотъ скотъ кормитъ себя самъ цѣлую зиму несмотря на снѣгъ, который достигаетъ мѣстами саженной глубины, способенъ проводить зимой и день, и ночь подъ открытымъ небомъ, требуетъ самыхъ ничтожныхъ приспособленій для своего огражденія. Цѣлая масса народа можетъ жить отъ трудовъ одного пастуха. Этотъ пастухъ бѣднѣйшее и несчастнѣйшее существо, успѣхъ его производства уничтожаетъ въ конецъ его ужаснымъ политическимъ положеніемъ, жена и дѣти—легчайшая часть его бремени, затѣмъ надъ нимъ цѣлая толпа господъ, живущихъ на его счетъ, тутъ и хозяинъ съ своимъ гаремомъ, затѣмъ зайсангъ съ своимъ гаремомъ, затѣмъ найонъ съ своимъ гаремомъ, затѣмъ гемонъ съ своимъ монастыремъ и т. д. Поразительность сельско-хозяйственнаго чуда, разумѣется, нисколько не уменьшается этимъ. Ясно, какъ день, что этотъ номадъ самое жалкое, невѣжественное, лѣнивое, слабое и раболѣпное существо, но чудо все-таки существуетъ. Когда европейцы завладѣли обширными степями, они должны были обратиться къ такому же образу дѣйствія, какъ номадъ, и даже превращать себя въ номадовъ. Такъ дѣйствовали испанцы въ Америкѣ, но также дѣйствовали и опытнѣйшіе англійскіе сельскіе хозяева въ Соединенныхъ Штатахъ, Африкѣ и Австраліи. Все-таки они не умѣли довести породу до такой степени выносливости и самосохраняемости, какъ азіаты. Современная южно-американская овца даже вовсе не могла бы жить среди тѣхъ условій, среди которыхъ процвѣтала ея предшественница, равная по своей самосохраняемости и выносливости со скотомъ номадовъ. Нашъ просвѣщенный помѣщикъ, учившійся у заграничныхъ знатоковъ сельскаго хозяйства, разводилъ въ степи мериносовъ, а киргизъ надъ нимъ смѣялся, и дикарь оказался, дѣйствительно, болѣе искуснымъ, киргизскій баранъ, при несравненно меньшемъ трудѣ, со стороны человѣка, давалъ гораздо болѣе продуктовъ, чѣмъ мериносъ. Русскій крестьянинъ въ Сибири, коренной степнякъ европейской Россіи, сѣетъ безъ удобренія и получаетъ плохіе урожаи, опытнѣйшій агрономъ англійской школы въ западныхъ штатахъ Америки и т. п. также пришелъ къ тому, что сталъ

сѣять безъ удобренія и получать плохіе урожаи. Дѣйствуя этимъ, такъ называемымъ, варварскимъ путемъ, онъ засыпаетъ хлѣбомъ Европу и давитъ до отчаянія ученыхъ англійскихъ агрономовъ. При этомъ, про него нельзя сказать, что онъ можетъ дѣйствовать такъ потому, что подобно русскому крестьянину довольствовался ничтожнымъ вознагражденіемъ, напротивъ, онъ и въ Америкѣ, и въ Австраліи отсчитываетъ себѣ вознагражденіе вдвое и втрое превышающее англичанина. И заработная плата выше, и процентъ съ капитала выше. Поля не удобряются, несмотря на обиліе скота, навозъ выкидывается, какъ ненужная вещь. Удобреніе полей есть уже шагъ къ болѣе невыгодному производству, хотя урожай при этомъ несомнѣнно увеличивается. То же количество труда даетъ уже значительно менѣе произведеній. Со стороны скота утрата самосохраняемости уже громадна, сравнительно со скотомъ номада, и все-таки онъ требуетъ сравнительно ничтожной работы для своего содержанія. Вы разѣваете ротъ, когда узнаете, что для годичнаго содержанія штуки крупнаго скота достаточно 25 пудовъ корму въ годъ, цѣною въ два рубля серебромъ, и что, при этомъ, въ лѣтнее время, корова можетъ давать до одного ведра молока въ день, если естественныя пастбища—луга представляютъ обиліе корма. Даже тамъ, гдѣ для годичнаго обезпеченія штуки крупнаго скота употребляется болѣе труда, чѣмъ на какихъ-нибудь 2 р. 50 к., могутъ существовать рядомъ въ теченіе сотни лѣтъ крупная порода съ ведерницами-коровами и обыкновенный навозный скотъ, нисколько не улучшая другъ друга, только потому, что въ одной мѣстности естественныя пастбища и луга превосходны, а въ другой плохи и всякое искусственное улучшеніе луговъ и пастбищъ уменьшало бы производительность труда, или, какъ говорится на темномъ и сбивающемъ все въ одну кучу условномъ языкѣ,— не окупалось бы. Вы видите горькія неудачи нашихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые стремятся ввести въ своихъ имѣніяхъ самые усовершенствованные, въ особенности англійскіе сельскохозяйственные пріемы. Обыкновенно это наиболѣе способные и развитые изъ землевладѣльцевъ, поэтому, съ одной стороны, они вполнѣ достигаютъ цѣли, урожаи увеличиваются, являются коровы съ бо̀льшимъ удоемъ, быки съ большимъ вѣсомъ и пр., а въ концѣ все-таки полнѣйшее фіаско. Раздается крикъ: всего лучше по старому, большіе урожаи невыгодны, произведеніе навоза слишкомъ дорого, искусственныя удобренія еще невыгоднѣе,

улучшеніе скота даетъ одинъ убытокъ. Крикъ переходитъ въ насмѣшки, во Франціи дургамская порода выгодна только въ исключительныхъ случаяхъ, а захотѣли ее ввести въ Россіи, какая забавная глупость! Является такое направленіе, какъ у агронома Дмитріева *), который обратилъ на себя вниманіе министра государственныхъ имуществъ и нѣкоторыхъ земствъ; оно заключаетъ въ себѣ по существу отреченіе отъ перенесенія англійскихъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ на нашу почву и возвращеніе къ пріемамъ нашихъ крестьянъ. Повидимому, Дмитріевъ самъ не знаетъ, что многое изъ того, что онъ называетъ выводами новѣйшей науки, уже давно усвоено крестьянами, а потому предлагаемые имъ пріемы находятся уже въ давнишнемъ употребленіи, но не получаютъ всеобщаго распространенія по причинамъ, которыя онъ упустилъ изъ виду. Если мы сдѣлаемъ усиліе уяснить себѣ причину неудачи нашихъ передовиковъ-землевладѣльцевъ, то мы прежде всего увидимъ, что у насъ нѣтъ того отношенія между базарными цѣнами, которое существуетъ въ Англіи, и что именно поэтому то, что въ Англіи даетъ большіе барыши, можетъ давать у насъ только убытки. Агрономія есть наука, но это вовсе не такая наука, какъ астрономія, ботаника, зоологія, ея истины условныя; она изучаетъ искусство наивыгоднѣйшаго производства, а выгодность и невыгодность производства обусловливается прежде всего рыночными цѣнами. Это условіе есть фундаментъ, на которомъ она строитъ; вы вырвали изъ подъ нея это условіе,—и все ея зданіе рушилось; то, что было лучшей хозяйственной комбинаціей вчера, сдѣлалось теперь худшей, громадная литература, изъ которой вы могли научиться вчера, будетъ сегодня вводить васъ только въ заблужденіе. И такъ, чтобы разъяснить себѣ дѣло, вы сосредоточиваете ваше вниманіе на рыночныхъ цѣнахъ. Что же вы видите? Чѣмъ быстрѣе и выше подымаются относительныя цѣны на какое-нибудь произведеніе, тѣмъ яснѣе, что производство дѣлается невыгоднымъ; вы должны заключать, что то же количество труда даетъ все меньшее количество произведеній. Въ интересахъ общества, разумѣется,—обращаться къ выгоднѣйшимъ производствамъ, между тѣмъ въ западно-европейскомъ, въ осо-

*) К. Д. Дмитріева: «Какъ вести доходное хозяйство съ наименьшими на то затратами». Второе изданіе. Издано землевладѣльцами орловской и тульской губ. Москва 1877 г.

бенности, въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ, вы видите обратное: чѣмъ быстрѣе подымаются цѣны, тѣмъ болѣе сельское хозяйство сосредоточивается на этомъ дорогомъ производствѣ, и наоборотъ, чѣмъ менѣе цѣны идутъ вверхъ, тѣмъ болѣе уменьшаются размѣры производства. Въ Англіи пшеница составляетъ тотъ продуктъ, цѣна котораго сохранила наибольшее постоянство и наименѣе возвысилась сравнительно, напримѣръ, съ русскими цѣнами, слѣдовательно,—это производство, которое осталось наиболѣе выгоднымъ для общества, между тѣмъ, именно, его размѣры получили самое поразительное сокращеніе; ячмень, овесъ получили сравнительно значительно большее повышеніе цѣны, и культура ихъ стала развиваться на счетъ пшеницы. Если вы отъ цѣнъ перейдете къ естественнымъ свойствамъ почвы, то вы найдете, что для Англіи пшеница есть болѣе естественный продуктъ, чѣмъ хлѣбъ сѣверныхъ странъ и горныхъ высотъ—ячмень, то же количество труда увеличитъ болѣе урожай пшеницы, чѣмъ ячменя *). Еще выше поднялись цѣны на животные продукты, и скотоводство сдѣлалось центральнымъ пунктомъ англійскаго хозяйства; распространялись именно тѣ породы животныхъ, которыхъ воспитаніе стоитъ наибольшаго труда и которыя у насъ давали наибольшіе убытки. Самое большое возвышеніе цѣнъ и труда мы видимъ относительно огородныхъ, въ особенности экзотическихъ растеній, количество труда такъ велико, что въ Россіи даже немыслимо употребленіе столь большаго труда, ради столь малаго количества продуктовъ, и именно эта отрасль получила самое большее относительное развитіе; въ Россіи пашутъ огородъ, а въ Англіи обрабатываютъ заступомъ поле иногда даже подъ картофель и пшеницу. Пшеница и картофель даютъ въ Англіи самый большой, *чистый* доходъ, какой они способны дать, въ томъ случаѣ, когда поле воздѣлано заступомъ; но его можетъ получить только хозяинъ, а не человѣкъ, работающій чужими руками. Это освѣтитъ передъ читателемъ значеніе хвалебныхъ гимновъ, приписывающихъ доходность англійскихъ фермъ машинамъ и т. п. Знакомъ нашъ крестьянинъ съ заступомъ или нѣтъ? почему же онъ пашетъ огородъ, вмѣсто того, чтобы воз-

*) Урожай въ Англіи на пшеницу превышаетъ русскій вчетверо, венгерскій втрое, а на ячмень русскій только въ три съ половиною, а венгерскій въ два съ половиною раза. Въ Голландіи урожай пшеницы на 9% ниже англійскаго, а ячменя на 12% выше англійскаго. Въ Бельгіи урожай пшеницы на 14% ниже англійскаго, а урожай ячменя только на 10%.

дѣлывать заступомъ поле подъ картофель и пшеницу и брать верхъ надъ крупнымъ англійскимъ фермеромъ, какъ это дѣлаетъ мелкій англійскій собственникъ. Если вы внимательно обдумаете все это, то вы, наконецъ, разгадаете суть дѣла. Въ западной Европѣ является совершенно новая отрасль труда: фабрика, работающая машинами. Работникъ съ каждымъ годомъ получаетъ возможность производить все больше, фабрикантъ можетъ удвоить, утроить заработокъ своего работника и все-таки получать большой барышъ. Что долженъ былъ чувствовать землевладѣльческій классъ, гордое дворянство, глядя на этого богатыря, который ростетъ не по-днямъ, а по часамъ, и богатѣя принимаетъ такіе честолюбивые аморы; владѣлецъ земли чувствуетъ, что за нимъ не угонишься, какъ ни хитри, какъ ни мудри, а трудъ производитъ изъ земли все меньше, а не больше. Однако же путь борьбы находится, это повышеніе рыночныхъ цѣнъ; оказывается, что, осуществляя извѣстныя идеи поземельныхъ отношеній, можно такъ орудовать рыночными цѣнами, что землевладѣльческій классъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ большую часть чистаго дохода страны даже тогда, когда онъ употребляетъ менѣе половины или треть работниковъ мѣстности и хотя производительность труда будетъ постоянно уменьшаться. Усовершенствованіе сельско-хозяйственнаго производства,—это дорога глупца, вызвышеніе рыночныхъ цѣнъ,—вотъ истинно практическій путь. Такъ называемая свободная поземельная собственность оказалась прекраснымъ для этого орудіемъ. Найдется не мало читателей, которые, прочитавъ эту статью, возымѣютъ сильное желаніе закричать, что это ниспроверженіе собственности, соціализмъ и т. д. Пусть успокоятся, такъ называемая свободная собственность оказалась не лучшимъ изъ учрежденій въ этомъ смыслѣ, болѣе удобнымъ орудіемъ было англійское поземельное отношеніе, отношеніе съ феодальнымъ характеромъ, англоманы громко восхваляли его, слѣдовательно, и ихъ пришлось бы причислить къ ниспровергающимъ собственность. Еще лучше дѣйствовало австралійское, а это было уже чисто соціальное учрежденіе, напоминавшее римское аграрное устройство, соціализмъ, дѣлающій государство распорядителемъ земли, владѣлецъ получалъ нѣчто среднее между надѣломъ и арендой. Чтобы понять суть дѣла, читателю достаточно будетъ вникнуть въ положеніе, создаваемое этими учрежденіями. Вліяніе государства и общины на землю уменьшалось ими до крайняго минимума, это было прекрасное орудіе для обез-

доливанія государства, для созданія землевладѣльцу привиллегированнаго податнаго положенія. Отдайте всю землю въ общинное владѣніе землевладѣльцевъ, и она будетъ имѣть несравненно менѣе средствъ сопротивляться интересу общества и государства, чѣмъ купцы и фабриканты, отдайте ее классу привиллегированныхъ землевладѣльцевъ, и они будутъ въ государствѣ болѣе, чѣмъ партія, они будутъ бороться за подчиненіе себѣ общества и государства, а не за огражденіе себя отъ обездоленія противуположной партіей. Вліяніе такихъ землевладѣльцевъ на рыночныя цѣны такъ велико, что во всѣхъ странахъ безъ исключенія, гдѣ установилось подобное поземельное отношеніе, сельская заработная плата составляетъ низшую изъ всѣхъ родовъ заработной платы. Его орудіе повышенія цѣнъ даетъ землевладѣльцу возможность закрѣплять за собою сравнительно весьма крѣпко всякое повышеніе цѣнъ, которое удалось вырвать у рынка. Какъ скоро цѣны повысились отъ того, что на рынкѣ небольшое число продавцовъ торгуется съ большимъ и неорганизованнымъ числомъ покупателей, какъ скоро земли чрезъ это сдѣлались доходнѣе, тотчасъ цѣна ихъ возрастаетъ, и высокая цѣна, заплаченная при покупкѣ и арендѣ, заставляетъ собственника и арендатора, волею и неволею, держаться на этой повышенной цѣнѣ. У фабриканта и купца такого орудія повышенія цѣнъ вовсе нѣтъ, какъ бы высоко ни поднялась цѣна фабрики и лавки, но если ихъ можно устроить вдвое и втрое дешевле, то настроятъ дешевыхъ фабрикъ и лавокъ и сорвутъ цѣны. Для него совершенно все равно, кѣмъ будутъ устроены фабрики и лавки, отдѣльными капиталистами или рабочими артелями, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, продавая публикѣ, лавка и фабрика будутъ сообразоваться съ цѣной устройства и производства, и только. Именно поэтому землевладѣльцы могли сдѣлать свой доходъ до такой степени независимымъ отъ производительности земледѣльческаго труда, что доходъ этотъ не только постоянно превышалъ доходъ фабрикантовъ, но быстро возрасталъ и оставался сравнительно независимымъ и отъ постоянно уменьшающейся производительности труда, и отъ колебаній черезъ перемѣны въ потребностяхъ и причудахъ общества, и въ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ дѣйствіяхъ природы. Теперь идетъ агитація объ улучшеніи быта ирландскаго фермера; ирландецъ, арендаторъ Стендишъ О'Греди предлагаетъ для этой цѣли возможно большее возвышеніе арендной платы. Разсчетъ понятенъ, хотя и паро-

доксаленъ; если аренда возвысится, то арендаторы возвысятъ цѣны произведеній еще болѣе; мелкіе погибнутъ и сдѣлаются батраками, публика проиграетъ, но крупные выиграютъ. Цѣны всего труднѣе подымать на предметы необходимости и тѣмъ легче, чѣмъ болѣе предметъ служитъ одному удобству или удовольствію. На мясо легче, чѣмъ на хлѣбъ, на вино легче, чѣмъ на мясо. Вотъ почему доходность фермъ сѣверной Франціи основана на имѣніи при фермѣ винокурни. Винокурню можетъ имѣть только крупная ферма, она одна можетъ имѣть эту высоко-доходную статью, давитъ этимъ на мелкія фермы и уменьшаетъ ихъ число. Уменьшеніе конкуррентовъ возвышаетъ всѣ цѣны, и совершенство тамошняго сельскаго хозяйства прославляется почти наравнѣ съ англійскимъ. Чѣмъ болѣе производятъ фабрики, чѣмъ болѣе онѣ распространяютъ въ обществѣ благосостоянія и средствъ, чѣмъ больше дѣлается число людей, способныхъ покупать предметы удобства и удовольствія, тѣ предметы сельскаго хозяйства, на которые всего легче подымать цѣны, тѣмъ быстрѣе возрастаетъ та дань, которая платится сельскимъ хозяевамъ. Вотъ почему фабричная промышленность, совершенствуя производство, быстрѣе увеличиваетъ доходы землевладѣльцевъ, чѣмъ барыши фабрикантовъ. Но тѣ самые пріемы, которые увеличиваютъ эти доходы, искусственно возвышая рыночныя цѣны, порождаютъ въ то же время и искусственное уменьшеніе въ производительности сельско-хозяйственнаго труда. Размножая крупное землевладѣніе, крупныя фермы, пріемы эти развиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ производство посредствомъ наемнаго труда. Экономическое сельско-хозяйственное производство по самому существу этого дѣла немыслимо съ помощью наемнаго работника. Занятіе наемника въ этой области состоитъ въ возращиваніи и вскармливаніи организма, животнаго и растенія. Попытайтесь отпустить воспитательному дому на воспитаніе дѣтей такія малыя суммы, на которыя крестьянинъ воспитываетъ своего сына и дѣлаетъ его сильнымъ и здоровымъ работникомъ, дѣти у васъ перемрутъ всѣ безъ исключенія. Солдатъ содержится скудно, арестантъ еще скуднѣе, и все-таки ихъ содержаніе стоитъ дороже, чѣмъ оно стоитъ крестьянину, который содержитъ себя самъ. Невозможность экономіи порождается неизбѣжно тѣмъ, что хозяйство воспитательнаго дома, казармы и острога ведется наемными людьми, поэтому дороговизна тутъ единообразно повторяется вездѣ, въ Англіи такая экономія еще

менѣе возможна, чѣмъ въ Россіи. Перейдите изъ Россіи въ Италію, изъ Италіи въ среднюю Европу, изъ средней Европы въ Англію и вы замѣтите, что возможность экономіи уменьшается, а не увеличивается. Для того, чтобы, напримѣръ, по отношенію къ скоту, неизбѣжный путь постоянно возрастающаго труда для достиженія тѣхъ же результатовъ былъ самый экономическій, необходимо, чтобы вполнѣ самосохраняющаяся порода номада замѣнялась породой, наименѣе прихотливой на пищу, которая ѣстъ все, что ростетъ въ полѣ, спитъ зимнюю спячку и потому требуетъ самый ничтожный кормъ зимою, а лѣтомъ отгуливается и жирѣетъ даже на грубой естественной пищѣ, лишь бы она была изобильна. При возрастаніи населенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, при уменьшеніи естественной пищи, порода должна переходить въ такую, которая заработываетъ свое содержаніе, какъ у французскаго мелкаго хозяина, корова и пашетъ, и даетъ молоко, бычекъ, жеребенокъ работаютъ на второмъ году и т. д. Это требуетъ однако же, чтобы при возрастаніи труда еще болѣе возрастала и любовь къ скоту со стороны того, кто за нимъ ходитъ. При небрежномъ и холодномъ отношеніи неприхотливый скотъ легко выпадаетъ, корова, которая пашетъ, теряетъ молоко и т. д. Тамъ, гдѣ за скотомъ ходитъ наемникъ, кормъ долженъ быть изысканъ и изобиленъ, рабочій скотъ дѣлается невыгоднымъ, въ окончательномъ результатѣ является порода, требующая максимумъ труда для своего воспитанія, болѣзненно изнѣженная, крайне прихотливая на пищу, окончательно неспособная работать, дающая даже нездоровое, гипертрофированное мясо, но все это съ избыткомъ выкупается высокой цѣной, разумѣется, на счетъ общества. Австралійскій скватеръ отстаетъ за номадомъ въ дѣлѣ воспитанія самосохраняющагося скота, потому что дѣйствуетъ черезъ наемника, чаще всего ненавидящаго и свою работу, и столь любимую номадомъ кочевую жизнь, и этотъ скотъ; но за то въ искусствѣ нагибать публику и брать высокія цѣны, скватеръ такой великій мастеръ, что нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, который бы заставлялъ общество такъ высоко оплачивать такой ничтожный трудъ; бывали случаи, что день труда его наемника, за который онъ самъ заплатилъ рубль, онъ продавалъ публикѣ рублей за триста..

(Продолженіе слѣдуетъ).

В.

Промышленныя артели въ Россіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Опредѣленіе артели.—Классификація артелей.

Слово «артель», происходящее отъ турецкаго «орта», что означаетъ *соединеніе*, *союзъ*, получило у насъ широкое употребленіе. Группа работниковъ, съ подрядчикомъ во главѣ, идетъ на плотничій, малярный, бочарный, бурлацкій промыселъ и называетъ себя артелью. Союзы лицъ, занимающихся работами при торговыхъ помѣщеніяхъ по нагрузкѣ, выгрузкѣ, пріему и отправкѣ товаровъ, охраненію складовъ и т. п., образуютъ самостоятельныя хозяйственныя единицы, извѣстныя подъ именемъ *биржевыхъ артелей*. Извозчики и чумаки, отправляясь совмѣстно въ путь, даютъ себѣ наименованіе *артелей* или *артілей*. На фабрикахъ и заводахъ, на биржахъ легковыхъ и ломовыхъ извозчиковъ мы встрѣчаемъ общеніе для совмѣстнаго найма квартиры, покупки съѣстныхъ припасовъ, приготовленіе пищи на общій счетъ, общеніе, вызывающее къ жизни союзы, извѣстные подъ именемъ *артелей харчевыхъ*. Охотники восточныхъ окраинъ Европейской Россіи и сибирскихъ тайгъ, рыболовы бѣломорскаго, азовскаго, каспійскаго побережій и внутреннихъ озеръ также соединяются въ артели. Наконецъ, съ половины 60-хъ годовъ, среди нашихъ малообезпеченныхъ классовъ стали возникать союзы для удовлетворенія потребности членовъ въ кредитѣ, пріобрѣтеніи сырья, съѣстныхъ припасовъ, совмѣстнаго производства, получившіе также названіе товариществъ или *артелей*. Явились артели ссудосберегательныя, потребительныя, сыроваренныя, кузнечныя и другія. Слово, изстари извѣстное простолюдину, проникло въ литературу и завоевало въ ней для себя право гражданства.

Что же такое артель? Каковы отличительные признаки этого союза, обнимающаго въ своихъ многочисленныхъ проявленіяхъ милліоны русскихъ гражданъ? Въ нашей литературѣ и законодательствѣ мы встрѣчаемъ попытки опредѣлить эту форму общенія, столь распространенную и издавна знакомую нашему отечеству.

Въ литературѣ первымъ по времени является опредѣленіе г. Свіязева. Онъ признаетъ артелью «общество нѣсколькихъ человѣкъ низкаго состоянія, соединившихся для производства одинаковаго промысла, работы или ремесла *). Такое же опредѣленіе находимъ мы и въ энциклопедическомъ словарѣ г. Крайя **).

Г. Калачовъ, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи «артели въ древней и нынѣшней Россіи», считаетъ артелью «товарищество нѣсколькихъ лицъ, соединяющихся своимъ капиталомъ и трудомъ или только послѣднимъ для какой-нибудь работы, промысла или предпріятія и вслѣдствіе этого отвѣчающихъ другъ за друга ***).

Профессоръ Пахманъ опредѣляетъ артель, какъ «юридическій союзъ, въ которомъ нѣсколько лицъ соединяютъ свои личныя силы, а иногда и имущественныя средства, съ цѣлью извлеченія изъ даннаго пренятствія общей прибыли» *).

Профессоръ Вреденъ называетъ артелью «союзъ тружениковъ, соединившихся для извѣстнаго производства или хозяйственнаго оборота» **).

По нашему законодательству, «артелями вообще называются общества работниковъ для отправленія службъ и работъ, силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ» ***).

Приступимъ къ анализу перечисленныхъ опредѣленій.

По мнѣнію г. Свіязева, отличительными признаками артели являются: 1) низкое состояніе ея членовъ и 2) производство какой-либо работы,—цѣль, съ которою образуется артель.

Эти оба условія не могутъ быть подмѣчены во всѣхъ видахъ союзовъ, которымъ нашъ народный языкъ присваиваетъ названіе артели. Подъ низкимъ состояніемъ г. Свіязевъ, несомнѣнно, разумѣетъ невысокій хозяйственный уровень артель-

---

*) Энциклопед. лексиконъ Плюшара. СПБ. 1835, III, 206—7.
**) Словарь Крайя. I, СПБ. 1847, 455.
***) «Артели въ древней и нынѣшней Россіи». СПБ. 1864, 1.
*) «Обычное гражданское право въ Россіи». I, СПБ. 1877, 250.
**) «Курсъ политической экономіи», изд. 2-е, СПБ. 1880, 148.
***) Торговый уставъ, ст. 2409.

щиковъ, ихъ необезпеченность. Правда, большинство артелей образуется изъ лицъ, обладающихъ крайне скудными имущественными средствами; но есть не мало и такихъ видовъ этихъ союзовъ, коихъ члены располагаютъ значительнымъ имуществомъ. Прежде всего мы укажемъ на артели биржевыя; вступленіе въ любую изъ нихъ сопряжено съ условіемъ взноса 800—1000 рублей и болѣе. Нѣкоторыя артели рыболововъ требуютъ отъ каждаго вступающаго значительнаго взноса натурой или деньгами для пріобрѣтенія рыболовныхъ орудій. Артели для содержанія почтовыхъ станцій составляются изъ лицъ, владѣющихъ лошадьми, повозками и принадлежностями конной сбруи опредѣленнаго качества, соотвѣтствующаго тѣмъ требованіямъ, которыя государство или земство ставятъ артелямъ при отдачѣ имъ на подрядъ почтовой гоньбы *). Если члены перечисленныхъ нами артелей и не обладаютъ большими капиталами, то все же не могутъ быть отнесены къ людямъ «низкаго состоянія» въ экономическомъ значеніи этихъ словъ: средства, которыми располагаютъ эти лица, обыкновенно превышаютъ средній уровень имущественной обезпеченности того слоя, къ которому принадлежатъ члены артелей. Такимъ образомъ, низкое экономическое состояніе членовъ не всегда можетъ служить отличительнымъ признакомъ артели.

Второй признакъ—производство промысла, работы или ремесла,—указывающій на цѣль образованія артелей, служитъ отличительной чертой только одного вида этихъ союзовъ, только тѣхъ, которые ставятъ себѣ задачей совмѣстное производство. Но мы находимъ множество и такихъ формъ этихъ соединеній, гдѣ общее веденіе промысла, совмѣстная работа, не входитъ въ задачи артельщиковъ. Харчевыя артели, искони знакомыя Россіи, ставятъ себѣ цѣлью только общее потребленіе, способное уменьшить расходы каждаго члена на пищу и жилище. Къ этой формѣ примыкаетъ и другая группа, группа новаго наслоенія—артели ссудосберегательныя. Звеномъ, связующимъ ихъ членовъ, служитъ не работа сообща, а созданіе условій, увеличивающихъ кредитоспособность отдѣльныхъ лицъ. Если народный языкъ привыкъ отмѣчать харчевые союзы названіемъ артелей, если это имя присвоено литературой кредитнымъ учрежденіямъ извѣстной

*) Я не упоминаю о монопольныхъ таможенныхъ артеляхъ: онѣ состоятъ изъ людей, хорошо обезпеченныхъ. *Авт.*

группы, то неосновательно соединять съ этимъ терминомъ представленіе только о тѣхъ союзахъ, которые образуются съ цѣлью совмѣстнаго «веденія промысла, работы или ремесла». Оба условія, которыя г. Свіязевъ считаетъ отличительными чертами артелей, слишкомъ съуживаютъ значеніе термина, а потому и побуждаютъ насъ признать это первое опредѣленіе неудовлетворительнымъ.

Г. Калачовъ даетъ артели болѣе широкое опредѣленіе. Онъ считаетъ признаками этой формы: 1) соединеніе нѣсколькихъ лицъ трудомъ, или трудомъ и капиталомъ на началахъ товарищескихъ; 2) совмѣстное веденіе промысла или предпріятія и 3) круговую поруку.

Первое условіе, которое г. Калачовъ вводитъ въ опредѣленіе артели, какъ ея отличительную черту, совершенно устраняетъ одинъ недостатокъ, найденный нами въ опредѣленіи г. Свіязева. Разъ признанъ элементъ труда необходимымъ во всѣхъ случаяхъ, а элементъ капитала въ нѣкоторыхъ,—понятіе объ артели расширяется до тѣхъ предѣловъ, которыхъ требуетъ употребленіе этого слова народомъ и литературой. Третій признакъ—круговая порука,—какъ мы постараемся показать въ послѣдующемъ изложеніи, также составляетъ отличительную черту всѣхъ артелей: предѣлы, до которыхъ простирается круговая порука, неодинаковы; но, какъ бы ни были они ограничены, отвѣтственность другъ за друга является одной изъ отличительныхъ чертъ союзовъ этой группы. Два признака выбраны удачно. По отношенію же къ третьему (второму), опредѣленіе г. Калачова страдаетъ тѣмъ самымъ недостаткомъ, который мы нашли въ опредѣленіи г. Свіязева: цѣлью артели, по мнѣнію г. Калачова, всегда является какая нибудь работа, промыселъ или предпріятіе, а потому терминъ и здѣсь получаетъ менѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое привыкли съ нимъ соединять. Послѣднее обстоятельство побуждаетъ насъ признать и опредѣленіе г. Калачова не вполнѣ удачнымъ.

Въ опредѣленіи профессора Пахмана есть черты, сближающія его съ опредѣленіемъ г. Калачова. Подобно послѣднему, онъ считаетъ признаками артели: 1) соединеніе личныхъ силъ, а иногда и имущественныхъ средствъ, и 2) извлеченіе изъ даннаго предпріятія общей прибыли.

Насколько удачно схваченъ первый признакъ, настолько второй вызываетъ возраженія, уже сдѣланныя нами выше. Хотя

почтенный профессоръ и не говоритъ о совмѣстномъ веденіи членами промысла, однако, слова «извлеченіе общей прибыли изъ предпріятія» показываютъ, что названіе артелей удержано имъ только для одного вида этихъ союзовъ. Извлеченіе прибыли не можетъ быть названо цѣлью харчевыхъ артелей; слово «прибыль» имѣетъ опредѣленное значеніе; было бы большой натяжкой именовать этимъ терминомъ тѣ сбереженія, которыя проистекаютъ для членовъ изъ совмѣстнаго потребленія. Ссудосберегательныя артели могутъ быть названы предпріятіями, но учредители вызываютъ ихъ къ жизни, отнюдь не съ цѣлью полученія той прибыли, которая ежегодно разверстывается между участниками: члены этихъ учрежденій придаютъ гораздо бо́льшее значеніе полученію ссудъ, чѣмъ помѣщенію вкладовъ. Отсюда и опредѣленіе профессора Пахмана съуживаетъ понятіе объ артели. Но, г. Пахманъ не ограничивается указаніемъ на перечисленные нами признаки; онъ затрогиваетъ еще двѣ черты, которыя считаютъ иногда отличительными особенностями союзовъ этой группы, и отрицаетъ за ними характеръ существенныхъ признаковъ. Такъ, прежде всего степень самостоятельности союзовъ, удовлетворяющихъ обоимъ вышепоставленнымъ условіямъ, не даетъ, по мнѣнію ученаго юриста, права признавать ихъ въ одномъ случаѣ артелями, въ другомъ же относить къ общеніямъ иныхъ формъ: «предприниматель во главѣ артели не измѣняетъ ея характера въ общемъ составѣ» *). Также относится г. Пахманъ и къ круговой порукѣ. «Круговая порука..... составляетъ далеко не общее явленіе артельной организаціи» **).

Первое положеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Огромное большинство артелей стоитъ въ зависимости отъ предпринимателей; иногда зависимость эта обнаруживается весьма рѣзко: хозяинъ завѣдуетъ работами членовъ, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ значительную долю власти исполнительной и даже законодательной, но связь между членами продолжаютъ поддерживать тѣ самыя начала, въ силу которыхъ данный союзъ искони называется артелью. Такъ, на рыболовныхъ промыслахъ нашихъ морскихъ побережій во главѣ артелей бо́льшею частью стоятъ капиталисты; но участіе ихъ ни мало не нарушаетъ отношеній между членами: послѣдніе въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ руководствуются тѣми же правилами, какъ и члены

*) Пахманъ, 252.
**) Тамъ же, 272.

самостоятельныхъ рыболовныхъ артелей. Но, помимо этой осязательной и для всѣхъ замѣтной зависимости, есть зависимость и иного вида, неуловимая съ перваго взгляда, но не менѣе, если не болѣе, частая, чѣмъ зависимость отъ хозяина, стоящаго во главѣ союза. Эта полускрытая зависимость бываетъ вездѣ, гдѣ капиталисты закабаляютъ себѣ самостоятельныя артели съ помощью своевременнаго и дорогаго кредита. Капиталисты этого рода не считаютъ нужнымъ не только входить въ составъ артелей, но даже и сколько-нибудь усложнить свои отношенія къ членамъ; они довольствуются тѣмъ, что артель, удѣляя имъ львиную долю промысловой добычи, дорого оплачиваетъ взятую ссуду. По формѣ такія артели вполнѣ самостоятельны: въ нихъ нѣтъ элементовъ, способныхъ вліять на внутреннюю жизнь союза. Но доставляетъ-ли эта самостоятельность формы хозяйственную самостоятельность участникамъ,— на это приходится дать отрицательный отвѣтъ. Отсюда, нельзя считать степень самостоятельности отличительной чертой артели.

Ко второму положенію профессора Пахмана мы отнесемся иначе. Мы указали, при анализѣ опредѣленія г. Калачова, что круговая порука является отличительной чертой артельнаго общенія. И самъ г. Пахманъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «насколько извѣстно изъ собранныхъ матеріаловъ, артель является отвѣтственною за дѣйствія, какъ представителей своихъ, такъ и членовъ» *). Мы полагаемъ, что отсутствіе данныхъ, доказывающихъ противное, не есть слѣдствіе скудости фактическихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ объ артеляхъ: трудно предположить, чтобы среди десятковъ видовъ артелей, уже бывшихъ предметомъ наблюденія, не нашлось хотя-бы одной, гдѣ члены не были-бы связаны круговой порукой, если бы эта связь не была существенной чертой изучаемой нами формы общенія. Отсутствіе такихъ матеріаловъ доказываетъ скорѣе, что отвѣтственность другъ за друга есть неотъемлемая особенность артели.

Опредѣленіе профессора Вредена, хотя и не совсѣмъ полно, однако, большой шагъ впередъ. Неполнота опредѣленія состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что г. Вреденъ считаетъ артель исключительно союзомъ тружениковъ и опускаетъ элементъ капитала, который, какъ было показано, занимаетъ видное мѣсто при образованіи многихъ артелей. Слово «труженикъ» заставляетъ

*) Тамъ же, 272.

думать, что почтенный профессоръ считаетъ участниками этихъ союзовъ только лицъ неимущихъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія объ артеляхъ встрѣчаются мѣста, оправдывающія такое предположеніе *). Затѣмъ, г. Вреденъ не вноситъ въ свое опредѣленіе указанія на круговую поруку, какъ на отличительный признакъ, хотя онъ и считаетъ эту черту существенной особенностью артельнаго единенія» **). Но при всей неполнотѣ, опредѣленіе г. Вредена гораздо болѣе широко, чѣмъ всѣ предъидущія: оно не ограничиваетъ цѣли артельныхъ союзовъ веденіемъ предпріятій, но указываетъ на «хозяйственный оборотъ» и обнимаетъ, такимъ образомъ, всѣ виды артелей, извѣстные нашему отечеству: къ хозяйственному обороту могутъ быть сведены цѣли, какъ промышленныхъ артелей, такъ и харчевыхъ, и кредитныхъ.

Опредѣленіе артелей нашимъ торговымъ уставомъ сходно съ перечисленными въ томъ, что, подобно имъ, съуживаетъ значеніе термина. Называя артелями «общества работниковъ», составляющіяся «для отправленія службъ и работъ», оно присвоиваетъ это наименованіе только тѣмъ видамъ союзовъ, которые возникаютъ съ цѣлью занятій, составляющихъ спеціальность биржевыхъ артелей. Словами «силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ» законъ расширяетъ значеніе термина и позволяетъ ему обнять всѣ артели, образуемыя для веденія промысла. Обѣ части ст. 2409 могутъ быть объяснены временемъ ея появленія въ нашемъ сводѣ. Она была редактирована въ уставѣ о цехахъ, гдѣ законодатель стремился установить общія нормы для биржевыхъ артелей. Имѣя передъ собой исключительно артели этой группы, законъ опредѣлилъ всѣ артели, какъ общества, составляющіяся для отправленія службъ и работъ, т. е. цѣлей, которыя ставятъ себѣ артели биржевыя. Но вспоминая о распространенности и разнохарактерности артелей, образующихся для веденія промысла, онъ расширилъ значеніе термина второй половиной 2409 ст.

Разобравъ главнѣйшія опредѣленія артелей, нашедшія себѣ мѣсто въ нашей литературѣ, мы скажемъ, что ни одно изъ нихъ не обнимаетъ всѣхъ отличительныхъ особенностей этой формы общенія.

---

*) „Безкапитальные труженики образуютъ артель.“ *Курсъ*, 149.

**) „Только круговая трудоспособность нѣсколькихъ лицъ можетъ.... считаться порукой уплаты.“ Тамъ же.

Слово «артель» воспринято литературой изъ народной рѣчи. И въ послѣдней терминъ этотъ не древняго происхожденія; мы встрѣчаемъ его въ нашихъ историческихъ памятникахъ не ранѣе XVII столѣтія. До того времени изслѣдуемая нами форма общенія называлась *складчиной*, *ватагой*, *дружиной*. Эти названія сохранились частію и до нынѣ, но имѣютъ, на ряду съ терминами *обчая*, *ромша*, *себра*, узкое, мѣстное значеніе. Слово же «артель» получило широкое употребленіе во всѣхъ концахъ нашего отечества. Чтобы опредѣлить его значеніе, мы будемъ слѣдовать воззрѣнію народа на союзы этого вида. Разъ, это слово заимствовано у народной рѣчи, было бы несправедливо не считаться съ тѣми требованіями, которыя она ставитъ союзомъ, называя ихъ артелями.

1. Стоитъ-ли это названіе въ какой-либо связи съ цѣлями, которыя преслѣдуютъ члены даннаго союза?

На этотъ вопросъ долженъ быть данъ утвердительный отвѣтъ. Русской исторіи знакомы многочисленные союзы, преслѣдовавшіе религіозныя цѣли. И теперь подобные союзы изъ представителей различныхъ сектъ насчитываютъ милліоны членовъ. Духовное общеніе, собранія для совмѣстной молитвы, поддержаніе духа данной секты въ чистотѣ — вотъ цѣли такихъ союзовъ. Между членами несомнѣнно существуетъ тѣснѣйшая связь уже въ силу единомыслія относительно важнѣйшихъ вопросовъ бытія человѣка; исторія раскола свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи въ этихъ союзахъ начала взаимной помощи. Однако, такіе союзы не назывались и не называются артелями. Перечисленіе всѣхъ союзовъ, которымъ народъ присвоиваетъ это наименованіе, даетъ возможность подмѣтить одну черту, общую имъ всѣмъ; эта черта — преслѣдованіе *цѣлей хозяйственныхъ*. Такимъ образомъ, мы нашли одинъ существенный признакъ всѣхъ группъ, называемыхъ артелями.

2. Служитъ-ли характеръ отношеній между членами союза признакомъ, по которому артель отличается отъ иныхъ формъ общенія?

И этотъ вопросъ требуетъ утвердительнаго отвѣта. Во всѣхъ союзахъ, за которыми народъ закрѣпилъ названіе «артель», мы подмѣчаемъ господство *начала равноправности*. Это начало проистекаетъ изъ того, что, какъ будетъ показано ниже, артели всегда были поставлены въ условія, побуждавшія ихъ подбирать въ члены людей, болѣе или менѣе сходныхъ по возрасту, тѣ-

лесной силѣ, рабочей ловкости и имущественнымъ средствамъ. Подборъ членовъ, на такихъ условіяхъ, дѣлалъ и дѣлаетъ изъ артели цѣлое, состоящее изъ равныхъ частей. Это равенство, рѣзко обнаруживающееся при образованіи артелей, ведетъ къ построенію отношеній между участниками на началѣ равноправности. Послѣдняя проявляется какъ въ чисто правовой сферѣ жизни артели, такъ и въ области экономической, въ пользованіи вещественными выгодами, проистекающими изъ совмѣстнаго веденія дѣлъ. Въ области права равенство членовъ сказывается въ предоставленіи каждому одинаковой доли вліянія на ходъ артельныхъ оборотовъ. Каждый можетъ, какъ староста, десятскій, рядчикъ и т. д., стоять во главѣ исполнительной власти; въ нѣкоторыхъ артеляхъ это право переходитъ въ *обязанность* члена быть отъ времени до времени должностнымъ лицомъ, представителемъ всего союза. Каждый имѣетъ право подавать голосъ, и только одинъ голосъ на общихъ собраніяхъ. Каждый можетъ требовать исключенія товарища за дѣйствія, способныя нанести ущербъ цѣлому. Каждый имѣетъ право просматривать артельныя книги и, такимъ образомъ, контролировать органъ исполнительной власти. Наконецъ, всѣ члены артели имѣютъ одинаковое право на извлеченіе выгодъ изъ общаго дѣла. Во множествѣ промышленныхъ артелей, среди которыхъ биржевыя являются наиболѣе выработанной формой, заработки дѣлятся на равныя доли. Въ харчевыхъ всѣ члены имѣютъ право на пищу одинаковаго качества и т. д. Это начало, живущее въ артеляхъ стародавняго происхожденія, внесено въ артели новаго наслоенія, кредитныя и промышленныя. Отъ этого начала артель не отказывается никогда. Безправіе однихъ и многоправіе другихъ участниковъ, такъ рѣзко обнаруживающееся въ капиталистическихъ формахъ предпріятій, не имѣетъ мѣста въ изслѣдуемыхъ нами союзахъ. Гдѣ мы встрѣчаемъ отклоненія отъ начала равноправности, тамъ эти отклоненія или только кажущіяся, или поверхностныя, не нарушающія существа отношеній между членами. Извѣстно, что въ биржевыхъ артеляхъ новики не пользуются одинаковыми правами со стариками; но это только кажущееся отклоненіе. Биржевыя артели ставятъ въ ряды условій, которымъ долженъ удовлетворять вступающій, владѣніе извѣстными, часто значительными имущественными средствами. Пока вступающій не взнесъ ихъ, до тѣхъ поръ онъ—*новикъ*, онъ не сталъ членомъ артели, вступленіе не закончено; въ силу незаконченности

вступленія онъ и не можетъ притязать на совокупность тѣхъ правъ, которою пользуются старики, выполнившіе всѣ требованія артели. Въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ, какъ напр., среди рыболововъ, члены дѣлаютъ неодинаковые имущественные взносы, общая добыча распредѣляется между участниками, соразмѣрно съ долей каждаго въ артельномъ капиталѣ. Казалось бы, что раздѣлъ добытковъ на части неравныя нарушаетъ равноправность членовъ. Но и это отклоненіе не производитъ такого дѣйствія; оно скользитъ по поверхности внутреннихъ отношеній артели и не затрогиваетъ ихъ существа. Сознаніе о правахъ собственника на принадлежащія ему блага, со всѣми послѣдствіями, проистекающими изъ этихъ правъ, проникаютъ и ту среду нашего народа, въ которой живетъ и развивается артельная форма, движимая этимъ сознаніемъ; артель освящаетъ за владѣльцемъ капитала право на полученіе извѣстной доли общаго заработка и выдѣляетъ капиталу часть своей добычи. Но и при этомъ порядкѣ всѣ члены сохраняютъ право на одинаковое участіе въ дѣлахъ союза. Повидимому, тѣ рыболовныя артели, въ которыхъ членъ, владѣющій бо́льшей долей снаряда, становится, подъ именемъ жердника, кормщика, во главѣ союза, не проводятъ въ своей жизни начала равенства, не даютъ каждому участнику права быть органомъ исполнительной власти; но и это исключеніе не опровергаетъ установленнаго нами общаго правила. Въ однѣхъ артеляхъ этого рода, распространенныхъ преимущественно по внутреннимъ озерамъ: Ильменю, Чудскому, Псковскому, владѣльцы матицы, центральной части невода, обыкновенно бываютъ и самые искусные рыболовы, всего лучше знакомые и съ техникой промысла, и съ мѣстностью. Естественно, что артель и возлагаетъ на нихъ обязанность руководить предпріятіемъ. Но, перенося на нихъ это право, она всегда имѣетъ возможность смѣнить жердника, если бы онъ оказался неискуснымъ предводителемъ. Въ артеляхъ покрученниковъ на бѣломорскихъ побережьяхъ потребность въ значительномъ капиталѣ для занятія промысломъ часто ставитъ въ необходимость обращаться къ содѣйствію третьихъ лицъ. Послѣднія вносятъ свои капиталы въ общее предпріятіе и, будучи стороной экономически сильной, обязываютъ артель къ извѣстнымъ ограниченіямъ въ свою пользу. Ограниченія сказываются, между прочимъ, въ томъ, что всѣ члены артели отчуждаютъ свое право руководить общимъ дѣломъ, быть носителями исполнительной

власти. Чуждый, неартельный элементъ втирается въ союзъ и лишаетъ его значительной доли самостоятельности. Но онъ лишаетъ этой доли въ одинаковой степени всѣхъ членовъ артели, а потому начало равенства, въ отношеніяхъ между послѣдними, остается ненарушеннымъ. Такимъ образомъ, *начало равенства во внутренней жизни союза есть второй отличительный признакъ артельнаго общенія.*

Изъ второй отличительной черты необходимо вытекаетъ третья. Если артель есть союзъ съ развитымъ самоуправленіемъ, если она предоставляетъ каждому члену права, равныя правамъ всѣхъ другихъ участниковъ, если, принимая новыхъ членовъ, она требуетъ отъ нихъ одинаковыхъ условій, то, естественно, что она возлагаетъ на каждаго изъ нихъ и одинаковую отвѣтственность предъ лицами и учрежденіями, съ которыми ее сталкиваютъ ея хозяйственные обороты. Но что это за отвѣтственность? гдѣ ея предѣлы? Представимъ себѣ артель во внѣшнихъ сношеніяхъ; представимъ, что она обязуется предъ лицомъ или учрежденіемъ выполнить какую-нибудь работу. Подряжающій артель имѣетъ передъ собой группу лицъ, одно стройное цѣлое, притязающее на полную самостоятельность во внутреннихъ распорядкахъ. Это цѣлое само распредѣляетъ работы между членами, согласно съ ихъ испытанными способностями; оно само избираетъ руководителя изъ своей среды; оно дорожитъ всѣми этими правами. Гдѣ ручательство, что всѣ обязательства, принятыя артелью, будутъ исполнены? Осязательнаго обезпеченія нѣтъ, а часто и быть не можетъ. Если подряжающему предложатъ, въ случаѣ ущерба, понесеннаго отъ артели, взыскивать съ каждаго члена въ отдѣльности, то онъ согласится, но подъ условіемъ, чтобы артель отказалась отъ своей самостоятельности, чтобы она перенесла на нанимателя всѣ права, которыя срослись съ нею, чтобы она предоставила ему и распредѣленіе работъ между членами группы и руководство ими и т. д. Такое вмѣшательство во внутреннюю жизнь артели постепенно дойдетъ до того, что наниматель заключитъ договоръ съ каждымъ артельщикомъ отдѣльно; при заключеніи договора, онъ, быть можетъ, признаетъ нѣкоторыхъ негодными къ работѣ и отвергнетъ ихъ. Словомъ, этотъ порядокъ поведетъ къ размноженію союза. Наниматель можетъ воздержаться отъ посягательства на права артели только въ томъ случаѣ, если имѣетъ какое-нибудь обезпеченіе. А лучшимъ обезпеченіемъ служитъ готовность каждаго ручаться за всѣхъ

сочленовъ, отвѣчать за убытки, кто бы изъ участниковъ ихъ не причинилъ. Эта готовность служить наилучшимъ ручательствомъ, что артель поведетъ принятую ею на себя работу, согласно съ интересами не только участниковъ, но и нанимателя. Готовность ручаться за всѣхъ товарищей, отвѣчать за ихъ промахи и даже злоупотребленія и трудомъ своимъ, и имуществомъ доказываетъ прочность связи между членами, ихъ знакомство другъ съ другомъ, а потому и вызываетъ то довѣріе, съ которымъ относятся къ артели лица, нуждающіяся въ ея услугахъ. Отвѣтственность другъ за друга есть искони отличительный признакъ артелей. Въ нашихъ историческихъ памятникахъ мы находимъ указанія на то, что артели, принимавшія на себя отправленіе какой-нибудь работы, постройку или починку мостовъ и т. д., заканчивали договоръ словами: въ случаѣ проторей и убытковъ, нанесенныхъ артелью, отвѣчать долженъ тотъ, кто «будетъ въ лицахъ», на лицо, кто будетъ въ рукахъ нанимателя. Круговая порука, тѣсно связанная со строемъ артелей, вытекающая изъ имущественныхъ условій, въ которыхъ стоятъ ихъ члены, есть неотъемлемая принадлежность союзовъ этой формы. По отношенію къ нѣкоторымъ видамъ круговая порука получила законодательное освященіе: ею связаны биржевыя артели. Хотя эти артели владѣютъ значительными капиталами, но капиталы далеко не достигаютъ высоты тѣхъ цѣнностей, которыя проходятъ чрезъ руки нашихъ столичныхъ биржевыхъ артельщиковъ. Она установлена для артелей бурлаковъ, лоцмановъ, стирателей и друг. Наконецъ, она введена въ нормальный уставъ ссудосберегательныхъ товариществъ, а также въ уставы всѣхъ другихъ артелей новѣйшаго происхожденія. Круговая порука есть необходимая принадлежность всѣхъ артелей; но не во всѣхъ она одинаково осязательна. Наиболѣе выпукло обнаруживается она въ артеляхъ промышленныхъ, въ тѣхъ, гдѣ данная группа, подряжаясь выполнить какую нибудь работу, всегда можетъ причинить ущербъ нанимателю. Элементъ круговой отвѣтственности безъ труда уловимъ и въ артеляхъ кредитныхъ: необходимость обращенія къ чужимъ капиталамъ ставитъ ихъ въ положеніе, при которомъ онѣ, неуплатой ссуды, легко могутъ нанесть ущербъ заимодавцу. Въ тѣхъ же промышленныхъ артеляхъ, которыя, подобно рыболовнымъ и охотничьимъ, не вступаютъ въ обязательныя отношенія къ третьимъ лицамъ, самый характеръ дѣятельности союза рѣдко вызываетъ случаи проявленія круговой поруки во внѣ.

Но такіе случаи возможны. Представимъ себѣ, что одна бѣломорская артель нанесетъ ущербъ другой, съ которой судьба столкнула ее на промыслѣ. Эта другая будетъ требовать вознагражденія за убытки отъ членовъ, которые въ данную минуту находятся на лицо. И въ харчевыхъ артеляхъ не часто обнаруживается отвѣтственность другъ за друга, но и здѣсь она служитъ неотъемлемой особенностью союза. Артели этого вида берутъ съѣстные припасы въ долгъ («на книжку»). Торговецъ, открывая кредитъ, не взвѣшиваетъ степени состоятельности каждаго члена отдѣльно. Онъ не считаетъ этого нужнымъ, будучи увѣренъ, что, при неточныхъ расплатахъ артели, всегда можетъ обратиться съ требованіемъ объ удовлетвореніи къ любому изъ артельщиковъ.

Существо круговой поруки, какъ признакъ артели, не измѣняется ни отъ формы, въ которой проявляется взаимная отвѣтственность, ни отъ предѣловъ этой отвѣтственности. Отвѣчаетъ ли членъ за ошибки товарищей своимъ имуществомъ или трудомъ,—послѣднее, въ силу экономическаго положенія большинства артельщиковъ, особенно часто,—характеръ круговой поруки одинъ и тотъ же. Онъ не измѣняется и отъ того, гдѣ предѣлъ отвѣтственности, ограничена она или не имѣетъ границъ. О неограниченной порукѣ въ точномъ смыслѣ этого слова едва-ли можетъ быть и рѣчь; и необходимость ограниченія лежитъ въ интересахъ не только артели, но часто и лицъ, потерпѣвшихъ отъ ея дѣятельности. Неограниченная порука есть такая отвѣтственность, при которой лицо отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, почти до рубашки. Но такая отвѣтственность, примѣненная къ артельщику, часто не можетъ удовлетворить кредитора или нанимателя. Если формой удовлетворенія избранъ трудъ члена артели въ пользу потерпѣвшаго, то и здѣсь личные интересы послѣдняго побуждаютъ его удерживать для покрытія убытковъ не всю цѣнность труда, а лишь ту долю, которая остается сверхъ расходовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни и частію здоровья отрабатывающаго. Значитъ, круговая порука должна быть во всѣхъ случаяхъ болѣе или менѣе ограничена. Съ ясно выраженнымъ ограниченіемъ мы встрѣчаемся въ уставѣ Павловской складочной артели. Взысканіе обращается на все имущество члена, за исключеніемъ избы съ дворомъ, извѣстнаго количества скота, съѣстныхъ припасовъ, дровъ.

Въ *круговой порукѣ* признаемъ мы третью существенную черту артели.

4. Служитъ-ли способъ установленія отношеній между членами и каждаго изъ нихъ къ цѣлому признакомъ, отличающимъ артель?

Россія покрыта сѣтью союзовъ, имѣющихъ три отличительныя черты артели: и хозяйственную цѣль, и равноправность членовъ, и круговую поруку; союзы эти—сельскія общины. Но ихъ отдѣляетъ отъ артелей то начало, которое даетъ въ общинѣ мѣсто каждому ея члену и регулируетъ взаимныя отношенія общинниковъ. Это начало—происхожденіе. Каждый родившійся въ семьѣ общинника становится, уже въ силу рожденія, полноправнымъ членомъ. Фактъ рожденія дѣлаетъ общинникомъ состоятельнаго и неимущаго, способнаго и бездарнаго. Въ артели же такимъ началомъ служитъ договоръ. Онъ предшествуетъ возникновенію каждой артели; иногда онъ облекается въ форму обширнаго и точно выработаннаго устава, иногда, какъ въ недолговѣчныхъ артеляхъ охотниковъ, онъ подразумѣвается; въ артеляхъ послѣдняго вида онъ не проявляется во внѣ, такъ какъ каждый участникъ предполагается (и не безъ основанія) знакомымъ съ обычаями, регулирующими строй такихъ союзовъ. Договорное же начало, сказываясь въ тѣхъ требованіяхъ, которыя артель ставитъ вступающимъ, упорядочиваетъ и отношенія между членами и отношенія каждаго къ союзу. Способы возникновенія артели и общины могутъ быть одинаковы. Группа лицъ, занимая участокъ земли на началахъ общиннаго владѣнія, дѣйствуетъ согласно съ предшествовавшимъ договоромъ. Участники такихъ союзовъ подбираются, договариваются. Но разъ занятіе земли совершилось, разъ возникла новая сельская община, — начало происхожденія будетъ играть въ ней преобладающую роль. Но эти черты, различая союзы обѣихъ формъ, въ то же время сближаютъ ихъ и доказываютъ, что они произошли отъ одного корня. Такъ, легкость, съ которою въ артеляхъ биржевыхъ и лоцмановъ сыновья и племянники артельщиковъ становятся членами, доказываетъ, что начало происхожденія не вымерло изъ артелей. Съ другой стороны, пріемъ въ общину новыхъ членовъ и образованіе въ предѣлахъ сельскихъ обществъ артелей для ловли рыбы на общинныхъ водахъ, свидѣтельствуетъ о живучести договорнаго начала въ нашихъ общинахъ.

Четвертымъ и послѣднимъ признакомъ *всѣхъ артелей служитъ договоръ* *).

Неужели этимъ, спросятъ насъ, исчерпываются признаки изслѣдуемой формы общенія? Неужели степень самостоятельности данной группы не есть условіе, требующее отдѣленія

*) Есть два рода артелей, въ которыхъ договоръ не имѣетъ мѣста: 1) тюремныя и 2) солдатскія артели. Крѣпостью общинныхъ началъ въ средѣ нашего народа объясняется перенесеніе общиннаго строя въ бытъ арестантовъ. Все населеніе каждаго острога представляетъ одну цѣльную общину: она преслѣдуетъ не только хозяйственныя цѣли, но и цѣли юридическія: она охраняетъ права каждаго члена отъ чрезмѣрныхъ притязаній смотрителя и палача. Факту происхожденія, опредѣляющему положеніе лицъ въ сельской общинѣ, соотвѣтствуетъ фактъ вступленія въ тюрьму, сразу дающаго острожному всѣ права, которыми пользуются его товарищи. Сами условія жизни въ острогѣ таковы, что община обнимаетъ всѣ интересы своихъ членовъ, а потому является союзомъ, болѣе широкимъ, чѣмъ артель, или даже міръ. Необходимость приготовленія пищи сообща, совмѣстныя потребленія, отправленія общественныхъ работъ, согласно съ порядкомъ, установленнымъ самими арестантами, ведетъ къ образованію внутри острожной общины харчевыхъ и даже производительныхъ артелей. Состояніе неволи, въ которомъ находится все тюремное населеніе, дѣлаетъ почти невозможнымъ проявленіе договорнаго начала какъ при образованіи этихъ артелей, такъ и при образованіи самой общины. Но, если, поступая въ тюрьму, преступникъ необходимо становится членомъ общины и артелей, входящихъ въ ея составъ, то дальнѣйшее пребываніе въ общинѣ зависитъ, помимо другихъ условій, и *отъ выполненія требованій, которыя община ставитъ своимъ членамъ;* главное изъ требованій—храненіе острожныхъ тайнъ. Неисполняющій этихъ требованій или избивается арестантами и обыкновенно умираетъ вслѣдствіе побоевъ, или же, во избѣжаніе жестокаго мщенія товарищей, переводится тюремнымъ начальствомъ въ особое помѣщеніе. Въ обоихъ случаяхъ онъ перестаетъ быть членомъ общины (см. *Ядринцевъ.* «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ.» Спб. 1872 г., 142—78). А потому, въ подневольномъ вступленіи острожника въ тюремную общину и артели есть элементъ соглашенія: этотъ элементъ заключается въ молчаливомъ обѣщаніи вступающаго хранить острожныя тайны и взамѣнъ этого въ готовности общины радушно принять новаго товарища. Въ солдатскихъ харчевыхъ артеляхъ договорное начало вовсе не обнаруживается. Между солдатскими харчевыми артелями и тюремной общиной есть та общая черта, что и первыя, и послѣдняя безусловно необходимы и лежатъ въ интересахъ какъ солдатъ и острожниковъ, такъ военнаго и тюремнаго вѣдомствъ: какъ острожникъ не можетъ при поступленіи не стать членомъ тюремной артели, такъ и солдатъ необходимо долженъ войдти въ ротную харчевую артель. Но между ними есть и различіе, вытекающее изъ неодинаковаго отношенія обоихъ вѣдомствъ къ своимъ подчиненнымъ: смотритель тюрьмы видитъ въ арестантѣ преступника и *не хочетъ знать* острожную общину; ротный командиръ, напротивъ, поощряетъ солдатскую харчевую артель. Отсюда и неодинаковая важность договорнаго начала въ союзахъ обѣихъ группъ: тюремная община, непризнаваемая закономъ, должна ставить вступающимъ нѣкоторыя условія, солдатская же артель не нуждается въ этомъ, такъ какъ за нее ставитъ условія ротное начальство.

артелей отъ иныхъ союзовъ? Что общаго между самостоятельными рыболовными или земледѣльческими артелями нашего сѣвера и тѣми группами плотниковъ, каменьщиковъ, маляровъ, которые всецѣло зависятъ отъ нанявшаго ихъ подрядчика? Степень самостоятельности артелей есть вопросъ, на которомъ стоитъ остановиться.

Союзы, называемые артелями, представляютъ, въ отношеніи самостоятельности, безконечное разнообразіе. Одни удержали съ древнѣйшихъ временъ свою независимость во всей чистотѣ. Никто не вмѣшивается въ ихъ внутреннюю жизнь; никто не нарушаетъ порядка, съ которымъ эти артели сжились и сроднились. Но рядомъ съ ними мы находимъ и такіе виды, гдѣ сторонніе элементы замѣтно вліяютъ на строй союза. Сила этихъ чуждыхъ артели элементовъ покоится, бо́льшею частію, на началахъ экономическихъ, иногда же на началахъ общественныхъ, полицейскихъ. Экономическая зависимость установляется вездѣ, гдѣ артель или не имѣетъ необходимыхъ орудій производства (рыболовы), или, по узкому знакомству членовъ, не можетъ самостоятельно вести обширное предпріятіе (при постройкѣ или отдѣлкѣ большихъ зданій). Отчасти такая зависимость сказывается и въ отношеніяхъ биржевыхъ артелей къ биржевымъ комитетамъ. Обстоятельствами, вызывающими зависимость, опредѣляется и та степень, въ которой чуждое начало вліятъ на артельный строй. Гдѣ условія не требуютъ со стороны лица, заинтересованнаго въ дѣятельности артели, вмѣшательства во всѣ мелочи внутренней жизни союза, тамъ самостоятельность артели страдаетъ всего меньше. Въ бѣломорскихъ артеляхъ это вліяніе часто ограничивается только тѣмъ, что артель обязуется уступить нанимателю извѣстную долю улова. Если предпріятіе сложно, требуетъ искусной руки, опытной въ подобныхъ оборотахъ, то артель отчуждаетъ значительную долю своихъ правъ. Отчужденіе идетъ такъ далеко, что выборное начало умираетъ, распредѣленіе работъ становится обязанностію нанимателя, вступленіе въ союзъ замѣняется договоромъ между хозяиномъ и каждымъ изъ членовъ; наконецъ, во внѣшнихъ сношеніямъ, взаимная отвѣтственность уступаетъ мѣсто порукѣ одного хозяина. Такимъ образомъ, союзъ утрачиваетъ всѣ черты, которыя даютъ право называть его артелью. А между тѣмъ, названіе это удерживается народной рѣчью и для подобныхъ группъ; какъ часто приходится слышать объ артели каменьщиковъ, плотниковъ, когда

въ сущности называемые этимъ именемъ представляютъ только наемныхъ рабочихъ. Удержаніе термина въ этихъ случаяхъ имѣетъ двѣ немаловажныхъ причины.

1) Если между членами такой группы и нѣтъ отношеній, отличающихъ строй промышленныхъ артелей, то всегда есть связи, отличающія артели харчевыя. Члены такой группы имѣютъ общую квартиру, покупаютъ припасы и готовятъ пищу на общій счетъ. Эта группа, какъ мнѣ нерѣдко приходилось убѣждаться изъ личнаго наблюденія, называетъ себя «артелью» именно въ смыслѣ артели харчевой, квартирной. Этотъ смыслъ иногда ускользаетъ отъ вниманія стороннихъ лицъ, думающихъ, что члены группы считаютъ артельнымъ все предпріятіе. Что терминъ употребляется именно въ такомъ смыслѣ, доказываетъ закрѣпленіе этого наименованія, при стеченіи многочисленныхъ рабочихъ, только за тѣми, которые живутъ и ѣдятъ вмѣстѣ. Въ подобныхъ случаяхъ вся совокупность работающихъ разбивается на нѣсколько артелей, и каждая изъ нихъ представляетъ харчевую артель въ строгомъ слыслѣ этого слова.

Причина употребленія этого слова въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо ни одного признака артельной формы, объясняется *переживаніемъ*. Какъ обычай, нѣкогда имѣвшій смыслъ, переходитъ въ безсодержательный обрядъ, такъ и терминъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, долго служитъ для обозначенія явленій, имѣющихъ только внѣшнее сходство съ предметами, обозначавшимися ранѣе этимъ названіемъ. Каждый языкъ обладаетъ множествомъ подобныхъ терминовъ. Если, напр., группа лицъ, работающихъ на промышленномъ заведеніи, получаетъ отъ хозяина квартиру и столъ и называетъ себя артелью, то она подразумѣваетъ харчевую артель. Хотя приготовленіе пищи за счетъ хозяина и исключаетъ всѣ признаки, отличающія такія артели, но группа удерживаетъ терминъ въ силу чрезвычайной распространенности народныхъ потребительныхъ артелей въ Россіи, а часто и въ силу того, что многимъ изъ членовъ этой группы приходилось по временамъ быть участниками въ такихъ артеляхъ. Недостатокъ новаго термина ведетъ къ переживанію стараго, а потому иногда (хотя въ рѣдкихъ случаяхъ) и къ неправильному употребленію слова.

Степень самостоятельности группы, объясняемая экономическимъ положеніемъ членовъ, не служитъ чертой, выдѣляющей артели изъ союзовъ другихъ видовъ. Но такой чертой не слу-

жить и ограниченіе правъ артелей изъ побужденій полицейскихъ. Мы находимъ не мало подобныхъ ограниченій. Таможенныя артели, дрягильскія, браковщиковъ, лоцмановъ состоятъ въ вѣдѣніи подлежащихъ властей, которыя имѣютъ рѣшающій голосъ при вступленіи членовъ, выборѣ должностныхъ лицъ. Эти ограниченія необходимы, такъ какъ работы подобныхъ артелей сильно затрогиваютъ интересы общества или государственнаго казначейства. Но ограниченія не идутъ далѣе того, что нужно для огражденія общественныхъ интересовъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ артель предоставляется самой себѣ. Такъ какъ ограниченія въ равной мѣрѣ касаются всѣхъ членовъ союза, то, съуживая ихъ права, не вносятъ началъ, способныхъ уничтожить одинъ изъ признаковъ, отличающихъ эту форму общенія.

Все изложенное приводитъ насъ къ такому опредѣленію. *Артель есть основанный на договорѣ союзъ нѣсколькихъ равноправныхъ лицъ, совмѣстно преслѣдующихъ хозяйственныя цѣли и связанныхъ круговою порукой.*

Мы не указываемъ въ опредѣленіи на капитальность или безкапитальность артели потому, что размѣръ имущественныхъ взносовъ участниковъ не измѣняетъ артельнаго строя. Огромное большинство артелей не обладаетъ значительнымъ капиталомъ, не требуетъ отъ вступающаго крупнаго денежнаго взноса; въ нѣкоторыхъ же видахъ, особенно биржевыхъ, таможенныхъ, элементъ капитала играетъ замѣтную роль. Но бо̀льшее или меньшее участіе капитала, вліяя на легкость или трудность доступа въ артель, не нарушаетъ тѣхъ четырехъ основныхъ чертъ, которыя мы признали за всѣми видами этихъ союзовъ.

Въ нашей литературѣ мы находимъ и попытки раздѣленія артелей на группы.

Первая попытка принадлежитъ г. Свіязеву *). Онъ различаетъ артели по степени ихъ самостоятельности. Къ однѣмъ относятся тѣ, которыя, будучи совокупностью наемныхъ работниковъ, имѣютъ подрядчика во главѣ. Другой видъ образуютъ артели независимыя съ выборнымъ старостой. Его выбираютъ для завѣдыванія дѣлами артели, «для сношеній и разсчетовъ съ хозяевами строеній», добавляетъ г. Свіязевъ и тѣмъ какъ бы даетъ понять, что самостоятельныя артели возникаютъ только среди плотниковъ.

---

*) Энциклопед. лексиконъ Плюшара, III, 206.

Г. Усовъ *) раздѣляетъ артели на 2 группы: однѣ имѣютъ только общій столъ; члены же другихъ производятъ работы сообща.

Г. Калачовъ **) и г-жа Ефименко ***) изслѣдуютъ артели по промысламъ, которыми занимаются эти союзы. Такимъ образомъ, артели группируются по занятіямъ ихъ членовъ.

Авторъ статьи «Артели въ Сычевскомъ уѣздѣ Смоленской губ.» *) дѣлитъ эти союзы по продолжительности срока, на который они образуются. Отсюда: 1) артели постоянныя, 2) временныя, 3) случайныя.

Профессоръ Дитятинъ **) раздѣляетъ артели на 3 разряда. 1) Артели, въ которыхъ всѣ члены вносятъ равныя количества капитала и труда; 2) тѣ, въ коихъ участники дѣлаютъ неодинаковые имущественные взносы, причемъ, однако, ни одинъ не вкладываетъ въ общій капиталъ доли, которая далеко превышала бы паи другихъ. 3) третью группу образуютъ тѣ, въ которыхъ весь капиталъ или большая его часть принадлежитъ одному физическому или юридическому лицу; остальные же товарищи участвуютъ почти исключительно своимъ трудомъ. Въ связь съ этимъ дѣленіемъ почтенный авторъ приводитъ и раздѣлъ между членами доходовъ артели: во первыхъ,—распредѣленіе дохода поровну между всѣми, во вторыхъ,—раздѣлъ соразмѣрно съ трудомъ и капиталомъ товарищей; въ третьихъ,—присвоеніе себѣ капиталомъ львиной доли.

Профессоръ Вреденъ.***) не установляетъ классификаціи, но, какъ видно изъ главы его «Курса», отведенной артелямъ, онъ беретъ за признакъ характеръ цѣлей, которыя преслѣдуютъ артели, говоритъ о промышленныхъ и кредитныхъ союзахъ этой группы.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ попытокъ классификаціи, всего менѣе удачна попытка г. Свіязева. Во первыхъ, изъ его дѣленія не усматривается, чтобы русскія артели преслѣдовали какія либо хозяйственныя цѣли, лежащія внѣ области производства; во вторыхъ, характеристика авторомъ обязанностей старосты на-

---

*) Тамъ же, стр. 207.
**) Артели древней и новой Россіи.
***) Сборн. матер. объ артеляхъ. С.-Петерб. 1873 и 4 г., I, 1—76, II, 1—174.
*) Сборн. матер. объ артеляхъ. I, 193—200.
**) Устройство и управленіе городовъ Россіи. С.-Петерб. 1875 г. I, 273—80.
***) Курсъ... 148—60.

водитъ на мысль, что Россіи извѣстны только артели плотниковъ. А потому, классификація г. Свѣзева вводитъ артели въ рамки еще болѣе узкія, чѣмъ тѣ, которыя были поставлены имъ въ его опредѣленіи.

Классифицированіе артелей по занятіямъ членовъ, какъ то дѣлаютъ г. Калачовъ и г-жа Ефименко, есть первый шагъ въ дѣлѣ раздѣленія на группы. Мы думаемъ, что такая группировка не удовлетворяетъ требованій классификаціи, не даетъ немногихъ обширныхъ разрядовъ, которые обнимали бы всѣ (многочисленные) виды артелей, извѣстныхъ нашему отечеству.

Раздѣленіе артелей на постоянныя, временныя и случайныя опирается на внѣшній признакъ, который не вліяетъ на характеръ отношеній между членами. При такой группировкѣ нельзя составить понятія ни о цѣли, которую преслѣдуетъ артель, ни о степени ея экономической обезпеченности, а потому и широтѣ самоуправленія.

Г. Дитятинъ беретъ для классификаціи признакъ, который, несомнѣнно, играетъ въ жизни артелей весьма замѣтную роль. Степенью участія и правами владѣльца капитала измѣряется и экономическая самостоятельность артелей, и выгоды, которыя члены извлекаютъ изъ этого общенія. Для экономиста имѣетъ высокую важность вопросъ о томъ, насколько артели, какъ союзы особаго вида, могутъ охранять свою самостоятельность среди другихъ формъ предпріятій нашего времени, насколько члены этихъ союзовъ, вмѣстѣ взятые, обладаютъ большею сравнительно съ отдѣльными лицами стойкостью въ борьбѣ съ окружающей ихъ экономической обстановкой. Но, какъ ни важенъ признакъ, послужившій г. Дитятину основаніемъ для классификаціи, онъ недостаточенъ потому, что не даетъ возможности раздѣлить на группы всѣ артели, знакомыя нашему отечеству. Къ какой изъ названныхъ группъ могутъ быть отнесены артели харчевыя и кредитныя? По самому свойству союзовъ этихъ видовъ, трудъ не играетъ въ нихъ никакой роли, и участіе членовъ ограничивается только тѣми имущественными взносами, которые дѣлаютъ товарищи въ одномъ случаѣ для приготовленія пищи на общій счетъ, въ другомъ—для созданія условій, увеличивающихъ кредитоспособность каждаго участника. Профессоръ Дитятинъ, установляя свою классификацію, имѣлъ въ виду исключительно промышленныя артели.

Гг. Усовъ и профессоръ Вреденъ избираютъ для раздѣленія тотъ признакъ, который, думаемъ мы, можетъ дать лучшее основаніе для классификаціи. Это—родъ цѣли, преслѣдуемой артелью. Этотъ признакъ особенно важенъ потому, что дѣлаетъ возможнымъ образованіе такихъ группъ, изъ коихъ однѣ, по самому характеру своихъ задачъ, необходимо должны быть самостоятельны, другія же могутъ впадать въ большую или меньшую зависимость отъ сторонніхъ лицъ или учрежденій. Этотъ признакъ послужитъ основаніемъ и для нашей классификаціи.

Хозяйственная жизнь начинается съ производства цѣнностей. Отвѣчая на потребности, стремясь ихъ удовлетворить, человѣкъ обработываетъ матеріалы, дарованные природой, измѣняетъ ихъ видъ, производитъ новыя полезности. Всѣ виды дѣятельности, направленной на созданіе новыхъ полезностей и цѣнностей, могутъ быть обозначены названіемъ «промысла». Артели, ставящія себѣ цѣлью занятіе какимъ-либо промысломъ, или содѣйствіе промыслу членовъ,—мы называемъ *артелями промышленными*.

2. Конечная цѣль хозяйственной дѣятельности есть потребленіе благъ. Артели, ставящія себѣ такую задачу, образуютъ группу *артелей потребительныхъ*.

Между этими двумя крупными хозяйственными актами лежитъ цѣлый рядъ пріемовъ человѣка, которые въ итогѣ должны служить одной изъ двухъ цѣлей—производству или потребленію. а) Сложность экономическихъ отношеній ставитъ почти каждаго отъ времени до времени въ такое положеніе, когда нѣтъ на лицо желательнаго количества цѣнностей; отсюда—необходимость добыть ихъ подъ условіемъ возвращенія въ будущемъ, отсюда—кредитъ. б) Присущая человѣку заботливость о самообезпеченіи въ будущемъ, объ охраненіи себя и своей семьи отъ нужды, какія бы причины ни произвели ее, вызываетъ рядъ дѣйствій, которыя могутъ быть сведены въ одну группу подъ именемъ страховыхъ. Способность кредита и страхованія служитъ цѣли какъ производства, такъ и потребленія, и крайняя сложность кредитныхъ и страховыхъ отношеній побуждаетъ насъ выдѣлить въ особыя группы артели, направленныя на улучшеніе условій кредита своихъ членовъ, или на облегченіе имъ самообезпеченія путемъ страхованія. Мы получаемъ, такимъ образомъ, еще 2 класса артелей — *кредитныхъ* и *страховыхъ*. Къ этимъ 4 группамъ могутъ быть сведены всѣ артели, какъ существующія нынѣ, такъ и имѣющихъ возникнуть.

Эти 4 обширныя группы допускаютъ дальнѣйшее дробленіе; при образованіи болѣе мелкихъ группъ мы будемъ держаться того же признака,—характера цѣли, во имя которой возникаетъ артель.

Промышленныя артели могутъ быть разбиты на: а) *сырьевыя*, если онѣ имѣютъ въ виду способствовать только пріобрѣтенію членами перерабатываемаго сыраго матеріала; б) *складочныя*, если ихъ вызываетъ къ жизни стремленіе устроить для товаровъ участниковъ складъ на общій счетъ; в) *производительно-подсобныя*, когда цѣль артели исчерпывается пріобрѣтеніемъ на общій каниталъ помѣщеній, орудій или приспособленій, необходимыхъ для промысловой дѣятельности членовъ; г) *производительныя*, обнимающія всѣ стороны промышленной дѣятельности членовъ, ведущихъ промыселъ.

Потребительныя артели могутъ обнимать всѣ стороны потребленія, или касаться только одной изъ нихъ; въ послѣднемъ случаѣ онѣ являются *харчевыми*, *квартирными*.

Кредитныя могутъ основывать свои операціи какъ на личномъ кредитѣ, такъ и на кредитѣ вещномъ. Совокупность землевладѣльцевъ можетъ образовать кредитную артель съ выпускомъ закладныхъ листовъ.

Страховыя могутъ принимать форму сберегательныхъ кассъ (въ нашихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ есть элементъ страхованія), вспомогательныхъ, пенсіонныхъ, обществъ взаимнаго страхованія отъ огня, градобитія, скотскихъ падежей и т. д.

Установленная нами группировка позволяетъ привести въ связь съ перечисленными классами и степень самостоятельности артелей, и естественность или искусственность образованія ихъ въ Россіи.

По отношенію къ возможности сохранить свою хозяйственную самостоятельность и полноту правъ членовъ, артели потребительныя и страховыя занимаютъ первое мѣсто. По самому характеру этихъ союзовъ ни внутри, ни внѣ ихъ нѣтъ началъ, которыя могли бы поработить артель. Члены такихъ союзовъ не промышляютъ, не извлекаютъ прибыли; всѣ интересы участниковъ сводятся къ полученію небольшихъ сбереженій, которыя можетъ дать пріобрѣтеніе предметовъ потребленія на общій счетъ или взаимное страхованіе. Какъ ни важны эти выгоды, онѣ не настолько велики, чтобы заставить артель безропотно переносить давленіе сторонняго лица или кого-либо изъ членовъ. Если бы,

напр., торговецъ съѣстными припасами пытался отпускомъ товаровъ по высокой цѣнѣ лишить участниковъ артели всѣхъ выгодъ, которыя они извлекаютъ изъ общенія, то эта попытка быстро повела бы къ распаденію союза. Еще труднѣе представить себѣ въ страховыхъ артеляхъ наличность условій, которыя могли бы вызвать экономическую зависимость союза.

Та же черта отличаетъ до нѣкоторой степени и кредитныя артели. Хотя необходимость обращенія къ чужимъ капиталамъ и ставитъ союзы этого вида въ зависимость отъ заимодавцевъ, хотя степень выгодности условій, на которыхъ члены получаютъ ссуды, объясняется высотой требованій кредиторовъ артели, однако притязанія заимодавцевъ не могутъ быть чрезмѣрны: если участіе въ союзѣ не доставитъ членамъ ссудъ, значительно болѣе дешевыхъ, чѣмъ тѣ, которыя они могутъ получить единолично, то артель утратитъ свою привлекательность въ глазахъ всѣхъ и быстро распадется.

Артели всѣхъ трехъ группъ могутъ сохранить свою самостоятельность потому, что внѣ ихъ нѣтъ лицъ или учрежденій, которымъ давленіе на артель доставляло бы крупныя выгоды. Съ другой стороны, и члены такихъ союзовъ не настолько въ нихъ заинтересованы, чтобы выносить на своихъ плечахъ сильное давленіе.

Совсѣмъ иную область представляютъ артели промышленныя и, особенно, производительныя. Послѣднія поглощаютъ всю хозяйственную силу участниковъ и опредѣляютъ высоту ихъ экономическаго уровня. Человѣкъ можетъ отказаться, въ случаѣ невыгодности, отъ участія въ артели потребительной, страховой, пожалуй, кредитной; отъ участія же въ артели промышленной онъ *часто не можетъ отказаться* потому, что и единоличное веденіе даннаго промысла, и вступленіе въ союзы иныхъ формъ представляютъ еще менѣе выгодъ, чѣмъ членство въ артели. Поморъ нашего сѣвера не можетъ ловить рыбу одинъ; онъ необходимо долженъ входить въ составъ какого-либо союза, и артель представляется такимъ союзомъ, участіе въ которомъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, болѣе выгодно, чѣмъ въ общеніяхъ иныхъ формъ (напр., въ группѣ наемныхъ рабочихъ). То же можно сказать про артели дровосѣковъ, бурлаковъ, банщиковъ. Обстоятельства, въ силу которыхъ многіе виды промышленныхъ артелей необходимо должны существовать, совмѣстно съ техникой данныхъ промысловъ и степенью состоятель-

ности артельщиковъ, и объясняютъ, почему сторонніе лица могутъ производить на эти артели почти невѣроятное давленіе и почему послѣдніе соглашаются выносить его на своихъ плечахъ. Промышленныя артели остальныхъ трехъ разрядовъ не могутъ впадать въ такую зависимость уже потому, что члены заинтересованы въ нихъ только отчасти, только какой-нибудь одной стороной своей промышленной дѣятельности.

Такимъ образомъ, *возможная степень давленія на артель прямо соразмѣрна трудности для члена жить внѣ артели.*

Перечисленныя нами группы артелей не одинаково древняго, самобытнаго происхожденія. Изъ промышленныхъ артелей древней Россіи были знакомы исключительно артели производительныя. Онѣ примѣнялись, по преимуществу, къ промысламъ, нетребующимъ значительнаго капитала. Хотя историческіе памятники не даютъ указанія на другіе разряды промышленныхъ артелей, однако самобытное образованіе сырьевыхъ и производительно-подсобныхъ, какъ свидѣтельствуютъ факты изъ недавняго прошлаго, не возбуждаетъ сомнѣнія. Складочныхъ артелей не было; этотъ видъ не былъ извѣстенъ старинѣ, вѣроятно, потому, что артельная форма мало примѣнялась въ тѣхъ промыслахъ, которые нуждаются въ складахъ.

Изъ потребительныхъ артелей древности были извѣстны только харчевыя и квартирныя. Хотя источники даютъ мало указаній на эту группу, однако, распространенность харчевыхъ артелей, легкость ихъ возникновенія, свидѣтельствующія о сродности этой формы русскому простолюдину, говорятъ въ пользу ея глубокой древности. Потребительныя артели не шли дальше харчевыхъ и квартирныхъ, потому что, до послѣдняго времени, въ средѣ нашего народа господствовало натуральное хозяйство, исключавшее возможность тѣхъ широкихъ оборотовъ, которые ведутся современными потребительными товариществами.

Страховыя и кредитныя артели вовсе не были знакомы нашимъ предкамъ. Онѣ и не могли быть извѣстны имъ: неразвитость хозяйственной жизни въ древней Россіи исключала возможность организаціи кредита и страхованія.

Искусственнымъ мы называемъ такое образованіе артелей, когда союзы этой формы слагаются не самобытно, но при участіи сторонникъ лицъ или учрежденій. Еще въ 20-хъ гг. XVIII вѣка купечество содѣйствовало образованію с.-петербургскихъ биржевыхъ артелей. Артели лоцмановъ, дрягилей, браковщиковъ

сложились при содѣйствіи государственной власти и торговыхъ людей. Съ половины 60-хъ гг. участіе въ этомъ дѣлѣ отдѣльныхъ лицъ и обществъ стало еще болѣе замѣтно. Насадители первой группы способствовали образованію исключительно производительныхъ артелей. Движеніе же, вызванное Шульце-Деличемъ, заставило его русскихъ послѣдователей признать важность примѣненія артельной формы и внѣ области производства. По примѣру Германіи, и у насъ отдѣльныя лица и учрежденія (земства) направили свои силы на созданіе кредитныхъ и частію потребительныхъ и промышленныхъ артелей.

Широкое распространеніе въ Россіи и особая важность промышленныхъ артелей, живучесть союзовъ этой группы среди нашего народа побуждаютъ меня сдѣлать исключительно ихъ предметомъ настоящаго изслѣдованія.

Андрей Исаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Программа для собиранія свѣдѣній о русской народной артели.

Русская артель есть результатъ творчества народнаго духа и, какъ таковой, она — явленіе глубочайшей древности и во всѣ времена имѣла огромное значеніе въ жизни народа. Можно предполагать, что теперь артель, при благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, была бы явленіемъ первостепеннымъ, всеобъемлющимъ. Но вопреки народному духу, вопреки народнымъ симпатіямъ распорядилась исторія. Вопреки народнымъ симпатіямъ, интересамъ, совершилась величайшая историческая несправедливость— крѣпостничество. Имущество, интересы матеріальные, духовные, даже сама жизнь милліонной массы народа, были отданы въ безусловное распоряженіе сотни счастливцевъ, въ большинствѣ чуждыхъ народу, даже по крови, по происхожденію. Рука объ руку съ этимъ шла вторая историческая несправедливость: народная, государственная земля переходила также въ монопольную собственность тѣхъ же немногихъ счастливцевъ; а затѣмъ шла масса другихъ несправедливостей, въ видѣ множества разныхъ привиллегій и прерогативъ счастливаго меньшинства, въ явный ущербъ интересовъ массы. Разъ начавшаяся несправедливость на удобной почвѣ естественно дошла до такихъ крайностей, двухсотъ-лѣтняя язва пустила такіе глубокіе корни въ организмъ, что одна отмѣна крѣпостнаго права не могла возвратить народную жизнь къ ея нормальному, правильному развитію; требуется продолжительное, внимательное и, главное, энергическое лѣченіе. Указанныя обстоятельства имѣли подавляющее, гибельное вліяніе на артель. Народомъ управлялъ, за народъ распоряжался господинъ, несравненно чаще его управляющій, нѣмецъ или французъ; ни тотъ, ни другой не хотѣли и не могли понять, уважать на-

родъ,— его жизнь, обычаи, личность; самое дорогое, милое, святая святыхъ человѣческаго бытія часто попиралось ими самымъ наглымъ, гнуснымъ образомъ. Не было пощады ничему въ этомъ варварскомъ разгулѣ дикаго своеволія:—не щадилась ни собственность, ни личность, ни честь, ни семья.... На народный починъ, иниціативу, энергію наложены тяжелыя оковы; положенъ предѣлъ развитію народной производительности, промышленности, торговлѣ, благосостоянію; жизнь остановилась, замерла въ искусственныхъ желѣзныхъ рамкахъ.... Въ результатѣ—нынѣшній упадокъ артели въ народѣ до такой степени, что въ бо́льшей части Россіи правильной артели уже не встрѣтишь, а встрѣчаешь артель искаженную, кулацкую, т. е. артель только по названію. Но это не значитъ, что артель умерла: она крѣпка́, люба́ народу, въ нее народъ вложилъ свои задушевныя мысли, она — завѣтный идеалъ его стремленій; а только внѣшнія, для артели крайне неблагопріятныя историческія, экономическія и соціальныя условія получили слишкомъ сильное развитіе, онѣ мѣшаютъ ея проявленію, душатъ ея развитіе.

Стало быть, разъ ослабнутъ или прекратятся эти условія, и артель высоко подниметъ свою голову, получитъ широкое приложеніе въ сферѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, разовьется и освободится отъ паразитовъ, сосущихъ ее. Рано-ли, поздно-ли,— это должно быть такъ, это будетъ такъ.

Любопытно посмотрѣть, какъ отнеслись къ этому вопросу цивилизованное общество, наука,—вѣрнѣе, печать, правительство. Ну, что касается общества, то объ немъ и вообще-то многаго сказать нечего, тѣмъ болѣе, по данному вопросу. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, были гуманные люди (60 годовъ), стремившіеся помогать устройству артелей, (чаще устраивавшіе артели по своему), но отчасти вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, главнымъ же образомъ, вслѣдствіе непониманія, незнакомства съ вопросомъ, результаты получались отрицательные, чаще никакіе. Особнякомъ стоятъ на высокомъ пьедесталѣ дѣятели тверскаго земства. Большое спасибо заслужили себѣ эти честные люди, хотя ихъ дѣятельность далеко не оправдала возлагаемыхъ на артель горячихъ надеждъ. Здѣсь не мѣсто разбирать причины этой неудачи. Если не помѣшаютъ обстоятельства, я коснусь этого вопроса въ другомъ мѣстѣ. Все-таки не могу не замѣтить, что и здѣсь на первомъ планѣ—общее незнакомство съ вопросомъ.

Очень любопытно отношеніе печати къ артели, какъ характеризующее вообще наше постыдное отношеніе къ народу. Забираться при этомъ въ древность нѣтъ нужды, такъ какъ тогдашніе представители мысли, печати, даже лучшіе изъ нихъ, имѣли свои, отдѣльные отъ народа интересы и его бытомъ, міросозерцаніемъ, не увлекались. Патентованные ученые еще прошлаго столѣтія, путешествовавшіе по Россіи, какъ Гмелинъ, Лепехинъ, оставили намъ толстые фоліанты своихъ записокъ. О многомъ говорятъ они, о важномъ и неважномъ, часто довольно пространно, и только урывками, очень небрежно, какъ бы нехотя, говорятъ, напр., объ артели. За то, наприм., Лепехинъ увѣковѣчилъ садъ Демидова, близь Соликамска, выписавъ только названія деревьевъ въ немъ на 55 стр. 3-го тома. Изумительная, олимпійская щедрость, хотя бы и для Демидова!... Не менѣе характеренъ слѣдующій (такъ и хочется сказать—анекдотъ) фактъ. М. П. Погодинъ (замѣтьте, не какой-нибудь верхоглядъ-западникъ) въ 1841 г., по дорогѣ на нижегородскую ярмарку, остановился въ одномъ селѣ. Но пусть разскажетъ самъ Погодинъ. «Мнѣ вздумалось спросить мужиковъ, говоритъ онъ, и я узналъ объ одномъ превосходномъ московскомъ учрежденіи, о коемъ не имѣю никакого понятія, хотя и живу въ Москвѣ всю свою жизнь». И разсказавъ объ устройствѣ биржевыхъ артелей, восклицаетъ: «Какъ Солонъ похвалится лучшимъ учрежденіемъ!»... Такое невѣжество относительно народа даже людей передовыхъ столь недавняго прошлаго, и притомъ народолюбцевъ, по истинѣ удивительно, нелѣпо. И странное дѣло, нѣсколько ранѣе путешествующій по Россіи прусскій баронъ тщательно и очень усердно собираетъ много интереснаго о народѣ и въ частности объ артели, на сколько для него было доступно. Невольно пожалѣешь, что прусскіе бароны рѣдко путешествуютъ по Россіи; иначе мы гораздо лучше знали бы народъ и во всякомъ случаѣ имѣли бы болѣе, нежели даютъ намъ наши платоники-народолюбцы. И дѣйствительно, ни для кого не тайна, что мы доселѣ не знаемъ народа, что именно знаній-то намъ и не достаетъ, и притомъ не по одному артельному вопросу, а вообще о народѣ. Сколько, напр., перемарано бумаги и перепорчено чернилъ по вопросу объ общинѣ!... а когда, 2 года назадъ, зашла рѣчь о научной постановкѣ вопроса объ ней, то и вольно-экономическое, и географическое общества едва не единогласно сошлись на одномъ знаменательномъ выводѣ: общины мы не знаемъ,— необходимо знать. Дай Богъ!... Грустное, чрезвы-

чайно грустное явленіе, представляетъ наша печать въ своемъ отношеніи къ артельному вопросу. Передъ нами медовые мѣсяцы нашего либерализма 60 годовъ. Кажется, можно было изучать, изслѣдовать. Что же вышло? Выключая трудъ Н. В. Калачова, труды П. и А. Ефименко, Данилевскаго и еще нѣсколько именъ, касающихся артели, какъ явленія извѣстной мѣстности, чаще же между прочимъ, выключая этотъ мизерный арсеналъ (въ такомъ великомъ государствѣ), получимъ множество статей и статеекъ разныхъ господъ публицистовъ, перечитывая которыя, только удивляешься великой способности ихъ въ переливаніи изъ пустаго въ порожнее. Пустота, легкомысліе, невѣжество, непониманіе, обезьяничанье передъ Европою—вотъ имя имъ. Неудовлетворительная теоретическая разработка, на ряду съ практической неудачей и разочарованіемъ, естественно вызвали реакцію къ этому вопросу: вопросъ пересталъ интересовать, затѣмъ сталъ надоѣдать, вниманіе общества заняли другіе, болѣе важные (!) вопросы: — банковый, желѣзнодорожный, женскій, славянскій и проч., и, наконецъ, артельный вопросъ былъ безцеремонно выброшенъ, какъ надоѣвшій, негодный, и почти совершенно забытъ. «Лежитъ на немъ камень тяжелый»! Въ послѣдніе годы замѣчаешь какое-то нежеланіе печати касаться этого вопроса, какъ бы сознательное устраненіе его. Такъ, ученый и талантливый путешественникъ, г. Майновъ, въ «Поѣздкѣ въ Обонежье и Корелу», чрезвычайно тщательно высчитываетъ, сколько сотъ ячей въ мотнѣ невода, какой ширины ячеи въ мотнѣ и крыльяхъ и проч., и въ то же время, касаясь артели, отдѣлывается очень ужъ скудными свѣдѣніями, въ родѣ того, что соединяются въ артели по 8 домохозяевъ, а выручка дѣлится на 9 частей; или что артельная осушка болотъ въ большомъ здѣсь ходу. Какая эта артельная организація, въ чемъ она состоитъ, какими принципами проникнута, какое имѣетъ значеніе, смыслъ и пр., эти вопросы не заслуживаютъ вниманія автора. Г. Молчановъ же, въ «Новомъ Времени», въ своемъ многописаніи, считаетъ достаточнымъ сказать, и то въ примѣчаніи, что артели существуютъ въ такихъ-то мѣстахъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что единственный трудъ г. Калачова, разсматривающій артель всецѣло, устарѣлъ (изданъ въ 1864 г.), давно уже распроданъ и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, такъ что даже въ императорской публичной библіотекѣ онъ выдается въ Этнографическомъ Сборникѣ, а не отдѣльнымъ изданіемъ. Незнаніе—

вотъ дѣйствительная причина всѣхъ неудачъ, разочарованій въ артельномъ вопросѣ.

Такимъ образомъ, печать совершила вопіющее преступленіе: вмѣсто того, чтобы изучить, изслѣдовать вопросъ, поставить его на научную почву, она убила артельный вопросъ.

Болѣе разумно отнеслось къ артели правительство. Оно правильно поняло свою задачу: не врываться преждевременно въ артельный строй, не регламентировать его. Мало того, правительство проявило себя и активно-сочувственно къ артелямъ. Такъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, по печатнымъ сообщеніямъ, при министерствѣ финансовъ предполагалось учредить коммиссію, съ представителями отъ ученыхъ обществъ, для бо́льшаго развитія артельнаго вопроса. Нѣкоторые центральные правительственные органы посылали техниковъ для развитія промысловъ на артельномъ началѣ. Болѣе того, правительство выдавало значительныя ссуды артелямъ. Но особенно замѣчательны просвѣщенныя заботы правительства о поддержаніи падающей промышленности Павлова и его района, гдѣ, съ Высочайшаго соизволенія, было ассигновано сперва 25 т. р. на ссудо-сберегательное товарищество, а затѣмъ, съ Высочайшаго же разрѣшенія, 30 т. р. на устройство артели и артельныхъ машинъ. Все это даетъ право думать, что правительство не остановится на этомъ, несмотря на неудачи. Считаю нужнымъ добавить, что провинціальные представители правительства не стоятъ на высотѣ своего призванія, не сознаютъ важности вопроса, чѣмъ и вызываются справедливыя на нихъ нареканія.

Стыдно и больно за такое отношеніе печати и интеллигенціи къ артели. Вѣдь въ жизни русскаго народа едва-ли есть другое учрежденіе, имѣющее столь огромное значеніе и въ бытовомъ, и въ экономическомъ, и въ государственномъ отношеніяхъ, какъ артель. Будущее артели особенно блестяще и всеобъемлюще. И это вотъ почему. Во 1-хъ, народъ самъ выработалъ широкое понятіе артели, какъ бы своего рода организацію труда, несуществующую ни у какого другаго народа, замѣчательную по глубокому пониманію природы человѣка, по справедливости, разумности, гуманности.... и потому она (артель) всегда будетъ люба ему, и онъ никогда отъ нея не отступитъ, не откажется. Во 2-хъ, наше экономическое положеніе стоитъ теперь такъ низко, что ниже едва-ли можетъ быть. Авторитетные ученые и публицисты положительно констатируютъ даже на основаніи правитель-

ственныхъ изданій ухудшеніе экономическаго положенія со времени освобожденія крестьянъ. Все ростетъ безземеліе, все ростетъ экономическая кабала и притомъ въ самыхъ грустныхъ формахъ, все чаще становятся неурожаи, все болѣе свирѣпствуютъ пожары, все ростутъ государственные расходы, а съ ними и недоимки, все болѣе и болѣе падаетъ земледѣліе, скотоводство, все разнообразнѣе и опустошительнѣе становятся болѣзни, какъ у людей, такъ и у скота, все чаще и чаще приходится слышать о мѣстныхъ вырожденіяхъ народа. При такихъ зловѣщихъ обстоятельствахъ никакія реформы въ отдѣльности, даже столь желанныя, какъ отмѣна подушной подати и соляной, не могутъ имѣть дѣйствительнаго значенія, онѣ нисходятъ на степень паліатива.

А между тѣмъ, мы обладаемъ несмѣтнымъ, почти еще нетронутымъ, естественнымъ богатствомъ: залежи чернозема нашего богаты и огромны; лѣсныя, луговыя пространства не исчислены; металлы, минералы и вообще ископаемыя несмѣтны; морскія, рѣчныя богатства неисчерпаемы. Народъ трудолюбивъ, смышленъ, гуманенъ, даровитъ и непоколебимо сохраняетъ свои прекрасныя исконныя соціальныя привычки и склонности. Такимъ образомъ, все говоритъ о возможности лучшаго будущаго. Мы можемъ быть богаты, довольны, счастливы: Богъ не обдѣлилъ насъ. И если цѣль и задача государства—довольство, счастіе народа, то мы и должны идти къ этому, пока еще не поздно, тѣмъ болѣе, что путь долгій, трудный. Путь этотъ — нормальное развитіе всѣхъ производительныхъ силъ, какъ страны, такъ и народа. Необходимо дать широкій просторъ народному сознанію, энергіи, иниціативѣ; необходимо дать возможность всестороннему, всеобъемлющему развитію артельнаго начала не только въ народной промышленности, но и въ земледѣліи, все болѣе и болѣе падающемъ. Такимъ образомъ, община должна стать общиной-артелью, иначе невозможенъ желаемый экономическій прогрессъ въ земледѣліи.

Но прежде всего необходимо изслѣдовать артель научно, а для того должно точно узнать, фактически изучить ея экономическую, обычную и бытовую стороны. Довольно увлеченій, ошибокъ, разочарованій! необходимо и пора уже стать на почву краснорѣчивыхъ фактовъ, на почву могучей науки.... Нѣтъ необходимости доказывать значеніе, полезность программы для собиранія свѣдѣній. Только тогда узнаемъ вопросъ научно-точно,

только тогда будемъ имѣть возможность сдѣлать истинные выводы, только тогда возможно и безошибочное развитіе, примѣненіе вопроса къ жизни, только тогда, слѣдовательно, и получимъ всю возможную отъ вопроса пользу, когда будемъ имѣть вѣрныя данныя о немъ въ необходимомъ количествѣ, собранныя въ научной системѣ по опредѣленному плану. До тѣхъ поръ возможны болѣе или менѣе грубыя ошибки. Такъ было и такъ есть, но не должно быть такъ, я въ этомъ глубоко увѣренъ; иначе мы никогда не вылѣземъ изъ этой мертвящей экономической трясины, въ которую погрязли;—мы погрузимся еще болѣе, мы погибнемъ....

Не думаю, чтобы предлагаемая мною программа стояла на высотѣ научныхъ требованій уже и потому, что это первый опытъ *). Моя задача — поставить вопросъ, вызвать его обсужденіе. Пусть люди, болѣе меня знающіе, болѣе меня видѣвшіе, или имѣвшіе возможность основательно ознакомиться съ артелью вообще, или съ однимъ видомъ артели, — выскажутся составленіемъ-ли своихъ программъ, или разборомъ, указаніемъ недостатковъ, ошибокъ моей программы — печатно, или лично со мной чрезъ редакцію.

И странное дѣло, если община въ послѣдніе годы вызвала составленіе нѣсколькихъ программъ, какъ программы Постникова, Якушкина, Ефименко, Географическаго и Вольно-Экономическаго обществъ, Трирогова, то почему же артель не заслужила никакого вниманія ученыхъ? Вѣдь артель — также «фактъ огромной важности» и гораздо шире, глубже, всестороннѣе охватываетъ человѣка, часто обнимаетъ едва-ли не всего его, да и въ силу логики событій сама община должна обратиться въ общину-артель **).

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ ОБЪ АРТЕЛИ.

Артель — слово болѣе литературное; въ жизни, въ дѣйствительности встрѣчаются не рѣдко однозначущія слова: ватага, дружина, стая, котляна....

*) Опытъ комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ слишкомъ общъ неопредѣленъ, кратокъ и совершенно не достигъ цѣли уже и потому, что будучи отпечатанъ на обложкѣ, или отброшенъ при переплетѣ книги, или затерялся съ оторванной обложкой.

**) Авторъ не сторонникъ насильственной ломки, правительственнаго вмѣшательства въ это дѣло. Онъ думаетъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ это будетъ такъ. Впослѣдствіи авторъ обѣщаетъ поговорить объ этомъ подробно. *Авт.*

I.

Члены (артельщики, пайщики, уженщики, покрученники....).

1) Сколько членовъ было при основаніи артели и сколько теперь?

2) Что повліяло на измѣненіе числа членовъ?

3) Ограничено-ли число членовъ?

4) Если да, то слѣдствіе-ли это условій даннаго производства, или результатъ какихъ-либо иныхъ, напримѣръ, личныхъ разсчетовъ членовъ?

Рѣдкій примѣръ послѣдняго представляетъ Петербургская столярная артель, и то, быть можетъ, потому, что состоитъ, главнымъ образомъ, изъ иностранцевъ-нѣмцевъ.

5) Условія пріема новыхъ членовъ.

Между многоразличными условіями обращаютъ на себя вниманіе такія, какъ: степень довѣрія къ поступающему, способность къ артельной жизни; сварливаго, буяна не примутъ въ артель: онъ человѣкъ не артельный.

6) Не требуется-ли при вступленіи извѣстное рабочее искусство и какъ оно доказывается? или особыя спеціальныя знанія, какъ у лоцмановъ?

7) Отъ кого зависитъ пріемъ членовъ?

8) Нѣтъ-ли давленія старосты при пріемѣ новыхъ членовъ, вслѣдствіе родства, взятки?...

9) Не дѣйствуетъ-ли вступающій чрезъ могарычъ, подкупъ?

10) Требуются-ли при вступленіи деньги (вкупъ, пай) и сколько? или какое другое обезпеченіе? Разомъ-ли вносится вкупъ?

Сестрорѣцкая ружейная артель принимаетъ въ члены только хозяевъ незаложенныхъ домовъ, которые и поступаютъ въ обезпеченіе обязательствъ артели.

11) Обусловливается-ли этотъ вкупъ обычаемъ или необходимостью въ самомъ производствѣ, какъ напримѣръ, въ рыболовныхъ и старательскихъ артеляхъ, или страховыми цѣлями, какъ въ биржевыхъ артеляхъ.

12) Есть-ли члены съ однимъ капиталомъ, сколько ихъ и какой капиталъ?

13) Какую долю прибыли получаютъ они?

14) Допускаютъ-ли членовъ съ половиннымъ паемъ и вообще частичнымъ, или и безъ пая, т. е. съ однимъ трудомъ?

15) Переходитъ-ли вкупъ, въ случаѣ смерти члена, его наслѣдникамъ, не могутъ-ли послѣдніе, въ подобномъ случаѣ, войти членами въ артель?

16) Причины исключенія членовъ; отъ кого оно зависитъ?

17) Исключенный членъ получаетъ-ли свою часть?

18) Условія добровольнаго выхода изъ артели.

19) Не несетъ ли выходящій какія-либо обязательства по дѣламъ артели и на какое время они простираются?

20) Права и обязанности членовъ.

21) Можетъ-ли членъ выставлять за себя работника въ артель для исполненія требуемыхъ съ члена обязанностей?

Въ рыболовныхъ артеляхъ, напр., иногда бываетъ такъ, даже болѣе того: членъ можетъ выставлять работника при себѣ, внося за него требуемый отъ пайщика капиталъ: провизію въ извѣстномъ количествѣ, извѣстныя части невода и пр.

22) Не замѣтна-ли въ артельщикахъ наклонность плотиться (соединяться въ артель) изъ лицъ одной деревни, волости, или хотя бы уѣзда? Не обращается-ли эта наклонность даже въ правило? чѣмъ это объясняется?

23) Нѣтъ-ли членовъ неполноправныхъ, въ чемъ состоитъ ограниченіе ихъ правъ, причина этого — не безкапитальность-ли?

24) Не раздѣляется-ли ватага на нѣсколько спеціальныхъ категорій?

Такъ иногда артели рыболововъ раздѣляются на: тяглецовъ, пѣшальниковъ, жердниковъ; каждая категорія исполняетъ спеціально свое дѣло. Также рыбинскіе крючники раздѣляются на выставщиковъ и горбачей.

25) Нѣтъ-ли между членами различныхъ степеней, сообразно искусству, опытности членовъ? Какъ вліяетъ это на организацію артели, напр., не обусловливаетъ-ли это величину пая?

II. Выборныя лица.

26) Староста выбирается-ли артелью, или замѣняется по очереди, или назначается начальствомъ, хозяиномъ?

На ряду съ старостами часто встрѣчаемъ и другія названія: (в) (о) атаманъ, большакъ, десятскій, сотскій, кормщикъ.

27) Условія выбора старосты.

Кромѣ общихъ условій, иногда встрѣчаются и такія, какъ зажиточность напр., это для того, чтобы въ трудныя минуты жизни кредитоваться у старосты.

28) На сколько времени выбирается онъ, или поочередно, или безсрочно.

29) Права старосты.

Права старосты часто бываютъ очень обширны и разнообразны, и едва ли не въ каждой артели можно встрѣтить и нѣкоторыя спеціальныя, напр., у баньщиковъ—право уходить на лѣто въ побывку домой.

30) Обязанности его.

Между прочимъ, иногда встрѣчается обязанность вести книги.

31) Отвѣтственность и смѣна атамана въ случаѣ болѣзни, злоупотребленій его.

Собственно говоря, юридической кары не существуетъ, но зато существуетъ болѣе важная кара,—нравственная, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ артеляхъ; такъ, въ артеляхъ баньщиковъ проворовавшійся староста не найдетъ уже себѣ мѣста не только въ знакомой артели, но и въ незнакомой.

32) Есть-ли достаточный контроль надъ старостой? Нѣтъ-ли, напр., особыхъ выборныхъ, обязанныхъ контролировать его? Не выставляются-ли отчетныя книги на видномъ мѣстѣ передъ всѣми? Или же контроль обращенъ въ пустую формальность?

33) Матеріальныя преимущества атамана.

Относительно вопроса о вознагражденіи выборныхъ лицъ должно сказать: чѣмъ патріархальнѣе артель, чѣмъ менѣе она испытываетъ отъ внѣшнихъ постороннихъ вліяній, тѣмъ вознагражденіе выборныхъ лицъ незначительнѣе, часто нисходя до пая артельщиковъ, и наоборотъ, это вознагражденіе по длинной лѣстницѣ восходитъ до крупныхъ тысячныхъ окладовъ, напр., въ Петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ и въ артеляхъ посыльныхъ. Въ нѣкоторыхъ же рыболовныхъ артеляхъ все преимущество атамана состоитъ въ томъ, что по окончаніи лова, когда разшворывается неводъ и каждый беретъ свою часть въ немъ, то кнея (мѣшкообразная часть невода), покупающаяся на общій счетъ, дарится атаману. Или же иногда копѣйки, достающіяся при дѣлежѣ артельщикамъ сверхъ рублей, также поступаютъ атаману.

34) Нѣтъ-ли какихъ незаконныхъ статей дохода у старосты, напр., при продажѣ произведеній, при закупкѣ провизіи и проч.?

35) Въ случаѣ назначенія старосты помимо воли артели, какъ это отражается на ходѣ дѣлъ? Не обращается-ли такой староста въ правительственнаго чиновника, относящагося къ членамъ какъ къ подчиненнымъ?

36) Не требуется-ли по крайней мѣрѣ утвержденія выбраннаго старосты хозяиномъ, начальствомъ?

У лоцмановъ сотскій утверждается дистанціоннымъ смотрителемъ, за что и платитъ ему 200—300 р. Это обстоятельство, въ связи съ экономическою набалою лоцмановъ сотскимъ, становитъ послѣдняго какъ бы начальникомъ.

37) Не выбирается-ли 2—3 и болѣе старостъ и какъ они распредѣляютъ между собою свои обязанности.

Въ Сестрорѣцкой ружейной артели 3 старосты, составляющіе правленіе; одинъ завѣдываетъ слесарнымъ производствомъ, другой столярнымъ, третій кузнечнымъ. Избираются на 3 года. Правленіе, принявъ заказъ, передаетъ его по роду производства одному изъ старшинъ, который уже отдаетъ изготовленіе вещи одному или нѣсколькимъ артельщикамъ.

38) Есть-ли выборные, кромѣ старосты, сколько ихъ?

39) Какія ихъ обязанности, права и матеріальныя преимущества?

Бурлацкія артели для ѣды раздѣляются на десятки, каждый десятокъ выбираетъ маслянаго старосту, который бережетъ толокно, соль, масло. Никакихъ преимуществъ они не имѣютъ. Кромѣ того, избираютъ еще сокольнаго старосту для наблюденія за соколкой (отхожее мѣсто).

III.

Наемныя лица.

40) Есть-ли служащіе, какъ бухгалтеры, писаря; ихъ вознагражденіе и обязанности?

41) Бываютъ-ли наемные рабочіе и сколько? постоянные они или временные, и въ какое время ихъ бываетъ болѣе?

Иногда артели, не будучи въ состояніи удовлетворить большому спросу на трудъ, или на продукты артели, принуждены бываютъ на время брать рабочихъ. Такъ даже банныя артели передъ большими праздниками принуждены бываютъ брать рабочихъ.

42) Не становятся-ли послѣдніе кандидатами въ члены? при этомъ не дѣлается-ли особыхъ взносовъ, вычетовъ?

43) Какъ оплачивается трудъ рабочихъ сравнительно съ членами и сравнительно съ однородными рабочими внѣ артели?

44) Получаютъ-ли они только заработную плату, или и часть прибыли?

45) Какъ живутъ наемныя лица, вмѣстѣ съ артелью, или на своихъ квартирахъ отдѣльно? Артельная-ли пища, или своя?

46) Есть-ли кухарка (матка) и ея обязанности, вознагражденіе? Матка иногда, какъ у баньщиковъ, моетъ бѣлье артельщиковъ.

IV.

Общее собраніе.

47) Собирается-ли общее собраніе періодически и черезъ какіе промежутки, или разновременно, или и экстренно, и по чьей инн ціативѣ?

48) Какія дѣла вообще вѣдаетъ общее собраніе? Какія причины считаются въ частности уважительными для экстренныхъ собраній?

49) Сколько нужно артельщиковъ для законности собранія?

50) Требуется-ли для рѣшенія единогласіе или большинство, и какое?

51) Не рѣшаетъ-ли общее собраніе недовольства и споры между артельщиками и старостою?

52) Не рѣшаются-ли споры и недоразумѣнія между членами на общемъ собраніи, или для этого существуетъ особый третейскій судъ?

53) Если есть третейскій судъ, то какъ онъ организованъ? Его обязанности и права.

54) Можетъ-ли членъ имѣть нѣсколько голосовъ, могутъ-ли члены передавать свои голоса, и болѣе скольнихъ голосовъ членъ не можетъ имѣть?

55) Не распредѣляетъ-ли работы или матеріалы общее собраніе?

56) Нѣтъ-ли злоупотребленій, мошенничествъ, и съ какой стороны?

57) Общее собраніе со стороны порядка. Кто ведетъ пренія, есть-ли предсѣдатель, даютъ-ли высказываться членамъ? Закрытою или открытою баллотировкою рѣшаютъ вопросъ? Составъ собранія.

V.

Отношенія артели къ членамъ и жизнь ея.

58) Отношеніе артели къ больнымъ членамъ и находящимся въ трудныхъ случаяхъ: бракъ, похороны, болѣзнь. Не выдаетъ-ли артель пособія? Не увольняетъ-ли на время?

Въ биржевыхъ артеляхъ больной отъ независящихъ причинъ получаетъ жалованье и повозныя деньги въ теченіе 6 мѣсяцевъ и даже до 1 года. Въ нѣкоторыхъ артеляхъ больные получаютъ только пищу и помѣщеніе. Вообще въ этомъ вопросѣ народъ обращаетъ большое вниманіе на то, произошла-ли болѣзнь отъ независящихъ отъ больнаго причинъ, «по волѣ Божіей», или же по собственной оплошности.

59) Отношеніе артели къ вдовамъ, сиротамъ и престарѣлымъ.

60) Не заботится-ли артель объ образованіи дѣтей?

61) Отношеніе артели къ воровству, пьянству, мошенничеству, брани. Не замѣтно-ли вообще нравственнаго вліянія артели на членовъ?

Вообще артель очень строго относится къ нравственнымъ качествамъ артельщиковъ. Безнравственнаго артель не приметъ: «онъ человѣкъ не артельный», говорятъ они. Если же и попадетъ таковой въ артель, то его исключатъ. За брань иногда налагаютъ штрафы.

62) Не требуетъ-ли артель отъ членовъ нравственныхъ качествъ и внѣ артели?

63) Не налагаетъ-ли артель какихъ обязательствъ по отношенію артельщиковъ другъ къ другу?

Такъ, утайка и необъявленіе проступка товарища въ биржевыхъ артеляхъ считается проступкомъ. Особенно характерно въ тѣхъ же артеляхъ запрещеніе попрека или укора товарища прежнимъ проступкомъ, за который виновный, конечно, уже получилъ наказаніе и, такимъ образомъ, вина съ него снята. Съ этой же цѣлью не ведется и штрафныхъ книгъ.

64) Налагаются-ли наказанія; какія, кѣмъ и за какіе проступки?

Бурлаки, напримѣръ, наказываютъ за воровство и иногда очень жестоко. Въ торговыхъ артеляхъ наказываютъ за пьянство общимъ судомъ.

65) Налагаются-ли штрафы, какіе, кѣмъ и за какіе проступки?

Въ биржевыхъ артеляхъ за грубость, пьянство, драки, староста налагаетъ разные штрафы, или отписываетъ на время изъ артели, т. е. лишаетъ приходящагося за это время заработка.

66) Какъ живетъ артель, вмѣстѣли, или отдѣльно каждый членъ?

67) Если вмѣстѣ, то на какихъ основаніяхъ? Кто ведетъ хозяйственную часть и есть-ли надъ нимъ контроль? Не кредитуется-

ли при этомъ артель провизіей у лавочника, и что стоитъ этотъ кредитъ?

68) Замѣчается-ли сравнительная доброкачественность пищи, величина и удобство помѣщенія?

Въ Грязяхъ желѣзнодорожная артель выстроила близь станціи большой домъ для своего помѣщенія. У банщиковъ, рыбинскихъ крючниковъ и друг. замѣчается заботливость о хорошей пищѣ.

69) На чьей обязанности лежитъ чистота и порядокъ въ жилищѣ?

70) Довольны-ли члены общимъ сожитіемъ, не бываетъ-ли частыхъ ссоръ, непріятностей, воровства? чѣмъ онѣ вызываются?

71) Какъ устраиваются семейные члены?

72) Если члены живутъ отдѣльно, нѣтъ-ли между ними или ихъ семействами какихъ либо отношеній внѣ артели?

73) Живущіе отдѣльно сознаютъ-ли выгоду общаго сожитія? если нѣтъ,—почему? если да, что ихъ удерживаетъ отъ этого? не семья-ли?

VI.

Капиталы артели.

74) Какъ образовался первоначально капиталъ? Изъ опредѣленныхъ-ли равныхъ взносовъ, или неравныхъ, не былъ-ли сдѣланъ заемъ и на какихъ условіяхъ?

75) Какъ составляется оборотный капиталъ?

У банщиковъ, напр., изъ вырученной за недѣлю суммы выдѣляется часть въ оборотъ для покупки мыла, мочалы, пива, квасу и пр....

76) Есть-ли основной капиталъ и какъ образовался?

У рыболововъ, напр., неводъ составляется изъ опредѣленныхъ равныхъ частей, вносимыхъ членами; части эти сшворываются, и по окончаніи лова разшворываются, и каждый артельщикъ беретъ себѣ свою часть.

77) Есть-ли запасный капиталъ, на какой предметъ и какъ образовался?

78) Какой величины требуется капиталъ для даннаго артельнаго производства? Какъ онъ вносится, деньгами-ли, или извѣстной долей орудій производства, пищи и пр?...

79) На какую сумму простираются обороты артели, т. е. сколько артель заработаетъ въ годъ, мѣсяцъ, или вообще въ то

время, на которое составляется артель? Увеличились-ли обороты сравнительно съ прежними, или уменьшились, и почему?

80) Если капиталъ дается артели кулакомъ, то какъ распредѣляется артельная добыча между капиталомъ и трудомъ?

Въ Бѣломорскихъ артеляхъ, неводъ, снасти, провизія и пр. выдаются артели кулакомъ, такъ что артель является представительницею только труда, причемъ создаются такія невыгодныя условія для послѣдняго: добыча дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ идутъ кулаку, остальная третья дѣлится поровну между четырьмя артельщиками, кормщикъ же получаетъ, сверхъ того, полъ-пая отъ хозяина. Иногда самъ хозяинъ бываетъ кормщикомъ, за что и получаетъ пай. Такъ что артельщикъ получаетъ $^1/_{12}$ часть добычи, хозяинъ же кулакъ $^6/_{12}$ даже $^9/_{12}$. Чтобы судить, насколько такой порядокъ тяжелъ для рабочаго, приведу краткій разсчетъ одного изслѣдователя: «Въ теченіе пяти лѣтъ, на одну шняку (рыболовная лодка, служащая пять лѣтъ) хозяинъ, истративъ 870 р., выручитъ 2250 р., т. е. получитъ чистаго барыша 1380 р., а на 10 шнякъ (хозяева обыкновенно имѣютъ около того) истратитъ 8700 р., выручитъ 22500 р., или почти утроитъ капиталъ, положенный въ основу предпріятія. Въ то же время, т. е. въ 5 лѣтъ, рабочій получитъ 300 р. за упорный 30 мѣсячный трудъ».

81) Не кредитуется-ли вообще артель, или члены ея, у кулака?

82) Какъ слѣдствіе этого, не вытекаютъ-ли какія особенно тягостныя условія для артели, въ родѣ обязательства продавать добытые продукты только кулаку-кредитору, по его произвольной цѣнѣ?

Вообще, должно сказать, что отсутствіе кредита для народа—одна изъ самыхъ злокачественныхъ язвъ современнаго экономическаго положенія. Въ Бѣломорскихъ артеляхъ, напр., не только добычу обязываются продавать артельщики-кулаки, но даже трудъ свой: должникъ долженъ крутиться (наниматься) у кредитора-кулака, у котораго беретъ на уплату податей деньги, а зимою хлѣбъ и пр., за что даетъ громадные проценты; долгъ переходитъ съ отца на сына и далѣе, такъ что создается вѣчная кабала, состояніе,—худшее крѣпостнаго права.

83) Кѣмъ и въ какой формѣ заключаются артельные займы денегъ, матеріаловъ и вообще обязательства?

84) Нѣтъ-ли въ артели какой спеціальной кассы и значеніе ея?

VII.

Распредѣленіе заработка и круговая порука.

85) Какъ и когда происходитъ дѣлежъ (дуванъ) заработка?

86) Весь-ли заработокъ идетъ въ дѣлежъ? Если нѣтъ, то куда идетъ остатокъ: въ оборотный капиталъ, на пополненіе основнаго и пр.?

Въ Сестрорѣцкой ружейной артели членъ за исполненный имъ заказъ получаетъ 75% цѣны его, безъ стоимости выданнаго матеріала на производство работы. Остальные 25% составляютъ прибыль артели. У баньщиковъ на артельныя деньги, передъ дѣлежомъ, покупаются: пиво, мыло, простыни, мочало и проч.

87) Часть, идущая въ дуванъ, дѣлится-ли, какъ обыкновенно, на равныя части между членами, или сообразно количеству и качеству сработаннаго, или пропорціонально времени, употребленному на работу?

88) Въ случаѣ задѣльной поштучной платы, какъ ведетъ каждый членъ счетъ своимъ заработкамъ?

89) Заработокъ члена (пай) сравнительно съ однороднымъ заработкомъ рабочаго не-артельщика?

90) Частные внѣ-артельные заработки членовъ идутъ-ли въ общій дѣлежъ?

Медвѣдицкіе бурлаки, въ верховьяхъ рѣки, въ свободное время, дѣлаютъ дуги, оглобли и прочія вещи изъ дерева, въ Ростовѣ же продаютъ эти вещи, и вырученныя деньги идутъ въ общую кассу. То же видимъ въ Новоземельскихъ артеляхъ.

91) Не выдѣляется-ли пай съ какою либо спеціальною цѣлью, напр., на бѣдныхъ, на школу, на церковь и проч.?

92) Наложеніе начетовъ, штрафовъ (за бранныя слова, прогулы....), раскладка убытковъ и взысканіе ихъ.

93) Въ случаѣ рѣдкихъ дувановъ, гдѣ берутъ артельщики средства для необходимыхъ потребностей?

Въ биржевыхъ артеляхъ, напр., гдѣ дуваны очень рѣдки, артельщики берутъ деньги у старосты, или у хозяина, которому служатъ.

94) Существуетъ-ли круговая порука, и формы ея?

95) Кто отвѣчаетъ—артель, или непосредственно членъ, въ случаѣ ущерба или порчи вещи, продукта членомъ?

Въ биржевыхъ артеляхъ, при извиняющихъ обстоятельствахъ, артель принимаетъ на себя половину убытковъ.

Въ желѣзнодорожныхъ артеляхъ отвѣчаетъ самъ членъ, и если его вкупа не хватаетъ на пополненіе убытка, платитъ артель за него, но, въ такомъ случаѣ, провинившійся членъ можетъ подвергнуться исключенію изъ артели.

VIII.

Между-артельныя отношенія.

96) Нѣтъ-ли какихъ отношеній между отдѣльными, особенно однородными артелями?

Въ Петербургѣ двѣ артели посыльныхъ, и такъ какъ число хорошихъ постовъ ограничено, то обѣ артели, для избѣжанія конкурренціи и для справедливаго, равномѣрнаго распредѣленія выгодъ, сообща рѣшаютъ: сколько человѣкъ отъ каждой артели должно быть на постахъ, бо́льшая артель выставляетъ и бо́льшее число посыльныхъ; и затѣмъ уже, при требованіи услугъ ихъ, они очередуются между собою.

97) Въ случаѣ совмѣстнаго пользованія собственностью или какимъ либо правомъ нѣсколькими артелями, какія существуютъ между-артельныя отношенія?

98) Нѣтъ-ли мірскаго владѣнія, напр., рѣкою, озеромъ, или другимъ имуществомъ, и какъ производится ловъ? весь-ли міръ ловитъ сообща, или сдаетъ въ кортому (въ аренду) и на какихъ условіяхъ? Или же составляются артели, и какъ онѣ ловятъ—всѣ вмѣстѣ-ли, или раздѣляютъ между собою пользованіе рѣкою, озеромъ?...

Наприм., въ Кандалакшѣ, Ковдѣ, Княжой (на Бѣломъ морѣ), мірской ловъ производится такъ: предварительно опредѣляютъ, сколько нужно человѣкъ для производства лова, и сообразно съ этимъ разсчитываютъ, сколько душъ должны выставить одного человѣка. Послѣдній долженъ принести съ собою слѣдующую съ нихъ часть орудій лова и соль. Вырученныя отъ добычи деньги дѣлятся поровну между участвовавшими. Затѣмъ, если артельщикъ былъ выставленъ не отъ одного двора, то добытое имъ распредѣляется между выставившими дворами, сообразно съ числомъ имѣющихся въ нихъ душъ въ наличности. Для удобства лова, составляются маленькія артели. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ прямо образуются ловецкія дружины, которыя уже и распредѣляютъ ловъ.

99) Могутъ-ли продавать (или отдавать въ кортому) артельщики (міряне) право на свою часть? Если могутъ, то по какой цѣнѣ? Какая этому причина? Не выдающаяся-ли бѣдность и неимѣніе орудій лова, или личные недостатки члена?

100) Не требуется-ли при этомъ согласія другихъ членовъ семьи? Не могутъ-ли они, по крайней мѣрѣ, жаловаться міру? И какъ поступаетъ въ такомъ случаѣ міръ? Не запрещаетъ-ли, напримѣръ, продажу или кортому участка; или не отдаетъ-ли за нее деньги всѣмъ членамъ?

101) Не можетъ-ли міръ лишить права на пай члена и по какимъ причинамъ? напр., за недоимки?

102) Имѣютъ-ли право на пай лица постороннія въ общинѣ, какъ духовные, учителя, ремесленники? Величина пая и условія его полученія?

103) При мірскомъ владѣніи нѣтъ-ли какихъ мірскихъ затратъ, работъ, какъ устройство, напр., забора чрезъ рѣку, стоющаго иногда сотни руб., и какъ производится эта затрата,—нанимаетъ-ли міръ, или отбываетъ натурою и какимъ образомъ? Чистка пруда, огорода?

104) Не случается-ли, чтобы міръ вымутилъ (взялъ въ аренду—выкортомилъ) какое угодье, и какъ организуется въ такомъ случаѣ трудъ, т. е. работаютъ-ли сообща всѣ міромъ, какъ часто, напр., на сѣнокосахъ, или раздѣляются на артели, или какъ иначе?

105) При этомъ какъ производится арендная плата, натурою-ли или деньгами? И какъ именно? Напр. собираются-ли деньги съ членовъ поровну, или платятся изъ проданныхъ продуктовъ?

106) Не беретъ-ли міръ на себя исполненіе какого либо подряда, или вообще какую либо работу? Какъ она производится? На какихъ условіяхъ?

Любопытный примѣръ представляетъ ремесленный союзъ Ярославской губ., состоящій изъ 5 деревень: онъ беретъ подрядъ у купцовъ на ящики тысячъ на 12 р.

«Сообразивъ общій объемъ работы, говоритъ Аксаковъ, «всемірскій сходъ» распредѣляетъ съ наивозможно строгою уравнительностію подрядъ ящиковъ на того, или другаго торговца по деревнямъ». Соображенія «всемірскаго схода» при этомъ бываютъ очень сложны, дабы какъ можно болѣе уравнять выгоды отъ подряда между всѣми мірянами. Даже купцы очень довольны умѣренностью цѣнъ и добросовѣстностью работы.

Способъ дѣленія общей собственности. Напр., въ селѣ Ух-

томѣ (на Бѣлоозерѣ), гдѣ 4 тугаса (невода — при неводѣ артель), дѣлаютъ такъ: мѣсто отъ берега до ували оставляютъ такъ по неудобности лова; отъ ували отдѣляютъ участокъ, или кругъ поперекъ всей дачи къ сосѣднимъ волостямъ, въ двѣ версты вдоль, т. е. по направленію отъ берега къ столбу (средина озера). Затѣмъ выдѣляются 4 участка также поперекъ дачи, каждый въ версту длиною, и на эти 4 участка мечутъ тугасы жеребьемъ, которые и остаются у нихъ на всю зиму. Остающійся треугольникъ разбиваютъ лучеобразно отъ столба на четыре же треугольника болѣе острыхъ, на которые также мечутся жеребьи; такъ что каждый тугасъ получаетъ по 2 участка, одинъ поперечный береговый, другой продольный къ срединѣ озера, въ которыхъ ловятъ по желанію поперемѣнно, то въ томъ то въ другомъ. Въ 2-хъ-верстномъ же участкѣ ловятъ тугасы понедѣльно, поочереди, такъ какъ появленіе рыбы въ немъ непостоянно. Въ другихъ дачахъ своеобразные способы дѣленія.

107) Нѣтъ-ли общаго атамана, его положеніе, обязанности, права?...

Въ Балаклавской бухтѣ (Крымъ) отъ всѣхъ участниковъ избирается главный атаманъ, распоряжающійся всѣмъ ловомъ; въ ловѣ не участвуетъ, получаетъ два пая; на его обязанности лежитъ продажа рыбы.

108) Какой способъ пользованія: очередный, жеребьевый?...

109) Каждая артель добываетъ продукты только на себя, или всѣ артели складываютъ вмѣстѣ?

110) Если продукты артелей складываются вмѣстѣ, то какъ потомъ дѣлятъ ихъ межъ собой артели?

Уральцы на нѣкоторыхъ зимнихъ ловахъ свозятъ рыбу въ одно мѣсто и раздѣляютъ на равныя кучи, по числу тянувшихъ неводовъ. Какой-нибудь козакъ беретъ шапки хозяевъ неводовъ и, перемѣшавъ ихъ, кладетъ на кучи; чья шапка, того и куча. Затѣмъ, каждая куча дѣлится между членами артели поровну. Бываютъ иные способы. Такъ, въ Устьинскомъ промыслѣ добыча дѣлится на равныя доли по числу участниковъ лова, и пай выдѣляется на лодку.

111) Нѣтъ-ли при этомъ особаго счетчика и его преимущества?

IX.

Общія понятія объ артели.

112) Причина возникновенія артели и цѣль ея?

113) По чьей иниціативѣ возникла артель? По иниціативѣ-ли

самихъ рабочихъ, или одного изъ нихъ, или правительства, какъ въ Павловѣ, или земства, какъ въ Тверской губерніи, или частныхъ лицъ, какъ Верещагина?

114) Когда возникла артель?

115) Постоянная-ли она, или временная; мѣстная, или отхожая; самостоятельная, или зависимая?

116) Есть-ли уставъ и кѣмъ выработанъ? Или нѣтъ-ли (что чаще) какихъ правилъ неписанныхъ?

117) Ведется-ли отчетность и кѣмъ?

118) Сроки и порядокъ сведенія счетовъ.

119) Не проявляется-ли вообще въ народѣ и въ чемъ склонность къ артельному труду, хотя бы въ случаяхъ неважныхъ, кратковременныхъ?

120) Какова длина рабочаго дня? Бо́льшая или меньшая сравнительно съ рабочими хозяйскими?

121) Если артель ликвидируетъ свои дѣла, какія тому причины?

122) Условія и порядокъ прекращенія артели.

123) Есть-ли ученики, сколько, ихъ положеніе, обязанности и права?

Ученики въ артеляхъ — рѣдкое явленіе. У лоцмановъ срокъ ученія простирается до 5 лѣтъ. Въ Бѣломорскихъ артеляхъ зуйками (ученики) бросаютъ съ двухъ тюковъ снасти по одной рыбѣ, которую они солятъ хозяйскою солью и потомъ продаютъ эту рыбу, выручая рублей по 25. За это они обязаны готовить пищу, содержать въ чистотѣ жилища (обыкновенно членъ вводитъ въ артель своего родича-неуча) и пр. Въ случаѣ болѣзни артельщика, замѣняютъ его за хорошее вознагражденіе.

124) Какъ сбываются издѣлія, продукты артели?

125) Нѣтъ-ли при этомъ какихъ обычаевъ, какъ бы правилъ?

Такъ, часто въ рыболовныхъ артеляхъ покупщикамъ изъ своей деревни или волости отдается предпочтеніе предъ прочими покупщиками. Но слѣдующій обычай, съ особенною настойчивостью, встрѣчается какъ на крайнемъ сѣверѣ, такъ и на дальнемъ югѣ: сколько бы ни было покупщиковъ, торгуется одинъ, затѣмъ мечутъ жребій, и кому выпадетъ онъ, тотъ и является дѣйствительнымъ покупщикомъ. Впрочемъ, онъ можетъ передать покупку другому за барышъ, или безъ онаго. Всѣ же остальные покупщики, которымъ не посчастливилось, получаютъ, такъ-называемые, слазы,—отступное отъ дѣйствительнаго покупателя. Величина слазовъ опредѣляется передъ покупкою и зави-

ситъ отъ количества, качества и цѣны рыбы. Слѣдствіемъ этого является масса покупателей фиктивныхъ, пріѣзжающихъ только за тѣмъ, чтобы получить слазы. Подобныхъ обычаевъ много.

126) Не стоитъ-ли между артелью и потребителемъ посредника и какъ это отражается на артели?

127) Какая причина этого?

128) Не выражается-ли въ чемъ сочувствіе и помощь артели со стороны общества?

Особенно сочувственно отнеслось къ артели тверское общество. Не говоря уже о просвѣщенной дѣятельности земства по этому вопросу, слѣдуетъ замѣтить, что нѣсколько лѣтъ назадъ въ Твери образовалось общество для развитія промысловъ на артельномъ началѣ.

129) Исторія артели

130) Сословный и половой составъ артели. Состоитъ-ли артель только изъ крестьянъ, мѣщанъ, или изъ тѣхъ и другихъ, и сколько обоихъ? Есть-ли женщины, сколько и ихъ положеніе?

131) Не замѣтно-ли вліяніе артели на членовъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ и въ чемъ оно замѣчается?

132) Не дѣлаетъ-ли артель какихъ-либо расходовъ для общей артельной пользы?

Въ Грязяхъ, напримѣръ, желѣзно-дорожная артель выстроила большой домъ для своего помѣщенія близъ вокзала. Въ с. Важикахъ, Олонецкой губ., лоцманы увеличили учительницѣ жалованье съ 120 руб. до 200 руб. и хлопотали въ 1873 г. объ открытіи двухкласснаго училища.

133) Не вызываетъ-ли артель къ жизни сродныхъ учрежденій? Какія это учрежденія и какъ идутъ ихъ дѣла?

Такъ, артель на чугунномъ заводѣ Д. А. Пастухова подала прошеніе о дозволеніи устройства общества потребителей. Рижская ремесленная артель устроила ссудную кассу и подумывала объ устройствѣ магазина для продажи издѣлій и ремесленнаго училища. Нѣкоторыя тверскія артели сапожниковъ устроили ссудныя товарищества.

134) Не замѣтно-ли вліянія окружающей среды на артель и обратно? Благотворно-ли это вліяніе, или наоборотъ, и въ чемъ выражается?

135) Нѣтъ-ли своеобычныхъ названій?

У заозерскихъ маяновъ (мелкіе торговцы холстомъ въ Ярославской губ.) есть даже свой языкъ.

136) Не вызывается-ли даннымъ производствомъ какихъ вредныхъ вліяній на организмъ артельщиковъ, и не стараются-ли послѣдніе какъ либо смягчить эти вліянія?

Такъ, чрезвычайно трудная работа крючниковъ разслабляетъ весь организмъ и порождаетъ грыжи, хроническое страданіе въ спинномъ хребтѣ и преимущественно въ поясницѣ, потерю упругости въ мышцахъ ногъ и дѣлаетъ человѣка преждевременно существомъ хилымъ, дряхлымъ, неспособнымъ ни къ какой дѣятельности.

137) Въ чемъ видятъ выгоду даннаго артельнаго производства члены и наблюдатели?

138) Не вызываетъ-ли жалобъ, недовольства артельное производство, работа со стороны лицъ заинтересованныхъ? Вслѣдствіе чего это? Или наоборотъ, исполненіе работъ артелью отличается добросовѣстностію, дешевизною и пр.?

139) Возможно полныя статистическія данныя, напр., объ измѣненіяхъ въ положеніи капиталовъ, членовъ, барышей, убытковъ и пр.

140) Въ артеляхъ, зависимыхъ отъ хозяина, не налагаютъ-ли послѣдніе какихъ тягостныхъ обязанностей на артель?

Хозяева питерскихъ бань, давая помѣщеніе артели, какую-либо кануру, или тѣ же бани, ловко эксплуатируютъ артельщиковъ, обязывая ихъ исполнять всѣ черныя работы не только въ самой банѣ, но колоть и носить дрова, топить печи, отбывать ночные караулы, скалывать ледъ, очищать улицу и пр. И кромѣ того, еще ежемѣсячно берутъ руб. по 10 съ артели.

141) Въ чемъ артельщики видятъ недостатки своей артели?

142) Какіе недостатки видитъ наблюдатель?

143) Результатъ-ли они внутреннихъ условій, какъ личные недостатки, негодность членовъ, разныя несовершенства артели, или слѣдствіе внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, какъ отсутствіе кредита, подчиненность артели, недостатокъ сбыта и пр.?

144) Какая роль въ артельныхъ дѣлахъ родства, кумовства, могарыча, взяточничества?

145) Не искажаются-ли этими отрицательными сторонами прекраснѣйшія характерныя черты артельнаго строя, какъ равенство взаимныхъ отношеній между членами артели, участіе ихъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, а также въ выгодахъ и убыткахъ артели?

146) Нѣтъ-ли какихъ либо бытовыхъ особенностей, обычаевъ?

Есть много обычаевъ крайне важныхъ и характерныхъ для уясненія міровоззрѣнія народа. Такъ, напр., на Пейпусѣ, гдѣ

только производится неводной ловъ, тамъ собираются во множествѣ, такъ-называемые, кошевщики, т. е. бѣдные жители прибрежныхъ деревень—старики, бабы, дѣвочки....—съ маленькими санями и кошкою, т. е. мѣшкообразною сѣтью на обручѣ съ рукояткою. Замѣтивъ, что гдѣ-нибудь вытягиваютъ неводъ, кошевщики тотчасъ спѣшатъ туда, окружаютъ корыто и вычерпываютъ изъ него своими кошками снѣтки до тѣхъ поръ, пока хозяинъ невода не объявитъ, что до матки остается вытащить 20 саженъ крыльевъ. Тогда они тотчасъ складываютъ свои кошки и начинаютъ вмѣстѣ съ дружиною вытаскивать общими силами мотню на ледъ. Затѣмъ кошевщики спѣшатъ къ другому неводу и обыкновенно привозятъ домой сани, наполненныя снѣтками. Подобное видимъ въ крайне важномъ обычаѣ на Черномъ морѣ, подъ именемъ таловирничества. Строго соблюдается правило не ловить по праздникамъ, кромѣ какъ на свой обѣдъ, а если попадется много, то, посоливъ ее на общій счетъ, или свѣжею, отправляютъ въ свою деревню для раздачи бѣднымъ. У баньщиковъ по праздникамъ происходитъ взаимное угощеніе поочереди: выставляются ящики пива, бутыли вина.

147) Не встрѣчаютъ-ли артели какихъ либо препятствій,—какъ при своемъ образованіи, такъ уже и образовавшіяся,—не только тормозящихъ развитіе, процвѣтаніе артели, но часто искажающихъ ихъ лучшія стороны, напр., отъ администраціи, капитала и пр.?

Такъ, на Уралѣ для производства работъ старотельскимъ артелямъ прежде всего необходимо получить разрѣшеніе горной администраціи; а это разрѣшеніе, въ виду разныхъ соображеній, затрудняется; вслѣдствіе чего являются въ артели подставныя лица, что̀ обходится недешево, да и артель искажается, не говоря уже о томъ, что пріиски указываются плохіе. Въ артеляхъ лоцмановъ не дашь взятки «барину» (дистанціонному смотрителю), не попадешь и въ лоцманы, и наоборотъ, чѣмъ больше и скорѣе дашь, скорѣе и попадешь. Отъ этого часто лоцманы выходятъ неумѣлые и причиняютъ не мало убытковъ торговлѣ. Здѣсь же «баринъ» можетъ удалять лоцмановъ изъ артели, безъ объясненія причинъ. Но особенно много терпятъ въ этомъ смыслѣ несчастныя Архангельскія мѣщанскія артели. Не малое зло для артелей также—непризнаніе ихъ закономъ юридическими лицами.

Г. Сазоновъ.

ЗНАЧЕНІЕ СЕКТАНТСТВА

ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Исканія правды.

Наиболѣе характерной и въ то же время наиболѣе живой и обновляющей струей въ нашемъ общественномъ развитіи за послѣдніе годы слѣдуетъ признать, безъ сомнѣнія, то общее стремленіе къ точному, серьезному и фактическому изслѣдованію народной жизни, которое охватило собою лучшую часть интеллигентнаго общества. Органы прессы, журналы, газеты, ученыя общества и частныя лица—всѣ сошлись въ этомъ общемъ стремленіи. Появилось не мало трудовъ, сборниковъ, матеріаловъ и наблюденій, имѣющихъ цѣлью выяснить условія жизни «многострадальнаго русскаго племени». Всѣ эти труды составляютъ, конечно, богатый вкладъ въ сокровищницу нашихъ общественныхъ знаній, вкладъ, громадное значеніе котораго не замедлитъ обнаружиться на нашемъ общественномъ развитіи, безъ сомнѣнія, самымъ благотворнымъ образомъ.

Все это такъ,—но тѣмъ не менѣе, всматриваясь внимательно въ результаты, достигнутые нами въ области изученія народнаго быта, разбираясь въ массѣ матеріаловъ, собранныхъ нами по этимъ вопросамъ, мы не можемъ не замѣтить нѣкотораго рода узкости взгляда и односторонности, съ которыми относились мы до сихъ поръ къ дѣлу изученія условій народной жизни. Пораженные видомъ народной бѣдности, періодическими голодами, громадными цифрами недоимокъ, вынужденными переселеніями и проч. и проч., мы кинулись изучать и изслѣдовать условія экономическаго положенія народа, высчитывать крестьянскій бюджетъ, количество платежей и налоговъ, лежащихъ на мужицкой «душѣ», количество

скота, лошадей, овецъ, приходящихся на крестьянскій дворъ, изслѣдовать заработки и промыслы; позднѣе мы занялись изученіемъ поземельныхъ отношеній крестьянской общины и т. д.

Все это, конечно, какъ нельзя болѣе естественно и понятно. Универсальное значеніе экономическихъ условій въ общемъ строѣ жизни каждаго отдѣльнаго народа, тѣсная зависимость этого строя отъ состоянія матеріальнаго быта—все это идеи, которыя давнымъ-давно уже стали совершенно безспорной, избитой, азбучной истиной.. А тѣмъ болѣе, когда бѣдность народа доходитъ мѣстами до нищеты, до вырожденія и вымиранія, когда цѣлыя обширныя области, считавшіяся нѣкогда «житницами имперіи», подвергаются всѣмъ ужасамъ голода, то понятно, что вопросы чисто экономическаго характера неизбѣжно пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе и сами собою выдвигаются на первый планъ. Но дѣло въ томъ, что остановиться только на этомъ, ограничиться изученіемъ только однихъ экономическихъ вопросовъ значило бы сдѣлать дѣло лишь на половину. Нельзя упускать изъ вида, что кромѣ нуждъ чисто матеріальныхъ, кромѣ запросовъ желудка, у народа существуютъ и другія потребности, неудовлетвореніе которыхъ отзывается на немъ также крайне болѣзненно и печально. Это потребности просыпающейся мысли, потребности чувства и сердца, жажда умственной, духовной дѣятельности. Съ другой стороны, нельзя забывать и той старой, истрепанной истины, что всякаго рода явленія текущей жизни, въ томъ числѣ и экономическія бѣдствія, съ ихъ голодовками, нищетою, вымираніемъ и проч.—всѣ они, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется, оставляютъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ характерѣ народа, въ настроеніи его духа, вліяютъ на его энергію, на складъ и строй его воззрѣній, на развитіе въ немъ новыхъ вѣрованій, новыхъ ученій и т. п.

Между тѣмъ, эту-то именно сторону народной жизни мы совершенно упустили изъ виду, все-цѣло отдавшись изученію крестьянскаго бюджета и хозяйства. Занявшись изслѣдованіемъ вопросовъ о томъ: въ чемъ живетъ мужикъ, сколько онъ получаетъ, сколько проживаетъ, что онъ ѣстъ, во что одѣвается,—мы совсѣмъ забыли справиться: что онъ думаетъ? во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ? Каковы его надежды, взгляды, его завѣтныя думы, желанія и стремленія, какъ онъ относится къ тѣмъ или другимъ явленіямъ современной, скользящей мимо его жизни, какъ наконецъ отражаются на немъ разныя событія и условія окружающей жизни и т. д. и т. д....

Мнѣ незачѣмъ напоминать здѣсь исторію нашего знакомства съ бытомъ народа, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, слишкомъ свѣжа у всѣхъ въ памяти. Всѣ помнятъ, конечно, услуги, сдѣланныя въ этомъ отношеніи нашими славянофилами, помнятъ тѣ груды сборниковъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ, преданій, поговорокъ, сборниковъ, которые были единственнымъ результатомъ этого изученія; помнятъ затѣмъ «западниковъ», сведшихъ изученіе народной жизни на изслѣдованіе экономическаго быта народа и обогатившихъ литературу рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій о производительныхъ силахъ и средствахъ народа.... Не смотря на то, духовная, нравственная жизнь народа осталась и, страшно сказать!— остается до сихъ поръ столь же мало извѣстною, какъ и сто лѣтъ назадъ....

Изъ всѣхъ проявленій умственной жизни русскаго народа, неимѣющихъ прямаго отношенія къ экономическихъ вопросамъ, до сихъ поръ удостоился *систематическаго* изученія лишь одинъ вопросъ, это именно—народное обычное право. Благодаря иниціативѣ Н. В. Калачова, русское географическое общество обратило вниманіе на необходимость изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ издало весьма подробную, прекрасно составленную программу для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Безъ сомнѣнія, разработка этого вопроса имѣетъ большое серьезное значеніе для практической жизни, но опять таки ясно, конечно, само-собою, что остановиться на этомъ и почить на лаврахъ—невозможно.

Необходимо обратить серьезное вниманіе и заняться тщательнымъ изученіемъ всѣхъ другихъ сторонъ, всѣхъ другихъ проявленій духовной, интеллектуальной жизни русскаго народа. Къ числу этихъ вопросовъ мы причисляемъ вопросъ о расколѣ или сектантствѣ. Скажемъ болѣе. Этому вопросу, въ виду его по истинѣ громаднаго значенія, мы отводимъ первое мѣсто среди другихъ вопросовъ интеллектуальной народной жизни.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить, что подъ словомъ *расколъ* мы разумѣемъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-бытовыхъ протестовъ и разномыслій русскаго народа. Такимъ образомъ, подъ именемъ раскола мы разумѣемъ не только расколъ старообрядства, но также и всѣ тѣ секты, которыя нашими духовными писателями называются обыкновенно «ересями» и которыя обыкновенно выдѣляются ими изъ понятія о расколѣ. Къ числу «ересей» духовные писатели, какъ извѣстно, отно-

сять во-первыхъ разныя мистическія секты въ родѣ хлыстовъ, скопцовъ и проч. и, во-вторыхъ, секты раціоналистическія, въ родѣ молоканства, духоборства, штунды и т. д.

Какъ бы ни относиться къ продуктамъ, выработаннымъ историческимъ ходомъ русской народной жизни, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что, съ одной стороны, крестьянская земельная община, а, съ другой,—расколъ составляютъ наиболѣе яркія и выразительныя явленія исторической жизни русскаго народа. Какъ земельная община является наиболѣе характернымъ выразителемъ экономической жизни русскаго народа, такъ точно расколъ представляетъ собою самое выдающееся, самое яркое явленіе умственной, нравственной, интеллектуальной жизни нашего народа.

Культурная, умственная жизнь каждаго народа начинается прежде всего въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, наиболѣе для него близкихъ и важныхъ. Пробудившаяся мысль начинаетъ подвергать критикѣ догматы, принятые нѣкогда безсознательно и усвоенные чисто механически. Но разъ началась повѣрка религіозныхъ тезисовъ, возникла потребность въ болѣе сознательной ассимиляціи ихъ, къ нимъ, въ сознаніи народа, всегда и неизбѣжно примѣшиваются всѣ тѣ соціальныя, бытовыя тенденціи и стремленія, до пониманія которыхъ онъ успѣлъ возвыситься, и которыя возникли въ немъ подъ вліяніемъ общаго строя окружающей его жизни.

Расколъ — это цѣлый религіозно-бытовой культъ, выработанный и созданный историческимъ процессомъ русской народной жизни. Въ немъ самымъ поразительнымъ образомъ перемѣшиваются идеи и стремленія чисто религіозныя съ вопросами и стремленіями чисто бытоваго, соціальнаго склада и характера, такъ что весьма часто бываетъ почти невозможно опредѣлить: гдѣ кончаются первые и гдѣ начинаются вторые. При этомъ въ однихъ сектахъ беретъ перевѣсъ элементъ религіозный, въ другихъ соціально-общественный; тѣмъ не менѣе присутствіе каждаго изъ обоихъ элементовъ неизбѣжно въ ученіи любой секты. Такъ было прежде, такъ и теперь, и только крайняя умственная близорукость можетъ утверждать, что наше современное сектантство представляетъ собою явленіе исключительно религіозное, чуждое всякихъ общественныхъ и бытовыхъ мотивовъ и стремленій.

Причины, обусловливающія развитіе сектантства, слишкомъ широко захватываютъ народную жизнь и коренятся и кроются въ ней гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ объ этомъ. Отсюда понятно, почему вопросъ о расколѣ неразрывно связывается не

только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго быта, которые относятся до правоваго и экономическаго положенія народа:—всѣ эти вопросы находятся въ прямой и тѣсной связи съ условіями, способствующими развитію сектантства, и отъ того или другаго практическаго разрѣшенія ихъ будетъ прямо зависѣть усиленіе или ослабленіе раскола. Къ сожалѣнію мысль эта до сихъ поръ еще не усвоена громаднымъ большинствомъ нашего образованнаго общества. Для многихъ, напримѣръ, можетъ показаться даже въ высшей степени странною мысль о томъ, что развитіе сектантства находится въ близкой и тѣсной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учрежденій, какъ паспортная система, подушная подать и т. п. А между тѣмъ идея эта безспорно вѣрна. Чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ расколъ, является главною причиною, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей общественной жизни.

«Въ расколѣ, говоритъ Щаповъ, преимущественно проявилась своеобразная жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная» *).

«Кто хочетъ изучать характерныя черты великороссовъ, тотъ долженъ изучать ихъ у старовѣровъ»—говоритъ баронъ Гакстгаузенъ **).

«Расколъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ, составляетъ крупное явленіе народнаго умственнаго прогресса».... По его словамъ, «въ нашей исторіи расколъ былъ едва-ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія» ***).

Подъ вліяніемъ раскола складывается и развивается семейная домашняя жизнь многомилліонной массы сектантскаго населенія; подъ его вліяніемъ устанавливаются и регулируются взаимныя отношенія членовъ семьи между собою, привычки, взгляды, наклон-

*) „Русскій расколъ старообрядчества". Соч. А. Щапова. Казань, 1859 г.

**) „Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни" и т. д. Москва, 1870 г.

***) „Исторія раскола у раскольниковъ", „Вѣстникъ Европы" 1871 г. № 4.

ности, вѣрованія. Расколъ обусловливаетъ и взаимныя отношенія своихъ приверженцевъ, какъ членовъ извѣстнаго общества, и всѣ наблюдатели народнаго быта указываютъ на замѣчательную солидарность, которая проявляется въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и которой такъ часто не достаетъ въ кругу ихъ православныхъ собратьевъ. Наконецъ расколъ оказываетъ вліяніе и на матеріальное состояніе своихъ послѣдователей, чему наглядным доказательствомъ можетъ служить общеизвѣстный фактъ ихъ гораздо бо́льшаго экономическаго благосостоянія.

«Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка»,— говоритъ г. Костомаровъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что народная мысль проснулась и ищетъ выхода, ищетъ удовлетворенія. Страстно, порывисто рвется она изъ вѣковаго мрака и умственной неподвижности къ свѣту, свободѣ и простору. Эти порыванія мысли,—какъ увидимъ далѣе, — всего ярче отражаются въ нашемъ сектантствѣ.

Правда, скудны и бѣдны, бѣдны до крайности наши свѣдѣнія обо всемъ, что касается до сферы «народной мысли». Оторванные отъ народа, прикованные къ своимъ кабинетамъ, канцеляріямъ, библіотекамъ, конторамъ, архивамъ, мы лишены возможности непосредственно слѣдить за проявленіями и движеніями коллективной мысли народной массы. Объ этомъ мы судимъ лишь по тѣмъ отрывочнымъ, случайнымъ свѣдѣніямъ и извѣстіямъ, которыя появляются по временамъ въ нашей печати.

Кто, читая газеты, не усвоилъ себѣ похвальной привычки «пропускать мимо» извѣстія, идущія изъ «нутра Россіи», изъ уѣздныхъ захолустьевъ, изъ селъ и деревень,—тотъ навѣрное не разъ задумывался надъ сообщеніями о появленіи различныхъ новыхъ сектъ то въ той, то въ другой мѣстности. И трудно не задуматься. Передъ нашими глазами, въ глубинѣ народной массы происходитъ нѣчто необычайное, нѣчто загадочное и вмѣстѣ глубоко знаменательное, къ чему однако никто, повидимому, не считаетъ нужнымъ отнестись душевно, искренно, съ серьезнымъ чувствомъ и съ горячимъ желаніемъ помочь дѣлу.

Мы видимъ, какъ всюду непрерывно возникаютъ все новыя и новыя секты, толки и ученія. Въ этихъ ученіяхъ, на ряду съ различными странными, смѣшными и нелѣпыми выводами, порожденными вѣковымъ невѣжествомъ и гнетомъ, вы то и дѣло встрѣчаете чистыя, гуманныя, высокія идеи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ все ваше сочувствіе, всѣ ваши симпатіи. Впе-

чатлѣніе это усиливается еще болѣе при мысли, что до этихъ идей додумывались не ученые богословы и не философы, прошедшіе университетскіе и академическіе курсы, а какіе нибудь «темные», «сѣрые люди», исконные обыватели селъ и деревень, въ родѣ какого нибудь Семена Матвѣева Уклеина или Михаила Акинфіева Попова и т. п.

Мы не будемъ говорить здѣсь о первоначальныхъ причинахъ, вызвавшихъ расколъ въ нашей жизни, такъ какъ вопросъ этотъ вполнѣ достаточно уже выясненъ нашей литературою. Извѣстно, что «политико-религіозныя партіи въ Россіи появляются одновременно съ отмѣною земскихъ народныхъ правъ, начавшеюся при Дмитріѣ Донскомъ. Собственно же расколъ совпадаетъ, по своему появленію, съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершенною окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ» *). Расколъ въ своемъ происхожденіи является протестомъ народа противъ поглощенія его правъ центральною властью. При самомъ рожденіи своемъ онъ заявилъ, что и церковь, и правительство должны быть народныя, должны не вводить новыхъ обычаевъ, нетребуемыхъ народомъ; и когда онъ былъ проклятъ соборомъ и казненъ въ лицѣ Никиты, Аввакума, стрѣльцовъ и соловецкихъ бунтовщиковъ,—онъ, въ свою очередь, проклялъ власть, правительство, съ его духовенствомъ, съ его «казенной церковью», ушелъ въ скиты и сталъ проповѣдывать ненависть къ ненароднымъ началамъ» **).

«Всѣ бунты донскихъ козаковъ въ концѣ XVII вѣка были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Съ Дона буйные козаки-раскольники откликались на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать соловецкихъ монаховъ противъ правительства» ***). «Воры сотники съ товарищи,—читаемъ въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ, про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и помыслить страшно» ****).

«Стрѣльцы, нехотѣвшіе разстаться съ своимъ старымъ полугражданскимъ бытомъ, стали подъ знамя Никиты Пустосвята также не изъ-за сугубой аллилуіи и не за двуперстный крестъ: «се явно, говоритъ п. Іоакимъ, что ради возмущенія противъ государя сія сотвориша». При Петрѣ Великомъ раскольники неоднократно

*) Андреевъ: „Расколъ и его значеніе въ народной жизни".
**) Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ. Выпускъ I.
***) Щаповъ: Расколъ старообрядчества. Казань 1859 г.
****) Акты историческіе. Томъ IV, стр. 533.

подкидывали пасквили и памфлеты противъ монархической власти Петра. Такія же точно подметныя письма появлялись и послѣ смерти Петра.

Народъ оттолкнулъ нововведенія, которыя навязывала ему власть, потому что они ничего не давали ему, кромѣ страшнаго гнета, непосильныхъ податей, подушныхъ записей, «даней многихъ», «даней тяжкихъ», солдатчины, рекрутства, паспортовъ и т. п. Народъ сталъ за старину, потому что тамъ, въ этой старинѣ, онъ видѣлъ волю и просторъ, тамъ не давили его ни подушными данями, ни паспортами, ни чрезмѣрными рекрутскими наборами *). Наконецъ, всѣ эти нововведенія и реформы, начатыя Никономъ и законченныя Петромъ, кореннымъ образомъ нарушили тѣ отношенія, какія издавна существовали между народомъ и церковью, между прихожанами и священникомъ. Дѣло въ томъ, что прихожане церкви на Руси издавна привыкли видѣть въ своемъ священникѣ выборнаго, излюбленнаго человѣка. Въ концѣ XIV столѣтія міряне судили своихъ священниковъ даже въ церковныхъ дѣлахъ. Прихожане ставили такого священника, «какой имъ былъ больше по душѣ». «При выборѣ священника общиною писался «излюбъ». Это была избирательная грамота, подъ которою подписывались избиравшіе священника. Кромѣ того, извѣстно, что въ домосковскую старину Новгородъ обходился иногда въ своихъ церковныхъ дѣлахъ безъ благословенія іерархическихъ властей. Новгородскіе владыки Арсеній и Ѳеодосій не были вовсе посвящены высшею церковною властью: народный выборъ, очевидно, значилъ болѣе въ глазахъ новгородцевъ, чѣмъ митрополитское или патріаршее посвященіе. Даже еще въ началѣ XVII в. въ средней Россіи выбирали священниковъ; въ Псковѣ же и по сосѣдству съ нимъ, еще въ 1685 году, 160 церквей были въ рукахъ крестьянъ, непризнававшихъ архіереевъ и отдававшихъ церкви священникамъ, кто меньше возьметъ руги (годоваго содержанія). На церковь прихожане смотрѣли въ старину, какъ на свою собственность» **).

Въ этотъ же періодъ, и даже позднѣе, жители Поморья часто обходились вовсе безъ священника. Такъ, г. Н. Барсовъ говоритъ, что, не имѣя возможности часто посѣщать свою приходскую церковь, за отдаленностью ея, жители поморскаго края ограничи-

*) При Петрѣ I всѣхъ рекрутскихъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, было до *сорока*; въ томъ числѣ однихъ общихъ, со всего государства, *пять* (Щаповъ).

**) Андреевъ: Расколъ и его значеніе. Стр. 93—95 и 135—136.

вались тѣмъ, что устроивали часовни, въ которыхъ всѣ службы, кромѣ литургіи, совершалъ кто-либо изъ простолюдиновъ. Такимъ образомъ, въ сѣверномъ поморьѣ жители-міряне легко привыкли къ участію въ дѣлахъ церковныхъ; вопросы и дѣла церковные стали считать дѣломъ столько же мірскимъ, земскимъ, сколько и духовнымъ. Частныя сельскія общины, напримѣръ въ смутную эпоху, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали для себя извѣстныя распоряженія, установляли религіозныя заповѣди и узаконенія. Когда затѣмъ постановленіями церковной власти прежнее поставленіе поповъ изъ земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ признано преступленіемъ, изданы строгіе указы о ставленникахъ,— тогда духовенство начало терять нравственную силу и вліяніе на земство въ поморскомъ краѣ, а земство стало обособляться отъ духовенства и церкви, стало предаваться больше вліянію своихъ «грамотниковъ, чѣмъ поповъ», законнопоставленныхъ *).

Всѣ реформы, измѣнившія древне-русскіе народные порядки, произошли около времени Никона, и онъ особенно способствовалъ этой перемѣнѣ, такъ что «приходъ становится со времени Никона чѣмъ-то въ родѣ духовно-правительственнаго участка» **).

Съ этого момента порывается связь, существовавшая между народомъ и церковью, возникаетъ рознь между народомъ и духовенствомъ, рознь, которая съ теченіемъ времени все ростетъ, все усиливается. Народъ начинаетъ считать православіе «казенною вѣрой» и массами уходитъ въ расколъ.

— Ваша православная вѣра, говорилъ одинъ безпоповецъ И. С. Аксакову, изучавшему расколъ въ Ярославской губерніи,— есть вѣра казенная, гражданская, не на живомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, а служащая однимъ изъ орудій правительству для поддержанія порядка ***).

Выборное начало легло въ основу большей части учрежденій, существующихъ въ средѣ раскольниковъ. Разныя духовныя лица, въ родѣ начетчиковъ, наставниковъ, поповъ, «старшихъ братьевъ» и т. п., всегда и неизмѣнно выбираются у нихъ общиною. Одинъ изъ главныхъ доводовъ, приводимыхъ сектантами противъ православныхъ священниковъ, заключается въ томъ, что эти послѣдніе не избираются своимъ приходомъ, а назначаются свыше, помимо

*) Н. Барсовъ: „Братья Андрей и Семенъ Денисовы".
**) Андреевъ: Расколъ и его значеніе, стр. 96.
***) „Русскій Архивъ" 1868 г. № 4, стр. 633.

всякаго участія прихожанъ. «Ставленники!»—говорятъ они съ презрѣніемъ о православныхъ священникахъ.

— Нынѣ-то, говорилъ шенкурскій крестьянинъ Василій Ракитинъ (безпоповецъ), пошло такое время, что архіереи посылаютъ поповъ, какихъ вздумаютъ, не разбирая, хорошъ или нѣтъ для мірянъ. А въ прежнее-то время, какъ поскажутъ старики, — поповъ-то выбирали сами міряне, также и архіереевъ. Поэтому и мы теперь общимъ голосомъ тоже выберемъ себѣ какого-ли получше старика, который креститъ и каетъ не хуже иного попа *).

Раскольники называютъ синодъ не помѣстнымъ соборомъ, а присутственнымъ мѣстомъ. Они оскорбляются тѣмъ, что наши архіереи подписываются «кавалерами», и иронически замѣчаютъ, что къ нимъ правильнѣе было бы обращаться съ титуломъ «превосходительства», нежели преосвященства. Они указываютъ на то, что епископы поставляются по царскому указу, а не по избранію духовнаго собора, что епископы у насъ чиновники, а не пастыри **).

Кромѣ массы лицъ, окончательно порвавшихъ всякую связь съ господствующею церковью и ушедшихъ въ расколъ, повсюду можно встрѣтить множество людей, невступившихъ еще ни въ какую особенную секту, но въ то же время вполнѣ равнодушныхъ къ церкви. Они не ходятъ въ церковь, не причащаются и только изрѣдка исповѣдываются, чтобы быть записанными по духовнымъ росписямъ бывающими у исповѣди. «Въ 14 приходахъ 1-го стана Ярославскаго уѣзда, изъ 17,930 прихожанъ, бывающихъ у причастія только 4,300 человѣкъ ***).

«Во многихъ селеніяхъ, говоритъ чиновникъ-изслѣдователь Арнольди,—видно совершенное равнодушіе къ вѣрѣ. Въ приходѣ села Коробова, Костромскаго уѣзда, числится 1,320 душъ, изъ которыхъ, по словамъ священника, можно подозрѣвать въ расколѣ не болѣе 10 человѣкъ; между тѣмъ въ праздникъ Покрова Богородицы у обѣдни было только три лица изъ всего прихода». То же и во многихъ другихъ приходахъ. «Въ приходѣ села Сельца 684 д., изъ нихъ не бываетъ на исповѣди 523 д., кромѣ раскольниковъ. Въ приходѣ села Самети изъ 1,948 д. не бываетъ у исповѣди до 1,400 д. Подобная пропорція относится почти ко всей губерніи. Въ приходѣ села Уреня числится 5,662 д.; между тѣмъ въ боль-

*) „Архангельскія губерн. вѣдомости“ 1868 г. № 103. „Журналъ собесѣдованій съ раскольниками“.

**) Записка И. С. Аксакова. „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4.

***) Сборникъ правител. свѣд. о раскольн., записка гр. Стенбока.

шіе праздники въ церкви бываетъ не болѣе 4 или 5 человѣкъ *)». «Въ Кологривскомъ уѣздѣ, говоритъ другой изслѣдователь, Брянчаниновъ,—нѣтъ раскола, но народъ равнодушенъ къ вѣрѣ (оффиціальной), и церкви большею частію бываютъ пусты» **). «Когда при производствѣ слѣдствія въ Ярославскомъ уѣздѣ, Красносельскомъ приходѣ, сообщаетъ графъ Стенбокъ, — я былъ удивленъ, что крестьяне, называя себя православными, уклоняются отъ причастія, и недоумѣвалъ какія тому причины, то одинъ изъ тайныхъ раскольниковъ, крестьянинъ деревни Кетова, Яковъ Батыевъ, объяснилъ мнѣ откровенно, что это все «*колеблющіеся*», *изъ которыхъ съ каждымъ годомъ многіе переходятъ въ какую-нибудь раскольническую секту*». На вопросъ мой: отчего же происходитъ это равнодушіе? Онъ чистосердечно отвѣчалъ: «Оттого, что попы стали всѣмъ ужъ черезъ-чуръ не любы» ***).

О слабыхъ сторонахъ и разнаго рода недостаткахъ нашего духовенства довольно много писалось въ нашей литературѣ, поэтому мы не будемъ распространяться здѣсь на эту тему. Замѣтимъ только, что фактъ существованія крайне ненормальныхъ отношеній между народомъ и духовенствомъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ народѣ живетъ и держится цѣлая масса пословицъ, поговорокъ и т. п., отчетливо характеризующихъ эти отношенія. «Поповскіе глаза завидущи, поповскія руки загребущи», «попъ деретъ съ живаго и съ мертваго» ****). «Попъ, что ни говоритъ, а все въ карманъ глядитъ» *****), и т. д. до безконечности.

И такъ, церковь не удовлетворяетъ народа. Не удовлетворяетъ его и наша, такъ называемая, народная школа. Сухой, бездушный формализмъ свилъ прочное гнѣздо и въ школѣ, и въ церкви. Прежде, 20—30 лѣтъ тому назадъ, у насъ почти не существовало ни народной школы, ни народныхъ учителей. Затѣмъ, хотя и появились и школы, и учителя, но.... кому неизвѣстно, что это были за школы, что это были за учителя. Послѣдніе являлись какими-то общественными паріями, какими-то жалкими, безправными, униженными существами, подавленными безчисленнымъ множествомъ всевозможнаго начальства, наблюдающаго, контролирующаго, надзирающаго и проч. и проч. Преподаваніе было стиснуто

*) Idem, выпускъ II, стр. 19.
**) Изъ дневника надв. сов. Брянчанинова. Сборн. Кельсіева, вып. II.
***) Записка гр. Стенбока. Сборн. Кельсіева.
****) „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4.
*****) „Истина“ 1880 г. май—іюнь.

въ сухую, сдавленную въ узкія, казенныя рамки программу. Всякое уклоненіе отъ этой программы, каждая попытка расширить ее обыкновенно перетолковывалась въ смыслѣ неблагопріятномъ для учителя, для его «благонадежности», и почти всегда навлекала на него серьезныя непріятности. Надзирающія начальства заботились только объ охраненіи какой-то чисто внѣшней, фиктивной и ложной благонамѣренности. При посѣщеніи школъ, они прежде всего спѣшили сдѣлать обыскъ училища: съ извѣстнымъ, пресловутымъ «спискомъ книгъ, допущенныхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ» въ рукахъ, они перерывали жалкія, тощія школьныя библіотечки, причемъ всякую книжку, незначущуюся въ «спискѣ», какъ бы ни была она невинна сама по себѣ,—ожидало немедленное ауто-да-фе.

При такихъ условіяхъ положеніе учителя народной школы являлось настолько неустойчивымъ, что не только какой-нибудь исправникъ или становой, но даже любой волостной писарь, любой урядникъ могъ легко добиться смѣщенія того или другаго учителя или учительницы, которые почему-нибудь не нравились его особѣ. Достаточно было анонимнаго доноса, построеннаго по извѣстному, излюбленному шаблону, чтобы навлечь на учителя серьезное подозрѣніе, придирки, притязанія, а нерѣдко и предложеніе подать въ отставку «по прошенію». Можно-ли удивляться послѣ этого, что люди развитые, проникнутые горячимъ желаніемъ помочь народу въ дѣлѣ его развитія и образованія, мирившіеся во имя этой цѣли съ тяжелымъ и труднымъ положеніемъ учителя народной школы, мало-по-малу принуждены были совсѣмъ отказаться отъ этого поприща. И вотъ въ народные учителя пошла бездарность, ограниченность, «убоявшаяся бездны премудрости», пошли люди, оказавшіеся негодными ни на какомъ другомъ поприщѣ.... Можно-ли удивляться послѣ этого, что народъ отвертывается отъ школы, точно также какъ отвернулся онъ отъ церкви. И тамъ, и здѣсь онъ видитъ лишь мундиръ, схоластику и педантизмъ.... А въ немъ говоритъ кровь, въ немъ сердце говоритъ. Душа его о чемъ-то болѣетъ, о чемъ-то проситъ. Ему хочется быть хорошимъ человѣкомъ, хочется видѣть вокругъ себя довольныхъ, счастливыхъ людей; его тянетъ къ писанію.

Въ вѣчныхъ поискахъ за «правой вѣрою», за духовной, умственной пищею, народная мысль мечется изъ стороны въ сторону, нерѣдко попадая изъ одной крайности въ другую... Прислушайтесь къ сектантскимъ «стихамъ» или пѣснямъ и вы поймете эту

тоску, это томленіе о духовной дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, что поютъ безпоповцы:

«Душа пищи своей дожидается,
«Душѣ надо жажду утолити,
«Потщиса душу свою гладну не оставити»....

Еще сильнѣе, еще замѣтнѣе бьетъ эта жилка въ ученіи такъ-называемыхъ «духовныхъ христіанъ». Вотъ эта-то неудовлетворенная, страстная жажда духовной умственной дѣятельности, жажда нравственныхъ, человѣческихъ впечатлѣній толкаетъ народъ въ расколъ и заставляетъ его создавать новыя ученія, секты и толки. Отсюда намъ будетъ понятно, почему въ расколъ идутъ люди наиболѣе одаренные духовными талантами, наиболѣе способные и даровитые. Кстати припомнимъ, что почти всѣ наши дѣятели, вышедшіе изъ народной крестьянской среды и снискавшіе себѣ историческую извѣстность, непремѣнно побывали въ расколѣ. Такъ было съ геніальнымъ «архангельскимъ мужикомъ» Ломоносовымъ, то же было съ Посошковымъ и многими другими менѣе извѣстными.

Такъ было прежде, такъ и теперь. Сектантство представляетъ собою обширное поле для свободной умственной дѣятельности, и потому тѣ личности изъ народа, которыя жаждутъ приложить свои силы къ трудамъ умственнымъ и къ которымъ можно примѣнить слова поэта:

«Духовной жаждою томимы»—

обыкновенно идутъ въ расколъ. Здѣсь они находятъ цѣлыя общества людей начитанныхъ, по своему развитыхъ, обширныя библіотеки, читателей, издателей, переписчиковъ, собесѣдованія и всѣ пособія для свободнаго общенія мысли и слова.

Религіозная и умственная неудовлетворенность заставляетъ народъ чутко прислушиваться ко всему, что, по его мнѣнію, такъ или иначе, можетъ помочь ему въ его вѣчныхъ исканіяхъ «правой вѣры», въ его постоянныхъ заботахъ о «спасеніи души». Вотъ онъ идетъ къ штундистамъ и, терпѣливо просиживая цѣлыя ночи, жадно слушаетъ ихъ рѣчи. Попадаетъ онъ и къ хлыстамъ, и прыгунамъ, и здѣсь, на ихъ бѣшеныхъ радѣніяхъ, подъ вліяніемъ якобы нисшедшихъ духовъ, ломается и кружится до потери сознанія, до изступленія, до общаго, хроническаго разстройства организма. Петербургскій рабочій людъ прослышалъ, что гдѣ-то на Гагаринской набережной, не то «генералъ», не то какой-то новый пророкъ толкуетъ о вѣрѣ, говоритъ о спасеніи души, самъ спо-

рить, доказываетъ,—и вотъ толпы сѣраго люда робко подходятъ къ квартирамъ, въ которыхъ происходятъ чтенія (на Петербургской сторонѣ, на Пескахъ и проч.), внимательно слушаютъ они эти туманныя, фразистыя проповѣди, напряженно вдумываются въ каждое слово ихъ и нерѣдко предлагаютъ проповѣднику такіе вопросы, которые несомнѣнно обличаютъ серьезную работу мысли.

Просыпается мысль человѣка, и вотъ, мало по малу, различные вопросы начинаютъ шевелиться, начинаютъ подниматься въ его мозгу, требуя рѣшенія, примиренія. Является способность къ анализу, способность къ критикѣ. Исходной точкой служитъ, разумѣется, священное писаніе. Библія и евангеліе говорятъ одно, а жизнь.... А въ жизни кругомъ, вездѣ и повсюду, на каждомъ шагу столько грѣха, обидъ, прижимки, неправды.

Можно привести множество фантовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что какъ этотъ разладъ, такъ и вообще разныя темныя стороны нашей гражданской, общественной жизни чувствуются и сознаются сектантами весьма ясно и опредѣленно. Да и можетъ-ли быть иначе? Кому, какъ не имъ, больше всего доставалось (достается и теперь, хотя, конечно, не въ такой силѣ) отъ насилій и произвола мѣстныхъ властей? Развѣ они не на собственной шкурѣ вынесли всѣ тѣ безчисленныя преслѣдованія, поборы, взятки, придирки и всякаго рода насилія, которыя такъ долго практиковались мѣстными властями надъ сектантами?

Въ раскольнической литературѣ есть въ высшей степени интересный документъ,—это сатирическая просьба на разныхъ мѣстныхъ властей, на ихъ несправедливости и насилія. Къ сожалѣнію, документъ этотъ сохранился лишь въ видѣ отрывка. Вотъ онъ:

«Всепресвѣтлѣйшій и милостивый Творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,
О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости;
И всякому крестьянину была свобода,
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйки съ души выходило.

2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту,
По наукѣ ихъ, головы и сотскіе—воры,
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно.
Прежде тиранили, ненавидя Христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, Владыко, по человѣчеству,
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми....
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать красна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ праздным;
Съ каждаго домишку
Берутъ по полпуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Собираютъ по полфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они въѣзжаютъ,
То плутъ—десятскій съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе.
Да ужъ и говорить о томъ непригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидные,
Тебѣ, Владыко нашъ, Самому очень видные.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки,—
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки,
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда—
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда! *)

---

*)„Православный собесѣдникъ.“ Статья Вескинскаго: „Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ“.

Въ духовныхъ стихахъ безпоповцевъ встрѣчаются рѣзко выраженные взгляды этихъ сектантовъ на разные недостатки нашего гражданскаго порядка вещей, на разныя темныя стороны нашего соціально-общественнаго строя.

Пришли времена лютыя,
Пришли годы тяжкіе.
Не стало вѣры истинныя,
. . . . . .
Погибла вѣра христіанская;
Стали у насъ судіи неправедные,
Пастыри при церквахъ запоицы и піяницы,
Отягощали люди данъми тяжкими.... *)

Или вотъ, напримѣръ, «стихъ», записанный И. С. Аксаковымъ, при изученіи имъ секты бѣгуновъ въ Ярославской губерніи.

«Не могу пребыть безъ рыданія!
До конца тлѣетъ благочестіе;
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе:
Духовный законъ съ коренія ссѣченъ,
Чинъ священническъ сребромъ весь плѣненъ,
Законъ градской въ концъ истребленъ.
Въ мѣсто законовъ водворилось беззаконіе,
Лихоимцы вси грады содержатъ,
Немилосердые въ градахъ первые,
На мѣстахъ злые приставники!
Духъ антихристовъ возвѣя на насъ....
Не могу пребыть безъ рыданія!... **)

Какая мрачная картина! Но кто скажетъ, что она невѣрно или утрированно изображаетъ собою порядки той тяжелой поры, концъ которой положили реформы нынѣшняго царствованія?... Но какъ не велики *по идеѣ* эти реформы, тѣмъ не менѣе—по весьма многимъ причинамъ—они не могли, разумѣется, вырвать съ корнемъ изъ нашей жизни все то зло, что вѣками накопилось въ ней. «Дѣло вѣковъ исправлять не легко!»... И хотя давно сложилась приведенная нами пѣсня, но она и до сихъ поръ съ любовію поется сектантами, особенно въ далекихъ, глухихъ мѣстахъ

*) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Изд. Кожанчикова. С.-Петерб. 1860 года.

**) „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4.

нашей родины, гдѣ еще сильны и крѣпки старые порядки, съ ихъ произволомъ мѣстныхъ властей, произволомъ, который особенно тяжело ложится на сектантское населеніе.

Въ одной изъ прежнихъ статей *) нами довольно подробно были выяснены главныя причины тяжелаго положенія сектантовъ. Эти причины заключаются, во-первыхъ, въ отсутствіи гласнаго и точнаго закона, который бы обезпечивалъ ихъ спокойное существованіе, гарантируя ихъ частную, интимную жизнь отъ постороннихъ вторженій и посягательствъ, и, во-вторыхъ, въ крайней неопредѣленности нашего законодательства о сектантахъ, въ особенности же по вопросу о подраздѣленіи сектъ на болѣе и менѣе вредныя. Благодаря этой неопредѣленности, мѣстная администрація имѣетъ полную возможность послѣдователей любой секты причислить къ особенно вреднымъ и сообразно этому направить свои дѣйствія.

Послѣдствія такого порядка вещей достаточно извѣстны. О нихъ много говорилось въ нашей печати, и потому—нужно-ли еще разъ напоминать объ этомъ?... Запечатанныя часовни, разоренные скиты, разогнанные по лицу земли скитники и скитницы,—дряхлые, бездомные старики и старухи,—постоянные, непрерывные набѣги на дома сектантовъ, обыски, аресты старинныхъ книгъ и иконъ, безконечный рядъ процессовъ со множествомъ лицъ, обвиненныхъ въ разныхъ «совращеніяхъ», тюремныя заключенія за постройку часовни, за отпечатаніе невиннѣйшей старинной рукописи, какой-нибудь четьминеи, лишенія правъ, ссылки, безконечныя этапныя скитанія, конвои, кандалы, пожизненныя монастырскія заточенія—вотъ эти послѣдствія.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и теперь среди сектантовъ продолжаютъ появляться стихи, подобные только что приведеннымъ нами. На сѣверѣ, напримѣръ, пользуется теперь большою популярностью среди старообрядцевъ-безпоповцевъ слѣдующій стихъ, очевидно недавняго происхожденія.

«Грѣхъ скончался (т. е. нынѣ уже ничто не считается за грѣхъ), правда, какъ свѣчка, сгорѣла, искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, истина погребена въ развалинахъ неправды, вѣра въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ въ морѣ, честность вышла въ отставку, вѣрность на вѣсахъ у аптекарей, кротость въ дракѣ и на съѣзжей,

*) „Голосъ“ 1880 г. № 86. 1879, № 328.

законъ у сенаторовъ на пуговицахъ.... терпѣніе хочетъ лопнуть!»

Стихъ этотъ носитъ названіе: «истинный духъ нынѣшняго времени»; онъ съ буквальною точностью записанъ нами въ деревнѣ Царево-Лявленской волости, Архангельскаго уѣзда, со словъ крестьянина Василья Тимофеевича Карбасникова, считавшагося въ теченіи долгаго времени однимъ изъ главныхъ начетчиковъ въ средѣ архангельскихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ. Теперь ему около 80 лѣтъ, я видѣлъ его въ прошломъ году—дряхлымъ, слѣпымъ старикомъ *).

Стихъ этотъ, повторяемъ, безъ сомнѣнія недавняго происхожденія, но какъ много общаго замѣчается въ немъ съ приведеннымъ выше стихомъ прежняго, дореформеннаго времени. Та же скорбь объ отсутствіи правды въ жизни, тѣ же горькія жалобы на беззаконіе властей, на отсутствіе правосудія, кротости и честности въ правящихъ классахъ, та же мрачная безнадежность въ будущемъ. Только послѣдняя фраза въ этомъ новомъ стихѣ звучитъ какимъ-то новымъ особеннымъ чувствомъ: что-то въ родѣ вынужденной угрозы слышится въ заключительныхъ словахъ стиха: «терпѣніе хочетъ лопнуть!»

При самомъ появленіи раскола власть захотѣла покончить съ нимъ крутыми, суровыми мѣрами. И вотъ кровь полилась рѣкой. Всѣ первые вожаки и предводители раскола умерли на плахѣ, сгорѣли въ срубахъ, исчахли въ заточеніяхъ. Безпощадныя пытки, безчисленныя, мучительныя казни слѣдуютъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ. Раскольниковъ ссылали, заточали въ тюрьмы, казематы и монастыри, «пытали и жгли огнемъ на крѣпко», сѣкли плетьми «нещадно», рвали ноздри, вырѣзывали языки, рубили головы на плахахъ, клещами ломали ребра, кидали въ деревянныя клѣти и, заваливъ тамъ соломою, сожигали, голыхъ обливали холодною водой и замораживали, вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, выматывали жилы.... словомъ, все, что только могло изобрѣсти человѣческое звѣрство для устрашенія, паники и террора,—все было пущено въ ходъ.

---

*) Извѣстный писатель разсказовъ и очерковъ изъ народнаго быта, Н. Н. Златовратскій, передавалъ намъ, что этотъ же самый „стихъ“ былъ найденъ имъ недавно въ Москвѣ, у одного изъ мѣстныхъ старообрядцевъ. Написанный на полулистѣ бумаги, стихъ этотъ былъ вдѣланъ въ рамку за стекломъ и висѣлъ на стѣнѣ. Отсюда можно заключить, что распространеніе этого стиха не ограничивается однимъ сѣверомъ.

А. С. П.

Населеніе, исповѣдывавшее «старую правую» вѣру, пришло въ ужасъ. Въ отчаяніи, оно объявило власть антихристіанскою, антихристовою. Оно перестало молиться за нее.

«Безпоповщина,—говоритъ Липранди,—воспрещаетъ въ большей части молиться за царя и учитъ не повиноваться никакимъ установленнымъ властямъ, избѣгая всякаго столкновенія съ оными *). Среди ея «существуютъ толки, непризнающіе никакой надъ собой власти; такъ, наприм., согласіе, именующее себя «непризнающими ни царя, ни князя». Учители этого толка являлись неоднократно на Преображенское кладбище, и въ послѣдній разъ, въ 1847 году, приходили въ оное двое изъ учителей этого согласія, которые укоряли Ѳедосѣевцевъ за то, что эти послѣдніе отступили отъ истинной христіанской вѣры, ибо оказываютъ повиновеніе и т. п. Ѳедосѣевцы до сихъ поръ вѣруютъ и проповѣдываютъ, что за нынѣшнюю царскую власть молиться есть богомерзкое преданіе и скверное разумѣніе. По вѣрѣ благочестивой и царь благочестивый; по нечестивой же вѣрѣ и царь нечестивый нарицается» **).

Съ начала нашего столѣтія подобныя воззрѣнія на власть исповѣдывали только болѣе крайнія секты (филипповцы, бѣгуны и т. п.), теперь же даже поповцы, (не говоря уже о безпоповцахъ), мало по малу проникаясь мыслью о господствѣ антихриста, перестаютъ молиться за власть. Это направленіе въ наше время взяло верхъ въ средѣ поповщины, и старообрядческій соборъ 1868 года, въ Бѣлой Криницѣ постановилъ: «молящихся за властей отлучать отъ церкви» ***). Къ той части поповцевъ, которые молятся за властей, принадлежатъ по преимуществу купцы, а къ немолящимся—крестьяне. Такъ, 23 января 1864 года, на Рогожскомъ кладбищѣ происходило собраніе, на которомъ вся масса, состоящая по преимуществу изъ крестьянъ и мѣщанъ, оказалась противъ моленія за власть; за моленіе же было только 10 человѣкъ» ****).

Изъ дѣла, производившагося въ 1846 году, въ г. Галичѣ, видно, что тамошній раскольникъ Кокинъ употребилъ разныя непозволи-

*) Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ. Москва 1870 г. стр. 13.

**) Idem, стр. 14 и 15.

***) „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г. № 2, статья Субботина. «Слово» 1878 года, № 8, статья Юзова.

****) „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 2 — 3, 1869 года № 10. Статьи Субботина. "Слово" 1878 г. № 8.

тельныя выраженія противу царственнаго дома, присовокупляя къ тому, что: «не существовать дому Романовыхъ; что соберутся въ числѣ 15 тысячъ, сплетутъ ременныя возжи для государя» и т. п. Это даже онъ подтвердилъ и при допросахъ, прибавивъ только, что возжи шелковыя и хранятся въ Балахнинскомъ уѣздѣ, въ Томсеньевской обители, у матушки Александры» и проч. Передавая этотъ разсказъ, Липранди прибавляетъ, что «подобныя дѣла возникаютъ въ большомъ множествѣ» среди безпоповщинскихъ толковъ. *) «Раскольники недоброжелательно смотрятъ на правительство отечественное»,—говоритъ г. Мельниковъ, и въ то же время сочувствуютъ Австріи, гдѣ они не подвергаются никакимъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ со стороны властей. «Въ 1855 г. найдено въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, «сказаніе о Бѣлокриницкой метрополіи», сочиненіе въ послѣднее время весьма распространившееся среди раскольниковъ. Тамъ объ австрійскомъ императорѣ говорится съ великимъ уваженіемъ, а объ императорѣ Николаѣ I тѣми самыми выраженіями, которыя употребляются въ нашихъ четиминеяхъ при повѣствованіи о Неронахъ и Деоклетіанахъ. Найденный экземпляръ писанъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно, и въ самомъ юномъ поколѣніи развиты мысли о благоденствіи въ Австріи и о тяжкой жизни въ Россіи. На допросахъ, при формальныхъ слѣдствіяхъ, раскольники прямо говорили: «мы бы всѣ были рады въ Австрію уйдти, да пропуски крѣпки» **). Необходимо имѣть въ виду, что это происходило въ то время, когда разнаго рода преслѣдованія противъ раскола были въ полномъ ходу.

На увеличеніе немолящихся за властей особенно повліяли странники, которые давно уже упрекали молящихся за властей въ томъ, что тѣ, прося у Бога даровать имъ побѣды «на сопротивныя», просятъ побѣды и надъ странниками» ***). Изъ понятія о власти вытекаютъ у безпоповцевъ «всѣ частныя понятія о принадлежностяхъ власти, о законахъ, о судопроизводствѣ, о всѣхъ предметахъ, напоминающихъ эту власть, вообще о всѣхъ обычаяхъ государственныхъ. На всемъ этомъ лежитъ печать антихриста, все это ненавистно для раскольника» ****), потому что проникнуто,

*) Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ, Липранди.

**) Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Выпускъ I, стр. 192.

***) „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. № 1. Статья Розова.

****) Православное Обозрѣніе, 1862 г. ч. I, стр. 368.

по его мнѣнію, «антихристіанскихъ духомъ». Разумѣется, что при этомъ однѣ секты идутъ дальше, другія останавливаются на полудорогѣ. *)

Къ числу наиболѣе крайнихъ сектъ, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ отнести бѣгуновъ или странниковъ. Тяжелыя условія жизни, съ подавляющею нуждою, непосильными податями и недоимками, съ паспортами, сковывающими мужика,—создаютъ странное ученіе бѣгуновъ. Это ученіе предписываетъ разрывать всѣ связи съ міромъ, съ обществомъ, преданными антихристу, заставляетъ бросать родное село, семью, родныхъ и близкихъ и бѣжать въ лѣса и степи. Однимъ изъ главныхъ догматовъ бѣгунства является «непризнаваніе ни царя, ни поставленныхъ отъ него властей, потому что царь-антихристъ, а власти его—ангелы, посылаемые для исполненія его повелѣній къ угнетенію народа Божія» **). Такъ какъ открыто они не въ силахъ противиться требованіямъ этихъ властей, то поэтому и должны бѣжать отъ нихъ, скрываться. Полное отрицаніе паспортовъ и подушныхъ податей составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ бѣгунства.

Посмотримъ теперь на тѣ ученія и взгляды на власть, которые выработались у такъ-называемыхъ «духовныхъ христіанъ», т. е. духоборцевъ, молоканъ, штундистовъ и т. п.

«Духоборцы тамбовскіе,—говоритъ г. Новицкій,—осмѣливались уже дѣлать различіе между добрыми и злыми властями и отличать ихъ происхожденіе: милостивые отъ Бога,—твердили они,—а немилостивые.... неизвѣстно отъ кого!» «Мелитопольскіе духоборцы не разсуждаютъ о происхожденіи властей, а прямо утверждаютъ, что на землѣ не нужно быть никакимъ властямъ»; что власти должны существовать только для воровъ, разбойниковъ и т. п. ***).

Относительно политическихъ взглядовъ молоканъ, г. Костомаровъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Часто говорятъ, будто молокане отвергаютъ власть: это сдѣлалось всеобщимъ мнѣніемъ о нихъ. Сами молокане объ этомъ предметѣ говорятъ такъ: мы не отвергаемъ власти, мы считаемъ, что слѣдуетъ ей повиноваться, исполняя изреченіе священнаго писанія, повелѣвающаго устами апостола Павла покоряться предер-

*) „Слово“ 1878 г. № 8, статья Юзова.
**) Кельсіевъ, Сборникъ, выпускъ IV, стр. 20.
***) Новицкій „О духоборцахъ“. Кіевъ, 1882 г., стр. 65.

жащимъ властямъ. Надобно, говорятъ они, признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро они существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разсудокъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властію, если то, чего власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды. Такъ они указываютъ, напримѣръ, на первыхъ христіанъ, которыхъ римскіе императоры, облеченные законною властью, принуждали поклоняться идоламъ; христіане не исполняли ихъ требованій, противились имъ и чрезъ это спаслись».

«Признавая необходимость власти, молокане считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдываютъ глухое терпѣніе и упорство.»

Взглядъ молоканъ на гражданскій строй нашей жизни представляетъ много интереснаго. «Молокане отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ, всякія внѣшнія знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію». *)

«Монархической власти, говорятъ молокане, слѣдуетъ покоряться. Но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что не признаютъ монарха Божіимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указываютъ на исторію Саула. Богъ, устами Самуила, самъ отклонялъ израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которыя онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари. Но тѣмъ не менѣе, когда уже царская власть признана народомъ, слѣдуетъ ее признавать, и сопротивляться ей, исключая случаевъ вѣры, противно божественному закону и долгу совѣсти. Надобно терпѣть. Христосъ не велитъ противиться». **)

«Духоборцы признаютъ монархическое правленіе особенно противнымъ своему образу мыслей.» ***)

«Война,—по ученію молоканъ,—есть дѣло самое богопротивное: войска не должно быть, и потому, кто убѣжитъ изъ войска,

---

*) Костомаровъ: „Воспоминанія о молоканахъ". „Отечественныя Записки" 1869 г. № 3.

**) Idem, стр. 77.

***) Новицкій: «О духоборцахъ». Кіевъ. 1832 г. стр. 66.

того не должно преслѣдовать: онъ дѣлаетъ хорошо, бѣжавъ грѣха. При этомъ, они ссылаются на одно мѣсто притчъ Соломоновыхъ, превратно понимаемое: «на немъ же аще мѣстѣ вся соберутъ, не иди тамо, уклонись же отъ нихъ и изимѣни.» (Притчъ, гл. 4). Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ, и всякій убѣгающій отъ преслѣдованія властей, находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, говорятъ они, виноваты или правы бѣглецы, законъ часто бываетъ несправедливъ и судьи судятъ ошибочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону».... «На этомъ основаніи пристанодержательство—обыкновенное преступленіе въ молоканскомъ обществѣ.» *)

Много аналогичнаго съ этимъ ученіемъ мы находимъ во взглядахъ новой, только что появившейся въ Тверской губерніи секты «сютаевцевъ». «Нѣсть власти, аще не отъ Бога», говорятъ сютаевцы, и потому относятся къ ней, какъ говорятъ, съ уваженіемъ, называя всякую власть пастырями, а себя овцами, стадомъ. «Овцы должны повиноваться пастырямъ, а пастыри должны пещись объ овцахъ, оборонять ихъ отъ волковъ и стараться пасти ихъ на тучныхъ пастбищахъ». «Всѣхъ людей они признаютъ братьями: турокъ, язычникъ — для нихъ также братъ». «Война, по ученію сютаевцевъ, величайшая несправедливость, грѣхъ противъ заповѣди «не убій» **).

Относительно политическихъ убѣжденій штундистовъ въ нашей литературѣ имѣются слѣдующія указанія. Г. Емельяновъ, авторъ статьи: «Раціонализмъ на югѣ Россіи» ***), говоритъ:

«Первое уже, что бросается сразу въ глаза, это непринужденное отношеніе штундиста ко всякой власти. Онъ убѣжденъ, что власть существуетъ для злыхъ, а не для добрыхъ (Рим. гл. 13, ст. 3), а когда не будетъ преступленій, тогда упразднится всякое начальство и всякая власть. Затѣмъ онъ убѣжденъ еще въ томъ, что онъ, собственно говоря, выше власти, какъ представитель божеской истины и высшей нравды». «На основаніи подобныхъ воззрѣній, сложившихся въ головѣ штундиста, послѣдній вовсе не лебезитъ такъ предъ начальствомъ, какъ православный мужикъ».

---

*) Костомаровъ: „Воспоминаніе о молоканахъ".
**) „Тверской Вѣстникъ" 1880 г. № 26.
***) „Отечествен. Записки" 1878 г. № 5.

— Экъ, велика бѣда, подумаешь, если сошлютъ, говорятъ штундисты: для насъ здѣсь Сибирь, а для Господа все можно сдѣлать. Вѣдь и въ Сибири люди живутъ.

Поэтому съ гражданскимъ начальствомъ штундистъ держитъ себя, какъ «равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ», а къ духовенству, будь это самъ архіерей даже, относится презрительно: ни за что не сниметъ шапки и не поклонится, а если сидитъ, то не встанетъ съ мѣста, когда проходитъ мимо него духовное лицо *).

По ученію штундистовъ, «человѣчество достигло въ настоящее время крайнихъ предѣловъ въ своемъ развращеніи. Богъ родитъ хлѣбъ и даетъ человѣку всевозможные предметы, необходимые для его жизни, а человѣчество торгуетъ этою благодатію, торгуетъ даже совѣстью, вѣрою и человѣческими существами. Богъ разгнѣвался за все это на человѣчество и попустилъ его въ рабство. Въ настоящее время человѣчество находится во второмъ рабствѣ египетскомъ. Когда-то евреевъ мучили и заставляли работать египетскіе фараоны и египтяне. Теперь человѣкъ порабощенъ новыми египтянами—сильными міра сего. Эти новые египтяне пользуются нашимъ трудомъ, распоряжаются нами и нашими силами. Вотъ почему въ настоящее время такъ много несчастій на землѣ. Въ священномъ писаніи ясно сказано, что всѣ люди должны любить другъ друга, какъ родные братья. На землѣ должно существовать тѣснѣйшее братство между всѣми существами человѣческими. Но люди не восхотѣли быть братьями. Какъ новые великіе грѣшники, они всячески стараются владычествовать другъ надъ другомъ, стѣснять, угнетать, обирать и заставлять другихъ жить такъ, какъ имъ не хотѣлось бы. На войнѣ проливается невинно кровь человѣческая, въ обыкновенной жизни свирѣпствуютъ разбои, грабежи, насилія, взаимныя надувательства, воровство и мошенничество. Богъ разгнѣвался за все это на людей и посылаетъ на нихъ свои кары, какъ на новыхъ египтянъ. Что такое, напримѣръ, саранча, кузка, градъ, падежи рогатаго скота, эпидеміи? Все это казни Божіи, посылаемыя Отцомъ небеснымъ на людей за ихъ грѣхи, за идолопоклонство, поклоненіе иконамъ и въ особенности за враждебныя, небратскія отношенія людей другъ къ другу» **).

Бѣдная мысль некультурнаго человѣка, придавленная тяжкимъ гнетомъ безъисходной нужды и лишенная свѣта истиннаго,

*) Отечественныя Записки, 1868 г. № 5.

**) „Недѣля“ 1877 годъ, № 1. „Малорусская штунда“, стр. 54.

свободнаго просвѣщенія, бьется какъ рыба объ ледъ въ роковыхъ противорѣчіяхъ между тѣмъ, что представляетъ жизнь, и тѣмъ, чему учитъ слово Божіе. Напрасно силится она примирить этотъ страшный разладъ: ни объяснить, ни оправдать его нѣтъ силъ. Ясно одно: міръ гибнетъ, люди снова впали въ грѣхъ и неправду. Нужно спасти міръ, избавить людей отъ грѣха и страданій. Но какъ?... Въ библіи и евангеліи указаны случаи, какъ угождали Богу, какъ снасенъ былъ міръ. Мысль долгіе годы работаетъ въ этомъ направленіи, религіозная экзальтація достигаетъ высшей степени интенсивности, и вотъ мы видимъ такіе примѣры.

Крестьянинъ Владимірской губерніи, Никитинъ, сжегъ свой домъ и въ немъ двухъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись библіи, и совершилъ дѣтоубійство, по образцу Авраама, приносившаго въ жертву Богу сына своего Исаака, что въ то время, когда онъ кололъ дѣтей ножомъ, жена его, матъ малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Никитинъ былъ, разумѣется, наказанъ, сосланъ въ Сибирь и поселенъ въ Средней Борзѣ, на Аргуни. Живя здѣсь, Никитинъ часто и подолгу уходилъ въ лѣсъ, гдѣ стояла маленькая часовня. Всѣмъ казалось страннымъ и загадочнымъ его поведеніе, но вскорѣ дѣло объяснилось. Объяснили его пастухи, привлеченные стонами къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который Никитинъ самъ вкопалъ въ землю, подъ навѣсомъ, въ часовенкѣ, висѣлъ человѣкъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ; въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавши низъ живота бѣлымъ платкомъ; въ боку была рана, все тѣло было облито и забрызгано кровью. У подножія креста лежало копье и орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго со креста, онъ былъ еще живъ; когда его вылечили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ, что *жертвовалъ собою за грѣхи людскіе* и выбралъ для того вечеръ великой пятницы, распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ ко кресту ноги правой рукой, придерживаясь лѣвой за поперечное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски креста. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да видно измѣнили

силы, онъ ослабъ и повисъ. Такъ, съ онущенной рукой, онъ и найденъ былъ пастухами.

— Захотѣлось умереть, *какъ умеръ Христосъ за людей*, говорилъ Никитинъ *).

И вотъ, невольно думается: что вышло бы, если бъ эта желѣзная сила воли, эта полная, безпредѣльная готовность страдать, жертвовать собой для блага людей, были бы направлены на путь разумнаго служенія человѣчеству?...

Много горя, скорби и всякаго рода печали выпало на долю русскаго народа. Много тяжкихъ бѣдъ, суровыхъ лишеній и невзгодъ пришлось и до сихъ поръ приходится переносить русскому люду. Въ ученіяхъ многихъ сектъ вы встрѣчаете разнаго рода обряды, которые могутъ служить лучшею иллюстраціею къ этой старой истинѣ. Въ нѣкоторыхъ сектахъ, напримѣръ, установлено *оплакиваніе* каждаго родившагося ребенка, и это оплакиваніе замѣняетъ собою крещеніе. И такъ, вмѣсто того, чтобы радоваться появленію на свѣтъ новой жизни, новаго человѣческаго существа,— люди, давшіе жизнь этому существу, горько оплакиваютъ появленіе его на свѣтъ, какъ бы заранѣе уже предвидя тотъ тяжелый, тернистый путь, который одинъ только и доступенъ для ихъ сына или дочери.

Русскій народъ, протестуя противъ всевозможныхъ, угнетающихъ его бѣдъ и напастей, прежде всего ищетъ опоры для своего протеста въ религіозномъ міросозерцаніи. Было бы, разумѣется, въ высшей степени интересно и во всѣхъ отношеніяхъ поучительно прослѣдить, шагъ за шагомъ, постепенное развитіе народной оппозиціонной мысли, протестующей противъ тѣхъ или другихъ условій и учрежденій нашего общественнаго строя. Мы постараемся сдѣлать это въ слѣдующій разъ, въ особой статьѣ, а теперь ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями на тѣ проявленія народнаго протеста въ области религіозно-бытовыхъ движеній, которыя направляются противъ основныхъ, коренныхъ причинъ, разъѣдающихъ нашъ соціальный организмъ. Разумѣется, никто, вѣроятно, не будетъ ожидать или требовать, чтобы народъ представилъ въ этомъ случаѣ какія-нибудь вполнѣ выработанныя, законченныя теоріи или системы. «Въ русскомъ народѣ ни одно начало не высказалось точно опредѣленными выраженіями, катехизисами и символами вѣры,—у насъ всегда были безотчетныя стремленія, кото-

*) Максимовъ: „Сибирь и Каторга".

рыхъ мы не умѣли высказать, но за которыя умѣли страдать» *).

Смутно, инстинктивно начинаетъ догадываться въ началѣ народная мысль о причинахъ тяжелыхъ условій, что желѣзными клещами держитъ его въ заколдованномъ кругѣ вѣчной нужды, вѣчныхъ, безъисходныхъ лишеній.... Гдѣ же эти причины по его мнѣнію?

Уже въ первое время развитія раскола, во времена Андрея Денисова, возникали ученія, въ которыхъ намеками проглядывалъ народный взглядъ на причины соціальныхъ неустройствъ. Таково Пастухово или Адамантово согласіе. Пастухъ Выговской общины создалъ особое ученіе, главное положеніе котораго состояло *въ отрицаніи денегъ*. Послѣдователи этого ученія не должны были брать въ руки денегъ, не должны были прикасаться къ нимъ.

Вскорѣ послѣ этого возникаетъ ученіе странниковъ, основатель котораго, бѣглый солдатъ Евфимій, нападая на Петра I-го, между прочимъ говорилъ: «описалъ всѣхъ человѣкъ (первая народная перепись) и раздѣлилъ на разные чины.... имъ же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе комуждо ихъ»; и далѣе: «Егда бо по описи раздроби народъ на разные чины и *землю размежева, симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣливъ кому много; кому мало, иному же ничесоже давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ*» **).

Евфимій умеръ въ 1792 году. Спустя двадцать лѣтъ послѣ его смерти, въ 1812 году, крестьянинъ села Краснаго, Костромскаго уѣзда, раскольникъ-филиповецъ, Василій Петровъ, выступаетъ на сцену съ новымъ ученіемъ. Явившись въ село Сопелки, представляющее собою главный центръ секты бѣгуновъ, онъ началъ проповѣдывать, что «истиннымъ христіанамъ нельзя брать въ руки денегъ, какъ заклейменныхъ антихристовой (царскою) печатью, и что ни одинъ странникъ не имѣетъ права владѣть собственностію, а все свое имущество долженъ отдавать въ пользу общины» ***). Хотя свое ученіе Василій Петровъ основывалъ на приведенныхъ нами выше словахъ Евфимія, тѣмъ не менѣе большинство странниковъ отвергло его ученіе, мотивируя это тѣмъ, что

---

*) Кельсіевъ: „Сборникъ правительствен. свѣдѣній о раскольникахъ". Выпускъ I.

**) Сборникъ правител. свѣдѣній о раскольн.

***) „Православное обозрѣніе" 1864 г. № 4. Статья Вескинскаго о сектѣ бѣгуновъ, стр. 315.

слова Евфимія относятся только къ поземельной собственности, рыбнымъ ловлямъ, соляннымъ озерамъ и т. п. предметамъ, но не ко всякаго рода собственности.

Не смотря на это, ученія съ коммунистическимъ характеромъ продолжаютъ возникать среди бѣгуновъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, является крестьянинъ Иванъ Петровъ и проповѣдываетъ, что «изреченіе Евфимія: «глаголъ *мое, свое*—проклятый и скверный, вся бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ»—относятся не только къ размежеванію земель, но и вообще ко всякой собственности». На этомъ основаніи Иванъ Петровъ требовалъ и настаивалъ на «общинномъ укрѣпленіи и на совершенномъ отреченіи отъ права собственности» *). Точно такое же ученіе проповѣдывалось крестьяниномъ Антипомъ Яковлевымъ въ Костромской губерніи, въ Плёсовской сторонѣ, заключающей въ себѣ три уѣзда Костромской губерніи.

Въ 30-хъ годахъ возникаетъ ученіе общихъ....

Въ Самарской губерніи, въ Николаевскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ прежними, когда-то цвѣтущими, но потомъ разворенными иргизскими раскольническими монастырями, живетъ молоканъ, простой сѣрый мужикъ, Михаилъ Акинфіевичъ Поповъ (Шепиловъ). Свѣтлымъ умомъ и добрымъ сердцемъ надѣлила природа Михаила Акинфіевича. Онъ мужикъ съ достаткомъ, поэтому можетъ свободно удѣлять время на чтеніе и изученіе евангелія и библіи. Читаетъ Поповъ евангеліе и видитъ, что люди живутъ далеко не такъ, какъ бы слѣдовало жить по ученію Христа. Вездѣ вражда, вездѣ раздоры; богачъ гнететъ и давитъ бѣдняка. Какъ помочь бѣдному, придавленному люду? И снова читаетъ онъ и перечитываетъ евангеліе, надѣясь найти въ немъ отвѣтъ на тѣ сомнѣнія, что преслѣдуютъ и мучатъ его. «Всѣ вѣровавшіе бяху вкупѣ и имяху вся общая» **), читаетъ онъ. Эти слова поражаютъ его. Ясно — это отвѣтъ на его думы и сомнѣнія, это разгадка тѣхъ вопросовъ, что мучили его.

Убѣдившись въ правотѣ этихъ думъ, Поповъ провозглашаетъ свое ученіе и начинаетъ съ того, что все имущество раздаетъ сосѣдямъ. На первыхъ же порахъ во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ находится множество послѣдователей ему, а деревни Яблоновка (Яблоновскій Гай) и Тяглое Озеро цѣликомъ переходятъ на его

*) Недѣля 1880 г., № 28.
**) Дѣян. Апостол. II, 44.

сторону. Такое движеніе не могло, разумѣется, остаться въ секретѣ, и, дѣйствительно, мѣстныя власти скоро узнали о немъ. Попова схватили, посадили въ острогъ. Послѣдователи его пытались было доставить ему возможность бѣжать, но это не удалось. Попова судили, и затѣмъ, вмѣстѣ съ тринадцатью болѣе близкими друзьями, онъ сосланъ былъ за Кавказъ, въ бывшую Шемаханскую, теперь Бакинскую губернію. Нужно-ли говорить, что ссылка ни мало не поколебала убѣжденій Попова? Очутившись за Кавказомъ, среди чуждыхъ, незнакомыхъ условій, онъ ни мало не потерялся, не смутился и немедленно же принялся за устройство общины на выработанныхъ началахъ. Прослышавъ объ этомъ, его послѣдователи, оставшіеся въ Самарской губерніи, начали хлопотать о переселеніи ихъ туда же, за Кавказъ. Администрація, не мало смущенная пропагандой Попова, была очень рада случаю избавиться отъ его послѣдователей. Получивъ разрѣшеніе, переселенцы двинулись по слѣдамъ своего опальнаго учителя. Они основались въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, гдѣ вскорѣ появилось нѣсколько цвѣтущихъ слободъ, которыя не только приняли ученіе Попова, но и реализировали его въ жизни съ необыкновенною послѣдовательностію. Вотъ сущность этого ученія и вмѣстѣ абрисъ той организаціи, какая принята была въ этихъ общинахъ.

Каждая слобода составляетъ особую общину. Всѣ дома у общихъ строятся не иначе, какъ міромъ. Имѣнія движимыя и недвижимыя, и доходы съ нихъ принадлежатъ общему братскому союзу; личной же собственности ни движимой, ни недвижимой ни у кого нѣтъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ, все хозяйство, вся промышленность находится въ распоряженіи «партій», на которыя подраздѣляется союзъ общихъ, принадлежатъ цѣлой слободѣ, въ которой эти партіи находятся. У общихъ въ каждой слободѣ одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имущества, отпускаются части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. Такимъ образомъ распредѣляется по партіямъ скотъ, одежда, обувь и проч. Въ каждой партіи выбирается домашній или земскій распорядитель, сохраняющій все мужское верхнее платье и обувь партіи; женщины, въ свою очередь, выбираютъ изъ своей среды домашнюю или земскую распорядительницу съ подобными же обязанностями. Слободы общихъ управляются выборными чи-

нами: судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, распорядителемъ, молитвенникомъ, словесникомъ и т. п. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производятся общими трудами, по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей.

Такова была организація тѣхъ общинъ, которыя приняли ученіе Михаила Попова. Эти слободы все росли, все богатѣли и развивались. Въ нихъ появились школы, основанныя по собственной иниціативѣ сектантовъ и обставленныя всѣмъ необходимымъ. Но недолго наслаждались миромъ обыватели этихъ слободъ. Въ 1844 году Поповъ, вмѣстѣ съ наиболѣе выдающимися послѣдователями, былъ снова арестованъ и заключенъ въ Шемаханскій острогъ. Судъ приговорилъ его, какъ основателя и распространителя особенно-вредной секты, къ ссылкѣ въ Енисейскую губернію. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и Поповъ былъ водворенъ въ Шушинскую волость, Минусинскаго округа, Енисейской губерніи. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ еще живъ и, какъ увѣряютъ, не переставалъ развивать и пропагандировать свое ученіе. Но основанныя имъ закавказскія общины, лишившись главныхъ руководителей, мало-по-малу начали терять свою коммунистическую организацію. Къ сожалѣнію, о настоящемъ состояніи этихъ общинъ неизвѣстно рѣшительно ничего достовѣрнаго.

Иногда иниціаторами въ дѣлѣ устройства подобныхъ соціалистическихъ общинъ являются лица, стоящія внѣ крестьянской среды. Такъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Брянчаниновъ, изучавшій расколъ въ Костромской губерніи, разсказываетъ слѣдующій интересный фактъ. «Дьяконъ села Бавыкина, Макарьевскаго уѣзда, Николай Поповъ, человѣкъ умный, хорошо занимавшійся въ семинаріи, вздумалъ завести жизнь братскую, общинную, сталъ соединять нѣсколько отдѣльныхъ семействъ въ одно общество, заводить у нихъ общую работу, общую трапезу, даже нѣчто въ родѣ общаго имущества; ибо всѣ его приверженцы, записавшіеся въ особую книгу, сносили къ нему свое имущество, и онъ распоряжался во имя всѣхъ. Послѣ обѣдни всѣ послѣдователи собирались у него въ домѣ, гдѣ онъ ихъ училъ евангельскимъ истинамъ. Дьяконъ этотъ, по словамъ священниковъ, отличался характеромъ мечтательнымъ, но по общему отзыву былъ человѣкъ безукоризненной жизни» *). Министерскій чиновникъ

*) Кельсіевъ: Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Выпускъ II, стр. 24.

ничего, къ сожалѣнію, не говоритъ о томъ, насколько удалась ему эта община, долго-ли существовала она, какія причины способствовали ея распаденію и т. д.

Ростутъ экономическія бѣдствія народа, ростутъ кулачества, эксплоатація и другія проявленія современнаго капиталистическаго строя,—ростетъ и протестъ народный противъ этихъ явленій. Въ ученіяхъ и сектахъ, возникающихъ въ самое послѣднее время, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, соціальные мотивы не только не слабѣютъ, а, напротивъ, получаютъ бо̀льшее развитіе и опредѣленность.

Среди штундистовъ, напримѣръ, кулачество почитается дѣломъ крайне предосудительнымъ и, какъ таковое, строго преслѣдуется.

— На какомъ основаніи,—замѣчаетъ обыкновенно штундистъ собрату, въ случаѣ, если этотъ послѣдній пожелаетъ поживиться на счетъ перваго,—на какомъ основаніи ты торгуешь благодатью Божіею?

По воззрѣніямъ штундистовъ, брать плату за пользованіе землею или лѣсомъ положительно грѣшно, потому что ихъ создалъ Богъ, а не сдѣлалъ человѣкъ. Они поэтому не составляютъ собственности кого нибудь одного, а представляютъ общій, дарованный всѣмъ людямъ даръ. Даромъ Божіимъ торговать грѣшно, но и трудомъ человѣческимъ точно также. Русскіе штундисты пошли въ этомъ отношеніи несравненно дальше нѣмцевъ-штундистовъ. Послѣдніе, спустя рукава, смотрятъ на кулачество и нѣкоторые способы добыванія жизненныхъ средствъ. Такъ, напримѣръ, они, не стѣсняясь, держатъ «въ батракахъ» своихъ же братьевъ штундистовъ. Наконецъ, нѣмцы держатъ даже кабаки, нанимая только кабатчиковъ. Малороссы-штундисты рѣшительно возстаютъ противъ подобнаго поведенія нѣмцевъ. Они, особенно младо-штундисты, ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ найма рабочихъ изъ своихъ же братьевъ штундистовъ, не допускаютъ отдачи денегъ въ ростъ, не допускаютъ содержанія кабаковъ, даже въ такомъ видѣ, какъ это существуетъ у нѣмцевъ, безусловно отрицаютъ право взиманія платы за пользованіе землею, лѣсомъ, водами и т. п.

Прошедшимъ лѣтомъ газеты сообщали извѣстія о появленіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, новой секты, названной «сютаевской»—по имени ея основателя, крестьянина деревни Шевалина Василья Кириловича Сютаева. Извѣстія эти были крайне неполны, отрывочны, отчасти даже противорѣчивы; тѣмъ не менѣе всѣ они вполнѣ согласно указывали на замѣчательную осо-

бенность ученія сютаевцевъ. Эта особенность касается взгляда новой секты на собственность.

«Сютаевцы смотрятъ на собственность съ евангельской точки зрѣнія: у человѣка, по ихъ ученію, нѣтъ ничего своего, все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ вообще. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, они не запираютъ даже своего имущества, и всякій имѣетъ право взять, что пожелаетъ, не спрашивая позволенія у того, кому это принадлежитъ; они никогда не отказываютъ ближнему въ помощи, требуя только того же по отношенію къ себѣ.» *)

Путемъ отрицанія настоящаго, существующаго, сектанты вырабатываютъ болѣе или менѣе опредѣленные идеалы будущей жизни и отношеній человѣчества. Штундисты, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ рисуютъ этотъ идеалъ будущей жизни людей.

«На первомъ планѣ долженъ стоять *трудъ*. «Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой»,—сказалъ Христосъ. «Трудившійся да ястъ....» Всѣ люди должны трудиться. Но такъ какъ человѣкъ ничего новаго не можетъ создать своимъ трудомъ, такъ какъ земля, воды, камни, животныя, растительность и пр. и пр.—дѣла рукъ Божіихъ, то человѣчество не имѣетъ права считать ихъ своею собственностью. Они—даръ Божій, Божья благодать. Поэтому земля должна быть общею, при этомъ каждый долженъ воздѣлывать земли столько, сколько нужно для его потребностей. Люди должны жить отдѣльными братствами или общинами; должны быть раздѣленія и спеціализація труда и обмѣнъ продуктовъ натурою. Деньги не должны существовать; конторы и торговцы точно также. Все должно производиться при посредствѣ обоюднаго согласія, по братски.» **)

Отсюда можно видѣть, что штундисты будущимъ идеальнымъ строемъ представляютъ себѣ, такъ-называемый, первобытный естественный соціализмъ въ самой простой его формѣ, и во имя его отрицаютъ существующія въ настоящее время человѣческія отношенія.

Въ расколѣ мы встрѣчаемъ правильно организованныя общины, которыя имѣютъ свою администрацію, свой судъ, свой уголовный кодексъ, свое духовенство. У штундистовъ, напримѣръ, судъ основывается на правилѣ апостольскомъ, т. е. сначала штундисты пробуютъ помирить поссорившихся одинъ на одинъ. Если это не удается, тогда разбирательство производится при посто-

*) „Тверской Вѣстникъ" 1880 г. № 26.
**) „Недѣля", 1877 г. № 2, стр. 55.

ронних лицахъ, при свидѣтеляхъ. Это, такъ-называемый, «судъ братскій». Если же и этотъ не достигаетъ своей цѣли, тогда тяжущихся предаютъ на «судъ церкви», подъ которымъ должно разумѣть вообще судъ собраній, судъ всей общины. Кромѣ этого инаго суда у штундистовъ не бываетъ. Штундисты всячески стараются избѣгать суда у «язычниковъ», т. е. православныхъ *).

О внутреннихъ отношеніяхъ, существующихъ въ сектантскихъ общинахъ, г. Беллюстинъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. «Общины раскольническія поставлены такъ, что и послѣдній бѣднякъ имѣетъ въ ней голосъ». Вотъ какъ описываетъ онъ богатое саножничье село Кимры, Корчевскаго уѣзда, населенное поповцами:

«Отношенія хозяевъ и рабочихъ представляютъ весьма характеристическую особенность: рабочіе образуютъ обыкновенно артели человѣкъ въ 30—60, и эти артели имѣютъ такую нравственную силу, благодаря которой не только могутъ во всемъ касающемся религіозныхъ убѣжденій противодѣйствовать «хозяину», если бы онъ рѣшился пойдти противъ нихъ, но даже вполнѣ подчиняютъ его своимъ воззрѣніямъ. Намъ случалось быть свидѣтелями не только разсужденій, но и преній «о вѣрѣ» между хозяиномъ и его артелью: тутъ нѣтъ ничего похожаго на обыкновенныя отношенія между хозяиномъ и его работникомъ; рѣчью заправляютъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняясь, наиболѣе начитанные, будь это хоть послѣдніе бѣдняки изъ цѣлой артели; они же вершатъ и поднятый вопросъ; хозяину предстоитъ обыкновенно дилемма: или безусловно подчиниться рѣшенію артели, а не забудемъ, что между всѣми артелями данной мѣстности всегда и во всемъ касающемся религіозныхъ предметовъ самая неразрывная солидарность,—или стать въ разладъ съ артелью, то-есть съ цѣлымъ обществомъ» **).

«Впрочемъ, не слѣдуетъ особенно оптимистически смотрѣть на отношенія капиталистовъ и рабочихъ даже въ средѣ раскольниковъ. Какъ ни сильна организація общины, но капиталъ все-таки даетъ чувствовать свое могущество; не даромъ же въ послѣднее время старовѣры ухитрились найти «число звѣрино», т. е. имя антихриста, въ словѣ «хозяинъ». Если «хозяинъ», по понятіямъ старовѣровъ, сдѣлался орудіемъ антихриста, т. е.

*) Idem, стр. 58.

**) «Русскій Вѣстникъ» за 1865 г. № 6. Ст. Беллюстина.

зла, слѣдовательно, о благодушныхъ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими не можетъ быть рѣчи и въ средѣ раскольниковъ» *).

Отдѣльныя раскольничьи общины находятся въ постоянномъ сношеніи между собою. Для этой цѣли у нихъ существуетъ даже своя собственная почта и выработаны особенные, иносказательные языки и шифры, понятные только имъ самимъ. Во многихъ мѣстностяхъ у раскольниковъ «есть своя полиція: они прежде мѣстнаго начальства узнаютъ всякую новую мѣру правительства, относящуюся до раскола, и такія вѣсти передаются изъ одной деревни въ другую съ неимовѣрною быстротою» *). Въ случаяхъ особенной важности сектантскія общины дѣйствуютъ за одно, устраиваютъ съѣзды или соборы и сообща обсуждаютъ, посредствомъ выборныхъ отъ каждой общины или секты, возникшія недоразумѣнія. Для примѣра приведемъ слѣдующій случай:

«Въ пятидесятыхъ годахъ одинъ изъ учителей странничества, Афанасій Петровъ, былъ пойманъ на томъ, что хранилъ большое количество денегъ въ иконѣ. На другой день, говоритъ бывшій старовѣръ, составился соборъ, на которомъ Афанасія, какъ сребролюбца, лишили званія учителя, сняли съ него знаки его апостольскаго достоинства, одѣли въ худую одежду и рѣшили содержать подъ стражей. Но Афанасій бѣжалъ и вскорѣ былъ пойманъ на другомъ преступленіи: онъ разъѣзжалъ какъ протоіерей, посланный изъ Выгорѣцкой пустыни. Тогда судъ надъ нимъ былъ предоставленъ, «общей старообрядческой конторѣ». Контора эта устроена была въ Выгорѣцкой пустынѣ въ 1850 г. по случаю происходившихъ ссоръ и убійствъ между разными сектами; ей предоставлено разбирать всѣ возникающія между сектами дѣла. Въ члены избраны по 3 человѣка отъ каждой секты, всего 27 человѣкъ; трое изъ нихъ предсѣдательствуютъ. Существованіе подобныхъ учрежденій доказываетъ, что слова г. Формаковскаго о томъ, что «расколъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ федераціи политико-религіозныхъ согласій»—вполнѣ справедливы не только для давно прошедшихъ временъ, но и для очень недавнихъ» *).

---

*) „Недѣля“ 1880 г. № 28, стр. 891.,

*) Сборникъ Кельсіева. Вып. II, стр. 19.

*) „Недѣля“ 1880 г. № 28, стр. 890. „Душепол. чтеніе“ 1863 г. ч. 3-я, стр. 120—125.

Изъ высказаннаго нами слѣдуетъ заключить, что громадная, поразительная сила нашего сектантства, главнымъ образомъ, обусловливается недостатками и темными сторонами нашей церкви, нашего духовенства и школы, нашего политическаго и соціальнаго строя. Такимъ образомъ, разнообразные мотивы и причины, вызывающіе и поддерживающіе расколъ, сводятся, главнымъ образомъ, къ тремъ элементамъ: къ церковному или, точнѣе говоря, духовно-нравственному, политическому и соціальному....

Но вѣдь говорятъ, что въ наше время расколъ вырождается, слабнетъ, уменьшается. А если это такъ, то, стало-быть, о чемъ же тутъ особенно хлопотать и безпокоиться? «Пройдутъ года», и онъ совсѣмъ и безслѣдно исчезнетъ изъ народной жизни. И вѣдь для этого такъ немного нужно: «побольше школъ, побольше миссій»—вотъ все, что только требуется для этого даже передовыми людьми нашего общества....

Но такъ-ли это?...

II.

Отчеты и жизнь.

Много разныхъ мѣръ, много разнаго рода рецептовъ предлагается къ искорененію «зла», извѣстнаго вообще подъ именемъ раскола или сектантства. Эти мѣры и рецепты практикуются долгіе годы, и потому будетъ вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ спросить: «гдѣ жъ плоды той работы полезной?»

Мы видимъ, что съ сектантствомъ давно уже ведутъ упорную борьбу наше духовенство, многочисленные миссіонеры, различныя миссіонерскія общества, братства, и т. п. Наконецъ, въ видахъ противодѣйствія расколу создано даже нѣчто въ родѣ особой переходной вѣры или церкви, извѣстной подъ именемъ «единовѣрія», для распространенія котораго среди раскольниковъ не брезгали даже открытымъ, явнымъ насиліемъ. Гражданское начальство, во всеоружіи власти всегда съ особенной готовностью спѣшитъ на помощь духовенству оказать ему «содѣйствіе» въ борьбѣ съ расколомъ, круто и энергически расправляясь съ строптивыми, неподатливыми сектантами.

И такъ, каковы же результаты всѣхъ этихъ мѣръ, стараній, «содѣйствій» и т. п.? Слабѣетъ-ли расколъ? Уменьшается-ли сектантство?

Если мы за разрѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ оффиціальнымъ источникамъ, то мы встрѣтимся съ данными самаго

успокоительнаго свойства. Вотъ передъ нами цѣлая груда извѣстныхъ отчетовъ бывшаго оберъ-прокурора синода графа Д. Толстаго. «За много лѣтъ!» Читаемъ ихъ и перечитываемъ.

Прежде всего въ этихъ отчетахъ невольно бросается въ глаза ихъ замѣчательное однообразіе: всѣ они, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга и всѣ они въ сущности представляютъ собою ничто иное, какъ разныя варіаціи на одну и ту же тему, на одинъ и тотъ же мотивъ. Этотъ мотивъ—нашъ старый знакомецъ, онъ исчерпывается одною классическою фразою: «все обстоитъ благополучно». Все обстоитъ благополучно, благодаря, разумѣется, нашимъ «неусыпнымъ стараніямъ», «постояннымъ заботамъ и попеченіямъ» и проч. и проч.,—все старыя, давнишнія, извѣстныя вещи.

Всѣ эти отчеты наполнены свѣдѣніями и извѣстіями о «значительныхъ успѣхахъ православія среди сектантовъ», объ «усиленной и необыкновенно успѣшной дѣятельности» разныхъ миссій и братствъ, о «быстромъ и постоянномъ ослабленіи раскола», о развитіи единовѣрія въ ущербъ сектантству и т. д. и т. д. Въ подкрѣпленіе всѣхъ этихъ завѣреній тутъ же приводятся «точныя цифры», какъ отступившихъ отъ православія, такъ и присоединившихся въ его лоно,—цифры, молъ, краснорѣчивѣе словъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти цифры выходятъ еще болѣе краснорѣчивы, чѣмъ даже увѣренія объ отрадныхъ и значительныхъ успѣхахъ православія. Единственный недостатокъ этихъ «краснорѣчивыхъ цифръ» состоитъ лишь въ томъ, что они необыкновенно напоминаютъ собою военныя реляціи прежняго, добраго времени о стычкахъ и столкновеніяхъ съ непріятелемъ, когда считалось почему то обязательнымъ увеличивать потери непріятеля въ сотни разъ, а свои умалять до единицъ.

Таковы отчеты.

Но вотъ бѣда: мы давно извѣрились въ точность казенной статистики, и краснорѣчіе подобныхъ отчетовъ давно уже перестало трогать насъ.... Забудемъ же на время объ этихъ отчетахъ и взглянемъ безъ предубѣжденія, что представляетъ намъ дѣйствительная жизнь. Начнемъ нѣсколько издали. Послушаемъ сначала, что говорятъ по этому поводу оффиціальные изслѣдователи раскола, о которыхъ мы упоминали въ предъидущей главѣ.

«Число раскольниковъ по вѣдомостямъ уменьшается, а на

самомъ дѣлѣ увеличивается» *), заявляетъ статскій совѣтникъ Арнольди, изслѣдовавшій Костромскую губернію.

«Всѣ эти (раскольническіе) толки, ереси и секты *съ неимовѣрною быстротою* умножаются и усиливаются обращаемыми» **), — свидѣтельствуетъ Липранди. Далѣе онъ утверждаетъ: «развитіе безпоповщинской ереси распространяется у насъ съ изумительною быстротою» ***); «существующіе толки безпоповщины усиливаются, новыя согласія созидаются, пропаганда ихъ быстро подвигается впередъ» ****). «Зло это (расколъ) *возрастаетъ съ каждымъ днемъ* и достигаетъ размѣровъ, которые тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что истинный объемъ ихъ вовсе неизвѣстенъ» *).

«Всѣ мѣры правительства противъ раскола въ теченіе 200 лѣтъ не только не увѣнчались какимъ-либо успѣхомъ, но число раскольниковъ болѣе и болѣе умножается» **). (П. Ив. Мельниковъ). И. С. Аксаковъ, участвовавшій въ коммиссіи, имѣвшей цѣлью изслѣдованіе секты бѣгуновъ, говоритъ: «всѣ изслѣдованія доказываютъ, что расколъ постоянно распространяется и усиливается» и что «всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ, оказываются доселѣ безуспѣшными» ***). Это же самое утверждалъ и предсѣдатель слѣдственной коммиссіи по дѣлу о бѣгунахъ, графъ Стенбокъ.

Такимъ образомъ, оффиціальные изслѣдователи констатировали два факта: во-первыхъ, они доказали несомнѣнное и быстрое распространеніе и усиленіе раскола и, во-вторыхъ, выяснили совершенную безуспѣшность тѣхъ пріемовъ и способовъ борьбы съ расколомъ, которые практиковались въ то время. И такъ, быстрое, безостановочное развитіе раскола на столько несомнѣнно, что оно поразило даже оффиціальныхъ изслѣдователей, несмотря на ихъ крайне неумѣлое и поверхностное отношеніе къ дѣлу непосредственнаго изученія и наблюденія.

---

*) Сборникъ Кельсіева. Вып. II, стр. 20.

**) Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ. Липранди. Москва. 1870 г. стр. 12.

***) Idem, стр. 14.

****) Idem, стр. 18.

*) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. древностей при Моск. Универ. 1870 годъ, кн. 2-я.

**) Сборникъ правительств. свѣдѣній о раскольн. Выпускъ I, стр. 198.

***) „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4.

Это было въ пятидесятыхъ годахъ, а вотъ что было потомъ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ Симбирской губерніи разомъ обратилось въ расколъ болѣе двадцати пяти тысячъ. Въ 1867 году половина города Петровска, Саратовской губерніи, (около пяти тысячъ) перешла въ расколъ. Въ томъ же году половина села Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ оставила православіе и примкнула къ расколу *).

Священникъ Беллюстинъ, близко знакомый съ народною жизнью говоритъ, что «въ крестьянствѣ нынѣ (въ 1865 году) сильнѣе и крѣпче, чѣмъ когда либо, распространяются и принимаются тѣ ученія, которыя въ самой идеѣ отрицаютъ все, что только слываетъ подъ именемъ священства». Онъ утверждаетъ, что «крестьяне обращаются въ расколъ *цѣлыми массами*» **). При этомъ онъ приводитъ длинный списокъ селъ и приходовъ въ изучаемой имъ мѣстности (въ Тверской губерніи), въ которыхъ раскольническая пропаганда развивается особенно успѣшно, несмотря на то, что проникла туда лишь *въ самое недавнее время*. Священникъ Твердынскій говоритъ, что «нужно, къ прискорбію, согласиться съ апологетами раскола: число обращающихся изъ православія въ расколъ увеличивается *«цѣлыми тысячами»* ***). «Теперь расколъ началъ пріобрѣтать себѣ послѣдователей даже въ такихъ приходахъ,—заявляетъ «Православный Собесѣдникъ», въ которыхъ вовсе не было раскольниковъ» *). Сотрудникъ духовныхъ журналовъ С. М. В—ъ говоритъ, какъ о вполнѣ несомнѣнномъ и извѣстномъ фактѣ, что «прежде отъ гоненій расколъ росъ тайно, а нынѣ, на свободѣ онъ ростетъ явно» **).

Наконецъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, въ печати встрѣчалась масса извѣстій о быстромъ развитіи раскола въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Сообщалось, напримѣръ, что большое, зажиточное село Кряжимъ, Вольскаго уѣзда, имѣющее около 1,600 душъ обоего пола, чуть не поголовно перешло въ расколъ. Въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, «жители деревень Губинской и Язвищъ, державшіеся прежде православія, перешли въ расколъ и обзавелись попами австрійско-бѣлокриниц-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 2.
**) „Русскій Вѣстникъ“ 1865 г. № 6, стр. 761.
***) „Странникъ“ 1866 г. № 3.
*) „Православный собесѣдникъ“ 1866 г. кн. 3-я.
**) „Странникъ“ 1871 г. часть 2-я.

каго происхожденія» *). Въ настоящее время «въ этихъ деревняхъ не осталось вовсе православныхъ» **). Вообще въ Покровскомъ уѣздѣ «расколъ укоренился съ давняго времени и постепенно распространяется, благодаря пропагандѣ старообрядческихъ книжниковъ и начетчиковъ» ***).

Годъ тому назадъ, на происходившемъ въ Москвѣ старообрядческомъ соборѣ, Виталій Уральскій предложилъ на обсужденіе собора вопросъ о присоединеніи къ его паствѣ 8,000 человѣкъ разныхъ «иновѣрцевъ» изъ жителей Пермской и Оренбургской губерній. Такъ какъ бо́льшую часть этихъ присоединяющихся къ расколу «иновѣрцевъ» составляли православные, то поэтому Виталій, прежде принятія ихъ въ свое общеніе, предложилъ вопросъ объ этомъ на обсужденіе остальныхъ старообрядческихъ іерарховъ ****).

Изъ Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, сообщалось недавно, что «распространеніе раскола находитъ себѣ богатую почву среди мѣстнаго населенія» *). «Въ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, изъ ничтожнаго количества—всего нѣсколькихъ семействъ-раскольниковъ, имѣвшихся въ Вышегородской волости, численность ихъ возросла въ настоящее время настолько, что въ недалекомъ будущемъ расколъ тамъ будетъ имѣть одинаковое число послѣдователей съ православіемъ» **). Изъ Нижегородскаго уѣзда сообщаютъ, что «въ тамошнемъ краѣ, въ послѣднее время, сильно развивается старообрядческая пропаганда» («Русскія Вѣдомости» 1879 года). Въ Оренбургской губерніи «расколъ пріобрѣтаетъ себѣ все больше и больше число послѣдователей въ краѣ ***).

«Прихожане мои, пишетъ священникъ села Алексѣевки, Хвалынскаго уѣзда,—почти всѣ раскольники, до уничтоженія крѣпостнаго права, они, вслѣдствіе принужденія гг. управляющихъ ими, совершали всѣ христіанскія требы въ православной церкви; а по уничтоженіи крѣпостнаго права, вдругъ всѣ сдѣлались раскольниками» ****). Единовѣрческій священникъ села Жаркова, Кост-

*) „Русскія Вѣдомости“ 1879 г. № 127.
**) „Новое Время“ 1880 г. № 1506.
***) Idem.
****) „Голосъ“ 1879 г. № 296.
*) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г. № 8.
**) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г.
***) Русскія Вѣдомости“ 1880 г.
****) „Истина“ 1880 г. май и іюнь.

ромскаго уѣзда, сообщаетъ: «до 1860 года о расколѣ не было слышно, а съ этого времени расколъ началъ умножаться, причемъ прежде совращаются мужчины, потомъ уже и ихъ семейные» *).

Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» недавно помѣщена была статья о развитіи въ этой губерніи раскольничьяго движенія. Авторъ статьи, путемъ собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ, обнаруживаетъ фактъ увеличенія въ послѣднее время раскольнической семьи, увеличенія, упорно поддерживаемаго вопреки энергичной миссіонерской дѣятельности **). Подобный же фактъ былъ констатированъ относительно Воронежской губернін трудами мѣстнаго статистическаго комитета... ***). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ расколъ распространяется съ такою силою, что тамошнее мѣстное духовенство совершенно теряется и открыто сознается въ своемъ полномъ безсиліи остановить этотъ грозный потокъ. Священникъ села Мятлева, Нижегородской губерніи, пишетъ къ редактору журнала «Истина»: «убѣдительно прошу васъ научить, наставить меня, что мнѣ дѣлать въ виду того *ужасающаго прогресса*, съ какимъ распространяется въ моемъ приходѣ расколъ» *).

Всѣ эти свѣдѣнія относятся до первой группы раскола, состоящей изъ старовѣровъ или старообрядцевъ, т. е. до той именно группы, объ ослабленіи которой чаще всего толкуется въ извѣстныхъ сферахъ. Что же касается до группы «духовныхъ христіанъ»—молоканъ, духоборцевъ, штундистовъ и другихъ сектъ, извѣстныхъ вообще подъ именемъ раціоналистическихъ, то необычайно быстрый ростъ этихъ сектъ признается, кажется, всѣми, за исключеніемъ развѣ авторовъ оффиціальныхъ отчетовъ.

Даже иностранцы, посѣщавшіе Россію, поражались необыкновенно-быстрымъ развитіемъ этихъ сектъ. Маккензи-Уоллесъ утверждаетъ, что онъ «видѣлъ большія села, въ которыхъ, по свидѣтельству жителей, лѣтъ пятнадцать назадъ, не было ни одного раскольника, а теперь половина населенія—молоканы **).

Недавно въ одной изъ московскихъ газетъ ***) помѣщена была статья «о молоканахъ и воскресникахъ Тамбовской губерніи.»

---

*) Idem.
**) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ 1879 г.
***) Газета „Донъ“ 1878 г. № 130.
*) Журналъ „Истина“ 1880 г., май и іюнь.
**) „Вѣстникъ Европы“ 1877 г. № 5.
***) „Русскія Вѣдомости“, 1880 годъ, № 54.

Статья эта составлена на основаніи данныхъ и свѣдѣній, собранныхъ существующимъ въ Тамбовской губерніи Богородично-Казанскимъ братствомъ и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Вотъ что говоритъ авторъ этой статьи о развитіи молоканства въ Тамбовскомъ краѣ. «Распространяется эта секта *чрезвычайно быстро:* достаточно появиться въ селѣ одной молоканской семьѣ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ секта охватываетъ половину селенія». «Изъ среды сектантовъ выдѣляются ревностные апостолы новаго ученія, которые, открыто, не смущаясь угрожающимъ имъ преслѣдованіемъ, идутъ пропагандировать свое ученіе, не только въ окрестныхъ селахъ, но и въ другихъ губерніяхъ». «Своею горячею проповѣдью, сопровождающеюся всегда ожесточенными нападками на православное духовенство, они *увлекаютъ массы* и число сектантовъ быстро возрастаетъ».

«Наиболѣе энергичные поборники молоканства подвергались суровымъ преслѣдованіямъ, ссылались съ семьями въ Сибирь, на Кавказъ, но ни ссылка, ни тюремное заключеніе, никакія кары не могли устрашить фанатиковъ новаго ученія, обаятельнаго для массы по своей простотѣ, и начатое ими дѣло оставалось и жило въ ихъ послѣдователяхъ; ореолъ мученичества за вѣру, окружавшій распространителей секты въ глазахъ народа, способствовалъ еще бо́льшему развитію ея въ средѣ простаго люда». «Духовенство оказалось совершенно не въ силахъ дать нравственный отпоръ энергичнымъ проповодникамъ новаго вѣроученія и ограничивалось обращеніемъ къ помощи полицейскихъ воздѣйствій, что̀ еще больше роняло его авторитетъ въ глазахъ народа, и безъ того несимпатизировавшаго ему». По свидѣтельству автора цитуемой нами статьи, дѣятельность миссіонеровъ, членовъ братства и ихъ сотрудниковъ, въ лицѣ мѣстныхъ священниковъ, «совершенно безсильна по отношенію къ молоканской сектѣ».

«Одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей раскола, священникъ Реморовъ, свидѣтельствуя *о громадныхъ успѣхахъ*, которыхъ достигла въ послѣднее время пропаганда молоканъ въ средѣ православныхъ, недоумѣваетъ о причинахъ этого явленія: «Отъ того-ли, спрашиваетъ онъ самого себя, что правительство не столь строго преслѣдуетъ молоканъ за ихъ лжеученіе, какъ въ прежніе годы; или отъ того, что молокане увлекаютъ православныхъ своими льстивыми обѣщаніями помогать бѣднымъ деньгами по переходѣ въ ихъ сектy; или обманываютъ православныхъ своими рѣчами о правости ихъ одной вѣры, или такой ужъ духъ

времени насталъ,—неизвѣстно, только весьма замѣтно, къ сожалѣнію, большое распространеніе молоканской секты между крестьянами».

И не одинъ о. Реморовъ становится въ тупикъ при видѣ стремительнаго развитія сектантства. Каждый миссіонеръ православія, искренно и добросовѣстно относящійся къ своимъ обязанностямъ, рано или поздно непремѣнно приходитъ къ убѣжденію, что вся его дѣятельность въ борьбѣ съ сектантствомъ остается совершенно безплодной, безрезультатной. Разумѣется, не всѣ имѣютъ настолько прямодушія и смѣлости, чтобы открыто сознаться въ своемъ безсиліи и признать могущество врага.

«Что за тайная сила въ расколѣ, притягивающая къ себѣ чадъ православной церкви, для приходскаго священника остается неразъясненною тайной» *), говоритъ одинъ изъ дѣятелей Тамбовскаго миссіонерскаго братства, священникъ І. Ястребовъ. Онъ горячо протестуетъ противъ мнѣнія, легкомысленно или лицемѣрно высказываемаго многими изъ нашихъ миссіонеровъ о томъ, что «расколъ не нынче, такъ завтра рухнетъ, какъ изветшавшее зданіе». Онъ доказываетъ, что «явленія въ родѣ открытія въ какомъ-нибудь селѣ единовѣрческой церкви или частныхъ, единичныхъ обращеній изъ раскола въ православіе, ровно ничего не доказываютъ; такія явленія встрѣчались издавна и раскола ни мало не ослабили» **).

Эти замѣчанія не мѣшало-бы принять во вниманіе тѣмъ господамъ, которые по поводу чуть не каждаго случая обращенія изъ раскола въ православіе, начинаютъ кричать о «побѣдахъ православія», о «вырожденіи и вымираніи раскола» и т. под. О. Ястребовъ дѣлаетъ рѣзкую, но въ тоже время вполнѣ вѣрную и правдивую характеристику подобнымъ «побѣдамъ». Онъ говоритъ: въ большинствѣ случаевъ переходятъ въ церковь либо *какіе-нибудь проходимцы*, которыми тяготится и общество раскольниковъ; либо невѣсты, желающія вступить въ бракъ съ православными женихами; либо, наконецъ, лица, пришибленныя судьбою, которыя ищутъ поддержки и покровительства отъ новыхъ собратій по вѣрѣ и отъ своихъ православныхъ воспріемниковъ. Затѣмъ, по присоединеніи, эти лица пропадаютъ безслѣдно: не увидите

*) Лѣтопись соборной преображенской церкви города Спасска. Тамбовъ. 1880 г., стр. 67.

**) Idem., стр. 73.

ихъ ни въ церкви, ни въ домахъ ихъ, гдѣ смотрятъ на нихъ далеко неблагосклонно. Даже тамъ, гдѣ-бы можно и гдѣ-бы слѣдовало ожидать пользы для церкви отъ присоединяющихся къ ней раскольниковъ, и тамъ пользы этой не оказывается. Напримѣръ, г-жа Карасева (жена богатаго купца г. Спасска), вознамѣрившись перейдти въ православіе, при своихъ недюжинныхъ средствахъ и при своемъ вліяніи на раскольниковъ, могла-бы увлечь за собою не одинъ десятокъ одновѣрцевъ; однакожъ, этого не случилось,— переходъ совершился единичный, безслѣдный» *).

Не въ одной Тамбовской губерніи бросается въ глаза сильное развитіе молоканства. Вполнѣ аналогичныя явленія происходятъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, куда проникло ученіе этой секты. Въ подтвержденіе этого можно указать на цѣлый рядъ корреспонденцій и сообщеній изъ Самарской, Саратовской, Астраханской, Воронежской и друг. губерній.

Но еще гораздо болѣе поразительны успѣхи штунды.

Ровно двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ Пасѣковой, Херсонской губерніи, появились люди, начавшіе отрицать церкви, священниковъ, посты, мощи, праздники, кресты, иконы и признававшіе и проповѣдывавшіе лишь одно евангеліе. Они, какъ и предшественники ихъ, молокане, называли себя «духовными христіанами»; духовенство-же, заподозривъ тутъ вліяніе нѣмецкихъ колоній,— окрестило ихъ «штундистами».

Можно-ли было думать, чтобы это ученіе, отвергавшее все то, къ чему,—*по общему мнѣнію*, по крайней мѣрѣ, весь русскій людъ издавна питаетъ благоговѣйную привязанность, чему онъ изстари поклоняется и что онъ считаетъ за святыню, можно-ли было думать, чтобы подобное ученіе нашло себѣ сторонниковъ среди этого народа?... И что-же? Проходитъ два—три года и вотъ, на нашихъ глазахъ, семья за семьею, село за селомъ переходятъ въ «новую вѣру». Въ самое короткое время эта новая вѣра находитъ десятки тысячъ послѣдователей, горячо убѣжденныхъ, страстно преданныхъ прозелитовъ.

Ученье штундистовъ переходитъ въ Малороссію, населеніе которой искони славилось тѣмъ, что оно всегда было глухо и равнодушно къ пропагандѣ раскола; среди этого населенія до тѣхъ поръ никогда не возникало никакихъ религіозныхъ сектъ

*) Лѣтопись соборной преображенской церкви города Спасска. Тамбовъ. 1880 г., стр. 70.

или ученій *). Но вотъ для штунды Малороссы дѣлаютъ исключеніе и сотнями и тысячами пристаютъ къ новому ученію. Въ послѣднее время въ газетахъ то и дѣло встрѣчаются извѣстія о необыкновенно быстромъ развитіи штундизма на югѣ Россіи. «Штундизмъ пріобрѣтаетъ у насъ все болѣе и болѣе послѣдователей», сообщаетъ, напримѣръ, корреспондентъ «Новаго Времени» изъ Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи. «Распространеніе штундизма годъ отъ года захватываетъ въ нашемъ уѣздѣ все бо̀льшій и бо̀льшій районъ», пишутъ въ «Русскій Курьеръ» изъ Таращанскаго уѣзда. «Ни одна секта, пишутъ изъ Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, не пріобрѣтала у насъ столькихъ послѣдователей, какъ штунда» **).

Въ настоящее время штунда имѣетъ огромную массу послѣдователей въ большей части малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній. Особенно же много штундистовъ въ губерніяхъ: Херсонской ***), Кіевской *), Екатеринославской, Полтавской; затѣмъ въ значительномъ количествѣ штундисты встрѣчаются въ Черниговской, Каменецъ-Подольской и Бессарабской губерніяхъ. Есть основаніе полагать, что штунда существуетъ даже на Кавказѣ. Хотя главная масса штундистовъ живетъ по селамъ и деревнямъ, тѣмъ не менѣе, многочисленныхъ представителей этой секты можно встрѣтить въ городахъ: Одессѣ, Николаевѣ, Елисаветградѣ и многихъ другихъ. Въ окрестностяхъ этихъ городовъ разсѣяно множество прозелитовъ и послѣдователей штунды. Недавно въ газетахъ сообщалось извѣстіе о томъ, что штунда начала быстро развиваться въ Могилевской губерніи, особенно въ Гомельскомъ уѣздѣ. («Русская Правда» 1879 года).

Сами штундисты склонны вообще преувеличивать размѣры своей секты. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, еще въ 1877 году, утверждали, что общее число ихъ въ Россіи простиралось въ то время до 300,000 **). Но если мы даже для настоящаго времени примемъ только третью часть этого числа, то и тогда получимъ огромную

---

*) Единственное исключеніе составляло духоборчество. См. изслѣдованіе г. Новицкаго. *Авторъ*.

**) „Голосъ", 1879 г., № 22. Кіевлянинъ, 1879 г.

***) Преимущественно въ уѣздахъ: Елизаветградскомъ, Одесскомъ и Александрійскомъ.

*) Преимущественно въ уѣздахъ: Таращанскомъ, Сквирскомъ, Звенигородскомъ и Кіевскомъ.

**) „Русская Правда" 1879 г.

цифру въ 100,000.... И это въ какія нибудь десять-двѣнадцать лѣтъ!... Да вѣдь это цѣлая реформація! Быть можетъ нѣсколько запоздалая, но тѣмъ не менѣе вполнѣ своеобразная, чисто-народная реформація!

Но раціонализмъ не довольствуется тѣмъ, что завладѣлъ югомъ, онъ шагнулъ на крайній сѣверъ и въ то же время выступилъ въ центрѣ Россіи. Въ прошломъ 1879 году, въ газетахъ сообщено было о появленіи въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи особой секты, неимѣющей, *повидимому,* ничего общаго съ распространеннымъ тамъ старообрядчествомъ *). По словамъ мѣстнаго корреспондента, нѣкоторые находятъ въ ученіи новой секты сходство съ квакерствомъ, другіе — съ молоканствомъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что вновь возникшая секта имѣетъ характеръ раціоналистическій: послѣдователи ея отрицаютъ церкви, священниковъ, видимое моленіе, а иконы разрубаютъ, выносятъ изъ домовъ и бросаютъ въ рѣку. «Секта эта, — замѣчаетъ корреспондентъ,—появившись вначалѣ въ одномъ изъ селеній Ухтинскаго прихода, начала быстро развиваться, и вскорѣ бо́льшая часть прихожанъ примкнула къ новому ученію». При этомъ корреспондентъ предвидитъ и предсказываетъ дальнѣйшіе успѣхи секты, такъ какъ «мѣстное населеніе, въ силу весьма многихъ условій, представляетъ какъ нельзя болѣе благопріятную почву для развитія разныхъ отрицательныхъ ученій, въ родѣ молоканства и т. п.» Къ сожалѣнію, мы ничего болѣе не знаемъ о томъ, что сталось съ этой сектою въ настоящее время.

Болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія имѣются о появленіи раціонализма въ центральныхъ губерніяхъ. Въ Калужской губерніи, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась особая секта духовныхъ христіанъ, послѣдователей которой, народъ назвалъ «воздыханцами». О сектѣ этой весьма мало извѣстно въ нашемъ обществѣ, хотя ученіе ея заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія по замѣчательно-смѣлой послѣдовательности и строгой логичности выводовъ. Въ виду этого мы скажемъ о ней нѣсколько словъ.

«Понимать слово Божіе,—говорятъ воздыханцы,—надобно духовно. Точно также и молиться Богу—Духу нужно духовно; всякія внѣшнія дѣйствія поклоненія Богу не имѣютъ никакого значенія. Поэтому и церкви совершенно не нужны; не нужны также

*) „Русская Правда“ 1879 г. № 89.

ни священнодѣйствія, ни приношенія, ни внѣшніе обряды; нѣтъ никакой нужды ходить въ церковь, не нужно принимать какія-либо таинства и освященія. И что такое церковь? Такъ себѣ — одно простое зданіе, «овощное хранилище».

— Не думайте,—говорятъ воздыханцы православнымъ,—что чухвистуя (т. е. крестясь) на свои храмы, вы молитесь Богу,— нѣтъ, вы камнямъ молитесь. Молись не въ храмѣ, а въ тайнѣ. Иконамъ точно также поклоняться не слѣдуетъ, ибо — что такое иконы? Бездушное вещество, а не Богъ. Креститься, т. е. изображать на себѣ крестное знаменіе, не слѣдуетъ: оно ничего не значитъ.

Священники православные, по ученію воздыханцевъ, — это слуги антихриста, и священнодѣйствія, совершаемыя ими, суть дѣйствія обмана и корыстолюбія. Крещеніе младенцевъ есть ничто иное, какъ простое омовеніе тѣла. Крестовъ воздыханцы на себѣ не носятъ, православныхъ же укоряютъ за это, говоря, что они носятъ на себѣ куски мѣди, серебра и золота, но не крестъ, — истинный крестъ въ сердцѣ человѣка. О покаяніи говорятъ: «зачѣмъ ходить на исповѣдь? Развѣ можетъ такой же человѣкъ снимать грѣхи? Всякій самъ, какъ упалъ, такъ и поднимется; а подниматься надобно такъ: когда ложишься спать, то припомни все содѣянное тобою и воздохни къ живому Богу, и проститъ тебя Богъ».

Бракъ,—говорятъ воздыханцы,—не нуженъ. «Выбирай себѣ жену, какую хочешь, и живи съ нею, какъ хочешь: грѣха въ томъ никакого нѣтъ». Посты называютъ «просто людскою выдумкою». «Что Богъ далъ, тѣмъ наслаждайся, а что вредно, того отвращайся», говорятъ воздыханцы. «Молиться можно и безъ поста, была бы душа чиста».

— Вы думаете, говорятъ они съ насмѣшкою православнымъ, угодить Богу тѣмъ, что грибы да рѣдьку ѣдите,—нѣтъ, только изморите себя. Постъ остался въ обрядахъ монастырскихъ; монахи пусть и соблюдаютъ его,—они обрекли себя на это, а намъ, мірскимъ людямъ, при постоянной работѣ, постъ пользы не приноситъ. Вола, т. е. тѣло, надобно кормить, чтобъ оно возило душу, доколѣ будетъ жить на землѣ. Ѣшь и пей, когда и что тебѣ угодно *).

---

*) Ученіе воздыханцевъ изложено нами по статьѣ „Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1873 годъ, № 3.

Впервые эта секта появилась въ г. Калугѣ. Основателемъ ея считается башмачникъ И. А — ъ, бывшій прежде старообрядческимъ начетчикомъ. Этотъ И. А — ъ одна изъ тѣхъ даровитыхъ и энергическихъ натуръ, которыми такъ богатъ сектантскій міръ. «Число послѣдователей А. постоянно увеличивается новообращенными изъ купеческаго и мѣщанскаго сословій Калуги, а также изъ крестьянъ окружныхъ селъ и деревень. Ученіе воздыханцевъ пропагандируется весьма успѣшно; въ настоящее время особенно усилилась пропаганда воздыханцевъ въ простомъ народѣ». «По кабакамъ, харчевнямъ и на улицахъ въ праздничные дни нерѣдко вы слышите проповѣди воздыханцевъ. А близъ Тульской заставы въ нѣкоторыхъ домахъ споры воздыханцевъ съ другими сектантами доходятъ нерѣдко чуть не до драки». Изъ Калуги проповѣдь воздыханцевъ перешла въ другіе уѣзды, и въ послѣднее время, эта секта сильно распространяется среди населенія Боровскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ.

Или вотъ, напримѣръ, только что появившаяся въ Тверской губерніи секта сютаевцевъ. Послѣдователи ея не посѣщаютъ православной церкви, не признаютъ православныхъ обрядовъ, таинствъ, священства, не вѣруютъ въ Пресвятую Троицу *). Евангеліе (переведенное на русскій языкъ) сютаевцы знаютъ почти наизусть, постоянно цитируютъ его и *толкуютъ все по своему и въ духовномъ смыслѣ*. Они стараются уложить свою жизнь въ нравственныя рамки Св. Евангелія. Человѣкъ, по ихъ убѣжденію, созданъ по подобію Божію и представляетъ изъ себя нерукотворенный храмъ Господень; онъ долженъ блюсти себя въ идеальной чистотѣ, чтобы не осквернить его и не изгнать Бога, всегда пребывающаго въ этомъ храмѣ. Иконъ за святыню не признаютъ. Церковь, говорятъ сютаевцы, не нужна, — она въ насъ. Они отрицаютъ бракъ, крещеніе, исповѣдь, посты, погребеніе (?) и муропомазаніе. Перестали ходить въ церковь, потому что ничего поучительнаго вынести изъ нея не могли. Церковная служба, говорятъ они, происходитъ на непонятномъ языкѣ, евангеліе читается на томъ же языкѣ, безъ всякихъ толкованій.

— Почему бы и не ходить въ церковь,—говорятъ сютаевцы, дайте намъ такихъ священниковъ, какихъ требуетъ евангеліе,

*) Послѣднее, впрочемъ, едва-ли вѣрно, такъ какъ въ той же корреспонденціи сообщается, что сютаевцы признаютъ катихизисъ Филарета и книги Тихона Задонскаго.

и мы пойдемъ къ нимъ и за ними. 7-ая глава посланія къ евреямъ указываетъ, что священники должны быть святыми и непричастными злу.

Вообще, ученіе сютаевцевъ, по замѣчанію корреспондента, имѣетъ много общихъ сторонъ съ штундизмомъ. Вся многочисленная семья Василья Сютаева оставила православіе и прониклась воззрѣніями главаря своего. Помимо родныхъ, у Сютаева «много послѣдователей, которыхъ онъ увлекъ не проповѣдями своими, но своею безупречною жизнію». По послѣднимъ извѣстіямъ, ученіе сютаевцевъ, несмотря на возбужденное противъ нихъ судебное преслѣдованіе, быстро распространяется среди крестьянъ Новоторжскаго уѣзда.

Такова жизнь, таковы факты дѣйствительности.

И такъ, что же это какъ не новый, народившійся культъ, правда, непризнанный, гонимый, отверженный, но тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающійся и пріобрѣтающій все большее и большее число послѣдователей? Онъ становится огромною силою, угрожая подавить старый, признанный, оффиціальный, de jure господствующій культъ. И какъ жалки становятся послѣ этого заявленія оффиціальныхъ отчетовъ, старающіеся представить это новое движеніе ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ вѣковаго народнаго невѣжества и изувѣрства, обреченнымъ на неизбѣжное вырожденіе и скорую смерть. Спрашивается, для кого можетъ быть полезно столь очевидное извращеніе истины и чего можно ожидать отъ этого систематическаго самообмана?

Пора убѣдиться, что въ жизни народа, въ его судьбѣ наступаетъ новая эпоха, новая эра. Рамки формализма и мертвой обрядности, столь долго сковывавшія народную мысль, народное чувство, оказываются тѣсными и ломаются подъ напоромъ пробудившагося сознанія.

III.

Свѣтлыя стороны раскола.

Безчисленное множество сектъ, изъ которыхъ состоитъ русскій расколъ, можно подраздѣлить на три главныя группы: на секты старовѣрческія, раціоналистическія и мистическія. Первая изъ этихъ группъ,—старовѣріе, въ свою очередь подраздѣляется

на два главные отдѣла: на поповщину и безпоповщину. Безпоповщину составляютъ слѣдующія главныя секты:

1) Поморская (Даниловская).
2) Федосѣевская.
3) Филиповская.
4) Спасовская (нѣтовцы).
5) Странническая (бѣгуны).
6) Немоляцкая.

Секты раціоналистическія или иначе секты «духовныхъ христіанъ» распадаются на:

1) Духоборцевъ, 2) молоканъ, 3) общихъ и 4) штундистовъ.

Наконецъ, къ группѣ мистическихъ сектъ относятся:

1) Хлысты, 2) скопцы и 3) шалапуты.

Всѣ эти группы раскола отнюдь не стоятъ какими-нибудь изолированными особняками, а напротивъ, черезъ посредство своихъ крайнихъ, конечныхъ развѣтвленій близко и тѣсно переплетаются между собою и, такимъ образомъ, составляютъ одно цѣлое. Хотя эта взаимная связь весьма многими сектами до сихъ поръ еще не сознается, тѣмъ не менѣе отрицать присутствіе этой связи рѣшительно невозможно. Можно указать на цѣлый рядъ общихъ принциповъ, общихъ взглядовъ и положеній, которые одинаково исповѣдываются какъ филиповцемъ, такъ и штундистомъ, какъ молоканомъ, такъ и немолякомъ и т. д.

Между тѣмъ, въ нашемъ обществѣ чрезвычайно распространено мнѣніе о томъ, что всѣ наши такъ-называемыя раціоналистическія секты, въ родѣ молоканства и штунды, занесены къ намъ извнѣ, съ запада, что они совершенно чужды чисто народному русскому духу, носителемъ котораго является наше старообрядчество, ставящее будто бы выше всего внѣшнюю обрядность; далѣе говорятъ, что эти секты или «ереси», возникнувъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ протестантскихъ колоній, не имѣютъ будто бы ничего общаго съ нашимъ русскимъ расколомъ. Подобныя мнѣнія нерѣдко высказываются даже представителями науки, членами ученыхъ обществъ и т. д. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Не сказывается-ли въ этихъ мнѣніяхъ наша старая привычка валить на западъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда намъ вдругъ приходится сталкиваться съ какимъ-нибудь новымъ, крупнымъ и оригинальнымъ явленіемъ въ нашей жизни? Неужели, помимо всякаго вліянія запада, нашъ народъ не могъ самъ собою додуматься до отрицанія тѣхъ или другихъ формъ, обрядностей и установленій, почему-нибудь стѣсняющихъ его. И не странно-ли появленіе всякой новой здравой идеи приписывать всегда непремѣнно вліянію запада? Вѣдь слѣдуя этимъ путемъ, можно

пожалуй начать доказывать, что и «дважды два—четыре» мы тоже заимствовали отъ запада. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ историческія изысканія о первоначальномъ появленіи и развитіи у насъ раціоналистическихъ сектъ, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что мнѣніе о западномъ происхожденіи молоканства и духоборства, во всякомъ случаѣ, должно считать не больше какъ гипотезою (и притомъ крайне сомнительною), такъ какъ до сихъ поръ въ доказательство этого мнѣнія рѣшительно не приведено никакихъ сколько-нибудь точныхъ, неоспоримыхъ данныхъ и фактовъ. Какъ извѣстно, молоканство возникло первоначально въ Тамбовской губерніи, между тѣмъ въ этой губерніи совсѣмъ нѣтъ и никогда не было протестантскихъ колоній. Основатель молоканства Семенъ Матвѣевичъ Уклеинъ былъ первоначально духоборцемъ, но затѣмъ отдѣлился отъ этой секты и основалъ новую, имѣющую однако весьма много общаго съ ученіемъ духоборцевъ.

Въ свою очередь и штунда отнюдь не можетъ считаться чѣмъ-то заноснымъ, чуждымъ. «Новѣйшая штунда, говоритъ «Руководство для сельскихъ пастырей» *), возникла на почвѣ прежняго молоканства-духоборства, поэтому она и отличается совершенно такимъ же характеромъ, какимъ отличались молокано-духоборческія секты». «Изъ сличенія прежняго духоборчества и нынѣшней штунды нельзя не видѣть, что послѣдняя не есть какое-нибудь новое завезенное и посаженное съ запада явленіе, какъ обыкновенно о ней думаютъ, а есть только видоизмѣненіе прежней молокано-духоборческой секты, принявшей новое названіе и утвердившейся на новой почвѣ. И такъ, новѣйшая штунда есть ничто иное, какъ отпрыскъ давнишней молокано-духоборческой секты» **). Поэтому поводу слѣдуетъ замѣтить, что штундисты вовсе не принимали «новаго названія»; православное духовенство окрестило ихъ штундистами; сами же они называютъ себя, какъ мы уже замѣтили, «духовными христіанами». Извѣстно, что и молоканы и духоборцы точно также называютъ себя «духовными христіанами».

Если даже и допустить, что на возникновеніе молоканства или штунды оказали какое-нибудь вліяніе нѣмецкія протестантскія колоніи, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что

*) „Руководство для сельскихъ пастырей“ № 10.
**) „Херсонскія Епархіальн. вѣдомости“ 1876 г. № 8.

какъ молоканство, такъ и штунда, пошли въ своихъ выводахъ гораздо дальше нѣмцевъ. «Молокане, говоритъ г. Костомаровъ, въ нѣкоторыхъ взглядахъ шагнули далѣе протестантовъ; нѣмецкіе пасторы, послѣ бесѣдъ съ молоканами, сознавались, что между ихъ сектою и западнымъ протестантизмомъ мало общаго». Одинъ молоканинъ отправился было къ гернгутерамъ въ Сарепту, сталъ излагать тамошнему пастору свое ученіе и спрашивалъ: не похоже-ли оно на гернгутерское?

— Ты мужикъ, отвѣчалъ ему благоразумный пасторъ. «Не твое дѣло разсуждать о вѣрѣ; въ какой вѣрѣ ты родился, той и держись; какъ тебѣ царь приказываетъ вѣрить, такъ и вѣрь» *).

О томъ, какъ далеко шагнули малороссы-штундисты въ своихъ религіозно-соціальныхъ воззрѣніяхъ сравнительно съ нѣмецкими сектантами,—мы уже говорили въ первой главѣ.

Далѣе, говорятъ, будто наше такъ-называемое старовѣріе не имѣетъ ничего общаго съ сектами раціоналистическаго характера. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ расколомъ, не трудно убѣдиться, что подобное мнѣніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на цѣлый рядъ сектъ, прямо возникшихъ на почвѣ безпоповщины и въ то же время проникнутыхъ духомъ раціонализма нисколько не меньше, чѣмъ молоканство или штунда. Таковы, напримѣръ, секты: немоляковъ, воздыханцевъ, отчасти сютаевцевъ и т. п. Всѣ они возникли внѣ всякаго посторонняго вліянія, въ родѣ протестантскихъ колоній или сношеній съ иностранцами, и при всемъ томъ, по своимъ основнымъ принципамъ, какъ нельзя болѣе сходны съ ученіями раціоналистическихъ сектъ въ родѣ штунды.

Мы уже говорили объ ученіи воздыханцевъ и видѣли, что основателемъ ея явился бывшій старообрядческій начетчикъ, житель г. Калуги, И. А—въ. Что касается немоляцкой секты, то она первоначально возникла въ землѣ Войска Донскаго, также безъ всякаго участія постороннихъ вліяній, вполнѣ самобытно. Основателемъ ея считается донской казакъ Гавріилъ Зиминъ, житель Федосѣевской станицы. Зиминъ съ малолѣтства былъ старообрядцемъ-поповцемъ, затѣмъ перешелъ въ безпоповскую секту. «Пребывая въ оной, говоритъ В. С. Толстой,—и изыскивая по старопечатнымъ книгамъ разныя толкованія, Зиминъ началъ изъяснять совершенно неслыханное ученіе, которое хотя

*) „Отечествен. Записки“ 1869 г. № 3. Статья Костомарова, стр. 73.

и основано на священномъ писаніи, но такой секты еще нигдѣ не было» *). Сущность ученія немоляковъ состоитъ въ томъ, что они, какъ показываетъ самое названіе ихъ, не молятся Богу, не произносятъ и не читаютъ никакихъ молитвъ, не признаютъ не только внѣшняго, но и внутренняго богопочитанія. Священное писаніе, говорятъ немоляки, должно быть всѣ, безъ исключенія, понимаемо *въ духовномъ смыслѣ*. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ ученіе немоляковъ почти совершенно сходно съ изложеннымъ уже нами ученіемъ воздыханцевъ, которое, по своимъ раціоналистическимъ воззрѣніямъ, во многихъ отношеніяхъ идетъ дальше штунды и молоканства.

Власти не замедлили привлечь Зимина къ слѣдствію, какъ составителя вредной секты. Зиминъ имѣлъ георгіевскій крестъ; явившись къ допросу, онъ самъ снялъ этотъ крестъ и отдалъ его начальству. Въ 1837 году Зиминъ былъ сосланъ въ Закавказскій край; дальнѣйшая судьба его, къ сожалѣнію, неизвѣстна. Точно также совершенно неизвѣстно, какъ велика въ настоящее время численность немоляковъ. Однако, имѣются нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно заключить, что секта эта распространилась въ разныхъ концахъ Россіи. Г. Андреевъ говоритъ, что она открыта была въ 1845 году въ Одессѣ; въ 1867 году въ Вятской губерніи, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, къ сектѣ немоляковъ стали примыкать цѣлыя селенія. Начальство, въ видахъ ея искорененія, стало сажать главныхъ виновниковъ въ острогъ. Тогда немоляки стали являться къ мѣстнымъ властямъ толпами, съ просьбою о заключеніи ихъ въ острогъ. Толпы эти были до того значительны, что, по недостатку помѣщенія, пришлось отказать многимъ изъ нихъ въ исполненіи ихъ желаній **). Въ недавнее время немоляки явились въ Нижегородской губерніи. По этому поводу г. Гацисскій замѣчаетъ, что «во многихъ селеніяхъ почва для новой вѣры совсѣмъ расчищена» ***). Или вотъ, напримѣръ, въ 1862 г., около села Кимры, Корчевскаго уѣзда, заселеннаго старообрядцами, появляются люди, которые, называя себя «Христовыми учениками вѣры Христовой каѳолической», начинаютъ проповѣдывать новое, неслыханное въ тѣхъ мѣстахъ ученіе. Они отрицаютъ всю внѣшность религіи, считая ее необходимою для христіанъ, «еще въ младенчествѣ сущихъ», и

*) Чтенія въ Императ. Обществѣ истор. и древн. 1864 г. кн. 4, стр. 123.
**) «Слово» 1878 г. № 8. Статья г. Юзова, стр. 106.
***) «Древняя и Новая Россія», 1877 г., № 11, стр. 274.

безусловно ненужною, лишнею для христіанъ «совершенныхъ». Объ этомъ нравственномъ совершенствѣ долженъ каждый пещись по слову Спасителя: «*будете совершени*» и проч. Для такихъ христіанъ нужны лишь Евангеліе, молитва духомъ и «удаленіе отъ всякой скверны житейской». При этомъ проповѣдники и пропагандисты новаго ученія развивали ту мысль, что «для всякаго народа требуется обновленіе по заповѣдямъ Христовымъ, что для этого настала теперь самая лучшая пора и т. п.» *). Г. Бѣлюстинъ, сообщая о появленіи этого ученія, замѣчаетъ, что ученіе это «быстро разносилось» и «жадно принималось» крестьянами, не только раскольниками, но и православными.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ ясно видно, что ученія съ отрицательнымъ, раціоналистическимъ характеромъ вовсе не чужды духу русскаго народа вообще и въ частности нашего старовѣрія, видно, что въ сердцѣ народа давно уже назрѣло и накипѣло недовольство противъ мертвой схоластики и тупой приверженности къ буквѣ. Постоянное возникновеніе изъ среды безпоповщины новыхъ ученій съ явно раціоналистическимъ направленіемъ и быстрое распространеніе этихъ сектъ въ средѣ старообрядцевъ ясно доказываетъ, что ученія безпоповцевъ не заключаютъ въ себѣ началъ неподвижности, застоя и закоснѣлости. Поэтому г. Кельсіевъ былъ вполнѣ правъ, утверждая, что «почти всѣ безпоповщинскія секты допускаютъ, какъ и протестанты, полную свободу изслѣдованія и основываютъ свое ученіе не на преданіи, а на логическомъ выводѣ» **). Не менѣе правъ также и г. Юзовъ въ своихъ выводахъ, къ которымъ приходитъ онъ въ своей статьѣ «Старовѣріе». Вотъ какъ резюмируетъ онъ эти выводы: «Передовая часть безпоповщины проповѣдываетъ религіозный раціонализмъ, а остальная находится на пути къ нему; эта послѣдняя не можетъ остановиться на полпути, такъ какъ вражда ко всякой іерархіи не даетъ возможности сковать и закрѣпить ихъ религіозныя воззрѣнія. Право свободнаго толкованія священныхъ книгъ вошло въ ихъ плоть и кровь, а тамъ, гдѣ всякій мыслящій человѣкъ имѣетъ право разрѣшать свои религіозныя воззрѣнія, опираясь на свое собственное пониманіе текста священныхъ книгъ, тамъ раціонализму—раздолье» ***).

---

*) «Русскій Вѣстникъ», 1865г. № 6. Статья Беллюстина. «Слово» 1878 г. № 8.
**) Сборникъ правител. свѣдѣній о расколѣ. Вып. I, предисловіе.
***) Статья Юзова „Старовѣріе", Слово 1878 г. №№ 7 и 8.

Въ нашей печати слишкомъ много и часто писалось (да и до сихъ поръ пишется) о разнаго рода темныхъ сторонахъ раскола. Много клеветъ, много всякой грязи съ разныхъ сторонъ бросалось въ сектантство, съ цѣлью уронить, унизить его въ глазахъ народа и общества. Но при этомъ почти совсѣмъ не обращалось вниманія на причины, вызывавшія тѣ или другія уродливости въ ученіяхъ различныхъ сектъ; свѣтлыя-же стороны раскола намѣренно игнорировались. Въ укоръ русскому сектантству ставились не рѣдко такія вины и преступленія, въ которыхъ оно собственно никогда не было повинно. Возьмемте для примѣра хлыстовщину и скопчество. Сколько толковалось на тему о томъ, что только нашъ темный, невѣжественный народъ могъ создать, могъ додуматься до этихъ дикихъ, противуестественныхъ ученій, съ ихъ чудовищными операціями и радѣніями, кончающимися «свальнымъ грѣхомъ?» И что же? Оказывается, что эти ученія вовсе не изобрѣтенія русскаго народа, что они, возникнувъ въ Византійской имперіи, были извѣстны тамъ уже во II и въ III столѣтіи по Р. Хр. и съ тѣхъ поръ никогда совершенно не прекращались и не исчезали. Основываясь на томъ текстѣ священнаго писанія, въ которомъ говорится, что лучше отрѣзать одинъ соблазняющій тебя членъ, нежели совсѣмъ угодить въ геену огненную, скопцы рѣшаются съ буквальною точностію слѣдовать словамъ писанія.

Какъ ни странно, ни темно это ученіе, тѣмъ не менѣе и въ немъ обнаруживается несомнѣнное прогрессированіе, и въ немъ проглядываютъ первые яркіе проблески раціонализма. И здѣсь является отпоръ буквальному толкованію священнаго писанія, и здѣсь начинаютъ все болѣе и болѣе склоняться къ мысли о необходимости понимать слово божіе *духовно*. Скопческіе процессы послѣдняго времени доказываютъ, что новѣйшіе и болѣе выдающіеся апостолы скопчества начинаютъ признавать духовное оскопленіе,—«обрѣзаніе сердца отъ злыхъ дѣлъ и помышленій». Нерѣдко бывали случаи, что самые столпы этой секты отсовѣтывали своимъ неофитамъ физическое оскопленіе *).

Въ недавнее время, изъ среды скопческой секты выдѣлилась весьма значительная часть ея послѣдователей, которые называя себя «духовными скопцами», категорически отвергаютъ физическое оскопленіе и проповѣдываютъ обыкновенное воздержаніе

*) «Отечествен. Записки», 1878 годъ, № 3. Статья г. Емельянова.

отъ плотскихъ сношеній съ женщинами путемъ силы воли. Ученіе это, появившись въ началѣ во Владимірской губерніи, все сильнѣе и сильнѣе распространяется среди скопцовъ; такимъ образомъ одна изъ самыхъ «возмутительныхъ» сектъ мало-помалу утрачиваетъ свой первоначальный характеръ и постепенно обращается въ такое ученіе, которое нисколько не противно православію, такъ какъ «духовные скопцы», въ сущности, тѣ же монахи, дающіе обѣтъ вѣчнаго безбрачія и воздержанія.

Но на этомъ не останавливается прогрессивное движеніе, проникшее въ среду мистическихъ сектъ, въ родѣ скопчества и хлыстовщины. На югѣ Россіи, по свидѣтельству г. Емельянова, замѣчается постоянное превращеніе скопцовъ (бѣлыхъ голубей) въ хлыстовъ (сѣрыхъ голубей), а эти послѣдніе, въ свою очередь, дробятся на различные толки и превращаются въ молоканъ съ бо̀льшей или меньшей примѣсью мистической хлыстовщины. Наконецъ, въ послѣднее время мистическій элементъ совершенно отступаетъ на задній планъ и даетъ мѣсто болѣе опытнымъ способамъ доказательствъ. Раціонализмъ, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе входитъ въ свои права, и хлыстовствующее молоканство постепенно переходитъ въ штундизмъ, вполнѣ свободный какъ отъ византійскаго мистицизма, такъ и отъ нѣмецкаго піэтизма *).

Если же скопцы и т. п. фанатики-пуритане, несмотря на всѣ гоненія, не исчезаютъ со сцены народной жизни, то не слѣдуетъ-ли видѣть въ самомъ существованіи ихъ протеста противъ общественной развращенности, противъ деморализаціи нашихъ нравовъ? Когда нравственная испорченность слишкомъ явно поднимаетъ свою голову, всегда являются суровые люди, ригористы, неумолимые проповѣдники, которые тѣмъ строже и тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ глубже и сильнѣе душевное растлѣніе общества. Если въ своемъ увлеченіи они впадаютъ въ крайность, доходятъ до изувѣрства, то въ ихъ заблужденіи виновата не нравственная природа, не чувство, ищущее правды, а мысль, неумѣющая найдти отвѣтовъ на вопросы. Такъ было во всѣ времена исторіи народовъ. Вспомните исторію стоиковъ и пуританъ, первыхъ аскетовъ христіанства и аскетовъ послѣдующихъ вѣковъ.

— Не для корысти, не для почестей поступалъ я такъ, — говорилъ одинъ скопецъ на судѣ присяжныхъ,—а для души. Въ

*) «Отечеств. Записки», 1878 г. № 3.

самой своей молодости искалъ я спасенія, искалъ правды и нашелъ её. Я крѣпко убѣдился въ этомъ и потому не считаю себя грѣшнымъ ни предъ Творцомъ, ни передъ вами.

Въ числѣ свѣтлыхъ сторонъ нашего сектантства слѣдуетъ указать на его семейный и домашній бытъ. Извѣстно, что въ безпоповщинскихъ сектахъ женщина пользуется значительной долей самостоятельности. Въ нихъ женщины весьма часто являются наставницами, начетчицами; нерѣдко имъ принадлежитъ главная руководящая роль въ той или другой раскольнической общинѣ. Въ Архангельской губерніи мы знаемъ скитъ, въ которомъ «большакомъ» является женщина; уже много лѣтъ управляетъ она этимъ скитомъ, хотя послѣдній населенъ не одними женщинами, но и мужчинами. Что касается новѣйшихъ сектъ, то въ нихъ положеніе женщинъ и дѣтей и взаимныя отношенія членовъ семьи между собою рисуются въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о штундистской семьѣ одинъ изслѣдователь этой секты. «Споры и раздоры въ ней рѣдки и исключительны. Проявленія власти и насилія точно также. Мужъ и жена совершенно равноправныя лица. И тотъ и другая имѣютъ одинаковое право и въ собраніяхъ, и въ жизни. На собраніяхъ женщины являются въ тѣхъ же роляхъ, какъ и мужчины, т. е. поютъ псалмы и пѣсни, говорятъ проповѣди, импровизируютъ молитвы, комментируютъ и уясняютъ смыслъ священнаго писанія. Дома онѣ не только хозяйки, но и вообще полновластныя лица. Короче, въ семьѣ фактически существуетъ полнѣйшая равноправность между всѣми:—между женой и мужемъ, родителями и дѣтьми. Родительская власть не принимаетъ крутыхъ и рѣзкихъ оттѣнковъ даже при воспитаніи дѣтей. Штундисты стараются дѣйствовать на дѣтей словами и убѣжденіями, вліяніемъ на умственную и нравственную стороны ихъ жизни и вообще живымъ примѣромъ истиннаго христіанина, человѣка любящаго; поэтому они почти никогда не наказываютъ своихъ дѣтей» *).

Порядки, установившіеся въ штундистской семьѣ не представляютъ собою «отраднаго исключенія»; много сходнаго съ этими порядками можно встрѣтить въ семейномъ строѣ многихъ другихъ сектъ. У молоканъ, напримѣръ, семейный деспотизмъ совсѣмъ не имѣетъ мѣста; даже при заключеніи браковъ, при

*) «Недѣля» 1877 г. № 2, стр. 60.

женитьбѣ и выходѣ въ замужество, свобода дѣтей ни мало не стѣсняется родителями. А еслибы что нибудь подобное случилось, то дѣти всегда могутъ жаловаться общинѣ или собранію, которое и возстановляетъ нарушенныя права. Г. Майновъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о бракахъ молоканъ и объ отношеніи семьи къ общинѣ. «Сговорившіеся молодые люди объявляютъ о своемъ рѣшеніи жить вмѣстѣ сначала родителямъ невѣсты, а затѣмъ родителямъ жениха. Въ первое слѣдующее за этимъ собраніе, родители жениха и невѣсты сообщаютъ о рѣшеніи дѣтей своихъ передъ общиною. При этомъ родители играютъ роль чисто пассивную; препятствовать браку они не имѣютъ права, и даже если бы они вздумали пристращать дѣтей лишеніемъ наслѣдства, то и это не могло бы предотвратить брака, такъ какъ молодые люди могутъ тогда жаловаться на родителей собранію». Это послѣднее, обсудивъ жалобу и разобравъ дѣло, «разрѣшаетъ бракъ помимо воли родителей и производитъ своей властью выдѣлъ изъ имущества родителей извѣстной доли, достаточной для обзаведенія четы. Иногда даже на все имущество такихъ упрямствующихъ родителей налагается нѣчто въ родѣ запрещенія, или вѣрнѣе, опеки, чтобы помѣшать лишенію дѣтей ихъ доли, посредствомъ продажи имущества заблаговременно въ чужія руки» *).

Мы уже упоминали, что въ первое время развитія раскола думали покончить съ нимъ жестокими гоненіями и преслѣдованіями. Это не удалось. Расколъ не только не ослабѣлъ, но наоборотъ, онъ разросся, пустилъ корни всюду, онъ обхватилъ большую часть Россіи, проникъ въ столицы, укрѣпился на окраинахъ, свилъ гнѣздо въ самомъ сердцѣ Россіи. Гоненія сослужили службу мѣховъ, которые раздули искры въ огонь, въ страшное пламя и это пламя охватило половину Россіи. Времена перемѣнились. Пытки и казни въ дѣлѣ совѣсти и религіи сдѣлались достояніемъ исторіи. Подъ вліяніемъ идей терпимости и гуманности, борьба съ расколомъ принимаетъ совершенно иной характеръ, характеръ мирной пропаганды путемъ миссій и братствъ. Мы видѣли, однако, что и этотъ способъ борьбы съ расколомъ не далъ никакихъ результатовъ, и теперь, на нашихъ глазахъ, сектантство ростетъ, говоря словами народа, не по днямъ, а по часамъ, ростетъ съ чисто стихійною силою.

---

*) „Знаніе“ 1874 г. № 3, статья Майнова: „бракъ и положеніе женщины у молоканъ“.

Такимъ образомъ, расколъ усиливается, несмотря ни на суровое, ни на снисходительное отношеніе къ нему государства. Этотъ фактъ между прочимъ ясно указываетъ на то, что расколъ порожденъ не временными, случайными и мимолетными причинами, а имѣетъ въ своемъ основаніи неудовлетвореніе насущныхъ потребностей личности. Тѣмъ не менѣе мы и до сихъ поръ не перестаемъ мечтать о томъ, какъ бы «искоренить», «уничтожить» расколъ.

Теперь всѣ надежды возлагаются на школы. Школы, грамотность, просвѣщеніе должны уничтожить расколъ, стереть его съ лица земли. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ и пишутъ люди, претендующіе на знаніе народнаго духа и характера. Однако, жизнь, дѣйствительность отнюдь не оправдываетъ этихъ розовыхъ надеждъ. Липранди говоритъ, что «кругъ дѣйствій безпоповцевъ съ просвѣщеніемъ не уменьшился, но распространилъ свой объемъ» *). Другой изслѣдователь раскола, Синицынъ, говоритъ: «распространяемая школами общая грамотность обращается болѣе во зло, чѣмъ въ пользу православія. Тамъ, гдѣ училища существуютъ, расколъ гораздо злокачественнѣе: общая грамотность служитъ сильнымъ орудіемъ къ поддержанію его» **). «Есть раскольники, обрившіе бороду, надѣвшіе фракъ, но тѣмъ не менѣе, остающіеся въ средѣ раскола» ***). Изъ Верейскаго уѣзда, Московской губерніи, недавно сообщалось въ газетахъ, что «хотя раскольники охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, но опытъ показываетъ, что школа не только не способствуетъ примиренію раскола съ православною церковью, напротивъ, обучавшіеся въ школахъ дѣлаются современемъ самыми ревностными раскольниками, пріобрѣтая къ тому же и нѣкоторый авторитетъ въ своей средѣ, благодаря, именно, своей грамотности» ****).

Вообще сектанты давно уже сознали крайнюю необходимость грамотности и печатнаго слова. Недавно «Русскія Вѣдомости» сообщали, что «въ мѣстности, прилегающей къ Гуслицамъ, Богородскаго уѣзда, почти сплошь заселенной старообрядцами, грамотность составляетъ почти всеобщее достояніе». Синицынъ говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 че-

*) Краткое обозрѣніе рус. расколовъ. Москва 1870 г.
**) „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4.
***) Записки Синицына. Сборникъ Кельсіева. Вып. IV стр. 167.
****) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г.

ловѣка неграмотныхъ *). Изъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, писали: «здѣшніе старообрядцы весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты «Старообрядецъ», которая получается здѣсь многими изъ безпоповцевъ. Въ недавнее время между старообрядцами состоялась даже подписка въ пользу изданія помянутой газеты и собранная сумма отослана по принадлежности» **).

У раскольниковъ есть свои школы, свои учителя, своя литература. Будучи совершенно лишены права открыто печатать и издавать свои книги, они заводятъ тайныя типографіи, и организуютъ это дѣло такъ, что, несмотря на строгій надзоръ полиціи, духовныхъ и гражданскихъ властей, типографіи эти существуютъ цѣлыя десятки лѣтъ и издаютъ цѣлыя тысячи томовъ. Въ нѣкоторыхъ сектахъ школьное дѣло ставилось на весьма прочныхъ началахъ. У общихъ, напримѣръ, по словамъ Толстаго, въ каждой слободѣ были учреждены особыя училища, въ которыя обязаны были отдавать своихъ дѣтей всѣ родители «общаго ученія». Книги и бумаги, потребныя для школъ, покупались на общественныя суммы» ***).

Въ сектахъ позднѣйшаго происхожденія стремленія къ развитію и просвѣщенію сказываются еще сильнѣе и ярче. «Ближайшее знакомство съ исторіей распространенія штунды,—пишетъ одинъ священникъ,—привело меня къ тому убѣжденію, что ея почву и силу составляетъ грамотность. Есть и неграмотные штундисты, но масса умѣетъ читать»..... «Грамотность, давая силу и значеніе общинѣ, служитъ главнымъ орудіемъ къ распространенію ереси» *). «Каждый изъ желающихъ вступить въ секту штундистовъ обязанъ предварительно научиться чтенію и письму, ученіе производится безъ всякаго вознагражденія» **). «Штундисты не только не считаютъ за грѣхъ имѣть свѣтскія книги, но даже выписываютъ газеты, покупаютъ ихъ у евреевъ и торгашей и выпрашиваютъ у помѣщиковъ. Мѣстныя, болѣе распространенныя въ краѣ газеты, читаются штундистами даже на общественныхъ собраніяхъ» ***).

---

*) Сборникъ правит. свѣд. о раскол. Вып. IV, стр. 166.
**) „Русскій Курьеръ“ 1880 г. № 159.
***) Чтенія въ Импер. Общ. ист. и др. 1864 г. № 4.
*) „Херсонскія Епархіал. вѣдомости“ 1873 г. № 3.
**) „Церковно-Общественный вѣстникъ“ 1880 г. № 91.
***) „Недѣля“ 1877 г. № 1.

Тѣ же самыя явленія мы встрѣчаемъ и среди молоканъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ выдающихся ревнителей молоканства, въ Козловскомъ уѣздѣ, Монаенковъ, доказывая, что православную вѣру выдумало духовенство, чтобъ имѣть средства къ жизни, убѣждалъ своихъ послѣдователей учить дѣтей грамотности и посредствомъ чтенія библіи убѣдиться въ правотѣ и истинности его ученія. «Крестьяне слѣдовали его совѣтамъ и, съ развитіемъ грамотности въ ихъ средѣ, число его послѣдователей быстро возрастало» *). Но сектанты не довольствуются одною грамотностію. Интересныя свѣдѣнія по этому поводу сообщаетъ самарскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей». По его словамъ, среди молоканъ «встрѣчаются люди, хотя и неучившіеся въ классическихъ гимназіяхъ, тѣмъ не менѣе очень начитанные, съ весьма яснымъ, здравымъ взглядомъ на вещи. Есть и такіе, которые коротко знакомы съ твореніями Бокля, Дрепера, даже Дарвина. Они превосходно знаютъ всю русскую исторію, и многое другое; они вполнѣ и хорошо знакомы съ положеніемъ и естественнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ нашихъ общественныхъ вопросовъ и задачъ» **).

Въ виду подобныхъ фактовъ, не пора-ли намъ бросить толки о невѣжествѣ и закоснѣлости нашихъ сектантовъ? Не пора-ли отказаться отъ наивной надежды на то, что школы могутъ истребить, уничтожить расколъ?... Люди, изучавшіе наше сектантство въ мѣстахъ его распространенія, свидѣтельствуютъ, что школы и грамотность до сихъ поръ не только не вліяли на ослабленіе раскола, а, напротивъ, повсюду способствовали еще бо́льшему распространенію и усиленію раскола. Послѣ того, что было высказано нами въ первой главѣ объ элементахъ, поддерживающихъ расколъ, ясно само собою, что ни миссіи, ни школы не въ состояніи сами по себѣ побороть или ослабить расколъ.

И такъ, расколъ не только ростетъ, но и прогрессируетъ. Ученіе раскола, вылившись непосредственно изъ народнаго духа, не представляетъ собою чего-нибудь неподвижнаго, постояннаго, разъ отлившагося въ извѣстную, вполнѣ опредѣленную форму и застывшаго въ этой формѣ. Нѣтъ! Дробясь и видоизмѣняясь, ученіе раскола, съ теченіемъ времени, постоянно принимаетъ въ себя новыя вліянія, поглощаетъ новыя идеи и направленія, которыя не даютъ ему застыть, окоченѣть и заглохнуть, которыя

*) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г. № 54.
**) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г. № 56.

обновляютъ его, внося съ собою новыя силы, новую энергію и живучесть. Недаромъ одинъ изъ талантливѣйшихъ учителей бѣгунства, Никита Семеновъ Киселевъ, писалъ, что исповѣдуемая ими вѣра Христова «ничто же старое имать, но присно юнѣетъ», т. е. вѣчно молодѣетъ, цвѣтетъ, развивается. Воспріимчивость раскола въ этомъ отношеніи по истинѣ изумительна. «Новыя идеи, если только онѣ совпадаютъ съ характеромъ народа и уясняютъ ему его же желанія, принимаются расколомъ очень легко и переходятъ въ плоть и кровь народа» *).

Во всѣхъ движеніяхъ раскола мы видимъ горячее, искреннее стремленіе народа добиться истины, «правды». Разумѣется, эти порыванія далеко не всегда выводятъ его на вѣрную, настоящую дорогу. Часто одни заблужденія смѣняются другими, не менѣе грубыми. Но, спрашивается, кому же истина давалась сразу въ руки? И развѣ мы, культурные, просвѣщенные люди, развѣ мы не сбивались съ пути, не впадали въ уродливыя, дикія крайности?... Не будемъ же черезъ-чуръ строги къ работѣ народной мысли. Заблужденія, уклоненія отъ истины неизбѣжны и простительны здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тѣмъ не менѣе, слѣдя за историческимъ развитіемъ раскола, мы ясно видимъ, какъ ученіе раскола постепенно освобождается отъ разнаго рода уродливостей, суевѣрій и предразсудковъ, какъ постепенно становится оно все чище, все разумнѣе и свѣтлѣе.

Прежде чѣмъ закончить настоящую статью, сформулируемъ въ краткихъ словахъ стремленія и желанія нашего сектантства, насколько мы коснулись ихъ въ этой статьѣ.

«Расколъ хочетъ полной свободы совѣсти, полной свободы исповѣданія всѣмъ толкамъ, нестѣсненной никакими внѣшними постановленіями» (Кельсіевъ). Онъ требуетъ свободы слова, свободы проповѣди и обученія.

Расколъ стремится къ умственному просвѣтленію и нравственному совершенству. Онъ старается уложить свою жизнь въ нравственныя рамки ученія Христа. Онъ протестуетъ противъ всякаго рода буквоѣдства и схоластики и настаиваетъ на необходимости понимать священное писаніе *духовно*.

Расколъ отрицаетъ іерархію и всякую регламентацію въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій. Онъ требуетъ, чтобы цер-

*) Кельсіевъ: «Сборникъ прав. свѣд. о раскол.». Выпускъ I.

ковь была дѣломъ общества, чтобы пастыри духовные избирались прихожанами, а не назначались свыше.

Расколъ отрицаетъ централизацію и стоитъ за автономію отдѣльныхъ общинъ, соединенныхъ и связанныхъ между собою взаимною солидарностію интересовъ. Опираясь на св. Писаніе, расколъ отрицаетъ абсолютизмъ. Въ основу всякаго рода общественныхъ учрежденій онъ кладетъ всегда выборное начало.

Расколъ требуетъ полной личной свободы. Онъ ненавидитъ паспорты, прикрѣпленность къ мѣсту и сословію. Отрицая всякую сословность, онъ проповѣдуетъ общее равенство и братство. Ученіе о братствѣ, о братолюбіи, объ обязательности взаимной помощи—составляетъ общее начало и характерную черту всевозможныхъ сектъ. Нѣкоторыя секты идутъ въ этомъ отношеніи еще дальше: они отрицаютъ войны, національныя распри и проповѣдываютъ общее братство всѣхъ народовъ. «Сютаевцы всѣхъ людей признаютъ братьями; турокъ, язычникъ—для нихъ также братъ».

Расколъ стоитъ за права и самостоятельность женщины.

Расколъ протестуетъ противъ захвата земли привиллегированными, владѣющими классами, противъ несправедливаго размежеванія земель, противъ надѣленія «кому много, кому мало, иному же ничего же давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ». Онъ требуетъ чтобы земля, лѣса и воды, какъ созданныя Богомъ для всѣхъ людей, были общимъ достояніемъ всего народа. Въ этомъ отношеніи бѣгуны сходятся съ штундистами.

Расколъ протестуетъ противъ обложенія налогами «души», личности. За подушный окладъ онъ объявилъ Петра I антихристомъ.

Расколъ является протестомъ противъ современной развращенности нравовъ, противъ роскоши, противъ преобладанія животныхъ, эгоистическихъ инстинктовъ. Вѣрованіе, что современный «міръ во злѣ лежитъ»,—общее для всѣхъ сектантовъ.

Расколъ вовсе не врагъ ученья,—сектанты гораздо грамотнѣе и развитѣе православныхъ; между ними въ послѣднее время встрѣчаются даже люди, получившіе европейское образованіе.

Расколъ, въ лицѣ передовыхъ сектъ, въ родѣ штунды, путемъ критики современныхъ отношеній, вырабатываетъ идеалъ будущаго и отношеній въ человѣчествѣ. Въ основу будущаго общества онъ кладетъ трудовое начало. Всѣ люди должны трудиться. Расколъ протестуетъ противъ господства капитала и тѣхъ

тяжелыхъ, ненормальныхъ условій, въ которыя поставленъ трудъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ одинъ изъ знатоковъ русскаго сектантства писалъ: «Расколъ своеобразенъ до такой степени, что не имѣетъ почти ничего общаго со всѣми прочими вѣрами и долженъ будетъ *либо развиться* въ новыя религіи, какъ протестантизмъ, *либо изчезнуть* на вѣки, какъ ереси первыхъ временъ христіанства. *)

За эти послѣднія двадцать лѣть, нашъ расколъ обнаружилъ такіе здоровые задатки къ дальнѣйшему развитію, сдѣлалъ такіе успѣхи на пути постепеннаго прогрессированія своихъ ученій,— что теперь уже невозможно сомнѣваться въ томъ, что расколъ не пропадетъ безслѣдно на вѣки, не рухнетъ какъ обветшалое зданіе,—нѣтъ!—онъ будетъ жить, онъ свое дѣло сдѣлаетъ. Православіе въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится, въ глазахъ народа падаетъ все ниже и ниже. Расколъ становится вѣрой, религіей русскаго народа. Это движеніе внесетъ въ сознаніе народныхъ массъ новыя здоровыя идеи, поставитъ новые жизненные идеалы, которые уяснятъ народу всѣ тѣ смутныя стремленія и желанія, что живутъ и бродятъ въ немъ.

Въ этой несомнѣнной способности раскола къ постепенному, дальнѣйшему развитію, съ одной стороны, и, съ другой — въ просвѣтительномъ вліяніи на него лучшей части нашего образованнаго общества, мы видимъ великій залогъ развитія русскаго народа, залогъ того свѣтлаго, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ будущаго, которое несомнѣнно ждетъ насъ впереди!.

А. С. Пругавинъ.

*) Кельсіевъ: Сборникъ пр. свѣд. о расколѣ. Вып. I.

Нѣгуши.

Параллель между Альпами и Черной Горой.—Подъемъ отъ Котора на Крстацъ.—Нѣгуши.—Племенное и родовое обособленіе.—Роды или братства.—Объединеніе различныхъ родовъ въ одно племя.—Объединительная роль Нѣгушей.—Ихъ задача въ настоящемъ и будущемъ.—Чѣмъ живутъ нѣгушане.—Женщины носильщицы.—Описаніе ихъ наружнаго вида.—Мужской характеръ черногорки.—Задавленность женщины работой.—Причины такого явленія.—Роль мужа въ домѣ.—Отсутствіе нѣжныхъ отношеній въ черногорской семьѣ.—Отзывъ о черногорской женщинѣ г. г. Мармье и Фрилея-Влохити.—Оцѣнка ихъ воззрѣній.—Особенности нѣгушанокъ.—Послѣдствія ихъ скитаній.—Черногорецъ на обработкѣ полей.—Внѣшній видъ населеній.—Корчма.—Хозяйка Маке и ея дочь Стана.—Общій видъ села.—Развалины дома Гувернадура.—Суровый характеръ мѣстности.—Заключеніе.

Кто когда-нибудь переходилъ Альпы, я не говорю о подъемахъ на глечеры и снѣжныя вершины, а просто о шоссейныхъ дорогахъ черезъ Симплонъ или Сенъ-Готардъ, тотъ припомнитъ ощущеніе, которое вы испытываете, достигши высшаго пункта; тамъ вся природа иная: лѣсъ ужъ не растетъ, потому что не можетъ рости, несмотря на обиліе влаги, дающей обильную пищу сочнымъ, густымъ мхамъ и пахучимъ растеніямъ, мягкимъ ковромъ покрывающимъ голый камень; васъ обдаетъ холодомъ вслѣдствіе близости снѣжныхъ вершинъ; черная земля съ ея изумруднымъ покровомъ вся изрыта потоками снѣжныхъ водъ; глубокая долина, изъ которой вы начали подъемъ, передъ вами, но вы ея не видите въ туманной дали, именно вслѣдствіе значительнаго возвышенія надъ нею; изчезли передъ вами,—и свѣтлая полоса вьющейся тамъ большой рѣки и цѣлый рядъ селъ и городовъ; подъ вами едва выступаютъ только черными пятнами лѣсистые бока горъ; за то кругомъ на ярко-синемъ небѣ рисуются мелкіе контуры снѣжныхъ гребней или серебрянымъ блескомъ сіяютъ ихъ отдѣльные шпицы. Вы не слышите грома потоковъ, которые также глубоко подъ вами, но подъ вами вся почва сочится водой: вы осязаете, что находитесь въ странѣ,

гдѣ зарождаются рѣки. Вы стоите уже на высотѣ 8000 футовъ.

Ничего подобнаго вы не ощущаете при восхожденіяхъ на высоты черногорскія, между которыми высшія точки, какъ Ловченъ и Штировникъ, едва превышаютъ 5000 ф., а высшій подъемъ на пути отъ Котора до Цетинья всего около 3000 ф. Но за то эта высота стоитъ передъ вами голой стѣной съ наклономъ не менѣе 45°, и вы поднимаетесь по коротенькимъ зигзагамъ, совершенно какъ по лѣстницѣ, точно на какую-нибудь гигантскую башню. Передъ вами цѣлая страна или государство, въ которое вы не можете войти иначе, какъ по такой лѣстницѣ, съ какой бы стороны ни зашли: отъ какого бы то ни было мѣста на Адріатическомъ приморьи, со стороны-ли Скутарійскаго озера, или изъ долины Зеты; всюду васъ встрѣтитъ крутой подъемъ, приближающійся къ 3000 футамъ.

Самый тяжелый подъемъ отъ Котора, потому, во 1-хъ, что начинается прямо отъ моря, во 2-хъ, очень крутъ и не имѣетъ ни одной почти террасы, и въ 3-хъ, обращенъ на юго-западъ, а всѣ южные склоны обыкновенно имѣютъ очень скудную растительность, здѣсь же представляютъ совершенно голыя, сѣрыя скалы. И такой подъемъ продолжается по крайней мѣрѣ 2 часа по дорогѣ сначала довольно сносной, а послѣ просто представляющей розсыпь изъ острыхъ камней, или приходится карабкаться между скалъ по природнымъ уступамъ и искусственно сдѣланнымъ засѣчкамъ. Воду вы можете найти здѣсь въ продолженіе всего лѣта только въ одномъ мѣстѣ; а въ другихъ мѣстахъ она держится только во время весеннихъ мѣсяцевъ. Одно только хорошо: это то, что солнце здѣсь начинаетъ обогрѣвать не раньше, какъ около полудня; слѣдовательно, если вы отправитесь изъ Котора и не особенно рано, самый жаръ можетъ васъ охватить только въ то время, когда вы будете уже на высотѣ.

Новая дорога совершенно измѣняетъ это положеніе: по ней скоро можно будетъ ѣхать въ коляскѣ и любоваться прелестною панорамой; только понадобится времени не 2, а 5 часовъ, и потому черногорецъ всегда предпочтетъ старую дорогу, а иностранецъ, конечно, воспользуется новой, которая, не сберегая времени, сберегаетъ его силы и здоровье.

На всемъ этомъ подъемѣ до такъ-называемаго Крестца вы не видите впереди себя ничего, кромѣ сѣрыхъ скалъ и далеко на высотѣ зеленѣющій лѣсъ изъ-подъ Ловчени; но, оглядываясь назадъ, на нѣсколькихъ пунктахъ можете любоваться панорамой,

какой, можетъ быть, не встрѣтите нигдѣ. Особенно въ одномъ мѣстѣ, когда пройдете приблизительно полпути, вы стоите въ тѣснинѣ между скалъ и глубоко подъ собою, какъ въ рамкѣ, видите часть Бокки съ синею поверхностію моря, отражающую по краямъ темную зелень береговъ и кругомъ замкнутую сѣрыми стѣнами горъ, у подошвы которыхъ на мрачномъ фонѣ цѣлой картины бѣлѣютъ полосками города и деревушки, а по срединѣ бѣлые паруса снующихъ туда и сюда судовъ и лодокъ, или клубы сѣраго дыма быстро двигающагося парохода. Все это представляется такъ близко, что вы удивляетесь, какъ не доносится оттуда ни одного звука.

Прямо подъ вами, черезъ заливчикъ у Котора, на возвышеніи, покрытомъ лѣсомъ и кустарникомъ, красуется своими бѣлыми стѣнами австрійская крѣпостца, и отъ нея правильными зигзагами, бѣлою нитью, сбѣгаетъ дорожка до самаго моря. Между этимъ возвышеньемъ и вами влѣво идетъ роскошная, вся убранная въ зелень, равнина приморья съ бѣлыми домиками, садами и виноградниками; а далѣе вашъ взглядъ перекидывается черезъ горы и теряется въ безбрежной дали моря, сливающагося съ небомъ въ одинъ сплошной, голубой фонъ, по которому, какъ бѣлыя чайки, тамъ-сямъ виднѣются одинокіе паруса. Поднявшись на Крестецъ (Крстацъ) *), вы можете, если не отдохнуть, то, по крайней мѣрѣ, перевести духъ, и кромѣ того можете получить черный кофе, вина и водки въ стоящей тамъ корчмѣ, хотя и не всегда: такъ, когда я проходилъ въ первый разъ, эта корчма была закрыта; отсюда, впрочемъ, не больше $^3/_4$ часа до Нѣгушей.

Крстачко поле, какъ называется идущая здѣсь равнина, десятинъ въ 5, разбитая, приблизительно, на 100 участковъ и обставленная кругомъ голыми горами, составляетъ первую верхнюю террасу, по которой племя Нѣгушей имѣетъ свои поля; пройдя его, вы спускаетесь еще ниже, и передъ вами открывается самое село Нѣгуши. Это опять равнина, только гораздо обширнѣе первой, хотя также, какъ и она, замкнутая между горъ, но лежащая еще глубже, и по краямъ ея, прижавшись къ сѣрымъ скаламъ, виднѣются группы домовъ, и каждая изъ этихъ группъ носитъ особое названіе и составляетъ отдѣльное село.

*) *Крстцовъ*—много въ Черногоріи: этимъ именемъ называется, кажется, высшій пунктъ при подъемѣ на перевалъ изъ одной низменности или впадины въ другую, или высшій край при спускѣ.

При входѣ въ долину, по правую руку, на бугоркѣ стоитъ церковь и вокругъ нея до 20 домовъ; это—Копито; далѣе, впередъ по той же сторонѣ 100 домовъ — Раичевичи и тамъ 3 церкви; оттуда, перейдя на лѣвую сторону, еще 50 домовъ—Ероковичи, тоже съ тремя церквами; тамъ же въ глубь одной боковой долины Дугидо, 50 домовъ съ одною церковью. Однимъ словомъ, на цѣлой равнинѣ 4 села въ 220 домовъ съ восемью церквами. Кромѣ того есть еще 5 селъ, которыя скрываются въ отдѣльныхъ уголкахъ между горъ, по 40, 50 и даже въ 8 домовъ, и каждое имѣетъ свою церковь, а иное 2. Короче—Нѣгуши состоятъ изъ 9 селъ въ 400 домовъ съ 14 церквами, или по одной церкви приходится на 28 домовъ. Церкви, само собою разумѣется, весьма маленькія; есть такія, что вы рукой достаете подъ крышу. Какая же надобность въ такомъ множествѣ церквей, когда вся равнина такъ мала, что вы легко можете перекликаться съ одного края на другой, когда всего хода изъ края въ край не больше 15 минутъ, а черногорцу ничего не значитъ пройти часъ и два? И зачѣмъ, наконецъ, въ одномъ селѣ въ 50 дворовъ 3 церкви?

Въ этомъ наглядномъ образомъ высказалась самая характерная черта сербскаго народа вообще, а черногорцевъ въ особенности, это—племенное и родовое обособленіе, составляющее главную основу, на которой созидалась ихъ историческая жизнь и которою обусловливается и современное ихъ политическое развитіе.

Читая у нашего Нестора имена славянскихъ племенъ, вошедшихъ послѣ въ составъ одного русскаго народа, патронимическія имена на—*ичи*: Радимичи, Вятичи, Кривичи, и потомъ у западныхъ лѣтописцевъ подобныя же имена полабскихъ и прибалтійскихъ славянъ, какъ Лютичи, Бодричи и друг.; читая при этомъ, какъ они постоянно бились родъ съ родомъ, не поддаваясь никакому политическому объединенію, пока, наконецъ, одни не слились въ одинъ народъ подъ вліяніемъ единой религіи и другихъ внѣшнихъ, историческихъ обстоятельствъ, другіе же, ослабленные внутреннимъ раздоромъ, сдѣлались жертвою внѣшняго непріятеля; невольно приравниваемъ къ нимъ подобное же явленіе въ черногорской исторіи, гдѣ, несмотря на когда-то состоявшееся объединеніе сербовъ при сильныхъ Нѣманичахъ, не смотря на довольно продолжительное существованіе Зетскаго государства, племенное и родовое обособленіе сохранилось до нашихъ дней, какъ какой-то архаизмъ, застарѣлая форма, всюду

уступающая силѣ политическаго объединенія, но тѣмъ не менѣе, проявляющая себя довольно рѣзко во внутренней жизни, въ частныхъ отношеніяхъ. Какъ нѣкогда каждое славянское племя, признавая «единаго бога, творца грома и молній», держалось своего особеннаго культа, что вызвало необходимость въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ всѣми славянскими племенами, какъ Ретри и Аркона, построить цѣлые пантеоны, гдѣ каждое племя находило свое божество, такъ почти и черногорцы, исповѣдуя одну вѣру, одинъ законъ, каждое племя и каждый родъ празднуютъ особаго святаго, своего патрона, каждый строитъ свою церковь, въ которой никогда не смѣшиваются родъ съ родомъ. По празднованію того или другого святаго узнается родство семейное или племенное.

Сосѣдніе съ Нѣгушами Цѣкличи, также живущіе въ 9 селахъ, имѣютъ 9 отдѣльныхъ церквей на 200 домовъ и одну общую для цѣлаго племени, самую старую, св. Ильи, котораго *славятъ* (празднуютъ) всѣ Цѣкличи цѣлымъ племенемъ.

Озриничи, также подѣленные на нѣсколько селъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою собственную церковь, всѣ вмѣстѣ празднуютъ св. Николая, и построенная въ честь его новая церковь называется соборною. Въ Нѣгушахъ, впрочемъ, соборною церковью считается Успенія Богородицы въ Роичевичахъ, а общая *слава* всѣхъ Нѣгушанъ въ день св. Георгія. Такимъ образомъ, Нѣгуши есть имя одного рода, который по *братствамъ* раздѣлился на села. Но когда-то они, безъ сомнѣнія, не составляли одного рода, потому что пришли изъ разныхъ мѣстъ. Первыми поселенцами были 2 рода Ераковичи и Раичевичи, которые, по преданію, происходили изъ-подъ Травника въ Босніи, откуда переселились подъ хребетъ Нѣгошъ, стоящій у входа въ Дугу со стороны Гацка. Тамъ они задержались долго и, ища уединенія, открыли ту мѣстность, которую занимаютъ нынѣ, заняли ее и дали ей имя своего послѣдняго становища. Изъ этихъ двухъ родовъ выдѣлились своею историческою ролью: изъ Ераковичей братство Петровичей, изъ котораго первымъ исторически извѣстнымъ является владыка Даніилъ, современникъ нашего Петра Великаго, а изъ Раичевичей выдѣлились Радоничи, игравшіе важную роль въ исторіи Черногоріи съ конца прошлаго столѣтія. Приходъ ихъ въ Черную Гору полагаютъ въ XVI вѣкѣ, слѣдовательно, когда Зетское государство уже пало, и жители его, оставшіеся вѣрными народности и вѣрѣ отцовъ, стали подъ управленіе духовнаго владыки, митрополита зетскаго; политиче-

скимъ же средоточіемъ становится лежащая на высотѣ 2000 футовъ между скалъ и дремучаго лѣса, Цетинская равнина, гдѣ еще Иванбегъ-Черноевичъ построилъ для себя дворецъ, а для митрополита монастырь. Другія братства поселялись позже и изъ другихъ мѣстъ. Такъ Врбицы пришли изъ Герцеговины, гдѣ жили въ мѣстности, называемой Врба, въ память чего назвали тѣмъ же именемъ свое новое поселеніе и, какъ бы приводя въ согласіе имя съ дѣйствительностію, каждое семейство садитъ передъ своимъ домомъ вербу. Исторіи другихъ братствъ не знаю; но не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что, поселяясь позже, они причисляли себя къ ранѣе поселившемуся тамъ роду и принимали общее названіе Нѣгушей, подъ именемъ которыхъ соединились въ одинъ родъ изъ различныхъ братствъ.

Имъ-то, совершившимъ такое сліяніе нѣсколькихъ родовъ въ одинъ въ тѣсныхъ предѣлахъ своей общины, и принадлежитъ инициатива объединенія всѣхъ родовъ собственно Черной Горы подъ одною властію, а въ послѣдствіи и присоединенія цѣлыхъ, отдѣльно жившихъ племенъ. Нѣгуши поэтому въ своемъ предѣлѣ исполнили такую же объединительную миссію, какую римляне совершили по отношенію къ племенамъ, населявшимъ Италію. И первый сознательный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ владыкой Даніиломъ, который началъ съ объединенія религіознаго, истребивъ прежде всего магометанство, успѣвшее пробраться и пустить корни всюду между черногорцами, когда по словамъ владыки-поэта:

«Нехристью всѣ горы засмердѣли;
Волки вмѣстѣ зажили съ овцами,
Побратался турчинъ съ черногорцемъ,
Голосъ ходжи гремитъ надъ ровнымъ Цетиньемъ,
Левъ хирѣетъ стиснутый капканомъ,
Затерлось имя черногорца,
Не остаде крста од три прста?»
(Не осталось трехперстнаго сложенія, т. е. погибла православная вѣра).

Его преемники продолжали дѣло, перейдя съ почвы религіозной на народную. Владыки Петръ I и Петръ II гораздо больше трудностей встрѣчали въ борьбѣ съ внутреннимъ разладомъ, чѣмъ съ внѣшнимъ непріятелемъ. Князь Даніилъ является уже чистымъ представителемъ политическаго единовластія противъ пле-

менно-родовой олигархіи. Въ настоящее время идея единства проникла всѣ племена и роды, вошедшіе въ составъ черногорскаго государства; только въ частныхъ отношеніяхъ проявляетъ себя духъ племеннаго сепаратизма, который могутъ окончательно стереть только благоустроенная народная школа и приведеніе къ единству политическаго устройства всѣхъ отдѣльныхъ частей на основаніи самой строгой законности, чуждой личнаго произвола воеводъ и другихъ представителей власти, полной племенной равноправности и болѣе справедливаго распредѣленія личныхъ правъ и обязанностей. Противъ этой идеи часто грѣшатъ сами представители власти, воеводы и другіе главари, большею частію люди невѣжественные, и потому часто неспособные отрѣшаться отъ своихъ старыхъ племенныхъ пристрастій, отъ прежняго самовластія и чувства мести, чѣмъ нерѣдко омрачаются самыя блестящія страницы изъ новѣйшей исторіи Черногоріи, такъ сказать, послѣднихъ ея дней. Или же поддерживается и тотъ духъ стараго грубаго режима, проявляющійся и въ простомъ народѣ въ кровавой мести, въ соперничествѣ одного племени или рода противъ другаго, въ антагонизмѣ строгому порядку и неуваженіи передъ закономъ, въ вѣчныхъ обвиненіяхъ другъ друга въ измѣнахъ и т. д. Это одно изъ величайшихъ золъ, которымъ страдаетъ Черногорія и противъ котораго безсильны всѣ мѣры, такъ какъ прежде всего нѣтъ возможности добраться до истины, тамъ, гдѣ виновникомъ или ложнымъ свидѣтелемъ и обвинителемъ выступаетъ иногда цѣлый родъ или племя.

Вотъ почему мы прежде всего желаемъ черногорцу мира, чтобъ онъ всецѣло могъ остаться дѣлу своего внутренняго устройства и гражданскаго воспитанія, пока вмѣстѣ съ новыми внѣшними формами политической и общественной жизни, проникающіе въ него пороки, въ родѣ легкаго отношенія къ своимъ задачамъ и обязанностямъ передъ отечествомъ, не успѣли проникнуть въ массу народа, единственными воспитателями котораго, въ настоящее время, являются не школы, большею частью несуществующія, и не учителя, непользующіеся никакимъ авторитетомъ, а опять тѣ же главари стараго режима, или люди весьма легкаго поверхностнаго образованія.

Эти общія мысли, касающіяся всѣхъ черногорскихъ племенъ, вяжутся больше всего съ Нѣгушами, съ одной стороны, потому, что внѣшнее устройство ихъ такъ типично для цѣлаго Черногорья, съ другой, потому, что они дали инициативу политиче-

скому объединенію и, чтобы ни говорили, сколько бы ни старались другія племена возвысить свои заслуги, созданіе Черногорья, какъ государства, всецѣло принадлежитъ той части старыхъ черногорцевъ, которые закалили себя въ борьбѣ съ скудною и суровою природой, несмотря на свое численное ничтожество, выступили на отважное, почти несбыточное дѣло вырвать изъ рукъ сильной турецкой имперіи свою братію, страдавшую именно недостаткомъ духа иниціативы.

Вотъ почему, воздавая должную честь этому доблестному уголку Черногорья, колыбели черногорской свободы и родины столькихъ великихъ людей, мы считаемъ умѣстнымъ передъ нимъ же высказать и ту горькую правду, которая касается цѣлаго Черногорья, такъ какъ до сихъ поръ судьба черногорскаго народа находится въ рукахъ тѣхъ же Нѣгушанъ и вообще старыхъ черногорцевъ, стоящихъ во главѣ правленія. Чтобъ убѣдиться въ томъ, нужно взять во вниманіе довольно многочисленную фамилію Петровичей, которые занимаютъ болѣе или менѣе вліятельные посты въ государственной службѣ, являясь въ то же время, вслѣдствіе своихъ родственныхъ отношеній, ближайшими совѣтниками и помощниками князя, а по личнымъ качествамъ и историческому преданію пользующіеся большимъ уваженіемъ народа. Затѣмъ идутъ Радоничи, Врбицы, Везкотичи, Матановичи— все катуняне, занимающіе министерскія и сенаторскія мѣста; тогда какъ изъ другихъ краевъ всего два-три человѣка, какъ министръ финансовъ Церовичъ изъ Драбнянъ и военныхъ дѣлъ воевода Пламенацъ изъ Церленицы.

Вотъ въ чьихъ рукахъ до сихъ поръ находится судьба черногорскаго народа, отъ кого по справедливости народъ можетъ и долженъ ожидать довершенія великаго дѣла, такъ доблестно начатаго ихъ предками.

Послѣ этой оцѣнки общей, политической и исторической роли Нѣгушъ, перейдемъ къ ихъ частной характеристикѣ.

Нѣгушане отличаются ото всѣхъ черногорцевъ своимъ промышленно-торговымъ характеромъ; чему, конечно, содѣйствовало ихъ положеніе на пути между Которомъ и Цетиньемъ. Они единственные продаютъ свои молочные скопы въ Которѣ и Цетинье, тогда какъ у другихъ все это употребляется дома; ихъ сыръ поэтому особеннаго приготовленія, онъ приближается немного къ сырамъ, извѣстнымъ подъ именемъ швейцарскихъ. Не имѣя своего собственнаго обширнаго скотоводства, такъ какъ

этому препятствуетъ недостатокъ простора, они закупаютъ скотину по другимъ мѣстамъ и отгоняютъ ее въ Боккy и Далмацію живьемъ, главнымъ же образомъ употребляютъ ее на приготовленіе сухаго мяса, такъ называемой *кастродинь* или *пршута*, которое также идетъ главнымъ образомъ за границу. Держатъ они также понемногу свиней, изъ которыхъ приготовляютъ также *пршутъ* (окорока) и *сланину* (сало). Переторговываютъ они и хлѣбомъ, также скупая его у другихъ; а сами, главнымъ образомъ, производятъ отличный картофель, который считается лучшимъ на всѣхъ пристаняхъ Далмаціи. Вообще въ Черногоріи въ мѣстахъ высокихъ, гдѣ не созрѣваетъ хорошо кукуруза, картофель составляетъ весьма важный продуктъ, какъ для собственнаго потребленія, такъ и для сбыта. Онъ родится необыкновенно чистъ, крупенъ и въ большомъ количествѣ: одна лунка даетъ до 5 фунтовъ, а отдѣльныя картофелины по фунту и болѣе.

Но чуть-ли не главный заработокъ ихъ состоитъ въ извозѣ: каждый домъ держитъ по 2—3 мазги (лошакъ), на которыхъ перевозятъ различный товаръ между Которомъ, Цетиньемъ и Рѣкой. А еще больше заработываютъ Нѣгушскія женщины, перенося товаръ на собственныхъ спинахъ. Въ базарный день весь путь отъ Котора до Нѣгушъ занятъ непрерывной вереницей этихъ носильщицъ. Онѣ же идутъ и съ мазгами, сгоняя ихъ туда и обратно. Изъ Нѣгушъ онѣ тоже не идутъ порожнія, а несутъ какой нибудь свой собственный товаръ: сыръ, шерсть, собственнаго тканья сукна, хлѣбъ въ зернѣ, картофель, а иногда берутъ дровъ; оттуда же несутъ различный товаръ, который или берутъ на свой счетъ для перепродажи на Цетинье и въ другихъ мѣстамъ, или по порученію купцовъ для доставки. Тутъ вы увидите движущіеся боченки съ питьями, ящики, мѣшки, тюки съ различнымъ товаромъ, мебель, желѣзныя вещи; мнѣ случалось видѣть, что женщина гонитъ мазгу, на которой навьючено 6 досокъ, а сама несетъ 3 доски, слѣдовательно половину вьюка мазга; она идетъ низко нагнувшись, съ трудомъ переставляя ноги съ уступа на уступъ, и по временамъ испускаетъ вздохъ съ какимъ то свистомъ, или наконецъ останавливается на минуту, чтобъ перевести духъ самой и дать отдохнуть мазгѣ. Весь отдыхъ состоитъ въ томъ, что она прислонитъ свою ношу на какой-нибудь выдающійся камень и сама прислонится, стоя при этомъ въ косвенномъ положеніи и работая руками: обыкновенно какое-нибудь

вязанье крючкомъ или на иглахъ; иногда она работаетъ и на ходу, если же она идетъ безъ ноши, то на ходу прядетъ шерсть. Дорожа временемъ, она не идетъ по зигзагамъ дороги, а по прямому направленію между ними, гдѣ положительно нужно карабкаться. Не знаешь, чему удивляться: развитости-ли легкихъ, которыя работаютъ, какъ кузнечные мѣхи, крѣпости-ли ножныхъ мышцъ, или твердости спиннаго столба, въ наклонномъ положеніи выносящаго тяжесть отъ $1^1/_2$ до 2-хъ и болѣе пудовъ, въ продолженіе трехъ и пяти часовъ почти безъ остановокъ.

Нѣкоторые путешественники замѣчаютъ, какъ послѣдствіе этого, уродливость стана и особенно искривленіе позвоночнаго столба у черногорской женщины; личныя мои наблюденія никакъ не совпадаютъ съ этимъ замѣчаніемъ. Оно совершенно раціонально, но на дѣлѣ не оправдывается: вы рѣдкую женщину встрѣтите, которая не имѣла бы стройнаго, прямаго стана; но грудь всегда тощая, плоская; на лицѣ, что называется, лика нѣтъ: оно плотно обтянуто кожей, коричневаго или блѣдно-желтаго цвѣта, нисколько не округляя угловатостей лицевыхъ костей, на мѣстахъ болѣе мягкихъ, какъ щеки, около рта и около носа, набѣгаютъ мелкими складками морщины; поэтому всѣ черты чрезвычайно рѣзки и выраженіе грубо; вся жизнь въ глазахъ, запавшихъ въ глубокіе орбиты, подъ навѣсомъ густыхъ черныхъ бровей, дугою сходящихся надъ переносьемъ. Не красятъ это изможденное, поблекшее лицо ни длинные, густые волосы, безобразно насаленные, какъ бы приклеенные по бокамъ лба, и одною тонкою прядью, какъ ленточкой, прижимающіе къ вискамъ нижнюю половину ушей. Остальная часть волосъ скрывается подъ большимъ чернымъ платкомъ, который, сложенный съ угла на уголъ, накидывается сначала просто на темя, затѣмъ два свѣсившіеся конца съ боку поднимаются къ верху и вмѣстѣ прикалываются на темени къ волосамъ; третій конецъ сзади распускается прикрывая всю заднюю часть головы и шею и спускается по спинѣ до пояса. Весь головной уборъ, кромѣ волосъ, весьма простъ и живописенъ. Остальной костюмъ составляютъ бѣлая рубашка съ узенькимъ воротничкомъ, расшитымъ разноцвѣтной бумагой или шелкомъ, тоже самое по краямъ прямаго разрѣза посрединѣ груди и по узенькой обшивкѣ, плотно обхватывающей руку у самой кисти; далѣе идетъ черная юбка; а сверху бѣлый суконный *коретъ*: это кафтанчикъ безъ рукавовъ, спускающійся немного ниже колѣнъ и спереди на распашку,

иныя носятъ поясъ въ родѣ мужскаго, тканный, шерстяной, обматывающійся много разъ вокругъ таліи. На ногахъ чулки, большею частью, шерстяные и опанки. Ожерелья на шеѣ весьма рѣдко носятъ; серьги въ ушахъ маленькія, а у многихъ вовсе нѣтъ. Вообще въ костюмѣ женщины нѣтъ никакого излишества; онъ простъ, цѣлесообразенъ и не лишенъ скромнаго изящества. У дѣвушки все отличіе состоитъ въ головномъ уборѣ: на головѣ черногорская шапочка, какъ у мужчинъ, только на верху вышитъ не вензель князя въ полукругѣ, а по серединѣ какой-нибудь кружокъ или звѣзда; а часто и безъ всякаго шитья и просто изъ чернаго сукна, такъ какъ нѣтъ семьи, въ которой не было бы траура по убитомъ или умершемъ. Лѣтъ до 10 дѣвушки стригутъ волосы гладко, какъ мальчики; а потомъ пускаютъ ихъ рости, подстригая сзади то до затылка, то до плечъ, съ прямымъ проборомъ спереди; волосы всегда чрезвычайно густыя и мягкія, часто съ завивающимися концами; потомъ и дѣвушка начинаетъ закрывать волосы небольшимъ чернымъ платочкомъ, прикалывая на верху къ шапочкѣ и спуская концы назадъ въ видѣ драпировки, скрывающей волосы и шею; иныя заплетаютъ ихъ въ двѣ плетенки, выпуская ихъ немного съ боковъ, а иныя, постарше, носятъ ихъ по замужнему, только не скидаютъ шапки и не драпируются въ большой платокъ. Свѣжее лицо можете увидѣть только у дѣвушки или у женщины, недавно выданной замужъ. Но и тутъ въ прекрасныхъ чертахъ ея не увидите мягкости выраженія, свойственной возрасту: отъ работы и заботы съ ранняго возраста черты лица скоро грубѣютъ, и у этихъ, часто весьма красивыхъ лицъ, вся прелесть заключается только въ выраженіи черныхъ, умныхъ глазъ, которые смотрятъ на васъ прямо, пытливо, безъ застѣнчивости. Во всѣхъ движеніяхъ ихъ проявляется, если не грація, то ловкость и легкость, выдающія стройность стана и необыкновенную гибкость и подвижность всѣхъ членовъ. Нужно видѣть ихъ, когда онѣ идутъ безъ ноши: спускаясь по крутизнамъ, онѣ какъ будто летятъ въ своей легкой, мягкой обуви, скача съ камня на камень и едва касаясь его твердой, иногда совершенно острой, поверхности; или во время игръ, гдѣ онѣ смѣшиваются съ мужчинами, которымъ нисколько не уступаютъ ни въ скаканьи, ни въ силѣ удара. Вообще, надобно замѣтить, воспитаніе дѣвочки ничѣмъ не разнится отъ мальчика; она только раньше начинаетъ участвовать въ работѣ, отъ которой мальчикъ освобождается.

Пасутъ стадо одинаково мальчикъ и дѣвочка; одинаково скитаются они со своими овцами и козами, не боясь ни волка и ничего, удаляясь отъ села верстъ за 5, за 7; а когда скотина отгоняется на лѣто въ катуны, въ высокія горы, на нѣсколько часовъ отъ постояннаго жилья, тогда 10-лѣтнія дѣвочки то и дѣло совершаютъ эти переходы съ ношею на головѣ, съ ведеркомъ молока и съ мѣшкомъ сыра. Намъ какъ то странно слышать, какъ дѣвушка совершенно по мужски кричитъ на скотину, свищетъ и различными голосами то манитъ ее за собой, то вспугиваетъ изъ лѣсу. Это производитъ свое дѣйствіе: дѣлаетъ голосъ грубымъ, сообщаетъ ему совершенно мужской оттѣнокъ; а обычай перекликаться и разговаривать черезъ большое пространство съ одной горы на другую еще болѣе выработываетъ грубую манеру въ говорѣ, что въ женщинѣ какъ-то виднѣе, чѣмъ въ мужчинѣ.

Такого рода воспитаніе и, какъ результатъ его, сообщеніе женщинѣ мужскаго характера происходитъ, конечно, не вслѣдствіе системы, а въ силу обстоятельствъ, въ которыхъ находится Черногорія. Женщина-домосѣдка, преданная исключительно своимъ женскимъ занятіямъ и чуждая занятіямъ исключительно мужскимъ, при этихъ обстоятельствахъ не могла бы существовать; она погибла бы, какъ хилое растеніе на несвойственной ему почвѣ.

У насъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, женщинѣ почти нѣтъ необходимости выходить изъ дома: на ея обязанности лежитъ только забота о малыхъ дѣтяхъ, стряпня, шитье платья, пряденіе, тканье и доеніе коровъ (мы говоримъ о домѣ съ полнымъ хозяйствомъ); весь уходъ за скотомъ, заготовка дровъ, покупка различныхъ предметовъ въ городѣ, а также изготовленіе обуви— мужское дѣло. Въ Черногоріи все это лежитъ исключительно на женщинѣ.

Въ полевомъ хозяйствѣ женщина—жнетъ и гребетъ сѣно и ухаживаетъ за огородомъ, отчасти копаетъ его; мужчина пашетъ и сѣетъ хлѣбъ, коситъ сѣно и послѣ свозитъ на гумно или ко двору; онъ же потомъ ѣдетъ на мельницу для помола; другія работы смѣшанныя. Въ Черногоріи женщина только не пашетъ, хотя есть случаи, что и пашетъ, какъ это бываетъ и у насъ; остальныя же работы исполняетъ одинаково съ мужчиной.

Наконецъ, у черногорца лѣтомъ жизнь раздѣляется надвое: часть хозяйства дома, а часть на *планинѣ* (такъ называются

высокія горы, которыя никогда не обработываются, а доставляютъ только пастбища), въ *катунахъ* (родъ нашихъ хуторовъ), обыкновенно удаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ верстъ за 7, за 10 и до 20 верстъ).

Весь скотъ отгоняется въ планину, и тамъ на лѣто возникаетъ цѣлая новая хозяйственная отрасль,—молочное хозяйство, состоящее въ томъ, что въ день два раза доятъ коровъ, овецъ и козъ, всего среднимъ числомъ штукъ до 100, и затѣмъ сырятъ, разливаютъ въ *кармецы* (плоскіе деревянные сосуды въ родѣ нашихъ лотковъ), снимаютъ *скорупъ* (верхнюю толстую пѣнку), который замѣняетъ масло, а остальное сырятъ, потомъ откидываютъ сыръ и прессуютъ въ видѣ круговъ. Часть этихъ скоповъ, а также и прѣсное молоко, такъ называемую *варенику*, отъ времени до времени, посылаютъ домой. Все это лежитъ на двухъ, трехъ взрослыхъ женщинахъ и малыхъ дѣтяхъ. Жизнь въ катунахъ, въ мѣстахъ пустынныхъ и среди лѣса, не лишена опасностей: не говоря о волкахъ, которые постоянно шныряютъ здѣсь около стадъ, ихъ посѣщаетъ иногда медвѣдь, а по окраинамъ гайдуки изъ турецкихъ предѣловъ. Женщина живетъ здѣсь одна съ дѣтьми, нисколько не помышляя объ опасности, всегда готовая къ самозащитѣ.

Кромѣ молочныхъ скоповъ, съ катуна приносятся мотки и громадные клубки шерстяной пряжи. Мужчины являются на катунъ, только чтобъ провѣдать или провести время, попитаться свѣжимъ молокомъ и подышать планинскимъ воздухомъ.

Всѣ покупки на базарѣ для дома до такихъ малостей, какъ табаку для мужа, исполняетъ женщина. А если военное время, то часть женщинъ исполняетъ и военную повинность, составляетъ *комору* (военный обозъ), перенося и перевозя за войскомъ съѣстные и военные припасы; имъ же приходится часто убирать и переносить раненыхъ. Всякій военный лекарь имѣетъ за собою отрядъ женщинъ, которыя не отстаютъ и во время боя, поэтому нерѣдко случается, что ихъ ранятъ и убиваютъ непріятельскіе выстрѣлы.

Однимъ словомъ, женщина въ черногорской семьѣ составляетъ ничто иное, какъ вѣчно работающую силу, незнающую отдыха отъ колыбели до могилы. Возмутительно видѣть, какъ, рядомъ съ вереницей женщинъ, задыхающихся подъ тяжкою ношей, идетъ такая же вереница мужчинъ, беззаботно покуривающихъ свои *чибуки* или помахивающихъ ими въ видѣ тросточекъ.

Черногорца вы никогда не увидите съ ношей: это не его обязанность, даже позорно для него. Какое извращеніе понятій! Какое безжалостное, безчувственное отношеніе къ подругѣ жизни, которая, дѣйствительно, дѣлитъ съ нимъ все, не исключая даже военныхъ опасностей! И онъ же на вопросъ вашъ, кого онъ имѣетъ дома, отвѣтитъ: «Имѣю отца, мать, и, *извините*,—жену». Перечисляя дѣтей, скажетъ: «Имѣю само іедно діете (т. е. мальчика) и,—*о-простите*,—двіе дievочке». Какъ будто, дѣвочки—не дѣти, а просто какія-то непотребныя существа. Воротившись домой послѣ долгой разлуки, онъ приласкаетъ и перецѣлуетъ всѣхъ, но не жену, которая подойдетъ только и поцѣлуетъ его руку, а онъ при томъ тихо, какъ бы украдкой, спроситъ ее: «Како си ты, Любицы?»—«Э! тако», — отвѣтитъ она, пожимая плечами, снимая при этомъ съ него опанки или убирая его ружье и *обрамницу* (сумку дорожную). При разставаніи сцена въ томъ же родѣ: жена не смѣетъ плакать, провожая мужа.

Впрочемъ, представляя эту картину семейныхъ и супружескихъ отношеній, мы наблюдали ихъ только извнѣ; мы наблюдали только наружныя проявленія этой жизни и ея внѣшнюю, такъ сказать, форменную или обрядовую сторону, не заглядывая въ глубь, не давая никакихъ объясненій, и пускаясь въ разсмотрѣніе въ совокупности всѣхъ условій этой жизни. Мы видимъ только факты, не зная скрывающагося за нимъ принципа.

Позволю себѣ маленькое отступленіе: для сравненія приведу также лично наблюдаемый мною фактъ изъ жизни народа въ самой цивилизованной части Европы.

Въ Цюрихѣ мнѣ случилось видѣть похоронную процессію: впереди на катафалкѣ везли гробъ какого-то мужчины, за нимъ шли попарно человѣкъ до 30 также однихъ мужчинъ. Примкнулъ и я къ процессіи, найдя въ рядахъ знакомаго, и, ставъ съ нимъ въ пару, я началъ разспросъ объ умершемъ. Оказалось, что это почтенныхъ лѣтъ гражданинъ, оставившій довольно многочисленное семейство, жену и дѣтей. Тѣмъ не менѣе изъ женскаго пола никто не присутствовалъ, и какъ я себѣ толковалъ, именно вслѣдствіе дурной погоды. Это было въ январѣ, падалъ снѣгъ, и тутъ же обращался въ слякоть. Мнѣ понравилось, что женщины на такой случай освобождаются отъ обязанности сопровождать покойника, что у насъ было бы невозможно: жену осудили бы за нелюбовь къ мужу и т. д. На мое выраженіе удовольствія по этому поводу, швейцарецъ отвѣтилъ: «У насъ женщины не про-

вожаютъ покойниковъ и покойницъ ни въ дурную, ни въ самую прелестную погоду, потому что не имѣютъ на то права.» Тогда дѣло представилось мнѣ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ и, поведя свои наблюденія дальше, я увидѣлъ, что тамъ вообще женщина передъ закономъ и въ положеніи общественномъ поставлена весьма низко. По закону, она находится въ рабской зависимости отъ мужчины, а на дѣлѣ также существуетъ для исполненія только извѣстныхъ домашнихъ функцій.

Припомнимъ также средневѣковое рыцарское обожаніе женщинъ передъ свѣтомъ и на турнирахъ, рядомъ съ самымъ ужаснымъ третированіемъ ихъ дома. А въ насъ, цивилизованныхъ европейцахъ, развѣ не проглядываютъ въ большинствѣ тѣ же рыцарскія воззрѣнія, допускающія, рядомъ съ утонченно-деликатнымъ отношеніемъ къ женщинѣ, стоящей въ извѣстномъ свѣтскомъ рангѣ, самыя грубыя отношенія и возмутительныя шалости съ женщинами внѣ ранга?

Такъ подъ прелестною внѣшностью, подъ самыми мягкими формами могутъ скрываться принципы весьма суровые и несправедливые, и наоборотъ.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ проникнуть въ самую интимную сторону семейной жизни и освѣтить самое важное и существенное въ ней—отношенія мужа и жены, какъ внѣшнія, такъ и принципіальныя. Ссылка на положительныя постановленія закона, регулирующія эти отношенія, также не даетъ намъ прямаго объясненія. Вотъ почему рѣшеніе этого вопроса для иностранцевъ-путешественниковъ я считаю совершенно невозможнымъ, хотя никто изъ нихъ этого вопроса не минуетъ и рѣшаетъ по своему, или повторяетъ мнѣніе, однажды сложившееся подъ извѣстнымъ тенденціознымъ воззрѣніемъ, что такой-то народъ дикій, и потому всѣ его отношенія впередъ считаются таковыми же. Такимъ образомъ, всѣ почти путешественники, принимая во вниманіе задавленность черногорской женщины работой и внѣшнее пренебреженіе къ ней мужа, естественно дѣлаютъ заключеніе о ея порабощеніи и въ правовомъ отношеніи.

Такой взглядъ вызвалъ сочиненіе одного черногорца, Поповича, который старается не только опровергнуть этотъ взглядъ, но и установить совершенно противуположное воззрѣніе. Не имѣвъ случая познакомиться съ этимъ сочиненіемъ, которое весьма интересно, какъ произведеніе черногорца, которому, конечно, извѣстна и самая интимная сторона интересующаго насъ вопроса;

я, съ своей стороны, не пускаюсь въ рѣшеніе этого вопроса, но, во имя справедливости, представивъ факты, свидѣтельствующіе о чрезвычайно тяжкомъ положеніи черногорской женщины, долженъ сообщить все извѣстное мнѣ, свидѣтельствующее о совершенно противномъ.

Относительно того, что черногорецъ никогда не носитъ тяжести, предоставляя это спинамъ лошаковъ и женщинъ, я слышалъ, что князь Даніилъ далъ положительный приказъ, чтобы ни одинъ черногорецъ не отдалялся отъ дома безъ ружья и вмѣстѣ съ тѣмъ не носилъ никакихъ тяжестей. Въ этомъ распоряженіи никакъ нельзя усматривать желаніе тѣмъ различить мужчину отъ женщины; оно вызвано было чисто внѣшними, случайными обстоятельствами.

Послѣдніе годы правленія владыки Петра II прошли въ тишинѣ и мирѣ, исключая мелкихъ стычекъ на окраинахъ, которыя въ то время и не были тѣсно связаны съ Черногорьемъ. Вся дѣятельность этого владыки клонилась къ ослабленію воинственныхъ наклонностей черногорцевъ, которыя смущали общее спокойствіе во время мира, когда не было войны съ внѣшнимъ непріятелемъ. И дѣйствительно, за это время воинственность черногорскаго народа упала, и князю Даніилу нужно было употребить самыя энергичныя мѣры, чтобы снова влить въ него духъ воинственности, потому что тотчасъ предстояло вести войну съ Турціей. Въ числѣ этихъ мѣръ находилось и обязательное ношеніе оружія каждымъ черногорцемъ, гдѣ бы онъ ни былъ, что само-собою исключало возможность носить какую бы то ни было другую тяжесть.

Затѣмъ, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній, черногорецъ вѣчно на войнѣ или на военномъ положеніи; ему положительно нѣтъ времени работать; онъ дома не хозяинъ, а временный постоялецъ или гость. Можетъ ли онъ поэтому нести на себѣ постоянную заботу о хозяйствѣ? Конечно, нѣтъ; и забота эта выпадаетъ на долю постоянной обитательницы дома—женщины.

Всматриваясь въ эти семейныя отношенія весьма внимательно и близко, я замѣтилъ, что мужъ никогда почти въ домѣ не играетъ роли хозяина. Мало того, онъ какъ будто совсѣмъ не изъ этого дома, а только гость, но гость любимый или уважаемый, которому всѣ стараются услужить и угодить; онъ примыкаетъ къ жизни этого дома, какъ посторонній: онъ помогаетъ только по возможности и разумѣнію, а не распоряжается ничѣмъ. Если

онъ представляетъ изъ себя господина, то все его господство ограничивается тѣмъ, что ему дозволяютъ иногда уклоняться отъ работы, чтобы пополитизовать или потолковать о различныхъ частныхъ и общественныхъ вопросахъ въ подобной ему компаніи; на далекое разстояніе приносятъ ему уголь для раскуриванія трубки, помогаютъ ему одѣться и раздѣться. Но такой господинъ совершенно уже не играетъ никакой роли, не имѣетъ никакой власти. Типъ этотъ довольно нерѣдокъ; его создаетъ именно продолжительная лагерная жизнь, которая, дѣйствительно, деморализуетъ, разслабляетъ человѣка, убиваетъ въ немъ главную способность—способность свободно распоряжаться собою и давать инициативу другимъ. Въ массѣ же, черногорецъ дома работящъ также, какъ и всякій другой. Прошлый годъ былъ крайне неблагопріятенъ для работъ, и работы шли какъ-то вяло, нехотя, и та работа пропала, что и предвидѣлъ народъ. Въ нынѣшнемъ же году вы увидали бы совершенно другое. Съ ранней весны началось военное положеніе, и потому многія мужскія работы совершены были женщинами при помощи стариковъ и малолѣтковъ; но едва какой-нибудь батальонъ отпускался домой на смѣну, не отдыхая ни одного дня послѣ похода, онъ кидался на работу съ азартомъ, съ остервененіемъ: отъ зари до ночи село пустѣло, какъ вымершее; всѣ отъ мала до велика были на работѣ: работалъ офицеръ, попъ, батальонный камандиръ, мужикъ и женщина, всѣ безъ различія.

Что между черногорцами очень много лежебоковъ, очень много людей совершенно испорченныхъ, вслѣдствіе, вѣрно, ненормальнаго положенія страны, этого нельзя отрицать; но это особый разрядъ людей, о которомъ мы будемъ еще говорить въ другомъ мѣстѣ; но въ массѣ черногорецъ работаетъ энергично; его натура отнюдь не апатична и не лѣнива, какимъ можетъ черногорецъ показаться въ минуты досужаго препровожденія времени въ непрерывномъ сосаньи чубука. Нельзя отказать ему и въ умѣньи работать, хотя во многихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ способамъ весьма примитивнымъ. Женщины задавлены работой вслѣдствіе тѣхъ самыхъ обстоятельствъ, которыя мужчину совершенно отчуждаютъ отъ дома и хозяйства.

Тѣ же самыя обстоятельства подавили вообще въ черногорской семьѣ всякія нѣжныя отношенія и чувства. Я видѣлъ, какъ матери провожаютъ своихъ дѣтей въ бой: ни слезинки, ни малѣйшаго намека на то, что эта разлука можетъ быть навсегда.

Здѣсь я вижу не отсутствіе чувства, а только подавленіе его. Только проводивши сыновей и оставшись одна, мать отдается вся своему чувству; но и тутъ главная мысль ея не о сыновьяхъ своихъ, а о цѣломъ войскѣ; ей мерещится второе Коссово, и она молитъ Бога за многострадальный свой народъ, за свое племя. Жизнь воспитала въ этой простой женщинѣ то широкое чувство, которое у насъ является при высшемъ образованіи. Поэтому я утверждаю, что нѣтъ нѣжности не въ отношеніяхъ супруговъ, а вообще въ черногорской семьѣ нѣтъ мѣста для нѣжныхъ чувствъ. Но нѣтъ также и деспотическихъ отношеній. Мнѣ нигдѣ не удалось замѣтить ни тѣни страха жены передъ мужемъ; она держится свободно, какъ и всѣ.

Иностранцу никакъ не понять этихъ отношеній; но, какъ представитель цивилизованнаго мира, онъ считаетъ себя способнымъ судить народъ просто съ птичьяго полета. Французъ Мармье написалъ книжечку о Черногоріи, въ которой отдѣльную главу занимаютъ «нравы и обычаи» со включеніемъ неизбѣжныхъ разсужденій о положеніи женщины. Но вѣдь онъ только проѣхалъ отъ Котора до Цетинья и обратно, не зная мѣстнаго языка и разговаривая по итальянски съ проводникомъ Янко и еще съ двумя-тремя въ княжескомъ домѣ; возможно-ли тутъ хоть какое нибудь наблюденіе нравовъ и обычаевъ? А талантливый французъ, однако, нашелся: онъ видѣлъ фигуру черногорской женщины, видѣлъ ея обстановку, затѣмъ взялъ кое-что у прежнихъ путешественниковъ и приклеилъ это къ тому, что видѣлъ. Мармье, однако, довольно остороженъ и тактиченъ; онъ не распространяется много, а отдѣлывается общими мѣстами, въ которыхъ всегда найдется доля истины; но въ то же время, не впадая въ большія натяжки, не скрываетъ того, что совершенно опровергаетъ его окончательное заключеніе. Вотъ это мѣсто: «Эти женщины, говоритъ онъ,—осужденныя нести такое тяжелое бремя, эти женщины, на которыхъ, можно сказать, лежитъ вся тяжесть существованія (семьи, конечно), и которыя на столько проникнуты сознаніемъ своего униженія передъ мужчиной, что приближаются къ нему единственно съ тѣмъ, чтобъ униженно поцѣловать его руку; *эти женщины при всемъ томъ окружены истиннымъ чувствомъ уваженія*. Каждая изъ нихъ можетъ безъ страха путешествовать ночью, все равно какъ днемъ, по дорогамъ самымъ пустыннымъ въ Черногоріи. Никто не осмѣлится нанести ей ни малѣйшей обиды. Кто обратился бы къ ней съ оскор-

бительнымъ словомъ, поплатился бы жизнію. Не только онѣ сами стоятъ подъ такою защитою народныхъ нравовъ, но онѣ охраняютъ и того, кто слѣдуетъ за ними. *Для иностранца, который путешествуетъ по Черногоріи, простая женщина составляетъ самую вѣрную охрану*».

Далѣе, говоря, что онѣ вслѣдствіе тяжелой работы не могутъ быть граціозны, вслѣдствіе грубой и грязной одежды не могутъ быть очаровательны, и, наконецъ, вслѣдствіе невѣжества и рабства не могутъ претендовать сдѣлаться «синимъ чулкомъ», онъ добавляетъ: «но Шекспиръ не могъ бы примѣнить къ нимъ своего жестокаго приговора: «женщина, имя тебѣ — ничтожество!» *)

Да, въ томъ-то и дѣло, что она не ничтожество. Съ дѣтства она пріучается быть самостоятельной, не бояться никого и ничего; а потомъ, привыкши нести на себѣ не только трудъ, но и заботу о семьѣ, и не уступая мужчинѣ ни даже въ участіи на боевомъ полѣ, она только крѣпнетъ и проникается все глубже сознаніемъ своей силы, своего равенства съ мужчиной; она дышетъ совершенно мужскимъ духомъ и всегда пристыдитъ мужчину безчестнаго или труса, и съумѣетъ, при надобности, сама себя защитить противъ всякаго. О рабствѣ такой женщины не можетъ быть и рѣчи.

Мармье, какъ истый французъ, прошелся во всей этой статьѣ о нравахъ и обычаяхъ слегка, не останавливаясь на немъ долго, не стараясь его исчерпать; онъ—туристъ и талантливый, образованный наблюдатель и хорошій разсказчикъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ сочиненіе двухъ авторовъ — Фрилея и Влохити, которые сообща написали книгу: «Современная Черногорія»; это полное, систематическое описаніе, основанное на долговременномъ изученіи страны въ новѣйшее время (передъ послѣднею войной). Вотъ какъ они смотрятъ на свою задачу и что говорятъ о себѣ: «Два условія необходимы для того, кто хочетъ знать чужую страну, народъ или правительство. Во первыхъ, нужно долго жить въ данной странѣ, жить посреди этого народа, подчиняться законамъ даннаго правительства; во вторыхъ, необходимо проникнуться нравами, учрежденіями, исторіею народа, узнать языкъ, литературу, словомъ, всю цивилизацію того громаднаго человѣческаго семейства, съ которымъ хочешь

*) X. Marmier—Lettres sur l'Adriatique et le Montenegros. T. II, p. 297.

познакомить своего читателя. Безъ соблюденія этихъ двухъ условій, можно написать сочиненіе болѣе или менѣе ученое (?), поэтическое или юмористическое, но всегда далекое отъ истины. Подобныхъ сочиненій существуетъ много и о Черногоріи, такъ что эта маленькая страна рѣдко появлялась въ ея описаніяхъ съ своей настоящей физіономіею. *Мы долго жили въ Черногоріи; ея языкъ родной для одного изъ насъ; посвященные въ нравы страны, мы, такъ сказать, сами испытали ту оригинальную жизнь, картину которой хотимъ представить нашимъ читателямъ* *).

Заручившись такою авторитетностью, они — ни много, ни мало—посвящаютъ цѣлую отдѣльную главу разсмотрѣнію физической и нравственной сторонъ женщины и ея положенія во всѣхъ сферахъ жизни.

Вотъ главные выводы и положенія, къ которымъ привело ихъ глубокое, самостоятельное и всестороннее изученіе:

«Исторія черногорской женщины можетъ быть резюмирована въ двухъ словахъ: работать и страдать. На порогѣ храма жизни, какъ на фронтисписѣ ада (Дантовскаго), она читаетъ фатальный приговоръ ея судьбы: «Lasciate ogni speranza voi ch' entrate!» И дѣйствительно, все ея существованіе будетъ состоять изъ цѣлаго ряда страданій, непосильнаго труда и рабской зависимости». Далѣе идетъ описаніе положенія дѣвушки у индіанцевъ на берегахъ Ориноко, которое заключается слѣдующими словами: «Всѣ эти слова буквально примѣнимы къ жизни черногорки; нравы дикихъ обитателей береговъ Ориноко, спустя много вѣковъ, воскресаютъ среди утесовъ Черногоріи». Затѣмъ идетъ рядъ окончательныхъ приговоровъ: «Вы не найдете ни въ ея поступкахъ, ни въ словахъ и движеніяхъ и тѣни той справедливой увѣренности, того довѣрія къ себѣ, которыя у женщинъ цивилизованныхъ народовъ являются слѣдствіемъ сознанія своихъ правъ, своего равенства передъ мужчинами. Въ своемъ отцѣ, братѣ, мужѣ, во всѣхъ нихъ черногорка видитъ существа высшей породы, передъ которыми она должна дрожать, молчать и повиноваться; мужчинѣ же нравится выказывать свою власть, доводить ее до крайняго деспотизма: онъ видитъ въ этомъ

*) Мы имѣемъ это сочиненіе въ русскомъ переводѣ, къ несчастію весьма плохомъ: «Современная Черногорія» — Фрилея и Влохити, — изд. „Всемірнаго Путешественника". С.-Петерб. 1876 г. стр. 52.

сохраненіе своего достоинства, и зачастую только одно ложное чувство чести не позволяетъ ему перестать тиранить свою жену (?!). Черногорки какъ будто находятъ удовольствіе въ ихъ подчиненности и униженіи, даже видятъ въ этомъ удовлетвореніе своего самолюбія, совершенно не понимая того, что ихъ самолюбіе — есть самолюбіе вьючнаго животнаго, работающаго изъ всѣхъ силъ». Далѣе они заявляютъ, что только нѣсколько лѣтъ назадъ женщинѣ стало доступно элементарное образованіе (а давно-ли оно стало доступно мужчинѣ?) и что нравы страны допускаютъ для нихъ только самое отдаленное участіе въ дѣлахъ, некасающихся домашней жизни (а давно-ли въ цивилизованной Европѣ стало иначе, да и стало-ли вполнѣ?). Весьма характерны слѣдующія слова, при которыхъ, какъ говорится, не знаемъ, плакать или смѣяться: «то, что называется у насъ ухаживаніемъ за женщинами, совершенно неизвѣстно въ Черногоріи (какая жалость!); тамъ окончательно непримѣнимы наши способы нравиться женщинамъ, и если бы ихъ не сочли преступными (т. е. если бъ за это не вздули, выражаясь въ духѣ тривіальнаго языка авторовъ), то, во всякомъ случаѣ, они показались бы унизительными и смѣшными (этого не понимаютъ цивилизованные сочинители!). Такимъ образомъ, мужчина старается не показывать ни малѣйшаго вниманія къ женщинѣ (жаль, что авторамъ неизвѣстны стихи Пушкина, извѣстные у насъ каждому читавшему билетики на конфектахъ: «чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей»,—а черногорцы, злодѣи, постигаютъ тактику вполнѣ); да и при томъ ничто не доказываетъ, чтобы черногорскія женщины были бы чувствительны къ тому ухаживанію, которымъ окружены женщины у насъ (знаютъ и онѣ эту тактику, хотя и недоступно имъ элементарное образованіе). Правда, что добродѣтель, благодаря этому, выигрываетъ (а порокъ наказывается; какъ жаль!), и молодая дѣвушка можетъ свободно ходить изъ дома въ домъ, съ горы на гору, (а въ цивилизованномъ мірѣ, безъ страха не можетъ перейти черезъ улицу!), лучше гарантированная тѣмъ, быть можетъ, немного и *лицемѣрнымъ* уваженіемъ (авторамъ, видимо, не нравится это уваженіе: и какъ можно уважать рабыню?), которое ее окружаетъ, чѣмъ наши дѣвушки гарантированы нашими строгими законами». Чьи же нравы лучше,—цивилизованной Европы, которая даже строгими законами не можетъ вполнѣ гарантировать свободу и безопасность дѣвушки, или черногор-

скіе, которые достигаютъ этого лучше путемъ *лицемѣрнаго* уваженія къ ней?...

И вся эта болтовня безъ связи, безъ логики, безъ всякаго опредѣленнаго взгляда вообще на жизнь и ея вопросы, произносится тономъ авторитета и глубокомыслія. «Необходимо проникнуться нравами, учрежденіями, исторіею народа»,—говорятъ авторы; какъ будто это такое легкое дѣло, что пожилъ два-три года въ одномъ домѣ, пробавляясь своимъ только языкомъ и не зная языка народа, который живетъ около, и я проникся всѣмъ: «мы, посвященные въ нравы страны, сами испытали ту оригинальную жизнь, картину которой хотимъ представить нашимъ читателямъ». Не знаешь, чему дивиться болѣе: непониманію или нахальству.

Необходимость разоблачить наглую и тенденціозную ложь и установить точку зрѣнія на одинъ изъ весьма важныхъ вопросовъ народной жизни задержала насъ слишкомъ долго; но вопросъ этотъ тѣмъ далеко еще не исчерпывается. Не считая себя компетентнымъ произносить окончательный судъ надъ цѣлымъ народомъ, мы и не имѣемъ той претензіи. Наша забота собрать рядъ фактовъ, представить рядъ личныхъ наблюденій и сужденій, которыя могли бы послужить матеріаломъ для систематическаго описанія народа и страны и уясненія его характера, его этнографическихъ свойствъ, общественныхъ нравовъ и обычаевъ, его культурной и политической роли. О женщинѣ намъ приведется еще сообщить не мало наблюденій, ведя ихъ, конечно, рядомъ съ наблюденіями другихъ сторонъ народной жизни. Все, что мы сообщили до сихъ поръ о черногорской женщинѣ, относится почти исключительно къ женщинѣ старой Черной Горы, а нѣкоторыя черты спеціально относятся только къ Нѣгушамъ и Цетинью. Такъ, постоянною переноскою тяжестей занимаются единственно женщины этихъ мѣстъ, вслѣдствіе положенія ихъ при главномъ торговомъ пути и вслѣдствіе упомянутаго выше торгово-промышленнаго характера вообще жителей этихъ мѣстностей, чего вы не встрѣтите нигдѣ больше въ другомъ мѣстѣ Черногоріи, гдѣ женщина занята только домашними работами и только въ видѣ развлеченія каждый базарный день идетъ въ базарное мѣстечко. А между тѣмъ, господа путешественники, рѣдко идущіе дальше Цетинья, только тѣхъ женщинъ и видятъ и по нимъ составляютъ свои взгляды вообще на черногорскую женщину.

Для дополненія того типа, я долженъ сказать, что постоянное шатаніе въ Котаръ не остается безъ весьма дурныхъ по

слѣдствій. А priori, предполагаю, что въ этихъ женщинахъ должна развиться вообще привычка къ скитанью и непривычка сидѣть дома, а по опыту знаю, что онѣ весьма нахальны и безстыжи во всемъ; встрѣчаясь съ вами на пути, онѣ не пропустятъ васъ, чтобъ не попросить на выпивку, не наговорить какихъ-нибудь сальностей и не сдѣлать еще болѣе неприличныхъ предложеній. Можетъ быть, онѣ на словахъ хуже, чѣмъ въ дѣйствительности; но довольно того, что онѣ безстыдны. При разсчетахъ онѣ способны на обманъ и потомъ будутъ приставать, какъ цыганки, къ типу которыхъ онѣ значительно приближаются. Но эти женщины меньше, чѣмъ всякая другая, способны испытывать страхъ передъ мужьями, которые въ свою очередь также любятъ скитаться по заработкамъ въ Царьградъ, Австрію, Сербію. Это то, что у насъ подгородные, которыхъ городъ съ одной стороны кормитъ, съ другой эксплоатируетъ съ ущербомъ чистотѣ простыхъ сельскихъ нравовъ.

Впрочемъ, смотря на обработку полей, гдѣ каждый даже самый маленькій клочекъ земли обработанъ и тщательно, какъ нашъ огородъ, обнесенъ каменною стѣною, нельзя допустить, чтобъ Нѣгушане отдавались побочнымъ занятіямъ въ ущербъ земледѣлія; напротивъ, здѣсь всюду вы видите самую тщательную обработку земли съ каждогоднымъ удобреніемъ.

Въ первый разъ я проходилъ по этимъ мѣстамъ въ прошломъ году, 2 мая. Время было самое неблагопріятное: до того времени шли все дожди, и глинистая почва никакъ не просыхала, а наканунѣ палъ снѣгъ и лежалъ вездѣ немного выше дороги. Тѣмъ не менѣе, на поляхъ была дѣятельность чрезвычайная; куда не посмотришь, всюду копошится народъ; и какое разнообразіе работы: тамъ пашутъ *раломъ* (родъ сохи) парою воловъ, тамъ копаютъ землю большими мотыгами; тамъ долбятъ кирками и, выбирая камень, складываютъ его въ стѣнку; другіе носятъ въ корзинахъ на себѣ и на лошакахъ удобреніе или землю, которую выгребаютъ изъ ямокъ между скалъ; тамъ, гдѣ-то, слышатся взрывы минъ: это съ помощью пороха взрываютъ камни, чтобъ расчистить и разровнять мѣсто, образовать новую площадку, на которую потомъ нужно будетъ нагрести и натаскать земли. Такъ здѣсь приходится создавать землю.

Насталъ уже май мѣсяцъ, а ни зерна еще не было посѣяно; народъ, зная, какъ рано въ тѣхъ мѣстахъ настаетъ зима, былъ въ унынiи, и работалъ, если не для этого, то для будущаго лѣта.

Понятно, что при такихъ условіяхъ земли здѣсь не достаетъ, и жители по неволѣ должны искать пропитанія на сторонѣ, и только вслѣдствіе своей оборотливости и предпріимчивости Нѣгушане зажиточнѣе другихъ черногорскихъ селъ.

Обратимся, наконецъ, къ самому поселенію.

Съ прихода, вы видите слѣва кучку небольшихъ, грязныхъ домишекъ, покрытыхъ соломою, а прямо противъ нихъ, черезъ дорогу, длинное каменное зданіе, въ два этажа, со множествомъ оконъ, покрытое черепицею—это школа. Домишки же слѣва—все корчмы. Внизу лавка, въ которой въ глубинѣ, въ темномъ подвалѣ, стойка съ сосудами водки и вина, со стекляннными стаканчиками и жестяными мѣрками; вверху виситъ связка сухихъ давнихъ кренделей; около стѣнокъ тамъ боченокъ, тамъ жестяные сосуды съ деревяннымъ масломъ и керосиномъ; какіе-то мѣшки. Видъ крайне мрачный. И въ этомъ мракѣ и тѣснотѣ новыляетъ, хромая на одну ногу, хозяйка: женщина лѣтъ 50, вся въ черномъ, съ угрюмымъ взглядомъ, съ грубымъ голосомъ.

Вы помѣщаетесь на треногой скамеечкѣ въ портикѣ передъ этою мрачною пещерой и жадно ловите солнышко, которое то и дѣло скрывается за облака, наносимыя и относимыя вѣтромъ. Передъ вами высится Ловякъ: онъ весь покрытъ лѣсомъ, но лѣсъ этотъ не только не успѣлъ еще одѣться зеленью, но до половины закрытъ снѣгомъ; съ него такъ и обдаетъ холодомъ.

Послѣ васъ примиряетъ съ этою мрачною обстановкой то, что хозяйка, хромая Мáке, весьма услужливая женщина, и притомъ весьма честная; она всегда имѣетъ хорошую водку и вино, кофе, свѣжія яйца, ветчину, сыръ, а если хотите, изготовитъ вамъ и супъ изъ курицы; и никогда не возьметъ дорого, а о присчитываніи и не думайте. Изъ мрачнаго подвала, по крутой лѣсенкѣ вы поднимаетесь вверхъ и находите тамъ двѣ свѣтлыя, чистыя комнатки съ кроватями и постелями; диванчикъ, стулья; все это рѣдкость даже въ Цетинье въ квартирахъ, отдаваемыхъ подъ постой; въ углахъ образа съ лампадками, по стѣнамъ 2 зеркала, литографированные портреты черногорскихъ князя и княгини, нашего императора и царской фамиліи, и множество фотографическихъ карточекъ перебывавшихъ здѣсь русскихъ офицеровъ, врачей, сестеръ милосердія и членовъ общества краснаго креста. Единственною помощницей хозяйкѣ служитъ 14-лѣтняя дочка Стана. Какъ подростающая, она сверхъ шапочки носитъ платокъ, тщательно скрывая свои волосы, но двѣ темно-

русыя косы, туго притянутыя къ затылку, мимо воли ихъ владѣтельницы, выбиваются наружу и въ видѣ толстыхъ плетеныхъ колецъ обрамляютъ бѣлый, какъ мраморъ, лобъ и вѣчно пылающія румянцемъ щеки. Когда не прислуживаетъ кому-нибудь, она сидитъ у дверей или на верху въ своей каморкѣ, углубленная въ какое-нибудь рукодѣлье, украдкой, изподлобья, смотря по сторонамъ, какъ будто ища чего-то своими большими карими глазами. Она, какъ и мать, смотритъ нѣсколько угрюмо, но изъ-подъ этого угрюмаго взгляда часто пробивается дѣтская и въ то же время немного лукавая улыбка. По виду она совершенно взрослая дѣвушка; годъ, какъ оставила школу и помогаетъ матери во всѣхъ работахъ; а главное, помогаетъ ей вести всѣ счета; она порядочно пишетъ, хорошо знаетъ ариѳметику, а чтеніе, особенно народныхъ пѣсенъ и стиховъ, любитъ до страсти и знаетъ ихъ множество наизусть не хуже инаго гусляра. Скромная и угрюмая, вся поглощенная дѣломъ въ обычное время, она воодушевляется, сбрасываетъ съ себя всякое стѣсненіе, во время игръ: скачетъ, кричитъ, бьетъ мячомъ или жгутомъ и сама ловко увертывается отъ ударовъ, не уступая своимъ товарищамъ по игрѣ, молодымъ, здоровымъ парнямъ. Дайте ей новую книжку; она сейчасъ же примется за нее и проглотитъ моментально; а послѣ все держитъ при себѣ и прочитываетъ тѣ мѣста, которыя произвели на нее болѣе сильное впечатлѣніе. Однажды, она цѣлый вечеръ намъ декламировала народныя пѣсни, придерживаясь нѣсколько тона гусляровъ; но какая это была пріятная, пѣвучая декламація и какое тонкое произношеніе каждаго звука! Тутъ только осязательно узнаешь, сколько разнообразія въ сербскомъ языкѣ въ произношеніи одного и того же звука, какъ, напримѣръ, мягкихъ *д*, *т*, твердаго мягкаго и средняго *л*, полугласнаго *р* и т. п.

Совершенно случайно, но въ то же время кстати, подвернулся намъ образъ Станы, простой, черногорской дѣвушки, нѣгушанки, немного ухватившей народной школы; а она далеко не единственная въ Черногоріи; нужно только, дѣйствительно, пожить и потолкаться въ народѣ, а не пронестись поверхъ него какимъ-то бореемъ, которому нужно только все побороть или заморозить.

Бросимъ еще бѣглый взглядъ на все село Нѣгуши.

Кромѣ стоящаго на другомъ концѣ равнины дома князя, небольшаго выбѣленнаго зданія, съ зелеными ставнями и красною черепичною крышей, обнесеннаго такою же бѣлою каменною стѣ-

ной съ балконами по угламъ, и остальные дома по наружности не имѣютъ ничего общаго съ нашими сельскими постройками: всѣ каменные, въ два этажа, покрытые черепицей; съ воротами, ведущими въ нижній этажъ, и съ каменными крылечками, ведущими на верхъ; окна небольшія и, по размѣру зданія, не въ достаточномъ числѣ, передъ домомъ непремѣнно гумно для молотьбы хлѣба: это большой кругъ, гладко вымощенный каменными плитами, а около барьеръ также изъ тесаннаго камня, по срединѣ отверстіе, въ которомъ, когда надобно, вставляется столбъ, называемый *стоферг*, вокругъ котораго гоняютъ лошадей во время молотьбы. Къ току плотно примыкаетъ низкое зданіе *поята*, куда черезъ двери скидываютъ солому. Токъ этотъ въ свободное время служитъ для собраній. Иногда, около, молодежь затѣваетъ игры, а пожилые присядутъ на барьеръ и смотрятъ, участвуя въ игрѣ глазами, научая однихъ, хваля или порицая другихъ, или просто ведутъ между собой какую-нибудь бесѣду. Устройство такого гумна стоитъ не дешево, поэтому его имѣетъ не всякій домъ, а нѣсколько домовъ вмѣстѣ.

Внутренность домовъ далеко не такъ приглядна, какъ наружность; но мы покуда не войдемъ и удовлетворимся только наружнымъ ихъ видомъ. Есть дома, совершенно какъ каменные сараи, покрытые притомъ соломой, почернѣвшей отъ проходящаго сквозь нее дыма, такъ какъ трубъ нигдѣ не имѣется.

Улицъ нѣтъ; но дома стоятъ группами и въ группахъ расположены близко одинъ къ другому, иные совсѣмъ соприкасаются. Ни дворовъ, ни надворныхъ построекъ почти нѣтъ, такъ какъ нижній этажъ домовъ служитъ загономъ для скота и сараемъ для склада разныхъ хозяйственныхъ орудій. Громоздящіяся надъ домами и около нихъ скалы какъ-то затушевываютъ ихъ: дома и даже церкви едва выдѣляются изъ общаго сѣраго фона.

Всматриваясь въ эту смѣсь домовъ и скалъ, вы увидите развалины какого-то большаго дома. Это былъ домъ *гувернадура*, съ которымъ связывается цѣлая исторія. Когда-то еще венеціанцами учреждена была должность *гувернадура*, какъ посредника въ сношеніяхъ ихъ съ черногорскими владыками; послѣ эта должность осталась и тогда, когда на берегахъ Адріанополя водворилась Австрія. Губернаторъ былъ обыкновенно изъ тамошней же фамиліи Радоничей. Австрія вздумала ихъ обратить въ своихъ собственныхъ агентовъ, и, опираясь на ея поддержку, они стали дѣйствовать съ большимъ авторитетомъ: часто не только

интриговали противъ черногорскаго владѣнія, но просто уничтожали его распоряженія, какъ лица духовнаго, стараясь присвоить себѣ всю власть, возбуждали противъ него народъ и вносили раздоръ между черногорцами; главная же цѣль ихъ была привести народъ къ признанію подданства Австріи. Это было во время владыки Петра II.

Истощивъ терпѣніе и видя, куда все это ведетъ, народъ поднялся, осадилъ ненавистный домъ и, когда жители его не хотѣли сдаваться, зажегъ. Послѣ одни изъ этой фамиліи были убиты, другіе спаслись бѣгствомъ въ Котаръ, гдѣ и по сю пору живутъ подъ именемъ Гувернадуровичей.

Такимъ образомъ, орлиное гнѣздо защитниковъ сербскаго народа отъ турецкаго ярма чуть не сдѣлалось гнѣздомъ предателей, готовившихъ черногорцамъ ярмо австрійское.

Деревьевъ въ Нѣгушахъ весьма мало; есть нѣсколько тутовыхъ деревьевъ и черешенъ, которыя едва замѣтны; нигдѣ ни одного потока, ни одной лужи, ни капли воды, которая держится только въ *бистіернахъ* (скопленіе весеннихъ и дождевыхъ водъ въ искусственныхъ углубленіяхъ, въ родѣ колодезей); всегда бѣлый и сѣрый цвѣтъ скалъ и домовъ, глазъ утомляется, напрасно отыскивая предмета, на которомъ могъ бы отдохнуть отъ мрачнаго однообразія. Не видите вы здѣсь ни толпы ребятишекъ, играющихъ на улицѣ, или валяющихся въ мягкой пыли на дорогѣ, ни домашней птицы, бродящей тутъ же, по зернышку собирающей свою пищу, ни тѣхъ милыхъ животныхъ, которыя всегда умѣютъ найти какую-нибудь лужу и создать изъ нея для себя пріятное мѣсто отдохновенія. Въ сухое лѣто вода здѣсь изсякаетъ и въ резервуарахъ, и тогда за водою приходится отправляться далеко подъ Ловчекъ. Безъ воды, почти безъ растительности и безъ обычныхъ спутниковъ и признаковъ сельской жизни, довольно большое и богатое село Нѣгуши показалось мнѣ слишкомъ угрюмымъ.

Таково оно и есть на самомъ дѣлѣ: слишкомъ суровы здѣсь природа и всѣ условія жизни. Но оно останется навсегда священнымъ въ памяти черногорца, потому что неприступныя скалы и суровая природа, нерасполагающая человѣка къ нѣгѣ и наслажденію, а побуждающая къ энергической дѣятельности, охранили свободу и независимость Черногоріи.

П. Ровинскій.

Цетинье,
26 іюля 1880 года.

КАМЕНКА.

(1821—1825 г.)

(Эпизодъ изъ временъ Александра I.)

(Посвящается М. И. Анненковой).

I.

Мишель посѣтилъ Каменку впервые, осенью въ 1821 году, послѣ своего нежданнаго перевода въ южную армію, въ полтавскій полкъ, изъ распущеннаго, за неповиновеніе, семеновскаго гвардейскаго полка.

Никогда потомъ, въ немногіе годы молодой и бурной, рано погибшей жизни, Мишель не могъ забыть ни своего заѣзда въ этотъ красивый уголокъ кіевской Украйны, ни его радушныхъ обитателей.

Это было въ концѣ ноября.

Его однополчанинъ по гвардіи и теперь ротный командиръ, по полтавскому полку, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ собирался тогда въ свое родовое, миргородское помѣстье, село Хомутѣцъ.

— Хочешь, Миша, — сказалъ онъ ему: я по пути заѣду на именины въ Каменку.... тамъ, въ екатерининъ день, весело,— барышни, танцы.... а главное, увидишь общество замѣчательныхъ, истинно умныхъ русскихъ людей.

Ротный любилъ Мишеля, покровительствовалъ ему и былъ радъ доставить ему развлеченіе. Они поѣхали.

Дорога въ этой части чигиринскаго уѣзда шла извилистыми, лѣсистыми холмами. Погода была мглистая, съ небольшимъ морозомъ. Дубовыя, липовыя и грабовыя рощи, захваченныя раннимъ снѣгомъ, еще не потерявъ всѣхъ листьевъ, стояли то тем-

ными, то багрово-золотистыми островами, среди опустѣлыхъ, бѣлыхъ полянъ. Рѣдкіе сёла и хуторы, съ историческими именами, Суббо́тово, Смѣла, Мотро́нинъ и Лебединскій монастыри, напоминали гетманщину и недавніе, послѣдніе дни Запорожья.

Верстахъ въ сорока отъ Чигирина, извилистый проселокъ сталъ круто спускаться въ долину. Подъ пригоркомъ, пересѣкая Каменку на двѣ части, текла еще незамёрзшая рѣка Тясминъ. Сквозь морозную мглу блеснули маковки двухъ церквей, обозначились новые, вдаль уходящіе холмы и обширное, въ нѣсколько сотъ дворовъ, населенное малороссами и евреями, мѣстечко. На возвышенномъ взгорьѣ сталъ видѣнъ большой, двухъ-этажный, помѣщичій домъ, съ пристройками,—за нимъ старый садъ, красивыми уступами спускавшійся къ рѣкѣ. Барскій дворъ былъ уставленъ возками, санями. Кучера водили упаренныхъ лошадей. Прислуга суетилась между домомъ и дворовыми постройками.

— А знаешь-ли, кого еще мы можемъ здѣсь встрѣтить?— сказалъ спутникъ Мишелю, при спускѣ въ улицу, называя ему обычныхъ каменскихъ гостей: сюда, эти дни, ждали гостя изъ Кишинева.... онъ уже навѣщалъ Каменку минувшею весной....

— Кто такой?

— Пушкинъ....

— Можетъ-ли быть?

— Увидишь.

Любопытство Мишеля было сильно возбуждено, и онъ не помнилъ, какъ въѣхалъ въ ворота и какъ ступилъ на крыльцо.

Восемнадцатилѣтній, темнорусый, голубоглазый и средняго роста юноша, Мишель въ это время съ виду былъ еще почти ребенокъ. Сильно впечатлительный, добраго и нѣжнаго сердца, онъ, подъ надзоромъ страстно его любившей матери, сперва воспитывался въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, въ пансіонѣ какого-то парижскаго эмигранта — аббата. Образованіе ему было дано въ духѣ того времени, чисто французское, такъ что, до поступленія въ гвардію, онъ даже съ трудомъ говорилъ по-русски.

Опредѣлясь въ полкъ, изящный, чувствительный и нѣжный воинъ не могъ равнодушно видѣть мученій мухи, комара. Полковая учебная стрѣльба бросала его въ краску и приводила въ дрожь. Затянутый въ узкій, офицерскій мундиръ, съ высокимъ, жесткимъ воротникомъ и острыми, длинными фалдочками, онъ, когда былъ веселъ, своимъ звонкимъ, задорнымъ смѣхомъ и рѣзвостью, а когда скучалъ,—томностью робкихъ, разсѣянныхъ глазъ,

красиво-вьющимися кудрями и вздохами, напоминалъ скорѣе дикую, несложившуюся дѣвочку, чѣмъ сына Марса. Не желая, впрочемъ, отстать отъ товарищей, онъ любилъ себя показать лихачемъ, гарцовалъ по Невскому на красивомъ скакунѣ, участвовалъ въ дружескихъ попойкахъ, въ карточной игрѣ и прочихъ холостыхъ кутежахъ. Но его любимымъ занятіемъ было чтеніе.

Западные и преимущественно французскіе историки, философы, романисты, поэты и экономисты были Мишелемъ съ жадностью прочитаны въ богатыхъ библіотекахъ его московской и петербургской родни. Съ книгой Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, съ разсужденіемъ о законахъ Монтескье, съ Вольтеромъ и Дидеро онъ ознакомился съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и съ Плутархомъ, Гельвеціемъ, Кондильякомъ, Гольбахомъ, Вателемъ и Руссо. Изъ русскихъ писателей онъ увлекался фантастическими балладами Жуковскаго и плакалъ надъ Лизой Карамзина. Но его идеаломъ былъ Пушкинъ.... Мишель зналъ наизусть почти всѣ его стихи, въ томъ числѣ его неизданныя, смѣлыя и пламенныя сатиры, ходившія въ то время въ безчисленныхъ спискахъ и читавшіяся на расхватъ: Лицинію, Деревня, Кинжалъ, Чаадаеву, на Аракчеева, Голицына и другія.

И вдругъ, этотъ Пушкинъ, этотъ идолъ молодежи, полубогъ, могъ быть дѣйствительно здѣсь же, въ Каменкѣ. Не шутитъ-ли товарищъ? не издѣвается-ли безъ жалости надъ юнымъ поклонникомъ любимца парнасскихъ боговъ?

Виновница именинаго съѣзда, еще сохранившая слѣды былой, замѣчательной красоты, величественная и любезная семидесятилѣтняя старушка, Екатерина Николаевна Давыдова была урожденная графиня Самойлова, сестра извѣстнаго канцлера и племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Отъ перваго брака у нея былъ сынъ,—извѣстный защитникъ Смоленска и герой Бородина и высотъ Парижа, генералъ Николай Раевскій, два сына котораго, ея внуки, были друзьями Пушкина. Ея сыновья отъ втораго мужа, Давыдова, старшій Александръ и младшій Василій Львовичи, жили съ матерью. Высокій, тучный, свѣтлорусый и величавый, отъ природы неподвижный, лѣнивый и всегда полудремлющій Александръ Львовичъ, какъ и его мать, весьма схожій съ дѣдомъ Потемкинымъ, былъ женатъ на красавицѣ-француженкѣ, графинѣ Граммонъ. Василій Львовичъ, совершенная противопо-

ложность брату Александру, впослѣдствіи женатый на миловидной и доброй, дальней родственницѣ, Александрѣ Ивановнѣ, былъ съ виду въ покойнаго своего отца,—роста ниже средняго, съ курчавыми, темными волосами, веселый, со всѣми общительный, говорливый и живой.

Оба брата воспитывались въ Петербургскомъ пансіонѣ аббата Николь, служили, какъ всѣ тогда, въ военной службѣ, одинъ въ кавалергардахъ, другой адъютантомъ князя Багратіона—въ гусарахъ, отличились въ двѣнадцатомъ году и теперь находились въ отставкѣ, старшій генераломъ, младшій полковникомъ. Александръ Львовичъ съ семьей жилъ въ нижней, лѣвой части каменскаго дома, Василій—въ особой пристройкѣ, въ правой. Средину нижняго этажа, съ своими домочадцами, занимала старушка мать. Она вставала рано, обходила въ пристройкахъ разныя рукодѣлья, кружевницъ, коверщицъ и швей, навѣщала оранжереи, цвѣтники и свѣряла свой брегетъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ на садовой полянѣ, передъ домомъ. Всѣ обѣдали, пили чай и ужинали внизу у старушки, бесѣдуя въ общей, огромной, увѣшанной фамильными портретами, нижней гостинной. Верхній этажъ и одинъ изъ флигелей служили для пріѣзда гостей.

Къ Каменкѣ принадлежали семнадцать тысячъ десятинъ земли, унаслѣдованной ея владѣлицей, благодаря дядѣ, свѣтлѣйшему Потемкину, то есть чуть не половина Чигиринскаго уѣзда, и Екатерина Николаевна заранѣе рѣшала почти всѣ уѣздные выборы, говоря одному — ты, батюшка, будешь предводителемъ, другому—тебѣ быть исправникомъ, или судьей.

Въ семейные праздники въ Каменку съѣзжались, кромѣ другихъ сосѣдей, Лопухиныхъ, Орловыхъ, родные хозяевъ, изъ Кіева Александръ и Николай Раевскіе, Поджіо и др. А теперь здѣсь былъ и недавно женатый на сестрѣ Раевскихъ, служившій въ Кишиневѣ, генералъ Михаилъ Орловъ, съ своимъ адъютантомъ, Охотниковымъ, генералъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и московскій гость, также бывшій семеновецъ, капитанъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

Мишель съ товарищемъ подъѣхали къ началу молебна. Всѣ гости были въ сборѣ, отслушали исполненное пѣвчими многолѣтіе, поздравили именинницу и, въ ожиданіи пирога, размѣстились вкругъ хозяйки въ гостинной и частью въ залѣ. Слуги разносили чай. Степенный и важный дворецкій, Левъ Самойлычъ, съ порога поглядывалъ, все-ли въ порядкѣ въ залѣ и въ столовой.

Прерванный молебномъ, разговоръ оживленно продолжался. Мишель разсѣянно прислушивался къ толкамъ лицъ, которымъ передъ тѣмъ былъ представленъ. Съ нимъ заговорилъ младшій Раевскій. Но онъ и его едва слушалъ, оглядываясь и ища кого-то счастливыми, смущенными глазами.

Французскій говоръ здѣсь преобладалъ, какъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ. До слуха Мишеля долетали слова:—«кортесы рѣшили»—«Меттернихъ опять»—«силы якобинцевъ»—«Аракчеевъ»—«карбонары».... Кто-то передавалъ подробности о недавнемъ, неудачномъ, хотя столько пророчившемъ, вторженіи въ Турцію изъ Кишинева грека-патріота, русскаго флигель-адъютанта, князя Ипсиланти.

— Это сильно озадачило, смѣшало нашъ кабинетъ,—произнесъ въ гостинной молодой женскій голосъ: добрая попытка не умретъ....

— Да, но бѣдная родина Гомера и Ѳемистокла! возразилъ другой голосъ, и въ немъ Мишель узналъ своего ротнаго:—ждите.... не скоро вернется законное наслѣдіе четырехвѣковой жертвѣ турецкихъ кинжаловъ и цѣпей....

— Австрійцы вторглись въ Неаполь и мы же, имъ въ помощь, стянули войско къ границѣ,—толковали въ залѣ.

— И все Меттернихъ, Аракчеевъ.

— Но у насъ Сперанскій, Мордвиновъ....

— Придетъ пора!

— Два года назадъ, Зандъ расправился съ предателемъ Коцебу....

— А вы знаете новую сатиру Пушкина на Аракчеева?—спросилъ кто-то Раевскаго, въ двухъ шагахъ отъ Мишеля.

— Какъ не знать!... «Достоинъ лавровъ Герострата?»—отозвался тотъ.

— Нѣтъ, а эти:

«Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,
«Кто-жъ онъ, преданный безъ лести?»

— «Просто фрунтовой солдатъ!»... еще бы!—да гдѣ же онъ самъ? ужли еще спитъ?—произнесъ Раевскій и, обратясь къ Мишелю, сказалъ: вы желали съ нимъ познакомиться.... хотите на верхъ?

— Постой, постой,—крикнулъ Раевскому младшій Давыдовъ, держа листокъ бумаги: Омелько пошелъ будить Пушкина, а онъ ему сказалъ и записалъ въ постели вотъ этотъ экспромтъ....

Давыдовъ прочелъ стихи: «Мальчикъ, солнце встрѣтить должно».

— Мило! прелесть! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Мишель пошелъ за Василіемъ Львовичемъ.

Поднявшись изъ сѣней, по внутренней, круглой, полутемной лѣстницѣ, Мишель и его провожатый остановились вверху, у небольшой двери. Мишель почему-то предполагалъ увидѣть Пушкина не иначе, какъ демонически-растрепаннаго, въ странномъ и фантастическомъ нарядѣ, въ красной фескѣ и въ пестромъ, цыганскомъ плащѣ. Раевскій постучалъ въ дверь.

— Entrez!—раздался за порогомъ негромкій, пріятный голосъ.

Къ удивленію Мишеля, Пушкинъ оказался въ щегольски сшитомъ, черномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ. Его непокорные, вьющіяся кудри были тщательно причесаны. Онъ сидѣлъ у стола. Свѣтлая, уютная комната, окнами въ садъ, на Тясминъ и зарѣчные холмы, была чисто прибрана. Ни безпорядка, ни сора, ни слѣдовъ воспѣваемаго похмѣлья.

— Бессарабскій.... онъ же и бѣсъ-арабскій! сказалъ съ улыбкой Раевскій, представляя Мишелю пріятеля.

— Что, пора?... развѣ пора?—торопливо спросилъ Пушкинъ, въ попыхахъ подбирая на столѣ клочки исписанныхъ бумагъ, комкая ихъ и пряча въ карманы и столъ.

Мишель съ трепетомъ вглядывался въ эти клочки, въ этотъ столъ и въ знакомыя по наслышкѣ, выразительныя черты любимаго, дорогаго писателя.

— Пирогъ простынетъ,—съ укоромъ сказалъ Раевскій.

— Ну, вотъ!—поморщился Пушкинъ, оглядываясь на дверь: душенька, какъ бы безъ меня?

— Безъ тебя! да что ты? развѣ забылъ:

«Тебя, Раевскихъ и Орлова
«И память Каменки любя....»

— Оставь, голубушка! ужъ лучше и впрямь о пирогѣ,— уныло отвѣтилъ Пушкинъ, посматривая, все-ли спряталъ со стола.

— Нѣтъ,—вдругъ перебилъ, заикаясь, краснѣя и самъ себѣ удивляясь, Мишель: нѣтъ, это неподражаемо, восторгъ.... «Недвижный стражъ дремалъ....» я все знаю.... или это:

«И неподкупный голосъ мой
«Былъ эхомъ русскаго народа....»

Пушкинъ, надѣвая перчатки, радостно и ласково глядѣлъ на худенькаго и голубоглазаго офицерика, въ стянутомъ воротникѣ и со вздёрнутыми, въ видѣ крылышекъ, эполетами, неловко и съ нерусскимъ выговоромъ произнесшаго передъ нимъ его стихи.

— А это?—почти крикнулъ взволнованнымъ, дѣтски-сорвавшимся голосомъ Мишель:

«Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
«И рабство, падшее по манію царя?»

Пушкинъ помолчалъ, взялъ шляпу.

— Не увидишь, милый, не увидишь, славный!—сказалъ онъ съ горечью и, обратясь къ Раевскому, прибавилъ: объясни ему это, Николай.

— Да почему-же?—спросилъ, замедляясь у двери, Раевскій: развѣ тотъ, въ Грузинѣ, не допуститъ?...

— Малюта Скуратовъ! врагъ честныхъ Адашевыхъ!—проговорилъ Мишель.

— Да, онъ съ искоркой!—вполголоса сказалъ пріятелю Пушкинъ, спускаясь по лѣстницѣ.

Мишель разслышалъ эти слова и былъ внѣ себя, на седьмомъ небѣ.

Въ теченіе всего того дня, за завтракомъ, обѣдомъ и чаемъ, Мишель не спускалъ глазъ съ дорогаго гостя. Онъ любовался его шутками, остротами и шаловливымъ ухаживаньемъ за двѣнадцатилѣтнею, быстроглазою и хорошенькою Адель, дочерью старшаго Давыдова, которой Пушкинъ, какъ узналъ Мишель, передъ тѣмъ написалъ извѣстные стихи: «Играй, Адель.»

Вечеромъ молодежь танцовала. Сосѣднія дамы и дѣвицы пѣли итальянскія аріи и французскіе романсы. Въ карты никто не игралъ, да и нѣкогда было. Общая, дружеская и разнообразная бесѣда длилась далеко за полночь.

Лежа въ постелѣ, въ комнатѣ, также отведенной на верху и случайно по сосѣдству съ Пушкинымъ, Мишель долго не могъ заснуть.—«Какая разница!»—разсуждалъ онъ: «этотъ домъ, это общество и тѣ, гдѣ я прежде бывалъ! Правду сказалъ товарищъ: вотъ истинно-умные русскіе люди.... И какъ здѣсь все просто, безъ чопорности и праздныхъ затѣй.... Ни лишней, толкущейся, напыщенной челяди, ни всѣхъ обычаевъ стараго барства.... А разговоры? Давно-ли, въ видныхъ, даже гвардейскихъ

семьяхъ, какъ о чемъ-то обычномъ, шли пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ? часто-ли и понемногу, или рѣдко, но мѣтко? Давно-ли, не на моихъ-ли глазахъ, нечистые на руку офицеры жаловались начальству, что товарищъ этого назвалъ негодяемъ, тому нанесъ ударъ по лицу? А здѣсь—два генерала, Волконскій и Орловъ, у нихъ въ полкахъ, какъ говоритъ Сергѣй Ивановичъ, отмѣнены палки, солдатское хозяйство отдано самимъ солдатамъ, заведены батальонныя школы, библіотеки. И все у нихъ тихо, солдаты отъ нихъ безъ ума. Что же это значитъ? и почему во главѣ правленія стоитъ ненавистный всѣмъ Аракчеевъ, а не Мордвиновъ и не Сперанскій, которыхъ всѣ такъ любятъ и отъ которыхъ такъ много ждутъ? Боже, смилуйся надъ родиной. Вѣдь я такъ ее сильно, такъ горячо люблю. Ты—высшая правда, наше снасеніе и любовь!» Мишель заснулъ, вспоминая книгу Эккартегаузена, которою нѣкогда такъ зачитывался: «Dieu est l'amour le plus pur».

На другой день, когда часть гостей разъѣхалась и, кромѣ двухъ-трехъ постороннихъ, остались близкіе друзья хозяевъ, Пушкинъ, исполняя желаніе дамъ, прочелъ въ слухъ конченнаго весной въ Каменкѣ «Кавказскаго плѣнника» и наброски новой поэмы «Братья разбойники». Восторгъ слушателей, особенно Мишеля, былъ неописанный. «Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу!» шепталъ Мишель, забывая окружающихъ и мысленно слѣдя за узниками, разбивающими цѣпи. Онъ сильно обрадовался, когда узналъ, что его полковой товарищъ, по просьбѣ хозяевъ, рѣшилъ еще погостить въ Каменкѣ.

Тѣсный кругъ собесѣдниковъ, по вечерамъ, собирался на половинѣ младшаго Давыдова. Разговоръ сталъ еще увлекательнѣе, живѣе. Толковали о недавнихъ столичныхъ новостяхъ: объ удаленіи, по доносу Фотія, министра Голицына, о запрещеніи книги преосвященнаго Филарета и «естественнаго права» профессора Куницына, о голодѣ въ Смоленской губерніи, откуда пріѣхалъ Якушкинъ, о пророческихъ радѣніяхъ модной сектантки Татариновой и о новыхъ движеніяхъ въ Испаніи и Пьемонтѣ. Кто-то сказалъ, что готовится распоряженіе о закрытіи всѣхъ массонскихъ и другихъ, тайныхъ и явныхъ, благотворительныхъ обществъ въ Россіи. Послѣдняя новость вызвала большіе споры.

Болѣе другихъ горячо и съ сердцемъ объ этомъ говорили младшій хозяинъ, Василій Львовичъ, и его товарищъ по петербургскому пансіону аббата Николь, князь Волконскій. Старшій

Давыдовъ, Александръ, слушалъ общіе толки нехотя и разсѣянно, то морщась, то снисходительно улыбаясь, куря сигару и лишь изрѣдка, хриплымъ, лѣнивымъ басомъ, вставляя свое слово.

II.

Въ памяти Мишеля особенно врѣзался послѣдній изъ тогдашнихъ вечеровъ въ Каменкѣ.

Мущины, какъ всегда, пообѣдавъ, собрались покурить въ большомъ, съ мягкою мебелью, кабинетѣ Василія Львовича. Орловъ переглянулся съ Волконскимъ и, сказавъ что-то Якушкину, сѣлъ въ общій кругъ, къ столу, поглядывая на Пушкина. Они втроемъ какъ-бы о чемъ-то между собою условились.

— Господа,—сказалъ Орловъ, какъ всегда, по французски: у меня къ вамъ просьба; мы каждый день толкуемъ, споримъ, и все, кажется, безъ толку. Говорятся умныя вещи, а не сходимся ни въ чемъ, и неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда. Попробуемъ вести разговоръ по парламентски.

— Это какъ? — спросилъ ничего не подозрѣвавшій младшій Раевскій.

— Выберемъ предсѣдателя... вотъ, кстати, на столѣ и колокольчикъ,—улыбнулся черноглазый и статный красавецъ Орловъ.

— Браво!—подхватилъ Пушкинъ, садясь съ ногами на диванъ: будетъ старое вѣче....

— Республики въ Новгородѣ и Псковѣ процвѣтали семь вѣковъ!—не громко, но рѣшительно, проговорилъ Мишель.

— Искорка!—разсмѣялся Пушкинъ: но кого же въ предсѣдатели?

— Вамъ, Николай Николаевичъ! васъ выбираемъ!—обратился Якушкинъ, очевидно по условію съ другими, къ младшему Раевскому.

— Тебѣ, тебѣ!—крикнулъ Пушкинъ, апплодируя другу.

— Избираемъ, просимъ!—подхватили остальные.

Всѣ тѣснѣе сдвинулись, съ трубками и сигарами, вкругъ большаго, укрытаго ковромъ, стола. Тяжело изъ угла, съ своей гаванной, подвинулся въ креслѣ и старшій, какъ всегда, плотно поѣвшій, Давыдовъ.

— О чемъ же пренія?—полушутя и полуважно спросилъ, берясь за колокольчикъ, Раевскій.

— Да вотъ,—началъ Якушкинъ: чего ни коснешься, рѣчь невольно заходитъ о томъ-же, незримомъ, безъ видимой должности и власти, человѣкѣ, который, между тѣмъ, теперь вся сила и власть.... Вы, разумѣется, понимаете, о комъ говорю?

— Еще бы,—отозвался Василій Львовичъ.

— Протей-министръ,—произнесъ Волконскій.

— Діонисіево ухо,—сказалъ, поджимая подъ себя ноги, Пушкинъ.

— Онъ лазутчески, подъ личиной скромности,—продолжалъ Якушкинъ: какъ змѣй, какъ тать, вползаетъ всюду, все порочитъ и хулитъ, ловко сѣя недовѣріе въ монархѣ къ лучшимъ силамъ страны.

— Къ нему, въ Грузино,—подхватилъ Василій Давыдовъ: уже ѣздятъ не только члены государственнаго совѣта, даже министры....

— А ты, Базиль, хотѣлъ-бы,—хрипло прокашлявшись, перебилъ брата старшій Давыдовъ: чтобъ всѣ ѣздили къ твоему краснобаю, Мордвинову, или къ этой раскаявшейся, семинарской Магдалинѣ,— къ Сперанскому?

— Не перебивать, не перебивать! къ порядку!—послышались голоса.

Раевскій позвонилъ. Александръ Львовичъ, брезгливо пыхтя, опустилъ спину въ кресло, а подбородокъ въ жабо.

— Такъ вотъ, господа,—продолжалъ Якушкинъ: слыша это, всѣ мы, между прочимъ, знаемъ, кто въ настоящее время противится и лучшимъ мыслямъ государя.... въ томъ числѣ предположенію о волѣ крестьянъ.... Поставимъ вопросъ: возможна-ли, желанна-ли эта воля?

— Еще бы,—живо отвѣтилъ Волконскій: дарована свобода завоеваннымъ, прибалтійскимъ эстамъ и латышамъ.... а сильная, древняя Россія....

— Побѣжденные ликуютъ, побѣдители порабощены!—произнесъ съ чувствомъ Орловъ.

— Гоняемся за славой освободителей и повелителей всей Европы,—проговорилъ младшій Давыдовъ: а дома—военныя поселенія, Татаринова, Фотій и Магницкій.

— Такъ тебѣ, Вася, хотѣлось-бы освободить своихъ крѣпостныхъ?—спросилъ Александръ Львовичъ.

— Да, да и тысячу разъ да!—съ жаромъ и твердо отвѣтилъ младшій братъ.

Александръ Львовичъ грузно повернулся лѣнивымъ, тучнымъ тѣломъ, попробовалъ опять прокашляться и привстать.

— А кто будетъ, Базиль, тебѣ дѣлать фрикандо́, супъ а-ля тортю и прочее,—спросилъ онъ: если дадутъ вольную Митькѣ? и что скажетъ Левъ Самойлычъ?

— Всѣхъ освобожу, и теперь Митѣ и Самойлычу я плачу́ жалованье!—отвѣтилъ Василій Львовичъ: спроси, вонъ, Якушкина; ему графъ Каменскій давалъ четыре тысячи за двухъ крѣпостныхъ музыкантовъ его отца.... а Иванъ Дмитріевичъ графу отвѣтилъ выдачей имъ обоимъ вольныхъ.

— Рисуетесь!—брезгливо прохрипѣлъ Александръ Львовичъ, сося полупогасшую сигару: въ якобинцевъ играете.... мода, жалкое подражаніе чужимъ образцамъ.

— Какъ мода? извините!—обратился къ спорщику Волконскій: это постоянная мысль лучшихъ нашихъ умовъ.

— Гдѣ они? — кисло улыбнулся и зѣвнулъ Александръ Львовичъ.

— Екатерина думала, — отвѣтилъ Волконскій: графъ Стенбокъ, двадцать лѣтъ назадъ, подавалъ мнѣніе о вольныхъ фермерахъ... Малиновскій совѣтовалъ объявить волю всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, родившихся послѣ изгнанія Наполеона.

— Мордвиновъ предлагалъ планъ,—подхватилъ Орловъ: чтобы каждый, кто внесетъ за себя въ казну извѣстную сумму, по таксѣ, или пойдетъ охотой въ солдаты, былъ свободенъ.

— Опять Мордвиновъ! но вѣдь это все галиматья!—нетерпѣливо проговорилъ Александръ Львовичъ: quelle idée! воля безъ земли, безъ права на свой уголъ, пашню, домъ.... вѣдь фермеры....

— Отсталъ, отсталъ! — живо крикнули Давыдову Орловъ, младшій братъ и Волконскій: съ землею! рѣшаютъ дать землю!

— Кто рѣшаетъ? удивленно спросилъ и даже приподнялся Александръ Львовичъ, глядя на собесѣдниковъ.

Тѣ странно замолчали.

— Охъ вы, кроители законовъ и жизни!.. скучно!.. Партіи! но вѣдь и Аракчеевъ партія.... потягайся съ нимъ!

— Такъ по твоему все хорошо? и военныя поселенія?—спросилъ брата младшій Давыдовъ.

— Нѣтъ, этого не хвалю.

— Наконецъ-то! но почему?

— Да какъ тебѣ это сказать? ну, просто нелѣпо и глупо устроено! ну, совсѣмъ глупо!—убѣжденно отвѣтилъ Александръ Львовичъ: всѣ эти поселяне, во-первыхъ, никуда негодные солдаты, а во-вторыхъ, внѣ фронта, постоянно недовольные крестьяне.... оттого и бунты....

Проговоривъ это, Александръ Львовичъ, сопя и сердито бурча себѣ подъ носъ, пересѣлъ въ глубь комнаты, на другой диванъ и, какъ бы рѣшивъ болѣе не спорить, закрылъ глаза.

Шли преніе о новомъ предметѣ. Сильно горячился Орловъ. Ему возражалъ Якушкинъ.

— Такъ какъ, по слухамъ, предполагаютъ закрыть массонскія и другія тайныя, благотворительныя общества,—сказалъ Орловъ: я прошу слова и предлагаю вопросъ: на сколько умѣстна и нужна эта мѣра? и можетъ-ли самый способный, благомыслящій чиновникъ замѣнить, въ смыслѣ общей пользы, частнаго, свободнаго дѣятеля?

— Парадоксъ!—произнесъ, очевидно условно, Якушкинъ.

— Далеко не парадоксъ, — возразилъ Муравьевъ: понятія народа грубы; насилія всякаго рода, продажность судей, воровство и грабительство снизу до верху и общая нравственная тьма, развѣ это не возмутительно?

— У насъ, кто смѣлъ, грабитъ, кто не смѣлъ, крадетъ,— сказалъ Василій Львовичъ.

— Отслужили когда-то честную службу массоны,—произнесъ Волконскій: но ихъ ученіе перешло въ нѣчто — низшее нашего вѣка, въ мистицизмъ. Вольтерьянство предковъ замѣнилось исканіемъ всемірной, слѣдовательно, опять не нашей, не насущной, истины. А время не ждетъ.

— Именно такъ,— сказалъ Василій Львовичъ: намъ надо отплатить низшимъ, страждущимъ слоямъ за все, что мы черезъ нихъ имѣемъ, за наше богатство, почести, образованіе, за превосходство во всемъ....

— Такъ, такъ!—отозвались голоса.

— Поэтому-то и въ виду нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей— нѣмцевъ,—произнесъ Орловъ: цѣня усилія и труды высоко-рыцарскаго общества Тугендбундъ, этого борца за права человѣчества, я, господа, предлагаю вопросъ: на сколько было бы полезно и у насъ учрежденіе подобнаго... тайнаго общества?

Всѣ на мгновеніе замолчали. Старшій Давыдовъ раскрылъ

глаза. Пушкинъ сидѣлъ блѣдный, взволнованный. Мишель отиралъ смущенное, раскраснѣвшееся лицо.

— Какія цѣли этого общества?— спросилъ, взглянувъ на Волконскаго, Якушкинъ.

— Благотворительность, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,— отвѣтилъ Орловъ: ну, просвѣщеніе ближнихъ, облагороженіе службы на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ.

— Разумѣется, такое общество полезно!—сказалъ Василій Львовичъ.

Его поддержалъ Охотниковъ.

— О, еще бы! и скорѣе, господа!—съ жаромъ отозвался Пушкинъ: не откладывайте! при избыткѣ силъ, при глухой и ничтожной нашей обстановкѣ.... да это будетъ кладъ....

— Патріоты, члены такого общества,—прибавилъ младшій Давыдовъ: обновятъ заглохшую жизнь, укрѣпятъ, зажгутъ любовь къ родинѣ у всѣхъ....

— Я противъ тайныхъ обществъ,—сказалъ, какъ-бы дождавшись своей очереди, Якушкинъ.

— Почему?—удивились нѣкоторые.

— Да очень просто,—продолжалъ Якушкинъ: буду говорить откровенно.... Всѣ тайныя общества у насъ вскорѣ будутъ запрещены, а это, по существу своихъ цѣлей, высокихъ и сокровенныхъ, не можетъ быть явнымъ.... И потому, вы меня поймете,—учреждать такое общество,—значитъ прямо идти подъ грозный отвѣтъ Аракчееву....

— Не боюсь я вашего сатрапа!—запальчиво крикнулъ Пушкинъ: ученикъ Лагарпа, ставъ императоромъ Европы, не переставалъ быть нашимъ царемъ.... Онъ выслушаетъ насъ, пойметъ....

— А если графъ къ нему не допуститъ?— сказалъ, улыбаясь, Орловъ.

— Допуститъ!—произнесъ Пушкинъ, сверкнувъ глазами.

— Понимаю рѣшимость Курція и Винкельрида!—проговорилъ, охваченный дрожью, Мишель.

— Enfants perdus!— досадливо пробасилъ съ дивана Александръ Львовичъ.

— Такъ ты и въ этомъ противъ насъ? говори, противъ?— обратился къ нему младшій братъ....

— Еще бы.... все фарсы!... пересадка то нѣмцевъ, то Франціи....

— Какая?

— Да эти-то подземные рыцари.... все игра въ конституцію, въ партіи.... и все для успѣха толпы....

— Но эта толпа — родное общество, — убѣжденно сказалъ Орловъ: мы же его ближайшіе, кровные вожди....

— А я не согласенъ,—подзадоривалъ Якушкинъ.

— Пора достроить старое, великое зданіе,— произнесъ Волконскій..

— Рано, князинька, захотѣли быть на виду, карнизомъ!— возразилъ старшій Давыдовъ: не только наши стѣны, фундаментъ ползетъ по швамъ.

— Стыдно, слушай! Ужли не понимаешь?—обратился къ брату Василій Львовичъ: вѣдь одно спасеніе въ такомъ обществѣ.

— Vous pèrirez, cher frére....

— Mais en honnete homme.... voila.

— Et moi, moi, — заговорилъ, горячась и сверхъ обычая сильно волнуясь, старшій братъ: je vous dis.... vous fairez bien du mal à la Russie,—съ этимъ вашимъ тайнымъ обществомъ!... вы насъ отодвинете на пятьдесятъ лѣтъ назадъ....

Прошло нѣсколько мгновеній общаго молчанія.

— Такъ, какъ-же? поставимъ прямо вопросъ: полезно-ли учрежденіе такого общества?—спросилъ Орловъ: рѣшайте.

Стали собирать голоса. Большинство, въ томъ числѣ самъ предсѣдатель, отвѣтили утвердительно.

— Мнѣ же не трудно доказать противное, а именно, что вы всѣ здѣсь шутите, — вдругъ сказалъ Якушкинъ: и первый намъ это докажетъ нашъ предсѣдатель.

— Какъ, такъ?—спросилъ, краснѣя, Раевскій.

— Дѣло просто,—продолжалъ Якушкинъ: ну, положимъ, мы васъ обманывали.... или нѣтъ, иначе говоря.... ну, представьте, что союзъ, или тамъ тайное политическое общество, о которомъ сейчасъ шла рѣчь... уже теперь существуетъ и что вы среди его членовъ....

— Ну, и что-же?—спросилъ не совсѣмъ рѣшительно Раевскій.

Пушкинъ, Мишель и другіе впились глазами въ Якушкина.

— Такъ вотъ я къ вамъ, Николай Николаевичъ, обращаюсь,— проговорилъ Раевскому Якушкинъ: если такое общество существуетъ, вы навѣрное отказались бы вступить въ его члены?

— Напротивъ, изъ первыхъ бы къ нимъ присоединился!— отвѣтилъ Раевскій.

— Ой-ли? въ такомъ случаѣ,—торжественно произнесъ Якушкинъ: знайте, общество существуетъ.... вашу руку....

— Вотъ она!—нѣсколько подумавъ, сказалъ Раевскій.

— И моя,—съ жаромъ вскрикнулъ Пушкинъ.

— И моя!—радостно присоединился Мишель.

Волконскій тревожно, изъ-за спины Орлова, дѣлалъ, незамѣтные другимъ, знаки Якушкину. Послѣдній опомнился.

— Я пошутилъ,—сказалъ, смѣясь, Якушкинъ: мы условились съ Орловымъ: неужели можно было принять это за правду? тайнаго общества въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ.

Орловъ, Василій Давыдовъ и Волконскій также смѣялись.

— Ну, и браво!—проговорилъ, весело поворачиваясь въ креслѣ, Александръ Львовичъ: а то вы, господа, совсѣмъ было меня напугали.... глупая мода—эти общества! пустая и опасная....

Пушкинъ всталъ.

— Какъ? такъ это и въ-прямь была только шутка?—вскрикнулъ онъ взволнованнымъ, обрывавшимся голосомъ: вы издѣвались надъ нами? шутили?

Всѣхъ поразилъ видъ Пушкина. Въ его гнѣвно-пылавшихъ глазахъ дрожали слезы. На блѣдномъ лицѣ выступили красныя пятна. Весь онъ былъ взбѣшенъ и раздраженъ.

— Я никогда... о, никогда,—произнесъ онъ съ чувствомъ и сбиваясь на каждомъ словѣ: въ жизни я ни разу не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь....

Всѣ слушали молча.

— Я вѣрилъ,—продолжалъ Пушкинъ: говорю среди честныхъ людей.... я замѣчалъ, почти былъ убѣжденъ, что тайный союзъ патріотовъ уже учрежденъ, или здѣсь же, среди насъ, получитъ свое начало.... Я видѣлъ высокую цѣль, видѣлъ жизнь мою облагороженною, нужною и полезною для другихъ....

— Александръ Сергѣичъ! Саша! полно, успокойся!—перебилъ его Раевскій: да твоя слава, жизнь....

— И все это была только шутка! или я не стóю такой чести?—вскрикнулъ, дрожа и глотая слезы обиды, Пушкинъ: идеалъ мой разбитъ! спасибо! зло шутите, господа....

Сказавъ это, онъ бросился изъ комнаты, надѣлъ въ передней шубу и шапку и вышелъ въ садъ. Видя его настроеніе, никто изъ друзей не рѣшился его остановить или слѣдовать за

нимъ. Сдѣлалъ было движеніе Волконскій. Князю было жаль Пушкина, хотѣлось ему что-то сообщить, чѣмъ-то его утѣшить. Но и онъ остановился, подъ вліяніемъ тайнаго, грустнаго раздумья и почти священнаго благоговѣнія къ общему, пылкому другу.

Погода, по прежнему, была тихая, съ легкимъ морозомъ. Туманъ поднялся. Звѣздная ночь искрилась на оледенѣлыхъ деревьяхъ и кустахъ, на крышѣ дома и садовыхъ полянахъ. Окрестность молчала. Изрѣдка только снизу, черезъ садъ, доносился шумъ колёсъ водяной, на Тясминѣ, мельницы, работавшей на всѣ камни, благодаря недавнему половодью пруда и рѣки.

Пушкинъ шагалъ сквозь кусты, по полянѣ, на шумъ мельницы. Его ноги легко скользили по хрупкому, снѣжному насту. Не замѣчая бившихъ его вѣтвей и падавшихъ на него клочьевъ инея, онъ думалъ горькія и вмѣстѣ отрадныя думы. Въ его мысляхъ носился сѣверъ, шумъ и блескъ имъ оставленнаго, столичнаго міра, и его молодые, праздно улетающіе годы. Слезы кипѣли въ его душѣ. Онъ чувствовалъ, какъ онѣ текли по его лицу, и не видѣлъ, что невдали отъ него, по тёмной, скрытой въ деревьяхъ дорожкѣ, шелъ другой человѣкъ.

То былъ Мишель.

Самъ не сознавая, за чѣмъ онъ, безъ шинели и фуражки, также вышелъ въ садъ, Мишель, съ замираніемъ сердца, слѣдилъ дорогую тѣнь и думалъ: «Тайные союзы, общества!... члены клянутся на шпагахъ, на ядѣ.... и все для ближнихъ, для блага страждущаго человѣчества! Боже, какъ это страшно и вмѣстѣ какъ возвышенно! И какъ бы я былъ счастливъ, если бы удостоился этого выбора! Они смѣются.... Нѣтъ, всякій обязанъ выполнить долгъ къ родинѣ, къ низшимъ, угнетённымъ слоямъ. Опасность, гибель?... Но, если я и безъ того военный, а слѣдовательно всегда готовый на смерть? И не все-ли равно, какая и гдѣ смерть за другихъ? А это.... о! подобный подвигъ—выше всѣхъ подвиговъ Наполеона....».

III.

Безумныя мечты Мишеля сбылись.

Черезъ четыре года, онъ снова и не разъ навѣстилъ Каменку. Но подъ какими впечатлѣніями? Объ этомъ онъ не могъ думать безъ сладкаго и радостнаго трепета.

Это было въ 1825 году.

Мишель въ то время уже состоялъ членомъ тайнаго «Союза благоденствія», замѣнившаго прежній «Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Болѣе того: онъ въ этомъ союзѣ тогда уже прошёлъ всѣ степени—братій, мужей и даже бояръ, имѣющихъ право принятія другихъ членовъ. Его бывшій ротный командиръ и покровитель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, получивъ баталіонъ черниговскаго полка, въ то время состоялъ предсѣдателемъ одной изъ южныхъ управъ союза, именно Васильковской, гдѣ Мишель также состоялъ чѣмъ-то, въ родѣ товарища блюстителя. Предсѣдателями другой управы, собиравшейся въ Каменкѣ, были Василій Давыдовъ и, въ томъ году женившійся на другой сестрѣ Раевскихъ, князь Волконскій. Мишель зналъ теперь, что четыре года назадъ Волконскому, въ Каменкѣ, было поручено принять Пушкина въ члены тайнаго общества. Онъ вспоминалъ, какъ тогда, ничего не подозрѣвая, тотъ сидѣлъ среди вожаковъ союза, и ему было понятно великодушіе Волконскаго, скрывшаго отъ Пушкина роковое порученіе.

Мишель также зналъ, что въ «союзѣ благоденствія», будтобы распущенномъ въ Москвѣ, указанія всему давала Тульчинская или коренная дума. Предсѣдатель этой думы и всего южнаго союза не любилъ нерѣшительныхъ и малодѣятельныхъ. Мишель былъ дѣятеленъ и смѣлъ, но, по молодости лѣтъ, попадался въ необдуманныхъ выходкахъ и болтовнѣ, а недавно къ тому еще сильно влюбился.

Случилось это такъ. Ѣздивши въ Кіевъ, по дѣламъ союза, Мишель на какой-то станціи перемѣнилъ лошадей и, едва миновалъ чей-то лѣсъ, услышалъ въ древесной чащѣ топотъ всадниковъ. На поляну изъ просѣки выскочили, повидимому, догоняя его, двѣ наѣздницы.

— Arrêtez vous, Paul! — кричали онѣ, махая платками: что за глупости, воротитесь!

Мишель остановился. Въ разсѣявшемся облакѣ пыли ему предстали двѣ незнакомки: одна молоденькая, красивая, въ синей амазонкѣ, блондинка, другая — въ зеленой, постарше, очевидно ея гувернантка. Обѣ, разглядѣвъ остановленнаго, сильно смѣшались.

— Извините,—сказала гувернантка: обѣ мы очень близоруки; здѣсь почтовая дорога, и мы васъ приняли за только-что

уѣхавшаго кузена этой дѣвицы.... Не я-ли, Зина, тебя предостерегала?

Мишель, вставъ съ телѣги, вѣжливо поклонился.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ онъ.

— Зинаида Львовна Витвицкая,—отвѣтила гувернантка, указывая на сопутницу, я—Элиза Шонъ....

Мишель назвалъ себя.

— Извините и меня, — сказалъ онъ, обращаясь къ гувернанткѣ, какъ любитель верховой ѣзды, не могу утерпѣть.... вашъ мундштукъ сильно затянутъ, лошадь деретъ голову, можетъ опрокинуться....

— Ахъ!—расхохоталась Зина, давно насилу сдерживавшая смѣхъ: вотъ любезно!... а безъ этого вы, Элизъ,—вы.... упали бы.... ха, ха!

Раскатистый, звонкій смѣхъ дѣвушки увлекъ и гувернантку и Мишеля. Всѣ смѣялись. Гувернантка встала съ лошади. Солнце свѣтило весело. Жаворонки рѣяли въ безоблачной синевѣ. Отъ лѣса несло душистою прохладой.

Пока Мишель возился съ мундштукомъ, изъ-за деревъ показался шарабанъ, въ немъ три мужчины и между ними одинъ военный.

— Вотъ вы гдѣ.... въ чемъ дѣло?—спросили подъѣхавшіе.

— Мишель! ты какими судьбами?—вскрикнулъ военный.

Въ послѣднемъ Мишель узналъ бывшаго товарища по семеновскому полку, Трепанина. Они дружески обнялись.

— Вотъ и кавалеръ! будетъ кадриль!—сказалъ Трепанинъ, представляя Мишеля прочему обществу.

— Отлично! милости просимъ къ намъ! — заговорили мужчины: отдохнете, повеселитесь....

— Нельзя, спѣшныя дѣла, очень благодаренъ! — твердилъ Мишель.

— Полно тебѣ, — возразилъ Трепанинъ, такъ давно не видѣлись, — а это у моего дяди.... уѣхалъ подъ арестъ просрочившій мой братъ.... нѣтъ кавалера; будь любезенъ....до Ракитнаго рукой подать. И тетушка будетъ такъ рада....

Новыхъ отговорокъ Мишеля не приняли. Онъ отпустилъ почтовыхъ. Его вещи сложили въ шарабанъ. Дамскихъ лошадей взяли на поводъ, и все общество направилось въ Ракитное, черезъ лѣсъ, пѣшкомъ.

Въ тотъ же вечеръ Мишель танцовалъ въ домѣ Витвицкихъ, гдѣ было нѣсколько сосѣднихъ барышень. На другой день была прогулка, верхами и въ экипажахъ, на пасѣку, въ какое-то лѣсистое займище, завтракъ на травѣ подъ стогами и рыбная ловля въ озерѣ. А вечеромъ опять гремѣлъ домашній оркестръ и снова танцовали. Мишель не отходилъ отъ Зины. Онъ забылъ и неотложныя порученія управы, и поѣздку въ Кіевъ, и весь союзъ. Такъ онъ здѣсь прогостилъ тогда съ недѣлю. Съѣздивъ въ Кіевъ, онъ на обратномъ пути вновь свернулъ въ Ракитное. — «Неужели?»—твердилъ онъ себѣ: «и что это значитъ? ни покоя, ни сна.... все Зина, все она и ея свѣтлые, добрые, смѣющіеся глаза!»—Еще черезъ недѣлю, Мишель сдѣлалъ предложеніе Витвицкой и сталъ ея женихомъ.

Свадьба была назначена въ январѣ слѣдующаго года. Въ наступающемъ декабрѣ Витвицкіе собирались, съ дочерью, въ Москву,—дѣлать приданое и познакомиться съ матерью жениха. Мишелю, какъ штрафному, бывшему семеновцу, въѣздъ въ столицы былъ воспрещенъ, и онъ все обдумывалъ, какъ бы исхлопотать отпускъ и побывать въ Москвѣ, вмѣстѣ съ невѣстой.

Въ коренной думѣ косились на молодаго собрата, слали за него Васильковской управѣ замѣчанія и даже выговоры.—«Это безтолковый, невозможный мальчикъ»,—говорилъ о немъ вожакъ южныхъ членовъ: «онъ рѣшителенъ до безумія, это правда; но у него голова не въ порядкѣ».—Муравьевъ, умѣряя Мишеля, отстаивалъ его, ссылаясь на его искреннее служеніе общему дѣлу, и даже, по поводу его сватовства, указывалъ, что онъ болѣе посвящаетъ времени дѣламъ союза, чѣмъ своей невѣстѣ.

Мишель торжествовалъ: любовь и тайный союзъ!... Романтическихъ клятвъ на кинжалѣ и ядѣ въ союзѣ онъ уже не засталъ. При вступленіи, давалась простая, собственно-ручная росписка. Мишель помнилъ то сильное и страшное волненіе, которымъ онъ былъ охваченъ при подписаніи подобной росписки. И хотя онъ зналъ, что, по уставу прочтенной имъ «зеленой книги», эта его росписка была, вслѣдъ за ея подписью, сожжена, но съ того мгновенія уже не считалъ себя жильцомъ этого міра, а самоотверженнымъ и вѣрнымъ слугой того, скрытаго для остальныхъ и сильнаго человѣка, который тогда руководилъ почти всѣмъ союзомъ. Онъ о немъ не говорилъ даже невѣстѣ, хотя, вздыхая, намекалъ, что жизнь—бурная волна, не всегда щадящая пловцовъ.

Наконецъ, Мишель увидѣлъ и этого вожака, два года назадъ, на съѣздѣ, въ Тульчинѣ, въ имѣніи Мечислава Потоцкаго. Члены съѣзда собрались въ квартирѣ генералъ-интенданта второй арміи, Юшневскаго, и всѣ были какъ бы не по себѣ. Говорили разсѣянно, вяло, посматривая то на дверь, то на часы. Мишель, впрочемъ, былъ въ духѣ. Онъ уже не боялся, что его, какъ случалось прежде, не знаютъ, и что о немъ могутъ обидно спросить сосѣда: «Qu'est ce que c'est que cet homme, qu' on ne voit nul part?». Онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и хотя казался все еще восторженнымъ мальчикомъ, его уже называли не просто Мишель, а Михаилъ Павловичъ.

Кромѣ предсѣдателя, ждали еще двухъ-трехъ запоздавшихъ товарищей. Въ назначенный часъ дверь отворилась.

Вошелъ невысокаго, даже нѣсколько ниже средняго, роста, плотный и на крѣпкихъ ногахъ, смуглый и съ пріятнымъ, строгимъ лицомъ, темно-волосый, коротко-остриженный и черноглазый, тридцати-двухъ-лѣтній человѣкъ. Сдержанный и вмѣстѣ привѣтливый на видъ, онъ сразу приковывалъ къ себѣ вниманіе.

— Здравствуйте, господа, — не опоздалъ?—спросилъ онъ, пожимая руки на право и на лѣво.

Мишель при этомъ голосѣ, съ внутреннею дрожью, сказалъ себѣ: это Пестель.

Сынъ бывшаго сибирскаго губернатора, воспитанникъ лучшихъ дрезденскихъ профессоровъ, потомъ пажескаго корпуса, Пестель въ двѣнадцатомъ году былъ раненъ въ ногу, двадцати лѣтъ уже имѣлъ шпагу за храбрость, былъ любимымъ адъютантомъ князя Витгенштейна, затѣмъ служилъ въ маріупольскихъ гусарахъ, во время греческаго возстанія былъ отряженъ для развѣдокъ въ Бессарабію и оттуда прислалъ государю Александру замѣчательную записку, смыслъ которой выразился въ новыхъ и тогда смѣлыхъ словахъ: «нынѣшняя борьба грековъ противъ ихъ угнетателей то-же, что нѣкогда была борьба русскихъ противъ ига татаръ». Теперь Пестель былъ начальникомъ вятскаго пѣхотнаго полка, состояніемъ котораго, на послѣднемъ смотру, государь былъ такъ доволенъ, что сказалъ: «Superbe! c'est comme la garde!» и командиру вятцевъ подарилъ три тысячи душъ крестьянъ.

Пестель вошелъ, съ толстою портфелью подъ мышкой, выслушалъ привѣтствія сочленовъ, сказалъ «къ дѣлу, mes chers camarades» и разложилъ бумаги на столѣ.

— Это опытъ кодекса будущихъ законовъ,—произнесъ онъ самоувѣренно и просто: я позволилъ себѣ назвать это.... въ память другой попытки, при Ярославѣ.... Русскою Правдой.

И онъ сталъ читать почти конченный трудъ, о которомъ въ союзѣ было столько говору и ожиданій. Введеніе, распредѣленіе страны на области, округи, волости, на русскихъ и подвластныя племена, статьи о правахъ гражданства и о свободѣ крестьянъ текли плавно и легко. Мишель слушалъ съ напряженіемъ, хотя вскорѣ былъ нѣсколько утомленъ. — «Однообразное и длинное чтеніе», — подумалъ онъ: «но предметъ первой важности, глубокій, хотя по неволѣ сухой». Онъ не безъ удивленія и съ нѣкоторымъ ужасомъ замѣтилъ, что кое-кто изъ слушателей морщился, какъ бы заглушая зѣвокъ, а иные даже усиленно мигали, стараясь отогнать непрошенную дремоту. «Такое дѣло,—цѣлый подвигъ»—мыслилъ Мишель: «а мы относимся такъ легко....».

Чтеніе обширнаго, политико-юридическаго трактата было кончено. Его составитель попросилъ высказаться о своемъ многолѣтнемъ трудѣ и, на два-три замѣчанія, перебивъ другихъ, заговорилъ самъ.

— Я никому въ жизни не желалъ зла,—сказалъ, между прочимъ, Пестель: ни къ кому не питалъ ненависти и ни съ кѣмъ не былъ жестокъ.... Я бы желалъ, чтобы и эти мысли привились мирно къ каждому, чтобъ онѣ были приняты добровольно и безъ потрясеній. Вы, добрые товарищи, помогите мнѣ въ томъ....

«И какъ это ясно и просто!» разсуждалъ Мишель, понявъ то неотразимое и сильное вліяніе, какимъ Пестель пользовался въ средѣ союза. Умно и дѣльно, по его мнѣнію, говорили относительно прочитаннаго Юшневскій и Муравьевъ, Волконскій, Барятинскій и Басаргинъ. Но даръ слова блюстителя южнаго союза былъ выше всѣхъ. Пестель перешелъ къ обсужденію тогдашняго положенія Россіи.

— Мы не ищемъ потрясеній,—говорилъ тогда Пестель: наше стремленіе исподоволь подготовить, воспитать, своимъ примѣромъ пересоздать общество.... Становясь на разныя поприща, будемъ лучшими, надежными людьми и вызовемъ къ дѣлу такихъ же, другихъ....

Любуясь его голосомъ, смѣлымъ и яснымъ изложеніемъ задушевныхъ мыслей, Мишель невольно тогда вспоминалъ отзывы товарищей о суровомъ, почти отшельническомъ образѣ жизни Пестеля, о его богатой, классической библіотекѣ, о завален-

номъ бумагами и книгами рабочемъ столѣ и о его упорномъ, безпрерывномъ трудѣ. И ему становилось понятно, почему сухой, положительный и степенный Пестель вѣрилъ въ свои, казалось, неосуществимые выводы и мечты, какъ въ строго-доказанную, математическую истину.

— Мы воздухъ, нервы народа! выразился, между прочимъ, Пестель.

— Свѣточи!—съ жаромъ прибавилъ Юшневскій: насъ оцѣнятъ, особенно, Павелъ Ивановичъ, васъ....

Одно поражало Мишеля. Нѣкоторые изъ сочленовъ въ глаза Пестелю говорили одно пріятное, согласное съ его мнѣніями, и рѣдко ему противорѣчили; а въ его отсутствіи не только оспаривали его философскіе, казалось, неопровержимые доводы, но говорили о немъ съ нерасположеніемъ, порочили его мѣры и тайкомъ издѣвались надъ нимъ. Отъ него, какъ, напримѣръ, на московскомъ съѣздѣ, даже просто хотѣли избавиться. По слухамъ, и Пушкинъ отзывался о Пестелѣ не-ладно. — «Не нравится мнѣ этотъ сухой, философскій умъ,»—будто бы онъ сказалъ про него: «и я бы съ нимъ не сошелся никогда; умомъ я тоже матеріалистъ, но сердце противъ него....»

Самый проектъ уравненія крестьянъ съ прочими гражданами, составленный Пестелемъ, многіе изъ членовъ общества, особенно титулованные богачи, находили разорительнымъ для страны и невозможнымъ.

— Такъ быстро! это нелѣпость! по крайней мѣрѣ, десять или двѣнадцать лѣтъ переходной барщины!—говорили нѣкоторые, забывъ, что по этому предмету повторяли мнѣніе динабургскихъ дворянъ, одобрявшееся, по слухамъ, тѣмъ же, ненавистнымъ имъ, Аракчеевымъ.

Даже силу вліянія Пестеля на нѣкоторыхъ изъ членовъ союза, въ томъ числѣ на близкаго ему Сергѣя Муравьева-Апостола, въ средѣ союза объясняли постороннею причиной, а именно месмеризмомъ. Какъ многіе тогда, волтерьянецъ и энциклопедистъ, Муравьевъ былъ, по словамъ нѣкоторыхъ, не чуждъ мистическихъ увлеченій. Онъ, между прочимъ, вѣрилъ въ какую-то модную гадальщицу, близкую кругу Татариновой, которая ему предсказала «высокую будущность». Поклонникъ Канта и Руссо, Пестель въ глубинѣ души былъ также мистикомъ и, несмотря на свой матеріализмъ, не въ шутку считалъ себя одареннымъ силой месмеризма. Онъ допускалъ сродство душъ и

ясновидѣніе и, подъ глубокой тайной, въ домашнемъ кругу, занимался магнетизированіемъ двухъ-трехъ изъ близкихъ друзей, въ томъ числѣ Муравьева. На этихъ усыпленіяхъ, по слухамъ, онъ провѣрялъ важнѣйшія изъ предположенныхъ мѣръ и будто бы узнавалъ чрезвычайныя указанія о будущемъ.

Мишель наконецъ услышалъ о своемъ предсѣдателѣ и такое выраженіе одного сочлена: «Нашъ вождь—невозможный самолюбецъ и деспотъ.... онъ ищетъ покорныхъ сеидовъ, слугъ, а не преданныхъ друзей.»

«Зависть, соперничество»—мыслилъ Мишель, разбирая въ умѣ мнѣнія товарищей: «увы! недоброжелательство вкрадывается и въ нашу возвышенную среду.... Что за причина? Павелъ Ивановичъ первый ясно и твердо опредѣлилъ нашу сокровенную, высокую цѣль и, кажется, неуклонно къ ней ведетъ. Все должно объясниться. Въ Каменкѣ назначены съѣзды южныхъ управъ. Тамъ все узнаю....»

Мишель посѣтилъ Каменку.

Это было въ августѣ 1825 года. Незадолго передъ тѣмъ, навѣстивъ свою невѣсту, Мишель побывалъ въ Кіевѣ и отъ тамошнихъ членовъ узналъ, что ихъ союзъ открылъ существованіе двухъ другихъ тайныхъ обществъ:—«Соединенныхъ славянъ» и «Варшавскаго патріотическаго». Славяне тотчасъ слились съ союзомъ. Польское общество колебалось. Здѣсь были громкія имена: князь Яблоновскій, графъ Солтыкъ, писатель Лелевель и членъ другаго, виленскаго общества «Филаретовъ»—Мицкевичъ.

Патріоты-поляки, на первыхъ же совѣщаніяхъ съ русскими, основой общаго согласія выставили возвратъ Польшѣ границъ втораго раздѣла, и самую подчиненность польскихъ земель Россіи желали отдать на свободное рѣшеніе своихъ губерній. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ и Мишель.

— Никогда!—вскрикнулъ, услышавъ о польскихъ требованіяхъ, Пестель: Россія должна быть нераздѣльна и сильна.

Мишель также съ этой поры сталъ за нераздѣльность Россіи.

Всѣ знали, что Пестель, изъ-за этого вопроса, недавно ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ между прочимъ долженъ былъ провѣдать о дѣятельности сѣверныхъ членовъ, и что теперь онъ былъ подъ Кіевомъ, на личномъ и окончательномъ свиданіи съ польскимъ уполномоченнымъ, Яблоновскимъ. Въ Каменкѣ нетерпѣливо ждали его, съ отчетомъ объ этомъ свиданіи.

— Да не махнулъ-ли нашъ президентъ опять на сѣверъ?— сказалъ гостямъ Василій Львовичъ: а то, пожалуй, заѣхалъ опять на отдыхъ въ свое поэтическое Mon Bassy....

Такъ самъ Пестель называлъ, въ шутку и въ память «Méditations poëtiques» Ламартина,—Васильево, небогатую и глухую смоленскую деревушку своей матери, гдѣ старикъ Пестель, нѣкогда грозный и неподкупный генералъ-губернаторъ Сибири, проживалъ теперь въ отставкѣ, въ долгахъ и всѣми забытый. Между членами союза ходила молва, что въ Васильевѣ есть озеро, а на озерѣ укромный, зеленый островокъ, и будто Павелъ Иванычъ, этотъ новый русскій Вашингтонъ, какъ называли тогда Пестеля, навѣщая родителей, любилъ уединяться на этомъ островкѣ, мечтая о будущемъ пересозданіи Россіи, и даже, какъ увѣряли, писалъ французскіе стихи.

— Этакъ онъ своего соперника, Рылѣева, заткнётъ за поясъ!—говорили злые языки.

— Неронъ тоже служилъ музамъ,—прибавляли завистники.

Всѣ эти толки сильно смущали и бѣсили Мишеля, и онъ, съ неописанною радостью, узналъ, что въ «одну изъ субботъ» Пестель наконецъ явится на съѣздъ въ Каменку, съ послѣднимъ, рѣшительнымъ словомъ поляковъ.

Пестель пріѣхалъ.

Члены тульчинской, васильковской и каменской управъ были въ сборѣ. Субботнія засѣданія, по обычаю, происходили въ кабинетѣ Василія Львовича Давыдова. Александръ Львовичъ уже нѣсколько недѣль отсутствовалъ по дѣламъ другаго имѣнія. Женская часть общества Каменки не подозрѣвала причины этихъ съѣздовъ. Гости Василія Львовича являлись, какъ бы на отдыхъ, въ концѣ недѣли, присутствовали при общемъ чаѣ и ужинѣ, бесѣдовали въ кабинетѣ хозяина или на верху, и на другой день, послѣ завтрака или обѣда, разъѣзжались.

Мишелю отводили на верху ту комнату, гдѣ, четыре года назадъ, гостилъ Пушкинъ, нынѣ находившійся въ ссылкѣ, въ псковской деревнѣ родителей. Изъ оконъ этой комнаты, обращенной въ тѣнистый, теперь роскошно-зеленѣющій садъ, Мишель, въ безсонныя ночи, мечтая о Ракитномъ и о своей невѣстѣ, прислушивался къ шуму мельничныхъ колесъ, на Тясминѣ, но онѣ молчали.

— Что съ вашей мельницей?—спросилъ онъ какъ-то Василія Львовича.

— Старый мельникъ умеръ,—отвѣтилъ тотъ: колеса и весь ходъ разстроились; теперь ее починяетъ англичанинъ-механикъ.

— Откуда взяли?

— Гревсъ прислалъ изъ Новомиргорода.... умѣлый и способный—изъ вольноопредѣляющихся солдатъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ, гуляя по саду, Мишель увидѣлъ этого воина-механика и сперва не обратилъ на него особаго вниманія: солдатъ, какъ солдатъ, вѣжливый, приличный, въ бѣломъ кителѣ, съ унтеръ-офицерскими погонами, и въ бѣлой же, безъ козырька, на-бекрень, фуражкѣ. Встрѣтясь съ офицеромъ, солдатъ снялъ фуражку и, вытянувшись во фронтъ, прижался къ дереву, пока тотъ, кивнувъ ему, прошелъ мимо. Въ другой разъ Мишель замѣтилъ этого механика во дворѣ, черезъ который тотъ несъ въ кузницу какую-то желѣзную, мельничную вещь. Теперь онъ его разглядѣлъ лучше. Механикъ былъ, въ полномъ смыслѣ, красавецъ,—англійскаго образца: бѣлолицый, сильный и статный, съ рыжеватымъ отливомъ густыхъ, коротко-остриженныхъ волосъ, въ бакенбардахъ, веснушкахъ, съ нѣсколько длинными передними зубами и вздернутою верхней губой. Его красивый, мясистый ротъ гордо улыбался, а большіе, свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли смѣло, даже нагло.

Женской части общества Каменки этотъ механикъ, оказавшійся образованнымъ человѣкомъ и даже любящимъ музыку, былъ знакомъ. Онъ починялъ хозяйкамъ замочки къ ридикюлямъ, выпиливалъ тамбурныя иголки и вязальные крючки, склеивалъ дѣтямъ игрушки, и вообще оказывалъ разныя услуги, за что бывалъ приглашаемъ, на женскую половину, къ чаю и кофе.

Мужчины, толкуя въ своихъ совѣщаніяхъ о міровыхъ задачахъ, о пересозданіи человѣчества вообще и родины въ особенности, кромѣ озабоченнаго дѣлами хозяина и случайно Мишеля, даже не подозрѣвали о существованіи этого лица въ Каменкѣ. А между тѣмъ, въ крошечномъ флигелькѣ, скрытомъ подъ тѣнистыми грабами, на заднемъ черномъ дворѣ, переживались, какъ и въ сокровенныхъ бесѣдахъ большаго дома Каменки, такія острыя, жгучія думы....

Мишель, въ послѣднее время, невольно задумываясь о своемъ положеніи, старался быть съ виду покойнымъ, не мыслить ни о чемъ мрачномъ. Онъ понималъ, какая страшная опасность грозила ему; видѣлъ, что все, чѣмъ отнынѣ его манила жизнь, можетъ нежданно, какъ и самъ онъ, погибнуть, и отгонялъ эти

сужденія. Въ собраніяхъ онъ особенно выдѣлялся, сыпалъ смѣлыми до крайности словами, предлагалъ дерзкія, безумныя мѣры. Его разсѣянно слушали. Всѣ ждали инаго, болѣе призваннаго голоса.

У невѣсты Мишеля въ Петербургѣ жила пріятельница, ея бывшая гувернантка, француженка Жюстина Гёбль. Дочь убитаго испанскими гверильясами полковника, Жюстина теперь содержала въ столицѣ швейный магазинъ и также собиралась выйти за мужъ за члена союза, знакомаго Мишелю, кавалергардскаго поручика Анненкова. Пріятельницы дружно и весело переписывались, вовсе не думая ни о чемъ печальномъ, тяжеломъ и грозномъ.

— Какъ зовутъ вашего механика?—спросилъ однажды Мишель Василія Львовича.

— На что вамъ?

— Вещь одна распаялась.... онъ сумѣетъ починить.

— Иванъ Иванычъ Шервудъ.

IV.

Джонъ Шервудъ, или, какъ его называли въ Россіи, Иванъ Иванычъ Шервудъ, былъ сыномъ извѣстнаго англичанина-механика, вызваннаго въ Россію при Павлѣ, для устройства обширныхъ, суконныхъ фабрикъ, въ селѣ Старой Купавнѣ, въ богородицкомъ уѣздѣ, близъ Москвы. Управляя купавинскими фабриками, отецъ Шервуда обогатился, нажилъ нѣсколько домовъ въ Москвѣ и далъ отличное, съ техническою практикой, воспитаніе своимъ сыновьямъ. Счастье Шервудамъ измѣнило. Ссора съ властями повела къ возбужденію слѣдствія, потомъ суда. Старикъ Шервудъ потерялъ мѣсто. Его дома были описаны, забракованный суконный товаръ опечатанъ, испортился въ фабричныхъ складахъ и проданъ потомъ за ничто. Шервуды обѣднѣли, впали въ нищету. Старшіе сыновья фабриканта кое-какъ пристроились на чужихъ заводахъ. Младшій—Джонъ сперва работалъ у мелкихъ ремесленниковъ, потомъ пытался поступить въ военную службу, но безъ связей ничего не добился и, чуть не побираясь милостыней, шатался безъ дѣла по Москвѣ.

Однажды, въ то голодное, тяжелое время, онъ зашелъ къ земляку, московскому шорному торговцу. Къ лавкѣ шестерней, въ богатой каретѣ, подъѣхалъ пожилой помѣщикъ. Купивъ два женскихъ сѣдла, онъ, при выходѣ, какъ бы что-то вспомнивъ,

потеръ лобъ и спросилъ купца: нѣтъ-ли, между его земляками, образованнаго и способнаго человѣка, который могъ бы давать его дѣтямъ уроки англійскаго языка? Шервудъ не вытерпѣлъ. Видя, что его землякъ молчитъ, онъ самъ предложилъ незнакомцу свои услуги. Помѣщикъ взглянулъ на купца. Этотъ поддержалъ Шервуда, сказавъ, что молодой человѣкъ, кромѣ природнаго англійскаго и французскаго языковъ, хорошо знаетъ также нѣмецкій и нѣсколько музыку. Помѣщикъ сдѣлалъ по англійски нѣсколько вопросовъ молодому человѣку, объявилъ свои условія и далъ визитную карточку. Шервудъ, узнавъ отъ купца, что это былъ извѣстный богачъ Ушаковъ, на другой день простился съ родителями, уложилъ свой убогій чемоданчикъ и, явясь къ Ушакову, уѣхалъ съ нимъ въ его смоленское помѣстье.

Шервудъ въ послѣдствіи, и теперь въ Каменкѣ, часто вспоминалъ эту дорогу, пріѣздъ въ большой и роскошный, барскій домъ, толпу слугъ и двухъ красивыхъ, взрослыхъ дочерей помѣщика, которыя съ любовью бросились на встрѣчу отцу. Баринъ отрекомендовалъ сиротамъ-дочерямъ и ихъ надзирательницѣ, пожилой экономкѣ-француженкѣ, новаго преподавателя. Дворецкій указалъ Шервуду помѣщеніе недавно уволеннаго французскаго учителя. Уроки англійскаго языка начались успѣшно. Ретивый наставникъ былъ обворожительно-услужливъ. За англійскимъ, начались упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, а по временамъ и игра въ четыре руки на фортепьяно. Учитель, попавъ въ теплый уголъ, на сытый, даже роскошный столъ, обзавелся изъ перваго жалованья приличнымъ, модньмъ платьемъ. Дѣвицы были очень любезны и внимательны, особенно младшая, живая и рѣзвая, почти ребенокъ.

Надзирательница-экономка, страдавшая то нервами, то флюсомъ, болѣе сидѣла въ своей комнатѣ. Ученицы во время уроковъ говорили съ преподавателемъ на языкѣ, непонятномъ для нея и прочей прислуги. Отецъ былъ занятъ хозяйствомъ, выѣздами въ гости и охотой.

Прошелъ годъ. Шервудъ влюбился въ младшую ученицу. Послѣдняя страстно увлеклась красивымъ и угодливымъ наставникомъ.

Деревенская скука и глушь, отсутствіе надзора рано умершей матери и довѣрчивость наемной приставницы сдѣлали свое

дѣло. Сперва робкія, письменныя признанія, вздохи, полуслова; потомъ прогулки въ полѣ, встрѣчи въ саду....

«Увлеклись и забылись!»—сказалъ себѣ однажды, въ оправданіе, Шервудъ, когда уже было поздно. Что предпринять? Какъ и чѣмъ спастись? Медлить было нельзя. Ни отецъ, ни старшая сестра и никто въ домѣ пока еще не подозрѣвали ничего. «Ужасъ! Что, если догадаются?» мыслилъ онъ: «ей-ли быть за мною, за ничтожнымъ, наемнымъ учителемъ, почти слугой? Никогда.... Отецъ не вытерпитъ, не снесетъ позора. Изъ своихъ рукъ убьетъ меня и ее.... Пока есть время, надо найти средство, скрыться куда-нибудь, бѣжать»....

Шервудъ обдумалъ рѣшеніе. Бракъ былъ возможенъ только съ ровней. Онъ рѣшилъ поступить въ военную службу, поскорѣе добиться офицерскаго званія и тогда искать руки дѣвушки. Строя радужныя грезы, полные надеждъ, они простились. Шервудъ сослался на домашнія обстоятельства, сказалъ отцу дѣвушки, что перемѣняетъ родъ занятій, попросилъ у него разсчета и уѣхалъ.

Какъ иностранецъ и сынъ разночинца, Шервудъ могъ опредѣлиться въ армію только простымъ рядовымъ. Онъ придумалъ другое средство: поступилъ опять учителемъ къ дѣтямъ извѣстнаго, со связями, генерала Стааля, и заискалъ его расположеніе. Воспользовавшись поѣздкой генерала по дѣламъ въ Одессу, онъ въ Елисаветградѣ обратился къ нему съ просьбой, помочь ему, для поступленія вольноопредѣляющимся въ новомиргородскій уланскій полкъ. Командиръ полка Гревсъ былъ друженъ съ Стаалемъ, и Шервуда вскорѣ приняли, на тогдашнихъ правахъ—двѣнадцати-лѣтней выслуги на офицерскій чинъ.

Двѣнадцать лѣтъ солдатской, жесткой лямки!—да это цѣлая вѣчность для самолюбиваго и избалованнаго въ дѣтствѣ человѣка, который еще недавно вкушалъ спокойную и такъ хорошо обставленную жизнь иностранца-учителя въ богатыхъ, барскихъ домахъ. Шервудъ подумалъ:

— Ну, для меня будетъ исключеніе; очевидно, примутъ во вниманіе мою недюжинную образованность, знаніе приличій и внѣшній лоскъ. Двѣнадцать лѣтъ выслуги писаны для другихъ; меня скоро замѣтятъ, оцѣнятъ и отличатъ.

Но тянулись недѣли, мѣсяцы; прошелъ годъ, другой и третій. Шервуда не замѣчали. Онъ съ трудомъ, въ концѣ долгихъ усилій, добился одного:—изъ фронта, узнавъ его грамотность и хо-

рошій почеркъ, его взяли писаремъ въ канцелярію полковаго комитета. Вѣсти изъ Смоленской губерніи приходили рѣдко, а вскорѣ и вовсе прекратились. Переписка шла черезъ экономку, которую теперь, очевидно, разсчитали. Изъ Москвы отъ родителей шли нерадостныя извѣстія: та же безпомощность, тѣ же горе и нищета. А тутъ еще строгое и требовательное начальство, вѣчное корпѣніе въ душной комнатѣ, съ перомъ, и ни проблеска лучшихъ надеждъ.

Шервудъ не вынесъ служебныхъ невзгодъ. При всей своей смѣтливости, пронырливомъ и вкрадчивомъ нравѣ, онъ потерялъ обычное спокойствіе духа, сталъ пренебрегать занятіями въ канцеляріи и наконецъ безобразно запилъ.

Небритый и нечесанный писарь, съ протертыми локтями и въ дырявыхъ, съ голыми пальцами, сапогахъ, случайно привлекъ къ себѣ вниманіе майора, начальника канцеляріи. Арестъ и всякіе штрафы не помогли. Майоръ, узнавъ о происхожденіи писаря, призвалъ его къ себѣ и сталъ усовѣщивать, стыдить.

— Да, что съ тобой?—спросилъ онъ, послѣ долгихъ распеканій, вглядываясь въ заспанное и опухшее лицо писаря: не знаешь развѣ? да я рапортомъ.... да ты у меня....

Слезы брызнули изъ глазъ Шервуда. Вытянувшись передъ начальникомъ, онъ судорожно мялъ въ рукахъ фуражку и молчалъ.

— Ты, батенька, отличныхъ способностей,—произнесъ майоръ, желая нѣсколько его ободрить: шутка-ли! знаешь ариѳметику, языки.... ну, разныя тамъ ремесла.... прежде велъ себя прилично, барышней... а тѣперь! откуда такая блажь?

Губы писаря дрогнули.

— Ваше высокоблагородіе!—проговорилъ онъ: вы обратили на меня милостивый взоръ....

— Ну, да, да!

— Хотите знать причину.... вотъ она....

И Шервудъ безъ утайки разсказалъ майору все свое прошлое, въ томъ числѣ и роковой смоленскій случай.

Майоръ развелъ руками.

— Пять лѣтъ я бился,—заключилъ Шервудъ: извольте узнать, на смотрахъ обходили; что было, издержался, а производства все не видать.... Хотѣлъ я и руки на себя наложить, вотъ какъ передъ Богомъ! и дезертировать за границу, въ Грецію, гдѣ люди бьются за свою свободу.... Горе сломило, не стерпѣлъ....

Шервудъ говорилъ съ чувствомъ, толково и умно. Майоръ сперва было вспылилъ: «вотъ вы, головорѣзы! а? куда дернулъ! у меня, братецъ, то-же семья, дѣти....» Онъ не щадилъ доводовъ, укорялъ.

— Черезъ головы другихъ затѣялъ, вертунъ, перескочить!— горячился майоръ, пыхтя и расхаживая по комнатѣ: назначено двѣнадцать лѣтъ, ну, и терпи. Гдѣ твои такія заслуги, права? Теперь, батенька, не военное время. И родовые дворяне, вонъ, не тебѣ иностранцу чета, ждутъ, переносятъ! Я самъ, братецъ ты мой, не изъ богатыхъ, сколько тянулъ....

Мысль объ оставленной, страдающей дѣвушкѣ смягчила майора.

— Изволь, помогу,—проговорилъ онъ наконецъ, подумавъ: но прежде самъ исправься, приведи себя въ должный видъ. О рюмкѣ болѣе ни-ни....

— Явите божескую милость.

— Попытаюсь, говорю, есть аудиторскія дѣла, кое-что можетъ найду и по механикѣ.... А пока вотъ тебѣ приглашеніе,— заключилъ майоръ: приходи каждый день ко мнѣ обѣдать. Отличишься, то-ли тебя, по способностямъ, ждетъ?

Слова майора подѣйствовали. Шервудъ остепенился, сталъ исполнять казенныя и неурочныя частныя порученія, обзавелся инструментомъ, ободрился и принялъ прежній, приличный видъ. Ему дали унтеръ-офицерскіе погоны, и онъ уже запросто бывалъ у майора.

Лѣтомъ 1825 года, въ Новомиргородѣ, къ полковнику Гревсу заѣхалъ его пріятель, Александръ Львовичъ Давыдовъ. За обѣдомъ разговорились о хозяйствѣ. У полковника, въ это время сидѣлъ и майоръ. Гревсъ подсмѣивался надъ помѣщичьими доходами. Ѣли устрицы.

— Полковые командиры, cher ami, хе-хе, не знаютъ неурожаевъ,—сказалъ онъ, попивая шабли: сравни хоть бы меня.... вѣдь я живу, какъ-бы владѣлъ восемнадцатью тысячами душъ.

— Хорошо тебѣ!—возразилъ Александръ Львовичъ: у насъ съ братомъ въ Каменкѣ иное.... Третье лѣто засуха, недородъ. Была отличная, доходная мельница и та теперь безъ дѣла.

— Почему?

— Мало у насъ ученыхъ механиковъ; купишь хорошую, заграничную машину, испортилась и валяется, хоть брось. Мельницу намъ наладилъ нѣмецкій мастеръ; пока онъ жилъ, не было

отбоя отъ помола, на весь околотокъ работала, а умеръ, некому поправить, стоитъ.

Майоръ вспомнилъ о Шервудѣ. Онъ сказалъ о немъ полковнику.

— Какой это?—спросилъ Гревсъ: бѣлолицый такой, смѣлые, красивые глаза?

— Онъ самый.... отличный, могу сказать, знающій и способный механикъ.... у меня по аудиторской, въ канцеляріи.... вашу коляску намедни какъ починилъ....

— Ну, да, именно!—съ удовольствіемъ произнесъ полковой командиръ: возьми его, Александръ Львовичъ; что ему тутъ мотаться.... пусть этотъ годдѣмъ заработаетъ у тебя. Пришлю съ нимъ и устрицъ.

Шервудъ былъ отпущенъ въ Каменку. Тамъ ему дали помѣщеніе во флигелѣ дворецкаго, мастерскую, и вскорѣ онъ занялся исправленіемъ мельницы.—«Угожу Давыдовымъ, заслужу и у полковника!» разсуждалъ онъ: «майоръ поддержитъ; скоро высочайшій смотръ. Авось вывезетъ судьба.»

Въ Каменкѣ смѣтливый и ловкій Шервудъ, ставъ опять на путь частныхъ отношеній и услугъ, ко всему внимательно прислушивался и все замѣчалъ. Возвращаясь съ мельницы на рабочій дворъ, гдѣ стоялъ флигель дворецкаго, онъ толковалъ съ барскими и пріѣзжими слугами: что дѣлаютъ господа и куда ѣздятъ, кто барскіе гости, богаты-ли, знатны-ли и гдѣ живутъ? Угождая господамъ, Шервудъ не забывалъ и прислуги: тому оправлялъ женины серьги, этому лудилъ чайникъ для сбитня, паялъ колечко или починялъ сундучекъ. Пожилъ онъ такъ недѣли три. Ѣлъ опять сыто, спалъ вдоволь, въ работѣ на мельницѣ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Скучно бывало подъ часъ, и не предвидѣлось впереди ничего особеннаго, чѣмъ онъ могъ-бы сразу и неожиданно выбиться изъ тѣсной, обыденной колеи. Лучшее общество было недоступно. Въ барскій домъ хотя изрѣдка его пускали, но какъ рабочаго, и съ чернаго крыльца. Сажали его и въ столовой, но особо, въ углу, за перегородкой.

Былъ на исходѣ іюнь. Шервуду дали починить сѣдло старшей барышни. Онъ выпилилъ новый лéнчикъ, поправилъ и щегольски, заново отдѣлалъ все сѣдло. Черноглазая, семнадцатилѣтняя красавица Адель, на глазахъ снявшаго фуражку механика, сѣла, въ соломенной шляпкѣ, съ алыми лентами, на сѣраго, съ куцымъ хвостомъ, скакуна и, въ сопровожденіи стараго

берейтора, поскакала за Каменку, въ лѣсъ, на зеленѣющіе холмы. Шервудъ только вздохнулъ, вспоминая улетѣвшіе, былые годы, иную деревню, лѣса и холмы, и иную, теперь также недосягаемую красавицу. Онъ ушелъ на мельницу блѣдный, едва помнившій себя, и тамъ чуть не плакалъ: грызъ съ бѣшенства ногти и мысленно проклиналъ всѣхъ и все.

Шервуда давно уже поразило одно обстоятельство. Онъ сталъ замѣчать, что въ Каменку, гдѣ, за отсутствіемъ старшаго брата, хозяйничалъ Василій Львовичъ Давыдовъ, въ опредѣленные дни, и именно по вечерамъ, каждую субботу, съѣзжались одни и тѣ же гости, почти исключительно военные. Онъ сталъ узнавать отъ прислуги ихъ имена. Тутъ были: генеральнаго штаба поручикъ Лихаревъ, штабъ-докторъ второй арміи Яфимовичъ, подпоручикъ полтавскаго пѣхотнаго полка Бестужевъ-Рюминъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты Ентальцевъ, нынѣ батальонный командиръ черниговскаго полка—подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, отставной штабсъ-капитанъ гвардіи Поджіо и другіе. Шли толки, что ждутъ и другихъ гостей, въ томъ числѣ командира вятскаго пѣхотнаго полка, полковника Пестеля.

— «Что бы это значило?»—началъ разсуждать Шервудъ, прислушиваясь къ толкамъ семьи дворецкаго о посѣтителяхъ Каменки: «въ карты они не играютъ, не кутятъ, не пьютъ.... съ дамами видятся только за чаемъ, да ужиномъ, сидятъ въ пристройкѣ Василія Львовича, либо на верху, и на другой день разъѣзжаются.... Военные! ужъ не затѣвается-ли куда походъ? Что-то, по слухамъ, неладно въ Польшѣ и какъ-бы опять на австрійской границѣ.... Что, если и впрямь, война, походъ? Очевидно, держатъ въ тайнѣ, готовятся.... Узнать-бы и заранѣе попроситься въ дѣйствующій отрядъ.»

Однажды, въ субботу, Шервудъ послѣ ужина ходилъ по двору. Его мучили сомнѣнія, неизвѣстность. Таинственныя бесѣды пріѣзжихъ дразнили его любопытство. Онъ прошелъ въ садъ, миновалъ нѣсколько дорожекъ, возвратился къ калиткѣ и поднялъ голову. Часть верхняго этажа была освѣщена. Одно изъ оконъ было не совсѣмъ прикрыто занавѣской. Ночь была звѣздная, но безъ мѣсяца. Часть неба застилалась облаками.

Шервудъ оглянулся, примѣтилъ вблизи лѣстницу, служившую для закрытія ставень, прислонилъ ее къ стѣнѣ и полѣзъ къ верхнему окну. Онъ уже былъ не вдали отъ подоконника, видѣлъ тѣни, колыхавшіяся по рамѣ, и готовился, изъ-подъ за-

навѣски, разглядѣть, что происходитъ въ комнатѣ. На дворѣ, за калиткой, послышались шаги. Шервудъ быстро спустился на землю.

— «Нѣтъ», сказалъ онъ себѣ: «хоть отъ деревьевъ здѣсь и темно, на бѣлой стѣнѣ легко могутъ разглядѣть....» Онъ опять прошелъ въ садъ. Походивъ по ближней полянѣ, онъ долго приглядывался къ свѣту въ верхнихъ окнахъ. Руки и ноги его дрожали, любопытство было до крайности возбуждено.

Обычная вечерняя возня во дворѣ понемногу затихла. Перестали скрипѣть и хлопать двери въ домѣ, на кухнѣ и въ людскихъ. Прислуга, мало по малу, разбрелась по своимъ угламъ. У амбара пересталъ постукивать въ доску сторожъ. На деревнѣ все также смолкло. Наступила полная тишина.

Шервудъ вышелъ изъ сада, поднялся на переднее крыльцо и, подождавъ съ минуту, бережно отперъ дверь въ сѣни. Осмотрѣвшись въ полу-тьмѣ, онъ нащупалъ крутую, каменную лѣстницу, подумалъ: «это на верхъ.... если наткнусь на кого-нибудь, скажу, что по дѣлу къ хозяину!» и, чуть касаясь ступеней, сталъ медленно подниматься. Нѣсколько разъ онъ останавливался, прислушиваясь. Его тревожилъ скрипъ собственныхъ сапогъ. Въ верхней передней не было никого.—«Прислуга, очевидно, съ разсчетомъ услана внизъ!»—мелькнуло въ умѣ Шервуда. Изъ смежной комнаты въ дверную щель передней пробивалась полоска свѣта; изъ-за двери ясно слышались оживленные голоса.

«Такъ и есть»,—подумалъ Шервудъ, «обсужденіе похода.... готовится война.... Но какъ бы не попасться, получше разслышать?»—Онъ осмотрѣлся, снялъ сапоги, чтобы не скрипѣли, взялъ ихъ подъ мышку, подошелъ на цыпочкахъ къ заманчивой двери и, замирая, приложилъ къ замочной скважинѣ сперва глазъ, потомъ ухо. Онъ наблюдалъ нѣсколько мгновеній, отрывался отъ двери и опять жадно къ ней припадалъ. Кровь бросилась ему въ голову. Сердце билось такъ сильно, что онъ схватился за грудь и едва устоялъ на ногахъ.

V.

Вокругъ большаго, заваленнаго бумагами стола, какъ разглядѣлъ Шервудъ, помѣщались всѣ обычные посѣтители Каменки. Ближе другихъ, у лѣвой стѣны, сидѣлъ хозяинъ, Василій Львовичъ Давыдовъ. Вправо и бокомъ, также у двери, располагался пріі-

ѣхавшій въ тотъ день, коренастый и строгій лицомъ, полковникъ Пестель. За нимъ, съ перомъ въ рукѣ, надъ бумагой, сидѣлъ, въ свитскомъ мундирѣ, длинно-волосый и худощавый, съ выразительными глазами, подпоручикъ Лихаревъ. Пестель, съ рѣшительно протянутою рукой, что-то кончилъ объяснять. Лихаревъ, взглядывая на говорившаго, наклонялся, быстро записывая.

Шервудъ затаилъ дыханіе и сталъ слушать. Первыя слова Пестеля бросили его въ холодъ и жаръ. «Онъ предсѣдатель, отбираетъ голоса.... что за диво?»—подумалъ Шервудъ. Пестель кончилъ. Началось общее разсужденіе. Французскій, съ примѣсью русскихъ выраженій, говоръ то затихалъ, то обновлялся съ новою силой. Шервуду становилось понятно и ясно нѣчто совершенно неожиданное, изумительное, повергшее его въ нервную дрожь. До него долетали слова: «да вѣдь такъ рѣшено»—«въ Польшу отвѣтить отъ имени союза»—«наше общее дѣло»—«Васильковская и Тульчинская управы»—«Мордвиновъ что? аристократъ!»—«Петербургу дать новый совѣтъ! къ черту Аракчеева!»—«на голоса!» — Говорили рѣчи Поджіо, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ. Лихаревъ записывалъ рѣшенія.

— Цензъ избирателей, произнесъ Юшневскій: до пяти сотъ фунтовъ серебра, избираемыхъ до трехъ тысячъ фунтовъ.... это дико! гдѣ у насъ серебро?

— Крестьянъ освободить съ землей, — кричалъ Яфимовичъ.

— Не всѣ согласятся! безъ земли, съ одними дворами! возражали Поджіо и Ентальцевъ: еще назовутъ грабежомъ.

— Къ черту тупое меньшинство! вѣче! вспомните Новгородъ, Псковъ!—кричалъ, покрывая голоса прочихъ, Мишель.

Сомнѣнія не было. Передъ Шервудомъ происходило засѣданіе тайнаго, политическаго общества.

Онъ перевелъ дыханіе, хотѣлъ еще слушать. Но Василій Львовичъ всталъ и, со словами: —«и такъ, воля крестьянъ, въ общемъ, рѣшена!» взялся за шнурокъ звонка. Остальные также, отодвигая кресла, встали. Шервудъ отпрянулъ отъ двери и опрометью, чуть помня себя, сбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ сѣняхъ онъ въ ужасѣ прижался къ углу. Мимо его, зѣвая и охая, прошелъ снизу разбуженный звонкомъ Емельянъ.

Пропустивъ слугу, Шервудъ дрожащими руками надѣлъ сапоги, еще прислушался, выскользнулъ на крыльцо и стремглавъ бросился въ свой флигель. Не зажигая свѣчи, онъ быстро раздѣлся, легъ въ постель и старался заснуть. Сонъ отъ него бѣ-

жалъ.—«Тайное общество! заговоръ противъ правительства!»—думалъ онъ, задыхаясь. Дрожа и не попадая зубомъ на зубъ, онъ разбиралъ свое невѣроятное открытіе.—«Такъ вотъ что»,—мыслилъ онъ: «не походъ, не война.... вотъ цѣль этихъ собраній.... и кто же? высшее офицерство, батальонные, полковые командиры. Недовольны, возмущены; строятъ тайные ковы. А я, затерянный въ этой глуши, безъ ихъ богатства и правъ, всѣми обходимый чужеземецъ.... И мнѣ терпѣть еще семь долгихъ, унизительныхъ лѣтъ?...»

Тяжелыя, несбыточныя мысли вертѣлись въ головѣ Шервуда. Онъ неподвижно глядѣлъ съ кровати въ окно. Мухи жужжали и бились въ тѣсной, душной комнатѣ. А за окномъ стояла тихая, звѣздная ночь.—«Бѣжать отъ этого ужаса!»—вдругъ подумалъ Шервудъ: «убить соблазнительный, дерзкій призракъ... А тамъ, вдали? тамъ вѣдь еще надѣются, ждутъ.... Можно отличиться, возвратить потерянное счастье. Нѣтъ выслуги выше; почести, богатство.... но вѣдь это предательство!»

Шервудъ вскочилъ, сталъ ощупью одѣваться.—«Тьфу, чертъ! да какъ же дрожатъ руки!»—мыслилъ онъ съ отвращеніемъ: «точно укралъ что-нибудь»....—«Кончено, рѣшено!»—сказалъ онъ себѣ, выйдя на воздухъ и безсознательно вновь направляясь въ садъ: «о! подлая ловушка, выдача головой, за гостепріимство, пріютившаго меня человѣка.... И ужели я буду этимъ предателемъ, злодѣемъ, убійцей изъ-за угла?»

Долго Шервудъ бродилъ по темнымъ уступамъ и дорожкамъ сада, подходилъ къ рѣкѣ, ложился въ кусты, на полянахъ. Верхи деревъ посвѣтлѣли. Стали видны холмы и ближній лѣсъ за Тясминомъ. Чирикнула и съ куста на кустъ перелетѣла, разбуженная какимъ то шорохомъ, птичка. Спящій, съ пристройками и крыльцами, бѣлый домъ отчетливѣе вырѣзался, среди пирамидальныхъ тополей и развѣсистыхъ, старыхъ линъ.

«Сытые бѣсятся, что имъ! изъ моды, отъ жиру!»—злобно стиснувъ зубы, подумалъ Шервудъ. Онъ даже плюнулъ запекшимися губами.—«Чужое вѣдь, не мое»...—прибавилъ онъ, съ блѣдной усмѣшкой, вставая и возвращаясь домой: «отличія.... награды засыпятъ.... это вѣрно! ни колебанія, ни шагу назадъ!»

— Что, ваши ѣдутъ сегодня?—спросилъ онъ чьего-то кучера, ведшаго утромъ къ рѣкѣ лошадей.

— Ѣдемъ, будемъ въ ту субботу.

Въ слѣдующую субботу, Шервудъ рѣшилъ получше и толкомъ все сдѣлать, смазать сапоги, выждать, когда все угомонится, вновь пробраться къ заманчивой двери, все терпѣливо выслушать, запомнить и записать въ особую тетрадь.—«Смѣльчаки!—на Аракчеева строятъ подкопы!» — разсуждалъ онъ, «въ лагерѣ подъ Лещи́номъ собираются все рѣшить... волю крестьянамъ хотятъ объявить!»

Въ ожиданіи этого дня, чтобъ не дать подозрѣній, Шервудъ притворился разсѣяннымъ, безпечнымъ; никого, какъ прежде, болѣе не разспрашивалъ и въ свободные часы ходилъ, съ ружьемъ дворецкаго, по окрестностямъ и приносилъ хозяйкамъ дичь. А чтобы продлить свое пребываніе въ Каменкѣ, онъ даже нарочно нѣсколько испортилъ уже конченный мельничный ходъ.

Вторая суббота пришла. Шервудъ узналъ еще болѣе. Въ свою тетрадь онъ занесъ имена и адрессы многихъ членовъ союза, ихъ тайныя намѣренія и цѣли, даже вскользь кѣмъ либо сказанныя, необдуманно-смѣлыя слова, въ родѣ ребяческой, безумной похвалы Мишеля, съ пѣной у рта: «убивать! рѣзать всѣхъ.... нечего щадить враговъ!»

Собраніе на этотъ разъ окончательно обсуждало вопросъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ, въ томъ числѣ чье-то предложеніе—не откладывать свободы крестьянъ. Шервудъ жадно слушалъ.

— Отдѣльныя, единичныя попытки каждаго изъ насъ не приведутъ ни къ чему, сказалъ чей-то голосъ за дверью: вонъ, Якушкинъ давно написалъ общую и безусловную вольную своимъ. Онъ даже возилъ ее въ Петербургъ, министру. И что-же вышло? Послѣ всякихъ отсрочекъ и мытарствъ, ему удалось добиться свиданія съ Кочубеемъ. Удивленный министръ его выслушалъ и отвѣтилъ: разсмотримъ, обсудимъ. И обсуждаютъ до сихъ поръ, скоро пять лѣтъ....

— Моего предположенія,—произнесъ Пестель: о подаренныхъ мнѣ деревняхъ я ужъ никуда и не посылалъ.

— Да и не для чего! — отозвался Бестужевъ-Рюминъ: еще сочтутъ нарушителемъ общаго спокойствія.... вѣдь у насъ какъ!

— И будутъ правы!—сказалъ Поджіо: строго говоря, какъ члены тайнаго общества, даже для такихъ возвышенныхъ цѣлей, мы все-же заговорщики, преступники. Надо говорить правду.... Какъ ни перебирай, а всѣ наши работы, подтвержденныя даже собственнымъ, доблестнымъ починомъ, — однѣ слабыя по-

пытки непрошеннаго меньшинства.... отвлеченные, философскіе тезисы.... отмѣна цензуры, шутка-ли? сокращеніе воинской службы.

— Что же предпринять?—спросилъ Яфимовичъ: діагнозъ сдѣланъ, гдѣ лекарства? и какъ узнать мнѣніе большинства, если наши стремленія и здѣсь называютъ идеальными, идущими не изъ опыта, а изъ головы?

— Я такъ не говорилъ,—возразилъ Поджіо.

— Нѣтъ, вы это сказали....

— Совѣтуютъ,—произнесъ Пестель: подать общее прошеніе отъ дворянъ.

— Съ сотнями, тысячами подписей! — вскрикнулъ Мишель: можно все въ тайнѣ, не узнаетъ никто!

— Но не всѣ подпишутся,—возразилъ Поджіо: многіе противъ дароваго освобожденія; изъ нашихъ даже—Волконскій, Нарышкинъ, Трубецкой, да и другіе,—Александръ Барятинскій, — стоятъ за выкупъ крестьянъ отъ казны.

— И вѣрно, если хотите, — произнесъ Яфимовичъ: даже Мордвиновъ, помните, совѣтовалъ платить, смотря по возрасту, отъ пятидесяти до двухъ-сотъ рублей за душу.

— Алтынники!—вскрикнулъ Мишель.

— Но съ ними могутъ согласиться, и рядомъ съ нашимъ прошеніемъ, пошлются другія, въ обратномъ смыслѣ. Да и какъ собирать подписи?

— Выбрать смѣлую когорту!—проговорилъ Мишель: я и другіе возьмемся, въ мѣсяцъ, въ полгода объѣздимъ полъ-Россіи и привеземъ сто тысячъ подписей.

— Увлечемъ, заставимъ и Аракчеева,—сказалъ Ентальцевъ: вѣдь онъ самъ предлагалъ особую коммиссію и пять милліоновъ въ годъ дворянству на выкупъ крѣпостныхъ.

— Но онъ стоялъ за двѣ десятины надѣла всякой душѣ, и его мысль отвергли. Онъ противъ общиннаго управленія деревень....

— Къ черту его! обойдемся и безъ него!—произнесъ кто-то.

— Нѣтъ, нельзя пренебрегать услугами и врага,—возразилъ Давыдовъ.

— Долой враговъ! — крикнулъ Поджіо: имъ будетъ особый разсчетъ.

— Кинжалъ!—произнесъ Мишель.

— Позвольте,—опять вмѣшался Яфимовичъ: не подготовимъ исподволь общаго мнѣнія, Кочубей введетъ ни то, ни сё.... полумѣры восемьсотъ пятаго года....

— На голоса!

— Что же рѣшать?—спросилъ Пестель.

— Все рѣшать.... нечего откладывать.

— Отложить,—сказалъ Ентальцевъ: надо списаться, узнать.

— А публикаціи въ газетахъ о продажѣ людей? — проговорилъ Давыдовъ: вѣдь это Африка, торгъ неграми!

— Отложить, не соберемъ подписей!

— Нечего откладывать, на голоса!

Обсуждались и другія мѣры, диктовались разныя бумаги.

«Какія открытія!» —разсуждалъ Шервудъ, пробираясь, въ эту вторую ночь, обратно во флигель:—«стремятся къ образованію простаго народа, къ уменьшенію сроковъ военной службы, къ устройству общиннаго управленія, отмѣнѣ цензуры и къ освобожденію крестьянъ»....—«Прямо письмо къ государю!»—сказалъ онъ себѣ: «меня, разумѣется, вызовутъ, и я все объясню.... Но спросятъ,—гдѣ доказательства? и что, если эти люди отопрутся, спутаютъ, собьютъ? Все вѣдь такіе умники, тузы.... Завтра воскресенье—всѣ разъѣдутся. Не ѣхать-ли и мнѣ? Осталось только исправить шестерню и испытать ходъ колеса....»

Шервудъ то рѣшался исполнить задуманное, то падалъ духомъ и отступалъ. Рано утромъ онъ пошелъ на мельницу.

Погода стояла знойная. Пользуясь утренней прохладой, къ рѣкѣ на мельницу пришли купаться каменскіе гости. Степенный говоръ прерывался изрѣдка шутками. Слуга разостлалъ коверъ, положилъ мыло и простыни, поставилъ тазы съ водой и ушелъ. Шервудъ, припиливая стержень шестерни, сидѣлъ въ мельницѣ у окна. Ему было видно, какъ пришли гости, какъ они разсѣлись на коврѣ и по травѣ и стали раздѣваться. Кто-то пріятнымъ голосомъ запѣлъ французскую пѣсню.—«Марсельеза!»—съ дрожью подумалъ Шервудъ, услыша знакомый по Москвѣ напѣвъ. Онъ слѣдилъ за купающимися: все молодыя, стройныя и красивыя тѣла. Женственно-бѣлый, высокій, кудрявый и такъ горячившійся на засѣданіяхъ, Мишель съ размаха бросился въ рѣку. За нимъ медленно, щупая голыми ногами берегъ, сошелъ къ водѣ плечистый, смуглый тѣломъ и съ полосой загара вкругъ шеи, Пестель. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, намыленный и весь въ бѣлой пѣнѣ, какъ въ пуху, сидѣлъ на обрывѣ берега, щуря противъ солнца усталые, добрые глаза. Его красивое, круглое лицо, съ прямымъ носомъ, улыбалось.

— Tiens, cher ami,—сказалъ Муравьевъ Пестелю: какъ загорѣла твоя шея...

— Точно ожерелье!—проговорилъ, плеская себѣ водой на грудь и бока, Поджіо.

— Типунъ вамъ на языкъ,—добродушно усмѣхнулся всегда чопорно-сдержанный Пестель.

«Петля!»—пронеслось въ головѣ Шервуда. Онъ видѣлъ какъ, довольный теплой погодой и купаньемъ, Пестель съ удовольствіемъ потеръ себѣ полную, вспотѣвшую шею и ступилъ въ воду.

— Странно,—прибавилъ Пестель, собираясь погрузиться въ рѣку съ головой: я всегда думалъ одно,—какъ бы не утонуть.... не плаваю...

— Наше не тонетъ и не горитъ—произнесъ Поджіо, оттолкнувшись отъ берега и плывя на спинѣ: мужество и стойкость, не правда—ли, нашъ девизъ?...

— А слышали о новомъ женскомъ подвигѣ!—отозвался Лихаревъ, стоя на мельничной шлюзѣ и оттуда собираясь внизъ головой броситься въ рѣку.

— Нѣтъ, не слыхали.

— Дѣвица Куракина, увлекшись въ Москвѣ католицизмомъ, въ доказательство преданности къ новой вѣрѣ, сожгла себѣ палецъ въ каминѣ....

— Мишель, это по твоей части! любовь.... женихъ!—крикнулъ, ныряя, веселый Поджіо. Всѣ засмѣялись.

— Какъ это у Шеридана о женщинахъ?—спросилъ Муравьева Давыдовъ: твой отецъ перевелъ его «Облака»....

— И.... «Школу злословія»,—тонко прибавилъ, въ защиту друга, Муравьевъ.

— «Шути́те, шути́те!» думалъ у окна мельницы Шервудъ.

Къ рѣкѣ, въ это время, подошелъ только-что подъѣхавшій изъ другаго имѣнія, старшій Давыдовъ.

— Вотъ они, республиканцы! здравствуйте!—сказалъ онъ, дружески кланяясь и присаживаясь на берегу.

Часть купающихся уже одѣвалась.

— Что новаго?—спросилъ Поджіо.

— Это у васъ спрашивать, вы перестроители судебъ.

— Какое! мы военные!

— Хороши воины.... ну, да не вмѣшиваюсь,—пробурчалъ Александръ Львовичъ: а не умолчу, побьютъ васъ за прожекты ваши же Фильки да Ваньки.

— Что же, однако, новаго?—спросилъ брата младшій Давыдовъ: ты писалъ, что думаешь быть въ Кіевѣ?

— Ну, былъ.... скука, жара и отвратительно кормятъ.

— Не по кулинарной части.... былъ же у кого-нибудь?

— А вотъ что,—вспомнилъ Александръ Львовичъ: это касается васъ.... ожидаемые смотры на югѣ отмѣнены.

— Почему? какая причина?—заговорили слушатели.

— Государыня нездорова; ей предписано ѣхать въ Таганрогъ. Государь располагаетъ ее провожать.

— А правда-ли, — спросилъ Мишель: что столицу, изъ-за прошлогодняго наводненія въ Петербургѣ, думаютъ обратно перенести въ Москву?

— Давно бы пора,—замѣтилъ Лихаревъ.

— И это говорите вы?—обратился къ нему Александръ Львовичъ: да Москва глушь, спячка, орда! ни дышать, ни ѣсть, ни жить.... Охъ, вы, простите, Сенъ-Жюсты, да Демулены,—крехтя, прибавилъ онъ, вставая и идя за первыми одѣвшимися: вы дѣти, не практики.... Ну, хоть бы эти толки объ emancipation.... все это, говорю откровенно, вздоръ! Вы подзадориваете изъ моды другъ друга и преждевременными задираніями только мѣшаете жить остальнымъ. Служи я, да поставь меня начальство, съ полкомъ, противъ васъ, я бы вамъ показалъ....

Часть купающихся ушла. Шервудъ опять услышалъ голоса. У шлюза замедлились Пестель и Муравьевъ.

— Да! я все думаю,—сказалъ Пестель: такая разногласица.... ужъ не открыть-ли всего государю?.... Право, онъ одинъ въ силѣ.... Ему бы все наше передать....

«Такъ вотъ что!» — сказалъ съ дрожью себѣ Шервудъ: — «нѣтъ, опоздали.... я васъ предупрежу!»

Купанье кончилось. Рѣка опустѣла.—«Завтра сдамъ работу и уѣду!» рѣшилъ Шервудъ.

Онъ обѣдалъ въ тотъ день въ своемъ флигелѣ, медленно доѣдая ломоть бараньей грудинки, принесенной изъ кухни дворецкаго, когда къ нему вошелъ офицеръ. То былъ Мишель.

— Извините,—сказалъ вошедшій: вы опытный механикъ; не можете-ли починить это?

Онъ подалъ Шервуду золотой, тѣльный крестикъ.

— У насъ, видите-ли, въ штабѣ нѣтъ мастеровъ.... жалкое мѣстечко.... а это для меня дорого.... отпаялось ушко....

Шервудъ отеръ влажныя, жирныя губы и поднялъ глаза на офицера.

— Крестъ,—проговорилъ онъ, въ раздумьи поворачивая поданную вещь.

— Да, память, благословеніе.... моей maman,—не смѣло пояснилъ офицеръ.

— Помилуйте, ваше благородіе, — злобно нахмурился Шервудъ: развѣ я золотыхъ дѣлъ мастеръ? у меня ни припая, ни инструментовъ для того....

— Но вы Самойлычу исправили кольцо, мамзель Адель серьги.

— У васъ.... матушка?—спросилъ Шервудъ.

— Да.... и я ее такъ люблю, — съ счастливой улыбкой и искренно произнесъ Мишель.

Шервудъ задумался. Въ его мысляхъ мелькнуло его открытіе и все, что онъ такъ ловко подслушалъ и записалъ, въ томъ числѣ и объ этомъ юношѣ, смѣло поджимавшемъ палецъ за пальцемъ, при счетѣ намѣчаемыхъ жертвъ. Ему вспомнилось и утреннее купанье у мельницы, статныя, спокойныя и красивыя тѣла, марсельеза и шутка о загорѣлой шеѣ. Онъ безсознательно продолжалъ разсматривать крестикъ. — Что ожидало стоявшаго передъ нимъ юношу и всѣхъ этихъ, повидимому, безпечныхъ и смѣлыхъ, сильныхъ духомъ и вѣрившихъ въ свою звѣзду?— «У него мать»—подумалъ Шервудъ: «а у меня невѣста.... да и онъ, кажется, женихъ.... отъ одного шага, слова....»

Злобный огонь сверкнулъ въ глазахъ Шервуда.

— Извините, ваше благородіе,—сказалъ онъ не-хотя, какъ-бы еще пережевывая недоѣденный, вкусный кусокъ: я не ювелиръ; но для васъ, какъ могу, смастерю.... принесу вечеромъ....

— О, я вамъ буду очень благодаренъ! — сказалъ Мишель: вы истинный джентльменъ.... по-русски, это гражданинъ.... Вашу руку, гражданинъ Шервудъ.

И онъ горячо пожалъ мозолистую руку Шервуда, счастливый всѣмъ, и утреннимъ купаньемъ, и тѣмъ, какъ онъ смѣло «по робеспьеровски» говорилъ въ ту почь на засѣданіи, до того смѣло, что Поджіо ему сказалъ: вы — Маратъ! — и тѣмъ наконецъ, что онъ скоро будетъ въ Ракитномъ, гдѣ жила его невѣста, Зина, и гдѣ въ концѣ августа, въ день рожденія ея матери, былъ назначенъ балъ, съ охотой на волковъ и дикихъ козъ.

Гости изъ Каменки вечеромъ разъѣхались. Утромъ слѣдующаго дня уѣхалъ и Шервудъ, щедро награжденный за исправленіе мельницы.

Полковникъ Гревсъ, получа благодарность Давыдова за Шервуда, далъ послѣднему порученіе къ своему брату, въ Вознесенскъ, откуда ловкій на всѣ руки техникъ былъ приглашенъ, для осмотра овечьихъ заводовъ и стадъ, къ сосѣднему помѣщику Булгари. Шервудъ взглянулъ въ свой списокъ: Булгари былъ туда занесенъ въ числѣ членовъ союза.

Изъ Вознесенска Шервуду, въ концѣ іюля, было предложено съѣздить по дѣлу въ Харьковскую губернію, въ ахтырское помѣстье родныхъ жены Гревса. Въ Ахтыркѣ онъ, по порученію Булгари, отыскалъ офицера Вадковскаго. Взглянувъ въ свой списокъ, онъ убѣдился, что и Вадковскій также былъ членомъ тайнаго общества. Онъ его нашелъ у кого-то на крестинахъ.

Булгари, въ свиданіяхъ съ Шервудомъ, не проговорился ни въ чемъ. Намёки на Каменку, на общее дѣло и на общихъ будто бы товарищей даже заставили осторожнаго Булгари, въ письмѣ къ Вадковскому, черезъ Шервуда, прибавить оговорку: «Берегись этого человѣка,—подозрителенъ; выдаетъ себя за нашего члена, но, кѣмъ и гдѣ принятъ, не знаю.» Шервудъ въ дорогѣ вскрылъ это письмо, прочелъ его и опять ловко подпечаталъ.

Подвижной и нервный, какъ женщина, Федоръ Федоровичъ Вадковскій воспитывался въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, служилъ въ кавалергардахъ и теперь былъ сосланъ, за какую-то вольную пѣсню, въ нѣжинскій полкъ, стоявшій въ Ахтыркѣ. Прочтя письмо, привезенное Шервудомъ, онъ сдѣлалъ доставителю нѣсколько быстрыхъ, веселыхъ вопросовъ, предложилъ за-просто позавтракать къ себѣ и, разговорившись за угощеніемъ, улыбнулся.

«Экіе трусы! подумалъ онъ:—тѣни своей боятся.... А это такой милый, дѣльный человѣкъ....»

— Оставимъ другъ друга обманывать,—сказалъ онъ вдругъ, протянувъ гостю отъ всего сердца руку: вижу, мы союзники. Будемъ братьями общаго дѣла.

Вадковскій и Шервудъ чокнулись рюмками.

— Что новаго въ Каменкѣ?—спросилъ Вадковскій: что предпринимаютъ дорогіе товарищи и нашъ новый, смѣлый Вашингтонъ?

— Вашингтонъ?—проговорилъ гость: ошибаетесь. Пестель мѣтитъ въ Кромвели, въ Наполеоны.

— Ой-ли?

Гость засыпалъ анекдотами. Чего онъ только по этой части не зналъ, а еще болѣе не придумалъ. Чувствительный, смѣшливый и простодушный Вадковскій, встрѣтивъ, въ богомольной и скучной, ахтырской глуши, собрата по общему дѣлу, былъ внѣ себя отъ радости. Вынили шампанскаго. Говорили долго, нѣсколько часовъ, и еще выпили. Съ анекдотовъ перешли къ важной сторонѣ дѣла. Перебирали послѣднія тревожныя вѣсти, общее недовольство, слухи о предстоящихъ перемѣнахъ къ худшему.

— И все Аракчеевъ! все онъ!—твердилъ, охмѣлѣвъ, въ искреннемъ негодованіи, быстроглазый, миловидный и съ чернымъ, распомаженнымъ и завитымъ въ колечко хохолкомъ, Вадковскій.

— И нѣтъ кары на этого злаго, жаднаго и ядовитаго паука! поддакнулъ, съ англійскимъ ругательствомъ, Шервудъ.

— Найдется! и скоро!—многозначительно качнувъ головой, проговорилъ Вадковскій: здѣсь въ Ахтыркѣ, скажу вамъ, намъ не сочувствуютъ; все спитъ и даже враждебно смотрятъ на насъ.... но мы имъ предпишемъ, ихъ вразумимъ!

Еще перекинулись словами.

— Я вижу, дорогой товарищъ,—сказалъ, пошатываясь, Вадковскій: вы не знаете всѣхъ нашихъ членовъ.... я васъ удивлю.... таковъ мой нравъ.... Я васъ принимаю въ бояре,—и, въ знакъ моего къ вамъ довѣрія, извольте.... готовъ вамъ сообщить даже списокъ всего нашего союза....

— Очень благодаренъ.... позволите списать? я возвращу его черезъ часъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ Вадковскій, окончательно забывъ предостереженіе Булгари: долго-ли пробудете въ Ахтыркѣ?

— Надо кончить порученное дѣло; ѣду сегодня.

Списокъ былъ въ тотъ же день возвращенъ Вадковскому.

На обратномъ пути въ полкъ, Шервудъ остановился ночевать въ Богодуховѣ, заперся на постояломъ дворѣ и сталъ что-то писать. Онъ писалъ всю ночь, разрывая въ клочки бумагу, ходя по комнатѣ и опять садясь къ столу. На другой день отсюда отходила почта въ Харьковъ и далѣе на сѣверъ. Шервудъ утромъ написанное запечаталъ въ большой, форменный пакетъ,

сунулъ его на грудь, подъ мундиръ, застегнулся, сжегъ черновые наброски и пошелъ на почту.

Это было въ половинѣ августа.

День стоялъ сухой, съ знойнымъ вѣтромъ. Пыль носилась клубами по улицамъ бѣднаго, соломой крытаго городка, разбросаннаго по песчанымъ болотамъ и буграмъ. Истомленный трясской на перекладной и безсонной ночью, проголодавшійся и мучимый сомнѣніями, Шервудъ сумрачно шагалъ вдоль пустынныхъ заборовъ. Усталыя ноги, въ побурѣвшихъ, жавшихъ сапогахъ, вязли въ пескѣ. Улицы были пусты. Свиньи хрюкали изъ грязныхъ лужъ, пересѣкавшихъ дворы и улицы. Полунагіе и грязные ребятишки валялись подъ воротами, швыряя въ прохожаго комками навоза. Шервудъ остановился, прикрикнулъ, даже погнался было за оборваннымъ, шершавымъ мальчуганомъ. У кабака онъ встрѣтилъ пьянаго, сѣдаго мѣщанина, шедшаго подъ руку съ пьяною бабой и оравшаго пѣсню на всю улицу.—«И этимъ гражданамъ они затѣяли свободу, права!» трясясь отъ злости, подумалъ Шервудъ, отирая потное лицо. Онъ добрелъ до почтовой конторы, у которой уже стояла телѣга, запряженная тройкой исхудалыхъ клячъ. Толстый и заспанный почтмейстеръ принялъ поданный ему пакетъ. Прочтя на немъ надпись, онъ удивленно поднялъ глаза на Шервуда.

— Это ваше?—спросилъ онъ, вертя въ рукахъ пакетъ.

— Такъ точно.... прошеніе о пособіи, заболѣлъ дорогою....

Почтмейстеръ вынулъ табакерку, опять взглянулъ на подателя, понюхалъ табаку, со вздохомъ приложилъ къ пакету печать и бросилъ его въ почтовую сумку.

Шервудъ вышелъ и сталъ на сосѣднемъ перекресткѣ. Изъ-за забора онъ видѣлъ, какъ вынесли сумку, какъ подтянутый ремнемъ почтальонъ сѣлъ, и тройка помчалась, поднимая клубы пыли. За спинку телѣги ухватился и повисъ, въ изорванной рубашенкѣ, мальчикъ; на толчкѣ его сбросило лицомъ въ грязь. «Не удержишь! по дѣломъ!»—усмѣхнулся искривлённою улыбкою Шервудъ: «тѣ также думали остановить то грозное и имъ ненавистное чудовище».

На пакетѣ была надпись: «Новгородской губерніи, въ село Грузино, графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, въ собственныя руки».

Вадковскій, по отъѣздѣ Шервуда, опомнился, что погорячился и былъ черезъ-чуръ откровененъ съ гостемъ. Онъ старался оправдаться въ собственныхъ мысляхъ: одиночество, скука, завтраки съ возліяніями....—«Экіе мы ребята, право!.. понравился, и я принялъ его въ общество»—разсуждалъ онъ: «меня увлекъ его характеръ, вообще англійскій,—непоколебимый и полный чести (imbu d'honneur—досказалъ онъ себѣ по французски). Онъ съ виду холоденъ, но исполненъ горячей преданности и способенъ оказать важныя услуги нашему семейству. Если я преступилъ свои права, пусть ихъ отнимутъ у меня, такъ имъ и напишу, но пусть ихъ отдадутъ, для пользы дѣла, Шервуду».

Въ то время, когда изъ Богодухова было послано письмо Шервуда Аракчееву, Пестель съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ возвращался съ послѣдняго, въ то лѣто, съѣзда изъ Каменки. Оба они были скучны. Легкая вѣнская коляска Пестеля мягко катилась по зеленымъ полямъ. Сытая четверня полковыхъ саврасокъ бѣжала бодро. Бубенчики пріятно позванивали.

— Какъ твои стихи?—задумчиво спросилъ товарища Пестель: ну тѣ, что ты, помнишь, написалъ въ Каменкѣ? Скажи еще разъ; я такъ ихъ люблю....

Неразговорчивый и робкій, нѣжный нравомъ, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ помедлилъ, слегка покраснѣлъ и негромко, съ чувствомъ, прочелъ желаемое шестистишіе:

«Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ce n'est qu' à la fin de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu' on a perdu....»

— Превосходно и вѣрно!—сказалъ Пестель: это напоминаетъ Ламартина.... Ты въ душѣ поэтъ.... Вѣрно выразился.... всѣ мы одинокіе, неизвѣстные міру мечтатели, и только потомство намъ произнесетъ вѣрный судъ....

Путники нѣкоторое время проѣхали молча. Солнце клонилось къ закату. Душистая, вечерняя мгла понемногу застилала желтѣющія украинскія степи. Безчисленные кузнечики стрекотали въ травѣ, заглушая бубенчики лошадей.

Пестель сообщилъ, что, въ бытность въ Петербургѣ, онъ навѣстилъ сочлена по союзу, Анненкова, который собирается жениться на красавицѣ Жюстинѣ.

— Ты не повѣришь, какъ счастливы эти голубки!—сказалъ Пестель: глядя на нихъ, я мыслилъ, — когда же кончатся наши бури?

Муравьевъ, слушая товарища, задумался о сватовствѣ Мишеля. Его сердце невольно сжималось, при мысли: угадываетъ-ли возлюбленная этого горячаго и безразсудно-смѣлаго мальчика, принятаго имъ въ члены и наконецъ въ бояре, какая судьба можетъ его ждать и ему грозить?

— Знаешь-ли, я думаю,—вдругъ сказалъ, какъ всегда по-французски, Пестель: пожалуй, хорошо, что рѣшили оставить эти безумныя попытки въ лагеряхъ, подъ Бѣлой Церковью и Бобруйскомъ.... Эти военныя заявленія.... преторіанство! Охъ, не нравится все это мнѣ.... какъ бы не напортили нетерпѣливые, особенно въ Петербургѣ.....

Муравьевъ съ удивленіемъ взглянулъ на спутника.

— Слушай,—продолжалъ болѣе оживленно Пестель, высовываясь изъ коляски и какъ бы ища свѣжаго воздуха, простора: я страстно любилъ и люблю отечество и всегда горячо желалъ ему счастія. Если бы мирно удались наши предположенія, если бы мирно.... о! клянусь; я хоть не православный, удалился бы въ Кіевскую лавру и кончилъ бы жизнь, съ благодарностью Богу, монахомъ. Меня подозрѣваютъ въ честолюбивыхъ, суровыхъ замыслахъ. Говорятъ, что я противъ демократа Сперанскаго и за олигарха Мордвинова! Партіи!... Дайте намъ только свободу мнѣній и рѣчи,—не будетъ ни Аракчеева, ни другихъ своекорыстныхъ, темныхъ силъ,—будетъ одна неподкупная и всѣмъ ясная истина. Ты, мой другъ, лучше другихъ знаешь, что во всѣхъ моихъ увлеченіяхъ и, подъ часъ не въ мѣру, горячихъ словахъ всему виной наша горькая, тяжкая доля. Клянусь, мое сердце не участвовало въ томъ, что порою творила голова.

Муравьевъ горячо пожалъ руку товарища.

— Я всегда былъ противъ твоихъ враговъ,—сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы: ты не изъ тѣхъ слабосердыхъ, оставившихъ насъ, что между тѣмъ предлагали устройство тайныхъ типографій и выпускъ фальшивыхъ денегъ. Ты всегда ясно опредѣлялъ цѣль и шелъ къ ней прямо.

— Отъ меня, какъ слышу,—произнесъ Пестель: нѣкоторые наши хотѣли избавиться.... знаешь-ли? тебѣ одному откроюсь, какъ другу.... Я давно уже колеблюсь.... и тебѣ о томъ наме-

калъ.... Наши силы обоюдо-острый мечъ. Выскочатъ, прорвутся нетерпѣливые, и наши мирныя цѣли погибли.... Во мнѣ зрѣетъ иное, высшее убѣжденіе.... Правъ Николай Тургеневъ. Онъ пишетъ мнѣ,—ничто всѣ наши усилія передъ вопросомъ освобожденія крестьянъ, съ него надо начать, въ немъ спасеніе....

— Въ чемъ же ты колеблешься?—спросилъ Муравьевъ, удивленный необычною откровенностью и волненіемъ товарища.

— Не поѣхать-ли прямо къ государю?—проговорилъ и замолчалъ Пестель: не сознаться-ли ему во всемъ, объявивъ, что мы покидаемъ свои замыслы и отдаемъ наши труды и цѣли на его судъ? Кто сильнѣе его? Онъ одинъ въ силахъ, никто болѣе его.... А его умъ и доброта.... Ты не вѣришь, думаешь, что я боюсь измѣны, гибели? Смерть прійму съ радостью, съ наслажденіемъ. Меня пугаетъ иное: не дерзко-ли, выходя изъ прямыхъ, положительныхъ правъ, такъ искушать провидѣніе?

Муравьевъ не отвѣчалъ. Слова предсѣдателя союза подавили его, потрясли.

— Надо подумать, — сказалъ онъ: часъ добрый! вопросъ очень важный.... Только ты слышалъ, государь ѣдетъ въ Таганрогъ, и смотровъ не приметъ. Гдѣ его увидишь?

— Не удадутся наши стремленія,—насъ обвинитъ, предастъ и проклянетъ тотъ же общественный судъ; будутъ возмездія — скажутъ, вы отбросили общество въ глубь, во времена Анны, а то и далѣе.... Отпрошусь въ Таганрогъ, поѣду туда и все передамъ государю; онъ спасетъ наши труды.

Коляска мчалась также плавно. Трещали кузнечики, гремѣли бубенцы. Вечеръ надвигался на темнѣвшія окрестности. На одномъ поворотѣ выглянула и опять скрылась Каменка.

Отвѣтъ Аракчеева послѣдовалъ скоро. Въ Богодуховъ прискакалъ фельдъегерь, нашелъ въ указанномъ мѣстѣ Шервуда и въ нѣсколько дней домчалъ его въ Грузино.

Григорій Данилевскій.

Комета.

(изъ Аккермана).

Куда ты держишь путь, прекрасная звѣзда,
Таинственный полетъ столѣтія свершая?
Откуда гостьею явилась ты сюда,
Безбрежный океанъ небесъ переплывая?
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ взоръ лучезарный твой
Такихъ же, какъ у насъ, печалей и страданья?
Скажи: есть братья намъ въ пучинахъ мірозданья?
Не шлютъ-ли къ намъ они привѣтствія съ тобой?
Когда твой яркій лучъ опять сюда прольется,
Исчезнетъ, можетъ быть, изъ міра человѣкъ....
И если родъ земной, угаснувъ, не дождется
Возврата твоего, тогда, изъ вѣка въ вѣкъ,
Ты, продолжая путь, въ минуту возвращенья
Взгляни на міръ пустой, прекрасная звѣзда,
Взгляни хотя мелькомъ ты взоромъ сожалѣнья
На сцену столькихъ мукъ и тяжкаго труда!...

Л. Пальминъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

Le conflit entre la Russie et la Chine. Ses origines, son développement et sa portée universelle. Etude politique par M. T. Martens, professeur à l'université impériale de Saint Pétersbourg, membre de l'institut de droit international. Bruxelles. 1880.

Новая брошюра автора «Россія и Англія въ Средней Азіи» напечатана въ №№ V и VI извѣстнаго журнала «Revue de droit international et de législation comparée» за настоящій годъ, но появилась уже отдѣльнымъ изданіемъ. Оригинальная и интересная постановка вопроса, богатство матеріала, часто недоступнаго другимъ изслѣдователямъ, живость изложенія, суть неоспоримыя достоинства этого небольшаго политическаго творенія, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, вызовутъ вниманіе и обсужденіе этой брошюры въ западной Европѣ. Для насъ же, русскихъ, она вдвойнѣ интересна: кто не интересовался и не продолжаетъ еще интересоваться новымъ и, повидимому, неожиданнымъ фазисомъ, въ который вступили наши отношенія къ Китаю. Совершенно нежелательная для Россіи война съ китайцами, которую пророчили намъ въ недалекомъ будущемъ, должна была вызвать обсужденіе исторіи нашихъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній съ срединною имперіею и анализъ самыхъ основаній, по которымъ строились отношенія европейскихъ державъ и русскаго правительства съ азіатскою имперіею, вмѣщающею въ себѣ не менѣе 400 милліоновъ населенія.

Въ настоящемъ положеніи Китая къ Россіи изученію подлежатъ двѣ стороны. Съ одной стороны, вопросъ непосредственно затрогиваетъ русскіе интересы, угрожаетъ, повидимому, только послѣднимъ. Изучите, слѣдовательно, безпристрастно исторію русскихъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ и народомъ, постарайтесь усмотрѣть въ нихъ частныя ненормальныя явленія; быть можетъ, вамъ удастся даже констатировать ложность самаго принципа, на которомъ зиждились и продолжаютъ основываться эти отношенія двухъ народовъ. Доискавшись же путемъ исторической критики до познанія причинъ, вызвавшихъ столкновеніе, вамъ, русскому изслѣдователю и читателю, придется перейти послѣ того на точку зрѣнія практическую, прикладной политики. Другими сло-

вами: вамъ представляется надобность отыскать средства, съ помощью которыхъ можно уничтожить тѣ частныя или принципіальныя ошибки, подмѣченныя вами въ исторіи политическихъ и торговыхъ связей двухъ сосѣдей. Можетъ быть, результатъ анализа приведетъ къ необходимости радикальнаго пересозданія этихъ сношеній. Во всякомъ случаѣ, вѣрно одно: изучивъ и констатировавъ явленія изъ области политической, можно озаботиться и средствами для уничтоженія или ограниченія зла.

Съ этой-то точки зрѣнія можно сказать съ полною увѣренностью, что наше правительство, наше общество, болѣе того—наука русская, обладаютъ неоцѣненнымъ и богатѣйшимъ матеріаломъ для изученія Китая и взаимныхъ связей обоихъ государствъ. Болѣе или менѣе замѣчательныя сочиненія и записки русскихъ путешественниковъ: Тимковскаго, Васильева, Пясецкаго, отцовъ: Іоакинфа Бичурина, Исаіи и т. п. даютъ намъ неоцѣненныя свѣдѣнія, служатъ дорогимъ вкладомъ въ русскую литературу по географіи, этнографіи, исторіи, и т. д. Говорятъ:—«мужикъ не перекрестится, покуда громъ не грянетъ»! но можно бы сказать, что слово «мужикъ» должно быть замѣнено болѣе соотвѣтствующимъ—«русскій человѣкъ», и тогда уже въ этой новой формулѣ мы вынуждены, если желаемъ остаться добросовѣстными, приложить мысль пословицы къ настоящему вопросу.

Не мало сочиненій и добросовѣстныхъ наблюденій въ этой сферѣ; а между тѣмъ, кто же ознакомился съ ними кромѣ спеціалистовъ, изучавшихъ восточные народы, и нѣсколькихъ «любознательныхъ», которыхъ, какъ говорится, по пальцамъ перечесть. Теперь вотъ, когда «голодное отечество» стало побаиваться войны, которая въ лоскъ уложила бы наши жалкія финансовыя силы и подорвала бы окончательно экономическое наше «благосостояніе», принялись «интересоваться» Китаемъ; появилась, наконецъ, и книга, изъ которой образованный человѣкъ можетъ почерпнуть свѣдѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ потому, главнымъ образомъ, что пренебрегалъ ими. Г. Мартенсъ очень хорошо воспользовался всѣми русскими источниками; кромѣ того, онъ съ большимъ умѣньемъ черпалъ и тотъ неособенно, впрочемъ, богатый количествомъ матеріалъ, который онъ встрѣтилъ за границею (напр. записки извѣстнаго лорда Элгина). Все это пополнено «указаніями очень интересными и безусловно оффиціальными, которыя были доставлены ему изъ различныхъ европейскихъ странъ» (стр. 7, выноска 1).

Съ этимъ-то сильнымъ оружіемъ почтенный профессоръ дѣлаетъ наступленіе на «китайскій вопросъ». Къ совершенно неожиданнымъ для русскихъ (вѣроятно, и для иностранныхъ) читателей заключеніямъ приходитъ онъ, г. Мартенсъ, въ I, II и III главахъ, т. е. въ бо́льшей части своего труда. Оказывается, что ab ovo, съ первыхъ почти шаговъ нашихъ въ Китаѣ, до 1879 года, политика русскаго правительства по отношенію къ Китаю была политикою мира, дружбы; въ теченіе трехъ вѣковъ мы не

знали *войны* съ Китаемъ; наше правительство не запятнало себя дикими выходками нападенія среди мира на китайскіе форты и укрѣпленія; русскій купецъ не торговалъ опіумомъ, не развращалъ физически и духовно первобытнаго подданнаго богдыхана; свято и ненарушимо соблюдали мы трактаты и обязательства съ Китаемъ; миссіонеры наши не позволяли себѣ вторженія въ священнѣйшія и неприкосновенныя территоріальныя права, которыя никто не въ правѣ отнимать у самостоятельнаго, издавна независимаго, самолюбиваго народа и его правительства, воображающаго въ простотѣ душевной, что посланцы иностранныхъ державъ обязаны предъявлять богдыхану подарки въ знакъ признанія вассальныхъ отношеній пославшаго ихъ правительства къ небесной имперіи. Другими словами: отечество наше добросовѣстно соблюдало начала *международнаго права*, не исключая изъ пользованія имъ народъ слишкомъ боязливый, чтобы сопротивляться, и слишкомъ невѣжественный, чтобы жаловаться» (слова лорда Элгина). А не легкая это была задача: добиться мирнымъ путемъ созданія торговыхъ сношеній съ Китаемъ, гарантій для нашихъ купцовъ, безопасности по границамъ. Много ума, энергіи и настойчивости, но еще болѣе такта должна была вложить въ это дѣло русская дипломатія. Но нашлись и дипломаты, соединявшіе въ себѣ всѣ эти условія (если бы ихъ было больше въ настоящее время въ русскихъ посольствахъ на западѣ!). Они съумѣли сломить классическое упорство, подозрительность китайскаго двора и мандариновъ, возросшія на почвѣ эгоистической замкнутости, обособленности Китая, не хотѣвшаго и слышать объ иностранцахъ, съ ихъ столь для китайцевъ странными и нелегальными претензіями на водвореніе добрыхъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеній. Право, читать тѣ страницы, которыя г. Мартенсъ посвящаетъ ухищреніямъ и угрозамъ китайскихъ мандариновъ, тоже, что читать романъ. Для примѣра достаточно будетъ привести фактъ посольства графа Саввы Владиславича Рагузинскаго (1725—1726 г.), при императрицѣ Екатеринѣ I. Чего-чего не дѣлали китайцы, чтобы чинить всяческія препятствія цѣлямъ миссіи и заставить ее унижаться предъ мандаринами. Выведенные изъ себя рѣдкою сдержанностью и сознаніемъ собственнаго достоинства со стороны Рагузинскаго, китайскіе чиновники прибѣгли даже къ угрозѣ «засадить посла въ тюрьму и погубить въ ней голодомъ». А графъ хорошо зналъ, что это не безтактная шутка и не пустая угроза: незадолго передъ тѣмъ португальскій посолъ, дѣйствительно, подвергся этой жестокой участи. Рагузинскій, однако, не смутился. «Поведеніе его, говоритъ г. Мартенсъ, столь достойное представителя великой націи, внушило въ концѣ концовъ китайцамъ величайшее къ нему уваженіе и привело ихъ къ уступкамъ по многимъ пунктамъ» (стр. 24). Ни одного выстрѣла не раздалось, ни одной капли крови не было пролито, а въ результатѣ—выгодный для Россіи кяхтинскій договоръ (1728 г.). Кяхтинскій трактатъ 1858 г., ранѣе того—договоръ 1851 (кульджинскій) и трак-

таты 1860 года, (заключенные въ Пекинѣ генераломъ Игнатьевымъ) и 1862 (подробное соглашеніе касательно торговли),—всѣ они добыты мирно, къ обоюдному удовольствію Китая и Россіи. Наше отечество пріобрѣло потомъ не меньше, иногда даже болѣе того, что Франція и Великобританія вырвали у Китая войнами. Во время послѣдней войны Франціи и Англіи съ Китаемъ, генералъ Игнатьевъ, воспользовавшись этимъ столкновеніемъ, сдѣлался посредникомъ между воюющими сторонами. Въ это время «престижъ Россіи въ Китаѣ былъ особенно великъ» (стр. 37), и въ награду за услуги, оказанныя въ этомъ случаѣ русскимъ посломъ, пекинское правительство подписало съ нами трактатъ 1860 г.

И такъ, все казалось должно было бы поселить въ китайцахъ, если не любовь и привязанность, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе и значительную терпимость къ русскимъ. Но почему же настоящія отношенія наши къ китайскому народу приняли столь критическій оборотъ, противорѣчащій всей прежней исторіи? Самъ г. Мартенсъ не отрицаетъ, даже констатируетъ наступленіе этого кризиса: «столкновеніе между Россіей и Китаемъ приняло, говоритъ онъ, такіе размѣры, что общее волненіе на крайнемъ востокѣ представляется возможною случайностью» (стр. 5). Для правильнаго разрѣшенія этого-то вопроса намъ и должно перейти къ *другой точкѣ зрѣнія*, анализировать вторую сторону, при томъ наиболѣе существенную, китайско-русскаго столкновенія. Этою новою стороною китайско-русскаго вопроса, послѣдній входитъ по преимуществу въ международную область, получаетъ въ ней чрезвычайно важное значеніе и интересъ. Въ настоящемъ кризисѣ *Россія неповинна*; она играетъ въ немъ страдальческую роль; она подпала «шансамъ служить для проявленія кризиса, послѣдствія котораго неисчислимы» (стр. 67). Но «*этотъ кризисъ никогда не произошелъ бы, если бы китайцы не были вынуждены ненавидѣть иностранцевъ, презирать европейскую цивилизацію и стремиться всѣми силами къ тому, чтобы очистить свою почву отъ людей, называемыхъ ими заморскими дьяволами, которые постоянно издѣваются надъ ихъ дорогими традиціями и посягаютъ на ихъ безспорнѣйшія права*» (стр. 66). Другими словами: «столкновеніе между Россіей и Китаемъ есть только печальное послѣдствіе того обхожденія, которому срединная имперія подверглась со стороны *другихъ европейскихъ державъ и тѣхъ несправедливыхъ войнъ*, которыя послѣднія вели съ Китаемъ». Россія рискуетъ «отдуваться» за нечестную, противную международному праву политику другихъ державъ, именно Англіи (и частью только Франціи), страшно возбудившую китайцевъ противъ всѣхъ иностранцевъ и всего иностраннаго. Этимъ возбужденіемъ воспользовалась военная партія при пекинскомъ дворѣ, во главѣ которой стоитъ генералъ побѣдитель джунгаръ. Сейчасъ изложенная нами мысль и представляетъ собою ту оригинальную и новую точку зрѣнія, на которую сталъ проф. Мартенсъ. Его отнюдь нельзя упрекнуть въ голословности. Нѣтъ, онъ представляетъ намъ рядъ

убѣдительныхъ доказательствъ въ IV главѣ своего труда. Сжато и рельефно рисуетъ онъ намъ грустную и вмѣстѣ съ тѣмъ гнусную исторію вопіющихъ насилій, совершенныхъ Великобританіею, нерѣдко протежировавшею своимъ «лавочникамъ», надъ китайскимъ правительствомъ и народомъ. Въ 1637 г. англійская остъиндская компанія посылаетъ экспедицію въ Китай; прибывъ въ Кантонъ, начальникъ экспедиціи, безъ малѣйшаго повода или вызова со стороны китайцевъ, открываетъ огонь противъ китайскихъ укрѣпленій, уничтожаетъ ихъ, захватываетъ нѣсколько купеческихъ судовъ мирныхъ гражданъ, и все это безъ всякаго предупрежденія и при увѣреніяхъ «въ дружественныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ китайцамъ» (стр. 53). Въ 1839 г. торговля опіумомъ еще не была разрѣшена англичанамъ. Они позволили себѣ вести контрабандою 20 тысячъ ящиковъ этого губительнаго вещества. Китайскія власти въ Кантонѣ секвестровали это зелье, арестовали купцовъ. Ну, конечно, „обида“ эта не прошла безнаказанно: новая война, въ результатѣ — трактатъ 1842 года, исторгнутый у несчастнаго китайскаго правительства всѣми правдами и неправдами. Ничтожнѣйшій случай съ кораблемъ Arrow подаетъ знаменитому Пальмерстону новый предлогъ «воевать» съ Китаемъ. Правда, лучшіе и благороднѣйшіе государственные люди Англіи, напр. лордъ Элгинъ, заявляли что «ничего не можетъ быть достойнѣе бо̀льшаго презрѣнія, какъ причины этой ссоры, что она была скандаломъ, недостойнымъ Англіи» (стр. 54). Но это, само собою разумѣется, не воспрепятствовало бомбандированію и грабежу Кантона, сожженію и разграбленію лѣтней резиденціи Богдыхана въ Тьянъчинѣ. Результатъ, понятно, самый «счастливый и благопріятный» для интересовъ великой торговой націи: вымученъ у китайцевъ новый трактатъ (1860 года). Въ этой грязной исторіи пятно легло и на Францію, эскадра которой помогала великобританскому флоту и участвовала въ тѣхъ буйствахъ, учиненныхъ надъ китайскою собственностью. Миссіонеры, по преимуществу католическіе, покровительствуемые Франціею, воздвигаютъ церкви въ мѣстахъ, гдѣ этого не допускаютъ китайскіе предразсудки; они присвоиваютъ себѣ, равно какъ и англійскіе проповѣдники, право юрисдикціи надъ туземцами, членами ихъ церквей; они стремятся поставить себя внутри Китая въ положеніе полу-оффиціальное, уравняться съ мандаринами; власть китайскаго правительства по отношенію къ его же подданнымъ христіанамъ отрицается и оспаривается этими христіанскими носителями «мира и благоденствія»; мало того,—они ободряютъ даже и подстрекаютъ туземныхъ адептовъ вѣры христіанской къ неплатежу налоговъ; нѣтъ недостатка въ оскорбленіяхъ, наносимыхъ этими господами китайскимъ властямъ, а малѣйшій протестъ послѣднихъ вызываетъ.... не подставленіе правой ланиты, а требованіе вознагражденія проторей и убытковъ въ весьма преувеличенномъ количествѣ. Однимъ словомъ, «миссіонеры католическіе образуютъ тамъ въ настоящее время государство въ госу-

дарствѣ» (стр. 64). Жалобы и вопли китайцевъ прекрасно резюмируются словами китайскаго сановника, принца Кунга: «прекратите торговлю опіумомъ и избавьте китайскую націю отъ миссіонеровъ» (стр. 66) Можно-ли удивляться послѣ того, что проповѣдь христіанства среди народа, искони вѣковъ отличавшагося величайшею терпимостью къ религіознымъ воззрѣніямъ, правительство котораго скорѣе поощряло миссіонеровъ, чѣмъ чинило имъ препятствія, не дѣлаетъ большихъ успѣховъ. Подмѣчено это и англичанами; нѣкто мистеръ Medhurst совершенно справедливо приписываетъ этотъ неуспѣхъ христіанской пропаганды «*торговлѣ опіумомъ*, развивающей прямо и косвенно въ туземцахъ чувства ненависти и подозрительности ко всему иностранному»(стр. 61). Эта почтенная коммерція, которою занимаются исключительно англичане по праву (по трактату 1858 г.), а прежде занимались контрабандою, есть именно тотъ бичъ Божій, то зло, которое губитъ китайское населеніе, быстрыми шагами влечетъ оное по дорогѣ къ совершенному обнищанію, отупляетъ 8 милліоновъ богатыхъ и образованныхъ классовъ Китая, споспѣшествуетъ развитію въ туземцахъ непримиримой и заклятой ненависти къ иностранцамъ. Проклятое зелье (опіумъ) вывозится исключительно изъ англійской Индіи; количество его, частью оплачиваемое очень высокими таможенными пошлинами, частью же провозимое контрабандою, весьма значительно—6 милліоновъ килограммовъ; оно доставляетъ англичанамъ 12 мил. фунт. стерлинговъ ежегодно, изъ которыхъ 6 мил. фунтовъ (36 мил. рублей *золотомъ*) идутъ на покрытіе издержекъ по управленію англійской Индіи (стр. 58—59). «Китайская нація *вынуждена отравляться*» для того, чтобы давать жидовскіе барыши англійскимъ купцамъ и покрывать издержки правительства, резидирующаго въ Калькуттѣ! (стр. 59). Весь же торговый оборотъ Великобританіи съ Китаемъ достигаетъ колоссальной ежегодной цифры въ 45 мил. фунтовъ (270 мил. р. золотомъ). Но «не все коту масляница; бываетъ и великій постъ»! Кажется, что торговля Англіи съ Китаемъ достигла апогея своего развитія и не пойдетъ дальше. Во-первыхъ, съ нею весьма успѣшно конкуррируютъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, а во 2-хъ, Китай потребляетъ продуктовъ англійскихъ менѣе, чѣмъ желаютъ того фабриканты Манчестера, Лидса и другихъ мануфактурныхъ центровъ Англіи. И вотъ, начинаются вопли и крики со стороны жителей англійскихъ факторій въ Китаѣ: они требуютъ открытія всѣхъ внутреннихъ китайскихъ рынковъ для сбыта ихъ произведеній, допущенія купеческихъ кораблей во всѣ рѣки, протекающія по территоріи Небесной Имперіи, уничтоженія внутреннихъ пошлинъ. Но, какъ Китай добровольно никогда не согласится отказаться отъ своей власти, которую онъ потерялъ въ открытыхъ имъ уже для иностранной торговли 16 портахъ, на всемъ пространствѣ территоріи своей страны, то добиться требуемаго обитателями англійскихъ факторій возможно только при посредствѣ новой войны: допущеніе иностранцевъ внутрь Китая тѣсно связано съ учрежденіемъ тамъ

консульствъ и установленіемъ принципа экстерриторіальности въ пользу иностранцевъ, т. е. съ новыми и существенными ограниченіями китайской юрисдикціи и территоріальной власти (стр. 55 и 56). Въ послѣднее время англійское правительство, къ счастію, сопротивлялось этимъ несправедливымъ требованіямъ. Напротивъ того, оно отняло даже у консуловъ и начальства эскадръ право прибѣгать къ репрессаліямъ безъ разрѣшенія центральнаго правительства или дипломатическаго представителя Англіи при Пекинскомъ дворѣ. Да и къ чему послужили бы эти насильственныя расширенія правъ англійскаго купечества и рынковъ для сбыта его произведеній, когда не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что быстро усиливающееся за послѣднее время обѣднѣніе китайскаго народа, выражающееся въ уменьшеніи и ухудшеніи китайской промышленности и торговли, поставитъ его въ недалекомъ будущемъ въ положеніе невозможности потреблять иностранныя произведенія, которыя и теперь уже наводняютъ рынки въ Китаѣ! Предъ этимъ аргументомъ, весьма сильнымъ въ нашъ практическій вѣкъ, слѣдовало бы призадуматься и англичанамъ: чѣмъ болѣе будутъ ввозить въ Китай опіума и чѣмъ болѣе будетъ отравляема нація, тѣмъ болѣе же обѣднѣетъ она и потеряетъ качества, необходимыя для покупателя, на котораго разсчитываютъ (стр. 61).

Выводъ изъ всего сказаннаго напрашивается самъ собою. Глубокая причина столкновенія Россіи и Китая лежитъ въ противоестественныхъ основаніяхъ, которыми до настоящаго времени руководились иностранныя правительства (главнымъ образомъ Англія и Франція) въ своихъ отношеніяхъ къ Китаю. Не только Россія, являющаяся въ настоящую минуту козлищемъ отпущенія, но Англія, Франція, совершенно неповинныя Австрія, Германія и другія державы Европы и Америки могутъ пострадать отъ взрыва негодованія и ненависти, накопившихся у китайцевъ противъ иностранныхъ гостей. У всѣхъ членовъ просвѣщеннаго международнаго союза одни интересы торговые и цивилизаторскіе по отношенію къ Китаю. Солидарность ихъ состоитъ въ «обязанности быть относительно китайской націи дѣйствительными представителями высшей цивилизаціи противъ китайской интеллектуальной и моральной культуры, порождающей бо́льшія благодѣянія, чѣмъ слѣпое подчиненіе правиламъ Конфуція» (стр. 74). Поэтому всякое уклоненіе одной изъ державъ, входящихъ въ составъ обширной семьи цивилизованныхъ народовъ, отъ правилъ и дѣйствій, основанныхъ на солидарности ихъ интересовъ, должно встрѣтить энергическій протестъ со стороны всѣхъ прочихъ. «Весь цивилизованный міръ, имѣющій какія-нибудь сношенія съ Китаемъ, долженъ настаивать на прекращеніи торговли, всѣми признанной за постыдную и противную принципамъ морали и права» (стр. 61). Въ противномъ случаѣ, кромѣ позора, который ляжетъ несмываемымъ пятномъ на европейскія державы, имъ угрожаетъ еще опасность быть вытолкнутыми изъ Китая; а потерявши разъ вѣками добытыя и устроившіяся поселенія, факторіи, пріобрѣтенныя

миромъ и насиліями права для своихъ подданныхъ, миссіонеровъ и купцовъ, очень трудно будетъ вновь завоевать себѣ прежнее положеніе въ Китаѣ.

Почтенный проф. заканчиваетъ свое изслѣдованіе небольшою (V) главою, въ которой весьма, даже слишкомъ сжато, разбирается имъ настоящее положеніе кульджинскаго спора между Россіей и Китаемъ, вызваннаго отказомъ Пекинскаго правительства ратификовать трактатъ, подписанный въ октябрѣ прошлаго года въ Ливадіи. Нельзя не согласиться съ проф. Мартенсомъ, когда послѣдній рѣшается усматривать только пустой предлогъ въ мотивахъ китайскаго правительства, ссылающагося на «превышеніе посломъ Чунгъ-Хоу своихъ полномочій при подписаніи трактата». Хорошо извѣстно, что этотъ сановникъ пріѣхалъ въ Петербургъ и предъявилъ министерству самыя широкія полномочныя грамоты отъ своего двора. Это мнѣніе г. Мартенса, вполнѣ раздѣляемое и нами, доказывается, кромѣ того, приводимою г. Мартенсомъ исторіею послѣдняго столкновенія; сверхъ того, оно является логическимъ выводомъ изъ выясненныхъ и установленныхъ почтеннымъ проф. настоящихъ причинъ столкновенія. Не менѣе вѣрно и другое замѣчаніе петербургскаго ученаго. «Никто не можетъ оспаривать у китайскаго правительства, говоритъ онъ, права отказать въ утвержденіи (ратификаціи) международнаго трактата. Право это признано европейскимъ межд. правомъ, и сами китайцы имѣли случай убѣдиться на фактахъ, что нѣкоторыя цивилизованныя державы не только не даютъ ратификаціи трактату, заключенному съ Китаемъ, но что они пользуются даже слишкомъ поспѣшнымъ исполненіемъ со стороны китайскаго правительства постановленій этого же трактата». Очень жаль, что проф. Мартенсъ не развилъ этой вполнѣ вѣрной мысли. Признаваемое имъ положеніе не встрѣчаетъ, правда, протестовъ среди спеціалистовъ и людей, которые руководятъ внѣшними сношеніями государствъ. Указанная мысль почти общепризнана въ послѣднее время. Но для публики, среди которой и теперь еще слышатся голоса, возмущающіеся тѣмъ, «какъ осмѣлилось китайское правительство не ратификовать международнаго договора, заключеннаго его уполномоченнымъ», и видящіе въ этомъ оскорбленіе Россіи, было бы не лишне привести основанія въ защиту этого мнѣнія. Восполняя этотъ маленькій пробѣлъ брошюры почтеннаго автора, мы можемъ замѣтить, что заключеніе международныхъ трактатовъ, затрогивая часто самые существенные интересы договаривающихся державъ, должно быть обставлено возможно бо́льшими *гарантіями* для сторонъ, вступающихъ въ сдѣлку. Лицо, уполномоченное для заключенія договора, всегда можетъ ошибиться, и ошибка его можетъ быть исправлена позднѣйшимъ внимательнымъ разсмотрѣніемъ условій трактата. Наконецъ, чѣмъ больше, такъ сказать, инстанцій прошла редакція трактата, тѣмъ болѣе шансовъ на то, что онъ, окончательно просмотрѣнный высшимъ правительствомъ и ратифікованный добровольно имъ, будетъ добросовѣстно соблюдаться обѣими

заинтересованными въ немъ сторонами. Къ тому же, между подписаніемъ трактата уполномоченнымъ на то лицомъ и временемъ его ратификаціи, обстоятельства могутъ иногда существенно измѣниться: основанія трактата въ первоначальномъ его видѣ могутъ оказаться неисполнимыми или крайне невыгодными для одной изъ договаривающихся державъ, въ эпоху ратификаціи. Вообще же, лучше заключать сдѣлку позднѣе, но съ шансами на соблюденіе ея постановленій, чѣмъ скорѣе и раньше, но съ пропорціональнымъ уменьшеніемъ шансовъ на практическое примѣненіе началъ, вложенныхъ въ трактатъ.

Г. Мартенсъ не вѣритъ въ *неизбѣжность* войны Россіи съ Китаемъ; онъ убѣжденъ также, что «пекинское правительство *никогда силою не добьется* возвращенія кульджинскаго края» (стр. 73). Наше правительство обѣщало *условно* возвращеніе этой провинціи Китаю. Оно въ правѣ и должно требовать отъ правительства Богдыхана: 1) дѣйствительныхъ гарантій въ томъ, чтобы дунганское населеніе этой территоріи, сильно заволновавшееся при вѣсти объ уступкѣ этихъ земель Китаю, не было вырѣзано китайцами, 2) требовать, чтобы Китай *проявилъ* твердое рѣшеніе исполнить свои международныя обязательства и удовлетворить претензіи русскихъ подданныхъ, имѣющихъ давнишніе счеты съ правительствомъ срединной имперіи.

Справедливость и участіе къ бѣдственному положенію китайскаго народа, непокидающей автора ни на одну минуту, объективная и спокойная оцѣнка событій, мастерски охарактеризованныхъ имъ, все это уже даетъ этой брошюрѣ полное право, помимо вышеуказанныхъ достоинствъ оригинальности мысли, на особое вниманіе иностранной и русской публики. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ умѣстнымъ и полезнымъ сдѣлать теперь же нѣсколько замѣчаній по поводу труда, который мы желали бы видѣть переведеннымъ на русскій языкъ.

Еще въ прежней брошюрѣ своей «Россія и Англія въ Средней Азіи», получившей всемірную извѣстность, авторъ подробно развиваетъ двѣ мысли, встрѣчающіяся и въ настоящей работѣ: 1) невозможность примѣнять начала европейскаго международнаго права къ сношеніямъ просвѣщенныхъ народовъ съ дикими и полудикими племенами Азіи. Международное право должно быть замѣнено здѣсь, по мнѣнію г. Мартенса, незыблемыми основами права естественнаго; 2) солидарность интересовъ цивилизованныхъ государствъ (*Англіи* въ томъ числѣ) съ русскими интересами въ Азіи, въ виду общей всѣмъ имъ цивилизаторской миссіи, по отношенію къ народамъ низшаго культурнаго типа.

Въ журналѣ «Русская Мысль» (*февраль* прошлаго года) мы представили по этому поводу нѣсколько замѣчаній, подробнѣе развитыхъ нами позднѣе въ одномъ изъ рефератовъ юридическому обществу, напечатанномъ въ сокращенномъ видѣ въ апрѣльской книжкѣ извѣстнаго органа этого общества (см. «Юридическій Вѣстникъ» за апрѣль прошлаго года).

Если мы не ошибаемся, только что излагавшаяся нами брошюра почтеннаго профессора можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго нами въ тѣхъ замѣткахъ взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, историческій очеркъ отношеній Англіи и Франціи къ Китаю заставляетъ читателя убѣдиться въ томъ непреложномъ фактѣ, что начала международнаго права не служили для нихъ основою тѣхъ сношеній; обѣ державы руководствовались не началами права, не сознаніемъ своихъ обязанностей относительно хотя бы полудикаго народа, а произволомъ, который всегда можно оправдать, такъ называемымъ, естественнымъ правомъ. Неопредѣленность этого послѣдняго понятія, лишеннаго твердыхъ основаній, давала государственнымъ людямъ и публицистамъ запада полное право оправдывать жестокія и несправедливыя мѣры, принятыя противъ Китая. Китай, вѣдь, не цивилизованная страна, степень ея культуры не позволяетъ подданнымъ и правительству постигать принципъ солидарности интересовъ, сознанный высшими культурными народами. Отсюда, слѣдовательно, проистекаетъ необходимость мѣръ, употребленіе которыхъ было бы грубымъ нарушеніемъ международнаго права, если бы онѣ были приложены въ отношеніяхъ къ державамъ высшаго культурнаго типа. Но такъ-ли это? Отчего же русское правительство, подвергавшееся искони неудобствамъ и затрудненіямъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ Пекина, истекавшимъ изъ своеобразностей китайской науки и низкой степени ея культуры, не прибѣгая никогда къ грубымъ нарушеніямъ элементарныхъ принциповъ международнаго права, съумѣло добиться у китайцевъ «миромъ и правдою» установленія добрыхъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній, правъ для миссіонеровъ и т. д.

Правда, въ настоящую минуту отношенія двухъ правительствъ крайне натянуты, грозятъ войною. Но развѣ самъ профессоръ Мартенсъ не объясняетъ это, и совершенно справедливо, тѣми вопіющими злоупотребленіями со стороны Англіи и Франціи, въ которыхъ *русское правительство* нисколько не повинно? Такимъ образомъ, нарушенія права и неуваженіе къ нему вызвали ненормальныя отношенія китайцевъ къ европейцамъ; уваженіе къ основамъ международныхъ сношеній, руководимыхъ правомъ, все время поддерживало въ китайцахъ добрыя и даже дружественныя отношенія къ Россіи, вызвало въ ней уваженіе, которымъ къ выгодѣ нашего отечества столь искусно съумѣлъ воспользоваться, напримѣръ, генералъ Игнатьевъ. Г. Мартенсъ отвѣтитъ намъ: «принципы, которыхъ слѣдовала русская дипломатія и которыми нужно было бы руководствоваться и прочимъ государствамъ, не были началами *международнаго права*, а *естественнаго*». Не думаемъ! Анализируя элементы, на которыхъ покоились сношенія русскаго государства съ срединною имперіей, мы увидимъ здѣсь принципъ уваженія къ территоріальному верховенству Китая, какъ результатъ независимости и самостоятельности этого азіатскаго государства; мы усмотримъ также начало уваженія къ договорамъ,

требующаго добросовѣстнаго ихъ исполненія, принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла государства. Но кто же усомнится въ томъ, что всѣ приведенныя начала суть ничто иное, какъ основанія современнаго международнаго права? Конечно, особенныя условія, въ которыхъ пребываетъ Китай, благодаря низкой культурѣ своей, вынудили и наше правительство требовать въ трактатахъ нѣкоторыхъ ограниченій начала территоріальнаго верховенства Китая въ пользу подданныхъ Россіи, т. е. державы болѣе высокой культуры, на что самъ Китай добровольно согласился. Но ограниченія эти, имѣющія разумное основаніе въ сейчасъ указанныхъ условіяхъ, все же не нарушаютъ самыхъ основъ, на которыхъ существуетъ современное международное право. Почтенный профессоръ можетъ сослаться на трудности, съ которыми пришлось бороться русскому правительству (посольство Рагузинскаго) для достиженія мирнымъ путемъ сколько-нибудь сноснаго режима для сношеній съ Китаемъ. Безспорно; но энергія, тактъ, сознаніе своего права, и на ряду съ этимъ—уваженіе къ правамъ другаго, хотя бы и варварскаго народа, къ его традиціямъ, пощада его самолюбія принесли же свои результаты, добрые плоды, которыми самъ г. Мартенсъ гордится и ставитъ въ примѣръ прочимъ державамъ. Легче, разумѣется, и не нужно обладать ни умомъ, ни тактомъ, чтобы добиться пушками и саблями у беззащитнаго противъ европейскихъ армій народа разныхъ уступокъ, права отравлять его населеніе опіумомъ, безнаказаннаго нарушенія миссіонерами во имя Христа территоріальнаго верховенства и свободы Китая. Но развѣ неумѣніе или нежеланіе (послѣднее вѣрнѣе) добиться чего-нибудь путемъ гуманности и уваженія къ праву даетъ оправданіе грубому насилію и произволу, прикрываемому какимъ-то «естественнымъ правомъ», самое существованіе котораго болѣе чѣмъ сомнительно?! Нѣтъ, исторія русскихъ отношеній къ Китаю кажется мнѣ блестящею апологіею международнаго права въ его примѣненіи къ народамъ, невкусившимъ «европейской цивилизаціи», опозорившей себя въ глазахъ китайцевъ торговлею опіумомъ, ввозъ котораго, при отрицаніи международнаго права, легко оправдывается, безъ сомнѣнія, находчивыми торгашами «естественнымъ правомъ». Это послѣднее представляется намъ громадною и неисчерпаемою бочкою, изъ которой носители европейской цивилизаціи, во главѣ которой стоятъ торгаши, черпаютъ правила, которыми должно руководиться въ сношеніяхъ съ тупоголовыми азіатами, «недоросшими до христіанской цивилизаціи» и до международнаго права, свѣтомъ и благодѣяніями которыхъ да пользуются только «излюбленныя чада Божіи», разсѣянныя по *культурнымъ* странамъ!

По нашему мнѣнію, давно слѣдуетъ покончить съ этимъ «естественнымъ правомъ». Высокая идея культурной миссіи европейскихъ народовъ на Востокѣ должна примириться съ мыслію о затрудненіяхъ, которыя встрѣтятъ члены международнаго союза въ стремленіи построить свои

отношенія къ варварамъ и полуварварамъ на принципахъ международнаго права. Это возможно, положительно возможно: примѣръ отношеній Россіи къ Китаю даетъ намъ почву, точку опоры и право надѣяться, что высокая задача, именуемая «насажденіемъ европейской культуры», будетъ достигнута безъ спаленія дворцовъ, грабежа городовъ, разрушенія среди полнаго мира укрѣпленій «страны варварской», однимъ словомъ, безъ тѣхъ живодерствъ и наглыхъ проявленій дикаго самоуправства, которыя, быть можетъ, объясняются и извиняются «естественнымъ правомъ», но давно уже проклятыі международнымъ правомъ, въ блестящую будущность котораго долженъ вѣрить всякій, кому дорога будущность цивилизаціи, имѣющей принять въ лоно свое «всѣхъ малыхъ сихъ».

Покуда восточная политика Россіи и Англіи, какъ это подтверждается настоящею брошюрою г. Мартенса, не *солидарна*. Здѣсь нѣтъ, не было и не скоро еще народится та солидарность интересовъ, о которой мечтаетъ г. Мартенсъ (да проститъ онъ насъ за это выраженіе). Такъ называемая солидарность интересовъ, кажется мнѣ, (см. подробности въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», за май прошлаго года) есть результатъ сознанія народовъ объ одинаковомъ пониманіи ими ихъ интересовъ матеріальныхъ (напримѣръ, торговыхъ), интеллектуальныхъ и нравственныхъ. Нужно прійти къ убѣжденію въ томъ, что интересы тѣ построены на нѣкоторыхъ общихъ всѣмъ народамъ основахъ при всемъ видимомъ разнообразіи частностей, проистекающихъ отъ спеціальныхъ условій существованія того или другаго государства. Это сознаніе существующее въ настоящее время, за нѣкоторыми исключеніями, только въ идеѣ, есть идеалъ, къ которому стремятся народы. Англія въ отношеніяхъ своихъ къ народамъ Азіи и къ Россіи менѣе всего приблизилась къ этому сознанію. Политика Россіи и Англіи въ Китаѣ не только не солидарна, а діаметрально противоположна: нѣтъ ничего общаго между уваженіемъ къ территоріальному суверенитету Китая и трактатамъ, между политикою мира и уступчивости и политикою эгоизма, вражды, торговлею отравою (опіумомъ). Одна политика (Россіи) примиряетъ Китай и его «варваровъ» съ «заморскими дьяволами», другая (Англія и отчасти Франція)—разъединяетъ ихъ, роетъ между ними пропасть, края которой все болѣе расширяются, а глубина все болѣе увеличивается. На чемъ же сойтись Россіи и Англіи въ Китаѣ?

Очевидно, что сперва одной изъ нихъ нужно отступиться отъ традиціонной политики своей. Вполнѣ увѣрены, что г. Мартенсъ не захочетъ, чтобы Россія отступилась отъ своей честной и гуманной политики. Остается, слѣдовательно, Великобританія. Но легко-ли это и сколько времени потребуется для этого? Не мало! Нужно будетъ, ни болѣе, ни менѣе, измѣнить весь ея общественный механизмъ; должно измѣниться ея «raison d'ètat»; пересоздастся экономическій строй внутри ея,— измѣнится и ея морская политика; а перемѣнится послѣдняя, и лавочники ея

не будутъ играть въ ней выдающейся роли, не будетъ криковъ и воплей о расширеніи рынковъ для сбыта произведеній въ Китаѣ, не будетъ эксплуататорства въ Индіи. Дай-то Богъ, конечно, чтобы войны никогда не было между Россіей и Англіей. Но, что-то чувствуется, что миръ этотъ не прочень въ недалекомъ будущемъ.

В. Даневскій.

А. П. Субботинъ. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, съ предисловіемъ кн. А. И. Васильчикова. С.-Петербургъ. 1880 г.

Князь А. И. Васильчиковъ возымѣлъ благую мысль издать «указатель сочиненій и статей по податному вопросу, который могъ бы служить справочною книгой для изслѣдованій, а равно подспорьемъ при обсужденіи финансоваго положенія Россіи». Почтенный издатель полагаетъ, что подобный указатель принесетъ большую помощь дѣлу податной реформы, когда дѣло это дойдетъ до *серьезнаго разсмотрѣнія*. Списокъ сочиненій и статей составленъ нашимъ извѣстнымъ библіографомъ В. И. Межовымъ. Г. А. П. Субботинъ привелъ этотъ списокъ въ систему и снабдилъ заглавія *нѣкоторыхъ* сочиненій и статей краткими замѣчаніями, указывающими въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ сочиненій и статей. Кромѣ того, г. Субботинъ предпослалъ указателю «Замѣтку составителя въ связи съ финансовымъ очеркомъ». Признавая, что

„Россія дѣлаетъ важный шагъ въ своей исторической жизни" и полагая, что „ни одинъ подобный шагъ не обходится безъ усиленнаго финансоваго напряженія," г. Субботинъ замѣчаетъ, что „русская финансовая литература носила и теперь еще носитъ оффиціальный характеръ, что свободная финансовая литература только зарождается и что полный ея разцвѣтъ наступитъ только тогда, когда русское образованное общество отведетъ финансовымъ интересамъ надлежащее мѣсто."

Тѣмъ не менѣе, г. Субботинъ считаетъ полезнымъ систематическій указатель *русскихъ* сочиненій и статей, который служилъ бы путеводителемъ по *дебрямъ русской хозяйственной жизни* и *облегчилъ бы работу* нашихъ финансовыхъ коммиссій. Сочиненія и статьи расположены въ указателѣ «сообразно складу русской податной системы, съ сохраненіемъ научной градаціи (?).» Разъясняя принятыя рубрики, авторъ замѣтки даетъ нѣкоторыя замѣчанія о различныхъ прямыхъ налогахъ, о повинностяхъ и о пошлинахъ. Останавливаясь на рубрикѣ съ заглавіемъ: «преобразованіе податной системы», г. Субботинъ говоритъ:

„Преобразованіе прямыхъ налоговъ составляетъ злобу дня; финансовые вопросы сдѣлались модными, государственное хозяйство обсуждается вкривь и вкось нашими печатными органами, между тѣмъ финансовая администрація работаетъ въ тиши и приготовляетъ *нѣчто, способное обновить обветшавшій финансовый строй*" (XXIII); впрочемъ, въ коммиссіяхъ „работа идетъ съ *умѣренною скоростью*" (XXIV).

Настаивая на томъ, что для бо́льшаго распространенія въ обществѣ научныхъ свѣдѣній по финансамъ необходимы переводы лучшихъ иностранныхъ курсовъ финансовой науки, г. Субботинъ сообщаетъ, что курсъ финансовъ Л. Штейна уже переведенъ имъ и въ скоромъ времени будетъ изданъ въ связи съ обзоромъ русскихъ финансовъ (XXVIII). Нельзя не пожелать успѣха выполненію этого обѣщанія.

А.

По поводу новаго сочиненія о Наполеонѣ I. Th. Jung.—Bonaparte et son temps.—Paris. 1880.

Исторія Наполеона I имѣетъ свою исторію. Уже многіе современники маленькаго корсиканца, перевернувшаго вверхъ дномъ всю Европу, дѣлались его историками *), отражая на своихъ сочиненіяхъ тѣ чувства, которыми только могли быть проникнуты сами къ тому слишкомъ реальному цезарю, какимъ былъ въ дѣйствительности первый Бонапартъ, а не къ тому идеальному герою, узнику св. Елены, какого сдѣлали изъ него поэты и историки слѣдующаго поколѣнія, не знавшаго по собственному опыту, чѣмъ былъ для Франціи, для Европы, для человѣчества этотъ человѣкъ,—и введеннаго относительно него въ заблужденіе исключительными обстоятельствами своего времени. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ совершается превращеніе прозаическаго Бонапарта, котораго m-me Сталь очень мѣтко охарактеризовала, какъ le premier des contre-révolutionnaires, въ поэтическаго Наполеона, продолжавшаго и совершавшаго собою великую революцію. Реставрація Бурбоновъ дала себя знать либеральнымъ элементамъ французскаго общества, которые сначала на возвращеніе старой династіи смотрѣли, какъ на событіе, совмѣщающее въ себѣ значеніе 1660 и 1688 годовъ въ исторіи Англіи. Либералы ошиблись, многіе изъ нихъ въ 1815 году стали на сторону бѣжавшаго съ Эльбы Наполеона, а съ самаго начала второй реставраціи вплоть до 1824 года мы видимъ даже постоянное соединеніе либераловъ съ наполеонистами подъ общимъ девизомъ революціи. Особенно послѣ 1821 года, когда самъ Наполеонъ пересталъ существовать, эксплуатировалась память великаго человѣка съ антиправительственными цѣлями: тогда сложилась наполеоновская легенда, окружившая чело узника св. Елены ореоломъ мученика. Понятно, что либеральная партія этого періода, жившая еще мечтами о республикѣ, не могла быть на столько наивной, чтобы на самомъ дѣлѣ видѣть въ Наполеонѣ дѣйствительнаго представителя своихъ идей: все было основано на разсчетѣ подѣйствовать на патріотизмъ массы именемъ императора, вознесшаго Францію на верхъ славы, и воспользоваться распущенной арміей, въ которой не прекращался культъ малень-

*) *Чаннингъ*. Жизнь и характеръ Наполеона Бонапарта. *Г-жа Сталь*. Разсужденія о французской революціи. *Шлоссеръ*. Исторія XVIII в.

каго капрала. Таковы были дѣйствительные мотивы союза либераловъ съ наполеонистами въ первые годы реставраціи, когда всѣ надежды первыхъ возлагались на заговоръ съ военнымъ переворотомъ въ перспективѣ, послѣ котораго они чаяли республики или монархіи съ конституціей 1791 года, тогда какъ наполеонисты ожидали возвращенія имперіи *). Но еще болѣе помогала сама реакція тому, чтобы Наполеонъ пересталъ быть пугаломъ для либерализма; мало того, не безъ содѣйствія самихъ реакціонеровъ превратился цезарь въ какого-то коронованнаго демагога, надѣвшаго на себя императорскій вѣнецъ только для того, чтобы обезпечить за народомъ добытыя имъ путемъ революціи права. Дѣло въ томъ, что для извѣстной части французскаго общества смѣлый генералъ, навязавшій себя въ 1799 г. въ первые консулы французской республики, уже тогда былъ спасителемъ революціи отъ роялизма, съ одной стороны, и отъ якобинства, съ другой, и самъ Наполеонъ, кромѣ того, какъ въ началѣ своей политической карьеры, такъ и въ концѣ ея постоянно увѣрялъ, что «его миссіей было обезпечить торжество революціи, сдѣлавшись ея умѣрителемъ во Франціи и защитникомъ въ Европѣ» *(Мемор. св. Елены)*. Съ другой стороны, люди стараго режима, европейскія правительства и французскіе реакціонеры видѣли въ загадочномъ корсиканцѣ, самаго опаснаго узурпатора и часто не хотѣли дѣлать никакого различія между нимъ и другими революціонерами: для того, чего хотѣли ультрароялисты при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X, Наполеонъ, дѣйствительно, былъ слишкомъ пропитанъ идеями ненавистнаго XVIII вѣка. По мѣрѣ того, какъ имперія все болѣе и болѣе отходила въ область прошлаго, — все болѣе и болѣе блѣднѣли на историческомъ портретѣ Наполеона краски деспота и, наоборотъ, ярче и ярче выступали тѣ черты, которыя связывали его въ представленіи людей стараго режима съ ужасной для нихъ революціей. О связи этой говорили такъ много и такъ часто, что ей наконецъ повѣрили тѣ люди, которые воскресили во Франціи прогрессивныя традиціи предыдущаго вѣка. Легенда была готова, и легендарнаго Наполеона воспѣваетъ Викторъ Гюго (*«Ода къ вандомской колоннѣ»*) въ то же самое время, какъ имъ провозглашается знаменитое положеніе о томъ, что le romantisme est le libéralisme en littérature (предисловіе къ *«Кромвеллю»*. 1827). Легенда нашла вѣру и внѣ Франціи,—достаточно вспомнить Гейне,—и внѣ области поэтическихъ грезъ.

Этотъ образъ легендарнаго Наполеона увѣковѣчилъ въ исторической литературѣ Тьеръ въ своей *исторіи консульства и имперіи*. Извѣстна философія исторіи Тьера, которая уже выразилась въ болѣе раннемъ его сочиненіи, посвященномъ великой революціи. Одновременно съ странной реабилитаціей Наполеона началось во Франціи историческое оправданіе и

*) См. Thureau-Dangin. Le parti libéral sous la restauration. Paris 1876.

революціи. Въ то время, какъ Минье своей книгой объ исторіи великаго переворота хотѣлъ показать, что либерализму нечего стыдиться своего происхожденія, Тьеръ выдвигалъ на первый планъ фаталистическую идею необходимости всего совершившагося и, съ ловкостью завзятаго оппортюниста, доказывалъ, что все совершалось во благовременіе. Отсюда его поклоненіе силѣ, успѣху, которые для него верховный критерій должнаго; отсюда оправданіе всего обстоятельствами; отсюда отсутствіе у него идеи преступленія, вмѣсто котораго онъ знаетъ только однѣ ошибки. По этому вся его исторія французской революціи представляетъ изъ себя апологію конституанты противъ королевской власти, республики противъ монархіи, которую думала создать конституанта, террора противъ жиронды и т. д., смотря потому, кто успѣвалъ, на чьей сторонѣ находилась сила. Такое настроеніе историка, взявшагося за историческое оправданіе революціи, наиболѣе подходило къ тому, чтобы и Наполеонъ вышелъ изъ подъ пера его убѣленнымъ, прославленнымъ и превознесеннымъ, несмотря на весь либерализмъ, его самого, Тьера, одушевлявшій. Въ сороковыхъ годахъ смотрѣлъ Тьеръ на Бонапарта не иначе, какъ въ двадцатыхъ, когда писалъ свою исторію революціи: въ заключеніи къ ней онъ въ слѣдующихъ словахъ высказываетъ тотъ взглядъ, который развиваетъ позднѣе въ «*Консульствѣ и имперіи*»: «Онъ (Бонапартъ) приходилъ продолжить въ мірѣ революцію—подъ монархическими формами; садясь на тронъ королей, онъ, плебей приводитъ папу въ Парижъ, чтобы тотъ помазалъ его плебейское чело священнымъ елеемъ; заставляетъ старую аристократію присоединяться къ его плебейской аристократіи, дѣлаетъ изъ плебеевъ королей, принимаетъ въ свое брачное ложе дочь цезарей и смѣшиваетъ свою плебейскую кровь съ одною изъ древнѣйшихъ кровей Европы»... Для Тьера Наполеонъ даже олицетвореніе революціи: ce n'était pas lui seul, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, c'était la révolution qui délirait en lui, en son vaste genie! Такъ понялъ Тьеръ революцію и ея продолжателя, словно весь вопросъ былъ не въ перемѣнѣ порядковъ, а въ томъ, чтобы плебеямъ сѣсть на барское мѣсто. Но какъ бы то ни было, въ тьеровскаго Наполеона повѣрили, и эта вѣра въ извѣстной степени облегчила племяннику перваго Наполеона повторить исторію своего дяди.

Въ шестидесятыхъ годахъ у Тьера явились критики, возвратившіеся въ своемъ взглядѣ на Наполеона I къ m-me Сталь. Неисторическій взглядъ реставраціи и іюльской монархіи послѣ второй республики и новаго цезаризма сталъ смѣняться другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ истинѣ. Однимъ изъ первыхъ выступилъ противъ тьеровской традиціи *Шоффуръ-Кестнеръ* *), разобравшій *Исторію консульства и имперіи*. Черезъ два

*) Chauffour-Kestner. M. Thiers historien. Notes sur l'histoire du consulat et de l'empire. Paris. 1863.

года появилась подобная же книжка женевскаго профессора *Барни* *), долгое время бывшая во Франціи при Наполеонѣ III даже запрещеннымъ плодомъ. Когда пишущему эти строки пришлось потребовать ее въ парижской національной библіотекѣ, то выдали ему ее не сразу, такъ какъ она находилась въ резервѣ, т. е. такомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщаются рѣдкія книги и вообще такія, получить которыя можно только съ особаго разрѣшенія управленія библіотеки: тамъ находилась книга Барни во время имперіи, а попала она въ библіотеку по особому случаю: ее конфисковали у одного француза, носящаго какую-то громадную фамилію, при переѣздѣ имъ французско-швейцарской границы. Это обстоятельство одно уже указываетъ, какой сильный ударъ наноситъ книжка Барни традиціонному Наполеону Тьера. Но это было только началомъ, ибо около того же времени стала выходить извѣстная исторія Наполеона I *Ланфре* **), которому пришлось очищать истину отъ всѣхъ тѣхъ заблужденій, какія только внесены были въ историческую литературу поэтической легендой и не критической традиціей. Въ настоящее время по стопамъ Шоффура-Кестнера, Барни и Ланфре пошелъ еще одинъ французскій писатель *Женъ* (Jung), по поводу книги котораго мы пишемъ эту замѣтку.

Новый историкъ Бонапарта думаетъ, повидимому, ограничиться первыми тридцатью годами жизни своего знаменитаго соотечественника по-крайней мѣрѣ, на обложкѣ поставлены цифры 1769—1799. Это, дѣйствительно, время Бонапарта, ибо съ 1799 года начинается уже Наполеонъ. Далѣе, на обложкѣ же помѣчено, что книга написана на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, и на это мы считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе читателей. Само собою разумѣется, что для исторіи жизни такого человѣка, какъ Наполеонъ I, литература представляетъ громадное количество матеріала, которое не перестаетъ увеличиваться до послѣдняго времени: извѣстны, напр., вышедшіе недавно мемуары Меттерниха и m-me de-Ремюза. Къ сожалѣнію, многое изъ этой литературы было разсчитано вовсе не на то, чтобы представлять дѣло въ истинномъ свѣтѣ, и содѣйствовало только развитію легенды и неисторическаго взгляда, который теперь новымъ историкамъ приходится разбивать по частямъ. Надежнѣе матеріалъ архивный, но онъ не всегда бываетъ доступенъ, а иногда его прячутъ подальше отъ взоровъ, что было и въ данномъ случаѣ. Наполеонъ оставилъ, наприм., обширную переписку, для изданія которой Наполеонъ III назначилъ особую коммиссію. Коммиссія дѣло свое сдѣлать съумѣла: многіе важные и интересные документы были выпущены изъ изданія, другіе пересмотрѣны и исправлены; кромѣ того, коммиссія нашла нужнымъ начать только съ 1793 г., слѣдующимъ образомъ

---

*) Barni. Napoléon et son historien M. Thiers. Genève. 1865.

**) Lanfrey. Histoire de Napoléon I. Пятый томъ этого сочиненія останавливается надъ временемъ передъ войной съ Россіей (1811).

объясняя это въ своемъ рапортѣ императору: «объявляя, что его общественная жизнь начинается съ осады Тулона, Наполеонъ обозначилъ самъ точку отправленія, которую должна была избрать комиссія». Такимъ образомъ, весьма интересные моменты въ жизни Наполеона сознательно оставлены были издателями корреспонденціи императора безъ того матеріала, которымъ задумали вновь освѣтить его біографію съ 1793 г. Нашъ авторъ и воспользовался этимъ неизданнымъ матеріаломъ, прослѣдивъ въ первомъ томѣ своего сочиненія жизнь молодаго корсиканца въ связи съ исторіей Корсики до начала 1791 года, когда честолюбивый артиллерійскій офицеръ покидалъ Аяччіо.

Mené par le Destin vers un but invisible.

Къ книгѣ приложено нѣсколько pièces à l'appui, въ числѣ которыхъ есть и архивные матеріалы, коими пользовался авторъ. Эти неизданные источники, легшіе въ основу сочиненія Жёна, и составляютъ самую замѣчательную его сторону, благодаря которой дѣтство и молодость Бонапарта дѣлаются намъ болѣе извѣстными, нежели хотя бы и изъ перваго тома труда Ланфре. Даже вопросъ о времени рожденія будущаго повелителя Франціи (7 января 1768 или 15 августа 1769 г.) трактуется авторомъ весьма интересно: онъ приводитъ много документовъ въ пользу первой даты и объясняетъ вторую желаніемъ родителей маленькаго *Набуліона* уменьшить его возрастъ для помѣщенія на королевскій счетъ въ военную школу, куда принимали дѣтей не старше десяти лѣтъ. Подробности, съ какими Жёнъ могъ ознакомиться только изъ архивныхъ документовъ, дѣлаютъ его книгу весьма интересной, и мы въ правѣ ожидать, что и продолженіе сочиненія съ этой стороны будетъ также интересно.

Нельзя того же, къ сожалѣнію, ожидать относительно общаго историческаго освѣщенія авторомъ предмета своего изслѣдованія. Жёнъ желаетъ быть не только историкомъ, но историкомъ военнымъ. Посвящая свой трудъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, издающимъ книги въ настоящее время, Гамбеттѣ *), авторъ, подписавшійся officier superieur d' Etat-Major, говоритъ: «вамъ посвящаю я это изслѣдованіе о Бонапартѣ и нашихъ старыхъ республиканскихъ арміяхъ.» Въ предисловіи, далѣе, онъ жалуется на то, что до сихъ поръ слишкомъ пренебрегали «соціологической стороной великихъ проблемъ исторіи», къ числу каковыхъ онъ относитъ вопросы чисто военно-техническаго свойства (стр. VIII). Вся книга, гдѣ только удобно, пересыпана милитарными сентенціями въ родѣ того, что l'armée est l'expression la plus parfaite de l'état moral et social d'un pays, такъ какъ une armée n'est pas seulement une machine: elle constitue un être moral dont la force réelle consiste dans la

*) Нѣкто Фаргъ, посвящая въ льстивыхъ выраженіяхъ свой переводъ „исторіи демократіи въ Европѣ» Мея (Paris 1879) Гамбеттѣ, не преминулъ похвастаться, что Гамбетта написалъ ему письмо.

concordance de ses éléments intellectuels avec les institutions du pays (стр. 128 и 129). Наконецъ, въ сочиненіи слишкомъ много мелочныхъ подробностей о военной организаціи и военной школѣ при старой монархіи, и даже ужъ очень обязательно авторъ сообщаетъ намъ списки кадетовъ и офицеровъ, бывшихъ одновременно съ Бонапартомъ въ школѣ и полку, и перепечатываетъ разные оффиціальные документы военнаго вѣдомства въ родѣ, положимъ, какого-нибудь отпуска, даннаго Бонапарту. Такія спеціальныя подробности слишкомъ часто прерываютъ изложеніе біографіи Наполеона, и есть опасность, что въ дальнѣйшемъ новый историкъ Наполеона I, дошедши до 18 брюмера, не дастъ никакого оригинальнаго взгляда собственно на время своего героя, хотя и обѣщаетъ это въ заглавіи своего сочиненія, и что мы познакомимся у него болѣе съ будущимъ полководцемъ, чѣмъ съ будущимъ цезаремъ Франціи и le premier des contrerévolutionnaires. Авторъ слишкомъ военный человѣкъ, такъ что если, по его мнѣнію, исторія Бонапарта до сихъ поръ не написана, то одной изъ главныхъ причинъ этого было то, что прежніе историки не были офицерами, а среди офицеровъ было мало такихъ, которые были бы en mésure d'apprécier l'évolution des institutions militaires et la connexité de ces dernières avec l'organisation civile de l'Etat (стр. VI). Во всякомъ, однако, случаѣ мы не найдемъ у Жёна легендарнаго Бонапарта.

Н. Карѣевъ.

И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1880. VIII+450+76.

Книга г. Соколова распадается на двѣ части: въ первой говорится объ отношеніи протестантизма къ сѣверо-восточной Россіи; во второй разсматривается исторія протестантизма въ русскихъ областяхъ, бывшихъ подъ властью Литвы и Польши. Въ каждой изъ этихъ частей авторъ слѣдитъ за распространеніемъ протестантизма, за протестантской пропагандой среди русскихъ, за исторіей отношеній между новыми церквами, съ одной стороны, и расколомъ въ сѣверо-восточной Россіи и православіемъ въ юго-западной, съ другой; обѣ части оканчиваются обзоромъ вліянія протестантизма на просвѣщеніе, нравственное состояніе и церковную жизнь русскаго общества. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Соколова. Къ концу приложены примѣчанія, которыя даютъ намъ возможность судить о томъ, что́ читалъ авторъ для составленія своей книги. Въ начитанности ему отказать нельзя, хотя есть основанія предполагать, что не всѣ тѣ книги, на которыя мы находимъ у него ссылки, были, дѣйствительно, извѣстны г. Соколову. Наприм., онъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно незнакомъ съ польскимъ языкомъ, а между тѣмъ ссылается иногда (и то только по разу бо́льшею частью) на польскія сочиненія, названія кото-

рыхъ, само собою разумѣется, передаются крайне невѣрно. *) Укажемъ и на то, что авторъ воспользовался для составленія своей книги и рукописнымъ матеріаломъ, принадлежащимъ московской духовной академіи, синодальной библіотекѣ и т. п.

Мы не станемъ излагать содержаніе книги г. Соколова, многіе отдѣлы которой прочтутся съ интересомъ: для такого изложенія потребовалось бы гораздо болѣе мѣста, нежели мы располагаемъ. При томъ и цѣль нашей рецензіи совершенно иная: при чтеніи труда г. Соколова намъ не разъ приходилось убѣждаться, что авторъ предпринялъ изслѣдованіе объ отношеніи протестантизма къ Россіи, будучи только самымъ поверхностнымъ образомъ знакомъ съ исторіей самаго протестантизма внѣ Россіи и вообще съ западно-европейской исторіей. На эту-то сторону дѣла мы и намѣрены обратить вниманіе читателя. Но прежде еще одно замѣчаніе:

Разсматриваемое нами сочиненіе имѣетъ происхожденіе академическое: на оборотѣ заглавнаго листа сдѣлана помѣтка, изъ которой видно, что рукопись прошла чрезъ цензуру московской духовной академіи. Кромѣ того, вѣроисповѣдное отношеніе автора къ предмету своего изслѣдованія сквозитъ на каждомъ шагу, особенно въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ излагается полемика русскихъ богослововъ съ протестантскими. Но этой стороны дѣла мы касаться не будемъ, отмѣчая ее только для характеристики точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ. Впрочемъ, въ то же время, мы считаемъ долгомъ своимъ прибавить къ чести г. Соколова, что указанная точка зрѣнія не мѣшаетъ ему быть безпристрастнымъ къ протестантамъ тамъ, гдѣ не затронуты вопросы догматическіе и гдѣ авторъ лишенъ возможности предполагать со стороны протестантовъ существованіе какихъ-либо злокозненныхъ замысловъ. Въ этомъ отношеніи г. Соколовъ не можетъ идти въ сравненіе съ католическими писателями, касавшимися великаго религіознаго движенія XVI в. Укажу, напр., на рѣшеніе вопроса: *каково было вліяніе протестантизма на нравственное состояніе русскаго общества.* *) Изобразивъ паденіе благочестія и нравственности среди «лютерски и кальвински—мудрствующихъ», авторъ рѣшительно заявляетъ, что «не протестантизмъ собственно растлилъ и оторвалъ ихъ отъ православной церкви: они, по словамъ его, жизнью, дѣлами давно отпали отъ нея». Поэтому его и не интересуетъ «растлѣвающее вліяніе протестантизма на эти одонки общества». Говоря обо всемъ обществѣ, которое въ XVI—XVII вв. не отличалось особенною нравственностію, онъ приходитъ къ тому заключенію, что «виною упадка общественной нравственности было не новое иноземное вліяніе, а неустойчивость прежнихъ нравственныхъ связей, неудовлетворительность, ненормальность прежнихъ общественныхъ отношеній.» Мало того, г. Соколовъ находитъ, что поведеніе русскихъ было даже го-

*) См., напр., примѣчанія стр. 44, 45, 70.

*) Россія сѣверо-восточная, стр. 223 sq.; Русь юго-западная, стр. 444 sq.

раздо «соблазнительнѣе», нежели тѣхъ нѣмцевъ, которые поселились среди нихъ. «При тогдашнемъ строѣ русской общественной нравственности, не столько слабыхъ, соблазнительныхъ, сколько добрыхъ, благодѣтельныхъ для нея сторонъ можно было находить въ протестантизмѣ. Съ своимъ животворнымъ, просвѣщеннымъ направленіемъ, составляющимъ главное его отличительное достоинство, протестантизмъ могъ уврачевать и, вѣроятно, уврачевалъ множество нравственныхъ недуговъ русскаго народа». Такъ говоритъ г. Соколовъ относительно Московскаго государства, и не иной взглядъ приводитъ онъ, разсматривая тотъ же вопросъ по отношенію къ русскимъ областямъ Рѣчи Посполитой. «Протестантизмъ, читаемъ мы у него, съ своимъ просвѣщеннымъ характеристическимъ направленіемъ, обиліемъ добродѣтелей ума и добродѣтелей общественныхъ и политическихъ, могъ значительно повліять на облагороженіе общественныхъ нравовъ, на улучшеніе взаимныхъ отношеній всѣхъ членовъ общества». Благодаря такому безпристрастному взгляду, почтенному автору удалось представить много, дѣйствительно, всякихъ соображеній въ пользу тезиса о благотворномъ вліяніи протестантовъ на русское общество, и даже, быть можетъ, кое-гдѣ г. Соколовъ дѣлаетъ натяжки, преувеличиваетъ, чтобы доказать свой тезисъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ отдѣлы книги, въ которыхъ говорится о возможности вліянія протестантизма на образованіе мистическихъ раскольническихъ сектъ, о вліяніи его на русское просвѣщеніе до Петра Великаго, на церковно-практическую жизнь русскаго общества, на внѣшнее положеніе православной церкви подъ польскимъ владычествомъ на Руси и т. д.,—заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе.

Тѣмъ непріятнѣе отмѣчать слабыя стороны сочиненія. Къ числу ихъ относится между прочимъ, какъ сказано, недостаточное знакомство съ западно-европейской исторіей. Особенно выразилось дѣло въ общемъ взглядѣ автора на протестантизмъ. Въ пониманіи культурнаго характера этого историческаго явленія г. Соколовъ, къ сожалѣнію, недалеко ушелъ отъ людей Московскаго государства, жившихъ въ XVII вѣкѣ. Безъ особенныхъ оговорокъ онъ могъ бы принять, какъ за свое собственное мнѣніе, слѣдующія, наприм., слова Стефана Яворскаго: «аще бы Лютеръ тайныя исповѣди и поста сорокодневнаго не отвергъ, аще бы воздержанія узъ не растерзалъ, аще бы дѣла благая ко спасенію потребна не обругалъ, аще бы въ нечистотахъ и прочихъ беззаконіяхъ погрязшимъ грѣшникомъ не возвѣстилъ оправданія единою только вѣрою безъ дѣлъ, не имѣлъ бы столь многихъ послѣдователей». Еще съ бо̀льшимъ правомъ могъ бы г. Соколовъ подписаться подъ слѣдующимъ обращеніемъ къ протестантамъ одного изъ полемическихъ трактатовъ XVII в.: «вы, чревній рабы, сказано тамъ, нарицаетеся апостоликами и евангеликами, но нага держите имена, украдосте одѣянія длиннѣйшая: вы не покоряетесь ни апостолу, ни евангелію, и слѣдуете въ жизни и ученіи не Христу, а сластолюбцу Эпикуру и же-

нолюбивѣйшему Сарданапалу, и вамъ достойно и праведно нарицатися не апостоликами, но эпикуренками, не евангеликами, но сарданапаликами». Подобныя обличенія, по словамъ г. Соколова, остроумно и довольно правдиво характеризуютъ все нравственное ученіе и поведеніе обличаемыхъ (стр. 152). Дѣло въ томъ, что для нашего автора реформація была не попыткой возвращенія къ первобытному христіанству, а «очищеннымъ и зрѣлымъ плодомъ нечистаго сѣмени» западнаго гуманизма (стр. 55). Но, что такое гуманизмъ, для г. Соколова, должно быть, не совсѣмъ ясно, когда онъ въ Башкинѣ и его послѣдователяхъ видитъ русскихъ раціоналистовъ и гуманистовъ (стр. 58). Или это только одинъ изъ образчиковъ неумѣстнаго и неумѣлаго употребленія авторомъ иностранныхъ словъ, когда «реакція» у него имѣетъ значеніе отрицанія, а «стереотипный» замѣняетъ собою слова «сжатый, сокращенный» (стр. 72, 77)? Или же это просто незнаніе того, что такое гуманизмъ? Послѣднее предположеніе вполнѣ допустимо, въ виду существованія въ книгѣ множества промаховъ по части всеобщей исторіи. Неугодно-ли узнать, наприм., такую вещь? По поводу предполагавшагося брака старшей дочери Михаила Ѳеодоровича съ датскимъ принцемъ у протестантовъ были кое-какія надежды. «Извѣстно, замѣчаетъ г. Соколовъ (стр. 99), какъ много значили брачные союзы въ судьбѣ протестантизма: въ такой просвѣщенной и независимой странѣ, какъ Англія, введеніе протестантизма при Генрихѣ VIII обязано брачнымъ союзамъ» (!!!). Послѣ этого не удивляешься, читая въ разбираемой книгѣ и такія вещи, что протестантское ученіе объ оправданіи «придумано по нечистымъ побужденіямъ» (стр. 118). Извѣстна-ли автору исторія внутренней жизни Лютера, его душевнаго состоянія, когда онъ «придумывалъ» свое ученіе объ оправданіи? Очевидно, нѣтъ. Г. Соколовъ могъ бы доказывать несоотвѣтствіе этого ученія съ св. писаніемъ, могъ бы даже, какъ это и дѣлали нѣкоторые современники Лютера, указывать, пожалуй, на опасную для нравственности сторону въ этомъ ученіи, но въ виду историческаго факта онъ не имѣлъ никакого права такъ представлять происхожденіе протестантскаго ученія, будто бы оно отринуло добрыя дѣла «слабаго ради и прелестнаго житія суетнаго сего свѣта». Что простительно было говорить книжникамъ XVII вѣка, незнавшимъ исторіи, то непростительно повторять ученому XIX в., который пишетъ историческое изслѣдованіе о протестантизмѣ. Что это не обмолвка со стороны автора, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: это прочно установившійся въ головѣ его взглядъ. «Какъ самъ гуманизмъ, утверждаетъ г. Соколовъ,—въ наукѣ и искусствѣ, такъ и его изчадіе—протестантизмъ, въ области религіи и жизни были въ извѣстной мѣрѣ поворотомъ къ античному язычеству» (стр. 135). Извѣстно-ли автору отношеніе настоящихъ гуманистовъ къ вопросамъ церковнымъ и отношеніе реформаторовъ къ языческому возрожденію? Очевидно, нѣтъ: весь вопросъ рѣшается у него ссылкой на снесенное Эразмомъ и высиженное Лютеромъ яйцо. Отсюда, изъ этого

неяснаго представленія хода европейской исторіи происходятъ и тѣ непонятные намеки, которыми изобилуетъ все сочиненіе, въ родѣ, наприм., указанія на «эпохи великихъ научныхъ и религіозныхъ-политическихъ переворотовъ въ западной Европѣ, произведшихъ реформацію въ самой реформаціи» (?).

Вторая часть книги особенно наполнена доказательствами незнанія авторомъ всего, неотносящагося къ собственно русской исторіи. Здѣсь ему пришлось весьма часто касаться прошлаго Польши. Главными руководителями г. Соколова явились два историка реформаціи въ Польшѣ и Литвѣ, графъ Красинскій и Лукашевичъ, сочиненія которыхъ ему извѣстны по нѣмецкимъ переводамъ; только напрасно у автора они названы Казинскимъ и Люкашевичемъ, и вообще напрасно онъ не справился, какъ читать польскія фамиліи и разныя названія городовъ, мѣстечекъ и т. п., чтобы не искажать ихъ, до неузнаваемости, въ русской транскрипціи. Вотъ примѣры подобныхъ искаженій: Осціана, вм. Ошіяны (стр. 286), Вегровъ, вм. Венгровъ (стр. 291), Сцидловъ, вм. Шидловъ (297), Сцисцковскій, вм. Шишковскій (298), Хрцестовскій, вм. Хржестовскій (309), Кзіасъ—Ксёнжъ, Добрцанскій—Добржанскій и пр. и пр. Нѣкоторыя имена даже возстановить трудно, не наведши справки въ источникахъ, изъ которыхъ черпалъ свои свѣдѣнія г. Соколовъ. Но для насъ важнѣе факты. И что же мы тутъ видимъ? Витовту, брату (sic!) Ягелла, приписывается намѣреніе создать изъ своихъ владѣній единое самостоятельное государство на началахъ гусситизма, что представляетъ изъ себя очень неточную, если не сказать болѣе, передачу извѣстнаго историческаго факта (стр. 247). Напрасно авторъ относитъ также второй декретъ Сигизмунда I противъ лютеранъ къ 1542 году (стр. 249): уже въ 20-тыхъ годахъ Сигизмундомъ Старымъ изданъ былъ не одинъ декретъ противъ нововѣрія, а въ сороковыхъ годахъ энергія его въ борьбѣ съ ересью, напротивъ, ослабѣваетъ. Отношеніе къ реформаціи Сигизмунда Августа г. Соколовымъ окончательно не понято: ему приписываются цѣли, которыя преслѣдовалъ и Витовтъ (стр. 250) съ совершенно даже вымышленнымъ оттѣнкомъ: по поводу плана одного протестанта образовать изъ Литвы протестантское государство въ зависимости отъ Пруссіи, нашъ авторъ очень развязно увѣряетъ, что эту идею тщетно преслѣдовалъ раньше и Сигизмундъ Августъ! (стр. 312). Далѣе, тому же королю приписывается желаніе самаго серьезнаго и многосторонняго преобразованія церкви, которое онъ высказывалъ будто бы неоднократно на сеймахъ, никогда не покидая своихъ мыслей о соборѣ и преобразованіи церкви. Это положительно невѣрно, ибо, наоборотъ, Сигизмундъ Августъ постоянно тормозилъ этотъ вопросъ, поднимавшійся на сеймахъ протестантскою шляхтою: за свою политику онъ даже былъ прозванъ *крулемъ-доютркомъ*, т. е. королемъ, откладывающимъ все на завтра. Вѣроятно, автору неизвѣстна также нерѣшительная, колеблющаяся политика Сигизмунда Августа по отношенію къ протестан-

тизму, неизвѣстны изданные имъ эдикты противъ религіозныхъ новшествъ, неизвѣстна его осторожность, съ какою онъ относился къ римской куріи и вообще къ католическому духовенству, если онъ прямо производитъ его въ неустрашимые, энергическіе заступники еретиковъ (стр. 250). Утвержденіе, что кальвинизмъ былъ господствующею религіею въ литовско-польскомъ государствѣ (стр. 251) во время Сигизмунда Августа, можно было бы назвать смѣлой гипотезой, если бы нужны были гипотезы относительно такихъ эпохъ, о которыхъ намъ говорятъ факты. Тамъ, гдѣ польская исторія соприкасается съ западно-европейской, дѣло обстоитъ не лучше: къ нашему крайнему удивленію, г. Соколовъ воскрешаетъ убитаго въ 1632 году Густава Адольфа, чтобы заставить его «со своими воинами, привыкшими къ грабежу во время тридцатилѣтней войны», сдѣлать злополучное нашествіе на Польшу при Янѣ Казиміре, который былъ избранъ на польскій престолъ только въ 1648 году (стр. 318). Это нашествіе «снѣговаго короля» нашъ авторъ повторяетъ и на 365 страницѣ своего сочиненія. Вообще тридцатилѣтняя война для г. Соколова нѣкоторый камень преткновенія: оставивъ послѣ нея въ живыхъ Густава Адольфа, онъ находитъ для нея аналогію въ борьбѣ Польши съ Москвою за Малороссію, а эта борьба, по его мнѣнію, была «слѣдствіемъ таинственной религіозно-политической связи православія съ протестантизмомъ» (стр. 366)!!! Нѣтъ сомнѣнія, что г. Соколовъ усмотрѣлъ нѣчто таинственное и въ люблинской уніи: Литва, говоритъ онъ (стр. 330), окончательно соединяется съ Польшею (въ 1569 г.) на началахъ (?) римско-католической уніи (?!). Мы ограничиваемся лишь немногими промахами г. Соколова и притомъ такими, которые такъ очевидны, что не стоитъ даже и доказывать ихъ значеніе. Но и весь отдѣлъ о реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ страдаетъ отъ незнакомства автора съ литературой предмета, существующей на польскомъ языкѣ: въ виду послѣднихъ успѣховъ исторической науки въ Польшѣ, сочиненія гр. Красинскаго (1840 г.) и Лукашевича (1841—3 г.), которыми пользовался г. Соколовъ, можно считать устарѣлыми, и даже появившееся около 10 лѣтъ тому назадъ изслѣдованіе проф. Закржевскаго (Powstanie i wzvost reformacyi w Polsce), посвященное предмету, въ нѣкоторыхъ пунктахъ утратило значеніе, вслѣдствіе обнародованія новаго матеріала.

Н. Карѣевъ.

Фарреръ. Первобытные нравы и обычаи (*Farrer*, James A., Primitive manners and customs, London. 1 vol. 1879. Chatto and Windus).

При современномъ состояніи и направленіи общественныхъ наукъ, каждая книга по сравнительной исторіи учрежденій и этнографіи должна останавливать на себѣ вниманіе библіографіи и критики.—Разносторонній интересъ изслѣдованій этого рода можетъ быть уясненъ краткимъ замѣчаніемъ хотя бы относительно одного вопроса о значеніи расы въ исторіи

культуры человѣческой. Еще въ 1814 году, вышла книга *), если не ошибаемся, впервые провозгласившая ту аристократическую теорію о безусловномъ превосходствѣ бѣлаго человѣка арійской расы, которую (теорію) довелъ до наибольшей ея рѣзкости всѣмъ извѣстный трудъ графа Гобино. Съ тѣхъ поръ высказывались иныя воззрѣнія, поставленныя подъ авторитетъ именъ Гумбольдта, Причарда, Вайца и другихъ первостепенныхъ ученыхъ, которые образовали изъ себя блестящую группу, противоположную Кудреньéру, Гобино, Вутке, Клéмму и т. д. Вопросъ поставленъ былъ на почву не только антропологическихъ, но и психологическихъ изслѣдованій. Показано было, путемъ изысканій въ послѣдней области, что основныя черты человѣческой психологіи представляются сходными у людей самаго различнаго цвѣта кожи. Но, съ другой стороны, культурное различіе между цивилизованнымъ европейцемъ и дикаремъ Австраліи или Африки на столько велико, что невольно приходитъ въ голову такая мысль: не лежитъ-ли критика поражающаго насъ контраста въ *коренномъ* и *естественномъ* обособленіи между породами людей?

Несомнѣнно одно: вопросъ о единствѣ человѣческой природы, при всей своей капитальной важности, до сихъ поръ остается открытымъ. Если, съ одной стороны, психологическія наблюденія улавливаютъ крупныя черты сходства, за то, съ другой стороны, физическіе признаки, по справедливому замѣчанію одного англичанина**), даютъ нерѣдко сильную опору противникамъ мнѣнія о единствѣ природы человѣческой.

Отсюда понятенъ такой выводъ: для подготовки правильнаго рѣшенія этого спорнаго и à la lettre жизненнаго вопроса очень важна научная разработка фактовъ изъ исторіи и современнаго состоянія человѣческой культуры у всѣхъ первобытныхъ народовъ.—Дорога, проложенная Тэйлоромъ и Леббокомъ, есть, правда,—далеко не торная, но, по нашему мнѣнію, все-таки единственно—прямой путь къ искомой цѣли. На эту же дорогу вступилъ Фарреръ,— и здѣсь заключаются тѣ основанія, по которымъ, мы признаемъ большой интересъ въ самомъ матеріалѣ новаго англійскаго сочиненія, хотя оно далеко не равняется по достоинствамъ своимъ съ вышеприведенными изслѣдованіями. Излагая общее содержаніе книги Фаррера, мы поставимъ въ основаніе нашей замѣтки такой вопросъ: подкрѣпляютъ, или же ослабляютъ факты, собранные въ этой книгѣ, ученіе о единствѣ человѣческой природы? Тотъ или другой отвѣтъ на такой вопросъ предрѣшаетъ положительное или отрицательное заключеніе о другомъ, спеціально интересующемъ насъ предметѣ, а именно: можно-ли признать расу всемогущимъ факторомъ въ исторіи положительнаго права и учрежденій у различныхъ народовъ? Но обратимся къ фактамъ, изложеннымъ у Фаррера. Извѣстно давно уже распространенное мнѣніе, будто различ-

*) *Peyroux de la Coudrenière,* Mémoires sur les sept espèces d'hommes.

**) *Smyth,* The Unity of the human Races.

ныя племена Америки, Африки и Океаніи первоначально не знали ариѳметическаго счета, или же, по крайней мѣрѣ, не могли считать выше десяти. Отсюда легко было выводить заключенія, повидимому, блистательно подтверждавшіе взгляды Вутке, Клемма, Гобино и т. д. Но новѣйшее и болѣе внимательное отношеніе къ дѣлу указало кое-что другое по этому предмету. Дѣйствительно, дикари не выражаютъ словами счета или ариѳметическихъ чиселъ; они замѣняютъ слова жестами, но эти же самые люди мгновенно и съ вѣрностью вычисляютъ, при одномъ взглядѣ на свое многосотенное стадо, сколько именно не достаетъ въ этомъ стадѣ головъ скота. И такъ, люди, которыхъ долгое время считали по общему убѣжденію цивилизованныхъ жителей Европы, неспособными къ простѣйшему ариѳметическому счету, на самомъ дѣлѣ быстро рѣшаютъ вовсе не легкія задачи умственнаго вычисленія. Получаемъ-ли мы право признать у разнокожихъ дикарей тѣ же умственныя силы, какими надѣлены отъ природы представители бѣлой кавказской расы?

Отвѣтъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть отрицательнымъ. Одинъ изъ великихъ успѣховъ культуры человѣческой,—письменность, не достигается иначе, какъ путемъ многовѣковыхъ усилій. Дикари перестаютъ же быть дикарями, коль скоро изобрѣтаютъ письмо. Все это вѣрно, но отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы у людей первобытнаго состоянія вовсе не было средствъ изображать свои мысли и чувства. Такую роль играютъ у дикарей символы. Нельзя, конечно, согласиться съ Фарреромъ, когда онъ провозглашаетъ одинаково-удобнымъ способомъ корреспонденціи письмо, которое пишетъ европеецъ, и ту небольшую связку различныхъ предметовъ съ условнымъ значеніемъ, которую шлетъ къ своему другу или родственнику туземецъ Африки или Австраліи. Но вѣрно то, что оба способа достигаютъ своей главной цѣли, коль скоро тотъ, кто получилъ въ свои руки мѣшокъ съ камнемъ, углемъ, тряпкою, перцемъ и поджареннымъ зерномъ, узнаетъ изъ всего этого слѣдующее сообщеніе: «Я буду твердъ, какъ камень, но мое положеніе мрачно, какъ уголь; одежда моя обратилась въ лохмотья, безпокойство причиняетъ мнѣ лихорадку, которая жжетъ тѣло, подобно перцу, такъ что на кожѣ моей можно было бы изжарить хлѣбное зерно». Нельзя согласиться также съ Фарреромъ, будто обычаи и символы дикарей превосходятъ, по своей цѣлесообразности, тѣ ноты, меморіи, ультиматумы и деклараціи, которые разсылаются въ разные концы, передъ объявленіемъ войны въ цивилизованной Европѣ. Но справедливо, что способъ объявленія войны у дикарей Африки или Австраліи, (какъ, напримѣръ, обычай водружать на территоріи врага стрѣлу съ перомъ и съ маисовымъ колосомъ), очень просто и близко къ обычаямъ феціальнаго права у древнихъ Римлянъ. Для насъ оказывается здѣсь весьма любопытная и знаменательная параллель,—хотя бы въ одномъ пунктѣ,—между племенемъ Ніамъ-Ніамъ центральной Африки и между передовымъ народомъ арійской

расы, описаннымъ Титомъ Ливіемъ, Плутархомъ, Діонисіемъ Галикарнасскимъ и др. историками. Говорятъ обыкновенно, замѣчаетъ Фарреръ, о суевѣріи чернокожихъ или краснокожихъ дикарей. Но забываютъ о томъ: одни-ли эти дикари страдаютъ такимъ недостаткомъ, или-же здѣсь мы имѣемъ дѣло съ общечеловѣческою слабостью неразвитаго существа? Мы лично склоняемся, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ послѣднему способу рѣшенія вопроса, зная умственное и нравственное состояніе современныхъ крестьянъ въ Россіи и даже въ западной Европѣ. Думаемъ, что такимъ-же путемъ сравненія придемъ мы къ однородному заключенію по вопросу о морали дикарей. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что страхъ передъ наказаніемъ и корыстная любовь къ поощренію служатъ главными мотивами дѣятельности для большинства людей въ средѣ разныхъ классовъ европейскаго населенія.

Замѣчанія Фаррера о юридическихъ учрежденіяхъ скуднѣе матеріаломъ, чѣмъ можно было бы желать отъ книги этого рода. Но все-таки любопытно мнѣніе автора о томъ, что уголовное право дикарей опредѣлено съ точностью закономъ или обычаемъ, что право это хорошо извѣстно всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ (чего не всегда достигаютъ даже въ болѣе развитыхъ обществахъ), и что значеніе прецедентовъ въ судопроизводствѣ не представляетъ собою изобрѣтенія новѣйшихъ кодексовъ. Изъ крайне бѣглаго очерка процессуальныхъ формъ для насъ важно лишь то убѣжденіе автора, что главнѣйшія средства первобытныхъ людей достигать судебной истины, (т. е. доказательства ордаліями, присягою или клятвою и свидѣтельскими показаніями), аналогичны съ ранней системою доказательствъ у культурныхъ народовъ арійскаго племени. Очеркъ политическихъ формъ у дикихъ народовъ представляетъ собою новое подтвержденіе еще раньше высказанныхъ мнѣній, а именно: формы эти не только не однообразны, но представляютъ собою различные оттѣнки, отъ абсолютной монархіи съ droit divin до государственнаго устройства съ признаками ограниченія власти. Думаемъ однако-же, что едва-ли можно говорить о контрастѣ, у дикарей, между неограниченнымъ единовластіемъ, съ одной стороны, и «самою широкою формою конституціоннаго строя», съ другой стороны, какъ дѣлаетъ это авторъ. Краска положена, въ послѣднемъ случаѣ, съ такою рѣзкостію, что требуется то reductio ad minimum, которое сдѣлано нами выше. Факты, которыхъ касается Фарреръ, подтверждаютъ еще одно изъ новѣйшихъ наблюденій, т. е. отсутствіе безсословности и естественнаго равенства у первобытныхъ народовъ. Мало этого: обрисовывается и въ матеріалѣ книги Фаррера общеисторическая аналогія въ причинахъ и условіяхъ, при которыхъ возникала самая ранняя аристократія. Вокругъ главы политическаго союза группируются привиллегированные классы, какъ аристократія, основанная прежде всего на личныхъ качествахъ (храбрости) извѣстныхъ людей. Имущественный цензъ (тимократическій элементъ) и наслѣдственная пе-

редача пріобрѣтенной знатности или именитости превосходятъ уже въ качествѣ второстепенныхъ и дальнѣйшихъ условій. Придворный этикетъ и внѣшніе знаки, которыми выражается «благородство» возникающей аристократіи, напримѣръ, титулы, отличія въ одеждѣ и даже въ самомъ языкѣ высшихъ классовъ, весь этотъ любопытный матеріалъ не представляетъ собою ни особой полноты, ни новизны сравнительно съ наличнымъ, уже установившимся уровнемъ этнографическихъ данныхъ.

Переходя къ религіи, у Фаррера найдемъ мы указаніе на то, что есть дикари, у которыхъ существуетъ представленіе о безсмертіи души и о Божествѣ, которое любитъ добрыхъ и караетъ злыхъ. Въ обрядахъ культа такихъ племенъ, которыя не могли еще имѣть никакихъ сношеній съ христіанскими народами, отыскиваются однако же церемоніи и символическія дѣйствія, сходныя съ ритуаломъ католиковъ и протестантовъ. У нѣкоторыхъ дикарей существуютъ молитва и исповѣдь, въ связи съ вѣрованіемъ объ отпущеніи грѣховъ народными жрецами или кудесниками. Фарреръ упоминаетъ о племени, среди котораго совершенно самобытно возникъ обычай, чтобы жрецы окропляли водою новорожденныхъ дѣтей, совершая обхожденіе вокругъ и произнося таинственныя слова религіозной формулы. Послѣ этого, насъ, конечно, менѣе можетъ поражать древне-арійскій обрядъ, по которому брачущіеся съ соединенными руками обходили вокругъ алтаря при зажженныхъ на немъ свѣтильникахъ.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ не трудно сдѣлать заключеніе по главному вопросу, который мы поставили выше.

Книга Фаррера принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій новой этнографической школы, гдѣ доказывается мысль о психическомъ единствѣ человѣка и гдѣ, слѣдовательно, отвергается убѣжденіе о безусловномъ, естественномъ превосходствѣ, такъ-называемой, кавказской расы надъ всѣми прочими. Съ такими основными положеніями связана здѣсь идея, что культура и цивилизація, не будучи чѣмъ-то фатальнымъ и предрѣшеннымъ, есть дѣло историческаго развитія, творящееся подъ вліяніемъ множества различныхъ причинъ и условій.

„Всѣ люди одинаково начинали историческую свою жизнь, безъ различія расы". „Человѣкъ цивилизованный есть человѣкъ улучшенный; но и дикарь никоимъ образомъ не можетъ считаться существомъ, безнадежно спустившимся на самое дно человѣческой исторіи". „Нѣтъ основанія отвергать возможность культурнаго улучшенія и для людей всѣхъ прочихъ породъ, помимо арійской".

Таковы общія заключенія, къ которымъ можно свести всѣ главнѣйшія воззрѣнія Фаррера. По его убѣжденію, послѣдніе изъ дикарей имѣютъ, въ концѣ концовъ, такія же потребности, какъ и мы; изъ зародышей идей и чувствъ у этихъ людей могутъ возникать, въ теченіе времени, цѣлыя новыя и культурныя системы литературъ, религіи и законодательствъ.

Оставляя въ сторонѣ гипотезу автора о томъ, что всѣ эти системы не будутъ уступать, по внутреннимъ своимъ достоинствамъ, нынѣшнимъ

системамъ культурной Европы, мы думаемъ однако же, что книга Фаррера вѣрно понимаетъ и разъясняетъ, въ популярной формѣ, главную сущность вопроса. Важная роль племенныхъ или расовыхъ отличій, будучи провѣрена индуктивнымъ обслѣдованіемъ этнографическихъ и культурныхъ данныхъ, далеко не имѣетъ исключительнаго и всерѣшающаго значенія въ исторіи человѣчества. Самыя племенныя отличія представляются намъ скорѣе пріобрѣтенными, чѣмъ прирожденными. Единство нравственныхъ и умственныхъ свойствъ человѣка, безъ различія расъ, получаетъ для себя особенно ясное освѣщеніе со стороны все болѣе и полнѣе выступающей аналогіи первобытныхъ учрежденій.

Не разрѣшая и не ставя какихъ-либо новыхъ вопросовъ сравнительной этнографіи и описательной психологіи, книга Фаррера имѣетъ однако же одно несомнѣнное достоинство. Въ популярномъ и живомъ изложеніи автора, никогда не упускающаго изъ рукъ главной нити предмета, видимъ мы одно изъ лучшихъ средствъ распространять точныя и разнообразныя свѣдѣнія по одному изъ важнѣйшихъ отдѣловъ наукъ общественныхъ. Затѣмъ искусная группировка фактовъ, при научномъ и критически-строгомъ отношеніи къ ихъ объективной сущности, подготовляетъ и облегчаетъ рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ для кореннаго вопроса о единствѣ человѣческой природы.

А. Н. Стояновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Народъ, интеллигенція и правительство въ прошломъ году. Съ чего начать? Мнѣнія газетъ *Русь* и *Земство*. Статьи гг. Кошелева и Самарина о положеніи сельскаго населенія. Новыя данныя въ этомъ отношеніи *(Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи)*. Общее состояніе народнаго и государственнаго хозяйства. Необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ нашего политическаго воспитанія. Наши надежды.

1880 г. оставилъ по себѣ тяжелую память. Къ давно дѣйствующимъ причинамъ, которыя разрушали народное благосостояніе, присоединилось великое бѣдствіе—неурожай во многихъ губерніяхъ. Размѣры и очевидность несчастія вызвали усиленную дѣятельность правительства, заставили встрепенуться наше самоуправленіе. Даже косныя, благодаря недостаткамъ «Положенія», городскія думы кое-что сдѣлали въ Петербургѣ и Москвѣ, хотя въ обѣихъ столицахъ бѣднѣйшему населенію помощь пришла, главнымъ образомъ, со стороны высшей администраціи. Но бѣда широко раскинулась по русской землѣ, и народъ съ величайшими усиліями можетъ освободиться отъ нея. Если мы зададимся вопросомъ, что дѣлалъ этотъ народъ въ минувшемъ году? То отвѣтъ будетъ не утѣшителенъ.

Что дѣлалъ народъ? Пахалъ землю, занимался промыслами, платилъ подати, голодалъ и пилъ водку. Изъ *Ежегодника министерства финансовъ* видно, что въ 1877 году, въ первой его половинѣ, число мѣстъ питейной продажи было 122.362; во второй половинѣ того же года—128.362. Въ мѣсяцъ прибавлялось, слѣдовательно, по тысячи кабаковъ, и къ будущему году, руководясь этимъ разсчетомъ, мы должны приблизиться къ 200.000 кабаковъ. *Двѣсти тысячъ кабаковъ!* Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается двѣсти тысячъ училищъ. Всякому понятно, сколько раззоренія, горя и нравственной одичалости вносятъ въ русскую жизнь эти проклятыя сотни тысячъ кабаковъ.

А, между тѣмъ, народъ не могъ, не можетъ и никогда не ограничится одними заботами о дневномъ пропитаніи. Онъ, дѣйствительно, ищетъ правды, дѣйствительно стремится къ свѣту. Но правда и свѣтъ съ трудомъ западаютъ въ убогую крестьянскую обстановку, и совѣсть, пробудившись въ невѣжественной средѣ, идетъ окольною дорогою, сбиваясь съ

прямаго пути. Всѣ извѣстія, и проникающія въ печать, и непопадающія въ нее, свидѣтельствуютъ о глухой дѣятельности народнаго ума, о быстромъ развитіи раскола. Тревожная работа мысли замѣчается въ этихъ неустанныхъ попыткахъ простаго человѣка дойти до правильныхъ взглядовъ на міръ, на доброе и злое, сбросить ярмо внѣшняго авторитета, устроить жизнь по разуму и по совѣсти.

Болѣзни и нужда не сломили еще окончательно русскаго человѣка. Въ глухихъ уголкахъ, въ раззоренныхъ деревняхъ, вы сплошь и рядомъ встрѣчаетесь съ удивительными образчиками крестьянскаго ума, познанія и даровитости. Предстоящая выставка въ Москвѣ покажетъ, какъ мы имѣемъ основаніе утверждать, что кустарные промыслы русскаго мужика смѣло выдержатъ сравненіе съ соотвѣтствующими промыслами нашихъ европейскихъ сосѣдей. Принимая же въ разсчетъ суровыя климатическія условія, бѣдность и отсутствіе образованія, можно прійдти и къ еще болѣе утѣшительному для нашего народа заключенію. Но время не терпитъ, одной даровитости недостаточно, и намъ нужно знанія, знанія и знанія, то есть, усиленной работы интеллигенціи для распространенія образованія.

Что же сдѣлала въ прошломъ году русская интеллигенція?

До настоящаго времени дѣятельность русской интеллигенціи (о правительственной дѣятельности мы скажемъ особо) выражалась въ печати и въ самоуправленіи. Всякому извѣстно, что и печать, и земство подвергались разнообразнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Многія идеи высказывались робко, задушевныя желанія выражались осторожнымъ намекомъ, который вкривь и вкось понимался и, во всякомъ случаѣ, не производилъ сильнаго впечатлѣнія. Земскіе дѣятели нерѣдко опускали руки, послѣ ряда попытокъ освободиться отъ административныхъ тисковъ. Какъ извѣстно, особенно крѣпки были канцелярскія объятія бывшаго министерства народнаго просвѣщенія. Начальная народная школа, созданная земствомъ, была задержана въ развитіи, и только очень недавно явилось основаніе возродиться надеждамъ въ этомъ отношеніи.

Но если русская интеллигенція мало сдѣлала, и въ большинствѣ случаевъ не по своей винѣ, то она подняла и разработывала почти всѣ вопросы, нуждающіеся въ немедленномъ или скоромъ разрѣшеніи.

Во главѣ этихъ вопросовъ слѣдуетъ поставить вопросъ о крестьянскомъ хозяйствѣ. Статистическія бюро, устроенныя нѣкоторыми земствами, собрали и отчасти обработали драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія. Работы московскихъ земскихъ статистиковъ, гг. Орлова, Каблукова и ихъ товарищей, признаются за образцовыя людьми и либеральной, и консервативной партіи. Работы г. Покровскаго (тверское земство), г. Борисова (тульское земство) и многихъ другихъ быстро пополняютъ тѣ громадные пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ о родной странѣ, при существованіи которыхъ самыя добрыя намѣренія правительства и общества могли вести въ дѣйствительности къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ. Въ настоящую пере-

ходную эпоху познать самихъ себя для насъ безусловно необходимо. Въ большинствѣ случаевъ статистическія изслѣдованія приводятъ къ неутѣшительнымъ результатамъ; но великому народу не страшно взглянуть прямо въ глаза печальной истинѣ. Передъ безмолвнымъ краснорѣчіемъ чиселъ должны смолкнуть всѣ разногласія, и вопросъ о томъ, богатъ или бѣденъ нашъ мужикъ, рѣшается безповоротно. Мы имѣли возможность познакомиться съ прекрасными статистическими работами, произведенными елецкими земцами. Эти работы, къ сожалѣнію, напечатаны въ весьма ограниченномъ количествѣ оттисковъ. По даннымъ, въ нихъ заключающимся, въ елецкомъ уѣздѣ, орловской губерніи, оказывается среди крестьянскаго населенія 22% безлошадныхъ, 16% не имѣющихъ никакого хозяйства, ни сохи, ни бороны. Это ужъ совсѣмъ пролетаріатъ. Населеніе 4512 дворовъ, при отсутствіи въ уѣздѣ промысловъ, при его исключительно земледѣльческомъ характерѣ, дошло до послѣдней крайности, изъ которой выходъ одинъ—переселеніе, такъ какъ елецкій уѣздъ населенъ густо.

Изслѣдованіемъ нашего экономическаго положенія усердно занималась и повременная печать. Въ этомъ отношеніи русская интеллигенція хорошо послужила народу. И въ журналахъ, и въ газетахъ, не прерываясь, шли статьи и сообщенія о жизни захолустья, нашихъ мелкихъ городовъ, богатыхъ селъ и обнищалыхъ деревень. Труднѣе наблюдать за духовною жизнію народа, которая прячется отъ постороннихъ глазъ, справедливо опасаясь взысканій и каръ. Но и эта жизнь изслѣдуется людьми, съ глубокимъ вниманіемъ посвятившими себя ознакомленію съ *народною правдою*, которая поражаетъ иной разъ своею чудовищною нелѣпостію. И количество людей, съ любовію и пониманіемъ относящихся къ народу, умѣющихъ различать прекрасное и невѣжественное въ его стремленіяхъ, все увеличивается. Община, обычное право, расколъ въ его разнообразнѣйшихъ формахъ составляютъ излюбленный предметъ и научныхъ сочиненій, и журнальныхъ статей, и живыхъ бесѣдъ. Вопросы о земельномъ кредитѣ крестьянамъ, о краткосрочномъ кредитѣ среди сельскаго населенія привлекаютъ къ себѣ вниманіе и земскихъ дѣятелей, и профессоровъ. Объ артели и кустарныхъ промыслахъ появляются и новыя свѣдѣнія, и новыя сочиненія. Трудно составить достаточно полный списокъ даже наиболѣе выдающихся работниковъ въ этомъ отношеніи. Какъ дому изъ образованныхъ людей должны быть извѣстны имена профессоровъ Кистяковскаго, Чупрова, Исаева, Тарасова, гг. Якушкина, Соколовскаго и многихъ другихъ. Мысль ростетъ не въ столицахъ только, но повсюду, въ отдаленныхъ областяхъ; она начинаетъ подымать голову даже въ Сибири.

Но на русской интеллигенціи лежитъ и другая обязанность. Узнать родную страну, ея нужды и средства, поближе вглядѣться въ народные обычаи и вѣрованія, — это только первая (хотя и самая важная) часть

великой задачи, которая выпадаетъ на долю образованнаго общества. Народъ не можетъ быть Ляпкинымъ-Тяпкинымъ, онъ не можетъ до всего доходить «*своимъ умомъ*», подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, безполезно потратить много силъ и додуматься иногда, полагаясь лишь на собственный умъ, до такихъ вещей, отъ которыхъ, дѣйствительно, волосы станутъ дыбомъ на головѣ у каждаго образованнаго человѣка. Поэтому-то нельзя иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ, отнестись къ людямъ, знакомящимъ насъ съ исторіей и современною жизнію Запада. Если эти люди относятся къ явленіямъ нашей собственной жизни не совсѣмъ безпристрастно, если они бываютъ иногда склонны видѣть все хорошее на Западѣ и все дурное въ Россіи, то съ такимъ направленіемъ надо бороться, и его слабыя стороны, его односторонность не могутъ принести и сотой доли того вреда, который произошелъ бы, если бъ мы, подобно небесной имперіи, замкнулись въ себѣ. Къ счастію, послѣднее для Россіи безусловно невозможно, и истекшій годъ, какъ и ему предшествовавшіе, принесъ намъ не мало изслѣдованій и статей, посвященныхъ западно-европейской жизни.

И народъ, и интеллигенція пережили въ 1880 году много тяжелаго, много тревожнаго. Мы указывали на тѣ усилія, которыя дѣлали они, чтобъ добиться достойнаго человѣка существованія. Но въ такой странѣ, какова современная Россія, главная роль принадлежала не народу и обществу, а правительству. Большую часть заботы о благосостояніи государства беретъ на себя правительство; имъ рѣшаются и направляются важнѣйшіе вопросы нашей жизни. Что же сдѣлало правительство въ 1880 году?

Законодательство наше за это время не сдѣлало большихъ успѣховъ. Нѣкоторыя изъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя находились въ противорѣчіи съ началами, положенными въ основу преобразованій нынѣшняго царствованія, отмѣнены или смягчены во вторую половину истекшаго года. Такъ, напримѣръ, законъ 19 августа 1879 года, подчинявшій земство губернаторамъ, отмѣненъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, сохранивши, къ сожалѣнію, свою силу по отношенію къ другимъ частямъ. Но за исключеніемъ этой отмѣны и прекращенія сбора солянаго налога (Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 23 ноября), выдающихся законодательныхъ актовъ не было. Не отмѣнено до настоящаго времени данное 18 мая 1876 года воспрещеніе печатать книги на малорусскомъ языкѣ, издавать музыкальныя произведенія съ малорусскимъ текстомъ, исполнять на этомъ языкѣ сценическія представленія. Изъ начальной школы и теперь еще изгоняется малорусскій языкъ, и все это въ видахъ государственнаго единства, въ интересахъ цѣлости и крѣпости государства! Защитники подобныхъ мѣръ не замѣчаютъ, какое горькое осужденіе произносятъ они въ дѣйствительности надъ великимъ государствомъ, для скрѣпленія частей котораго нуженъ будто бы административно-полицейскій цементъ. Мы не разъ уже рѣшительно отвергали нужду въ подоб-

ныхъ мѣрахъ. И позволительно надѣяться, что наступившій годъ принесетъ освобожденіе южно-русской пѣснѣ, южно-русской мысли *), что живая связь между Москвою и Кіевомъ станетъ еще крѣпче, еще любовнѣе. Сравнительно съ прежнимъ временемъ произошли значительныя улучшенія въ управленіи. Отставка графа Толстаго и генерала Грейга представляютъ знаменія времени. Новый министръ народнаго просвѣщенія смягчилъ казарменную строгость классической системы средняго образованія, установилъ правильныя, дружественныя отношенія къ земству по вопросамъ народной школы и прекратилъ борьбу съ самостоятельностію университетовъ. Новый министръ финансовъ уже нашелъ возможнымъ отмѣнить соляной акцизъ. Уничтоженіе III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи сопровождалось нѣкоторыми улучшеніями въ способахъ предупрежденія и пресѣченія государственныхъ преступленій. Участь многихъ административныхъ ссыльныхъ облегчена, но самая ссылка, къ величайшему сожалѣнію, еще считается необходимою. Печать подвергалась меньшимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, нежели до апрѣля 1880 года, и мы имѣемъ основаніе разсчитывать на измѣненіе ея положенія къ лучшему. Газетные слухи передавали, правда, очень печальную вѣсть о разладѣ среди Высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру законовъ о печати; но эти слухи, вѣроятно, несправедливы, въ существенныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ. Самое образованіе комиссіи есть фактъ, удостовѣряющій, что высшая власть сознала неудовлетворительность дѣйствующаго законодательства. Измѣнившіяся условія общественной жизни требуютъ свободнаго слова, того слова, которому посвящено прекрасное стихотвореніе покойнаго К. С. Аксакова, напечатанное въ первомъ выпускѣ *Руси*:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли—свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,—
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;
Враждуетъ-ли съ ложью—равно

*) Остается закрытымъ юго-западное географическое общество, и масса матеріаловъ, драгоцѣнныхъ для науки, лежитъ даромъ или даже погибаетъ.

Живитъ его жизнію новой....
Неправдѣ—опасно одно
Свободное слово!

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы....
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово!

О, слово, даръ Бога святой!...
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Къ сожалѣнію, «иной» путь указываютъ у насъ еще многіе, и особенно тяжело положеніе областной печати. Желающихъ ознакомиться со всѣми мытарствами, которыя должна проходить провинціальная газета, отсылаемъ къ статьѣ г. Елишева въ № 47 *«Тверскаго Вѣстника»*. «Участь каждаго изданія, говоритъ почтенный авторъ статьи, вполнѣ зависитъ отъ случая: назначенъ цензоромъ (провинціальнымъ) человѣкъ просвѣщенный, дорожащій развитіемъ гласности и печатнаго слова, и газета, хоть съ грѣхомъ пополамъ, можетъ идти». Въ противномъ случаѣ положеніе редактора и сотрудниковъ становится невыносимымъ. Вотъ освобожденіе своей мысли отъ такого рода усмотрѣнія, ея независимости отъ состоянія духа и свойствъ характера отдѣльныхъ лицъ и ждетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ русское общество.

Мы снова должны повторить уже не разъ высказанную мысль: невозможно допустить, чтобы въ Россіи появилась свобода печати, если все остальное не потерпитъ соотвѣтствующихъ измѣненій. Всякое преобразованіе, если оно не касается мелкихъ подробностей управленія, всегда является послѣдствіемъ длиннаго ряда причинъ и, въ свою очередь, производитъ многообразныя прямыя и косвенныя измѣненія въ общественномъ строѣ. Невозможно уединить какое-либо вѣдомство и довести его до относительнаго совершенства, когда всѣ остальныя вѣдомства будутъ цѣпенѣть въ застоѣ; невозможно въ живомъ обществѣ успѣшно вести преобразованія на опредѣленномъ пространствѣ, на извѣстной территоріальной единицѣ, если преобразовательная дѣятельность не обниметъ всего государства. Всѣ

вѣдомства и всѣ области государства находятся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи. Самостоятельный ростъ частей долженъ быть согласованъ съ потребностями цѣлаго. Поэтому-то, вполнѣ сочувствуя требованію *Руси*, чтобы уѣзду была предоставлена *административно-хозяйственная автономія*, мы не можемъ признать основательности за мнѣніемъ газеты, желающей этимъ только и ограничиться. Такой планъ прежде всего неосуществимъ. Можно-ли представить въ губерніи, не пользующейся административно-хозяйственною автономіею, дѣйствительно самоуправляющійся уѣздъ? Какимъ образомъ власть губернатора, могущественная въ губерніи, окажется безсильною въ уѣздѣ? И что тогда будетъ называться губерніей? *Русь* говоритъ: «Мы настойчиво просимъ своихъ подписчиковъ и корреспондентовъ поразвѣдать мысль крестьянъ и прочихъ классовъ уѣзднаго общества и попытаться начертить обдуманно, на мѣстахъ, сообща, планы уѣзднаго самоуправленія». *Юридическій Вѣстникъ* *) на это возражаетъ: «Никто не станетъ спорить противъ крайней необходимости въ преобразованіи нашего уѣзднаго самоуправленія и въ особенности противъ необходимости произвести это преобразованіе по опредѣленному, строгому плану. Но какъ выработать этотъ планъ: неужели чрезъ посредство однихъ корреспондентовъ? Если нуженъ голосъ общества, то пусть же онъ выскажется открыто, въ формѣ, нарочно для того устроенной, но не путемъ корреспонденцій, всегда случайныхъ». И самъ И. С. Аксаковъ, печатая стихотвореніе своего покойнаго брата, нами приведенное, очевидно, является, какъ прежде являлся, защитникомъ свободнаго слова; обезпеченіе же дѣйствительной свободы печатнаго и живаго слова, всякому понятно, не можетъ быть достигнуто административно-хозяйственною автономіею уѣзда. Эта автономія не предохранитъ отъ невольныхъ прогулокъ изъ одного автономнаго уѣзда въ другой; она не внесетъ ясности, порядка и бережливости въ наше государственное хозяйство, она не дастъ намъ свободы совѣсти. Прекрасная статья новой московской газеты *Земство* **) совершенно справедливо говоритъ: «Главный залогъ правильнаго развитія и земскихъ учрежденій, и общества вообще, мы видимъ въ безусловномъ господствѣ для всѣхъ равнаго, для всѣхъ одинаково обязательнаго закона. Всякое самоуправство, всякій произволъ, отъ кого бы они не исходили, являются неизбѣжными тормозами этого развитія: личность, необезпеченная въ своихъ правахъ, неогражденная отъ посягательствъ сильнаго и власть имущаго, неспособна къ свободной общественной дѣятельности, а общественная дѣятельность можетъ быть плодотворна только тогда, когда она свободна. Свобода личности въ дѣлѣ вѣры, мысли и слова, ея неприкосновенность, при отвѣтственности передъ закономъ, судомъ и общественнымъ мнѣніемъ—вотъ главное основаніе, на кото-

*) *Юридическій Вѣстникъ*, № 12.

**) *Земство*, № 1. (3 декабря 1880 г.), „Прошедшее земскихъ учрежденій“.

ромъ должно покоиться правильное общественное устройство. Отвѣтственность передъ закономъ всѣхъ, безъ изъятія, носителей власти, какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ, при возможности для каждаго обиженнаго искать передъ независимымъ судомъ возстановленія своего нарушеннаго права, — вотъ надежное средство для охраненія свободы и правильнаго развитія личности.»

Мы вполнѣ присоединяемся къ этимъ мыслямъ, высказаннымъ въ такихъ краснорѣчивыхъ и прочувствованныхъ выраженіяхъ, но дѣлаемъ оговорку по поводу одного мѣста въ передовой статьѣ перваго выпуска *Земства*. «Въ мѣстномъ самоуправленіи лежитъ вся будущность нашей страны: въ его тѣсномъ кругу русское общество пріучается къ сознательному и разумному завѣдыванію своими дѣлами, въ немъ пробуетъ и упражняетъ оно свои силы, въ немъ выясняются самыя насущныя его потребности». Такъ говоритъ *Земство*. Читатели знаютъ, что *Русская Мысль* усердно защищаетъ областное самоуправленіе и поэтому не можетъ расходиться въ существенныхъ чертахъ съ приведеннымъ мнѣніемъ новой московской газеты. Но мы должны сдѣлать, какъ уже было упомянуто, небольшую оговорку. Авторъ *Губерніи, ея земскихъ и правительственныхъ учрежденій**) не безъ нѣкотораго основанія замѣчаетъ *объ учебно-воспитательномъ*, какъ онъ выражается, значеніи провинціальныхъ собраній: «Говорятъ, что они служатъ приготовительной школой, въ которой образовываются ораторы, государственные люди. Это мысль совершенно логичная. Замѣчено опытомъ, что талантливые государственные люди, посаженные въ какой-нибудь conseil général или другое подобное собраніе, ничего тамъ не умѣютъ дѣлать. Тамъ самые лучшіе члены тѣ, которые хорошо знаютъ маленькіе мѣстные интересы. Наоборотъ, появится такой деревенскій пѣтушокъ въ великомъ государственномъ собраніи,—и голосъ у него пропадаетъ. Англія представляетъ наглядный примѣръ: ея великіе государственные люди выработались вовсе не въ собраніяхъ приходовъ и графствъ, гдѣ часто на выборахъ въ число достоинствъ кандидата приводится количество дѣтей; кто посвящаетъ себя политической карьерѣ, тотъ оставляетъ вовсе провинцію». Съ послѣднимъ мы рѣшительно не можемъ согласиться, думая, что между мѣстнымъ самоуправленіемъ и общегосударственнымъ управленіемъ должна быть живая связь. Многое можетъ обсуждаться и рѣшаться на мѣстахъ, въ уѣздѣ, въ крестьянскомъ міру; но жизнь великаго народа не исчерпывается мѣстными вопросами. Съ другой стороны, мѣстныя нужды очень часто не могутъ быть удовлетворены безъ согласованія ихъ съ нуждами сосѣднихъ уѣздовъ, съ нуждами всего государства. Въ первомъ же выпускѣ *Земства* помѣщена статья А. И. Кошелева, въ которой мы видимъ одно изъ лучшихъ доказательствъ справедливости нашего мнѣнія. Статья посвящена

*) Г. Лохвицкій, стр. XVIII—XIX.

вопросу первостепенной важности: кредиту земледѣльцамъ при покупкѣ ими земель. А. И. Кошелевъ признаетъ печальный фактъ обѣднѣнія нашихъ поселянъ, но сомнѣвается, чтобы малоземелье имѣло въ этомъ случаѣ первенствующее значеніе. Но, продолжаетъ г. Кошелевъ, «при нѣсколько безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя не видѣть, что есть селенія и *даже ихъ не мало*, которыя, дѣйствительно, нуждаются въ угодьяхъ; особенно страдаютъ въ этомъ отношеніи крестьяне, вышедшіе на уменьшенный—даровой надѣлъ, а равно и тѣ, которые, при утвержденіи уставныхъ грамотъ, получили неудобные земельные отводы. *Къ счастію, далеко не всѣ крестьяне находятся въ этомъ положеніи;* это именно и даетъ возможность и налагаетъ обязанность на властей предержащихъ — по возможности помогать нуждающимся въ пріобрѣтеніи земель». И г. Кошелевъ справедливо утверждаетъ, что только соединенное дѣйствіе земства и правительства можетъ оказать земледѣльцамъ нужную помощь при пріобрѣтеніи ими земель.

Такъ какъ рѣчь зашла о замѣчательной статьѣ г. Кошелева, то отмѣтимъ въ ней, кстати, слѣдующую фразу: «нельзя, конечно, отрицать, что и оно (малоземелье), въ немаломъ числѣ селеній, становитъ крестьянъ почти въ безвыходное положеніе, но слишкомъ обобщать эту причину и становить ее на первый планъ, значитъ: не знать настоящаго положенія крестьянъ *и повторять чужія, большею частію, заграничныя либеральныя фразы*». Едва-ли западный либерализмъ могъ кому-либо дать такія фразы. Ихъ можно было бъ заимствовать скорѣе у европейскихъ соціалистовъ, у вожаковъ ирландской земельной лиги и т. д. Но прибѣгать къ подобному объясненію толковъ нашей печати о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ нѣтъ, думается намъ, никакого основанія. Тогда пришлось бы старыхъ и крѣпкихъ защитниковъ общины и артели обвинять въ заимствованіяхъ, если не у Лассаля и Маркса, то у Сенъ-Симона и Фурье. Дѣйствительно, положеніе крестьянскаго хозяйства изслѣдовано, какъ мы уже не разъ говорили, только въ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ и лишь въ недавнее время. Но жалобы крестьянъ на недостаточность надѣловъ слышались и продолжаютъ слышаться часто. Если мы не ошибаемся, едва-ли кто-нибудь утверждалъ, что земли мало *у всѣхъ крестьянъ*. Говорили, правда, что ея недостаточно у большинства сельскаго населенія. Самъ г. Кошелевъ, ссылаясь на «*Сравнительную статистику Россіи и западно-европейскихъ государствъ*» профессора Янсона, признаетъ, что 589.640 душъ имѣютъ только 697.969 десятинъ, и затѣмъ прибавляетъ: «Впрочемъ имѣются еще крестьяне, которые весьма нуждаются въ землѣ, и именно тѣ, которые получили въ надѣлъ хотя изъ земель, прежде бывшихъ въ ихъ владѣніи, но участки плохіе, съ болотами и другими неудобствами, и лишившіеся угодій, на которыхъ они пасли свои стада и табуны вмѣстѣ съ помѣщичьимъ скотомъ. Есть также селенія, гдѣ крестьяне получили въ надѣлъ земли, иду-

щія только въ одну сторону отъ усадьбъ, и гдѣ съ трехъ сторонъ они окружены чужими угодьями, такъ что телята, куры и проч. безпрестанно подвергаются загону, а владѣльцы ихъ—платежу штрафныхъ денегъ». Такимъ образомъ, цифра крестьянскаго населенія, нуждающагося въ увеличеніи надѣла, выростаетъ весьма значительно, и мы имѣемъ основаніе поэтому противопоставить соображенія и выводъ А. И. Кошелева нѣкоторымъ изъ заключеній статьи г. Самарина. *) Авторъ статьи «*О кредитѣ земледѣльцамъ при покупкѣ ими земли*» не принадлежитъ, конечно, къ тѣмъ злонамѣреннымъ или легкомысленнымъ публицистамъ, которые, по выраженію г. Самарина, трубятъ о книгѣ г. Янсона (*Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ*), *предпочитая умалчивать о позднѣйшихъ трудахъ* почтеннаго профессора. Ссылками на журнальныя и газетныя статьи мы могли бы опровергнуть эту маленькую инсинуацію; но, въ виду незначительности ея объема, предпочитаемъ перейти прямо къ содержанію статьи, разбирающей теорію недостаточности надѣловъ.

Слѣдуетъ сказать, что трудъ Д. Ѳ. Самарина отличается выдающимися достоинствами: глубокимъ знаніемъ предмета, основательными во многихъ отношеніяхъ критическими замѣчаніями, практичностію совѣтовъ и ясностію изложенія. Безспорно, что эти статьи въ *Руси* не могутъ быть обойдены молчаніемъ, что онѣ вызываютъ новое обсужденіе достаточно стараго и чрезвычайно жгучаго вопроса. Мы обратимъ вниманіе только на одну сторону дѣла, по нашему мнѣнію, наиболѣе важную.

Г. Самаринъ видитъ коренную, исторически сложившуюся особенность нашего быта въ томъ, что «весь народъ русскій, за весьма незначительными исключеніями, владѣетъ землею; этого нѣтъ ни въ какомъ другомъ государствѣ». «*Бытъ крестьянъ*, говоритъ г. Самаринъ, выставляя *принципъ всеобщаго землевладѣнія, у насъ можетъ, а слѣдовательно, и долженъ быть обезпеченъ не однимъ поземельнымъ надѣломъ, а надѣломъ и личнымъ трудомъ, приложеннымъ частью къ душевому надѣлу, частью къ землѣ, снимаемой въ аренду, частью къ промысламъ кустарнымъ и отхожимъ, частью къ торговлѣ и т. д.* Вотъ основная посылка, изъ которой мы исходимъ, и которая совершенно различна отъ основной посылки теоріи о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ».

Противъ этой основной посылки почтеннаго автора статьи мы и представимъ нѣсколько возраженій.

Фактъ всеобщаго землевладѣнія въ Россіи, изъ котораго исходитъ г. Самаринъ, при условіи сохраненія настоящихъ надѣловъ, по нашему мнѣнію, отличается значительною неустойчивостію. Естественный ростъ населенія, все болѣе и болѣе раздробляя надѣлы, можетъ постепенно устранить этотъ фактъ и на мѣсто его поставить другой—обезземеленіе массы.

*) *Русь*, Теорія о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, №№ 1, 2. и 3.

Когда земельный участокъ дошелъ до извѣстнаго minimum'а, опредѣляемаго общимъ состояніемъ культуры и мѣстными условіями, то дальнѣйшее его уменьшеніе дѣлаетъ уже невозможнымъ самое хозяйство. Бѣдѣ, въ такомъ случаѣ, можно пособить лишь наймомъ сосѣднихъ земель (именно сосѣднихъ, иначе свой участокъ все равно придется бросить); но г. Самаринъ не станетъ утверждать, что и аренда составляетъ исконную принадлежность нашего быта, что ея сохраненіе необходимо для народа.

Затѣмъ, другое замѣчаніе. Никто не отрицаетъ великой важности для благосостоянія крестьянъ промысловъ, въ особенности кустарныхъ. Но, во-первыхъ, въ степной и значительной части черноземной полосы ихъ покуда не существуетъ, и самъ г. Самаринъ признаетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ «земледѣліе всегда будетъ главнымъ промысломъ крестьянскимъ». Въ настоящее время этотъ промыселъ является здѣсь исключительнымъ, положеніе крестьянъ нерѣдко весьма тяжело, а ждать насажденія и развитія промысловъ невозможно. Во-вторыхъ, намъ думается, что г. Самаринъ погрѣшаетъ въ слѣдующемъ отношеніи. Когда говорятъ, что земельные надѣлы крестьянъ должны быть увеличены, что малоземелье ихъ должно быть устранено либо покупкою земель, либо разумно устроеннымъ переселеніемъ, то, дѣйствительно, имѣютъ въ виду обезпечить существованіе мужицкой семьи *работою на ея участкѣ*. Г. Самаринъ, опираясь на свой принципъ всеобщаго землевладѣнія, возражаетъ, что «вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ у насъ составляетъ вопросъ объ обезпеченіи въ экономическомъ отношеніи почти всего народа, а бытъ цѣлаго народа обезпечивается не одною землею, но и всѣмъ тѣмъ, что составляетъ источникъ народнаго богатства». Это несомнѣнно, но о *какомъ* обезпеченіи говоритъ Д. Ѳ. Самаринъ? Сторонники увеличенія крестьянскихъ надѣловъ желали бы, чтобъ собственная земля обезпечила членамъ общины сколько-нибудь удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей въ питаніи, жилищѣ, одеждѣ и уплатѣ податей. Г. Самаринъ не станетъ утверждать, чтобы этимъ долженъ былъ ограничиваться народный *бытъ*; онъ не согласится допустить мысль, чтобы наше крестьянство было осуждено работать только для того, чтобъ не умереть съ голоду и не запутаться въ недоимкахъ. У мужика всегда были и, конечно, будутъ другія, духовныя потребности. Ихъ удовлетвореніе также требуетъ средствъ и досуга. Вотъ для чего нужны промыслы земледѣльческому населенію, вотъ въ чемъ заключается, какъ намъ кажется, главное условіе для нравственнаго и умственнаго подъема нашего народа.

Въ подкрѣпленіе высказанныхъ нами положеній приведемъ нѣсколько данныхъ изъ только что появившагося труда нашего извѣстнаго статистика В. И. Орлова. Эти данныя относятся къ борисоглѣбскому уѣзду тамбовской губерніи. Дѣло идетъ, слѣдовательно, о черноземной Россіи.

Въ среднемъ выводѣ, на ревизскую душу приходится въ уѣздѣ 4,9 десятинъ удобной земли. На наличную душу мужескаго пола приходится только 3,4 десятины, а на работника—7,2 десятины. У крестьянъ, бывшихъ государственныхъ, на наличную душу выходитъ 3,8, на работника — 8 десятинъ; у крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, 2 десятины на наличную душу и 4,3 на работника. Другіе промыслы, кромѣ земледѣльческаго, занимаютъ въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ ничтожное количество рукъ: ими занято только 4,1% общаго числа мужскаго населенія уѣзда, именно 4669 человѣкъ.

Разсмотримъ годовой бюджетъ крестьянской семьи. «Средняя крестьянская семья въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ, говоритъ В. И. Орловъ, состоитъ изъ семи человѣкъ (точнѣе изъ 6,94); изъ нихъ 3,4 мужескаго пола, въ томъ числѣ работниковъ 1, 6 и 3, 6 женскаго, въ числѣ которыхъ 1,7 работницъ».

«Земельный надѣлъ средней семьи простирается до 12,2 десятинъ, въ томъ числѣ усадебной, пахотной, покосной и выгонной 11,2 десятины, лѣса (кустарника)—0,5 десятинъ, неудобной земли 0,5 десятинъ».

На продовольствіе семьи надо въ годъ ржаной муки 123 пуда 8 фунтовъ (по 50 коп. за пудъ—61 р. 60 к.); соли на 4 р. 50 к.; огородныхъ продуктовъ на 5 р.; картофеля на 2 р. 25 к.; пшена на 42 руб.; коноплянаго масла на 9 руб.; мяса, считая въ годъ лишь 188 скоромныхъ дней и полагая въ каждый скоромный день только по одному фунту на всю семью — 12 р. 60 к.; свинаго сала на 6 р.; крупичатой муки низкаго сорта—на 4 р. 80 к. Всего по малой мѣрѣ на 157 р. 55 к.

Прокормленіе скота *), по самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ, обходится въ 58 р. 60 к., причемъ г. Орловъ не ставитъ въ счетъ стоимости прокормленія птицъ, телятъ, жеребятъ и ягнятъ, предполагая, что они прокормятся разными домашними остатками. На отопленіе, освѣщеніе и нѣкоторыя другія безусловно необходимыя издержки семья должна употребить 19 рублей, по самому умѣренному разсчету. Податей и повинностей сходитъ съ средней семьи 26 р. Наконецъ, предположимъ, что весь матеріалъ, нужный для одежды, доставляется домашнимъ хозяйствомъ, а шитье производится руками женскихъ членовъ семьи (въ дѣйствительности не такъ), поэтому не будемъ ставить въ расходъ стоимости одежды; что же касается до обуви, то допустимъ, что ее носятъ только рабочіе члены семьи; допустимъ также, что они обходятся исключительно лаптями (въ дѣйствительности сапоги и башмаки составляютъ необходимую принадлежность); въ этомъ случаѣ на 3,3 взрослыхъ членовъ средней семьи потребуется въ годъ не менѣе 66 паръ лаптей; оцѣнивая каждую пару по 10 к., получимъ расходу на обувь 6 р. 60 к.»

---

*) Скота на среднюю семью приходится: рабочихъ лошадей 1,8, жеребятъ 0,5, коровъ—1,1, телятъ—0,9, овецъ—7,5, ягнятъ 4.8, свиней—1,8.

Такимъ образомъ, самый убогій, безусловно необходимый расходъ крестьянской семьи равняется—267 р. 75 к. въ годъ.

Каковы же доходы этой семьи?

Съ земли (мы привели среднюю величину надѣла) крестьяне получаютъ 195 р. 50 к., причемъ г. Орловъ допускаетъ, что потребляемыя семьею овощи берутся изъ собственнаго хозяйства. Отъ домашняго скота, по преувеличенному разсчету, поступаетъ въ годъ (продажа мяса, молочные продукты, шерсть) на 46 р. 60 к., итого крестьянскаго дохода—242 р. 10 к., а расхода 267 р. 57 к., недостаетъ, слѣдовательно 25 р. 65 к. на покрытіе даже такихъ насущныхъ нуждъ, удовлетвореніе которыхъ включено въ убогій мужицкій бюджетъ.

Такъ какъ борисоглѣбскій уѣздъ, тамбовской губерніи, вовсе не исключеніе для черноземной полосы, такъ какъ въ весьма схожихъ условіяхъ находятся многіе другіе уѣзды той же и остальныхъ губерній, то мы и вынуждены настаивать по прежнему на недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, вовсе не отрицая и разумности, и практичности иныхъ мѣръ, которыя предлагаетъ въ концѣ своего труда г. Самаринъ. Уничтоженіе дворянскаго землевладѣнія и невозможно, и было бы, по нашему мнѣнію, крайне прискорбно; но почтенному автору статей въ *Руси*, вѣроятно, извѣстно, какія печальныя явленія происходятъ на тульскихъ, напримѣръ, латифундіяхъ *). Мы вполнѣ согласны съ г. Исаевымъ, который говоритъ **), что «вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства неизмѣримо важенъ, важнѣе, быть можетъ, (навѣрное, по нашему мнѣнію), всѣхъ нашихъ остальныхъ экономическихъ вопросовъ. Не даромъ отводитъ ему столько мѣста наша печать; не даромъ становится онъ все чаще и чаще предметомъ обсужденія въ земскихъ собраніяхъ и вызываетъ разумныя и благородныя попытки создать кредитныя учрежденія для содѣйствія крестьянамъ въ дѣлѣ расширенія земельныхъ надѣловъ. Такія попытки сдѣланы въ Москвѣ, Твери, Ярославлѣ ***). Личные, политическіе интересы многихъ ведутъ и, вѣроятно, долго будутъ вести къ безплодности этихъ попытокъ». Г. Исаевъ выражаетъ, однако, надежду, что государственная власть и земство рѣшатъ трудную задачу, поставленную

*) „*Московскія Вѣдомости*“, оправляющіяся постепенно отъ унылой апатіи, наведенной на нихъ дѣятельностью правительства, за послѣднее время, (въ особенности г. министра народнаго просвѣщенія), сдѣлали изъ статьи г. Самарина орудіе для недостойныхъ выходокъ. „*Начались политическія убійства*“, съ истинно бонапартистскою развязностью говоритъ органъ г. Каткова, и „*въ это же время возникъ на нашемъ горизонтѣ призракъ аграрнаго вопроса*“. Ссылками (не точными) на статью г. Самарина *Московскія Вѣдомости* (№ 336) стараются доказать, что у насъ все превосходно (и голодъ даже выдуманъ, какъ ветлянская чума, утверждаетъ г. Катковъ). Мы думаемъ, что статья *Московскихъ Вѣдомостей* была всего болѣе непріятна г. Самарину.

**) Земство, № 1, внутреннее обозрѣніе.

***) И въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ.

нимъ исторіей, вполнѣ удовлетворительно. Страшно было бы отказаться отъ такой надежды.

Съ нею и съ неразлучными съ нею опасеніями вступаемъ мы въ 1881 годъ. Въ обществѣ много толкуютъ о различныхъ правительственныхъ предположеніяхъ, о предстоящихъ измѣненіяхъ и въ благоустройствѣ, и въ личномъ составѣ управленія. Печать сдержанно относится къ этимъ слухамъ, не предаваясь ни преждевременной радости, ни преувеличенному огорченію. Всѣ ждутъ, терпѣливо прислушиваясь, не раздастся-ли всѣхъ оживляющее слово, твердо вѣруя, что Россія опять вступаетъ на путь мирнаго и свободнаго развитія. Потрясенное государственное и народное хозяйство нуждается въ значительномъ переустройствѣ; личность, переросшая цензурныя правила и полицейское усмотрѣніе, требуетъ признанія своей неприкосновенности. По газетнымъ извѣстіямъ, у новаго министра финансовъ широкіе планы. Отмѣна соляного акциза уже показала, что во главѣ управленія государственнымъ хозяйствомъ стоитъ человѣкъ дѣла. Сообщаютъ, что уже изготовленъ проектъ подоходнаго налога, что близится конецъ и подушной подати. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, правительственная машина начинаетъ работать быстро и правильно. Но, кромѣ чрезвычайно-важнаго вопроса о наилучшихъ источникахъ государственныхъ доходовъ, необходимо разрѣшить еще болѣе важный вопросъ о количествѣ и видахъ государственныхъ расходовъ. Въ декабрьскомъ обозрѣніи прошлаго года намъ пришлось упомянуть о необходимости сокращенія издержекъ, въ особенности по военному и морскому вѣдомствамъ. Въ 1879 году, за который уже имѣется балансовый сводъ государственной росписи, обыкновенные расходы равнялись 643,892,258 руб., обыкновенные доходы 661,954,191 руб. Если бъ до будущаго историка финансоваго управленія въ Россіи дошли только эти цифры, то онъ пришелъ бы, конечно, въ восторгъ отъ цвѣтущаго состоянія русскихъ финансовъ. 18,061,933 руб. превышенія доходовъ надъ расходами послужило бы для него яснымъ доказательствомъ богатства страны и изобилія государственной казны. Но, когда извѣстно, что на Россіи лежитъ страшный долгъ, что въ 1879 году сверхсмѣтныхъ кредитовъ испрошено болѣе 40 милліоновъ руб., то никакимъ иллюзіямъ нѣтъ мѣста. А ближайшее ознакомленіе съ данными нашихъ бюджетовъ ведетъ къ крайне неутѣшительнымъ заключеніямъ.

Такъ-называемая *система государственнаго кредита* поглощала въ 1878 году 140,326,910 рублей; въ 1879 году на эту *систему* ушло 172,448,303 руб. Платежъ по долгамъ увеличился, такимъ образомъ, на весьма и весьма почтенную сумму въ 32,121,393 р. Военное министерство въ 1878 году израсходовало 186,449,499 руб., а въ слѣдующемъ—187,451,193 руб. Возросли издержки и по морскому вѣдомству: въ 1878 году онѣ равнялись 26,086,036 руб.; въ 1879—27,328,032 руб. Слѣдовательно, изъ 684 милліоновъ на военные расходы пошло 215 милліон.

Присоединяя къ послѣдней цифрѣ расходы по уплатѣ процентовъ государственныхъ долговъ, мы получимъ колоссальную сумму непроизводительныхъ (въ прямомъ смыслѣ этого слова) расходовъ—387 слишкомъ милліоновъ рублей. Съ чрезвычайными издержками, вызванными потребностями русско-турецкой войны и новыхъ экспедицій въ Азіи, общая сумма государственныхъ расходовъ въ 1879 году поднимается до 776,001,575 р.

Обратимъ вниманіе еще на одинъ неблагопріятный признакъ. Существованіе сверхсмѣтныхъ расходовъ объясняется отчасти случайными нуждами, предвидѣть которыя не было возможности, отчасти неточными вычисленіями размѣровъ дѣйствительныхъ нуждъ. Большая разница между смѣтными и на самомъ дѣлѣ произведенными расходами не представляетъ поэтому ничего утѣшительнаго. Между тѣмъ, сверхсмѣтные кредиты составляли:

Въ 1875 г.	15.703.821 р.
» 1876 »	21.616.803 »
» 1877 »	32.892.074 »
» 1878 »	20.552.907 »
» 1879 » . . — . . .	40.625.212 »

Поэтому, какъ ни велики надежды, возбуждаемыя новымъ министромъ финансовъ, правильная постановка нашего государственнаго хозяйства зависитъ далеко не отъ него одного. Кромѣ справедливаго распредѣленія податной тяжести между различными классами населенія, необходимо еще уменьшеніе государственныхъ расходовъ, цѣлесообразное употребленіе средствъ государственнаго казначейства. И эта сложная задача управленія можетъ быть разрѣшена удовлетворительно только при совокупныхъ усиліяхъ правительства и общества. Если внѣшнія обстоятельства не требуютъ особенной заботливости о боевыхъ силахъ государства, то сокращеніе арміи и прекращеніе опытовъ съ судами, подобными коровѣ-Ливадіи, было бы истиннымъ благодѣяніемъ для страны *). Не меньшимъ благодѣяніемъ было бы и коренное измѣненіе нашей экономической (внутренней) политики. Въ октябрьской книгѣ *Слова* за 1880 годъ была помѣщена замѣчательная статья: *Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства*. Наши желѣзныя дороги, составляющія больное мѣсто Россіи, по вычисленію автора статьи, страшно задолжали государству. «Всего долга желѣзныхъ дорогъ правительству по гарантіи дохода къ 1878 году накопилось до 172.800.000 рублей. Кромѣ этого, изъ желѣзно-дорожнаго фонда производятся ссуды на разныя потребности желѣзныхъ дорогъ. Недоимки по этому долгу, къ 1878 г., дошли до 164.200.000

*) *Правительственный Вѣстникъ* сообщаетъ, что чрезвычайное калужское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать о принятіи мѣръ къ такому распредѣленію занятій въ войскахъ, чтобы нижніе воинскіе чины могли принимать участіе въ полевыхъ работахъ, въ рабочую пору, съ 1 іюля по 15 августа. Весьма разумное ходатайство.

рублей.» Въ 1877 году правительство получило дохода отъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ 21.786.000 р., а произвело расходовъ 152.130.000 р. «И это въ 1877 году, замѣчательномъ по необычайно развившейся желѣзно дорожной дѣятельности, вслѣдствіе весьма значительнаго, небывалаго до того отпуска хлѣба за границу». Въ 1869 году, въ общей суммѣ государственныхъ долговъ долги, обусловленные постройкою желѣзныхъ дорогъ, составляли 10,6% (203 милліона рублей); въ 1878 году это отношеніе сильно измѣнилось: сумма желѣзнодорожныхъ займовъ составляла уже 28,3% всего государственнаго долга (1.003.400.000 р.). Такимъ образомъ, главнѣйшее (даже единственно-серьезное) возраженіе противъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, возраженіе, указывающее на то, что государство плохой хозяинъ, что частное веденіе желѣзно-дорожныхъ предпріятій выгоднѣе для народа, чѣмъ правительственное и земское, является, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Россіи, непозволительною насмѣшкою. Вотъ гдѣ *лже-народъ*, скажемъ мы людямъ, утверждающимъ, что нѣкоторыя изъ обще-европейскихъ формъ поведутъ къ образованію лже-народа. Этотъ лже-народъ давно уже прибралъ къ рукамъ желѣзныя дороги, онъ овладѣлъ акціонерными коммиссіями, ему пришлось вольготно въ нашихъ исконныхъ порядкахъ, не менѣе, если не болѣе вольготно, нежели на Западѣ Европы. Капиталъ не знаетъ народнаго духа, ему нѣтъ дѣла до вѣрованій и надеждъ, волнующихъ народъ, и съ гнетущимъ преобладаніемъ этого капитала необходимо своевременно бороться, чтобъ предохранить родину хоть отъ половины тѣхъ испытаній, которыя пришлось и приходится выдержать передовымъ народамъ Запада. Опытъ этихъ народовъ и тѣ общеевропейскія учрежденія, которыя возникали и росли въ Россіи, но по разнымъ обстоятельствамъ не окрѣпли или совершенно изчезли, могутъ сослужить намъ не малую службу. Возьмемъ, напримѣръ, судъ присяжныхъ. Едва-ли и самые крайніе защитники народной исключительности станутъ отрицать благодѣтельное значеніе преобразованія стараго приказнаго суда и возвращенія нашего къ былому, и въ тоже время общеевропейскому, только усовершенствованному многовѣковою работою западной мысли, суду присяжныхъ. Какъ—бы ни разнились между собою въ подробностяхъ учрежденія просвѣщенныхъ народовъ, стоящихъ на высшей точкѣ гражданскаго развитія, для всѣхъ этихъ учрежденій необходимымъ основаніемъ служитъ обезпеченіе личной неприкосновенности, съ одной стороны, и закономъ установленное участіе гражданъ въ общегосударственныхъ дѣлахъ, съ другой стороны. Газета *Русь* съ необыкновенною силою и мѣткостію рисуетъ возмутительное безобразіе одолѣвающей насъ *казенщины*. «Не раздаются-ли, говоритъ *Русь* *), и теперь со всѣхъ сторонъ на наши городскія и земскія учре-

*) *Русь*, № 2, передовая статья.

жденія *) жалобы именно въ томъ, что они всѣ идутъ плохо, всѣ безжизненны, всѣ казенны?... «казенны».... Вотъ самое точное опредѣленіе тому мертвящему злому началу, для котораго названіе лжи оказывается слишкомъ общимъ.» «Это зло наше, доморощенное, продолжаетъ *Русь*, казенщина, какъ начало безусловнаго подчиненія внѣшнему авторитету, отрицающее въ русскомъ человѣкѣ его національную совѣсть и самобытность мысли, подобно злому духу, проникаетъ всюду—и въ жизнь, и въ науку, и въ художество, и во всякое ученіе, хотя бы наиліберальнѣйшее.» Въ этихъ словахъ много правды, но мы расходимся съ авторомъ статьи въ оцѣнкѣ средствъ для уничтоженія зла. Русскому обществу недостаетъ политическаго воспитанія, а потому его движенія еще крѣпко связаны казенщиною. Профессоръ Владиміровъ, въ новой харьковской газетѣ *Южный Край*, появленіе которой мы отъ души привѣтствуемъ, говоритъ, что «нужно развить въ нашемъ обществѣ политическій смыслъ, а онъ дается работою надъ наукою о государствѣ». Г. Владиміровъ съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ прекрасныя слова покойнаго Д. И. Каченовскаго: «она (наука о государствѣ)—неизсякаемый источникъ истиннаго, т. е. мирнаго прогресса. Въ ней русскій народъ найдетъ силу разумную, залогъ постоянныхъ реформъ и вѣчнаго обновленія. Отъ науки, которая возставала противъ произвола, смертной казни, пытокъ и политическихъ истязаній всякаго рода, которая допускала карательныя мѣры противъ человѣка только въ видахъ необходимой обороны для общества, не даромъ отвращались натуры деспотическія, люди смутнаго времени, поборники земскихъ междуусобій, охотники до гражданскихъ войнъ.» Благодѣтельное вліяніе науки въ указанномъ смыслѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но теоретическое знаніе обнаруживаетъ всю свою мощь тогда, когда владѣющіе имъ люди вступаютъ въ область практической дѣятельности. Мы далеки отъ мысли отрицать и необходимость, и великое значеніе *чистой* науки, имѣющей въ виду идеальную цѣль—раскрытіе истины; но это удѣлъ немногихъ людей. На жизнь наука мало вліяетъ непосредственнымъ образомъ. Ея результаты проводятся въ жизнь энергическою дѣятельностію. Въ другой статьѣ *Южнаго Края* **) справедливо говорится, что «университетъ, земство и печать въ краѣ (и во всемъ государствѣ, безъ сомнѣнія) призваны идти рука объ руку, такъ какъ главная ихъ цѣль одна: созданіе и воспитаніе личности гражданина.»

Съ надеждой, что наступившій годъ приблизитъ насъ къ полному внутреннему успокоенію, что онъ будетъ шагомъ впередъ на пути упроченія народнаго благосостоянія, заканчиваемъ мы это обозрѣніе. Непогода взволновала русское общество, и на этотъ разъ не поверхностно

---

*) Намъ нѣтъ надобности объяснять, что мы вовсе не считаемъ земскія учрежденія безжизненными.

**) *Южный Край*, № 1, «Одна изъ главныхъ задачъ краевой печати.»

только, а до значительной глубины. Непогода разрушаетъ застой. Пожелаемъ скорѣйшаго наступленія добраго, свѣжаго утра, когда станутъ пропадать печальныя тѣни, когда разольются лучи свѣта и тепла. Намучились мы. Никто не можетъ, конечно, вдохнуть въ насъ силу воли, если эта воля смята жизненною борьбою или слаба была до начала этой борьбы. Никто не дастъ намъ знанія, до котораго мы сами должны доработаться. Мы сами должны воспитать въ душѣ крѣпкіе и ясные идеалы. Но на пути нашего общественнаго развитія до сихъ поръ громоздятся препятствія, устранить которыя составляетъ право (и обязанность) власти. Мы твердо увѣрены, что русскіе образованные люди, когда они получатъ возможность дѣйствовать свободно, открыто, по совѣсти, не отрекутся отъ народа, не забудутъ, что они обязаны потрудиться для него. Если сынъ крестьянина или мѣщанина, вышедшій, какъ говорится, въ люди, стыдится своей семьи, порываетъ съ нею живую связь только потому, что его родственники простые, неученые люди, то такой человѣкъ возбуждаетъ въ насъ и негодованіе, и презрѣніе. Русская интеллигенція никогда не поставитъ себя въ подобное положеніе по отношенію къ народу, только, какъ говоритъ И. С. Аксаковъ, «*дайте, наконецъ, возможность статъ честнымъ русскому печатному слову!*» Только снимите съ насъ, съ русскаго самоуправленія, тяжелыя путы казенщины! Преобразованія эти необходимы для народа, взятаго въ цѣломъ, а не для одной интеллигенціи. Въ жизни народа годъ значитъ немного, но бываютъ года, рѣшающіе участь государства на долгое время, если не навсегда. Къ числу подобныхъ годовъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, наступившій. Пожелаемъ, чтобы онъ принесъ съ собою и исполненіе хоть нѣкоторыхъ изъ завѣтныхъ желаній русскаго общества, и добрый урожай, счастливое лѣто тому,

«Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста».

В. Г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОЛГАРІЯ.

Едва-ли можно оспаривать, что будущность государства находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ условій, при которыхъ это государство организовывалось. Поэтому, чтобы составить себѣ ясное представленіе о положеніи каждаго государства въ данный моментъ, необходимо прежде всего изслѣдовать эти условія. Только тогда возможно сдѣлать общіе выводы, избѣгнувъ грубыхъ ошибокъ. Исторія Англіи и Франціи можетъ служить этому наглядным доказательствомъ. Къ сожалѣнію, не всѣ государственные люди вполнѣ сознаютъ это. Отчасти интересы партій, отчасти же увлеченіе идеями, также въ значительной степени препятствуютъ имъ серьезно и спокойно обсудить дѣйствительное положеніе дѣлъ въ странѣ и принять всѣ необходимыя мѣры къ обезпеченію ея будущности.

Именно въ подобномъ положеніи въ настоящее время находится Болгарія, въ которой борьба партій началась еще до открытія засѣданій Учредительнаго Собранія, то-есть ранѣе того момента, когда княжество начало жить самостоятельной политической жизнью. Насколько страстно велась и ведется эта борьба и какъ тяжело она можетъ въ послѣдствіи отразиться на народѣ, можно понять, лишь ознакомившись съ ходомъ событій въ Болгаріи за послѣдніе два года.

Открытіе Учредительнаго Болгарскаго Собранія послѣдовало въ г. Тырновѣ 10 февраля 1879 г. Большинство депутатовъ прибыло въ городъ еще за нѣсколько дней до оффиціальнаго открытія собранія и нѣкоторыми изъ нихъ немедленно же возбужденъ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли приступать къ засѣданіямъ, пока Европа не изъявитъ согласія на соединеніе Болгаріи съ Восточной Румеліей. Такъ-называемая радикальная партія, во главѣ которой стоятъ Цанковъ и Каравеловъ, явно склонялась къ тому, чтобы воспротивиться открытію засѣданій учредительнаго собранія, въ надеждѣ поставить этимъ Европу въ затруднительное положеніе. Боль-

шинство, однако, сочло подобный шагъ слишкомъ опаснымъ, и 10 февраля учредительное собраніе было открыто рѣчью русскаго коммиссара князя Дондукова-Корсакова. Самымъ выдающимся мѣстомъ изъ рѣчи коммиссара были слѣдующія слова: «Въ силу данныхъ мнѣ Высочайшихъ полномочій, я представляю на ваше обсужденіе проектъ устава, опредѣляющаго права будущаго князя и болгарскаго народа въ дѣлѣ управленія страною; я увѣренъ, что одушевленные чувствами святаго долга, любовью къ дорогой родинѣ, вы вполнѣ оцѣните все величіе вашей задачи. Предлагаемый на обсужденіе ваше проектъ есть не болѣе какъ программа для облегченія трудовъ вашихъ; *онъ не долженъ ни стѣснять, ни связывать вашихъ убѣжденій.* Съ полною свободою и независимостью мнѣній, да выскажется каждый изъ васъ по совѣсти и убѣжденію, памятуя, что въ вашихъ рукахъ счастіе и будущая судьба отечества.»

Изъ этихъ словъ князя Дондукова-Корсакова можно уже было понять, что Россія не намѣривалась не только вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгаріи, но и косвенно вліять на ходъ работъ учредительнаго собранія. Трудно, конечно, не признать подобнаго рѣшенія Россіи вполнѣ основательнымъ, но нельзя не сожалѣть, что многіе болгары не съумѣли оцѣнить наше пассивное отношеніе къ близкому намъ вопросу и едва не скомпрометировали все дѣло.

Несмотря на то, что собраніе по составу членовъ, казалось, должно было быть консервативнымъ, въ первую же недѣлю выяснилось, что радикальная партія будетъ располагать въ немъ значительнымъ большинствомъ. Изъ болѣе чѣмъ 100 членовъ, засѣдавшихъ по праву, сопряженному съ занимаемыми ими должностями, почти половина явно примкнула къ крайней партіи и доставила ей большинство. Послѣдствіемъ такого распредѣленія голосовъ, была почти шестинедѣльная отсрочка обсужденія органическаго устава, который долженъ былъ служить основою болгарской конституціи. Эти шесть недѣль были посвящены обсужденію вопросовъ чисто политическаго характера, благодаря которымъ крайняя партія съумѣла привлечь на свою сторону многихъ колебавшихся и сдѣлаться силою, съ которою по неволѣ приходилось считаться. На сколько вліяніе этой партіи усилилось послѣ первыхъ же засѣданій, можно судить по тому, что проектъ, представленный коммиссіей, которой поручено было составить докладъ объ органическомъ уставѣ, былъ забаллотированъ, хотя ранѣе само же собраніе выбрало членовъ ея, принадлежавшихъ, за исключеніемъ двухъ, къ умѣренной партіи. Въ началѣ умѣренные могли, слѣдовательно, разсчитывать одержать верхъ, но за неимѣніемъ лица, которое могло бы руководить ими, а также вслѣдствіе неумѣнія поставить себя въ вопросѣ о присоединеніи къ княжеству Восточной Румеліи, они потеряли популярность и лишились преобладающаго вліянія въ собраніи. Крайніе же съ замѣчательною ловкостью воспользовались ошибками противниковъ и привлекли къ себѣ многихъ членовъ изъ центра. Имѣя одного предсѣдателя

изъ своей партіи, Каравелова, они всѣ вопросы, возбуждать которые было не вполнѣ законно, отлагали до засѣданія, когда президентское кресло долженъ былъ занимать Каравеловъ, и, такимъ образомъ, достигали своей цѣли.

Такъ, во время предсѣдательства Каравелова въ учредительномъ собраніи возбужденъ былъ вопросъ объ отправкѣ великимъ державамъ петиціи о румелійскихъ и македонскихъ болгарахъ. На обсужденіе этого вопроса потрачено было нѣсколько засѣданій, но никакихъ практическихъ результатовъ не было достигнуто, и собраніе, въ концѣ концовъ, не рѣшилось на подобный опрометчивый шагъ. Возбужденіе этого вопроса только усилило популярность радикаловъ. Болгарскій народъ хорошо понимаетъ громадное значеніе для него вопроса о соединеніи княжества съ Румеліей, и поэтому, естественно, симпатіи его должны были быть на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя постоянно добивались этого соединенія. Трудно сказать, до какой степени руководители партіи, стоящей теперь во главѣ болгарскаго правительства, серьезно разсчитывали достичь какихъ-либо благопріятныхъ для княжества результатовъ въ этомъ вопросѣ; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ немъ они видѣли средства усилить свое вліяніе въ народѣ и въ этомъ отношеніи не ошиблись въ разсчетѣ. Вотъ что сообщало въ то время о Цанковѣ, главѣ крайней партіи, и Балабановѣ, также принадлежавшемъ первое время къ этой же партіи, лицо, близко знакомое съ положеніемъ дѣлъ княжества: «вліятельными чинами собранія будутъ Цанковъ и Балабановъ, что опредѣлилось уже на предварительныхъ, частныхъ собраніяхъ. Лица эти вовсе не изъ преданныхъ Россіи, а болѣе европейцы, хотя, надо правду сказать, что оба они большіе патріоты. Главный недостатокъ Балабанова — это его честолюбіе, и несомнѣнно, что въ будущей администраціи края, онъ займетъ видное положеніе, какъ и Цанковъ. Главная сила этихъ людей заключается въ томъ, что они уже достаточно искусны въ политической жизни и умѣютъ дѣйствовать въ настоящее время на народныя страсти, объясняя всѣ свои предложенія пользою для возсоединенія Болгаріи. Какъ депутаты, такъ и вся Болгарія, въ высшей степени одушевлены этой идеей, и нѣтъ жертвъ, которыхъ бы они не принесли осуществленію ея. Князь Дондуковъ-Корсаковъ употребляетъ все свое вліяніе, чтобы воздержать болгаръ отъ какого бы то ни-было неосторожнаго шага, но старанія его едва-ли приведутъ къ чему-нибудь, ибо здѣсь дѣло такое важное и серьезное, касающееся интересовъ всего народа, что всякая уступка единичному лицу, какимъ бы оно ни пользовалось уваженіемъ и любовію, можетъ навлечь проклятія всѣхъ будущихъ поколѣній на первыхъ представителей народа, поступившихъ не такъ, какъ требовалось для блага его.»

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что народъ, непонимавшій политическихъ условій, препятствовавшихъ выполненію его вполнѣ законныхъ и основательныхъ желаній, отвертывается отъ людей, которые отказываются, въ интересахъ самого народа, явно поддерживать эти стрем-

ленія; но трудно не упрекнуть тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые для усиленія своей популярности рискуютъ судьбой этого народа. Подобный образъ дѣйствій нельзя не назвать не вполнѣ безукоризненнымъ. Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что лица, прибѣгающія къ нему, въ большинствѣ случаевъ, утрачиваютъ въ послѣдствіи свое положеніе.

Радикаламъ неоднократно въ то время приходилось выслушивать обвиненія въ исканіи популярности. Особенно же рѣзко обвиняли г. Цанкова. Когда же на человѣка ложится какая-нибудь тѣнь, то обыкновенно легко возбуждаются противъ него и новыя обвиненія. Такъ, въ то время ходили упорные слухи, что Цанковъ находится въ близкихъ отношеніяхъ съ представителемъ Австріи, г. Цвиденекомъ, членомъ международной коммиссіи въ Тырновѣ, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя было причислить къ сторонникамъ болгаръ. Вообще отношеніе корифеевъ крайней партіи къ членамъ международной европейской делегаціи остались до настоящей минуты недостаточно выясненными. Не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что въ періодъ времени, когда учредительное собраніе занято было политическимъ вопросомъ, нѣкоторые иностранные представители имѣли вліяніе на собраніе и едва не повредили дѣлу болгарскаго народа. Такъ, напримѣръ, англійскій агентъ, Пальгревъ, явно поощрялъ депутатовъ составить петицію Европѣ, и въ этомъ его поддерживалъ представитель французской реснублики, г. Шефферъ. Чего именно желали они достичь, дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, трудно рѣшить теперь, но несомнѣнно, что ими преслѣдовались какія-то цѣли. Только во второй половинѣ марта, англійскій и французскій агенты нѣсколько измѣнили свои отношенія къ болгарамъ и категорически заявили, что не считаютъ возможнымъ подачу петиціи о Румеліи и Македоніи Тырновскимъ собраніемъ. Есть основанія предполагать, что какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ не особенно горячо сочувствовали планамъ Пальгрева и Шеффера, и первый былъ вызванъ изъ Тырнова въ Румынію для разъясненія ему того направленія, котораго онъ долженъ былъ держаться въ Болгаріи. Австрійскій делегатъ, г. Цвиденекъ, почти одновременно тоже измѣнилъ нѣсколько свой образъ дѣйствій. Первоначально, явно несочувствовавшій всему тому, что совершалось въ Болгаріи и даже отказавшійся вмѣстѣ съ турецкимъ коммиссаромъ подписать протоколъ открытія учредительнаго собранія, Цвиденекъ въ послѣдствіи и не давалъ чувствовать своего неодобренія; тѣмъ не менѣе, едва-ли бы было основательно въ то время положиться на него. Вліяніе, пріобрѣтенное Россіей въ Болгаріи, благодаря принесеннымъ нами жертвамъ, глубоко проникнувшее въ народъ сознаніе, что Россіи и русскому царю онъ обязанъ освобожденіемъ изъ вѣковаго рабства, давало намъ совершенно исключительное положеніе. Вполнѣ понимая будущее значеніе Болгаріи, представители европейскихъ великихъ державъ не могли безъ нѣкотораго болѣзненнаго чувства видѣть превосходство занимаемаго нами положенія и желали, чтобы это положеніе по-

колебалось. Для Австріи, какъ сосѣдственной съ Болгаріею державы, въ особенности важно было хотя нѣсколько ослабить наше вліяніе. Весьма вѣроятно, что она даже не прочь бы была занять наше положеніе въ Болгаріи. Поэтому-то понятны сношенія, происходившія между членами международной делегаціи и депутатами. Нельзя, впрочемъ, винить первыхъ, если они хотѣли принести пользу государствамъ, аккредитовавшимъ ихъ. Депутаты же полагали достичь благопріятныхъ для болгарскаго народа результатовъ при содѣйствіи западныхъ державъ, забывая, что этимъ-то державамъ они обязаны раздѣленіемъ на Болгарію и Восточную Румелію. Многіе несомнѣнно искренно заблуждались, но всѣ-ли, это весьма и весьма темный вопросъ? Было бы желательно имѣть возможность отвѣчать утвердительно, но, къ сожалѣнію вопросъ, этотъ приходится оставить открытымъ, такъ какъ несомнѣнно, что между Тырновскими депутатами были и противники Россіи, нерѣшавшіеся, однако, тогда прямо заявить о своемъ къ намъ нерасположеніи.

Къ разсмотрѣнію проекта органическаго устава собраніе приступило только во второй половинѣ марта, когда петиція Европѣ была уже представлена депутатами, но не отъ имени народнаго собранія. Уставъ этотъ, составленный въ управленіи князя Дондукова-Корсакова и разсмотрѣнный и измѣненный особой коммиссіей въ Петербургѣ, обезпечивалъ неприкосновенность личности и жилища, провозгласивъ свободу печати, устанавливалъ несмѣняемость судей, право гражданъ присылать прошенія. Первоначальное обученіе и воинская повинность признавались общеобязательными. Бюджетъ долженъ былъ разсматриваться собраніемъ. Въ общемъ нельзя не признать, что уставъ обезпечивалъ болгарамъ дальнѣйшее развитіе государства, но выработанъ былъ при недостаточномъ знакомствѣ съ страной, для которой предназначался. На тырновскомъ собраніи лежала прямая обязанность разработать его въ томъ отношеніи, чтобы онъ могъ быть примѣненъ съ успѣхомъ къ болгарскому народу.

Прошло достаточно времени, чтобы можно было сказать о неудовлетворительномъ исполненіи собраніемъ этой задачи. Депутаты постоянно руководствовались не потребностями народа, а желаніемъ провести тѣ иден, которыхъ они были носителями.

Органическій уставъ государственнаго устройства княжества болгарскаго раздѣленъ былъ на 22 главы и 170 ст. Въ 1-й главѣ *о территоріи княжества* установлялось, что отчужденіе и увеличеніе болгарскихъ земель можетъ быть произведено лишь съ согласія великаго народнаго собранія, исправленіе же границъ—обыкновеннаго народнаго собранія; 2-ой главой опредѣлялось *существо и предѣлы княжеской власти*; 3-ей *мѣстопребываніе князя*; 4-ой *гербъ княжества и печать*; 5-ой *порядокъ наслѣдія престола*; 6-ой *совершеннолѣтіе князя, регентство и опека*; 7-ой условія вступленія на престолъ и присяга; 8-ой *содержаніе князя*; 9-ой признавалось господствующей вѣрой въ Болгаріи пра-

вославная, опредѣлялась связь съ высшимъ духовнымъ начальствомъ и отношенія къ неправославнымъ жителямъ Болгаріи; 10-я глава установляла, что законы издаются и отмѣняются народнымъ собраніемъ, утверждаются княземъ, и опредѣляла права князя въ исключительныхъ случаяхъ; 11-я трактовала о государственныхъ имуществахъ; 12-я о гражданахъ болгарскаго княжества. Глава эта раздѣлена была на нѣсколько отдѣловъ. Въ I-мъ отдѣлѣ опредѣлялись общія положенія, то-есть, кто именно болгарскій подданный и какія сопряжены съ подданствомъ права и обязательства; II-мъ отдѣломъ установлялось право на государственную и общественную службу; III-мъ отдѣломъ признавалась неприкосновенность собственности; IV-мъ опредѣлялись налоги и государственные сборы; V-мъ обязанности относительно воинской службы; VI-мъ установлялась неприкосновенность собственности и жилищъ; VII-мъ обязательность народнаго обученія; VIII-мъ свобода печати; IX-мъ свобода собраній; X-мъ право подавать прошенія. Главой 13-й опредѣлялось, что народныя собранія должны быть обыкновенныя и чрезвычайныя. Главой 14-й опредѣлены обязанности депутатовъ и составъ обыкновеннаго собранія. Въ главѣ 15-й предметы вѣдѣнія собранія; въ гл. 16-й порядокъ разсмотрѣнія собраніемъ проектовъ и предложеній; 17-я имѣла предметомъ бюджеты; 18-я государственные займы; 19-я условія созванія и открытія народныхъ собраній. Гл. 20-я установляла предметы веденія великаго народнаго собранія и составъ его. Гл. 21-я опредѣляла высшія правительственныя учрежденія. Гл. 22-я порядокъ измѣненія и пересмотра органическаго устава.

Вотъ въ общихъ чертахъ сущность содержанія 170 ст. органическаго устава.

Какія же измѣненія сдѣланы были въ немъ тырновскимъ учредительнымъ собраніемъ? Въ 1-й главѣ прибавлена статья о раздѣленіи территоріи на округи и общины и объ устройствѣ администраціи на началахъ самоуправленія общины. Эти прибавленія вытекаютъ изъ народнаго духа и вызывались народными потребностями, хотя въ началѣ должны были причинить большія затрудненія при приведеніи ихъ въ дѣйствіе. Во 2-й главѣ выпущено было, что Болгарія находится въ вассальной зависимости отъ Порты. Это было вызвано желаніемъ удовлетворить самолюбію народа. Въ 4-й главѣ прибавлена статья о болгарскомъ народномъ знамени. Въ 5-й главѣ наслѣдственность княжескаго званія признана лишь за мужскимъ потомствомъ перваго князя. Въ 6-й главѣ опущено право родственниковъ князя быть регентами. Въ 8-й сокращено содержаніе князя. Сокращеніе это вызвано желаніемъ ослабить княжескую власть. Въ 9-й главѣ признана подчиненность болгарской церкви синоду, находящемуся въ Константинополѣ. въ 12-й главѣ сдѣланы слѣдующія измѣненія и дополненія: въ 1-мъ отдѣлѣ прибавлено, что болгарскими подданными признаются и родившіеся за границей дѣти болгаръ. Особой

статьей того же отдѣла уничтожены всѣ титулы, отличія и ордена. Это сдѣлано также съ цѣлью ограничить княжескую власть. Исключеніе допущено только для знака отличія за военныя заслуги. Въ 4-мъ отдѣлѣ выпущено все, что относится до капитуляцій. Сдѣлано это съ цѣлію избѣгнуть упоминанія о главенствѣ Турціи. Въ 6-мъ отдѣлѣ добавлена статья о воспрещеніи наказаній, неустановленныхъ закономъ. Въ 7-мъ прибавлено, что первоначальное образованіе безплатно. По 8-му, что не требуется никакого залога отъ автора, издателя и типографщика. Печатаніе же, распространеніе книгъ преступнаго содержанія подведены подъ категорію дѣяній, наказываемыхъ повсюду. Только священное писаніе, богослужебныя книги и сочиненія догматическаго содержанія, назначенныя для употребленія въ православныхъ церквахъ, а также и учебники по закону Божію для православныхъ подлежатъ предварительному одобренію св. Синода. Въ 9-мъ отдѣлѣ болгарскимъ гражданамъ предоставлено право составлять дружества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ дружествъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ. Въ 10-мъ отдѣлѣ слово «житель страны» замѣнено словами «болгарскій подданный». Въ 14-й главѣ совершенно измѣненъ составъ народнаго собранія. Всѣ перемѣны въ этой главѣ сдѣланы были съ цѣлію удалить изъ собранія консервативный элементъ, какимъ могли быть духовныя лица, чиновники и члены, назначенные княземъ. Кромѣ того князь лишенъ былъ всякой возможности вмѣшиваться во внутреннія дѣла собранія, которое само должно выбирать своихъ предсѣдателя и вице-предсѣдателей. Въ 15-й главѣ увеличено число предметовъ вѣдѣнія народнаго собранія, именно: собранію предоставлены дѣла о сложеніи недоимокъ и разсмотрѣніе отчетовъ высшей счетной палаты. Въ 19-й главѣ опредѣлено время засѣданій собранія: съ 15 октября по 15 декабря. Это постановленіе нельзя не признать раціональнымъ, такъ какъ весною и осенью бываютъ сельскія работы; выбранное же время наиболѣе соотвѣтствуетъ условіямъ страны. Въ главѣ 20-й установлено, что въ великомъ народномъ собраніи число депутатовъ должно быть вдвое болѣе противъ числа, опредѣленнаго для обыкновеннаго собранія. Въ 21-й главѣ уничтожены государственный совѣтъ и министерство земледѣлія и работъ. По проекту, государственный совѣтъ представлялъ собой консервативный элементъ въ управленіи и служилъ посредствующимъ звеномъ между княземъ и администраціей, съ одной стороны и народнымъ собраніемъ,—съ другой. Уничтожая его, крайняя партія думала сложить послѣднюю преграду для ея дѣйствій. При настоящихъ условіяхъ парламентскимъ вожакамъ легче увлекать за собой полуразвитую массу членовъ. Въ главѣ 22-й исключена статья, по которой уставъ, выработанный въ первомъ народномъ собраніи, долженъ былъ сохранять свою силу въ теченіе пяти лѣтъ. Отмѣна этой статьи признана была нѣкоторой побѣдой консервативной пар-

тій, надѣявшейся при слѣдующихъ выборахъ провести своихъ кандидатовъ и измѣнить конституцію.

Въ общемъ, измѣненія, сдѣланныя собраніемъ, свидѣтельствуютъ о стремленіи большинства депутатовъ демократизировать конституцію. Цѣль эта, безспорно, была ими достигнута, и болгарская конституція одна изъ наиболѣе либеральныхъ въ Европѣ. Но самая незначительность времени, потребовавшагося для составленія конституціи, приблизительно три недѣли, даетъ понять, что депутаты отнеслись къ своимъ обязанностямъ нѣсколько легко. Органическій уставъ составленъ былъ на основаніи конституціи другихъ государствъ, какъ, напримѣръ, Сербіи, Бельгіи, Румыніи и т. д. при крайне поверхностномъ знакомствѣ съ характеромъ народной жизни Болгаріи. Народное же тырновское собраніе недостаточно озаботилось сдѣлать конституцію дѣйствительно народной. Только весьма ограниченное число измѣненій, сдѣланныхъ этимъ собраніемъ, вытекаютъ изъ условій народной жизни. Радикальная партія желала еще болѣе демократизировать конституцію, но встрѣтила такую рѣшительную оппозицію въ меньшинствѣ, что должна была уступить въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ отмѣнѣ цензуры для духовныхъ книгъ. Всѣ члены собранія изъ духовенства и многіе изъ сторонниковъ консервативной партіи оставили собраніе, какъ только большинство постановило отмѣнить цензуру и для книгъ духовнаго содержанія. Всѣ вышедшіе изъ собранія члены вновь заняли свои мѣста только послѣ того, какъ состоялось соглашеніе съ большинствомъ, относительно установленія цензуры для духовныхъ книгъ, употребляемыхъ въ церквахъ и школахъ. Какъ мало понимали многіе депутаты сущность нѣкоторыхъ статей конституціи, видно изъ того, что первоначально къ IX отдѣлѣ 12-й главы предполагалось предоставить всѣмъ право составлять дружества (общества) безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія и безъ оговорки относительно цѣли общества. Только въ послѣдствіи статья эта (83) была дополнена воспрещеніемъ дружествъ, вредящихъ государственному и общественному порядку, приличію и добрымъ нравамъ, а, между тѣмъ, не будь сдѣлано это дополненіе, international нашелъ бы себѣ убѣжище въ княжествѣ.

Неудовлетворительность конституціи, выработанной тырновскимъ собраніемъ, начинаетъ уже теперь сознаваться многими болгарами, но вредныя послѣдствія для народа нѣкоторыхъ изъ статей этой конституціи вполнѣ выяснятся только со временемъ. Руководители крайней партіи приняли на себя большую отвѣтственность передъ потомствомъ, и едва-ли приговоръ послѣдняго будетъ въ ихъ пользу. Потомству не безъизвѣстны будутъ также отношенія этой партіи къ Австріи и тайныя происки послѣдней, отразившіеся на работахъ народнаго собранія. Вотъ что писалъ объ образѣ дѣйствій Австріи, во время засѣданія собранія, и о радикальной партіи корреспондентъ Times. «Мнѣ сообщено изъ вѣрнаго источника, что въ Македонію и другіе города южныхъ Балканъ посланы многочисленные

австрійскіе агенты, съ цѣлью породить такой порядокъ вещей, который вызвалъ бы австрійскую оккупацію территоріи между Ново-Базаромъ и Эгейскимъ моремъ. Русскимъ совершенно извѣстна эта продѣлка, и потому они употребляютъ всѣ мѣры для успокоенія болгаръ въ отношеніи разъединенія ихъ территоріи, полагая, что волненія въ настоящее время могли бы только усилить вліяніе Австріи на южныхъ берегахъ Дуная до угрожающихъ размѣровъ. Болгарамъ тоже извѣстна эта тайна соперничества, и они грозятъ броситься въ объятія Австріи, если не будетъ исполнена ихъ просьба о соединеніи съ Румеліей или, по крайней мѣрѣ, не будетъ сдѣлано помѣхъ къ занятію Балканъ турецкими гарнизонами. Въ 1876 году я часто указывалъ на фактъ, что Бѣлградъ и Сербія служатъ барометромъ тайныхъ теченій, исходящихъ изъ высшихъ пунктовъ Европы. Происходившія тамъ событія ясно предвѣщали войну между Турціей и Россіей. Теперь Тырново замѣнило Бѣлградъ въ роли политическаго барометра. Въ настоящее время въ интересахъ русской политики, чтобы въ Европейской Турціи господствовало спокойствіе, между тѣмъ какъ Вѣна стремится воспользоваться броженіемъ въ этихъ провинціяхъ, съ цѣлью распространить занятіе Босніи до Салоникъ, радикальная же болгарская партія дѣйствуетъ на руку Австріи».

Уже теперь въ болгарскомъ народѣ раздаются обвиненія противъ радикаловъ въ недостаткѣ патріотизма. До какихъ же размѣровъ можетъ достичь современемъ недовольство господствующей теперь партіей. Между тѣмъ едва-ли основательно предполагать чтобы въ крайней партіи не было патріотизма. Нѣсколько странный, повидимому, ихъ образъ дѣйствій обусловливался совершенно другими причинами. Большинство этихъ лицъ, какъ, напримѣръ, г. Каравеловъ,—сторонники идей запада; увлеченные этими идеями, подобно тому, какъ увлечены ими тысячи интеллигентныхъ людей Германіи и Франціи, болгарскіе радикалы не хотѣли или не могли понять, что требуются извѣстныя ступени для народнаго развитія и что перескакиваніе чрезъ нѣсколько ступеней только препятствуетъ правильному ходу этого развитія. Непониманіемъ, что смѣшно наряжать ребенка во фракъ, а взрослаго человѣка въ дѣтскую курточку, отличаются вообще всѣ крайнія партіи, какъ либеральныя, такъ и консервативныя: болгарскіе радикалы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія; поэтому-то ошибки ихъ при первыхъ шагахъ политической жизни княжества заслуживаютъ снисхожденія. Но что не извинительно,—это сознательный подрывъ интересовъ своего отечества, для осуществленія своихъ цѣлей, какъ бы благодѣтельны ни казались имъ эти цѣли. А что въ этомъ ихъ можно обвинить, доказываютъ тѣ сношенія, которыя поддерживались ими какъ съ представителями Франціи и Англіи, такъ и съ австрійскимъ агентомъ, г. Цвиденекомъ, который желалъ возбудить въ княжествѣ волненія, въ надеждѣ, что въ этомъ случаѣ Австро-Венгрія, при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ государствъ, заступитъ въ Болгаріи мѣсто Россіи. Затаенныя же-

ланія нашихъ противниковъ не могли не быть извѣстными вожакамъ народнаго собранія, и нѣкоторые изъ нихъ именно желали воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы, лавируя между двумя странами, привести въ исполненіе свои планы, а затѣмъ отвернуться какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ. Выполнить это оказалось совершенно невозможнымъ, а, между тѣмъ, благодаря подобному образу дѣйствій, родилось много затрудненій, отразившихся, на самомъ болгарскомъ народѣ.

Вопервыхъ, наши отношенія къ крайней партіи сдѣлались одно время натянутыми, и, благодаря своимъ неумѣреннымъ выходкамъ, партія эта устранила себя отъ управленія страною, тогда какъ, при болѣе благоразумномъ отношеніи къ дѣлу, подобные результаты могли быть избѣгнуты. Неблагопріятныя для болгарскаго народа послѣдствія ошибокъ радикальной партіи дали себѣ почувствовать и тѣмъ, что нѣкоторыя иностранныя державы смѣлѣе могли дѣйствовать въ вопросахъ, затрогивающихъ интересы княжества, какъ только увидѣли, что между одною изъ болгарскихъ партій и Россіею возникаютъ недоразумѣнія.

Хотя въ Петербургѣ и хорошо понимаютъ, что нельзя дѣлать страну отвѣтственной за промахи отдѣльныхъ лицъ, какое бы общественное положеніе они ни занимали, тѣмъ не менѣе, возможность возникновенія недоразумѣній по отношенію къ Болгаріи не могла не произвести тяжелаго впечатлѣнія. Весьма естественно, что Россія въ то время болѣе чѣмъ когда либо сблизилась съ консервативными элементами княжества. Но, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ самого княжества мы не эксплоатировали нашего вліянія, чтобы доставить перевѣсъ которой либо изъ политической болгарскихъ партій. Поэтому, противниковъ, собственно говоря, мы почти не имѣемъ среди болгарскихъ политическихъ дѣятелей, хотя всѣмъ извѣстно, на чьей сторонѣ были наши симпатіи. Этимъ-то объясняется значеніе всякаго произнесеннаго нами слова въ трудный моментъ жизни болгарскаго народа. Такъ, совѣтъ нашъ, даже неоффиціальный, данный передъ избраніемъ болгарскаго князя, вотировать за князя Александра Баттенберга, рѣшилъ его избраніе. Несмотря на то, что большинство лицъ, избранныхъ въ народное собраніе, которому предоставлено было право выбрать князя, состоялъ изъ сторонниковъ радикальной партіи, выборъ князя Александра состоялся единогласно. Крайняя партія понимаетъ, что если она не встрѣчаетъ сочувствія у насъ, то причиной этому служитъ увѣренность въ неприложимости къ болгарамъ тѣхъ принциповъ, которыхъ она является выразительницей. Противъ нея же собственно мы ничего не можемъ имѣть. Она не будетъ нашимъ противникомъ и потому еще, что всѣ, болѣе или менѣе, выдающіеся представители ея сознаютъ связь, установившуюся между Россіею, и Болгаріей, и знаютъ, какъ дорожитъ этой связью болгарскій народъ. Отношеніе къ намъ болгаръ вполнѣ выразилось во взятомъ избирателями со многихъ депутатовъ обязательствѣ вотировать за того кандидата на престолъ, который будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ.

Какъ мало понимаютъ въ Европѣ существующія между нами и болгарскимъ народомъ отношенія, видно изъ того, что передъ выборомъ князя выставлялось нѣсколько кандидатуръ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли разсчитывать на нашу поддержку. Полная побѣда, одержанная радикалами въ первомъ тырновскомъ народномъ собраніи, дала основаніе недостаточно проницательнымъ политикамъ Европы предполагать, что въ княжествѣ многое можетъ совершаться вопреки волѣ Россіи. Выборъ князя Александра показалъ, до какой степени они ошибались. Между тѣмъ, нѣкоторые кандидаты, поддерживаемые иностранными дворами, напрягали всѣ силы, чтобы расположить къ себѣ избирателей. Такъ, напримѣръ, Бибеско, сынъ одного изъ Валахскихъ господарей, и второй мужъ княгини Бофремонъ не жалѣли ни денегъ, ни усилій, чтобы привлечь на свою сторону членовъ народнаго болгарскаго собранія; говорятъ, что агенты Бибеско прибѣгали даже къ подкупу, предлагая по тридцати наполеондоровъ тѣмъ, кто подастъ за него голосъ. Относительно болѣе вліятельныхъ и болѣе состоятельныхъ членовъ прибѣгали къ другимъ пріемамъ: предлагались портфели и видныя мѣста въ администраціи, лишь только бы расположить избирателей въ пользу Бибеско. Понятно, что всѣ эти маневры не достигли своей цѣли, а кандидатура Бибеско не имѣла успѣха. Серьезными соперниками князя Баттенберга можно было считать только князя Рейсса и принца Датскаго, и то потому, что Россія допускала ихъ кандидатуру. Выборъ депутаціи, отправленной князю Баттенбергу для извѣщенія его объ избраніи княземъ Болгаріи показалъ, что первое время выдающаяся роль въ политической жизни княжества будетъ предоставлена умѣренной партіи. Во главѣ депутаціи поставленъ былъ г. Бурмовъ, лицо извѣстное своими крайне консервативными убѣжденіями, тогда какъ ни одинъ членъ крайней партіи не попалъ въ депутацію. Естественно, что это возбудило въ рядахъ послѣдней неудовольствіе. Трудно судить теперь, конечно, насколько дѣйствительно требовалось составить эту депутацію исключительно изъ консервативныхъ элементовъ, но едва-ли предпочтеніе, оказанное тогда умѣреннымъ, не было одною изъ первыхъ политическихъ ошибокъ въ жизни болгарскаго княжества.

Впрочемъ, самъ молодой князь долженъ былъ болѣе симпатизировать умѣренной партіи; вопервыхъ, потому, что онъ принадлежитъ къ царственнымъ домамъ, всегда считавшимся опорою консервативныхъ началъ, вовторыхъ, и потому, что крайнимъ ограниченіемъ своей власти онъ обязанъ радикальной партіи. Александръ Баттенбергскій внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ болгарскомъ народномъ собраніи и, естественно, долженъ былъ желать усиленія умѣренныхъ. Предполагалось, что личное вліяніе князя и желаніе его управлять страной при поддержкѣ умѣренныхъ элементовъ окажетъ вліяніе на болгарскихъ избирателей, и въ новомъ собраніи консервативный элементъ будетъ преобладать. По всей вѣроятности, принималось въ разсчетъ также, что министерство про-

изведетъ давленіе на массу и, такимъ образомъ, будетъ содѣйствовать успѣху умѣренной партіи. Впрочемъ, надо отдать справедливость князю Александру въ томъ, что первоначально онъ желалъ сблизиться съ представителями радикальной партіи и управлять княжествомъ при содѣйствіи всѣхъ наиболѣе выдающихся лицъ безъ различія партій. Предполагалось составить министерство изъ консерватора Грекова, умѣреннаго Начевича, крайняго Каравелова и либерала Балабанова, министромъ же президентомъ назначить Бурмова. Но комбинація эта не осуществилась. Тогда было предложено Цанкову, главѣ радикаловъ, занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но послѣдній категорически отказался отъ этого предложенія, не желая принимать участія въ министерствѣ, составленномъ изъ консервативныхъ элементовъ. Только убѣдившись въ невозможности составить смѣшанное министерство, князь рѣшительно сталъ на сторону умѣренныхъ, и первое болгарское министерство князя составлено было изъ слѣдующихъ лицъ: Бурмова — президента совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ, временно поручено ему было и министерство народнаго просвѣщенія, Балабанова—министра иностранныхъ дѣлъ, генерала Паренсова военнаго министра, Начевича—министра финансовъ и Грекова—министра юстиціи. Тотчасъ же по сформированіи министерства, радикалы начали вотировать противъ правительства. Агитація эта велась съ замѣчательной ловкостью и пониманіемъ народа. Оппозиція, имѣя во главѣ своей такихъ выдающихся личностей, какъ Цанковъ и Каравеловъ, была не слабѣе правительственной партіи. Въ рукахъ оппозиціи были средства, которыми министерство лишено было возможности пользоваться, именно обѣщанія стараться достигнуть объединенія Болгаріи. Если многіе выборные болгарскаго народа были увлечены представленною имъ возможностью скораго сліянія княжества съ Восточною Румеліею, то тѣмъ легче было увлечь этимъ массы. Тѣмъ не менѣе результаты выборовъ вполнѣ зависѣли отъ умѣнія министерства воспользоваться средствами, которыя были въ его рукахъ, не нарушая, конечно, законовъ.

Первые дни царствованія князя Александра Болгарскаго правительство находилось въ крайне затруднительномъ положеніи; ни въ Европѣ, ни внутри государства оно не находило себѣ достаточной поддержки. Поѣздка князя Болгарскаго по Европѣ вполнѣ разъяснила, что онъ не можетъ и не долженъ надѣяться ни на какую поддержку, если пожелаетъ содѣйствовать выполненію завѣтныхъ желаній народа, которымъ онъ призванъ былъ управлять. Не вездѣ даже его приняли вполнѣ дружелюбно. Нѣкоторые государственные люди потребовали у него, чтобы немедленно же были выполнены тѣ обязательства, которыя возлагалъ на Болгарію берлинскій конгрессъ, не принимая во вниманіе, что молодому государю прежде всего надо упрочить свое собственное положеніе и не возбуждать противъ себя неудовольствія въ народѣ. Единственной поддержкой князю Александру первое время была Россія, на которую онъ и опирался. Мо-

лодой и совершенно неопытный правитель, онъ не имѣлъ даже въ своихъ министрахъ достаточно опытныхъ и способныхъ людей. Какъ только министерство убѣдилось, что оппозиція серьезно готовится къ избирательной борьбѣ, всѣ благія намѣренія дѣйствовать на основаніи законовъ были забыты, и правительствомъ былъ принятъ рядъ мѣръ, возбудившихъ всеобщее неудовольствіе. Россія, представляя проектъ «органическаго устава», имѣла въ виду упрочить въ Болгаріи мѣстное самоуправленіе и выборное начало; консервативное министерство совершенно упустило это изъ виду. Нельзя не признать основательными слѣдующія обвиненія, высказанныя противъ министерства лицомъ компетентнымъ: министерство поспѣшило цѣлымъ рядомъ мѣропріятій обнаружить свои симпатіи къ совершенно противоположнымъ принципамъ. Удаленіе, безъ изъясненія причинъ, почти половины окружныхъ начальниковъ; назначеніе на ихъ мѣста своихъ сторонниковъ; замѣна въ городскихъ совѣтахъ выборныхъ лицъ—чиновниками отъ правительства; наконецъ, аресты такъ-называемыхъ либеральныхъ депутатовъ—вотъ факты, объяснять настоящее значеніе которыхъ едва-ли нужно. Если ко всему этому прибавить такія финансовыя распоряженія, какъ возвышеніе соляной пошлины съ 8 до 35 процентовъ; возстановленіе турецкихъ правилъ о пропускныхъ свидѣтельствахъ на товары внутренняго производства; приглашеніе на службу съ громаднымъ содержаніемъ иностранцевъ и пр., то истинныя причины непопулярности министерства становятся очевидными, и паденіе его едва-ли можно объяснить исключительнымъ вліяніемъ и происками г. Каравелова.

Дѣйствительно, Каравеловъ и радикальная партія были бы не въ силахъ съ успѣхомъ бороться съ правительствомъ, если бы сами министры не дѣлали постоянно неизвинительныхъ промаховъ и не компрометтировали этимъ не только себя, но и ту партію, которой они были представителями. Нельзя было, конечно, требовать отъ нихъ опытности, но можно было ожидать больше политическаго такта. Увеличеніе налога на соль и введеніе нѣкоторыхъ другихъ налоговъ, недоставившихъ казнѣ до открытія засѣданій народнаго собранія почти ни копѣйки, раздражало народъ, опасавшійся увеличенія податей. Оппозиція, несравненно лучше организованная, чѣмъ правительство, воспользовалась ошибкою министра финансовъ и эксплуатировала ее въ свою пользу. Не менѣе грубымъ промахомъ кабинета Бурмова-Балабанова должно считать отмѣну выбора кметовъ въ селахъ и въ городахъ; право избранія этихъ лицъ всегда сохранялось за народомъ, и даже турецкая администрація не рѣшалась нарушить это право. Замѣчательно, что правительство долгое время не сознавало, что утрачиваетъ популярность въ народѣ и было увѣрено, что на выборахъ въ народное собраніе одержитъ побѣду. Промахи министровъ и непониманіе ими требованій населенія объясняются еще также и малымъ знакомствомъ ихъ съ Болгаріей, гдѣ они поселились только въ послѣднее время; кромѣ того, всѣ они люди нерѣшительные, лишенные

государственныхъ способностей и неподготовившіеся къ государственной дѣятельности.

Президентъ совѣта министровъ, г. Бурмовъ, былъ прежде школьнымъ учителемъ и смотрителемъ госпиталя, Начевичъ, министръ финансовъ,—торговцемъ въ Вѣнѣ; Отанасовичъ, министръ народнаго просвѣщенія,—докторомъ медицины, Грековъ, министръ юстиціи,—адвокатомъ въ Бухарестѣ; Балабановъ, министръ иностранныхъ дѣлъ,—наиболѣе способный изъ всѣхъ журналистовъ въ Константинополѣ.

Въ то время какъ правительство увѣряло представителей иностранныхъ державъ, что оно считаетъ свое положеніе упроченнымъ, лица болѣе знакомыя съ политическою жизнью предсказывали уже паденіе министерства. Многіе округа присылали князю телеграммы съ жалобами на распоряженія министровъ. Даже нѣкоторые сторонники министерства переходили на сторону ихъ противниковъ. Собственно, борьба должна была происходить между духовенствомъ и школою. Почти всѣ духовныя лица сочувствовали умѣреннымъ, школьные же учители были приверженцами радикаловъ, но ошибки министровъ оттолкнули отъ нихъ и значительную часть духовенства. Уже въ сентябрѣ результаты выборовъ были очевидны. Даже вліятельныя лица, какъ, напримѣръ, бывшій экзархъ болгарскій, Анѳимъ, вступили въ сношеніе съ Каравеловымъ и Цанковымъ. Чтобы такая выдающаяся и независимая личность, какъ преосвященный Анѳимъ, могла поддерживать Каравелова въ его ультра-либеральныхъ стремленіяхъ, должны же были быть существенныя причины.

16-го сентября 1879 г., въ издаваемой въ Софіи крайней партіей газетѣ «Цѣлокупная Болгарія» появилась прокламація Каравелова и Славейкова, составленная съ замѣчательною ловкостью. Вотъ одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ этой прокламаціи: «Выборы приближаются; день, въ который они произойдутъ, потому важенъ, что онъ будетъ счастливымъ или гибельнымъ, такъ какъ рѣшитъ судьбу нашего народа. Рѣшеніе это находится въ рукахъ самого народа, который покажетъ своимъ образомъ дѣйствій, какъ онъ цѣнитъ свою свободу, какъ понимаетъ свои интересы и какъ будетъ ихъ оберегать и защищать.

Нарушители священныхъ правъ народа, властолюбивые и своекорыстные наши министры, злоупотребляющіе властью и вліяющіе на администрацію, прибѣгаютъ ко всякимъ средствамъ, интригамъ и злоупотребленіямъ, чтобы сдѣлать выборы въ ущербъ народнаго права и въ пользу своего эгоистическаго честолюбія.

Отъ этихъ выборовъ будетъ зависѣть будущій образъ дѣйствій правительства и желаемое преобладаніе народной политики или ея пораженіе. Не надо забывать еще, что неудача народной партіи въ этихъ выборахъ можетъ уничтожить все, что было достигнуто въ народномъ собраніи, и можетъ ослабить силу и власть конституціи. То, что сдѣлано нашими министрами въ кратковременное ихъ самовластіе, можетъ служить примѣ-

ромъ тому, чего мы можемъ отъ нихъ ожидать. Если мы не хотимъ этого, то надо чтобы весь народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, для защиты нашихъ правъ противъ ихъ посягательствъ и побить выборами произвольныя измѣненія въ конституціи. Самоуправленіе народа есть естественный источникъ власти, народное же собраніе естественный представитель этой власти....»

Прокламація эта произвела громадное впечатлѣніе на народъ и, при посредствѣ агентовъ радикальной партіи, была распространена по всему княжеству. Только передъ самыми выборами нѣкоторые изъ министровъ поняли, что дѣло ихъ проиграно и что оппозиція одержитъ побѣду. Впрочемъ, до самаго открытія собранія правительство не теряло нѣкоторой надежды имѣть большинство; надежда эта поддерживалась, впрочемъ, недостаточностью свѣдѣній, получаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, относительно лицъ, избиравшихся округами. Вообще передъ самыми выборами министерство доказало, что оно не стоитъ на высотѣ своего призванія.

Въ первый же день открытія засѣданій народнаго собранія выяснилось, что радикальная партія располагаетъ большинствомъ. Тронная рѣчь князя встрѣчена была депутатами холодно, а по удаленіи его изъ залы засѣданія возбужденъ былъ оппозиціею вопросъ о предсѣдательствѣ. Немедленно же, вопреки протестамъ министровъ, приступлено было къ выборамъ бюро собранія и постояннымъ предсѣдателемъ избранъ глава оппозиціи, Каравеловъ. Въ тотъ же день министерство подало въ отставку, но, вслѣдствіе настояній князя, рѣшилось остаться до большаго разъясненія положенія дѣлъ. Рѣшено было выждать прибытія всѣхъ депутатовъ въ Софію и сообразно съ тѣмъ, какое большинство будетъ имѣть оппозиція и какое положеніе приметъ относительно князя, начать дѣйствовать. Отношеніе собранія къ правительству скоро выяснилось: противники послѣдняго, и въ томъ числѣ даже преосвященный Аѳеимъ, приняли присягу только оберегать конституцію, не упоминая о князѣ. Отвѣтъ на тронную рѣчь долженъ былъ окончательно рѣшить судьбу министерства. Этотъ отвѣтъ превзошелъ всѣ ожиданія. Въ немъ народное собраніе отказывало князю въ титулѣ высочества и называло его свѣтлостью, поручало князю сообщить Государю Императору, что оно постановило ежегодно, при открытіи каждой сессіи, выражать свою признательность Царю-Освободителю, заявляло, что желательно бы было лучше продовольствовать солдатъ; высказывало желаніе, чтобы приняты были рѣшительныя мѣры къ прекращенію разбоевъ; выразило порицаніе министерству за его антиконституціонныя мѣры и порицаніе министру финансовъ за сдѣланныя имъ ошибки, ухудшившія экономическое положеніе страны. Князь, министерство и иностранные представители были поражены, ознакомившись съ содержаніемъ отвѣта на тронную рѣчь. Особенно нелогичнымъ и обиднымъ для князя былъ отказъ народнаго собранія признать за нимъ

титулъ высочества. Парламентская исторія не представляетъ намъ ни одного примѣра, гдѣ бы выборные народа желали уменьшить титулъ государя, который признанъ за нимъ всѣми государствами. Недавно еще Сербія стремилась добиться признанія за княземъ Миланомъ королевскаго титула; естественно, что не въ интересахъ самого болгарскаго народа унижать своего верховнаго главу. Рѣшеніе, принятое относительно титула, свидѣтельствовало, что радикальная партія пользовалась громаднымъ вліяніемъ въ собраніи. Косвенное порицаніе, выраженное военному министру относительно неудовлетворительности доставляемаго солдатамъ продовольствія, также нельзя не признать за парламентскій промахъ. Военнымъ министромъ былъ русскій генералъ, непричастный къ борьбѣ партій, и собранію слѣдовало избѣгать, по возможности, затрогивать его. Повидимому, вожаки оппозиціи сами поняли сдѣланную ими ошибку и поспѣшили объявить генералу Паренсову, что собраніе не желало выразить ему порицанія. Не менѣе безтактно было со стороны народнаго собранія дѣлать князя какъ бы выполнителемъ воли собранія, постановлявшаго приносить благодарность Царю-Освободителю. Вообще отвѣтная рѣчь произвела въ высшихъ кружкахъ Софіи удручающее впечатлѣніе. Князю не оставалось другаго исхода, какъ или принять радикальное министерство и сдѣлаться игрушкой въ рукахъ его, или же распустить народное собраніе. Крайнее направленіе собранія заставляло опасаться, чтобы болгарскій государь, съ своей стороны, не рѣшился на крайнія мѣры, то-есть не прибѣгъ бы къ государственному перевороту или же не отрекся бы отъ престола. Слухи о намѣреніи князя прибѣгнуть къ «coup d'état» передавались многими европейскими газетами, и не удивительно, если подобная мысль возникла въ головѣ болгарскаго князя. Выработанная тырновскимъ собраніемъ конституція настолько ограничиваетъ княжескую власть, что управлять столь мало развитой страной, какъ Болгарія, при существующей конституціи весьма затруднительно.

Прежде, однако, чѣмъ распустить собраніе, князь рѣшился попробовать сформировать смѣшанное министерство и для этого пригласилъ къ себѣ предсѣдателя собранія Каравелова. Неизвѣстно, въ чемъ именно заключался разговоръ князя съ Каравеловымъ, но результаты этого разговора скоро обнаружились. Предсѣдатель народнаго собранія возбудилъ вопросы о сформированіи смѣшаннаго министерства, а также о признаніи за княземъ титула высочества. Собраніе едва не рѣшило послѣдняго вопроса утвердительно и, только благодаря упорству нѣкоторыхъ наиболѣе крайнихъ, Каравеловъ не могъ достигнуть цѣли. Также неудовлетворительно рѣшенъ былъ вопросъ о смѣшанномъ министерствѣ; хотя первоначально Каравеловъ рѣшился принять въ кабинетъ двухъ членовъ консервативной партіи, но въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ своихъ друзей, взялъ свое слово, несмотря на то, что имъ представлена уже была князю программа, которой онъ намѣренъ былъ руководствоваться при

управленіи страной. Программа весьма умѣренная и почти цѣликомъ одобренная княземъ. Послѣ же того, какъ всякое соглашеніе оказалось немыслимымъ, рѣшено было распустить народное собраніе на основаніи 136 ст. конституціи. Мотивировано распущеніе было невозможностью составить такое министерство, которое дѣйствовало бы согласно со взглядомъ князя. 24 ноября послѣдовало распущеніе собранія.

Громадное большинство болгарскаго народа, будучи незнакомо съ политическою жизнью государства, едва-ли усвоило себѣ причины распущенія собранія; оппозиція же приняла всѣ мѣры, чтобы дать разъясненія въ благопріятномъ для нея смыслѣ. Имѣя за себя школу и часть духовенства, она отчасти достигла своей цѣли и еще болѣе упрочила свое положеніе. Отношеніе политическихъ партій въ Болгаріи и значеніе этихъ партій не могло быть понято массою, и даже въ Европѣ многіе не въ состояніи были опредѣлить, какъ сущность и направленіе этихъ партій, такъ и причины существующаго между ними разлада. Въ западно-европейскихъ и даже въ русскихъ газетахъ появлялись статьи, свидѣтельствовавшія о маломъ пониманіи дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Болгаріи. Только увѣренностью въ маломъ знакомствѣ русскаго общества съ княжествомъ возможно, напримѣръ, объяснить появившееся въ № 1342 «Новаго Времени» письмо лица, повидимому, хорошо знающаго Болгарію; обращаясь къ редакціи по поводу помѣщенной въ «Новомъ Времени» корреспонденціи, въ которой говорилось о радикальной и консервативной партіяхъ въ Болгаріи, авторъ письма говоритъ: «Въ интересахъ истины считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ, предшествовавшемъ министерскому кризису. Начнемъ съ того, что, по нашему мнѣнію, для вѣрной оцѣнки внутреннихъ политическихъ явленій въ Болгаріи слѣдовало бы пока воздержаться отъ исканія среди ея жителей всѣхъ этихъ консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ, существующихъ лишь въ пылкомъ воображеніи корреспондентовъ, добродушно раздавшихъ эти громкія названія лицамъ, вовсе неподозрѣвающимъ за собою всѣхъ этихъ чисто европейскихъ тонкостей. Оно и понятно. Откуда и когда могли народиться въ Болгаріи различныя политическія партіи?...

Еще въ тырновскомъ собраніи депутатовъ, разсматривавшихъ органическій уставъ, обѣ названныя группы обозначились настолько, что тогда же первую, для краткости, стали называть либеральною партіею, а вторую чиновною или консервативною. Во главѣ первой сталъ тогда предсѣдатель тогдашняго собранія, г. Каравеловъ; вторая же, простите за невольную игру словъ, повидимому, вовсе была безъ главы. Тогдашнія стремленія либераловъ были направлены къ тому, чтобы, по возможности, получить такую конституцію, которая бы, въ случаѣ нужды, могла оградить общественныя и государственныя дѣла отъ капризнаго произвола бюрократіи. Понятно, что такимъ стремленіямъ не могла сочувствовать партія противная, въ большинствѣ состоявшая изъ нарождающагося ту-

земнаго чиновничества. Извѣстно, что болѣе крупные изъ этихъ послѣднихъ всячески противодѣйствовали такъ-называемымъ либераламъ и, наконецъ, дошли до того, что перестали посѣщать собраніе депутатовъ. Протестъ этотъ, конечно, имъ не прошелъ даромъ, и Каравеловъ, въ качествѣ предсѣдателя, публично выразилъ порицаніе такому не-патріотическому ихъ поступку. Съ этого-то момента и начинается видимая «борьба».

Не чувствуя себя способнымъ къ административной дѣятельности, Каравеловъ едва-ли охотно согласится занять министерскій постъ; но если бы это случилось, то Каравеловъ, конечно, посвятитъ всѣ свои силы и способности на скорѣйшее водвореніе въ странѣ законности и конституціоннаго порядка вещей. Какъ человѣкъ солидно образованный и вѣрно понимающій общественныя нужды и государственныя задачи своей родины, Каравеловъ, надо полагать, не останется безъ вліянія на установленіе и развитіе наиболѣе выгодной для Болгаріи внѣшней политики».

Подобная статья явно написана въ разсчетѣ на совершенное незнакомство русскаго общества съ политическою жизнію княжества, такъ какъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и грѣшитъ противъ истины почти на каждой строкѣ, а, между тѣмъ, она произвела въ свое время сильное впечатлѣніе, и многіе до настоящей минуты, съ точки зрѣнія автора письма, смотрятъ на борьбу партій въ Болгаріи. Радикальное направленіе кружка, во главѣ котораго стоятъ Цанковъ и Каравеловъ, вполнѣ опредѣлилось, благодаря тѣмъ предложеніямъ, которыя они вносили, какъ въ тырновское, такъ и въ 1-е софійское собраніе *), да и сами они не разъ заявляли о своихъ убѣжденіяхъ поэтому, а причислять ихъ къ консерваторамъ, болѣе чѣмъ странно. Нельзя, однако, приписывать ихъ успѣхъ въ Болгаріи тому, что они выступили носителями крайнихъ идей. Успѣхъ этотъ обусловливается тѣмъ, что они явились также представителями національныхъ стремленій болгаръ. Смотря на нихъ, какъ на защитниковъ своихъ національныхъ интересовъ, народъ поддерживалъ ихъ и въ тѣхъ вопросахъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ національными стремленіями, являются лишь продуктомъ западнаго либерализма.

Пораженіе, понесенное консерваторами, отчасти зависитъ и отъ полнаго отсутствія въ этой партіи талантливыхъ государственныхъ дѣятелей. Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ такія личности явятся, но по распущеніи собранія князь находился въ весьма затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе невозможности пріискать въ средѣ консерваторовъ лицъ, которымъ можно бы было поручить портфели. Послѣ порицанія, выраженнаго министерству, дальнѣйшее существованіе его становилось немыслимымъ, и требовалась хотя нѣкоторая перемѣна въ составѣ кабинета. Такія личности, какъ Бурмовъ и Отанасовичъ, представляли положительно излишній грузъ для правительства, и удаленіе ихъ было рѣ-

*) Засѣданіе 27 марта.

шено тотчасъ же послѣ закрытія народнаго собранія. Балабановъ же не могъ оставаться въ министерствѣ потому, что на него падало подозрѣніе въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійцами. А, между тѣмъ, замѣнить ихъ было положительно некѣмъ. Князь рѣшился тогда пригласить епископа Климента и поручилъ ему предсѣдательствованіе въ совѣтѣ министровъ. Два другіе свободные портфеля предположено было предложить предсѣдателю румелійскаго народнаго собранія Гешову и сливенскому губернатору Икономову. Въ правительственныхъ кружкахъ возбуждался даже вопросъ о томъ, нельзя-ли отсрочить на неопредѣленное время новые выборы и управлять княжествомъ безъ народнаго собранія. Болѣе благоразумная партія одержала, однако, верхъ, и въ половинѣ декабря оффиціально объявлено было, что новые выборы назначены на 24 января 1880 года.

Замѣчательно, что все время, пока продолжался министерскій кризисъ, иностранные представители, находившіеся въ Софіи, постоянно выказывали симпатіи правительству и выражали готовность поддерживать его. Такъ, всѣ сколько-нибудь сложные международные вопросы, которые могли бы усложнить положеніе министерства, были отсрочены, и княжеству едва-ли придется переживать болѣе спокойный періодъ по отношенію къ внѣшней политикѣ; даже такой существенный вопросъ, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ въ Болгаріи, не былъ затрогиваемъ Австріей. Только одинъ представитель Англіи, г. Пальгревъ, сблизился съ оппозиціей и, видимо, сочувствовалъ ей; но будучи назначенъ англійскимъ агентомъ при Сіамскомъ королѣ, долженъ былъ покинуть Софію прежде, чѣмъ положеніе дѣлъ разъяснилось. Хотя депутатъ Стамбуловъ и опровергалъ телеграммой распространившіеся въ то время слухи, будто бы радикальная партія получаетъ mot d'ordre изъ англійскаго агентства, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что связь между этой партіей и англійскимъ представителемъ существовала. Распущеніе народнаго собранія также было одобрено иностранными дипломатическими агентами, и въ сочувствіи Европы князь нашелъ себѣ нѣкоторую опору. Къ сожалѣнію, новое министерство не въ силахъ было поддержать консервативные элементы въ Болгаріи и что особенно важно не могло разъяснить избирателямъ, въ чемъ именно оно не сходится съ оппозиціей. Если это министерство и не сдѣлало существенныхъ промаховъ, не прибѣгало къ злоупотребленію власти и не выставляло оффиціальныхъ кандидатовъ, то все же оно было слишкомъ безсодержательно для того, чтобы разсчитывать на побѣду на новыхъ выборахъ. Правда, разосланныя всѣмъ должностнымъ лицамъ телеграммы съ предписаніемъ не производить никакого давленія въ выборахъ, произвели въ княжествѣ весьма благопріятное впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе, уже въ январѣ можно было съ увѣренностію утверждать, что на новыхъ выборахъ большинство будетъ на сторонѣ радикальной партіи. Князю снова грозила опасность быть поставленнымъ между необходимо-

стію принять радикальное министерство, или вторично распустить собраніе. Наиболѣе рѣшительные противники оппозиціи начали серьезно говорить о возможности и пользѣ государственнаго переворота, который одинъ, какъ они полагали, могъ спасти Болгарію отъ предстоявшей ей гибели, въ случаѣ перехода власти въ руки радикаловъ. Слухи о государственномъ переворотѣ еще болѣе волновали массы и усиливали оппозиціонную партію.

На выборахъ, какъ и слѣдовало ожидать, консервативная партія снова потерпѣла пораженіе, хотя и менѣе жестокое, чѣмъ осенью; такъ, напримѣръ, Бурмовъ былъ избранъ въ нѣсколькихъ округахъ. 23 марта открыто было новое народное собраніе. Президентъ совѣта министровъ епископъ Климентъ въ тотъ же день подалъ въ отставку, которая и была принята княземъ. Большинство депутатовъ видимо желали избѣжать тѣхъ крайностей, которыя заставили князя прибѣгнуть къ распущенію народнаго собранія, и съ первыхъ же засѣданій этого собранія можно было видѣть, что соглашеніе съ княземъ будетъ возможно. Изъ того уже, что тронная рѣчь была принята довольно сочувственно, не трудно было понять, что страсти значительно успокоились. Тотчасъ же по принятіи отставки епископа Климента, князь призвалъ къ себѣ Каравелова, и новый кабинетъ былъ сформированъ изъ представителей большинства народнаго собранія. Президентомъ совѣта министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Цанковъ, главный руководитель радикальной партіи, человѣкъ умный и энергическій, но неполучившій серьезнаго образованія. Во время турецкаго владычества онъ пользовался расположеніемъ Мидхада-паши и считался всегда въ числѣ поклонникомъ запада. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ поддерживалъ католическую пропаганду въ Болгаріи и старался по возможности ослабить наше вліяніе. Тѣмъ не менѣе, со времени русскаго управленія въ княжествѣ онъ занималъ выдающіеся посты. Министръ финансовъ Петко Каравеловъ также не принадлежитъ къ числу ревностныхъ нашихъ сторонниковъ и считается послѣдователемъ западныхъ идей. Но за то два другіе министра перваго радикальнаго кабинета въ Болгаріи: Тишевъ—внутреннихъ дѣлъ и Стояновъ—юстиціи, искренніе приверженцы Россіи; оба получили хорошее образованіе и болѣе или менѣе подготовлены къ государственной дѣятельности. Министромъ народнаго просвѣщеніе назначенъ былъ Гозелевъ,—личность мало извѣстная. Хотя новый кабинетъ составленъ былъ изъ членовъ радикальной партіи, тѣмъ не менѣе они не сочли возможнымъ примѣнять на практикѣ тѣ идеи, которыя высказывали, и первое время даже не чувствовалось существенной перемѣны въ управленіи страной; только новые министры болѣе строго, чѣмъ ихъ предмѣстники, слѣдили за точнымъ исполненіемъ конституціи. Впрочемъ, иначе они и не могли поступать, такъ какъ они постоянно и вездѣ заявляли о себѣ, какъ о защитникахъ народныхъ правъ и конституціи, которую неоднократно нарушали кон-

серваторы для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и усиленія своей власти.

Несмотря на весьма существенныя недостатки радикальной болгарской партіи, она безспорно, болѣе чѣмъ консервативная, могла быть полезна болгарскому народу, такъ какъ среди ея есть лица несомнѣнно талантливыя и съ довольно твердыми политическими убѣжденіями, какихъ трудно найдти между болгарскими консерваторами. Правда, многія идеи, которыми руководствуются вожаки крайней партіи, положительно не примѣнимы по отношенію къ Болгаріи, но, повидимому, и сами радикалы понимаютъ это. Поэтому дѣятельность ихъ положительно не причинитъ существеннаго ущерба Болгаріи, а, напротивъ, они могутъ содѣйствовать организованію княжества, которое нуждается въ энергическихъ и способныхъ людяхъ. До открытія новой сессіи народнаго собранія министерство держало себя съ большимъ тактомъ и самъ князь, мало симпатизировавшій радикаламъ, отчасти примирился съ ними. Они же, съ своей стороны, постарались усилить его популярность. 15 октября открыта была новая сессія. Въ тронной рѣчи было обѣщано представленіе многихъ законопроектовъ, въ томъ числѣ весьма существенный законопроектъ о болгарскихъ желѣзныхъ дорогахъ. А между тѣмъ, несмотря на эти обѣщанія внести законопроектъ и удовлетворительныя отношенія, установившіяся между княземъ и министрами, оказалось, что шестимѣсячное управленіе страной поколебало министерство, консервативная партія, почти не имѣвшая ни одного депутата за себя въ прошлогоднюю сессію и явившаяся въ весьма слабомъ составѣ весною, въ октябрѣ уже располагала такимъ числомъ голосовъ, что сочла возможнымъ помѣриться силами съ радикалами. Хотя и на этотъ разъ она не одержала побѣды, но, тѣмъ не менѣе, дала почувствовать правительству, что составляетъ силу, съ которой нельзя не считаться. Чѣмъ же объяснить происшедшую въ нѣкоторыхъ депутатахъ перемѣну относительно радикальной партіи. Причину этого кажущагося страннымъ явленія надо искать въ условіяхъ, доставившихъ въ прошедшемъ году громадное большинство радикаламъ. Цанковъ, Каравеловъ и ихъ приверженцы могли привлечь къ себѣ болгарскихъ избирателей только обѣщаніемъ дѣйствовать въ національномъ духѣ, то-есть добиваться сліянія съ Румеліей, а также обѣщаніемъ содѣйствовать матеріальному благосостоянію народа; радикальныя же ихъ идеи были совершенно чужды болгарамъ. Ставши же во главѣ правительства, они, естественно, не могли дѣйствовать въ томъ духѣ, какъ обѣщали народу, и поэтому нѣкоторые депутаты примкнули къ консерваторамъ.

Извѣстно, что болгары пользуются матеріальнымъ благосостояніемъ и что большинство ихъ религіозно, — достаточно этихъ двухъ условій, чтобы препятствовать развитію въ народѣ радикальныхъ идей. Поэтому всѣ опасенія отнοсительно того, чтобы княжество не сдѣлалось со временемъ разсадникомъ радикализма, неосновательны. Какимъ авторитетомъ ни пользуется министерство Цанкова-Каравелова, но при первой же попыткѣ

провести законъ, который затрогивалъ бы тѣ принципы, которыми дорожитъ народъ, вліяніе радикаловъ должно быть подорвано. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого можетъ служить неожиданно внесенный на-дняхъ въ народное собраніе проектъ о преобразованіяхъ въ церковномъ управленіи княжества. Изъ общаго характера законопроекта, по сообщенію одного изъ корреспондентовъ, можно заключить, что теперешнее болгарское правительство желало бы, повидимому, сократить издержки на содержаніе духовенства, сократить число эпархій, привлечь къ участію въ собираніи нѣкоторыхъ церковныхъ доходовъ администрацію, видоизмѣнить отчасти характеръ монастырей и ограничить ихъ право распоряженія доходами съ ихъ имѣній. Однимъ словомъ, обнаруживается какъ будто желаніе ограничить права и привиллегіи духовенства и подчинить его болѣе свѣтскимъ властямъ. Понятно, поэтому, что духовенство, стало въ открытую оппозицію съ министерствомъ, что обнаруживается изъ пріобщенной къ законопроекту переписки министра исповѣданій по этому вопросу съ болгарскимъ экзархомъ. Экзархъ, а съ нимъ и духовенство, видитъ въ дѣйствіяхъ министерства посягательство гражданской, свѣтской власти на неприкосновенность болгарскаго церковнаго устройства и права духовенства, издавна освященныя обычаями и уставами, особенно послѣднимъ уставомъ болгарской экзархіи, общимъ для всѣхъ болгарскихъ эпархій; они видятъ въ законопроектѣ опасный шагъ къ обособленію болгарской церкви въ княжествѣ отъ остальной церкви внѣ его предѣловъ, въ то время, когда послѣ раздробленія территоріи, населенной болгарскимъ племенемъ, единство церковнаго устройства и управленія явилось единственнымъ признакомъ общеболгарскаго единства. Хотя въ этомъ законопроектѣ и не затрогиваются прямо тѣ принципы, которыми дорожитъ народъ, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на многихъ болгаръ весьма неблагопріятное для правительства впечатлѣніе и возбудилъ въ оппозиціи надежды свергнуть министерство. Несмотря на то, что эти надежды не оправдались, рискованный шагъ правительства значительно ослабилъ его и можетъ повлечь за собой перемѣны въ его составѣ.

Послѣдуютъ-ли такія перемѣны или нѣтъ, для Россіи это не имѣетъ существеннаго значенія. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, то-есть со времени открытія тырновскаго народнаго собранія и до настоящей минуты, Россія держала себя относительно болгаръ съ рѣдкою осторожностью и не оказывала непосредственнаго вліянія на народъ въ интересахъ той или другой партіи, а, между тѣмъ, слова Россіи имѣли бы рѣшающее значеніе въ борьбѣ партій. Наши интересы требовали отъ насъ подобной сдержанности, и нельзя не признать, что, благодаря этой сдержанности, мы много выиграли. Теперь нашъ авторитетъ нисколько не поколебленъ въ Болгаріи, и ни одна изъ политическихъ партій не можетъ упрекнуть насъ, тогда какъ дѣйствуя въ интересахъ которой либо изъ нихъ, мы должны бы были раздѣлять съ ней отвѣтственность за ея промахи и дали бы такимъ

образомъ поводъ къ серьезнымъ обвиненіямъ противъ насъ. Былъ моментъ, однако, когда поразительный успѣхъ радикаловъ возбудилъ было опасенія относительно будущности княжества, но увѣренность въ твердость принциповъ болгарскаго народа разсѣяла всѣ эти опасенія. Послѣднія событія доказываютъ, что мы не ошибались въ разсчетѣ;—пройдетъ, можетъ быть, еще нѣсколько мѣсяцевъ, и настоящій кабинетъ вынужденъ будетъ подать въ отставку. Намъ, впрочемъ, нѣтъ основаній, особенно желать паденія министерства, но не трудно предвидѣть его.

Болгарское княжество видимо начинаетъ привыкать къ самостоятельной политической жизни, и въ настоящее время можно уже съ увѣренностію сказать, что самъ народъ съумѣетъ создать себѣ такія условія самоуправленія, которыя будутъ отвѣчать его дѣйствительнымъ потребностямъ, и отброситъ все то, что повѣяло извнѣ и не имѣетъ для себя почвы въ Болгаріи. Но прежде чѣмъ онъ достигнетъ этого, пройдетъ еще много лѣтъ, и ошибки, сдѣланныя при первыхъ шагахъ политической жизни, долго еще будутъ тяжело отзываться на болгарскомъ народѣ.

Впрочемъ, отвѣтственность за многія ошибки должна падать также и на великія державы, принимавшія участіе въ Берлинскомъ трактатѣ.

P.S. Статья была уже написана, какъ получено было извѣстіе о паденіи министерства Цанкова, котораго замѣнилъ Каравеловъ.

Влад—овъ.

Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы.

Наше общество стало въ послѣднее время слѣдить за общественною жизнью государствъ Запада съ живымъ интересомъ. Политическія движенія среди населенія этихъ государствъ, расположеніе и борьба партій, экономическое и интеллектуальное развитіе народовъ, общій духъ направленія ихъ внутренней политики—все это привлекаетъ вниманіе русскаго общества и возбуждаетъ въ немъ оживленные толки. И это совершенно естественно. Солидарность народовъ Европы становится годъ отъ году все тѣснѣе и тѣснѣе, и русскій народъ не можетъ отказаться отъ этого прогрессивнаго движенія. Экономическія и политическія событія внутри одного государства сейчасъ же отражаются не только на международной политикѣ, но и на внутренней жизни другихъ государствъ, а въ томъ числѣ и на русской жизни. Исторія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ представляетъ разительные примѣры этого. Когда, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сначала въ Пруссіи, а потомъ и въ другихъ государствахъ, сталъ развиваться милитаризмъ, то это направленіе не прошло безслѣдно и для нашего отечества. Численность войскъ при новой системѣ воинской повинности, прямо заимствованной отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, возросла въ нѣсколько разъ, и вмѣстѣ съ этимъ возвысился и бюджетъ военнаго министерства. Соціалистическое движеніе на Западѣ тоже до нѣкоторой степени отразилось и у насъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно указать лишь на то обстоятельство, что въ истекшемъ году во всѣхъ почти государствахъ Европы либеральное направленіе взяло верхъ надъ консервативнымъ, что и повлекло за собою рядъ министерскихъ кризисовъ. Министерскіе кризисы, какъ слѣдствіе измѣненія въ направленіи общественнаго сознанія большинства народа, поскольку оно выражается въ убѣжденіяхъ народныхъ представителей въ парламентѣ, представляетъ явленіе, свойственное вообще только государствамъ съ представительной формой правленія. Въ государствѣ самодержавномъ министерскихъ кризисовъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова быть не можетъ. Но и въ нашемъ отечествѣ подъ конецъ года стало какъ-то

либеральнѣе и легче, и вмѣстѣ съ этимъ мы видимъ цѣлый рядъ перемѣнъ въ составѣ нашихъ министерствъ; отъ этихъ перемѣнъ всѣ не безъ основанія ждутъ многаго лучшаго и отчасти уже убѣждаются въ справедливости такихъ ожиданій. Такимъ образомъ, либеральное вѣяніе на Западѣ не прошло безслѣдно и для насъ. И на пути реформъ, и совершенствованій, по которому, повидимому, снова двинулась Россія, нельзя удержаться отъ сравненія своего собственнаго положенія съ состояніемъ другихъ государствъ. Такое сравненіе, кромѣ общаго интереса, имѣетъ и практическое значеніе. Наблюдая за жизнью другихъ народовъ, можно избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, въ которыя они впадали, можно пользоваться ихъ опытностью, самостоятельное пріобрѣтеніе которой часто обходится слишкомъ дорого, можно примѣнять то, что полезно для усвоенія и не противорѣчитъ особенностямъ нашего общественнаго строя, и не мудрено поэтому, что въ нашемъ обществѣ такъ интересуются политическою жизнію государствъ Запада, болѣе стараго и опытнаго, сравнительно съ нашимъ отечествомъ, въ вопросахъ государственной практики и культуры.

Жизнь эта, за послѣднее время, достигла высокой степени напряженія. Политическія событія самаго различнаго характера такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что наблюдатель невольно подавляется ихъ богатствомъ и разнообразіемъ. При такой торопливой смѣнѣ явленій очень трудно уловить ихъ внутренній смыслъ и значеніе, и чтобы не потеряться въ массѣ матеріала и уяснить себѣ содержаніе внутренней политической жизни конституціонныхъ государствъ, необходимо обратиться къ нѣкоторымъ общимъ основаніямъ политической жизни этихъ государствъ.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на конституціонный строй государства. Отъ характера конституціи зависитъ все, что совершается въ политическомъ мірѣ государства. Поэтому мы не будемъ уклоняться отъ сопоставленія разсматриваемаго событія съ основными законами государства и уясненія соотношенія между этими законами и политическими событіями въ государствѣ.

Въ конституціонныхъ государствахъ рѣшеніе каждаго вопроса зависитъ, главнымъ образомъ, отъ отношенія къ нему общественнаго сознанія, на сколько это сознаніе выражается большинствомъ народныхъ представителей. Поэтому всегда интересно знать, какъ распредѣлены представители народа по политическимъ партіямъ, въ чемъ состоятъ программы дѣйствій этихъ партій и которой изъ нихъ принадлежитъ большинство. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ вопросѣ, въ виду его важности.

Необходимо различать понятіе о политической партіи отъ родственныхъ ему понятій. Съ политическою партіей нельзя смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, различныя общества съ болѣе или менѣе революціонными политическими тенденціями. Такія общества, обыкновенно тайныя, стремятся достигнуть какого-либо государственнаго переворота всякими средствами, незаконными и недозволенными. Непосредственнаго и от-

крытаго вліянія въ предѣлахъ узаконеннаго порядка въ государствѣ они на управленіе не имѣютъ, чѣмъ и отличаются отъ политическихъ партій. Точно также къ понятію политической партіи не подойдетъ временная или случайная сходка гражданъ, которая возникаетъ тогда, когда какой-либо вопросъ такъ возбуждаетъ народныя страсти, что извѣстная часть его сама берется за разрѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, требуетъ немедленнаго его разрѣшенія въ извѣстномъ смыслѣ. Такія соединенія гражданъ государства имѣютъ скоропреходящій характеръ, тогда какъ партіямъ свойственна бо́льшая или меньшая устойчивость. Вотъ почему, съ этой точки зрѣнія, не были политическими партіями якобинцы во Франціи, карбонаріи въ Италіи, точно также, какъ не имѣютъ ничего общаго съ политическими партіями тѣ тайныя революціонныя общества, которыя появились у насъ въ Россіи. Точно также нельзя назвать политическою партіею и цѣлую область, возставшую противъ правительства.

Подъ политической же партіей разумѣется такая группа подданныхъ государства, которая, стремясь дать извѣстное направленіе дѣятельности правительства, создать извѣстныя учрежденія, можетъ, въ легальной, установленной самой конституціей государства формѣ, участвовать чрезъ своихъ представителей въ дѣлѣ управленія или же, по крайней мѣрѣ, вліять на правительство. Политическая партія имѣетъ опредѣленныя убѣжденія и программу дѣйствій. Для проявленія своихъ убѣжденій и для осуществленія своей программы политическая партія обыкновенно создаетъ для себя нѣкоторую внутреннюю организацію и всегда имѣетъ изъ своей среды предводителей. Въ исключительныхъ случаяхъ, въ разгарѣ политическихъ страстей, средства для достиженія поставленною партіею цѣли могутъ быть и насильственныя; но при нормальномъ теченіи государственной жизни политическая партія дѣйствуетъ въ предѣлахъ порядка, хотя и стремится измѣнить этотъ порядокъ согласно съ своими убѣжденіями о народномъ благѣ. Съ другой стороны, внѣшними, насильственными мѣрами почти невозможно уничтожить политическую партію; она будетъ таить свои политическія убѣжденія до болѣе удобнаго времени, чтобы тогда съ новой энергіею приняться за осуществленіе ихъ. Но за то съ достиженіемъ предположенной цѣли, съ измѣненіемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвали существованіе партіи, или же, съ устарѣлостью ея убѣжденій для жизни, она часто, сама собою, безъ всякаго посторонняго вліянія, теряетъ всякое жизненное значеніе и распадается, уступая мѣсто другимъ. Такъ постепенно теряютъ свое значеніе націоналъ-либералы въ Пруссіи, легитимисты и бонапартисты во Франціи.

Въ разныхъ государствахъ и въ разное время группировка населенія по партіямъ бываетъ весьма различна. Извѣстна обычная классификація партій на консервативную и либеральную, съ дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ на умѣренную и крайнюю. Такая классификація соотвѣтствуетъ

главнѣйшимъ направленіямъ, существующимъ въ политической жизни каждаго государства. Но она страдаетъ неполнотою и нѣкоторою общностью. И либеральное, и консервативное направленія не имѣютъ значенія сами по себѣ, взятыя отдѣльно отъ тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя они стремятся опредѣлить такъ или иначе. Населеніе не распадается въ наше время по группамъ изъ-за абстрактныхъ идей; сами идеи и принципы, напротивъ, возникаютъ изъ условій и требованій жизни. Эти-то условія и требованія и служатъ основаніемъ для образованія политическихъ партій, которыя могутъ быть также разнообразны, какъ разнообразны условія и требованія всякой общественной и государственной жизни. Партіи возникали изъ-за разрѣшенія вопросовъ государственнаго устройства, какъ, напр., роялисты и республиканцы во Франціи, республиканцы и демократы въ Сѣверной Америкѣ, изъ-за вопросовъ религіи, какъ, напр., политическія партіи въ эпоху реформаціи, изъ-за племеннаго происхожденія, изъ-за различія въ соціальномъ положеніи, изъ-за угнетенія одного класса другимъ, и т. д. Весьма часто въ направленіи партіи ясно сказываются смѣшанные мотивы, напр., религіозный и политическій вмѣстѣ. Далѣе, при появленіи новаго важнаго политическаго вопроса возможна и новая группировка партій сообразно съ тѣмъ, какъ отнесется къ этому вопросу общество. Даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Англіи, партіи существуютъ цѣлыя столѣтія, онѣ не имѣютъ характера неподвижности и способны мѣнять свое направленіе, смотря по тѣмъ вопросамъ, которые ими обсуждаются. Самое понятіе о свободѣ, которое служитъ главнымъ основаніемъ для классификаціи партій на либеральную и консервативную, получаетъ опредѣленное значеніе только по отношенію къ извѣстному реальному явленію, т. е. къ какому-либо политическому вопросу, подлежащему рѣшенію. Въ каждомъ государствѣ всегда поэтому найдутся фракціи, которыя не подойдутъ подъ рубрики либерализма и консерватизма. Вотъ почему нельзя ограничиться схемой дѣленія партій на консервативную и либеральную, радикальную и абсолютическую, и необходимо всякій разъ точнѣе опредѣлить группировку партій и направленій. Только отдавъ себѣ отчетъ объ отношеніяхъ партій въ государствѣ къ вопросамъ, возникающимъ въ его внутренней жизни, можно ясно представить себѣ смыслъ его внутренней политики.

Помимо значенія для уясненія хода политической жизни другихъ государствъ, наблюденіе надъ расположеніемъ и направленіемъ политическихъ партій въ этихъ государствахъ не лишено нѣкотораго интереса и спеціально для насъ, русскихъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы и у насъ стало слагаться нѣчто въ родѣ политическихъ партій, стали вырабатываться и опредѣляться программы различныхъ направленій. Движеніе это, весьма важное и благотворное для развитія политическаго самосознанія народа, стало въ текущемъ году, благодаря болѣе мягкому отношенію къ нему нашего правительства, еще замѣтнѣе. Наблюденія надъ дви-

женіемъ политическихъ партій на Западѣ можетъ быть не безполезно для уясненія аналогичнаго явленія у насъ.

Не менѣе важное значеніе представляетъ и отношеніе правительства (государя и министерствъ) къ партіямъ. Существуетъ мнѣніе, что правительство должно стоять совершенно независимо отъ партій. Но въ большинствѣ случаевъ это фактически невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ первенствующее значеніе принадлежитъ только двумъ партіямъ, поочередно занимающимъ политическое преобладаніе, правительство, конечно, не имѣетъ выбора,— оно должно идти за преобладающею партіею. Такъ англійское правительство должно было круто повернуть свою внутреннюю и внѣшнюю политику послѣ побѣды либераловъ. Но и тамъ, гдѣ положеніе партій менѣе опредѣленно, всегда образуются болѣе или менѣе тѣсныя отношенія между правительствомъ и тою или другою партіею. Отъ такихъ отношеній не могъ уклониться даже желѣзный канцлеръ Бисмаркъ, несмотря на свою систему лавированія между партіями. И вообще между положеніемъ правительства и большинствомъ представителей существуетъ самая тѣсная связь и соотношеніе. Это особенно замѣчается относительно положенія кабинета. Измѣненіе направленія въ большинствѣ представителей въ палатахъ сейчасъ же отражается на дѣятельности министерства, и, наоборотъ, дѣятельность кабинета не остается безъ вліянія на группировку представителей въ партіи. Отъ министерства зависитъ сохранить за собою большинство и даже усилить его, или же довести дѣло до того, что большинство, поддерживающее его, будетъ все болѣе и болѣе слабѣть, пока не распадется. Съ другой стороны, правительство можетъ только тогда дѣйствовать твердо, послѣдовательно и рѣшительно, когда имѣетъ за собою большинство народныхъ представителей. Въ этомъ сказывается проявленіе того общаго государственнаго закона, что правительство сильно только тогда, когда пользуется сочувствіемъ общества. Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ, при обозрѣніи внутренней жизни того или другаго государства, указывать на отношенія правительства его къ большинству представителей и къ существующимъ въ странѣ политическимъ партіямъ.

Только опредѣливъ отношенія между партіями и правительствомъ и уяснивъ такимъ путемъ направленіе общественнаго сознанія большинства и ту степень силы, съ которою оно можетъ выражаться въ своемъ вліяніи на политику государства, будемъ мы приступать къ разсмотрѣнію событій внутренней жизни государствъ и тѣхъ вопросовъ, которые ими вызваны; и то рѣшеніе, которое по нимъ послѣдовало, будетъ для насъ, послѣ такого предварительнаго взгляда на конституціонное положеніе страны, понятнѣе.

Но ежемѣсячный журналъ не можетъ давать своимъ читателямъ отчета о всѣхъ политическихъ и общественныхъ явленіяхъ въ государствахъ Запада. Для этого потребовались бы цѣлые томы; къ тому же подобное

обозрѣніе было бы слишкомъ неудобно для чтенія и представляло бы много не интереснаго, такъ какъ въ каждомъ государствѣ ежедневно происходятъ событія, имѣющія лишь узкое мѣстное значеніе и лишенныя общаго интереса. На такихъ явленіяхъ мы останавливаться не будемъ, сосредоточивая вниманіе читателей на важныхъ и болѣе общихъ событіяхъ внутренней жизни иностранныхъ государствъ. Но и среди этихъ выдающихся событій, мы будемъ выдѣлять такія, которыя почему-либо имѣютъ аналогичное значеніе съ какими-либо явленіями нашей русской политической жизни.

Замѣтимъ еще, что въ нашемъ обозрѣніи мы иногда, въ силу приведенныхъ соображеній, выставляемъ на первое мѣсто государства второстепенныя съ точки зрѣнія политическаго могущества. Въ этомъ отношеніи мы, быть можетъ, пойдемъ до нѣкоторой степени въ разрѣзъ съ привычками части читающей публики. Наше общество, какъ мы уже говорили, съ интересомъ слѣдитъ за жизнію другихъ государствъ. Но у насъ интересуются преимущественно тѣми государствами, которыя въ данное время играютъ преобладающую роль въ международной политикѣ. Если государство могущественно въ военномъ отношеніи, если оно угрожаетъ мирному сосуществованію государствъ и, въ особенности, если оно находится въ состояніи войны, мы внимательно слѣдимъ и за внутреннею его жизнію. Если даже и не очень сильное государство вызываетъ международное столкновеніе,—мы не прочь бросить взглядъ на его внутреннее состояніе; но за то если народъ издавна живетъ мирно и, развивая свое внутреннее благосостояніе, находитъ возможнымъ не затрогивать чужихъ интересовъ, мы не интересуемся его внутреннимъ бытомъ и охотно забываемъ про него, сохраняя о немъ, да и то не всегда, лишь тѣ немногія свѣдѣнія, которыя когда-то добыты изъ учебниковъ. Изрѣдка появляются о такихъ государствахъ извѣстія на столбцахъ нашихъ газетъ, но и они вскользь и неохотно читаются публикою.

А между тѣмъ, среди этихъ забытыхъ народовъ есть такіе, которые и по своей исторіи, и по современному положенію, представляютъ много интереснаго для наблюденія. Нѣкоторые изъ нихъ и потому еще заслуживаютъ вниманія, что въ общественномъ строѣ своемъ имѣютъ черты, близко напоминающія характерныя стороны нашего общественнаго быта.

О событіяхъ внутренней жизни такихъ государствъ мы считаемъ необходимымъ говорить въ нашемъ обозрѣніи.

Прежде чѣмъ перейти къ очередному обозрѣнію текущихъ событій въ государствахъ Запада, бросимъ взглядъ на событія прошедшаго года.

1880 годъ былъ особенно богатъ событіями, реформами и борьбою во внутренней жизни всѣхъ почти государствъ Европы. Внутренняя политическая жизнь ихъ достигла такого напряженія, что поглотила всѣ силы ихъ, почти совершенно отвлекая дѣятельность ихъ правительствъ отъ международной политики. Вотъ почему въ области международныхъ отно-

шеній замѣчалась такая вялость и нерѣшительность. Такъ, напр., не смотря на всю важность, которую придавала европейская дипломатія вопросу объ исполненіи постановленій Берлинскаго конгресса, о регулированіи границъ Турціи, о внутреннихъ реформахъ въ самыхъ предѣлахъ Оттоманской Имперіи, дѣло не пошло далѣе фальшивой демонстраціи. Соединенная эскадра, постоявши нѣсколько мѣсяцевъ на мѣстѣ, спокойно разошлась, никого не обидѣвъ. Державы, принимавшія участіе въ этой демонстраціи, не рѣшились принять серьезныхъ мѣръ противъ Турціи. Еще тщательнѣе старались европейскія державы отклонить всякую возможность международнаго столкновенія. Если возникало малѣйшее подозрѣніе въ возможности воинственныхъ намѣреній въ какомъ-либо государствѣ, то это сейчасъ приводило всѣхъ въ тревогу, и само заподозрѣнное государство, встревоженное не менѣе другихъ, старалось увѣрить другія державы въ своихъ миролюбивыхъ стремленіяхъ. Программы всѣхъ кабинетовъ дружно отказываются отъ всякихъ враждебныхъ намѣреній въ международной сферѣ и выставляютъ на первый планъ внутренніе интересы государства, внутреннія реформы и улучшенія.

Такой поворотъ дѣятельности правительствъ отъ внѣшней политики къ внутренней замѣчается рѣшительно во всѣхъ государствахъ. Объясненіе этого явленія можно искать въ томъ, постоянно проявляющемся въ исторіи, законѣ, которому присвоено названіе реакціи. Предшествующіе года международная политика поглощала почти все вниманіе европейскихъ правительствъ, которымъ часто было не до внутреннихъ реформъ. А между тѣмъ, развитіе народной жизни шло своимъ чередомъ и накопляло мало-по-малу рѣшительныя требованія соотвѣтственныхъ измѣненій и въ общественномъ строѣ. Съ другой стороны, натянутость отношеній между нѣкоторыми государствами Европы заставляла ихъ, въ заботѣ о самосохраненіи, готовиться къ защитѣ и увеличивать свои военныя силы, на что, конечно, нужны были значительныя средства. Милитаризмъ тяжелымъ гнетомъ ложился на отягощенное налогами населеніе и, какъ всегда, не остался безъ вліянія и на направленіе внутренней политики правительствъ, сообщая ей бо́льшую жесткость. Все это вмѣстѣ до поры до времени терпѣливо переносилось народами, пока, наконецъ, не стало вызывать нѣкотораго, подъ часъ и энергичнаго протеста. Въ прошломъ году мы видѣли уже результаты такого протеста, выразившагося въ требованіи обратить дѣятельность правительствъ на внутреннія отношенія государствъ и въ реакціи противъ чрезмѣрнаго вниманія къ международной политикѣ. Реакція эта представляетъ весьма характерное явленіе въ политической жизни прошлаго года.

Всматриваясь ближе во внутреннюю политическую жизнь европейскихъ государствъ, мы замѣчаемъ и другое, не менѣе характерное, явленіе. Во всѣхъ государствахъ мы видѣли упорную, дѣятельную борьбу по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ государственной жизни. Борьба ведется на

выборахъ, борьба ведется, и не менѣе энергичная, въ парламентѣ,—между преобладающею политическою партіею и оппозиціею; за послѣднее десятилѣтіе ни въ одномъ году не было столько министерскихъ кризисовъ, сколько ихъ было въ нынѣшнемъ году. Все наше прошлогоднее обозрѣніе было въ сущности лишь рядомъ связанныхъ между собою эпизодовъ изъ этой борьбы. Мы напомнимъ читателямъ ту грандіозную борьбу, которая произошла въ Англіи на выборахъ въ депутаты, борьбу между республиканской партіей и монархистами во Франціи, столкновеніе германскаго правительства съ римскою церковью, борьбу государства съ церковью во Франціи и Бельгіи, почти открытое возмущеніе Ирландіи и т. д. и т. д. Правда, подобныя столкновенія встрѣчались и раньше, но они не имѣли того всеобщаго, захватывающаго всю государственную жизнь и напряженнаго характера, какой они получили въ истекшемъ году.

Будучи явленіемъ всеобщимъ для большинства государствъ Европы, политическая борьба имѣла почти всегда и результаты одинаковые. Побѣда оставалась на сторонѣ того направленія, которое носитъ общее названіе либеральнаго. Самый крупный примѣръ представляетъ безспорно Англія, гдѣ побѣда либеральной партіи надъ консерваторами обратила на себя вниманіе всей Европы. Подобныя же явленія, хотя, быть можетъ, и не столь выразительныя, произошли и въ другихъ государствахъ. Въ Италіи мы видимъ либеральный кабинетъ, въ Испаніи—тоже, въ Австріи существующее министерство тоже держится либеральнаго направленія, на сколько это возможно въ Австріи; въ Пруссіи, гдѣ народное представительство издавна привыкло подчиняться вліянію князя Бисмарка, мы видимъ такую оппозицію со стороны либераловъ, которая не можетъ не удивить всякаго человѣка, знакомаго съ прежними порядками прусскаго парламента. Во Франціи мы видимъ даже нѣкоторое увлеченіе своимъ могуществомъ со стороны республиканской партіи, которая потребовала нѣкоторыхъ реформъ, слишкомъ обременительныхъ для противниковъ этой партіи. Впрочемъ, это увлеченіе объясняется тѣмъ переходнымъ состояніемъ, которое переживаетъ теперь Франція, такъ же, какъ и нѣкоторыя другія державы, послѣ перемѣны направленія своего правительства.

Преобладаніе либеральнаго направленія въ политикѣ правительствъ сейчасъ же отразилось и на характерѣ тѣхъ реформъ, которыя отчасти задуманы, отчасти же приведены въ исполненіе. Финансовыя реформы, поднятіе уровня народнаго образованія, болѣе свободныя и правильныя формы электоральной системы,—вотъ что составляетъ задачи этихъ реформъ. Конечно, не сразу дадутъ онѣ благотворные результаты, не сразу будутъ даже проведены въ жизнь, причемъ быть можетъ имъ придется выдержать не легкую борьбу съ прежнимъ направленіемъ. Но безъ борьбы ничего не дается человѣку, и она есть необходимое условіе всякаго переходнаго времени. Во всякомъ случаѣ, нельзя не сочувствовать тому, что если истекшій годъ и былъ годомъ перехода, то переходъ этотъ былъ

отъ худшаго къ лучшему, отъ тяжелаго къ болѣе легкому, отъ несвободнаго къ болѣе свободному, и что въ такомъ общемъ для всей Европы явленіи приняло участіе и наше отечество.

Въ высшей степени интересную эпоху переживаетъ теперь соединенное королевство Великобританіи. Цѣлая часть его, выведенная изъ терпѣнія результатами того многовѣковаго гнета, который она выносила отъ англійскаго правительства, стремится къ самостоятельности въ то время, когда либеральнѣйшій кабинетъ изъ всѣхъ кабинетовъ Европы употребляетъ всѣ средства, чтобы улучшить положеніе страны, и въ этомъ направленіи заходитъ такъ далеко, что даже рискуетъ своимъ собственнымъ положеніемъ. Легко видѣть, что положеніе дѣлъ въ Ирландіи захватываетъ самое существо англійской конституціи и въ ширину, и въ глубину; въ ширину — потому, что ирландцы стали теперь думать объ отдѣленіи отъ Англіи; въ глубину — потому, что притязанія ирландцевъ по вопросу о земельныхъ реформахъ касаются самой характеристичной черты англійской конституціи—ея аристократическаго оттѣнка. Извѣстно, что верхняя палата наполняется англійскими лордами, званіе которыхъ пріобрѣтается путемъ наслѣдства. Привиллегіи ихъ связаны съ извѣстными аграрными законами, чрезвычайно затрудняющими переходъ земельной собственности къ лицамъ изъ другихъ сословій. Лорды глубоко привязаны къ своимъ традиціоннымъ привиллегіямъ и упорно настаиваютъ на ихъ неприкосновенности. Между тѣмъ, ирландцы требуютъ измѣненія именно тѣхъ аграрныхъ законовъ, которые такъ выгодны для лордовъ; и лорды очень хорошо знаютъ, что отмѣна существующихъ аграрныхъ законовъ въ Ирландіи повлечетъ за собою соотвѣтственную реформу и въ Англіи. А съ такою реформою неминуемо долженъ потерять свое преобладающее значеніе и аристократическій элементъ всей англійской конституціи, которая приметъ тогда болѣе народный характеръ.

Ирландскій вопросъ отразился и на расположеніи политическихъ партій въ Англіи. Намъ приходилось уже указывать на то, что главная причина побѣды либераловъ, на послѣднихъ выборахъ, заключалась въ соединеніи съ ними всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Виги, радикалы, ирландцы— всѣ соединились, чтобы дружнѣе дѣйствовать противъ консервативной партіи. Мотивомъ такого соединенія было общее желаніе обратить дѣятельность правительства на внутреннія реформы. Но сходясь въ своей программѣ относительно необходимости внутреннихъ реформъ, партіи очень далеко расходились между собою въ самыхъ способахъ ихъ практическаго осуществленія. Эта рознь сейчасъ же обнаружилась при обсужденіи перваго же билля по ирландскому земельному вопросу. Оказалось, что возрѣнія представителей, повидимому единомыслящихъ партій, находятся между собою въ прямомъ противорѣчіи. Вожаки виговъ стоятъ гораздо ближе къ оппозиціи, чѣмъ къ ирландцамъ. Ирландцы не довольны радикалами, съ которыми шли рука объ руку на выборахъ, а радикалы не со-

всѣмъ сочувственно относятся ко всѣмъ требованіямъ ирландцевъ, считая требованія эти чрезмѣрными и преждевременными. Таково было положеніе партій при закрытіи парламента.

Но за время перерыва его сессіи измѣнилось многое, хотя и въ томъ же направленіи. Рознь между партіями усилилась. Теперь возможенъ даже вопросъ: представляютъ-ли ирландцы политическую партію въ общепринятомъ смыслѣ этого слова? И едва-ли можно отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, аграрныя преступленія, неизбѣжныя и прежде при экономическомъ состояніи рабочаго класса въ Ирландіи, получили въ послѣднее время послѣдовательный, систематическій и нравственно-организованный характеръ; преступленія эти имѣютъ видъ исполненія приговоровъ тайнаго суда надъ землевладѣльцами; преступленіями руководитъ такъ-называемая земельная лига, — учрежденіе съ особымъ судомъ, исполнителями своихъ рѣшеній, выработанною организаціею и съ значительными денежными средствами; агитація, предпринятая въ громадныхъ размѣрахъ по всей странѣ, ставитъ себѣ цѣлью радикальное измѣненіе основныхъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія между классами населенія Ирландіи; конечнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли предполагается отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи, т. е. сверженіе въ предѣлахъ отдѣляющейся территоріи верховной власти существующаго правительства. Легко видѣть, что здѣсь совмѣщаются всѣ признаки такого состоянія народа, которое предшествуетъ открытому возмущенію; съ точки же зрѣнія заинтересованнаго правительства, дѣйствія членовъ земельной лиги и агитаторовъ имѣютъ специфическій характеръ государственныхъ преступленій. Такое состояніе имѣетъ весьма мало общаго съ нормальнымъ положеніемъ политической партіи въ конституціонномъ государствѣ.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ и положеніе кабинета становится довольно неловкимъ. Полагаютъ, что ирландскій вопросъ вызоветъ серьезныя распри въ самомъ кабинетѣ, и уже въ этомъ направленіи появлялись нѣкоторые симптомы. Хотя только одинъ изъ членовъ министерства лично и непосредственно, въ качествѣ ирландскаго землевладѣльца, заинтересованъ въ разрѣшеніи ирландскаго земельнаго вопроса, тѣмъ не менѣе въ кабинетѣ Гладстона есть многія лица, которыя съ ужасомъ отступаютъ отъ всякаго радикальнаго измѣненія аграрныхъ законовъ въ Ирландіи и скорѣе готовы будутъ принять самыя жестокія реппрессивныя мѣры противъ обнищалаго населенія Зеленаго острова. Впрочемъ, до сихъ поръ всѣ мѣры, уже принятыя, или только предполагавшіяся министерствомъ, вполнѣ совпадаютъ съ либеральнымъ направленіемъ его.

Изыскивая средства для прекращенія анархіи въ Ирландіи, англійское правительство до сихъ поръ отказывалось отъ введенія въ ней осаднаго положенія и отъ отмѣны habeas corpus, какъ это требовали представители консервативной партіи. Усиленіе полицейскаго надзора и отправка военныхъ отрядовъ предприняты только, какъ предосторожность для успо-

коенія общества. Средствомъ для борьбы съ анархіей и для устраненія безпорядковъ признано преданіе суду предводителей земельной лиги и агитаторовъ и, затѣмъ, внесеніе въ парламентъ билля о реформахъ въ аграрныхъ законахъ Ирландіи.

Посмотримъ, какое значеніе могутъ имѣть эти мѣры и насколько онѣ соотвѣтствуютъ состоянію Ирландіи. Мы видѣли, что безпорядки и аграрныя преступленія, совершаемыя въ Ирландіи, носятъ характеръ политическихъ преступленій. Очевидно, что и средства для борьбы съ ними должны быть приняты такія, какія признаны государственною практикою и наукою, какъ наиболѣе удобныя для прекращенія государственныхъ преступленій.

Историческій опытъ и послѣднее слово науки показываютъ, что въ ряду тѣхъ мѣръ самообороны, которыя государство, въ силу самого своего существованія, должно принимать для борьбы съ политическими преступленіями, судъ есть орудіе наиболѣе дѣйствительное и цѣлесообразное. Только раціональная организація судебныхъ учрежденій, обставленная всѣми гарантіями и условіями справедливости, какія выработаны наукою, опирающаяся на общественное сознаніе народа и дѣйствующая согласно требованіямъ этого сознанія, можетъ принести вѣрную помощь государству при преслѣдованіи преступленій, направленныхъ противъ государства.

Такое преслѣдованіе представляетъ вообще не легкую задачу. Здѣсь приходится сталкиваться не съ одними поступками, но и съ мыслями и убѣжденіями, часто глубоко искренними и добросовѣстными, и только проявившимися въ преступной формѣ. При политическихъ преступленіяхъ часто сильно возбуждаются политическія страсти, и само государство, въ лицѣ своего правительства, является заинтересованною стороною, что значительно усложняетъ дѣло. Наконецъ, политическія преступленія, какъ наиболѣе опасныя для всего общественнаго строя, всегда сильно волнуютъ общество. Опытъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ всѣ торопливыя полицейскія мѣры, или хотя бы и судъ, но судъ, оторванный отъ его нормальной связи съ обществомъ и поставленный подъ вліяніе высшаго или административнаго начала, приносятъ сравнительно мало удачные результаты, такъ какъ при этихъ условіяхъ изъ борьбы выдѣляется тотъ элементъ, который имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ первенствующее значеніе, именно общественное сознаніе. Нормальный же судъ, осторожный и справедливый, поступающій согласно съ общественными убѣжденіями, можетъ разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ политическими преступленіями вѣрнѣе, чѣмъ всѣ другія мѣры; во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ принести того вреда, который такъ часто является слѣдствіемъ слишкомъ рѣзкаго примѣненія репрессивныхъ мѣръ чисто административнаго характера.

Но бываютъ въ жизни государствъ эпохи, когда политическія преступленія нарушаютъ общественный порядокъ съ особою послѣдовательностію. Это бываетъ тогда, когда въ самомъ строѣ государства есть какіе-либо серьезные недостатки, несогласные съ потребностію всего народа или части его. Политическія преступленія являются въ этомъ случаѣ лишь симптомами общаго страданія государства. Въ подобныхъ случаяхъ, на ряду съ судомъ, необходимымъ и единственнымъ исходомъ представляются такія государственныя реформы, которыя могли бы соотвѣтствовать разумнымъ требованіямъ общества.

Таково именно въ настоящее время и положеніе Ирландіи. И, смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что мѣры, которыя хочетъ примѣнить въ Ирландіи кабинетъ Гладстона, вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ государственной мудрости и либеральному направленію кабинета.

Преданіе ирландскихъ агитаторовъ суду и аграрныя реформы въ Ирландіи должны имѣть успокоительное вліяніе на всю страну. Если же эти мѣры и не приведутъ къ желаннымъ результатамъ,—то это уже не вина либеральнаго кабинета. Дѣло въ томъ, что всякая государственная мѣра, какъ бы разумна она ни была сама по себѣ, нуждается для успѣшнаго примѣненія еще въ одномъ условіи — въ своевременности. Ирландскій же кризисъ возникъ и развился еще при Биконсфильдѣ, которому и принадлежали первыя мѣры противъ него,—мѣры совершенно противуположныя либеральной политикѣ Гладстона. Вотъ почему мѣры настоящаго кабинета являются уже нѣсколько поздними, и трудно напередъ рѣшить, будутъ-ли онѣ имѣть немедленныя и благотворныя послѣдствія. Но можно съ увѣренностію утверждать, что если бы мѣры Гладстона были приложены раньше, Ирландія не дошла бы теперь до того печальнаго положенія, которое такъ волнуетъ соединенное королевство и обращаетъ на себя вниманіе всей Европы.

*

Редакторъ С. Юрьевъ.
Издатель В. Лавровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ открыта подписка

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ

САМАГО ДЕШЕВАГО ЕЖЕДНЕВНАГО ИЗДАНІЯ

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Газеты русской и заграничной (политической) жизни, литературной, коммерческой, казенныхъ и частныхъ объявленій.

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно въ ФОРМАТѢ столичныхъ и провинціальныхъ большихъ газетъ. Печататься будетъ новымъ отчетливымъ шрифтомъ.

Приступая къ реформѣ нашего изданія по новой **широкой программѣ**, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ о нашемъ **восьмилѣтнемъ опытѣ**, который даетъ намъ право разсчитывать на довѣріе ихъ, даетъ намъ право сказать, что въ этомъ случаѣ читателю прійдется имѣть дѣло не съ новичками въ дѣлѣ изданія газеты. Нашей завѣтной мечтой въ теченіи восьми лѣтъ было создать **типъ ежедневной газеты**, которая бы удовлетворяла **всѣмъ требованіямъ читателя**, къ какому классу общества онъ бы ни принадлежалъ, и которая, по своей цѣнѣ, была бы **доступна** одинаково для всѣхъ классовъ читателей.

Цѣли своей мы не измѣняемъ. Стремленіе наше сосредоточено на той же одной мысли, чтобы за **половинную**, почти, **подписную плату**, противъ прочихъ большихъ газетъ, дать читателю, если не больше, то во всякомъ случаѣ, всѣ то, что онъ имѣетъ въ названныхъ газетахъ. Цѣли нашей мы надѣемся достигнуть; въ этомъ намъ порукой то живое участіе, которое принимаютъ въ изданіи газеты **извѣстныя силы провинціальной русской прессы и ученаго міра.**

Не прибѣгая къ громкимъ рекламамъ и многорѣчивымъ обѣщаніямъ, мы повторимъ уже разъ нами высказанное. Мы употребимъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы, чтобы «Одесскій Листокъ» могъ вполнѣ отвѣчать требованіямъ минуты и чтобы въ глазахъ своихъ читателей онъ имѣлъ значеніе **руководящаго органа, немудрствующаго лукаво**, безъ предвзятыхъ мнѣній и заднихъ цѣлей, освѣщающаго **факты и событія** изъ ежедневной общественной жизни.

Краткое изложеніе фактовъ, всесторонній анализъ и освѣщеніе ихъ, полнота и свѣжесть извѣстій стоятъ у редакціи на первомъ планѣ.

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

I. Правительственныя распоряженія.

Акты, исходящіе отъ высшей законодательной власти. Высочайшія повелѣнія и указы. Производства и увольненія. Правительственныя сообщенія по внутреннимъ и внѣшнимъ вопросамъ. Распоряженія административныхъ властей по разнымъ отраслямъ управленія краемъ. Отчеты правительственныхъ лицъ и учрежденій, имѣющіе общественное значеніе и касающіеся экономической, торговой, сельско-хозяйственной и промышленной жизни Россіи.

II. Внутренній отдѣлъ.

Статьи по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу и касающимся преимущественно городскаго и земскаго хозяйства, сельско-хозяйственной, экономической, торговой и промышленной жизни края.

III. Телеграммы.

«Международнаго» телеграфнаго агентства» и отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ странъ свѣта о важнѣйшихъ политическихъ и другихъ событіяхъ.

IV. Ежедневная хроника.

Заручившись уже сотрудничествомъ лучшихъ мѣстныхъ хроникеровъ и репортеровъ, мы постараемся въ этомъ отдѣлѣ дать читателямъ самый обширный и обстоятельный отчетъ о текущихъ событіяхъ. Сюда войдутъ слѣдующія рубрики: а) всѣ новости дня, выдающіеся случаи и явленія города и предмѣстій, а также городскія происшествія; б) судебные рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и коммерческаго суда, для чего редакція пригласила спеціальнаго стенографа; в) рефераты о засѣданіяхъ городской думы, земскихъ собраній, мѣщанской и ремесленной управъ, общества врачей, разныхъ кредитныхъ учрежденій и другихъ различныхъ обществъ, а равно желѣзнодорожная и пароходная хроника и вообще свѣдѣнія путей сообщенія.

г) «Мимоходомъ» — различныя сцены, слухи и разсказы, схваченныя на улицѣ, бульварѣ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, и

д) Театральная и библіографическая хроника, какъ-то: разборъ новыхъ пьесъ, игры артистовъ, извѣщенія о выходѣ и постановкѣ новыхъ произведеній искусства и краткій отчетъ о новыхъ книгахъ и журналахъ.

V. Внутреннія извѣстія.

Корреспонденціи изъ губернскихъ, уѣздныхъ городовъ, посадовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень преимущественно южнаго края; позаимствованія изъ другихъ столичныхъ, провинціальныхъ и мѣстныхъ газетъ болѣе интересныхъ и выдающихся новостей и фактовъ, касающихся нашей общественной жизни, а также взглядъ другихъ газетъ и журналовъ на крупные вопросы дня.

VI. Заграничныя извѣстія.

Корреспонденціи равно и позаимствованія ихъ иностранныхъ и русскихъ газетъ свѣдѣній, касающихся крупныхъ и выдающихся явленій политической и экономической жизни Европы.

VII. Фельетоны.

Для воскреснаго фельетона редакція заручилась сотрудничествомъ одного изъ выдающихся провинціальныхъ фельетонистовъ. Кромѣ обязательнаго воскреснаго фельетона, редакція будетъ давать по возможности и въ будніе дни фельетоны, смотря по матеріалу,—серьезнаго или юмористическаго содержанія.

VIII. Смѣсь.

Свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, практическіе совѣты изъ популярныхъ научныхъ произведеній почерпнутые; выдающіяся новости изъ области «дамскихъ модъ»; а также все смѣшное, веселое, печальное и серьезное, юмористическія сцены и разсказы въ стихахъ и прозѣ, самостоятельныя и перепечатки.

IX. Коммерческій отдѣлъ.

оммерческія телеграммы и корреспонденціи изъ значительныхъ по торговлѣ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ городовъ. Статьи по вопросамъ экономическимъ, финансовымъ, хозяйственнымъ и промышленно торговымъ. Цѣны на хлѣбъ, шерсть, сахаръ и прочіе товары внутренней и отпускной торговли. Цѣны на кредитныя бумаги и звонкую монету. Извѣстія объ образованіи новыхъ обществъ и компаній съ торговою и промышленною цѣлями и о ликвидаціяхъ.

X. Справочный отдѣлъ.

Въ этомъ отдѣлѣ будемъ помѣщать свѣдѣніе о дѣлахъ назначенныхъ къ разбирательству въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ, городскомъ и уѣздномъ съѣздахъ мировыхъ судей и коммерческомъ судѣ; объ отходѣ и приходѣ пассажирскихъ и товарныхъ пароходовъ и поѣздовъ ж. д.; о прибывающихъ въ г. Одессу и выбывшихъ; адресы главныхъ городскихъ учрежденій и высшихъ должностныхъ лицъ.

XI. Отдѣлъ объявленій.

Объявленія казенныя и частныя на всѣхъ европейскихъ языкахъ **печатаются по весьма умѣренной таксѣ**, а для большаго распространенія объявленій въ публикѣ, **«Листокъ»** во многихъ частяхъ города **расклеивается** на особо устроенныхъ доскахъ, что даетъ возможность каждому желающему безплатно читать, вслѣдствіе чего объявленія достигаютъ скорѣе своей цѣли.

Страницы нашей газеты открыты для всякаго желающаго принести посильную пользу общественнымъ интересамъ путемъ гласнаго печатнаго опубликованія фактовъ и освѣщенія ихъ положительной и отрицательной сторонъ. Редакція проситъ корреспондентовъ, репортеровъ и сторонникъ лицъ, интересующихся успѣхомъ печатнаго слова, сообщить ей о всякомъ выдающимся явленіи въ общественной жизни. Сообщившій можетъ быть вполнѣ увѣренъ, **что фамилія его сохранится редакціей въ глубокой тайнѣ**, если только онъ самъ этого пожелаетъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ ежедневною доставкою на домъ:		**Для иногородныхъ подписчиковъ** съ ежедневною пересылкою по почтѣ:	
Годъ (12 мѣсяцевъ)	**6** р. — к.	Годъ (12 мѣсяцевъ)	**7** р. — к.
Полгода (6 мѣсяцевъ) . .	3 » 50 »	Полгода (6 мѣсяцевъ) . .	4 » — »
Три мѣсяца	2 » — »	Три мѣсяца	3 » — »
Одинъ мѣсяцъ	— » 85 »	Одинъ мѣсяцъ	1 » 20 »

«Одесскій Листокъ» по вышеизложенной программѣ начнетъ выходить въ Декабрѣ мѣсяцѣ текущаго года. Подписавшіеся до Декабря мѣсяца на полученіе газеты въ 1881 году за Декабрь получатъ безплатно.

Подписка на газету принимается въ Одессѣ, въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Дерибасовской и Краснаго переулка, въ домѣ Роте.

Покорнѣйше просятъ гг. иногород. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы четко написанные, съ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится выдача газетъ и изъ которой подписавшійся получаетъ свою корреспонденцію.

Редакторъ-издатель ***В. В. Навроцкій.***

„БУДИЛЬНИКЪ“,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

(Семнадцатый годъ изданія.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

Въ 1881-мъ году «Будильникъ» будетъ выходить, на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большаго формата, отъ 14 до 20 страницъ въ каждой. Такимъ образомъ, въ теченіи года «Будильникъ» дастъ своимъ подписчикамъ: **100 хромолитографированныхъ рисунковъ** (по два въ каждомъ номерѣ), **болѣе ста страницъ мелкихъ каррикатуръ до 1.500 столбцовъ текста.**

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. **Юмористическая лѣтопись русской жизни:** столичная хроника, нравоописательныя и бытовыя корреспонденціи изъ провинціи; каррикатурные портреты героевъ дня.

II. **Обозрѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ** въ юмористическихъ разсказахъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ, фельетонахъ и каррикатурахъ.

III. **Литературная лѣтопись:** новости и курьезы печати; портреты (шаржъ) современныхъ литераторовъ и журналистовъ; статьи полемическаго содержанія.

IV. **Театральная хроника,**—преимущественно московская, художественныя новости: портреты и апотеозы выдающихся артистовъ; «Домашній театръ» «Будильника»: пародіи, фейеріи, арлекинады.

V. **Беллетристика:** повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки и стихотворенія.

VI. **Смѣсь** („**Звоники**“): новости, слухи, памфлеты, анекдоты, каламбуры, остроты, шутки и проч.

VII. **Рисунки и каррикатуры:** гг. *Богданова*, *Грибкова*, *Клана*, *Коренева*, *Лебедева*, *Любовникова*, *Малышева*, *Рачкова*, *Чичагова* и *Чехова*.

VIII. **Рекламы и объявленія**, среди которыхъ помѣщаются анекдоты, мелкія стихотворенія и каррикатуры.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ,

право на полученіе которыхъ предоставляется исключительно годовымъ подписчикамъ:

1) **Альманахъ «Будильника» на 1881 годъ** (3-й годъ изданія), въ который войдутъ, между прочимъ:

а) РЕБУСЪ, за разгадку котораго *до 1-го января 1881 года* редакція «Будильника» объявляетъ *денежную премію* въ 300 рублей,—и б) «Кас-

кадная галлерея»: восемь, въ краскахъ исполненныхъ, рисунковъ *К. Н. Чачалова:* 1) Клерета («Дочь рынка»),—2) Камарго,—3) Габріель («Парижская жизнь»),—4) Серполетта («Корневильскіе колокола»),— 5) Булотта («Синяя борода»),—6) Прекрасная Елена,—7) Периколла и 8) Лянсинъ («Чайный цвѣтокъ»).

Разсылка альманаха гг. подписчикамъ начнется *съ 15 октября текущаго 1880 года*, въ розничную же продажу онъ будетъ выпущенъ (по цѣнѣ 1 р. 50 коп. за экз., съ пересылк. 2 р.)—*не ранѣе первыхъ чиселъ января будущаго 1881 года.*

2) **«Альбомъ Маралы Іерихонскаго»**: 12 юмористическихъ поэмъ, изъ которыхъ каждую будутъ сопровождать большой (форматъ «Будильника») хромолитографированный рисунокъ. — Разсылка листовъ альбома предполагается *ежемѣсячная* (чрезъ каждые три нумера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошуровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка.

3) **«Пикантная исторія»**, олеографія съ картины **Л. Германа**, исполненная (подъ акварель), по заказу редакціи «Будильника», торговымъ домомъ А. и С. **Кауфманъ** въ Берлинѣ.

Желающіе могутъ получить, вмѣсто этой олеографіи, другую—съ картины **Кизля**: «Лѣнивка»; желающіе получить обѣ олеографіи доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, **одинъ рубль**. Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаемы навёрнутыя на скалкѣ.

Подписная цѣна на „Будильникъ“ на 1881 годъ:

	на годъ.	на 6 мѣс.
Въ Москвѣ, безъ доставки.	7 р. — к.	4 р. — к.
» съ доставк. на домъ	8 „ — „	4 „ 50 „
Съ пересылкой на города	9 „ — „	5 „ — „

Подписка принимается: **въ Москвѣ**,—въ конторѣ редакціи (Леонтьевскій пер., домъ Мичинера), у гг. Соловьева, Суворина, Вольфа, Мамонтова, Васильева и друг. книгопродавцевъ; **въ Петербургѣ**—у гг. Исакова, Мелье, Мамонтова, Вольфа, Суворина, Черкесова, Малышева и друг.; **въ провинціи**—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; **въ Парижѣ**—у гг. Гавасъ и К° (Place de la Bourse, 8). Подписныя деньги присылаются **исключительно на имя издательницы, Л. Н. Уткиной**. Гг. подписчики благоволятъ высылать доли рубля—**деньгами**, а не почтовыми марками. Недославшимъ денегъ не будутъ досланы, въ концѣ года, по разсчету, послѣднія нумера журнала. Контора отвѣчаетъ за неисправную доставку журнала подписавшимся у книгопродавцевъ только въ томъ случаѣ, **если ей сообщенъ адресъ подписчика**.

Хотя конторою редакціи «Будильникъ» и приняты всѣ мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, но эта послѣдняя, очевидно, можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если сами гг. подписчики будутъ заявлять свои требованія возможно **заблаговременно** и точно.

Издательница Л. Н. Уткина.

Редакторъ **Н. П. Кичеевъ.**

въ 1881 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

и

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будетъ издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1880 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и 40 №№ «Педагогической хроники»**. Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 руб., съ доставкой и пересылкой 12 руб.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей** выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 9 р., съ достав. и перес. 10 р.

II. **Учебно-воспитательный отдѣлъ** *(для родителей и воспитателей)* выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «Педагогической хроники», выходящей въ количествѣ 40 №№ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 4 р. и съ дост. и перес. 5 р.

Первый отдѣлъ *(для дѣтей)* даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ *(для родителей и воспитателей)* содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему, и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и пр. «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею, и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и школа» (адресъ Почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамилія и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель **К. Краевичъ.**

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

WIDENER
BOOK DUE
OCT 21 1983

JAN - 7 '58 H

OCT 13 1983

CHARGE